ГРУППЫ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ.

№ 1. — ГОДЪ ПЕРВЫЙ. 30 ОКТЯБРЯ 1906 г.

Товарищи

Невозможность издавать анархическую газету въ самой Россіи, въ то время какъ наши воззрѣнія получаютъ тамъ все большее и большее распространеніе и привлекаютъ все новыя силы, побудило нѣсколькихъ товарищей, коммунистовъ анархистовъ, приступить къ изданію за границей новаго органа, Листки „ХЛѢБЪ и ВОЛЯ“.

Наше намѣреніе, при этомъ, основать — не теоретическое обозрѣніе, занятое разработкой и разъясненіемъ основныхъ принциповъ анархизма, а газету, посвященную жизни и дѣятельности русскихъ анархистовъ, на мѣстѣ, въ Россіи, и вообще — задачамъ русскаго революціоннаго движенія, какъ мы ихъ понимаемъ.

Теоретическая сторона анархизма начинаетъ уже выясняться въ Россіи, благодаря довольно большому числу сочиненій по этому предмету, выпущенныхъ за послѣднее время, и число которыхъ, мы надѣемся, будетъ быстро умножаться.

Но передъ каждымъ честнымъ человѣкомъ, стремящимся окунуться въ волны революціонной жизни, охватившей нашу родину, и усомнившимся, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ цѣлесообразности существующихъ политическихъ партій, — возникаетъ множество вопросовъ, на которые онъ не находитъ отвѣта въ теоретической анархической литературѣ. Какъ жить среди внезапно поднявшихся волнъ революціи? Какъ, съ какими основными началами, съ какими цѣлями броситься въ бушующее море страстей? Въ какія отношенія стать къ политическимъ партіямъ, которыя тоже ведутъ отчаянную борьбу противъ защитниковъ самодержавнаго государства и капитализма, и несутъ, также какъ и наши товарищи, тяжелыя утраты? Какъ разобраться, наконецъ, среди различныхъ теченій, намѣчающихся среди самихъ анархистовъ?

Первые бойцы революціи въ Россіи бросились въ борьбу, не ставя себѣ никакихъ другихъ вопросовъ кромѣ одного, — главнаго, великаго вопроса: „Любишь ли ты дѣло освобожденія народа? Ненавидишь ли ты Капитализмъ и Государство, сосущіе вдвоемъ кровь рабочаго, чтобъ создать безпечальное житіе для цѣлыхъ ордъ эксплуататоровъ и чиновниковъ? Готовъ ли ты отдать свою жизнь на борьбу съ ними?“

И все что есть лучшаго въ Россіи, не стараясь даже разобраться въ партіяхъ, шло и геройски отдавало свою жизнь и жизнь своихъ близкихъ для великой борьбы.

Съ единодушіемъ, еще небывалымъ въ исторіи, рабочіе отдавали всю свою энергію на организацію громадныхъ забастовокъ, и голодали со своими женами и дѣтьми — для того, чтобы положить предѣлъ безобразіямъ правящихъ Россіею грабителей и охраняемыхъ ими капиталистовъ. Съ геройствомъ неслыханнымъ гибла наша молодежь, поражая тѣхъ, кто правитъ этими ордами и кормится потомъ и кровью народа. И геройски возставали тамъ и сямъ матросы и солдаты, которые чувствовали, какъ позорно имъ, дѣтямъ народа, стоять за одно съ грабителями и притѣснителями народа.

Безчисленное число жертвъ уже легло въ этой борьбѣ.

Но по мѣрѣ того, какъ развивается русская революція, — передъ революціонерами выясняется громадность и сложность предстоящей борьбы, и выясняются громадныя силы, накопленныя вѣками невѣжества и поднимающіяся теперь противъ народа, противъ его освободителей — на защиту грабителей и эксплуататоровъ, на защиту всего стараго порядка.

Теперь всѣмъ начинаетъ становиться яснымъ, что русская революція не можетъ разрѣшиться кратковременною уличною борьбою. Теперь въ Россіи рѣчь идетъ уже не объ одномъ только сверженіи самодержавія, а о сверженіи **всего стараго порядка**.

Ясно, что въ Россіи столкнулись старый міръ и новый міръ; что русской революціи, рядомъ съ ея русскими задачами, требующими перестройки всего государственнаго и общественнаго строя въ Россіи, — предстоитъ начать также ту великую борьбу, которой ждутъ угнетенные всего міра, — борьбу за освобожденіе человѣчества вообще отъ двойного ига: государства и капитала.

И вотъ, свѣжія, бодрыя силы Россіи рвутся именно въ эту великую борьбу, и спрашиваютъ себя: — „Какъ лучше вести ее? Какъ сдѣлать, чтобы меньше гибло революціонныхъ силъ и чтобы побѣды были крупнѣе? Чтобы результаты, которыхъ добьется русская революція, не сковали бы новыхъ цѣпей, новаго рабства? Чтобы Россія вышла изъ революціи новою, обновленною страною, въ которой крестьяне уже болѣе не будутъ умирать отъ голода, въ которой рабочіе, ихъ дѣти и жены не будутъ болѣе обречены на медленное вымираніе, ради обогащенія кулаковъ промышленности, — страною, въ которой уже болѣе не будетъ рабовъ, смирно гнущихъ шею передъ мундиромъ и нагайкою, но гдѣ милліоны жителей будутъ чувствовать себя, всѣ, равными, не дадутъ верховодить собою новой ордѣ чиновниковъ, и сознаютъ мощь, величіе и власть Труда — страною, наконецъ, готовою къ дальнѣйшему прогрессу на пути созданія вольнаго коммунистическаго общества?“

На эти вопросы, возникающіе передъ каждымъ ис-

тяннымъ революціонеромъ, мы и постараемся отвѣчать, по мѣрѣ силъ.

Но мы напоминаемъ нашимъ русскимъ товарищамъ, что успѣшное выполненіе нашей задачи всецѣло будетъ зависѣть отъ нихъ самихъ. Они должны намъ присылать всевозможныя замѣтки о своей дѣятельности, о о препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ ими на пути, о своихъ наблюденіяхъ, о своихъ сомнѣніяхъ, о своихъ мыслихъ насчетъ будущаго.... Все то, что волнуетъ молодого революціонера — высказанное просто, откровенно — найдетъ глубокій откликъ среди насъ, и если мы можемъ помочь разъясненію сомнѣній, недоразумѣній, разочарованій и т. д., мы сдѣлаемъ это всѣми зависящими отъ насъ средствами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы просимъ нашихъ товарищей въ западной Европѣ и Америкѣ, серіозно помочь намъ распространенію этой газеты въ средѣ заграничныхъ товарищей, и въ особенности въ Россіи. Будемъ пробивать, всѣ, повсюду, китайскую стѣну, которою русское правительство хочетъ оградиться отъ вторженія революціонной мысли.

Приступая къ изданію этого органа русскихъ коммунистовъ-анархистовъ, мы думали, что намъ необходимо предварительно обсудить, какъ можно тщательнѣе, на небольшомъ съѣздѣ, тѣ вопросы практической дѣятельности, которые выдвинула русская жизнь среди нашихъ товарищей въ Россіи. Наши взгляды на эти вопросы мы изложили въ рядѣ докладовъ, написанныхъ нѣсколькими товарищами, и въ рядѣ принятыхъ нами заключеній. Эти заключенія будутъ напечатаны сполна въ первомъ же номерѣ Листковъ; доклады же будутъ печататься въ послѣдующихъ номерахъ нашей газеты, которая будетъ выходить каждыя двѣ недѣли, объемомъ въ 8 страницъ.

Имѣющіеся у насъ доклады касаются слѣдующихъ вопросовъ:

1. Политическая и экономическая революція, П. Кропоткина. 2. О террорѣ Вл. Забрежнева. 3. Вопросы организаціи, М. Корнъ. 4. Работа въ рабочихъ союзахъ, П. Кропоткина. 5. Отношеніе къ другимъ партіямъ, П. Вѣтрова. 6. Всеобщая стачка, М. Изидина.

Эти доклады и заключенія мы предлагаемъ на обсужденіе нашихъ товарищей въ Россіи, и открываемъ часть нашей газеты для обмѣна мыслей по этимъ вопросамъ. У насъ нѣтъ центральныхъ комитетовъ, предписывающихъ, какъ должны дѣйствовать и думать члены партіи. Но мы убѣждены, что среди русскихъ товарищей, какъ всегда бывало уже въ западной Европѣ, — скоро установится, путемъ вольнаго обсужденія, достаточное единство въ пониманіи основныхъ вопросовъ, чтобы личныя разногласія не мѣшали единству дѣйствія, когда нужно бываетъ сосредоточить наличныя силы. Такъ всегда было у западно-европейскихъ анархистовъ — такъ будетъ, навѣрное, и въ Россіи.

Къ этой дружной работѣ мы и призываемъ нашихъ товарищей. Дѣло предстоитъ русской революціи громадное. Задачи ея — грандіозныя. Вездѣ народъ требуетъ людей, готовыхъ служить ему, а не буржуазнымъ идеаламъ. И силы для этого есть. Ихъ много. Нужно только помочь имъ выяснить себѣ истинныя задачи народной революціи, помочь имъ понять самихъ себя и столковаться съ единомышленниками.

Этому мы и посвятимъ наши силы.

За группу П. Кропоткинъ

20 сентября 1906.

Лондонъ 30 октября 1906.

Тяжелую пору переживаетъ теперь Россія. Каждый день полевые суды посылаютъ на смерть по десяти, двадцати человѣкъ, а въ видахъ устрашенія ихъ казнятъ во дворахъ тюремъ, на глазахъ у заключенныхъ.

Бѣлый терроръ въ полномъ разгарѣ, и русское правительство учитъ русскій народъ, не считаться съ человѣческой жизнью, лить кровь своихъ политическихъ противниковъ рѣкою.... истреблять ихъ, не въ одиночку, а гуртомъ....

Аресты совершаются каждый день сотнями, и въ Россіи считаютъ, что въ настоящее время арестовано и сослано уже до 200,000 человѣкъ. Сотнями, сосланные гибнутъ отъ голода и стужи, съ женами и дѣтьми, въ тундрахъ и урманахъ Сѣверной Россіи и Сибири. Тюрьмы переполнены. Шлиссельбургская крѣпость, закрытая на время, снова полна заключенныхъ, обреченныхъ на медленную смерть отъ цынги.

Реакціонеры по всей Россіи получили полную свободу — дѣлать что хотятъ. Они грабятъ, жгутъ, убиваютъ, устраиваютъ погромы, и какія бы звѣрства ни учиняли эти „опричники", они знаютъ, что ихъ уполномоченные будутъ обласканы въ царскомъ дворцѣ, и сколько бы имъ ни понадобилось денегъ, они получатъ ихъ отъ Государственнаго Казначейства, или же отъ тѣхъ, кому нужно удержать за собою право грабить русскій народъ.

Тѣмъ временемъ, господа помѣщики и купцы сплачиваютъ свои ряды. Дворянства уже открыли походъ, даже на самыхъ умѣренныхъ членовъ партіи Народной Свободы въ бывшей Думѣ,

Уныніе овладѣваетъ людьми при видѣ такой силы сопротивленія со стороны отживающаго строя. Насъ упрекали въ преувеличеніи, когда мы говорили, что Россія вступила въ революцію, которая затянется на нѣсколько лѣтъ, и что Первый День Свободы наступитъ у насъ, только послѣ упорной борьбы, въ концѣ этихъ лѣтъ. А между тѣмъ, то что реакція возьметъ верхъ — конечно, на время, — слѣдовало предвидѣть. Безъ этого не обошлась ни одна революція. Старое, вѣковое, въ одинъ день не уничтожишь. Послѣ первыхъ пораженій, оно сплочиваетъ свои ряды и поднимаетъ голову.

Во Франціи, реакція началась уже съ декабря 1789-го года. Въ первые мѣсяцы 1790-го года, она окрѣпла и жестоко стала усмирять крестьянскіе бунты; въ іюнѣ, она казнила смертью за проповѣдь неплатежа крѣпостныхъ повинностей. Лѣтомъ 1790 разстрѣливали народъ въ провинціяхъ, а въ іюлѣ 1791-го года — въ самомъ Парижѣ. Среди революціи, истинному Другу Народу, Марату, дважды пришлось убѣгать въ Англію; тоже самое — даже Дантону....

А революція росла и крѣпла тѣмъ временемъ! И вся эта оргія реакціи ничему непомогла. Въ сентябрѣ 1792-го года, король былъ посаженъ въ тюрьму; начались казни — месть народа, привыкшаго къ казнямъ, за всю пролитую кровь.

Звѣрствами не удержатъ они власти въ Россіи. Правительство, устраивающее подкупомъ массовые грабежи и убійства — уже болѣе не правительство: оно само поетъ себѣ отходную.

Самодержавія въ Россіи уже нѣтъ, и Николай I это знаетъ. Онъ — плѣнникъ во дворцѣ, а Россіею правятъ въ свою голову 80 губернаторовъ, 80 африканскихъ царьковъ. Да и тѣ уже не хозяева у себя, а правитъ у

нихъ, кто палку возьметъ въ руки. Сегодня — такъ, а завтра — иначе....

Россійской имперіи больше нѣтъ. Ее убили царскіе опричники, какъ убили они Московское царство при Иванѣ Грозномъ.

Но нѣтъ болѣе и того русскаго народа, который все терпѣлъ въ былыя времена. Народилась уже новая Россія, думающая Россія, забывшая рабій страхъ, познавшая силу дерзости. Съ нею — черными сотнями не справиться!

Эта новая Россія начинаетъ познавать себя. Она видитъ, что старый міръ — силенъ. И повсемѣстно идетъ теперь работа узнаванія, подбора, сплоченія народныхъ силъ... И ждетъ она отъ насъ — не начальства, не приказовъ отъ центральныхъ комитетовъ, а ждетъ товарищей, которые помогли бы крестьянамъ и рабочимъ совершить эту народную работу подбора силъ.

Въ своемъ юношескомъ задорѣ наши политическія партіи вообразили, что онѣ сами свергнутъ старый порядокъ и поднесутъ народу волю въ подарокъ. Одинъ толчокъ, одно возстаніе, одна битва, — и все рухнетъ, думали они. Всѣ повинны въ этомъ.

Но революція — не военный парадъ. Вызвать бунтъ милліоннаго города — нельзя. Приказать всеобщую забастовку, повелѣть крестьянское возстаніе, поднять народъ нѣсколькими бомбами — невозможно.

Не штабы ведутъ войну, говорилъ Мольтке, и не штабы, и уже конечно не партіи, дѣлаютъ революцію. Безъ народа можно сдѣлать уличный бунтъ, но революціи безъ народа быть не можетъ. Въ Россіи началась вѣдь революція, а не Берлинскій уличный бунтъ.

Выводъ изъ этого — простой. Довольно мы околачивались въ своихъ группахъ; довольно мы говорили о „партіяхъ“, и мелкій, узкій, „партійный интересъ“ ставили превыше всего. Пора выйти на широкій просторъ въ народъ — въ деревнѣ и въ городахъ; быть съ нимъ, и съ нимъ подниматься и побѣждать — во имя того, что дорого народу: Воля и Хлѣбъ. И то и другое – взятое самимъ народомъ, съ боя, на мѣстѣ.

РЕВОЛЮЦІЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ.

Въ №14-омъ Хлѣбъ и Воля были напечатаны рѣшенія небольшого сѣзда, состоявшагося въ декабрѣ 1904 го года, на которомъ нѣсколько товарищей, анархистовъ-коммунистовъ, высказали свои мнѣнія относительно необходимости образованія анархической партіи въ Россіи и вкратцѣ указали основныя начала, на которыхъ партія могла бы сформироваться.

Съ тѣхъ поръ, въ Россіи произошелъ цѣлый рядъ крупныхъ событій, которыя уже въ корень переродили всю жизнь страны и глубоко отзовутся на всей ея дальнѣйшей исторіи. Революція разлилась широкою волною по всей Россіи, Сибири, Польшѣ, Кавказу и т. д., и мы имѣемъ передъ собою почти двухъ-годовой опытъ революціонной жизни. А потому, возобновляя теперь наше временно пріостановленное изданіе и приступая къ изданію Листковъ «Хлѣбъ и Воля», мы сочли нужнымъ собраться въ числѣ нѣсколькихъ товарищей и тщательно обсудить, что далъ намъ опытъ этихъ лѣтъ.

Прежде всего мы отмѣчаемъ, что мы не ошиблись тогда въ нашемъ основномъ положеніи. Переходъ отъ самодержавія къ какой нибудь формѣ представительнаго правленія, къ которому вело все развитіе Европы въ девятнадцатомъ вѣкѣ, и о которомъ заговорила тогда Россія, не совершился у насъ тѣмъ путемъ, какимъ подобный переходъ совершился въ 1848-мъ году въ германскихъ государствахъ, и какъ того ожидали теоретики, воспитанные на нѣмецкой соціальдемократической литературѣ. Онъ идетъ у насъ тѣмъ путемъ, какимъ шелъ въ Англіи, въ 1648 — 1688 годахъ, и во Франціи въ 1789 — 1794, — т. е. путемъ народной революціи, продолжающейся нѣсколько лѣтъ и глубоко измѣняющей существующія отношенія, политическія и экономическія, — революціи, низвергающей Старый Порядокъ и водворяющей Новый.

Требованія, выставленныя народными массами въ Россіи, оказались гораздо шире тѣхъ, которыми довольствовались Берлинскіе рабочіе въ 1848-мъ году. Русскіе городскіе рабочіе уже выставили широкія экономическія требованія и еще не сказали въ этомъ отношеніи своего послѣдняго слова; а крестьяне заявили свое право, не только на тѣ земли, которыя были отняты у нихъ въ 1861-мъ году во время освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но и на всѣ земли, отнятыя раньше у народа, боярами и вельможами, путемъ захвата или царскихъ законовъ.

Программы, которыми хотѣли заранѣе ограничить русскую революцію, полетѣли, такимъ образомъ, какъ карточные домики, едва народъ началъ выступать на борьбу.

Кромѣ того, самыми могучими силами въ русской революціи оказались городскіе рабочіе и крестьяне. Они сразу опередили революціонеровъ изъ имущихъ классовъ. Если самодержавіе пошло уже на уступки, то вынудили эти уступки такія массовыя событія, какъ манифестація 9-го января 1905-го года, почти всеобщія стачки въ маѣ того же года въ Польшѣ, всеобщая забастовка въ октябрѣ, повсемѣстныя волненія въ городахъ, и наконецъ широко разлившіяся крестьянскія возстанія, начавшіяся съ осени 1904-го года и продолжающіяся по сію пору; причемъ очевидно, что глубоко возмущенныя крестьянскія массы не успокоятся, пока не будетъ признано ихъ право на всѣ вышеупомянутыя земли.

Благодаря этому, дѣло русской революціи сразу поставлено такъ, что переворотъ, у насъ, не можетъ ограничиться однимъ измѣненіемъ формъ правленія и замѣной Петергофской дворни представительною Думою. Переворотъ совершается у насъ, экономическій, вмѣстѣ съ политическимъ. И совершается экономическая ломка — не черезъ новыя представительныя учрежденія, — какъ того желали и требовали наши буржуазно-демократическія партіи, а самимъ возстающимъ народомъ.

Сама жизнь доказала, такимъ образомъ, что мы были правы, когда заявляли, два года тому назадъ, что не признаемъ возможнымъ дѣлить борьбу на два послѣдовательныхъ періода: одинъ, для политическаго переворота, а другой — для экономическихъ реформъ, которыя будтобы совершитъ русскій парламентъ. Вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ мы боремся противъ самодержавія; но мы обязаны, вмѣстѣ съ тѣмъ работать, чтобы расширить борьбу и направить ее одновременно противъ капитала и противъ государства.

Мало того. Мы утверждаемъ, что только то и будетъ достигнуто для улучшенія матеріальной жизни крестьянъ и рабочихъ — только то и положитъ конецъ голодовкамъ въ Россіи и вымиранію милліоновъ рускаго народа, — только то дастъ народу возможность двигаться дальше на пути къ полному освобожденію, — чего крестьяне и

рабочіе добьются сами, революціоннымъ путемъ. Волю цари не дарятъ; парламенты ее также не даютъ: ее надо брать самимъ.

Уговаривать, по этому, рабочихъ, чтобы они на время отложили свои экономическія требованія, и увѣрять ихъ, что они всего этого лучше достигнутъ черезъ Думу, — или же увѣрять крестьянъ, что надо бунтовать, чтобы получить Учредительное Собраніе, а оно уже дастъ имъ землю и волю, — въ нашихъ глазахъ преступно. Люди, проповѣдующіе такую тактику, должны были-бы знать, что никогда, нигдѣ, никакой парламентъ, даже во время революціи, не бралъ и не могъ взять на себя совершеніе серьезныхъ экономическихъ преобразованій законодательнымъ путемъ.

Всякій Парламентъ, всякая Дума, всякое Учредительное Собраніе по существу своему, есть сдѣлка между партіями будущаго и партіями прошлаго. А потому, онъ не можетъ принять никакой революціонной мѣры. Самый революціонный парламентъ можетъ только утвердить, узаконить то, что уже будетъ совершено народомъ. Самое большее что онъ можетъ сдѣлать, это — распространить (на бумагѣ, по крайней мѣрѣ) на всю страну то, что сдѣлано уже въ значительной части страны. Но и то бываетъ только подъ давленіемъ извнѣ, и такое распространеніе тогда только и переходитъ въ жизнь когда на мѣстахъ, на дѣлѣ, народъ совершаетъ переворотъ*).

Мы прекрасно знаемъ, что даже при указанныхъ сейчасъ благопріятныхъ условіяхъ, совершающійся въ Россіи переворотъ все-таки не будетъ соціальной революціей. Но онъ можетъ быть шагомъ, облегчающимъ затѣмъ успѣхъ соціальной революціи, если улучшеніе матеріальнаго и правового положенія крестьянъ и рабочихъ будетъ достигнуто революціоннымъ путемъ, а не путемъ законодательныхъ полу-мѣръ.

Если русская революція дѣйствительно приметъ такой характеръ, — а отъ насъ самихъ многое зависитъ въ этомъ отношеніи — въ такомъ случаѣ въ Россіи не создастся той крѣпкой и сильной власти феодально-буржуазнаго государства, которая создалась въ семнадцатомъ вѣкѣ въ Англіи и въ 1848-мъ году въ Германіи, и которая затормозила на долгіе годы дальнѣйшее освобожденіе рабочихъ и крестьянъ.

Если русскіе крестьяне завоюютъ себѣ землю, а также личную и общинную свободу, если они утвердятъ право на землю для всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ воздѣлывать ее своими руками, и заставятъ Думу признать этотъ совершившійся фактъ; если русскіе рабочіе, теперь же, во время начавшейся революціи, завоюютъ условія, дающія имъ возможность обще-человѣческаго развитія, не только уменьшая рабочій день, но и утвердивши свое право и возможность, самимъ, непосредственно завѣдывать промышленностью, — если они осуществятъ только это, а осуществить при теперешнемъ положеніи они могли бы и больше, — тогда, какая бы форма представительнаго правленія ни народилась въ Россіи, она уже не пріобрѣтетъ той власти, которую пріобрѣлъ Наполеонъ I послѣ Революціи, или же Бисмаркъ послѣ уличнаго бунта въ Берлинѣ, побудившаго прусскаго короля созвать Парламетъ. Тогда русскій Парламентъ уже не будетъ могучимъ оплотомъ буржуазіи. Въ худшемъ случаѣ онъ будетъ только мертворожденнымъ учрежденіемъ переходнаго періода.*)

* * *

Опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что нашу конечную цѣль, т. е. разрушеніе капитализма и его вѣрнаго слуги, государства, и замѣну ихъ вольнымъ коммунизмомъ, — мы постоянно должны имѣть въ виду, какъ бы ни было далеко ихъ конечное осуществленіе. Она одна даетъ намъ вѣрную мѣру для оцѣнки всѣхъ совершающихся событій и нашихъ собственныхъ дѣйствій во время революціи.

Но мы поступили бы безумно, если бы мы ограничили свою борьбу исключительно экономическою программою, оставшись безучастными въ совершающейся теперь политической борьбѣ противъ самодержавія. Самодержавіе — одна изъ самыхъ вредныхъ формъ государственности, хотя бы уже потому, что она даетъ государству такія страшныя силы, что борьба противъ нея требуетъ неимовѣрныхъ усилій и жертвъ, — у насъ въ Россіи, она ведется уже полъ-столѣтія, если не больше. Ею держалось крѣпостное рабство, ею доведена крестьянская Россія до ея ужаснаго, нищенскаго состоянія, и ею она держится въ этомъ состояніи; ею поддерживается рабство и экономическая приниженность вездѣ, въ Европѣ. Самодержавная Россія была жандармомъ Европы противъ народныхъ революцій 1848-го года. Она помогала, больше чѣмъ кто либо, задушить соціализмъ 1848-го года, и она же, вмѣстѣ съ Англіей, стояла во главѣ коалиціи противъ революціонной Франціи 1793-го года.

Поэтому, признавая идеаломъ будущаго безгосударственный строй, мы, тѣмъ не менѣе не можемъ оставаться внѣ реальной жизни, въ ожиданіи пришествія новаго строя. Мы боремся не съ отвлеченнымъ понятіемъ о государствѣ, а съ государствами живыми и угнетающими народы. Оттого наши товарищи въ западной Европѣ и Америкѣ, — зная, что какую бы личину ни принимала государственная власть, она всегда является защитникомъ интересовъ земельныхъ, промышленныхъ, торговыхъ и биржевыхъ эксплуататоровъ, — находятся съ нею въ постоянной борьбѣ, какую бы форму она ни принимала.

Тѣмъ больше обязательно намъ бороться противъ государственной власти въ Россіи, гдѣ, благодаря цѣлому

---

*) Самый революціонный парламентъ въ исторіи былъ Конвентъ, избранный во Франціи, въ сентябрѣ 1792 года, тотчасъ послѣ того, какъ народъ Парижа взялъ королевскій дворецъ и засадилъ короля въ тюрьму. Этотъ Конвентъ призналъ, въ іюнѣ и въ іюлѣ 1793 года, уничтоженіе, безъ выкупа, всѣхъ крѣпостныхъ (феодальныхъ) правъ, и возвратъ сельскимъ общинамъ земель, отнятыхъ у нихъ помѣщиками за предыдущіе 225 лѣтъ, — послѣ того какъ крестьяне совершили уже и то и другое на дѣлѣ, въ большей половинѣ Франціи. Но — чтобы добиться этихъ двухъ законовъ отъ Конвента, революціонной части Конвента пришлось, 31 мая 1793 года, поднять Парижскій народъ противъ Конвента, при помощи Парижской Коммуны, заарестовать другую часть Конвента, т. е. 214 членовъ, изъ которыхъ 34 были объявлены внѣ закона и казнены, а 180 засажены въ тюрьму. И это — для того чтобы провести такое явно справедливое рѣшеніе, которое въ части Франціи крестьяне уже сами провели и совершили.

*) Вспомнимъ, что во Франціи, во время Великой Революціи, несмотря на невѣроятное истощеніе, въ которое повергли ее войны, объявленныя ей всѣми монархіями (въ революціонныхъ войнахъ погибло болѣе милліона самыхъ отважныхъ людей), — несмотря на отчаянную реакцію, ставшую возможной въ силу такого истощенія, — феодально-буржуазныя правительства Бурбоновъ и Орлеановъ не могли продержаться болѣе 15 — 18 лѣтъ. Революціи повторялись каждые 15 — 18 лѣтъ. Франція пережила уже одну соціалистическую революцію (1848) и одну коммуналистическую (1871).

ряду историческихъ условій, самодержавіе является не только врагомъ всякой личной свободы человѣка, но и созидателемъ и охранителемъ самыхъ ужасныхъ формъ эксплуатаціи народнаго труда, и вмѣстѣ съ тѣмъ формою, навязанною русскому народу извнѣ.

Вообще, историческая жизнь идетъ не по клѣточкамъ, на которыя разграфили ее всякіе теоретики. И если политическая форма, которая заступитъ въ Россіи мѣсто самодержавія, будетъ та или другая форма представительнаго правленія, — изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы русскія представительныя учрежденія непремѣнно должны были быть сколкомъ съ прусскаго или нѣмецкаго имперскаго парламента. Если русскому народу удастся теперь же подрѣзать крылья капитализму и земельной аристократіи, то онъ этимъ самымъ уже подрѣжетъ крылья и государственной власти. Онъ сдѣлаетъ феодально-буржуазный парламентъ, на нѣмецкій манеръ, невозможнымъ; но онъ сдѣлаетъ невозможной и централизованную республику, на манеръ французской. А если народному возстанію въ Россіи удастся подрѣзать власть центральнаго правительства, и отвоевать у него многое изъ того, что въ западной Европѣ считается достояніемъ министерскихъ чиновниковъ; если русскій народъ отвоюетъ себѣ широкія права экомомическія и политическія въ общинѣ, въ сельскомъ обществѣ, въ волости и въ области; если народъ возьметъ самъ въ свои руки завѣдываніе хозяйствомъ, продовольствіемъ, образованіемъ, путями сообщенія, рудниками и т. д. — отнявши всѣ эти области у петербургскихъ чиновниковъ, — то и русское государство, какимъ оно сложится послѣ революціи, получитъ совершенно другой характеръ, чѣмъ оно получило послѣ революціи въ Англіи, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ. И, въ силу этого, русскому народу будетъ облегчена дальнѣйшая борьба съ капитализмомъ.

Вообще, наши теоретики соціалисты слишкомъ поторопились рѣшить, что Россія непремѣнно должна пройти черезъ періодъ точь въ точь такого же парламента, какой получили нѣмцы. Германія еще не переживала революціи. Ея конституція — октропированныя, т. е. дарованныя королями, напуганными французской революціей 1848 года; онѣ — не плодъ революціи.

Мы можемъ, поэтому, смѣло утверждать, что отъ степени энергіи, которую проявятъ въ теперешней революціи крайнія противу-государственныя партіи, — будетъ зависѣть большая или меньшая сила государственной власти, т. е. чиновничества, въ Россіи, а также большая или меньшая подчиненность личности и большая или меньшая политическая свобода, которую завоюетъ Россія. А вмѣстѣ съ тѣмъ и прочность владычества буржуазіи.

Если анархисты и сродные имъ элементы предоставятъ все дѣло политическаго переворота въ руки буржуазныхъ якобинцевъ и ихъ естественныхъ союзниковъ — соціалъ-демократовъ, мечтающихъ о диктатурѣ своей партіи, — то они измѣнятъ народному дѣлу, и ихъ бездѣйствіе отзовется на весь дальнѣйшій ходъ исторіи. Анархическое пониманіе политическихъ отношеній настолько сродно русской жизни, а государственная, т. е. чиновничья централизація настолько чужда и противна русской жизни и русскому складу ума, что въ этомъ отношеніи намъ предстоитъ громадная работа, лишь бы среди анархистовъ нашлись и около нихъ сгруппировались люди, понимающіе всю важность этой работы — именно въ настоящую минуту, когда централизаторы и чиновники всѣхъ лагерей хотятъ утвердить свою власть на развалинахъ власти, терземой гнилымъ самодержавнымъ строемъ.

Въ Думѣ намъ дѣлать нечего. Въ лагерь правящихъ мы не пойдемъ. Давать наши силы на дѣло созиданія государственной силы мы не станемъ. У насъ есть своя работа. Но мы измѣнили бы своей программѣ, если бы, на томъ основаніи, что Дума не есть анархическая форма политическихъ отношеній, мы отошли въ сторону и перестали интересоваться ея дѣйствіями. Напротивъ того, и до созыва думы и послѣ, мы обязаны разъяснять еще неясныя можетъ-быть требованія и желанія самостоятельности среди народа, упорно отстаивать ихъ, проводить ихъ въ жизнь, требовать ихъ признанія отъ желающихъ идти въ Думу и, какъ бы думцы ни вздумали рѣшать вопросы народной жизни, мы должны настаивать на слѣдующемъ:

Земля — вся земля — народу, тѣмъ кто самъ обрабатываетъ ее. Не въ личное владѣніе, какъ это сдѣлали буржуазные парламенты французской революціи — а въ общинное. И передача дѣла распредѣленія земли не въ руки Министерства Государственныхъ Имуществъ, хотя бы и соціальдемократическаго, а самихъ общинъ и союзовъ общинъ.

Фабрики, заводы, угольныя копи, желѣзныя дороги — не Министерству Труда, а самимъ рабочимъ, которые на нихъ работаютъ, съорганизованнымъ въ вольные союзы.

Почту и почтовыя сообщенія — не Почтовому Директору, а тѣмъ, которые въ данное время совершаютъ реально, на дѣлѣ, всю почтовую работу на мѣстахъ.

Образованіе народа — не Боголѣповымъ, одѣтымъ въ новые мундиры — а самому народу, самимъ крестьянамъ и рабочимъ, самимъ жителямъ, организующимся для этого въ Образовательные союзы.

И такъ — во всѣхъ вопросахъ. По каждому изъ нихъ мы должны стоять съ народомъ, и объ руку съ нимъ бороться противъ централизаторскихъ якобинскихъ стремленій буржуазіи и соціаль-теоретиковъ.

И чѣмъ сильнѣе выступимъ мы на защиту нашихъ началъ въ каждомъ практическомъ вопросѣ, — именно теперь, въ эту пору всеобщей ломки, — тѣмъ больше сдѣлаемъ мы для дальнѣйшаго развитія Анархизма. Революція открываетъ намъ возможность выступить изъ области теоріи въ практическую агитацію. Постыдно было бы уклониться отъ этой обязанности.

Еще нѣсколько словъ.

Присматриваясь къ тому, что до сихъ поръ дѣлали въ Россіи анархисты, мы должны признать, что нашими товарищами едва ли была понята вся важность предстоящей намъ задачи.

Много личнаго геройства было проявлено за эти два года. Но все оно проявлялось такъ, какъ будто мы думали, что стоитъ только отдѣльнымъ лицамъ смѣло объявить войну старому порядку, совершить нѣсколько актовъ террора и отнятія денегъ у богатыхъ, чтобы народъ возсталъ, свергнулъ немедленно старый строй и приступилъ къ коммунистической экспропріаціи богатствъ. Дѣло революціи, однако, не такъ просто. Безъ народа, безъ массы не можетъ быть революціи. Но массы, — если геройскіе акты и заставляютъ ихъ задумываться — все-таки не поднимаются, если внутри ихъ не сдѣлано серьезной, предварительной агитаціонной работы.

Вообще, анархистамъ, въ русской революціи предстоитъ работа, гораздо болѣе серьезная, — смѣло скажемъ болѣе великая, чѣмъ работа одинокихъ аванпостовъ, завязывающихъ перестрѣлку. Мы должны стать ре-

волюціонной силой, народной силой, которая была бы способна помочь народу, чтобы проложить новые пути въ революціонной перестройкѣ всей русской жизни.

Намъ предстоитъ, не только совершить нѣсколько подвиговъ личнаго геройства. Намъ предстоитъ, вмѣстѣ съ массою русскаго народа найти то, чего не нашли еще анархисты 1793-го года*) — а именно, найти новые пути, создать новыя формы народнаго политическаго союза, которыя положили бы начала вольной, безгосударственной, федеративной жизни.

Франція, въ своей революціи, выступила на путь экономическаго уравненія. Соединенные Штаты, въ революціи 1773 года, указали путь федерализма. Россіи предстоитъ теперь совершить туже революцію и проложить при этомъ новые пути, — экономическаго федерализма, соединеннаго съ обезпеченіемъ свободы личности.

И что бы ни вышло изъ Русской Революціи, зачатки такого новаго развитія должны быть положены въ ней. Но положить ихъ, лежитъ на насъ, анархистахъ. Иначе мы окажемся ниже требованій, поставленныхъ намъ исторіею, ниже задачъ, поставленныхъ самою нашею партіею. А чтобы выполнить эту задачу, мы должны выйти изъ нашей изолированности, понять нашу великую историческую миссію, и всегда, вездѣ, мы должны быть съ народомъ, среди народа.

П. Кропоткинъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЯ СЪѢЗДА.

I. — Политическая и экономическая революція.

1. — Наша цѣль — соціальная революція, т. е. полное уничтоженіе Капитализма и Государства, и замѣна ихъ Анархическимъ Коммунизмомъ. Эту конечную цѣль мы всегда должны имѣть въ виду, и ею мы должны руководиться въ оцѣнкѣ совершающихся событій.

Характеръ революціи, начавшейся въ Россіи, уже опредѣлился. Она происходитъ не въ видѣ уличнаго бунта, ведущаго къ созыву парламента, а въ видѣ народной революціи, которая продлится нѣсколько лѣтъ, низвергнетъ старый порядокъ вообще и глубоко измѣнитъ всѣ экономическія отношенія, вмѣстѣ съ политическимъ строемъ.

Въ обоихъ этихъ направленіяхъ мы и должны вести борьбу противъ стараго строя. Дѣлить ее во времени на два періода: одинъ для полученія представительнаго правленія, а другой — для полученія экономическихъ реформъ, — мы считаемъ положительно невозможнымъ. Мы утверждаемъ, наоборотъ, что народъ только то и получитъ отъ революціи, въ области экономической, что онъ самъ возьметъ революціоннымъ путемъ. Самое „революціонное“ Учредительное Собраніе будетъ только сдѣлкою между старымъ порядкомъ и новымъ, и сможетъ только утвердить на бумагѣ то, что народъ сдѣлаетъ на дѣлѣ.

Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мы могли относиться безучастно къ борьбѣ, ведущейся теперь противъ самодержавія. Мы боремся противъ Государства, но не въ отвлеченной идеѣ, а въ тѣхъ формахъ, которыя оно принимаетъ въ жизни народовъ. Поэтому, мы боремся противъ него всегда и вездѣ, и очевидно не можемъ не бороться противъ самаго худшаго его воплощенія — самодержавія, которое представляетъ собою самую сильную и самую стойкую форму государства, — самый сильный оплотъ крупнаго землевладѣнія и капитализма — самое ужасное орудіе богатыхъ и властныхъ для доведенія народа до нищеты и духовнаго рабства.

Чѣмъ сильнѣе — именно теперь — будетъ наша борьба противъ русскаго самодержавнаго государства, тѣмъ больше будетъ доля народа, а вмѣстѣ съ народомъ — и наша доля въ ниспроверженіи теперешняго самовластья опричниковъ, — тѣмъ слабѣе будетъ та новая форма государственнаго гнета, которая можетъ создаться на развалинахъ самодержавія.

Если мѣсто самодержавія заступитъ всероссійскій парламентъ, то чѣмъ сильнѣе выступятъ народныя массы въ сверженіи самодержавія, и чѣмъ больше будетъ ихъ участіе въ созиданіи новыхъ, мѣстныхъ формъ жизни страны, — тѣмъ слабѣе будетъ власть буржуазіи и помѣщиковъ въ парламентѣ, и тѣмъ легче будетъ вести дальнѣйшую борьбу.

Въ Думѣ намъ дѣлать нечего: у насъ есть своя работа. Но наша работа — вовсе не въ томъ, чтобы бороться противъ сторонниковъ Думы, которые борятся съ самодержавіемъ. Наше дѣло — въ томъ, чтобы проводить въ народныя массы идею захвата народомъ всего того что нужно для жизни и производства — земли, фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. — и бороться, вмѣстѣ съ народомъ, противъ мѣръ, которыя законодатели захотятъ принять въ интересахъ капитализма и государственной централизаціи.

Наше мѣсто всегда, вездѣ — среди народа, вмѣстѣ съ народомъ, чтобы Русская Революція была шагомъ впередъ сравнительно съ революціей французской и американской.

II. — О грабежѣ и экспропріаціи.

На нашемъ съѣздѣ мы тщательно обсуждали вопросъ о такъ называемой „экспропріаціи“, личной и групповой, и собирались изложить наши мысли въ видѣ докладовъ и заключеній.

Мы хотѣли указать на необходимость удержать слово „экспропріація“ для такого насильственнаго отчужденія земли, фабрикъ, заводовъ, домовъ и т. д., которое производится цѣлымъ обществомъ — сельскимъ, городскимъ и т. д. — въ интересахъ всей деревни, города, области или народа; а не употреблять его для обозначенія актовъ личнаго или группового присвоенія средствъ, — хотя бы и въ видахъ революціонныхъ.

Стремясь къ экспропріаціи земли и всѣхъ средствъ производства русскимъ народомъ, намъ не слѣдуетъ, думали мы, заранѣе съуживать смыслъ этой великой идеи — основѣ всего коммунистическаго міросозерцанія.

Мы хотѣли также указать на опасность, которая представилась бы для всякой революціонной партіи — тѣмъ болѣе, во время революціи — если бы захватъ денегъ, гдѣ попало, хотя бы и на строго революціонныя дѣла, вошелъ въ программу дѣятельности партіи и черезъ то получилъ бы широкое распространеніе. Признавая вполнѣ всѣ необходимости боевого времени, мы хотѣли показать, какъ умноженіе актовъ грабежа всегда деморализовало арміи, допускавшія его,, какъ средство жизни въ непрія-

*) „Анархисты“ было ходячее слово въ 1793 году. Такъ называли крайнія партіи, которыя на дѣлѣ совершали революцію въ пользу бѣдныхъ, на мѣстахъ, преимущественно черезъ посредство мѣстныхъ Народныхъ Обществъ.

тельской странѣ; и мы хотѣли напомнить, какъ во время Великой Французской революціи дѣло дошло до того, что вокругъ крайнихъ революціонныхъ партій, имѣвшихъ въ виду общее благо, развилось такое множество людей преслѣдовавшихъ цѣли личной наживы, — что общественное мнѣніе наконецъ не могло разбираться между тѣми и другими. Этимъ и воспользовались, конечно, сперва умѣренныя, а потомъ реакціонныя партіи, чтобы поднять общественное мнѣніе трудящагося народа противъ крайнихъ революціонеровъ, и задушить ихъ, а съ ними — задушить и Революцію вообще.

Мѣ хотѣли изложить эти и другія соображенія.

Но за послѣднія двѣ-три недѣли, дѣла въ Россіи приняли опять новый оборотъ. Царское правительство ввело военно-полевые суды, и эти суды принялись безпощадно казнить всѣхъ революціонеровъ, обрушиваясь съ особою яростью, на тѣхъ, которыхъ захватываютъ на грабежѣ, или только подозрѣваютъ въ соучастіи

Каждодневно, повсемѣстно идутъ казни, и въ тюрьмахъ вѣшаютъ безъ конца, даже юношей, безъ всякаго суда и разбора, утверждая, что вѣшаютъ за грабежъ. И каждый день геройски умираютъ революціонеры, отдавая свои молодыя жизни за дѣло освобожденія русскаго народа.

Спокойно разсуждать теперь, о томъ насколько цѣлесообразно для революціи грабить государственныя и общественныя учрежденія, — нѣтъ никакой возможности. Когда правительство свирѣпо набрасывается и казнитъ безъ разбора за грабежъ, а само, вмѣстѣ съ тѣмъ прямо, открыто организуетъ разбои, грабежъ и убійство на улицахъ черезъ черныя сотни; когда погромы и разграбленія евреевъ организуются даже въ министерствахъ съ одобренія петергофскаго дворца, а у убиваемыхъ черносотенцами нѣтъ даже оружія для самозащиты — въ такихъ условіяхъ разсужденія безсильны. Дѣйствуя такимъ образомъ, правительство, само толкаетъ всѣхъ на всеобщій грабежъ и заранѣе оправдываетъ всякое насиліе.

Все что мы можемъ сдѣлать, поэтому, это — напомнить товарищамъ, что ни при какихъ обстоятельствахъ мы не должны упускать главныхъ, великихъ задачъ Революціи.

Понятно, что когда между чиновничествомъ, окружающимъ самодержавный престолъ, и русскимъ народомъ началась война на жизнь и смерть, и когда правители Россіи не останавливаются даже передъ такими средствами, какъ вѣшанье малолѣтнихъ безъ суда, какъ избіеніе женщинъ и дѣтей на улицахъ и организація грабежа и погромовъ государственными средствами, — при такихъ условіяхъ, о нравственныхъ началахъ трудно разсуждать.

Но, все-таки, главная, всемогущая, все-побѣждающая сила Революціи — не въ ея матеріальныхъ средствахъ. Матеріально, всякая революція слабѣе Государства, такъ какъ всякая революція дѣлается меньшинствомъ. Главная сила революціи — въ ея нравственномъ величіи, въ величіи преслѣдуемыхъ ею цѣлей для блага всего народа, въ сочувствіи, которое она встрѣчаетъ въ массахъ, во впечатлѣніи, которое она производитъ на милліоны людей, — въ ея обаяніи. А эта сила всецѣло зависитъ отъ началъ, проводимыхъ ею въ жизнь.

Безъ этой нравственной силы, никакая революція никогда не была бы возможна. Ее — мы и должны беречь больше всего, — каковы бы ни были минутныя условія борьбы.

А сохранить эту нравственную силу Революціи мы можемъ только тогда, если будемъ помнить, всегда и вездѣ, какъ это и дѣлаютъ повсемѣстно русскіе крестьяне, что цѣль революціи — не переходъ богатствъ изъ однихъ частныхъ рукъ въ другія, — а переходъ ихъ изъ частныхъ рукъ въ руки общества, массы народа.

Къ этой высокой общественной цѣли и должны мы стремиться прежде всего, помня, что достичь ея нельзя въ одиночку; что для этого нужно совмѣстное дѣйствіе массъ народа; и что поэтому нужно строго беречь нравственный обликъ, съ которымъ русскій революціонеръ до сихъ поръ всегда являлся передъ русскимъ народомъ.

III. — Объ актахъ личнаго и коллективнаго протеста.

Въ нашей литературѣ неоднократно указывалось на неизбѣжность тѣхъ актовъ индивидуальнаго или коллективнаго протеста противъ опоръ современнаго общественнаго строя, к торые носятъ названіе террора. Въ не революціонное время они служатъ часто признакомъ общественнаго пробужденія и поднимаютъ духъ независимости въ массѣ. Они подаютъ примѣръ личнаго геройства на служеніи общественному дѣлу и тѣмъ самымъ будятъ равнодушное большинство; вмѣстѣ съ тѣмъ они подрываютъ вѣру въ могущество политическихъ и экономическихъ угнетателей. Въ революціонную же эпоху они становятся общимъ явленіемъ, и не одинѣ только исключительно героическія личности отвѣчаютъ вооруженнымъ отпоромъ на давящій ихъ гнетъ. Въ такое время не нужно даже быть принципіальнымъ революціонеромъ, чтобы сочувствовать этого рода актамъ. Но, признавая это общее положеніе, необходимо однако помнить, что значеніе каждаго террористическаго акта измѣряется его результатами и производимымъ имъ впечатлѣніемъ.

Это соображеніе можетъ служить мѣриломъ того какого рода акты содѣйствуютъ революціи, и какіе могутъ оказаться напрасной тратой жизней и силъ. Первое условіе, которое ставитъ жизнь, это — чтобы данный террористическій актъ былъ понятенъ всякому безъ длинныхъ объясненій и сложной мотивировки. Есть личности, настолько извѣстныя своею дѣятельностью все равно, въ цѣлой ли странѣ или среди населенія данной мѣстности), что при извѣстіи о нападеніи на нихъ каждому тотчасъ же, безъ помощи революціонныхъ изданій, вспоминается ихъ прошлое, и террористическій актъ представляется совершенно яснымъ. Если же для пониманія даннаго акта, человѣку изъ массы, не революціонеру, приходится продѣлать цѣлую головоломную работу, то вліяніе его сводится на нуль, или даже оказывается отрицательнымъ; актъ протеста превращается тогда въ глазахъ массы въ непонятное убійство.

Дѣленіе террора на политическій и экономическій, на центральный или „разлитой“, мы находимъ совершенно искуственнымъ. Мы боремся одинаково съ экономическимъ и политическимъ гнетомъ, съ гнетомъ центральнаго правительства, какъ и съ гнетомъ мѣстной власти.

Есть въ вопросѣ о террорѣ другая сторона — организаціонная. Мы считаемъ, что террористическій актъ есть дѣло рѣшимости отдѣльной личности или кружка помогающихъ ей товарищей; поэтому централизованный терроръ, въ которомъ дѣйствующая личность играетъ роль исполнителя чужихъ рѣшеній, противенъ нашимъ понятіямъ. Какъ мы не считаемъ возможнымъ удерживать товарищей отъ революціонныхъ актовъ во имя партійной дисциплины, такъ точно мы не считаемъ возможнымъ и

приглашать ихъ отдать свою жизнь въ дѣлѣ, которое рѣшено и предпринято не ими.

Главное различіе по вопросу о террорѣ между нами и политическими партіями заключается въ томъ, что мы вовсе не думаемъ, чтобы терроръ могъ служить средствомъ для измѣненія существующаго порядка, а видимъ въ немъ только проявленіе совершенно естественнаго чувства возмущенной совѣсти, или же самозащиты, которое, именно вслѣдствіе этого, и имѣетъ агитаціонное значеніе, способствуя развитію такого же чувства возмущенія среди народа.

IV — Вопросъ объ организаціи.

Русскіе коммунисты-анархисты, отрицая, подобно ихъ западноевропейскимъ товарищамъ, всякія формы іерархической (лѣстничной) организаціи, свойственныя партіямъ соціалистовъ государственниковъ, стремятся осуществить въ своей средѣ другой типъ организаціи на основѣ свободнаго соглашенія независимыхъ группъ между собою.

Необходимымъ условіемъ прочности и успѣшности такого рода организаціи является тѣсная связь всѣхъ членовъ внутри каждой отдѣльной группы, а потому полезнѣе имѣть въ городахъ и большихъ селеніяхъ нѣсколько меньшихъ группъ, объединенныхъ въ федераціи, чѣмъ одну большую группу.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльныя группы берутъ на себя какія нибудь спеціальныя обязанности, онѣ ни въ какомъ случаѣ не становятся комитетами, такъ какъ ихъ рѣшенія не обязательны для другихъ группъ, если онѣ съ ними несогласны.

Связь между отдѣльными группами лучше всего достигается — не черезъ посредство постоянныхъ комитетовъ, заранѣе выбираемыхъ для управленія всѣми разнообразными дѣлами федераціи. Такіе комитеты всегда стремятся стать, и очень скоро становятся, какъ и всякое правительство, тормазомъ дальнѣйшаго развитія.

Гораздо лучшая связь между группами, какъ доказано опытомъ, можетъ быть достигнута путемъ особыхъ совѣщаній, созываемыхъ группами періодически въ извѣстные промежутки времени, или же по каждому данному вопросу, выдвигаемому самой жизнью, — причемъ такія совѣщанія составляются изъ товарищей, посылаемыхъ своими группами ради данной спеціальной цѣли, и ихъ постановленія не обязательны для группъ, а могутъ быть приняты или отвергнуты ими.

Этотъ способъ организаціи лучше предохраняетъ отъ расколовъ въ партіи, чѣмъ обыкновенный способъ іерархическихъ организацій, и многолѣтній опытъ доказалъ, что вопреки господствующему мнѣнію, — между многочисленными свободными анархическими группами легче достигается соглашеніе и единство въ дѣйствіяхъ. Несмотря на отсутствіе партійной дисциплины и принужденія, различіе мнѣній по частнымъ вопросамъ не мѣшаетъ соглашенію на практической дѣятельности, — причемъ среди анархистовъ удерживается самая драгоцѣнная черта въ революціонные періоды — именно способность личнаго почина.

Между тѣмъ, въ организаціяхъ лѣстничныхъ, покоряющихся центральной власти, соглашеніе бываетъ только кажущееся, и „дисциплина" покупается многолѣтними внутренними разногласіями, при которыхъ несогласныя фракціи парализуютъ дѣятельность другъ-друга, и то что давно отжило свое время и должно было-бы уже исчезнуть, искуственно поддерживается дисциплиной и мертвитъ партію.

V. — О рабочихъ союзахъ.

Въ Россіи, какъ и вездѣ, среди анархистовъ возникаетъ вопросъ, нужно ли намъ принимать живое участіе въ рабочихъ организаціяхъ. Вопросъ этотъ, какъ показалъ опытъ Западной Европы, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Среди рабочихъ всего міра идетъ въ настоящее время глубокое движеніе, имѣющее цѣлью создать громадную организацію, охватывающую всѣ классы рабочихъ и организованную интернаціонально, внѣ всякихъ политическихъ партій. Другими словами, рабочіе стремятся возродить Интернаціоналъ шестидесятыхъ годовъ въ той формѣ, въ какой онъ существовалъ до тѣхъ поръ пока интриги нѣмецкихъ соціальдемократовъ, желавшихъ обратить Интернаціоналъ въ политическую партію, не парализовалъ могучую рабочую организацію.

Рабочіе понимаютъ, что при наступленіи революціи, имъ придется сыграть главную роль, и что они, одни, въ силахъ будутъ придать ей характеръ революціи соціальной. Они понимаютъ также, что могучіе профессіональные союзы, охватывающіе международно всѣхъ рабочихъ данной отрасли труда, представляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, кадры, изъ которыхъ начнетъ вырабатываться будущій строй.

Соціальдемократы смотрятъ на рабочіе союзы, какъ на подспорье политической борьбѣ; анархисты же смотрятъ на нихъ какъ на естественные органы прямой борьбы съ капиталомъ и для склада будущаго строя — органы необходимые сами по себѣ, для своихъ, рабочихъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи, въ Западной Европѣ, анархисты достигли уже значительныхъ успѣховъ. Не менѣе успѣшна также наша пропаганда всеобщей стачки, которая быстро распространяется среди рабочихъ союзовъ въ Европѣ, въ Америкѣ и даже въ Австраліи*).

Значеніе всеобщей стачки для Россіи мы всѣ могли оцѣнить въ прошломъ Октябрѣ, когда даже невѣрующіе должны были убѣдиться въ ея революціонномъ могуществѣ. Но еще нужнѣе окажутся рабочіе союзы въ ближайшемъ будущемъ. Съ созывомъ Думы, многія революціонныя силы отвлекутся на созиданіе буржуазнаго строя, и рабочимъ союзамъ придется выступать, все болѣе и болѣе, какъ силѣ соціалистической или коммунистической, полагаясь лишь на самихъ себя.

Въ виду этого мы думаемъ, что мы обязаны принимать дѣятельное участіе въ жизни рабочихъ союзовъ, — не давать ихъ эксплуатировать политическимъ партіямъ и вносить въ нихъ революціонную мысль вообще, стремясь создать изъ нихъ ту силу, которая могла бы приступить къ планомѣрной массовой экспропріаціи.

Въ практикѣ передъ нами возникаетъ вопросъ, — вступать ли анархистамъ въ рабочіе союзы, уже существующіе — или же стремиться создавать новые союзы на анархическихъ началахъ?

Прежде чѣмъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы хотѣли бы провѣрить наши соображенія результатами работы мѣстныхъ людей въ Россіи. Мы думаемъ, однако, что вездѣ гдѣ окажется возможность, анархистамъ слѣдовало бы создавать новые рабочіе, анархическіе союзы, кото-

*) Если она не была начата во Франціи прошлаго 1-го мая, то этому помѣшало тревожное состояніе Европы. Французскіе рабочіе чувствовали, что съ минуты на минуту могла вспыхнуть война Франціи и Германіи, на которую Францію толкала Англія.

рые могли бы вступать въ федеративныя отношенія съ другими союзами той же отрасли труда. Тамъ же, гдѣ существуютъ союзы безпартійнаго характера, тамъ, анархистамъ слѣдовало бы вступать въ нихъ.

VI — Всеобщая стачка.

Въ настоящее время мы можемъ смѣло сказать, что всеобщая стачка, на которую нашими западно европейскими товарищами неустано указывалось за послѣдніе годы, какъ на средство правильно поставить начинающуюся революцію, дѣйствительно оказалась могучимъ орудіемъ борьбы, и что въ такіе моменты какъ переживаемый нынѣ Россіею, она можетъ происходить съ единодушіемъ и всеобщностью, которыя прежде не считались возможными.

Мы думаемъ поэтому, что всеобщая стачка и впредь должна считаться нами могучимъ средствомъ борьбы.

Принимая однако во вниманіе опытъ прошлой зимы, мы должны помнить, что всеобщая стачка не есть средство, къ которому можно прибѣгать по волѣ центральныхъ комитетовъ, и которую можно вызвать во всякое время простымъ постановленіемъ большинства рабочихъ делегатовъ. Не говоря уже о томъ что всеобщая стачка сопряжена для рабочихъ массъ съ невыразимыми лишеніями и страданіями, и уже по этому одному, рабочіе могутъ прибѣгать къ ней только черезъ долгіе промежутки времени, — вообще забастовка только тогда можетъ быть успѣшна, когда она вытекаетъ изъ желанія громаднаго большинства рабочей массы. Если, вообще говоря, рѣшеніе вопросовъ небольшимъ большинствомъ представителей есть плохое средство, то въ данномъ случаѣ оно совершенно неприложимо, и всякая попытка навязать рабочимъ всеобщую стачку въ цѣляхъ борьбы съ самодержавіемъ можетъ повести только къ жестокимъ потерямъ, пораженію и разочарованію, — если потребность во всеобщей забастовкѣ не сознается въ извѣстную минуту значительною массою рабочихъ.

Прибавимъ еще, что хотя всеобщая забастовка и оказывается хорошимъ средствомъ борьбы, она не избавляетъ прибѣгнувшій къ ней народъ отъ необходимости вооруженной борьбы съ господствующимъ строемъ.

Еще разъ подтверждая всю важность всеобщей стачки, мы указываемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на необходимость, одновременно не упускать изъ вида обязательно-необходимой подготовительной работы, — въ средѣ крестьянъ и рабочихъ, въ виду немедленнаго использованія первыхъ же результатовъ побѣдъ, одержанныхъ путемъ всеобщей стачки, съ тѣмъ чтобы не дожидаясь дальнѣйшаго развитія событій, немедленно приступать къ экспропріаціи земли, орудій производства и средствъ потребленія, хотя бы въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и городахъ, гдѣ это представится возможнымъ.

ИЗЪ РОССІИ.

АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ.

За послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ положеніе нашего движенія въ Россіи измѣнилось самымъ кореннымъ образомъ. Анархизмъ, еще недавно бывшій въ Россіи достояніемъ небольшихъ кружковъ, сталъ теперь широкимъ движеніемъ, съ которымъ приходится считаться, движеніемъ, проникнувшимъ въ массы, особенно въ массы городскихъ рабочихъ крупныхъ промышленныхъ центровъ. Зародившись въ рабочей средѣ городовъ Сѣверо-Западнаго края немногимъ болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, анархическое направленіе быстро завоевало себѣ успѣхъ, сначала въ этомъ краѣ, затѣмъ на югѣ и на юго-западѣ. Такой крупный рабочій центръ какъ Екатеринославъ, оказался втеченіе этого года захваченнымъ анархической пропагандой въ обширныхъ размѣрахъ. Понемногу анархическое движеніе переходитъ и въ центральную Россію, и хотя пока оно еще не приняло тамъ того широкаго, массового рабочаго характера, который дѣлаетъ его неистребимымъ въ данной мѣстности, оно все чаще и чаще начинаетъ говорить о себѣ. Въ Москвѣ, за послѣдній годъ, вслѣдъ за одними разбитыми группами, создаются другія, и теперь, на ряду съ литературной пропагандой, наши товарищи начинаютъ и тамъ проникать непосредственно въ рабочую среду. Быстро растетъ интересъ къ анархизму въ Петербургѣ и въ центрахъ. Повсюду — на Уралѣ, въ Приволжскихъ губерніяхъ, въ Прибалтійскомъ краѣ (и среди русскихъ, и среди латышей), въ Польшѣ — распространяется наше направленіе.

На Кавказѣ движеніе уже давно приняло во многихъ отношеніяхъ анархическій характеръ; въ послѣдніе же мѣсяцы появленіе двухъ мѣстныхъ анархическихъ органовъ и болѣе систематическая пропаганда привели къ образованію уже настоящаго, партійнаго, анархическаго теченія. Благопріятную почву для нашихъ идей представили и нѣкоторыя мѣстности Малороссіи (особенно Черниговской губ.); теперь уже создаются группы для изданія анархической литературы на малороссійскомъ языкѣ.

Средой, въ которой развивался до сихъ поръ анархизмъ, была преимущественно среда рабочая; интеллигенція, благодаря сравнительно недавнему появленію анархической литературы въ столицахъ и университетскихъ городахъ, была затронута меньше; среди крестьянъ работа только еще начинается.

Наше молодое движеніе дало уже цѣлый рядъ мучениковъ. Мы бы хотѣли знать ихъ всѣхъ, ихъ имена, ихъ жизнь, ихъ дѣятельность, чтобы когда нибудь, въ болѣе спокойную минуту, когда русскимъ людямъ будетъ время остановиться и оглянуться на пережитое, о нихъ могли бы хоть вспомнить... Но нашимъ борцамъ некогда теперь „товарищей считать“, некогда подводить итоги, да и каждый день приноситъ извѣстія о новыхъ актахъ самопожертвованія, каждый день добровольно гибнутъ новыя молодыя жизни.

Весь годъ былъ для насъ кровавымъ. Въ январѣ 17 человѣкъ были, безъ всякаго даже подобія суда, разстрѣляны въ Варшавѣ. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ смертныхъ приговоровъ и казней, все учащаясь и учащаясь. Въ послѣднія недѣли казни идутъ по всей Россіи. Въ Одессѣ разстрѣлянъ нашъ товарищъ Тарло, въ Екатеринославѣ — шестеро, а сколько такихъ, о которыхъ мы еще не знаемъ? Вездѣ, гдѣ кипитъ борьба — въ боевыхъ дружинахъ, въ революціонныхъ стачкахъ, въ смѣлыхъ актахъ всякаго рода —, вездѣ есть анархисты кому же, какъ не имъ, быть прежде всего принесенными въ жертву? Но огонь въ сердцахъ ихъ неистребимъ, какъ неистребима сама анархическая идея. Эта идея еще молода въ Россіи, часто плохо понята, на нее клевещутъ, ея сторонниковъ стараются забросать грязью, и далекъ еще моментъ, когда она станетъ популярной въ большинствѣ, когда съ ней примирятся. Но само это придаетъ ей большую силу и вдохновляетъ нашихъ товарищей такимъ энтузіазмомъ, который рѣдко знаютъ другія остепенившіяся партіи. А въ этомъ — сила, передъ которой ничто не устоитъ. Когда она есть, самими борцами найдутся и практическіе пути и средства, ими же исправятся неизбѣжныя ошибки, заполнятся пробѣлы въ рядахъ бойцовъ, и эти бойцы будутъ становиться все подготовленнѣе, все опытнѣе, все выработаннѣе...

* * *

Въ средѣ нашихъ группъ въ Россіи идетъ теперь, на ряду съ боевой революціонной работой и пропагандой, и сильная внутренняя работа. Анархическое движеніе — въ какой бы странѣ мы ни захотѣли прослѣдить его — развивается всегда совершенно естественно. Въ немъ нѣтъ комитетовъ, навязывающихъ свои рѣшенія рядовымъ партіи, нѣтъ искуственныхъ программъ, буквальное слѣдованіе которымъ есть обязанность всякаго члена, до тѣхъ поръ пока на какомъ нибудь съѣздѣ не найдется большинство, чтобы измѣнить тотъ или другой текстъ. Въ нашемъ движеніи рѣшенія обязательны только для тѣхъ, кто ихъ принимаетъ, и только до тѣхъ поръ, пока они продолжаютъ быть съ ними согласны; связь между товарищами создается общностью цѣли и идейной солидарностью, а тѣ или иные практическіе методы борьбы вырабатываются исключительно практикой движенія.

Отсюда — кажущійся недостатокъ стройности, разногласія, противорѣчія. Все это существуетъ и въ другихъ парті-

ихъ, но то, что тамъ затушевывается и сдерживается внѣшней дисциплиной, у анархистовъ проявляется открыто. Въ этомъ, можетъ быть, есть практическія неудобства, но зато ни въ одной партіи сознательность и убѣжденность каждаго члена не достигаетъ той степени, и нигдѣ „переоцѣнка цѣнностей" не происходитъ съ такой искренностью.

Мы видимъ это теперь у насъ въ Россіи. Въ первое время анархическимъ групшамъ было очень трудно дѣйствовать: недостатокъ подготовленныхъ пропагандистовъ, недостатокъ въ литературѣ, бѣдность въ средствахъ, ожесточенная вражда со стороны другихъ партій — все это создавало крайне тяжелую атмосферу. Группы дѣйствовали часто вразбродъ, не зная другъ о другѣ. Провалы вначалѣ были гибельны. Разбираться въ вопросахъ было трудно. При такихъ условіяхъ многія ошибки были неизбѣжны. Вопросы организаціи, взглядъ на тѣ или иныя формы террора и „экспропріаціи", отношеніе къ другимъ партіямъ — всѣ эти вопросы ждали своего рѣшенія отъ самой жизни. И жизнь уже разсѣяла многія заблужденія. За послѣднее время, напримѣръ, сообщаютъ намъ наши товарищи, все рѣже и рѣже становятся среди анархистовъ случаи „экспропріаціи" частныхъ лицъ; во многихъ мѣстахъ анархическія группы даже дѣлали категорическія заявленія, что тотъ или другой подобный актъ — не ихъ дѣло. (Нужно замѣтить, что ярлыкомъ анархизма прикрывались очень часто люди, ничего общаго не имѣющіе съ какимъ бы то ни было идейнымъ движеніемъ доходило даже до прямой поддѣлки печатей анархическихъ групшъ).

Точно также вырабатываются и выясняются теперь взгляды на многіе организаціонные вопросы. Выдвигаются планы установленія постоянной федеративной связи между группами, до сихъ поръ слишкомъ разрозненными. Движеніе объединяется, нарождается анархическая партія. Но она складывается не по типу централизаторскому — какъ рядъ развѣтвленій, идущихъ отъ одного комитета, а по типу своему — путемъ сближенія отдѣльныхъ групшъ, возникающихъ независимо и пришедшихъ независимо, въ своей работѣ, къ однимъ, общимъ выводамъ.

* * *

Многое въ положеніи дѣлъ въ Россіи служитъ блестящимъ подтвержденіемъ точки зрѣнія анархистовъ на роль различныхъ партій и классовъ. Еще такъ недавно экономическія противуположности интересовъ у насъ какъ будто бы уходили на задній планъ, и вся Россія казалась для поверхностнаго наблюдателя раздѣленной только на два лагеря: охранители самодержавія и оппозиція. Время засѣданія Думы было разцвѣтомъ этихъ либеральныхъ иллюзій. Но Дума исчезла, а крестьянскіе бунты явились съ лозунгомъ, не защиты Думы, а чего то совсѣмъ иного. И вотъ расколъ между народомъ и либеральствующими дворянами уже начинаетъ обозначаться. Едва наши „земцы" почувствовали, что крестьяне не удовольствуются Думою, а потребуютъ землю, какъ они обратились вспять. Въ Средней Россіи выборы въ Земскія Собранія повернули рѣзко въ пользу реакціонеровъ. А въ Курской губерніи, какъ извѣстно, дворяне, большинствомъ 98-ми голосовъ противъ 3-хъ, рѣшили изгнать изъ своей среды трехъ бывшихъ членовъ Думы, включая князя Долгорукова, которые подписали Выборгскій манифестъ.

И отлично. Пусть крестьянамъ сразу будетъ видно, что отъ радикаловъ-дворянъ имъ ждать нечего. Они все сдѣлаютъ, чтобы удержать власть за собою, а крестьянъ держать, какъ держали до сего времени, впроголодь. Дѣло освобожденія крестьянъ должно быть дѣломъ самихъ крестьянъ.

Русское духовенство, по приказу начальства, тоже готово вести войну противъ революціонеровъ, и гремитъ противъ нихъ въ церквахъ.

Послѣдствія легко предвидѣть. Съ одной стороны, они встрѣтили отпоръ въ нѣкоторыхъ, немногихъ, священникахъ. Другихъ-же, болѣе ретивыхъ, крестьяне начали обуздывать. Одного священника убили, у другого подожгли хуторъ, а Ярославскому архіерею Почаевскіе крестьяне напрямки объявили, чтобы онъ не въ свое дѣло не совался. „Мы можемъ жить своимъ умомъ, а вашего намъ не нужно!"

Давно бы такъ! Своимъ умомъ — не архіерейскимъ, и не барскимъ. Куда бы лучше было!

ОЧЕРКЪ АНАРХИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВѢ.

Первый періодъ зарожденія движенія — отъ октября 1905-го до декабря того же года — былъ въ свое время описанъ въ корреспонденціяхъ въ «Хлѣбъ и Воля». Послѣ перерыва въ нѣсколько мѣсяцевъ, въ маѣ образовалась на Амурѣ группа «Екатеринославскихъ рабочихъ анархистовъ-коммунистовъ.». На Амурѣ же велась главнымъ образомъ и работа. Было нѣсколько пропагандистскихъ кружковъ; кромѣ того въ Нижне-днѣпровскихъ мастерскихъ [3000 чел.], на Шадуаровскомъ заводѣ и проч. устраивались митинги, съ случайнымъ пріѣздомъ какихъ нибудь ораторовъ. Съ конца мая, дѣятельность группы оживилась. Ежедневно, по требованію рабочихъ, стали устраивать на Амурѣ митинги въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Въ виду уже имѣвшихся связей явилась возможность устраивать митинги на многихъ заводахъ Эзау, Трубномъ, Брянскомъ, гвоздильномъ и въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ. Случалось, что въ одинъ день анархисты говорили на нѣсколькихъ заводахъ.

Къ концу іюня образовалась новая активная группа, человѣкъ въ 50, анархистовъ-коммунистовъ; эта группа вошла съ Амурской группой въ федеративную связь.

Послѣ митинговъ наши товарищи стали ходить туда, гдѣ бываютъ собранія другихъ партій и дискутировать съ представителями разныхъ партій. Бывали случаи, когда рабочіе оставляли своихъ партійныхъ ораторовъ и приближались къ групшѣ оратора-анархиста. Часто изъ этихъ собраній выходили демонстраціи: кричали «да здравствуетъ анархія!» пѣли и проч.

До разгона Думы работы было масса: устраивались «летучки», чтобы удовлетворить любознательность рабочихъ. Литература доставлялась въ большомъ количествѣ; мы безплатно распространяли среди рабочихъ «Рѣчи бунтовщика», «Завоеваніе хлѣба», «Анархію» Малатеста, «Манифестъ Анархистовъ коммунистовъ», — въ общемъ 16 разныхъ сочиненій, а также много №№ органа «Хлѣбъ и Воля». Перепечатано было: Иліашвили «Революція и революціонное правительство» и распространено на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ. Городскіе рабочіе и интеллигенты, а также и изъ окрестныхъ заводовъ пріѣзжали въ «степь» чтобы получить литературу. Литературы не хватало.

Сильное анархическое движеніе существуетъ среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Послѣ выхода изъ мастерскихъ устраивались собранія и, хотя с.-д. работаютъ тамъ 12 лѣтъ, бывало, что имъ не удавалось получить слова, такъ какъ рабочіе звали анархическаго оратора и просили его говорить. Своимъ представителемъ желѣзнодорожные рабочіе считали нашего агитатора.

Вначалѣ іюня наши товарищи образовали въ городѣ боевую дружину, съ цѣлью внести въ дѣятельность большую организованность. Дружина эта обнаружила большую активность и пользовалась полной симпатіей рабочихъ, хотя с.-д. и старались увѣрить въ противномъ.

Настроеніе въ Екатеринославѣ вообще было боевое среди рабочихъ.

Прошлымъ лѣтомъ былъ убитъ начальникъ тяги Екатерининской желѣзной дороги, Федоровъ, сыгравшій позорную реакціонную роль во время декабрьской забастовки и позднѣе. Изъ шести анархистовъ, казненныхъ въ Каховкѣ, двоихъ правительство обвиняло въ этомъ убійствѣ. Объ убійствѣ начальника тяги была выпущена прокламація [4000 экз.], въ которой объяснялось, что убитъ онъ былъ за то, что уволилъ многихъ рабочихъ за декабрьскую забастовку и еще за два дня до смерти говорилъ рабочимъ, что, если они будутъ бастовать, то «мясо ихъ будетъ валяться на улицахъ».

Позднѣе былъ тяжело раненъ выстрѣломъ директоръ завода Эзау, когда онъ проѣзжалъ въ коляскѣ по многолюдной Озерной улицѣ. Послѣ перваго выстрѣла, жена его, ѣхавшая съ нимъ, бросилась къ нему и закрыла его собою. Стрѣлявшій, чтобы не попасть въ нее, прекратилъ стрѣльбу. Директоръ завода, Эзау, выдалъ многихъ активныхъ рабочихъ, работавшихъ подъ его начальствомъ. Стрѣлявшій скрылся.

Послѣ покушенія на жизнь директора завода Эзау, с.-д. распространили слухъ, что рабочіе противъ этого покушенія, потому что этотъ директоръ — либералъ; но рабочіе на большомъ митингѣ, единогласно выразили свою солидарность съ этимъ актомъ.

Въ Екатеринославѣ убитъ былъ также полицейскій надзиратель, организаторъ охраннаго отдѣленія на Амурѣ, Захарьинъ, а также Морозовъ, старшій начальникъ стражниковъ на Амурѣ же, постоянно избивавшій арестуемыхъ рабочихъ. Послѣ этого приставъ, служивший на Амурѣ, перевелся въ Нижнедніѣпровскъ, но и тамъ былъ убитъ. На дняхъ убитъ неизвѣстно кѣмъ провокаторъ «Шурка».

Втеченіе іюля и части августа солдаты и полиція на Амурѣ и въ Брянскомъ районѣ были такъ терроризованы рачими, что боялись туда появляться. Устраивались свободно митинги и манифестаціи. На митингахъ бывали всегда вооруженныя группы, а потому рабочіе не боялись ходить на нихъ.

Организованъ былъ также рядъ побѣговъ.

Партія с.-д. вообще потеряла свое вліяніе почти на всѣхъ заводахъ; имъ пришлось выписать въ Екатеринославъ ораторовъ, которые и набросились на анархистовъ. Но нашимъ товарищамъ, при поддержкѣ рабочихъ, удавалось побивать ихъ. Съ другой стороны, максималисты, начавшіе было бороться съ нами, оставили борьбу. Соціальдемократы боролись противъ насъ обычными своими пріемами: „анархисты — воры и т. д." Въ это время въ городѣ было масса кражъ и они ихъ относили на счетъ анархистовъ. Передъ нами всталъ вопросъ: какъ быть? Необходимо было узнать, кто совершаетъ эти кражи отъ имени анархистовъ. Одному нашему товарищу случайно удалось увидать у одного лавочника письмо съ требованіемъ 200 рублей и съ угрозами; внизу была печать группы анархистовъ-коммунистовъ. Удалось и узнать, кто вручилъ это письмо. Оказалось, что поддѣлка печати — дѣло одного с. д. Былъ и другой подобный же случай, о которомъ не говоримъ подробнѣе, только потому что люди арестованы.

Имѣя въ рукахъ всѣ эти факты, наша группа выпустила листокъ, въ которомъ указала на іезуитизмъ с.-д.

Газетка «Южная Русь», издававшаяся въ Екатеринославѣ [органъ с.-д., меньшевиковъ] постоянно печатала всевозможную клевету на анархистовъ, и намъ, съ фактами въ рукахъ, приходилось ее опровергать. Между прочимъ была напечатана въ этой же газетѣ якобы принятая резолюція одного рабочаго собранія, направленная противъ анархистовъ. Наши товарищи, узнавъ, что это — ложь, устроили собраніе рабочихъ того завода, которому эта резолюція была приписана, и подлогъ выленился. Было составлено опроверженіе и помѣщено въ газетѣ «Южный Край». Въ другой разъ одинъ с. р. читалъ рефератъ въ «степи»; ему возражалъ анархистъ. Въ отвѣтѣ референтъ сказалъ, что анархисты ведутъ свое начало отъ провокаторовъ; это вызвало взрывъ негодованія, референтъ былъ прогнанъ и не могъ появляться на собраніи, пока публично не извинился передъ нашими товарищами.

Анархистамъ удалось организовать пропагандистскіе кружки на всѣхъ заводахъ. Начали они устраивать собранія и въ другихъ мѣстахъ.

По поводу стачекъ, которыя старались вызвать послѣ разгона Думы, екатеринославскіе анархисты рѣшили съ согласія рабочихъ, избѣгать мелкихъ стачекъ, которыя должны были кончиться ничѣмъ, и готовить всеобщую стачку.

Въ то же время рѣшено было созвать организованныя анархическія группы для обсужденія вопросовъ ближайшей тактики. На собраніи было человѣкъ 100, но поздно вечеромъ, когда оставалось всего человѣкъ 12, нагрянула полиція, драгуны и стражники, во главѣ съ приставомъ 5-ой части и дали залпъ. Раненъ никто не былъ. Товарищи отвѣтили выстрѣлами. Были убиты 5 драгунъ, 1 офицеръ и ранены 4 драгуна. Солдаты растерялись. Воспользовавшись этимъ, товарищи разбѣжались, кромѣ одного, который сталъ отстрѣливаться. и едва не былъ схваченъ. Солдаты обстрѣливали окрестныя улицы и дома. Утромъ рабочіе съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій объ этой стычкѣ,

На другой день нѣкоторые рабочіе-товарищи пытались обезоружить нѣсколькихъ городовыхъ.

Казненные на дняхъ 6 товарищей обвинялись между прочимъ въ томъ, что принимали участіе въ этихъ вооруженныхъ сопротивленіяхъ.

Теперь исторія Гольмана. Онъ убилъ себя 5-го августа, послѣ отчаяннаго сопротивленія, не желая отдаться живымъ въ руки полиціи. Трупъ Гольмана полиція увезла и похоронила. Узнавъ объ этомъ, одинъ изъ нашихъ товарищей явился въ желѣзнодорожныя мастерскія съ призывомъ къ однодневной стачкѣ. Онъ предложилъ пойти на кладбище и вырыть тѣло, чтобы похоронить его на Брянскомъ кладбище. Но этого не пожелала мать Гольмана. Тогда рабочіе отъ себя обратились къ губернатору и онъ разрѣшилъ панихиду на кладбищѣ. Вмѣсто двухсотъ человѣкъ, которыхъ ожидали, было нѣсколько тысячъ; говорили около двухъ часовъ. Затѣмъ была устроена манифестація съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. На Амурѣ магазины были закрыты. С.-д. пытались помѣшать этой забастовкѣ, но безуспѣшно.

Начавшіяся репрессіи вынудили нѣкоторыхъ товарищей уѣхать изъ города; но на ихъ мѣсто явились другіе. Помимо продолженія всѣхъ видовъ прежней дѣятельности, новые товарищи устроили еще цѣлый рядъ пропагандистскихъ кружковъ съ цѣлью выработки рабочихъ пропагандистовъ.

Вотъ списокъ прокламацій, выпущенныхъ до сихъ поръ. 1. О забастовкѣ булочниковъ и о покушеніи на хозяина Козловскаго [2000 экз.] 2. Некрологъ Арона Елина (Гелинкера), убитаго въ Бѣлостокѣ [6000 экз.] 3. Объ убійствѣ надзирателя Захарія Малая, организатора охраннаго отдѣленія на Амурѣ [2000 экз.] 4. По поводу убійства начальника тяги Екатерининской желѣзной дороги, Федорова [4000 экз.] 5. Негрологъ Гольмана (захваченный уже въ отпечатанномъ видѣ въ типографіи въ Ялтѣ), 6. листокъ объ экспропріаціяхъ и о дѣятельности с.-д. (см. выше) [5000 экз.].

Кромѣ всей остальной литературы, былъ распространенъ №2 «Буревѣстника» и немного еврейской литературы, на которую большой спросъ.

Связи имѣются въ сосѣдней мѣстности, гдѣ распространяется литература. Существуютъ группы въ семи или восьми южныхъ городахъ.

Новгородская губернія. Одинъ изъ нашихъ друзей сообщаетъ намъ выдержки изъ письма одного лица, изъѣздившаго недавно всю Новгородскую губернію для изслѣдованія на мѣстахъ настроенія крестьянскихъ массъ. Хотя это письмо не содержитъ въ себѣ ничего спеціально анархическаго, мы помѣщаемъ его, какъ документальное описаніе дѣйствительнаго положенія умовъ народныхъ массъ.

Автору письма удалось побывать въ 10 уѣздахъ, и вездѣ онъ нашелъ пробужденіе сознанія среди крестьянъ, тамъ гдѣ что нибудь было сдѣлано сельскими учителями. Сначала крестьяне относились къ учителямъ недовѣрчиво. На одномъ маленькомъ съѣздѣ учителей, крестьяне послѣ митинга даже избили ихъ. Въ настоящее же время эта самая деревня совсѣмъ другой стала. Крестьяне сожалѣютъ о случившемся, очень интересовались Думой, а теперь и вообще событіями Россіи. Все это, несмотря на то, что большинство активно работавшихъ здѣсь учителей уволены и сосланы въ отдаленныя сѣверныя или восточныя губерніи. Ни одинъ изъ учителей не согласился дать подписку въ томъ, что не будетъ агитировать среди населенія. Въ одномъ Крестецкомъ уѣздѣ арестовано 3 учителя и уволено 23. Въ Старо-Русскомъ уѣздѣ добровольно ушло 20 учителей. Составъ учителей, ихъ смѣнившихъ, неважный. Крестьяне хорошо отзываются о прежнихъ учителяхъ, плохо — о нынѣшнихъ. Въ прошломъ году особенно хорошіе учителя, также и земства, были въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Въ настоящее время все новгородское земство можно считать черносотеннымъ; населеніе относится къ нему враждебно, причисляя его къ правительственнымъ учрежденіямъ.

Населеніе Новгородской губерніи вообще относится враждебно ко всякому начальству. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьяне прогнали своихъ старшинъ и старостъ. Напримѣръ, въ одномъ уѣздѣ [мы выпускаемъ имена] 5 волостей выбрали крестьянскій совѣтъ, которому только населеніе и подчиняется; въ другомъ крестьяне 3-хъ волостей образовали крестьянскій совѣтъ, который постановилъ не отдавать въ наймы квартиръ ни полиціи ни стражникамъ по этой причинѣ полиція туда не показывается...

О настроеніи крестьянъ можно судить и по слѣдующимъ даннымъ: Въ Крестецкомъ уѣздѣ были митинги и демонстраціи, и въ одной волости крестьяне избили земскаго начальника за то, что послѣдній препятствовалъ перемѣнѣ старшины. Въ Усть-Вольмѣ на ярмаркѣ, 20 іюля, вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ стражникамъ, началась съ ними драка. Стражники дали залпъ, 2 крестьянъ убили и 3 ранили. Крестьяне страшно озлоблены, и теперь стражники и полиція боятся показываться въ эту волость. Въ Заручевской волости крестьяне требовали у помѣщика земли и подожгли одно имѣніе. Въ Валдайскомъ уѣздѣ купцы въ городѣ боятся погрома со стороны крестьянъ и откупаются отъ нихъ деньгами.

Въ Тихвинскомъ уѣздѣ ратники отказались итти на сборный пунктъ, явилось всего 15 человѣкъ и правительство отмѣнило сборъ. Въ этомъ же уѣздѣ крестьяне заставили одного помѣщика выселиться. Въ Бѣлоозерскомъ уѣздѣ, въ одной

волости крестьяне отправили приговоръ въ Думу, когда та еще дѣйствовала, что готовы поддержать трудовую группу. Въ Борисовѣ-Судѣ была перестрѣлка со стражниками: 2 крестьянина убито, ихъ хоронили съ красными флагами и революціонными пѣснями. 15 августа въ этомъ уѣздѣ крестьяне сожгли имущество черносотенца-священника, а 25 августа — имѣніе помѣщика Казанцева; наоборотъ, къ одному помѣщику, сочувствующему освободительному движенію, крестьяне относятся хорошо.

Порубки лѣса производятся круглый годъ; богатыхъ вообще крестьяне преслѣдуютъ. Интересно отмѣтить, что въ этомъ уѣздѣ одинъ земскій начальникъ, послѣ разгона Думы, подалъ въ отставку, не желая служить „такому" правительству, за что его отдали подъ судъ. Въ Череповецкомъ уѣздѣ 25 авг. крестьяне сожгли хлѣбъ предводителя дворянства: туда посланы войска...

Народная литература, написанная простымъ понятнымъ языкомъ, читается на расхватъ. Особенной популярностью пользуются: «Разсказы изъ русской исторіи» Шишко, «Исторія одного крестьянина» Шатріана, «О царѣ Самсонѣ» и др. Немало крестьянъ, даже въ деревняхъ, что читали недавнія изданія мелкихъ сочиненій Кропоткина и Толстого анархическаго направленія.

Настроеніе крестьянъ Новгородской губерніи, въ общемъ, нельзя назвать революціоннымъ, скорѣе среднимъ. Острой нужды въ землѣ у здѣшнихъ крестьянъ нѣтъ Въ среднемъ на каждую душу приходится 4 5 десятинъ земли, ямщики же, награжденные еще Екатериной II за лихую ѣзду, имѣютъ надѣлы въ 15-16 десятинъ Хотя крестьяне ходятъ на заработки и въ обѣ столицы, но тамъ они исполняютъ лишь черныя грубыя работы, не благопріятствующія ихъ умственному развитію. Занимаются здѣсь еще рыбнымъ и лѣснымъ промысломъ. Такимъ образомъ, населеніе болѣе или менѣе обезпечено и потому менѣе поддается пропагандѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, правда, крестьяне отказались участвовать въ землеустроительной коммиссіи, напр., въ Броницкой волости Новгородскаго уѣзда, въ Недашецкой и Болшегорской волостяхъ Тихвинскаго уѣзда, но зато въ другихъ мѣстахъ принимаютъ живое участіе. Все-таки покупка земель черезъ крестьянскій банкъ уменьшилась сравнительно съ прошлымъ годомъ.

Порубка лѣса производится энергичнѣе, чѣмъ въ прошломъ году, но захвата земель нигдѣ не было. Подати платить отказываются зато вездѣ почти. Въ Валдайскомъ уѣздѣ за августъ поступило всего 6 руб. податей, а съ прошлаго года осталось 90 тысячъ рублей недоимокъ. Въ Старо-Русскомъ уѣздѣ за августъ поступило всего 20 руб. податей. Не лучше обстоитъ дѣло и въ другихъ уѣздахъ. Начальство не приним етъ пока никакихъ мѣръ и ведетъ себя довольно тактично.

Что касается отбыванія воинской повинности, то возможно, что согласно Выборгскому возванію, будутъ отдѣльные отказы, но въ общемъ крестьяне солдатъ дадутъ.

Къ Думѣ крестьяне относились съ большимъ интересомъ, особенно къ трудовой группѣ. Аникинъ и Аладьинъ были любимцами крестьянъ. Разгонъ Думы сильно на нихъ подѣйствовалъ. Выборгское воззваніе читалось на расхватъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ говорили, что выберутъ теперь только такихъ, какъ Аникинъ и Аладьинъ, а въ Бѣлоозерскомъ уѣздѣ говорили, что въ Думу нечего выбирать, все равно разгонятъ. «Надо самимъ добиваться всего». Въ болѣе сознательныхъ волостяхъ царь послѣ разгона Думы потерялъ свое первоначальное значеніе. Крестьяне говорятъ: «онъ съ ними заодно (съ министрами). Зато къ Свеаборгскому и Кронштатскому возстаніямъ они отнеслись довольно равнодушно. Замѣчательно, что крестьяне чего то ждутъ. Они говорятъ: «скоро начнется». Въ народѣ смутно бродитъ мысль, что рано или поздно начнется всеобщее возстаніе. На активное выступленіе крестьянъ Новгородской губерніи надѣяться нельзя, но возможно, что при массовомъ возстаніи они бы присоединились къ другимъ.

Одесса. 7-го сентября здѣсь судили и казнили анархиста Евгенія Тарло. Военно-полевой судъ состоялъ изъ шести офицеровъ, которыхъ имена начальство тщательно скрываетъ. Когда его судили, Тарло былъ въ ужасномъ положеніи: онъ истекалъ кровью отъ ранъ, полученныхъ во время отчаяннаго сопротивленія, которое онъ оказалъ при арестѣ, убивши двухъ городовыхъ и дворника. Когда его уже поймали, городовые всадили въ него нѣсколько пуль. Смертельно раненаго его доставили въ тюремную больницу. 7-го сентября съ утра разнесся слухъ, что на женскомъ дворѣ роютъ могилу и приготовляютъ столбъ. Это было еще до суда. Въ 11 ч. дня свершился „судъ", а въ 1ч. его, полумертваго, забинтованнаго, на глазахъ всей тюрьмы разстрѣляли... Его послѣднія слова, переданныя во всѣ иностранныя газеты по телеграфу, были:

„Умирая, я посылаю вамъ, убійцамъ мое презрѣніе и мое проклятіе! Вы, жалкіе, слѣпые идіоты, воображаете, что вы, своими погромами и полевыми судами, перебьете всю Молодую Россію! Не бойтесь, найдется еще на васъ довольно Браунинговъ и бомбъ, чтобы избавить нашу несчастную Россію отъ вашихъ, кровью обагренныхъ рукъ! Теперь стрѣляйте!"

Солдаты дали три залпа, и Тарло палъ мертвый.

Въ концѣ сентября же, въ Кіевѣ казнены трое анархистовъ: Рудановскій, Пиневичъ, и Прокофьевъ. Это — первая казнь въ Кіевѣ съ 1879 года, когда были повѣшены Антоновъ, Брандтнеръ и Осинскій. Казнь была совершена въ дворѣ Лукьяновской тюрьмы. Всѣ трое осужденныхъ встрѣтили смерть совершенно спокойно. Роль палача исполнялъ уголовный арестантъ Юшковъ. Когда, послѣ казни, онъ возвратился въ тюремную контору, двое находившихся тамъ арестантовъ бросились на него и начали душить. Съ трудомъ вырвали его изъ ихъ рукъ.

Одинъ изъ казненныхъ — Рудановскій — племянникъ Людмилы Волкенштейнъ.

6-го октября приговорены къ разстрѣлу и въ тотъ же день разстрѣляны еще трое: братья Лиманъ и Лапидусъ.

Намъ пишутъ:

Изъ частныхъ писемъ отъ товарищей могу подѣлиться отрадными фактами: анархическія группы разсѣяны по всѣмъ угламъ Россіи; поговариваютъ о всероссійскомъ съѣздѣ для обсужденія вопросовъ тактики, организаціи и отношеній къ другимъ революціоннымъ партіямъ... Словомъ, работа кипитъ, несмотря на всѣ ужасы репрессій Столыпинскаго мракобѣсія.

— Одинъ революціонеръ, имѣвшій случай видѣть во время сидѣнья въ одной изъ тюремъ, громадное количество людей проходившихъ черезъ эту тюрьму, пишетъ, что ему пришлось близко ознакомиться и съ анархистами, преимущественно съ юга. Все это народъ „рѣшительный, боевой", пишетъ онъ, и тѣ, которые знакомы хорошо съ литературой — убѣжденные коммунисты. „Ядро несомнѣнно здоровое, прибавляетъ онъ, и будущее за этимъ движеніемъ есть"... „Въ Москвѣ, все чаще и чаще можно видѣть на рабочихъ сходкахъ анархистовъ, которые выступаютъ съ большимъ успѣхомъ... Мы всѣ абсолютно не политики, не любимъ ее, и какъ мнѣ кажется, въ большинствѣ случаевъ и не понимаемъ ея. Эта область, для большинства, совершенно чужда".

Совершенно вѣрно. Русскій народъ понимаетъ организацію, созидательную работу самаго народа, — міра. Но хитросплетенія и парламентскія интриги партій ему претятъ. А безъ такихъ интригъ парламентаризмъ — невозможенъ.

Wer parlamentelt — parlamentiert — писалъ въ былыя времена Либкнехтъ. „Кто идетъ въ парламентъ — парламентируетъ" (договаривается съ врагами).

За недостаткомъ мѣста, корреспонденція изъ Испаніи будетъ помѣщена въ слѣдующемъ номерѣ.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шиллингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.

Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.

E. Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kushniaroff, 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ.

№ 2. — ГОДЪ ПЕРВЫЙ — 14 НОЯБРЯ 1906 г.

Лондонъ 14 ноября 1906.

Русскія газеты подводятъ итоги перваго года Николаевской „конституціи“.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, оказывается, за годъ, съ 17-го октября 905-го года, перебито войсками и погромщиками петергофскаго правительства 22,721 человѣкъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей. Приговорено 851 человѣкъ „политическихъ“, къ 7,138 годамъ каторги. Казнено, безъ всякаго разбора, шемякиными судами того же Петергофскаго правительства, 1518 человѣкъ.

Полторы тысячи человѣкъ они разстрѣляли и повѣсили безъ суда, безъ разбора — какъ собакъ. Запомнимъ хорошенько ихъ доблести, ихъ любовь къ народу.

Это — по цифрамъ, проникшимъ въ газеты. На дѣлѣ же перебито и казнено еще больше того. И если въ Петергофѣ и Царскомъ Селѣ еще поминаютъ убитыхъ, то дѣлаютъ это, должно быть, такъ, какъ дѣлалъ царь Иванъ IV:

Ихъ имена, ты, Господи, вѣси.

И каждый день — все новыя казни. За двѣ недѣли съ 1-го по 16-ое октября было казнено 106 человѣкъ. 17-го казнили 18, а 18-го — 17 человѣкъ... И такъ — каждый день.

Въ тоже время тюрьмы вездѣ переполнены. По году и болѣе держатъ въ нихъ людей, надѣясь довести ихъ до смерти изморомъ. А такъ какъ даже со всѣми ихъ шемякиными судами, имъ не съ чѣмъ выступить, то людей сотнями увозятъ въ Верхоянскія и Нарымскія дебри, безъ суда, и оставляютъ ихъ тамъ на голодную смерть.

А тѣмъ временемъ голодъ, ужасный голодъ, коситъ направо и налѣво крестьянъ. Больше двадцати-пяти губерній голодаютъ, уже теперь, въ ноябрѣ. Голодный тифъ уже ходитъ по деревнямъ, — что же будетъ черезъ два, три, четыре мѣсяца! И кормитъ народъ нечѣмъ. И полиція не даетъ организовать помощь голодающимъ.

И зачѣмъ, ради чего всѣ эти звѣрства? ради чего всѣ эти страданія русскаго народа?

Исключительно для того, чтобы шайка грабителей, воровъ, развратниковъ, ворочающихъ всѣмъ въ Петергофскомъ дворцѣ, могла продолжать себѣ грабить, воровать, развратничать во всю волю.

Крестьяне, пріѣхавшіе членами Думы въ Петербургъ, видѣли эту раззолоченную толпу грабителей, когда Николай I, окруженный ими, вышелъ передъ выборными, на которыхъ глядѣлъ съ ненавистью и страхомъ, ища глазами опоры въ этой придворной челяди. Они — столпы престола!

Скоро начнутся выборы въ Думу, — и все это мы должны говорить въ деревняхъ и городахъ, особенно въ деревняхъ — вездѣ, при каждомъ случаѣ, гдѣ только это возможно. Мы знаемъ отлично, что Дума горю не поможетъ и помочь не можетъ. Мы знаемъ, что мечтать, чтобы Дума стала революціонной силой, могутъ только люди еще очень молодые, или совсѣмъ не понимающіе дѣйствительной политической жизни обществъ. Революціонная работа должна идти не отъ Думы: она должна дѣлаться внѣ ея. Все что могутъ сдѣлать выборные — это только изложить нужды народа: растолковать мірскія нужды деревни городскимъ рабочимъ, и нужды городскихъ рабочихъ — крестьянамъ. Больше сдѣлать — не въ ихъ власти.

Поэтому, мы должны ясно и прямо говорить крестьянамъ, что если Дума поможетъ внести въ войска и чиновничью среду пониманіе того, что собою представляютъ петергофскіе правители, съ ихъ видимымъ и невидимымъ правительствомъ Треповыхъ, жандармскихъ погромщиковъ и Комиссаровыхъ; если Дума поможетъ немного открыть глаза, — спасибо ей и за то. Но вѣдь — это только капля въ морѣ!! Выйти изъ теперешняго ужаснаго положенія, Россія можетъ только путемъ широко распространившагося крестьянскаго возстанія, поддержаннаго возстаніями въ городахъ.

Покуда возставать будутъ только тамъ и сямъ одинокія села, — петергофскіе опричники справятся съ возстаніемъ: они утопятъ его въ крови.

Но даже въ сами войска проникаетъ уже сознаніе, что убивать и истязать крестьянъ въ угоду помѣщикамъ да князьямъ — позоръ для солдатъ и офицеровъ. Новобранцы нынѣшняго призыва уже научились кое-чему за годъ. Въ нихъ вездѣ замѣтенъ бунтовской духъ. И этотъ духъ будетъ расти. Только къ солдату мы не должны относиться свысока. Солдатъ — не злодѣй: онъ тотъ же человѣкъ изъ народа. И мы должны помнить, что и мы сами — не революціонерами родились, а начали понимать истинную суть дѣла только изъ уроковъ жизни и изъ встрѣчъ съ лучшими людьми.

Вездѣ дворяне, оказывается, начали теперь сплачиваться вокругъ тѣхъ, кто велитъ рѣзать, грабить, истязать крестьянъ, жечь села и увозить народъ цѣлыми тысячами въ Сибирь.

Особенно сильно хлопочутъ теперь дворяне въ Петербургѣ *чтобы уничтожить мірское владѣніе крестьянъ землею.* Очень уже имъ хочется скупать земли за безцѣнокъ у обѣднѣвшихъ, голодныхъ крестьянъ... И если

сами крестьяне не положатъ этому конецъ, ихъ обезземелятъ, раззорятъ въ конецъ и обратятъ ихъ снова въ рабовъ, обязанныхъ нести ярмо своихъ помѣщиковъ.

Къ счастью, крестьяне кое-гдѣ сами начинаютъ замѣчать, куда идетъ дѣло, и чего имъ ждать сверху. Нужно только, чтобы они чувствовали, что изъ городовъ, отъ рабочихъ и интеллигенціи идетъ сила — не противъ нихъ, а готовая съ ними подниматься противъ угнетателей. И нужно, чтобы они поняли, что угнетателей надо бить по самому больному ихъ мѣсту — по карману. Нужно отнимать у нихъ землю, нужно дѣлать такъ, чтобы нечѣмъ было имъ поживиться отъ мужика. Пусть ѣдутъ себѣ въ Петергофъ, во дворцы, а земля должна вернуться къ крестьянамъ.

ЕЩЕ КЪ ВОПРОСУ О ПОЛИТИКѢ И ЭКОНОМИКѢ.

Кому изъ насъ не приходилось задумываться надъ „роковой задачей“ отношенія теперешняго русскаго революціоннаго движенія къ нашему экономическому и политическому идеалу? Кто не мучился надъ вопросомъ о томъ, каково въ происходящей борьбѣ положеніе соціалиста; каково, въ особенности, положеніе анархиста? Трудный и сложный вопросъ „политики“ и „экономики“ сталъ передъ нами съ самаго начала нашей дѣятельности въ Россіи. Борьба, идущая у насъ, — и экономическая, и политическая: но, если оставить въ сторонѣ крестьянство, среди котораго нашимъ товарищамъ до сихъ поръ работать почти не приходилось, то во всѣхъ остальныхъ классахъ общества экономическая борьба отступаетъ на задній планъ передъ политической задачей сверженія самодержавія.

Этой политической задачѣ служатъ даже такія по существу экономическія движенія, какъ рабочія стачки. На знамени же политическаго движенія написаны конституція, учредительное собраніе, республика и прочіе лозунги, для анархиста положительной цѣны не имѣющіе. Бороться съ самодержавіемъ — прекрасно; но не значитъ ли это бороться вмѣстѣ съ тѣмъ за идеалъ „правового государства“, идеалъ лишенный для насъ всякаго обаянія? Какъ выйти изъ этого противорѣчиваго положенія?

Вотъ вопросъ, который всегда ставили себѣ наши товарищи, и не находили на него такого отвѣта, который удовлетворилъ бы ихъ потребность послѣдовательной мысли и ихъ потребность въ активной борьбѣ.

Видя, какъ всѣ силы массового рабочаго движенія уходятъ на чисто-политическія манифестаціи, какъ, въ области экономической, самыя крупныя рабочія стачки не идутъ дальше требованія ничтожныхъ улучшеній, какъ отодвигается на задній планъ соціалистическая идея въ дѣятельности крайнихъ партій, — наши товарищи прежде всего стали пытаться противодѣйствовать такому пониженію роли и размаха совершающейся революціи. Но не впали ли они, по крайней мѣрѣ въ теоріи, въ нѣкоторую, противоположную, крайность, ставя всякое экономическое движеніе выше всякаго политическаго? Если мы оглянемся на содержаніе нашей пропаганды въ Россіи, то не окажется ли, что мы, подчеркивая наше оппозиціонное отношеніе къ другимъ партіямъ, упустили изъ виду ту безспорную, хотя, можетъ быть, для нѣкоторыхъ и кажущуюся парадоксомъ истину, что анархисты, въ сущности, — наиболѣе „политики“ изъ всѣхъ соціалистовъ, такъ какъ для нихъ освобожденіе личности отъ государственнаго ига играетъ не меньшую роль, чѣмъ ея освобожденіе отъ гнета экономическаго. Почему мы не миримся съ идеаломъ соціальдемократическаго государства, которое, во всякомъ случаѣ, поднять уровень экономическаго благосостоянія можетъ? Именно потому, что мы — не чистые экономисты. Повсюду въ западной Европѣ и Америкѣ анархисты боролись съ обѣими формами угнетенія: съ капитализмомъ и государствомъ. Рядомъ съ революціонными стачками и актами „экономическаго“ террора, мы находимъ въ ихъ дѣятельности такіе яркіе акты политическаго протеста, какъ убійство итальянскаго короля или испанскаго министра Кановаса. И никто, конечно, не скажетъ, что Анжіолилло или Бреши были либералами и отдали свою жизнь ради достиженія испанской или итальянской республики. Грядущая соціальная революція — въ представленіи именно анархистовъ — не будетъ революціей чисто экономической: она начнетъ съ экономическаго акта, съ экспропріаціи, но, вмѣстѣ съ частною собственностью, уничтожитъ и государство. Вотъ почему не нужно впадать въ односторонность по отношенію къ происходящей политической революціонной борьбѣ: эта борьба необходима не для того, чтобы современный строй замѣнился строемъ конституціоннымъ, а для того, чтобы рядомъ протестовъ противъ наличной государственной формы, противъ наличнаго гнета сдѣлать возможнымъ возстаніе противъ всякаго гнета. Расширять эту борьбу до такихъ предѣловъ, не давать ей успокоиться, не давать установиться не существующему еще пока въ Россіи культу закона и легальности — дѣло анархистовъ. Ту часть этой работы, которая касалась критики грядущаго парламентаризма, наши товарищи все время вели и ведутъ въ Россіи; но это — не самая трудная часть. Это — начало, а затѣмъ вѣдь нужно показать, къ какой освободительной борьбѣ *мы* призываемъ, и притомъ призываемъ сейчасъ: какова намѣченная *нами* цѣль и каковъ нашъ планъ дѣйствій по пути къ ней.

Упустить это изъ виду, сосредоточиться только на критической сторонѣ задачи — въ высшей степени опасно: можно вызвать разочарованіе въ поставленныхъ цѣляхъ и принятыхъ способахъ борьбы, не давъ взамѣнъ ихъ новыхъ, и вмѣсто того чтобы поднять революціонный духъ, вызвать, наоборотъ, упадокъ его.

Нужно сказать, что въ этомъ отношеніи работа нашихъ товарищей въ Россіи страшно трудна, хотя бы уже потому, что каждому приходится цѣликомъ продумать все самому, и не только продумать, но и найти средства пропаганды. Положительная часть нашей программы для Россіи до сихъ поръ была разработана мало. Имѣющаяся у насъ литература носитъ почти исключительно теоретическій характеръ и имѣетъ цѣлью ознакомленіе съ основными идеями и цѣлями анархизма. О практическихъ путяхъ и средствахъ борьбы въ ней говорится, въ виду этого, лишь въ очень общей формѣ: постольку, поскольку это нужно для обрисовки практическихъ выводовъ изъ извѣстной принципіальной точки зрѣнія. Наши западноевропейскіе товарищи въ этомъ отношеніи находятся въ лучшихъ условіяхъ: современное рабочее движеніе вызвало (особенно во Франціи и въ Испаніи) цѣлую литературу о всеобщей стачкѣ, разсматриваемой какъ начало соціальной революціи, и анархисты располагаютъ для своей пропаганды цѣлымъ рядомъ данныхъ — брошюръ, газетныхъ статей, докладовъ на съѣздахъ — въ которыхъ разбираются тѣ мѣры, которыя предстоитъ принять ра-

бочимъ въ моментъ когда удачное революціонное движеніе сдѣлаетъ ихъ господами положенія.

Было бы въ высшей степени важно, если бы наши товарищи въ Россіи подумали о выработкѣ такого рода практическихъ программъ, въ соотвѣтствіи съ особенностями положенія и момента, и чтобы при новомъ взрывѣ массового движенія они не оказались лишь участниками — можетъ быть, болѣе рѣшительными, болѣе непримиримыми — борьбы вдохновляемой не ихъ лозунгами, а могли бы внести въ это движеніе и свою собственную мысль.

Мысль, что анархисты — лишь провозвѣстники будущаго, время котораго еще не пришло, апостолы далекаго отъ осуществленія идеала — мысль очень распространенная среди людей „сочувствующихъ“ анархизму. Съ кличкой мечтателей и утопистовъ мы всегда легко мирились и она насъ нисколько не задѣваетъ. Но что серьезно глубоко-трагично по существу, это — слѣды той же мысли у самихъ нашихъ борцовъ.

Кому изъ насъ не случалось слышать, какъ съ болью, чуть не со слезами на глазахъ, говорится при вѣсти о новыхъ потеряхъ, о новыхъ казняхъ: „Еще и еще разъ погибли лучшіе товарищи, и все какія цѣнныя молодыя жизни, какіе чистые типы нравственной красоты! И подумать только, что все это — пушечное мясо, что этими самоотверженными руками загребаетъ жаръ одна только либеральная буржуазія! Если бы они погибали хоть для нашего идеала, если бы они хоть могли видѣть, за что отдаютъ свою жизнь!“ И нужно замѣтить, что ни одного не остановило это, ни одинъ не пожалѣлъ себя; вездѣ и всегда анархисты оказывались тамъ, гдѣ всего сильнѣе кипитъ борьба.

Остановимся однако на минуту, отвлечемся отъ привычныхъ, шаблонныхъ, принятыхъ мнѣній и спросимъ себя: дѣйствительно ли русская революція должна привести всего на всего къ господству либеральной буржуазіи? Дѣйствительно ли мы переходимъ, согласно извѣстной исторической теоріи, въ ту самую стадію общественнаго развитія, въ которую сто лѣтъ тому назадъ перешла Франція?

Если стоять на фаталистической точкѣ зрѣнія ортодоксальнаго марксизма, то, конечно, надо отвѣтить утвердительно; но если мы отъ этой точки зрѣнія отрѣшимся и постараемся разсуждать внѣ ея, то что мы увидимъ? Русская революція совершается въ моментъ, когда во всемъ человѣчествѣ идетъ движеніе подъ знаменемъ соціализма.

Впродолженіи всего XIX вѣка вырабатывалась, на почвѣ разочарованія въ экономическихъ результатахъ французской революціи, соціалистическая идея. Она родилась въ рабочихъ массахъ западной Европы, а оттуда перешла въ Россію, сначала въ передовую интеллигенцію, затѣмъ, по мѣрѣ измѣненія общихъ экономическихъ и культурныхъ условій, и въ рабочія массы.

Въ настоящее время русскій рабочій стоитъ на уровнѣ западно-европейскаго, и ни въ своей жизни, ни въ своихъ идеалахъ не воспроизводитъ того, чѣмъ былъ французъ XVIII вѣка, какъ и соціализмъ русскихъ соціалистовъ не имѣетъ ничего общаго съ идейными вѣяніями современниковъ Великой Революціи. Россія не была отдѣлена китайской стѣной отъ остальнаго міра; она развивалась съ нимъ вмѣстѣ и не можетъ, поэтому, повторять, повинуясь исторической схемѣ то, что происходило въ другихъ странахъ 100 или даже 50 лѣтъ тому назадъ. Разъ соціализмъ всталъ, какъ цѣль, передъ всѣмъ человѣчествомъ, Россія, какъ участница общаго движенія, не можетъ сознательно отвернуться отъ него, не можетъ остаться внѣ хода современной исторіи.

Въ Россіи ставятся тѣ же вопросы; тѣ же, какъ и повсюду, задачи ея движенія. А разъ задача поставлена — значитъ она осуществима; разъ была возможность, была почва для ея постановки, то, значитъ, есть возможность и для ея проведенія въ жизнь.

Но это проведеніе въ жизнь требуетъ усилій людей; оно возможно, осуществимо въ той мѣрѣ, въ какой эти усилія приложены; оно — не мечта, въ той мѣрѣ въ какой сами дѣятели не считаютъ его мечтою. Учесть шансы того или другого теченія въ революціонное время ускореннаго темпа жизни — болѣе чѣмъ трудно, и лучше ошибиться въ сторону переоцѣнки своихъ силъ, чѣмъ наоборотъ.

Излишней смѣлости мысли и дѣла быть не можетъ, а недостатокъ ихъ можетъ быть очень вреденъ. Предоставимъ самой жизни урѣзать то, что окажется преждевременнымъ или неприложимымъ; она всегда сдѣлаетъ это, болѣе чѣмъ въ достаточной мѣрѣ. Наше дѣло — стремиться къ достиженію какъ можно болѣе широко-поставленныхъ цѣлей, къ достиженію нашего идеала во всей его полнотѣ, а степень проведеннаго въ жизнь будетъ соотвѣтствовать степени энергіи нашей работы и нашей вѣры въ побѣду. И какъ бы много разочарованій ни встрѣчало насъ на пути, будемъ помнить великія слова Лаврова: „Побѣжденъ лишь тотъ, кто признаетъ себя побѣжденнымъ!“

М. Корнъ.

НАШЕ ОТНОШЕНІЕ КЪ КРЕСТЬЯНСКИМЪ И РАБОЧИМЪ СОЮЗАМЪ.

Среди рабочихъ всего міра происходитъ въ настоящее время глубокое движеніе, съ цѣлью объединить рабочихъ различныхъ ремеслъ въ обширные профессіональные союзы, и положить основы обширныхъ международныхъ организацій, охватывающихъ, какъ отдѣльныя отрасли труда (углекоповъ, ткачей, нагрузчиковъ въ докахъ и т. д.), такъ и національныя федераціи рабочихъ — внѣ существующихъ политическихъ партій, въ томъ числѣ и соціальдемократической.

Стремленіе возстановить Международный Союзъ Рабочихъ, ведущій прямую, непосредственную борьбу труда противъ капитала — не черезъ Парламентъ, а непосредственно, всѣми доступными рабочимъ, и однимъ рабочимъ, средствами, проявляется въ настоящую минуту съ новою, поразительною силою.

Рабочіе Западной Европы и Америки начинаютъ замѣчать, что соціальная революція, которой они ждали въ концѣ 60-хъ годовъ и ради которой они основали Интернаціоналъ, отдаляется все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ дѣло борьбы Труда съ Капиталомъ переходитъ въ руки политическихъ партій, которыхъ и теорія, и практика ведутъ только къ уничтоженію революціонной энергіи пролетаріевъ и, сохраняя имя „классовой борьбы“, только пріучаютъ рабочихъ мириться съ эксплуатаціей капиталистами.

Рабочіе Западной Европы понимаютъ, кромѣ того, что при первой попыткѣ установленія будущаго строя, — будь то въ деревняхъ, среди крестьянъ, или въ отдѣль

номъ городѣ, или въ области, объявившихъ коммуну, — дѣло организаціи коммунистической жизни и производства на общихъ началахъ непремѣнно выпадетъ на долю рабочихъ союзовъ, которые одни могутъ взять на себя громадное дѣло перестройки промышленности въ интересахъ всего общества.

Вслѣдствіе этого, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки усиливается съ каждымъ годомъ движеніе, такъ называемое синдикальное, которое состоитъ въ томъ, что рабочіе сплачиваются между собою въ профессіональные союзы, съ цѣлью прямой борьбы, прямого воздѣйствія (*action directe*) противъ капитализма и капиталистовъ.

Понимая всю важность такого движенія, часть нашихъ западно-европейскихъ товарищей анархистовъ посвятили себя вполнѣ, за послѣдніе 10-15 лѣтъ этой организаціонной работѣ, и въ настоящее время анархисты настолько заслужили довѣріе объединенныхъ въ синдикаты товарищей рабочихъ, что въ латинскихъ странахъ — Франціи, Испаніи, Французской Швейцаріи и отчасти въ Италіи — они являются уже серьезной революціонной силой среди рабочихъ союзовъ.*)

Въ то время, какъ соціальдемократы смотрятъ на рабочія профессіональныя организаціи какъ на подспорье для политической борьбы, которую они ведутъ въ парламентахъ за власть, анархисты смотрятъ на рабочіе союзы, какъ на ячейки будущаго соціальнаго строя и какъ на могучее средство для подготовленія такого общественнаго переворота, который не ограничивался бы одною перемѣною правленія, а также перевернулъ бы современныя формы хозяйственной жизни, т. е. распредѣленіе производимыхъ богатствъ и способовъ ихъ производства.

Организація рабочихъ въ профессіональные союзы еще молода въ Россіи, но уже начинается серьезное движеніе для образованія обширныхъ рабочихъ организацій и рабочіе уже успѣли доказать свою силу.

Что такое пониманіе силъ рабочихъ союзовъ — вѣрно, уже доказываетъ опытъ Русской революціи. Рабочее движеніе въ январѣ 905 года въ Петербургѣ, всеобщія стачки въ Польшѣ въ маѣ и всеобщая стачка въ октябрѣ того же года, и крестьянскія возстанія, начавшіяся съ 1904 года, уже оказались болѣе могучими силами въ русской революціи, онѣ больше подвинули дѣло русской революціи, чѣмъ всѣ остальныя силы вмѣстѣ взятыя.

При этомъ онѣ поставили русское революціонное дѣло на новое основаніе.

То, что уже достигнуто русской революціей, есть дѣло не той или другой политической партіи. Оно — плодъ самопожертвованія, прежде всего рабочихъ массъ. И уже вслѣдствіе этого есть полное основаніе надѣяться, что русская революція не ограничится простою перемѣною формы правленія, а сдѣлаетъ хотя первые шаги по пути экспропріаціи земли и обобществленія промышленнаго капитала.

Для пробужденія среди рабочихъ и крестьянъ пониманія ихъ собственной силы, ихъ рѣшающаго голоса въ революціи, и того, чего они могутъ достигнуть въ своихъ интересахъ, — русскіе анархисты, если они поймутъ эту свою задачу, могутъ оказать громадную пользу.

Съ созывомъ Думы, въ которой собираются принять дѣятельное участіе державшіеся до сихъ поръ революціонной тактики русскіе соціальдемократы и соціалисты-революціонеры, революціонныя силы начнутъ все болѣе и болѣе отвлекаться на созиданіе буржуазно-конституціоннаго строя. И тутъ рабочимъ и крестьянскимъ организаціямъ предстоитъ выступить, какъ сила, борющаяся за свои рабочія права и въ виду достиженія какихъ нибудь дѣйствительныхъ экономическихъ результатовъ отъ теперешней революціи.

Только то, что крестьянамъ и рабочимъ удастся осуществить теперь, во время революціи — прямымъ дѣйствіемъ, а не черезъ парламентъ, — только то и будетъ достигнуто русскою революціею.

Въ виду этого на русскихъ анархистахъ лежитъ великая обязанность. Пора теоретическихъ разсужденій въ отдѣльныхъ маленькихъ группахъ прошла. Мы выработали свои идеалы и цѣли, мы сложились, какъ люди, воодушевленные общею цѣлью и согласившіеся въ общихъ чертахъ относительно способовъ дѣйствія. Но жизнь быстро идетъ впередъ и требуетъ отъ насъ большаго: гораздо большаго даже, чѣмъ отдѣльные акты героизма въ борьбѣ съ капитализмомъ и его защитниками въ правительствѣ. Она требуетъ отъ насъ дѣятельнаго вмѣшательства въ жизнь крестьянскихъ и рабочихъ массъ.

Намъ говорятъ иногда, что городскихъ рабочихъ организуютъ соціальдемократы, а крестьянъ организуютъ соціалисты революціонеры. Но помимо того, что и та и другая партія захватили лишь незначительную часть рабочихъ и крестьянскихъ массъ — первые по преимуществу среди рабочихъ въ западной полосѣ Россіи, а вторые среди крестьянъ въ нѣкоторыхъ лишь губерніяхъ Россіи, — и что громаднѣйшія массы рабочихъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, сорганизовлись независимо отъ той или другой партіи, — нужно помнить, что и тѣ и другія организаціи имѣютъ въ виду особыя цѣли. Какъ только въ Россіи утвердится народное представительство на болѣе широкихъ началахъ, они намѣрены окунуться въ парламентскую дѣятельность. А это будетъ смертью революціи, если крестьяне и рабочіе дадутъ себя уговорить въ томъ, чтобы ожидать измѣненія общихъ экономическихъ условій отъ Парламента, а не отъ своихъ собственныхъ дѣйствій.

Обязанность анархистовъ — быть среди рабочихъ и не давать политическимъ партіямъ эксплуатировать рабочее движеніе въ пользу парламентскаго постепеновства. Имъ предстоитъ — проводить въ рабочую среду революціонную мысль, съ тѣмъ, чтобы изъ крестьянскихъ и рабочихъ союзовъ создать силу, которая могла бы сама приступить, на дѣлѣ и на мѣстѣ, къ планомѣрной массовой экспропріаціи.

На практикѣ, передъ анархистами выступаетъ всегда вопросъ: вступать ли въ рабочіе союзы, уже существующіе, или же стремиться создавать новые синдикаты, анархическаго характера?

Наши западно-европейскіе товарищи не проводятъ никакой опредѣленной программы въ этомъ отношеніи, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ руководятся данными мѣста и времени, а также личными склонностями каждаго изъ нихъ. Нѣкоторымъ товарищамъ удавалось создавать въ Испаніи и во Франціи, и даже въ Лондонѣ, синдикаты, которые хотя и не включали значительныхъ массъ рабочихъ даннаго ремесла, а ограничивались лишь небольшимъ числомъ ихъ, — оказывали, однако, своимъ

---

*) Что предыдущія слова были вѣрны — доказалъ французскій конгрессъ рабочихъ въ Аміенѣ, на которомъ рѣшенія предложенныя соціальдемократами были забалотированы невѣроятнымъ большинствомъ, а рѣшенія предложенныя анархистами были приняты почти единогласно. Ред.

починомъ и активной дѣятельностью глубокое вліяніе на всѣхъ рабочихъ своего ремесла. Находясь всегда впереди, во всякой стачкѣ, и выказывая организаторскія способности, имъ удавалось пріобрѣтать серьезное вліяніе въ своей средѣ и даже въ федераціяхъ синдикатовъ.

Другіе вступали въ существующіе рабочіе союзы и вскорѣ пріобрѣтали въ нихъ такое вліяніе, что становились вдохновителями своихъ товарищей по ремеслу, отвлекая ихъ отъ политикановъ, постоянно стремящихся наложить руку на ремесла, и вносили въ рабочую среду революціонную мысль.

Третьи, наконецъ, и это было большинство, въ особенности въ Испаніи, оставаясь членами анархическихъ группъ, работали надъ основаніемъ безпартійныхъ рабочихъ союзовъ и, заслуживъ довѣріе товарищей по ремеслу достигали того, что эти рабочіе союзы шли рука объ руку съ анархистами, поручали веденіе своихъ профессіональныхъ газетъ анархистамъ и, какъ показалъ опытъ, оставались заодно съ анархистами, даже въ такія минуты, когда преслѣдованія правительства доходили до крайнихъ предѣловъ.

Мы думаемъ, что не слѣдуетъ примѣнять по этому вопросу рѣзко опредѣленнаго рѣшенія разъ навсегда. Одно только можно сказать, что если рабочій союзъ требуетъ отъ своихъ членовъ признанія соціальдемократической программы, то тутъ анархисту, конечно, дѣлать нечего, и ему приходится основывать новые, хотя и меньшіе, свободные рабочіе союзы того же ремесла.

Анархистъ, проникнутый сознаніемъ, что рабочіе союзы представляютъ собою силу будущей организаціи, а въ настоящее революціонное время уже заявили себя силою революціонной, обыкновенно самъ найдетъ, въ связи съ товарищами, ту форму дѣятельности среди рабочихъ союзовъ, которая наиболѣе согласна съ его складомъ ума и темпераментомъ. Ему слѣдуетъ только никогда не терять изъ вида, что рабочіе союзы не должны никогда быть орудіемъ политическихъ парламентскихъ партій; что ихъ назначеніе — прямая борьба съ капиталомъ и его охранителями въ государствѣ, а не компромиссъ съ ними въ Парламентѣ. Ихъ цѣль не замазывать отношеній между эксплуататорами-капиталистами и рабочими путемъ фиктивныхъ уступокъ, а стремиться къ уничтоженію капитализма и къ реорганизаціи политической жизни на основахъ соглашенія между вольными рабочими союзами.

Имѣя эти цѣли всегда въ виду — не для введенія только въ первые теоретическіе пункты программы, а для проведенія въ самой жизни, — анархисты, работающіе въ синдикатахъ никогда не рискуютъ затеряться въ нихъ и обратиться въ орудіе политическихъ буржуазныхъ партій.

П. Кропоткинъ.

ИЗЪ РОССІИ.

ДѢЛО СОВѢТА РАБОЧИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

Процессъ Совѣта рабочихъ депутатовъ закончился. Онъ вызвалъ передъ глазами картину одного изъ самыхъ замѣчательныхъ моментовъ русской революціи — когда она, больше чѣмъ въ какой бы то ни было другой моментъ, была движеніемъ массовымъ, когда дѣятельность революціонеровъ вполнѣ направлялась этимъ движеніемъ. Въ этомъ, для насъ, главный интересъ Совѣта рабочихъ депутатовъ. Онъ возникъ самъ собою, внѣ партій, внѣ организаціонныхъ плановъ, какъ возникъ когда то Центральный Комитетъ парижской Коммуны, и въ этомъ былъ источникъ его громаднаго нравственнаго вліянія. Прокоповичъ въ своемъ свидѣтельскомъ показаніи отмѣчаетъ, что Совѣтъ представлялъ собою нѣчто совсѣмъ особенное: организацію внѣ партійную, избранную на отдѣльныхъ заводахъ, безъ «традицій», безъ «программы».

арактерна оцѣнка, которую даетъ, и моменту, и дѣятельности Совѣта бывшій предсѣдатель его, Хрусталевъ. Подъемъ духа среди рабочихъ начался въ сентябрѣ; это было время громадныхъ митинговъ; университетъ обратился въ трибуну. Десяти тысячъ рабочихъ были охвачены этимъ движеніемъ. Выходъ общему настроенію дала, говоритъ Хрусталевъ, желѣзнодорожная стачка, съ которой началось общее стачечное движеніе, сдѣлавшееся къ половинѣ октября дѣйствительно грандіознымъ. Манифестъ 17 октября, выпущенный подъ натискомъ этой стачки, былъ встрѣченъ среди петербургскихъ рабочихъ съ недовѣріемъ, и стачка продолжалась бы, если бы ее не прекратили рабочіе другихъ желѣзнодорожныхъ узловъ. Совѣтъ Робочихъ депутатовъ, говоритъ Хрусталевъ, во время этого октябрскаго движенія дѣлалъ одно: обслуживалъ стихійно возникшую стачку. Требованія «революціонной улицы» — вотъ что служило программой его дѣятельности; не онъ руководилъ рабочими, а они имъ, не онъ и вооружалъ рабочихъ: тысячи холоднаго оружія въ одинъ день были выкованы ими на своихъ заводахъ. И пока движеніе имѣло этотъ стихійный характеръ, оно шло успѣшно.

Въ ноябрѣ, стачки, такъ сказать «декретированныя» Совѣтомъ кончились неудачей. Правда, рѣшеніе было принято по настоянію делегатовъ отъ заводовъ; но такой уже ходъ всякаго стачечнаго движенія: оно удается только тогда, когда начинается въ средѣ рабочихъ, независимо отъ какого бы то ни было рѣшенія комитетовъ.

Нужно сказать, что не всѣ члены Совѣта раздѣляютъ точку зрѣнія Хрусталева, упорно настаивающаго на демократичности организаціи Совѣта, на его роли исключительно служителя массовыхъ движеній. Такъ, Сверчковъ говоритъ, что Совѣтъ хотѣлъ направить революцію по извѣстному руслу, помѣшавъ вреднымъ «эксцессамъ» (т. е. «выступленіямъ») эта же мысль видна въ словахъ Троцкаго, что Совѣтъ не «готовился» къ возстанію, а «готовилъ» его (причемъ подъ этимъ подразумѣвается пропаганда неизбѣжности столкновенія съ правительствомъ). Но для насъ важны не оттѣнки мысли и даже не отдѣльные факты, а важенъ общій взглядъ на дѣятельность Совѣта, взглядъ, который у Хрусталева въ значительной мѣрѣ совпадаетъ съ нашимъ.

Другая сторона, интересная для насъ, это то, что «захватный путь» былъ избранъ и рабочими союзами, и Совѣтомъ Рабочихъ депутатовъ, какъ главный методъ борьбы. Этимъ путемъ была достигнута свобода печати; имъ же рѣшено было провести 8-ми часовой рабочій день.

Интересно, какъ при такомъ вѣрномъ пониманіи пріемовъ борьбы неясно была въ тоже время представленіе о самомъ характерѣ этой борьбы. Стачечное движеніе возникло, какъ выходъ общему настроенію, и даже теперь, подводя итоги, бывшіе члены совѣта не могутъ ясно опредѣлить, гдѣ было политическое движеніе и гдѣ экономическое. Повидимому, впрочемъ, подъ политической стачкой они подразумѣваютъ вовсе не стачку съ политическими требованіями, а просто стачечное движеніе настолько расширившееся, что оно переходитъ за предѣлы борьбы съ отдѣльными предпринимателями и затрагиваетъ интересы всего общества. Она «парализуетъ жизненную дѣятельность государства, лишая послѣднее возможности пользоваться телеграфами, желѣзными дорогами»... При нэй «объединенный пролетаріатъ и правительство два врага... Сущность и цѣль такого возстанія — парализовать власть... (рѣчь Троцкаго). Но почему называть это стачкой «политической», и не такъ ли изображаютъ всеобщую стачку и анархисты, считающіе (наперекоръ соціальдемократіи) этотъ видъ революціи лучшимъ средствомъ дезорганизовать сопротивленіе. Разница только въ томъ, что вторымъ шагомъ анархисты считаютъ переходъ къ экспропріаціи фабрикъ и заводовъ, тогда какъ современные соц. дем., даже признавшіе всеобщую стачку, стремятся сохранить за ней исключительно характеръ манифестаціи. То, что Троцкій называетъ «политической» стачкой, есть просто стачка всеобщая, а его «экономическая стачка» есть стачка частичная. Дѣло тутъ не въ лозунгахъ движенія, а въ его размѣрахъ.

Въ общемъ, мы можемъ сказать, что въ мысли и дѣятельности Совѣта отразились три идеи, намъ близкія и для насъ существенныя: первенствующая роль массового движенія, захватный порядокъ и всеобщая стачка. Мы надѣемся, что движеніе въ Россіи пойдетъ по этому же пути и дальше,

оставивъ въ сторонѣ методы, проповѣдовавшіеся до сихъ поръ соціальдемократіей всѣхъ странъ.

ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ СУДЫ.

Революціонная борьба въ Россіи приняла въ послѣднее время характеръ поединка между правительствомъ и революціонерами. Крестьянскія движенія еще слишкомъ отрывочны и разбросаны; массовыя стачки не могутъ продолжаться сплошь, и теперь — моментъ перерыва въ нихъ. Такъ называемое «общество» несомнѣнно подалось давленію правительственной реакціи и умѣрило свою оппозицію. Тонъ газетъ замѣтно понизился. Революціонеры остаются лицомъ къ лицу съ правительствомъ.

Безнаказанная дѣятельность военно-полевыхъ судовъ — одно изъ проявленій такого положенія. Впродолженіи сентября казнено 254 человѣка, за первую половину октября — 106. Подъ военно-полевые суды подводятся сначала только террористическіе акты и «экспропріаціи». Затѣмъ рвеніе губернаторовъ доходитъ до угрозъ военно-полевымъ судомъ за уклоненіе отъ воинской повинности (Одесса). Наконецъ, Двинскій губернаторъ заявляетъ, что военно-полевому суду будутъ подвергаться члены бюро рабочихъ союзовъ, за давленіе оказываемое на фабрикантовъ. А недавно министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось къ губернаторамъ съ предложеніемъ принять энергическія мѣры, «сообразуясь съ положеніемъ, въ которомъ находится данная губернія», вплоть до военно-полевыхъ судовъ, въ случаѣ неуплаты податей.

Нѣтъ никакихъ основаній ожидать отъ военныхъ судей различенія степени «крамольности» привлеченныхъ.

А какъ они расправляются съ крамольниками — показываютъ многочисленныя рѣшенія этихъ «скорыхъ судовъ». Такъ напр. 23 октября ст. ст. въ Ригѣ военно полевымъ судомъ слушалось дѣло восьми анархистовъ-коммунистовъ — Силина, Шафрона, Левина, Іоффе, Осипова, Штуре и Подзина. Пятеро изъ нихъ были приговорены къ смертной казни, не смотря на то, что двоимъ осужденнымъ всего по 16 лѣтъ, а старшему, Силину, — 19. Даже у солдатъ, выбранныхъ для приведенія приговора въ исполненіе, дрогнула рука, и лишь послѣ нѣсколькихъ залповъ молодыя жизни погибли.

Такая же, или подобная же участь ждетъ многихъ товарищей, арестованныхъ за послѣднее время въ разныхъ концахъ Россіи — въ Сормовѣ, Нижегор. губ. (двое), въ Ромнахъ, Юзовкѣ Екатеринославской губ. (четверо оказавшихъ вооруженное сопротивленіе), Евпаторіи, Ростовѣ на Дону, (трое), Томскѣ и т. д. и т. д. Большая часть ихъ уже предана военно окружнымъ или военно полевымъ судамъ. Одно лишь заочное военно окружного суда о замѣнѣ 15 лѣтней каторгой, вынесеннаго имъ смертнаго приговора тов. Зинченко, обвинявшемуся въ вооруженномъ сопротивленіи, стоитъ одинокимъ фактомъ.

Голубые мундиры и черныя сотни.

Кто правитъ теперь въ Петергофѣ?

Многія иностранныя и нѣкоторыя русскія газеты уже перепечатали письмо Лопухина, бывшаго директора департамента полиціи, на имя министра Столыпина. Оно такъ характерно и такъ обрисовываетъ подлѣйшій образъ дѣйствія петергофскихъ управителей, что необходимо дать изъ него хотя нѣсколько выдержекъ.

Письмо это было написано Лопухинымъ 14 (27) іюня нын. года, послѣ того какъ Столыпинъ, отвѣчая въ Думѣ, въ засѣданіи 8 іюня на одинъ запросъ, изложилъ дѣло въ совершенно превратномъ видѣ.

Лопухинъ пишетъ, что какъ только былъ изданъ „конституціонный" манифестъ 17 октября 1905 — тайная полиція рѣшила противодѣйствовать духу, охватившему Россію. Завѣдующій политической частью департамента полиціи, д. с. с. Рачковскій, въ видахъ усиленія реакціи, предпринялъ тогда печатаніе соотвѣтствующихъ воззваній, въ которыхъ распускалъ всякую клевету про революціонеровъ, чтобы подорвать ихъ вліяніе среди рабочихъ. Воззванія печатались въ то время жандармскими офицерами въ помѣщеніи жандармскаго управленія, — сперва на печатномъ станкѣ, отобранномъ у революціонеровъ, а потомъ, «на средства департамента полиціи была пріобрѣтена усовершенствованная ручная печатная машина, отрабатывающая до 1,000 экземпляровъ въ часъ. Она была поставлена въ секретномъ отдѣленіи департамента полиціи, завѣдываніе ея работой было поручено ротмистру Комиссарову, при ней состояло два наборщика. На этой машинѣ въ декабрѣ 1905 года и въ январѣ 1906 года было отпечатано не одно, а значительное количество воззваній, различныхъ по изложенію, однородныхъ по содержанію.»

Прежде чѣмъ идти въ печать, воззванія тайной полиціи получали одобреніе дир. деп. полиціи, Вуича.

Главнымъ образомъ, въ нихъ доказывалось, что революція идетъ отъ евреевъ; въ другихъ, армія возбуждалась противъ „поляковъ, армянъ и жидовъ." Ихъ распространяли въ западномъ краѣ. Чиновникъ особыхъ порученій при виленскомъ ген.-губ., г. Шкотъ, увезъ въ Вильно 5,000 экз. тайной прокламаціи. Затѣмъ, 15 января, новая партія той же прокламаціи была послана въ Вильно. Тоже — въ Курскъ, врачу Михайлову, служившему при тайной полиціи.

«Кромѣ того, пишетъ Лопухинъ, издававшіяся департаментомъ полиціи воззванія распространялись въ Петербургѣ черезъ доктора Дубровина и находящійся подъ его предсѣдательствомъ союзъ русскаго народа, а въ Москвѣ — черезъ издателя-редактора „Московскихъ Вѣдомостей" Грингмута, которому транспортъ воззваній былъ переданъ въ декабрѣ 1905 года лично д. с. с. Рачковскимъ. Провокаціонныя воззванія департамента распространялись и въ иныхъ мѣстахъ черезъ полицію и жандармовъ.»

Все это было обнаружено Витте, который вызывалъ ротмистра Комиссарова и старался прекратить это, но не могъ.

«Помимо всего изложеннаго», пишетъ Лопухинъ, «отъ вашего превосходительства было скрыто, что прокламаціи, призывающія къ избіенію евреевъ, распространялись въ г. Александровскѣ, Екатеринославской губерніи, и послѣ прекращенія въ этомъ городѣ безпорядковъ, то есть 4 декабря 1905 года. Считаю долгомъ представить сохранившійся у меня экземпляръ прокламаціи, распространявшійся въ г. Александровскѣ 25 и 26 января текущаго года, призывающій населеніе этого города къ избіенію евреевъ 27 января въ годовщину возникновенія войны съ Японіей.»

Дальше изъ письма Лопухина видно, что Рачковскій дѣлалъ что хотѣлъ, — обманывалъ Витте, и обманывалъ впослѣдствіи Столыпина.

«Вашему превосходительству, пишетъ Лопухинъ, было доложено невѣрно, что ротмистръ Будоговскій для внушенія былъ вызванъ въ Петербургъ, но обнаруженіи его преступленія... Ротмистръ Будоговскій былъ вызванъ въ Петербургъ не по полученіи его декабрьскихъ донесеній объ успѣхѣ его пропаганды въ Александровскѣ, а лишь въ концѣ февраля или въ мартѣ, исключительно вслѣдствіе рѣшительныхъ настояній предсѣдателя совѣта министровъ гр. Витте о необходимости прекращенія дѣятельности правительственныхъ организаторовъ погромовъ.»

Вообще интересны соображенія Лопухина насчетъ безсилія министровъ: «Власть министра внутреннихъ дѣлъ и его центральнаго политическаго органа, пишетъ онъ, совершенно безсильна. Не полиція и жандармерія находятся у него въ рукахъ, а онъ находится въ рукахъ у представителей этихъ учрежденій. Вся власть фактически перенесена сверху внизъ положеніемъ объ охранѣ, продолжительностью его примѣненія въ государствѣ.»

«Этотъ невольный опытъ даетъ мнѣ основаніе утверждать, что самая опасная сторона означеннаго исключ. закона состоитъ въ томъ, что благодаря ему каждый чиновникъ полиціи, каждый жандармскій офицеръ со своими секретными агентами обращаются въ вершителей судьбы каждаго обывателя, а въ суммѣ и всей Россіи.»

И такъ, Треповъ, Рачковскій, Вуичъ — вотъ кто правилъ этотъ годъ Россіею. Министровъ же и проч. держали для формы —

Такъ, для большихъ оказій!

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ИЗЪ ИСПАНІИ

Рабочее движеніе въ Испаніи переживаетъ теперь переходное время. За долгіе годы, Областная Федерація Рабочихъ (Federation Regional), которая сложилась подъ вліяніемъ анархистовъ въ Каталоніи, Валенсіи, Андалузіи, Мурсіи, Арагонѣ, Галисіи и др. провинціяхъ, представляла главную силу рабочаго движенія. Въ нее входили тогда почти всѣ рабочіе синдикаты, — и число ея активныхъ членовъ,

регулярно платящихъ свои взносы, простиралось отъ 50,000 до 100,000. Она вела прямую войну противъ Государства, Капитала и Церкви, организовывала громадныя стачки и представляла боевую организацію, готовую выйти на улицу и выходившую на улицу, какъ только настроеніе въ обществѣ становилось революціоннымъ. Всякій разъ, какъ начиналась большая забастовка, или движеніе революціоннаго характера, Областная Федерація приводила въ движеніе глубокія рабочія массы

Съ другой стороны, Всеобщій Союзъ Рабочихъ (Unio[illegible] Ge[illegible]), основанный, управляемый и эксплуатируемый марксистами, всегда оставался ничтожнымъ. Ему удавалось сгруппировать лишь самое ничтожное число рабочихъ. Голоса, которые получали на выборахъ марксистскіе кандидаты, были малочисленны до смѣшнаго.

Но за послѣдніе десять лѣтъ испанское правительство повело систематическій походъ, исключительно противъ рабочихъ организацій, стоявшихъ за одно съ анархистами, предоставляя особыя льготы для мирныхъ легалистовъ марксистскаго толка — ихъ зовутъ у насъ усыпителями, adormideras. Вольные рабочіе синдикаты Областной Федераціи стали закрывать повсемѣстно; выдающихся агитаторовъ сажали въ тюрьмы, сотнями заразъ, подвергая ихъ даже физическимъ пыткамъ — какъ было дѣло въ Монжуихѣ (крѣпость Барселоны); едва какой нибудь синдикатъ этого направленія возстановлялся послѣ погрома, какъ полиція являлась съ обыскомъ и арестами, касса и бумаги бывали арестованы, и синдикатъ объявлялся закрытымъ. Вожаки сидѣли годы и годы по тюрьмамъ.

Рабочіе синдикаты не выдержали этой борьбы, и въ настоящую минуту, въ названныхъ выше провинціяхъ восточной Испаніи, синдикаты, шедшіе за одно съ анархистами почти всѣ распущены начальствомъ. Но зато и марксистамъ не удалось создать здѣсь ничего живучаго.

Тѣ синдикаты, которые рабочимъ удалось возстановить, составили только мѣстныя Федераціи — чисто синдикальныя, и имъ приходится скрывать свои анархическія тенденціи. Все движеніе ушло вглубь; но при первомъ удобномъ случаѣ ихъ анархическія наклонности скажутся съ силою, которая удивитъ самихъ управителей.

Въ тѣхъ же областяхъ, какъ Кастилія (Мадридъ), Астурія, Эстремадура и Баскскія области, гдѣ раньше не было синдикатовъ, и гдѣ синдикальное движеніе только что начиналось, когда пошло систематическое истребленіе анархистовъ, — въ этихъ областяхъ, рабочіе, не знавшіе раньше синдикатовъ, стали вступать съ полною вѣрою въ синдикаты, основанные за послѣдніе годы соціальдемократами. Они и составляютъ главную силу марксистскаго Генеральнаго Союза, который показываетъ поэтому въ своихъ отчетахъ постоянно возрастающее число членовъ.

Любопытно, однако, что въ этихъ организаціяхъ, оффиціально законническихъ и почти покровительствуемыхъ правительствомъ, измѣнники рабочему движенію не смогли до сихъ поръ пріобрѣсти настоящей силы. Ихъ тактика сводится на два главныхъ пункта: „пошлите насъ въ Палату и не дѣлайте всеобщихъ стачекъ!" И по обоимъ этимъ пунктамъ они терпятъ пораженіе. Ни одному изъ ихъ кандидатовъ демократовъ-соціалистовъ не удалось еще пролѣзть въ Палату. Даже въ Бильбао, гдѣ Генеральный Союзъ особенно силенъ, и гдѣ правительство не выставило никакого конкурента противъ главы соціальдемократовъ, Иглезіаса, этого послѣдняго неизмѣнно побивали, вплоть до сего времени, республиканскіе кандидаты. И въ этомъ самомъ Бильбао, двѣ громадныя всеобщія забастовки были объявлены углекопами противъ воли своихъ главарей, и ихъ поддержали всѣ рабочіе союзы этой области — такъ что обѣ забастовки кончились серьезными побѣдами.

Однимъ словомъ: по внѣшности можно было бы сказать, что революціонный синдикализмъ — въ упадкѣ, а успѣхъ — на сторонѣ усыпителей, покровительствуемыхъ правительствомъ.

На дѣлѣ же — движеніе ушло вглубь, и происходитъ тихая работа концентраціи чрезвычайно серьезныхъ живыхъ силъ, которыя рано или поздно, — надѣемся что скоро — поднимутся и сметутъ реакцію.

Ф. Т.

.....

ДВИЖЕНІЕ РАБОЧИХЪ СОЮЗОВЪ ВО ФРАНЦІИ И АМІЕНСКІЙ КОНГРЕССЪ.

I. До конгресса.

Рабочее или синдикальное движеніе во Франціи совершенно отлично отъ движенія парламентарно-соціалистическаго. Не останавливаясь на самомъ происхожденіи рабочихъ организацій и на ходѣ ихъ развитія (это завело бы меня слишкомъ далеко), я могу сказать, что дѣйствительно независимыми отъ какихъ бы то ни было политическихъ партій онѣ сдѣлались за послѣдніе 10-12 лѣтъ [съ Нантскаго конгресса 1894 года]. Благодаря вліянію нашего товарища анархиста Фернанда Пеллутье, бывшаго въ то время секретаремъ Федераціи Биржъ Труда, рабочимъ союзамъ удалось освободиться отъ опеки, подъ которой стремились удержать ихъ чистые соціальдемократы [гедисты].

Въ этой борьбѣ противъ господства гедистовъ Пеллутье нашелъ поддержку отчасти у независимыхъ союзовъ англійскаго типа [напр. въ Союзѣ рабочихъ книжнаго дѣла, секретарь котораго, Кеферъ, до сихъ поръ является главнымъ представителемъ этого направленія], главнымъ же образомъ у союзовъ примыкавшихъ болѣе или менѣе къ Рабочей Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, называвшейся также партіей Аллеманистовъ по фамиліи главнаго основателя ея, Жана Аллемана.

Аллеманисты пользовались вліяніемъ особенно въ Парижѣ; въ то время ихъ партія носила революціонный характеръ, а по своей почти антипарламентарной тактикѣ они приближались къ анархистамъ.

Изъ этихъ-то направленій и выросло современное теченіе революціоннаго синдикализма. Оказали на него вліяніе и анархисты. Уже не говоря о Пеллутье, многіе другіе изъ нашихъ товарищей вели борьбу въ тѣхъ союзахъ, членами которыхъ состояли. Тортелье напр., былъ однимъ изъ первыхъ пропагандистовъ идеи всеобщей стачки. Пуже, издававшій газету « er a d», точно также явился рѣшительнымъ сторонникомъ пропаганды въ средѣ профессіональныхъ организацій. Но въ особенности подѣйствовалъ примѣръ вліянія и дѣятельности Пеллутье: онъ разсѣялъ непріязненное и подозрительное отношеніе къ рабочимъ союзамъ многихъ анархистовъ, считавшихъ до того времени эти союзы не способными ни на что другое кромѣ организаціи взаимопомощи или чисто-реформаторской борьбы.

Послѣ смерти Пеллутье [въ 1901 году] развитіе рабочихъ синдикатовъ продолжало идти тѣмъ же путемъ. Около этого времени имъ пришлось пережить нѣкоторый кризисъ: Мильранъ вошелъ въ министерство и направилъ свои усилія на то, чтобы повернуть синдикаты на путь исключительно улучшенія своего положенія въ современномъ обществѣ.

Обязательное посредничество въ стачкахъ должно было въ его глазахъ упрочить «соціальный миръ», а учрежденіе Верховнаго Совѣта Труда, раздача субсидій и проч. должны были способствовать этому уклоненію рабочихъ союзовъ въ сторону чисто-законнаго пути. Мильрана, тогда еще официально считавшагося соціалистомъ, поддерживала партія Жореса, стремившаяся къ союзу съ корпоративнымъ движеніемъ, которое по ея разсчету должно было сдѣлаться болѣе мирнымъ. Она стала заискивать передъ синдикатами и приняла даже идею всеобщей стачки, до того времени отвергавшуюся соціальдемократами вообще и гедистами въ частности. Нужно сказать, впрочемъ, что съ этими послѣдними жоресисты были въ это время въ разладѣ; нужно сказать и то, что въ ихъ глазахъ всеобщая стачка должна была быть не болѣе какъ мирной демонстраціей, дисциплинированной и не выходящей за предѣлы законности.

Но въ самихъ рабочихъ союзахъ громадное большинство не отозвалось на заигрыванія правительства, доходившаго до приглашенія ихъ членовъ, вмѣстѣ съ ихъ женами, на официальныя военныя торжества, ни на корыстную дружбу соціалистовъ-реформаторовъ. Рабочая масса ускользала изъ рукъ политикановъ. Она все больше и больше проникалась сознаніемъ своей собственной силы и вырабатывала свой собственный методъ борьбы. Именно этотъ методъ — проповѣдовавшійся и прилагавшійся еще въ Интернаціоналѣ Бакунинымъ и членами Юрской федераціи — и сталъ обозначаться именемъ прямого воздѣйствія (action directe)*) нѣсколько времени это было пущено въ ходъ Пуже, однимъ изъ видныхъ

*) методъ приблизительно соотвѣтствующій тому, который получилъ въ Россіи названіе «явочнаго порядка». Прим. ред.

членовъ конфедеральнаго комитета и администратора органа конфедтраціи «Voix du Peuple» [Голосъ Народа].

Лозунгъ «прямого воздѣйствія» объединилъ съ одной стороны анархистовъ, съ другой — соціалистовъ, вышедшихъ изъ среды соціалистическихъ партій. Подъ вліяніемъ событій, подъ вліяніемъ уроковъ жизни и борьбы, эти послѣдніе по большей части быстро отставали отъ тѣхъ политическихъ партій, къ которымъ раньше принадлежали, и начинали смотрѣть на себя исключительно какъ на синдикалистовъ; парламентская дѣятельность теряла для нихъ всякій интересъ.

Вскорѣ имъ пришлось открыто выступить противъ политиковъ соціализма, обманувшихся въ своихъ ожиданіяхъ. Видя что на ихъ заигрыванія не отвѣчаютъ, эти послѣдніе, въ особенности газета **Petite Republique**, издававшаяся соціалистическимъ депутатомъ и аферистомъ Жеро Ришаромъ, сразу измѣнила тонъ и перешла къ рѣзкимъ и въ высшей степени недобросовѣстнымъ нападкамъ. Въ среду рабочихъ организацій старались внести разладъ; съ этой цѣлью старались возбудить умѣренные элементы, еще очень сильные среди типографскихъ рабочихъ и механиковъ; но это только усилило энергію революціонной пропаганды и еще болѣе привлекло къ принципу «прямого воздѣйствія» рабочихъ изъ среды бланкистовъ и гедистовъ. Эти двѣ соціалистическія фракціи, бывшія въ разладѣ съ фракціей Жореса, считали въ то время выгоднымъ поддерживать независимость рабочихъ союзовъ.

Борьба между реформистами и сторонниками «прямого воздѣйствія» въ рабочихъ организаціяхъ привели на корпоративномъ конгрессѣ въ Буржѣ, въ 1904 году, къ побѣдѣ революціоннаго теченія. Рабочіе союзы рѣшили на этомъ конгрессѣ предпринять энергичную агитацію въ пользу 8-ми часового рабочаго дня, но безъ обращенія въ парламентъ и къ властямъ, — что всегда дѣлали соціальдемократы. 1-го мая 1906 года должно было послужить отправнымъ пунктомъ общаго движенія съ цѣлью непосредственно заставить предпринмателей сократить рабочій день. Это рѣшеніе имѣло большое агитаціонное и воспитательное значеніе; мысль, что рабочіе должны разсчитывать только на самихъ себя, все больше и больше пробивала себѣ дорогу. Втеченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ число членовъ рабочихъ союзовъ значительно возросло, стачки участились. Въ публикѣ стали заинтересовываться Всеобщей Конфедераціей Труда. Газеты всѣхъ партій заговорили о ней. Въ ней увидали новую ростущую силу.

Приближалось 1-ое мая 1906 года. Случилось такъ, что въ это же время должны были происходить выборы въ Палату. Правительство, опасаясь за будущее, стало придираться къ Конфедераціи. Одна антимилитаристская прокламація послужила поводомъ къ аресту нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей; вторымъ поводомъ къ преслѣдованіямъ избранъ былъ номеръ газеты «Голосъ Народа», посвященный отъѣзду рекрутовъ. Реакціонныя газеты, съ своей стороны, въ цѣляхъ привлеченія къ своимъ кандидатамъ голосовъ либеральной буржуазіи, стали пугать ее призракомъ грядущей революціи. Въ Сѣверномъ департаментѣ и въ Па-де-Калэ въ то же время вспыхнула стачка углекоповъ, наперекоръ Басли и Ламандену [соціалистическимъ депутатамъ и секретарямъ стараго рабочаго союза, не примкнувшаго къ Конфедераціи Труда], стачка приняла рѣзкій характеръ и грозила не только затянуться на долго, но и послужить началомъ всеобщей забастовки къ приближавшемуся 1-му мая. Движеніе росло, несмотря на правительственныя репрессіи и на ложь и клевету, которую распускали Басли и его друзья противъ «гнусныхъ анархистовъ Конфедераціи».

И вотъ, въ апрѣлѣ 1906 года радикальное министерство выдумало заговоръ, въ которомъ дѣятели Конфедераціи оказывались будто бы замѣшанными въ компаніи съ нѣкоторыми выдающимися реакціонерами. Это было такое же полицейское измышленіе, какъ то къ которому прибѣгли противъ Пеллутье и Герара во время крупныхъ стачекъ 1899 года. Изъ него, конечно, ничего не вышло и теперь, несмотря на все желаніе нѣкоторыхъ политикановъ соціализма; но «заговоръ» послужилъ достаточнымъ предлогомъ для того, чтобы арестовать многихъ дѣятелей въ Па-де-Калэ и Парижѣ и наводнить войсками крупные промышленные центры.

При такихъ условіяхъ, ради простого сокращенія рабочихъ часовъ предстояло совершить революцію. Однако, стачекъ было очень много: ювелиры въ Парижѣ, рабочіе металлургическихъ заводовъ въ Эннебонѣ, литографы и т. д. Механики — умѣренные и враждебно настроенные по отношенію къ движенію — были вовлечены въ стачку неорганизованными рабочими. Общее требованіе было: 8ми часовой рабочій день съ сохраненіемъ прежней заработной платы. Побѣдить не удалось по указаннымъ уже причинамъ: всѣ военныя и полицейскія силы были поставлены на ноги, веденіе стачки стало почти невозможнымъ, главные дѣятели преслѣдовались, арестовывались, подвергались суровымъ судебнымъ карамъ. Парижъ былъ точно въ осадномъ положеніи; повсюду разъѣзжали патрули. Почти всѣ стачечники добились однако, нѣкоторыхъ улучшеній. Союзъ книжнаго дѣла, не принимавшій участія въ предварительной пропагандѣ, воспользовался движеніемъ и получилъ 9-ти часовой рабочій день для типографскихъ рабочихъ. Хозяева типографій уступили безъ особеннаго сопротивленія, но они поспѣшили поднять цѣны на 30 процентовъ и, такимъ образомъ, получили значительныя выгоды.

Но главнымъ пріобрѣтеніемъ былъ въ этомъ движеніи результатъ нравственный. Несмотря на видимый неуспѣхъ, рабочій классъ не только не упалъ духомъ, но наоборотъ съ гордостью смотрѣлъ на то, какъ въ первый разъ онъ самъ, безъ всякаго участія политикановъ, повергъ въ такое безпокойство и правительство, и печать и общественное мнѣніе. Онъ ясно сознавалъ свою силу и понималъ, что теперь остается только продолжать въ томъ же направленіи и что агитація не должна прекращаться послѣ назначеннаго срока.

Въ сущности, еще задолго до 1-го мая 1906 года эта агитація выразилась въ многочисленныхъ стачкахъ. Рабочіе занятые въ строительныхъ ремеслахъ и въ производствѣ жизненныхъ припасовъ, добились, не дожидаясь установленнаго дня значительныхъ улучшеній. Съ другой стороны, большинство ремеслъ требовало, одновременно съ 8ми часовымъ рабочимъ днемъ и еженедѣльнаго отдыха. 1ое мая 1905 года пришлось въ воскресенье; это вызвало во всей Франціи рядъ демонстрацій и отдыхъ въ этотъ день былъ завоеванъ собственными усиліями рабогихъ, несмотря на противодѣйствіе со стороны мэровъ, даже во многихъ соціалистическихъ муниципалитетахъ.

Правительство съ своей стороны видѣло, что въ виду такого движенія рабочаго класса предпринять что нибудь необходимо. Въ нѣсколько дней оно провело въ Палатѣ законъ о воскресномъ отдыхѣ, законъ уже цѣлый годъ на очереди въ обѣихъ палатахъ. А министръ торговли внесъ законопроэктъ объ законномъ ограниченіи рабочаго дня до 10 часовъ.

Таково было положеніе, когда открылся въ октяарѣ 1906 г. рабочій конгрессъ въ Аміенѣ.

М. Пьерро.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Какая теперь въ Россіи безработица — всякій пойметъ. Нищета, среди безработныхъ ужасная. Въ Кіевѣ, больше 3000 безработныхъ. И вотъ Кіевскій сатрапъ, — т. е. губернаторъ, генералъ Веретенниковъ изволилъ додуматься до слѣдующаго: онъ отбираетъ подписку отъ всѣхъ владѣльцевъ фабрикъ, магазиновъ и т. п., чтобы они не смѣли ничего жертвовать на безработныхъ. И, замѣтьте, въ Петербургѣ его за это похваливаютъ.

Пусть хоть полъ-Россіи передохнетъ съ голода, — лишь бы имъ продлить хоть на нѣсколько мѣсяцевъ, свое самодержавіе, т. е. право всѣхъ „охранителей“ грабить во-всю всѣхъ и вся по всей Россіи.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля“ [1 шилингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. Wess, 54, Capworth Street, Leyton, London, E.

Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.

E. Dell, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

[illegible] 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ.

№ 3. — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 28 НОЯБРЯ 1906 г.

Лондонъ. 28 ноября 1906.

Нельзя жить теперь въ Россіи, пишетъ одинъ корреспондентъ, не чувствуя что страна готовится къ какому то большому, рѣшительному столкновенію. Конгрессъ кадетовъ, начинающаяся передъ-выборная агитація — все это, какъ будто, что-то неважное, чему сами участвующіе, повидимому, не придаютъ большого значенія.

Чувствуется, что въ странѣ назрѣваетъ въ ея глубинахъ что-то другое — какое то широкое народное движеніе, которое всѣ подготовляютъ и отъ котораго зависитъ все будущее Россіи.

Да. Иначе и быть не можетъ. Жить *такъ*, какъ теперь живетъ Россія — долго нельзя. Еще нѣсколько мѣсяцевъ пожалуй, можно протянуть. Полгода — уже трудно; а годъ — и совсѣмъ невозможно. Кровью играть нельзя. Въ ней утонули болѣе сильные люди, чѣмъ Николай II.

А у насъ палачи Николая II-го льютъ кровь рѣкою. Есть дни, когда они казнятъ по десяти человѣкъ заразъ, взрослыхъ и дѣтей... Выходитъ просто бойня, отъ которой у самихъ солдатъ руки дрожатъ и стучатъ зубы. Есть дни, когда они доводятъ до 20-ти, число казненныхъ во славу Николая II-го — съ его согласія и, какъ теперь доказано, при его личномъ поощреніи.

Говорили они, что льютъ эту кровь, чтобы во что бы то ни стало прекратить грабежи. Но грабежи ничуть не прекращаются: они ростутъ. Каждый день газеты заносятъ по 20 ти, по 25 ти случаевъ грабежей, болѣе или менѣе крупныхъ. Ростетъ только смѣлость и подготовленность грабежей. Такъ, на дняхъ, на станціи Рогово, Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, ограбленъ поѣздъ, на которомъ везли золото подъ сильнымъ конвоемъ. И сдѣлано было это среди бѣла-дня, вооруженной рукой, какъ это дѣлается навойнѣ.

На дѣлѣ, казни служатъ только средствомъ истребленія революціонеровъ.

Той же цѣли служитъ и ссылка. Въ Архангельскую губернію вѣрные слуги Николая Шго наслали столько ссыльныхъ, и ихъ столько мретъ тамъ голодною смертью, что даже архангельскій губернаторъ взбунтовался и дважды потребовалъ отъ петергофцевъ, чтобы они больше не ссылали въ его губернію. А они все шлютъ новыхъ, на вѣрныя муки голодной смерти!...

А что дѣлается въ Нарымскомъ Краѣ — просто ужасъ. Намъ приходится здѣсь, въ Англіи, выпрашивать милостыню у англичанъ, чтобы спасти отъ голодной смерти хоть нѣсколькихъ дѣтей. Но что за дѣло Николаю II-му до русскихъ дѣтей!! Лишь бы *ихъ* дѣти росли въ шолкѣ да въ бархатѣ.

Мы понимаемъ, что отчаяніе овладѣваетъ людьми въ Россіи, и что подобно женѣ великаго страстотерпца, протопопа Аввакума, они восклицаютъ: „Доколѣ, Господи! Доколѣ!“ Мы понимаемъ, что многіе не выносятъ этихъ мукъ и поканчиваютъ собою самоубійствомъ. Да, мы понимаемъ. Но пусть вспомнятъ всѣ могучій образъ нашего праотца, многострадальнаго Аввакума! Въ такую минуту, какую мы переживаемъ, самоубійство, отчаяніе — преступленіе, измѣна великому дѣлу.

Вотъ такую же минуту переживала Франція среди своей революціи, въ 1790 и 1791 году, когда Маратъ терялъ вѣру и писалъ любимому имъ народу, что онъ, должно быть, не дорослъ до свободы — не стоитъ ея... Но онъ былъ неправъ. Гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ народной жизни, при помощи тысячъ пропагандистовъ уже поднималась и росла волна, которая наконецъ смела короля и его дворню. Такая же глубокая, подземная работа идетъ и въ Россіи. И на нее нужны тысячи и тысячи работниковъ.

Но будемъ помнить одно. Революціонная пахота должна идти глубже, чѣмъ она шла до сихъ поръ. Нельзя ограничиться подборомъ однихъ тѣхъ, кого революціонеры, съ заносчивостью молодости, зовутъ „сознательными“. Нужно захватывать всѣхъ, тронуть сердце и умъ массъ, въ глубокомъ смыслѣ слова. Нужно, чтобы въ нихъ самихъ совершился подборъ людей, готовыхъ къ дѣйствію.

Затѣмъ, нужно твердо помнить, что всѣ хитро-сплетенные планы ничего не стоятъ. Любой офицеръ, имѣвшій военную опытность, подтвердитъ это. Въ революціи, какъ и на войнѣ, — чѣмъ проще планъ нападенія, тѣмъ лучше. И изъ двухъ противниковъ всегда, безусловно, — *тотъ сильнѣе, на чьей сторонѣ массы.*

Геройство, личное и кружковое, конечно заразительно. Но сейчасъ этого было бы недостаточно. Нужно то, что дѣлалось въ Парижѣ народомъ передъ 10 мъ августа 1792 и передъ 18 мъ марта 1871, когда *народъ*, подготовленный систематическою работою, бралъ все дѣло въ свои руки, самъ организовался для рѣшительной борьбы со старымъ порядкомъ и — сметалъ силою своего массового напора. А что русскіе рабочіе способны сдѣлать тоже, — они уже доказали въ октябрѣ прошлаго года.

И, навѣрно, докажутъ еще, и не разъ, — вплоть до торжества правды противъ лжи, насилія и звѣрства.

О ТЕРРОРѢ.

Вотъ уже второй годъ кровь широкимъ потокомъ усиленно льется по всему необъятному пространству многострадальной Россіи. Разстрѣлы по суду и безъ суда, погромы, карательныя экспедиціи, наглое, открытое поощреніе черносотеннаго слова и дѣла — съ одной стороны; смѣлыя нападенія, вооруженныя возстанія, акты мести и самозащиты, беззавѣтное самопожертвованіе и героизмъ — съ другой. Въ результатѣ сотни, тысячи жертвъ.

Жизнь человѣческая обезцѣнилась; „терроръ“ вышелъ за предѣлы узкаго круга людей, всецѣло посвятившихъ себя дѣлу освобожденія. Въ эти дни кроваваго ужаса онъ пересталъ быть достояніемъ однихъ активныхъ революціонеровъ, подвергающихся спеціальнымъ преслѣдованіямъ правительства. Жизнь для всѣхъ, кромѣ изувѣровъ существующаго строя, стала невыносимой, и не только тѣ революціонеры, которые еще такъ недавно принципіально отвергали терроръ, сами стали террористами, но даже люди посторонніе революціи и соціализму понимаютъ террористическіе акты и сочувствуютъ имъ.

Но не всегда и не для всѣхъ неизбѣжность и вліяніе актовъ активнаго протеста противъ опоръ существующаго строя бываетъ такъ очевидна, какъ они стали теперь, благодаря слишкомъ ужъ откровенной разнуздапности правительственныхъ неистовствъ. Въ такъ-называемое мирное время, когда весь гнетъ государственнаго и капиталистическаго устройства обрушивается всею своею тяжестью исключительно на трудящіяся массы, среди прогрессивно настроенныхъ слоевъ общества нерѣдко встрѣчается не только отрицательное отношеніе къ активной борьбѣ съ нимъ, но и рѣзкія порицанія ея.

Нужды нѣтъ, что въ это „мирное“ время число жертвъ отъ хроническаго недоѣданія, отъ изнурительнаго непосильнаго труда, „несчастныхъ случаевъ“ при работѣ и прочихъ ужасовъ капиталистическаго строя превосходитъ во много разъ количество жертвъ отъ самой кровопролитной войны, отъ самой ожесточенной революціонной борьбы. Жертвы эти въ глаза не бросаются, крови ихъ не видно, стоновъ не слышно.

Въ „мирное“ время даже нѣкоторыя соціалистическія партіи особенно возстаютъ противъ такихъ бунтовскихъ актовъ, нарушающихъ спокойное теченіе жизни, и усиленно стараются увѣрить трудящіяся массы въ благодѣтельности результатовъ „естественнаго хода событій“.

Подъ такой тактикой скрываются тайные помыслы о вступленіи въ законное русло. Буржуазія, бывшая въ свое время партіей „революціонной“, успокоилась, достигнувъ власти и силы, — точно также, какъ и соціалисты-государственники „свободныхъ“ странъ, вступившіе въ прочный союзъ со своими теоретическими противниками. Тѣ и другіе теперь первые враги террора.

Но всѣ революціонныя партіи, покуда онѣ остаются революціонными, самымъ фактомъ своего нелегальнаго существованія вынуждены бываютъ, какъ показываетъ исторія, прибѣгать къ террору, — по крайней мѣрѣ въ цѣляхъ самозащиты, — хотя бы теоретически онѣ и оспаривали цѣлесообразность его.

Да иначе и быть не могло бы. Революціонеры всегда преслѣдуются представителями господствующей власти, и нерѣдко преслѣдованія эти переходятъ границы терпѣнія самыхъ мирно-настроенныхъ революціонеровъ. Вспомнимъ, какъ Желябовъ объяснялъ на судѣ переходъ къ террору русской соціально-революціонной партіи:

„Если вы, господа судьи, — говорилъ онъ — взгляните въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народо; любцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами-что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною“. (Процессъ 1-го марта 1881 года.)

Съ особенной силой необходимость актовъ самозащиты и мести всегда тяготѣла и тяготѣетъ надъ анархистами.

Анархическое міровоззрѣніе рѣзко враждебно самымъ основамъ всякаго государства, власти и частной собственности на землю и орудія труда, и всему вытекающему отсюда положенію вещей. Относясь скептически къ реформамъ, отрицая сотрудничество и какіе бы то ни было компромиссы съ правящими классами, анархисты нигдѣ, даже въ самыхъ демократическихъ республикахъ, даже въ гипотетическомъ коллективистскомъ государствѣ соціальдемократовъ, не могутъ перестать быть революціонерами.

И во всѣхъ существующихъ государствахъ простая пропаганда идей анархизма вызываетъ жестокія преслѣдованія.*) У всѣхъ еще на памяти убійства и пытки анархистовъ въ Монтжюихской крѣпости (въ Испаніи), повлекшія за собой убійство министра Кановаса, а также послѣдующія злодѣйства испанскаго правительства, послужившія причиной покушеній на министра Маура и на Альфонса XIII-го.

Кромѣ того, наряду съ явными, исключительными законами въ демократическихъ республикахъ — Франціи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ, повсюду существуютъ еще тайные.

Наконецъ, неистовства русскаго правительства по отношенію къ анархистамъ (напр., въ Варшавѣ) выдѣляются даже на фонѣ общаго кошмарнаго ужаса нашихъ дней.

Итакъ, терроръ оборонительный является неизбѣжнымъ спутникомъ всякой революціонной партіи, въ томъ числѣ и анархической.

Но, будучи послѣдовательными, понимая сущность, причины и послѣдствія гнета, лежащаго на плечахъ обездоленныхъ, коммунисты-анархисты не могутъ реагировать только на прямыя враждебныя дѣйствія правительствъ по отношенію къ нимъ. Существующій строй непрерывно давитъ на трудящіяся массы, линяя ихъ возможности человѣческой жизни, неуклонно толкая ихъ въ преждевременную могилу, и его давленіе всегда стремится возрастать и усиливаться при отсутствіи отпора. Необходимость этого отпора анархисты сознаютъ, и не упускаютъ по мѣрѣ возможности осуществлять его. Они не смотрятъ на этотъ отпоръ, какъ на средство побѣдить существующій строй. Они знаютъ, что побѣда можетъ быть достигнута лишь дружнымъ, активнымъ выступленіемъ самихъ массъ. Но отдѣльные акты въ интересахъ народа могутъ способствовать пробужденію активности его, подъему духа въ немъ, могутъ приблизить его къ революціи.

Вотъ почему коммунисты-анархисты признаютъ агитаціонное значеніе и пользу для освободительнаго дѣла за такими личными и коллективными актами протеста и высказываютъ это устно и печатно.

Ниже мы разберемъ на отдѣльныхъ примѣрахъ изъ исторіи террористической борьбы, какіе акты, совершенные различными партіями, давали положительные результаты.

---

*) Относительно будущаго, соціальдемократическаго государства, извѣстенъ много угрозъ, вродѣ словъ соц. дем. депутата Шоэна: „Когда мы захватимъ власть, первой нашей задачей будетъ разстрѣлять анархистовъ“.

Теперь же отмѣтимъ еще, что хотя коммунисты-анархисты и признаютъ террористическую борьбу, но терроръ вовсе не связанъ органически съ сущностью анархическаго міровоззрѣнія и не вытекаетъ изъ него. Напротивъ того, нѣтъ другого міровоззрѣнія, болѣе проникнутаго любовью не къ отвлеченному человѣчеству, а къ живому человѣку, ко всѣмъ людямъ. И только непониманіе сущности современнаго строя, основаннаго на насиліи, самый этотъ строй, его проявленія, сущность государства, этой машины, основанной на насиліи во имя насилія, вынуждаютъ анархистовъ бороться съ нимъ насиліемъ.

Это не мѣшаетъ нашимъ противникамъ почти всегда отождествлять анархизмъ съ терроризмомъ. Они стараются даже подмѣнить все содержаніе анархической пропаганды, представляя ее призывомъ къ безсмысленнымъ жестокостямъ — безграничною и безпричинною жаждою крови. Одни дѣлаютъ это, чтобы оправдать примѣненіе къ анархистамъ, даже и безъ всякаго видимаго повода, за одно то, что они анархисты, самыхъ суровыхъ мѣръ; другіе, чтобы помѣшать распространенію анархизма, чтобы оттолкнуть отъ знакомства съ нимъ.

Эти нелѣпыя измышленія лучше всего, конечно, опровергаются серьезнымъ знакомствомъ съ идеями анархизма и анархическимъ движеніемъ. Но что до всего этого недобросовѣстнымъ врагамъ!

Напрасно анархисты Шписъ, Швабъ и Фишеръ, судившіеся въ Чикаго въ 1887 году, разъясняли на судѣ что „анархизмъ вовсе не означаетъ: кровопролитіе, грабежъ, кинжалы, ядъ и т. п. Все это ужасныя принадлежности и характерные признаки современнаго капиталистическаго строя. Анархизмъ означаетъ: миръ и довольство для всѣхъ. Анархисты съ удовольствіемъ отказались бы отъ всякаго насилія. Въ современномъ строѣ насиліе практикуется всѣми, мы же совѣтуемъ угнетеннымъ употребленіе насилія противъ насилія и только противъ насилія, какъ необходимое средство защиты.“ (См. ихъ процессъ).

Всѣ эти заявленія (какъ и многія другія, печатныя и устныя) не помѣшали однако заинтересованнымъ партіямъ увѣрять, что „анархизмъ — голое насиліе, а буржуазное общество „миръ и порядокъ“, и это даже несмотря на то что американскія буржуазныя газеты того времени писали напримѣръ слѣдующее:

„На этихъ сколовъ (стачечниковъ) — писала Нью-оркская *Tribune* — ничѣмъ, кромѣ силы, не подѣйствуешь, а потому имъ надо дать такой урокъ, чтобы они не забыли его впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній.“

„Бомбы надо бросать въ толпу стачечниковъ, стремящихся повысить заработную плату и уменьшить рабочій день; такимъ образомъ и они будутъ проучены, да и на другихъ примѣръ подѣйствуетъ“, — проповѣдывалъ Чикагскій *Times*.

„Лучшее средство противъ голодающихъ безработныхъ, это — класть имъ въ пищу мышьякъ“. Вотъ до чего договорился Чикагскій *Times*.

Предоставимъ же такого сорта „идейныхъ противниковъ“ самимъ себѣ и напомнимъ лишь, что акты даже тѣхъ товарищей, которые переоцѣнивали боевое значеніе террора, всегда въ сущности бывали вызваны реальными поводами со стороны правящихъ и господствующихъ. Эти акты сводились къ мести и самозащитѣ личной или классовой.

Вотъ передъ нами цѣлый рядъ актовъ „эры динамита“ во Франціи, открывшейся выступленіемъ Равашоля.

11 марта 1892 года онъ подложилъ бомбу на лѣстницѣ предсѣдателя Парижскаго суда, Бенуа, а 27 марта того же года онъ сдѣлалъ тоже въ домѣ прокурора Бюло, т. е. въ домахъ тѣхъ самыхъ судейскихъ, благодаря стараніямъ которыхъ былъ вынесенъ очень суровый приговоръ по дѣлу анархистовъ Декампа, Дардара и Левайеля.*)

Взрывъ казармъ Лобо объясняется негодованіемъ на покорность, съ которою войска шли на усмиреніе рабочихъ. Взрывъ ресторана Вери, наканунѣ суда надъ Равашолемъ, былъ отвѣтомъ на выдачу Равашоля служащимъ этого ресторана.

Бомба Вальяна была брошена въ Палату депутатовъ, только что проявившую свою подкупность въ Панамскихъ мошенничествахъ.

Вотированные этой же Палатой (при участіи „соціалистическихъ“ депутатовъ) исключительные законы противъ анархистовъ и свирѣпые преслѣдованія анархистовъ на основаніи ихъ повели къ взрыву 13 февраля 1894 года, (черезъ недѣлю послѣ казни Вальяна) въ богатомъ кафе „Терминусъ“. Авторъ взрыва, Эмиль Анри, мотивировалъ свой актъ, между прочимъ, тѣмъ, что онъ желалъ поразить безымянную толпу-стадо, своимъ одобреніемъ поддержавшую подлые законы своихъ выборныхъ.

„Массы лицъ, — говорилъ Анри на судѣ въ свою защиту — массы лицъ взятыхъ наугадъ, были насильно отняты у своихъ семействъ и брошены въ тюрьму. Что дѣлалось съ женами и дѣтьми этихъ товарищей, во время ихъ заключенія? Никто, конечно, этимъ не интересовался. Анархистъ пересталъ считаться человѣкомъ, это былъ звѣрь, котораго травили со всѣхъ сторонъ, и буржуазная пресса на всѣ лады требовала его уничтоженія...

„Буржуазія не дѣлала различія между анархистами, продолжалъ онъ; одинъ изъ нихъ — Вальянъ — бросилъ бомбу и, хотя девять десятыхъ изъ его товарищей не знали о его планахъ, тѣмъ не менѣе преслѣдованію подвергались всѣ, кто только имѣлъ какое нибудь отношеніе къ анархизму. Что же! если вы дѣлаете цѣлую партію отвѣтственной за дѣйствія одного изъ ея членовъ, если вы бьете огуломъ всѣхъ — мы будемъ дѣлать то же самое!..“

Наконецъ Казеріо убилъ президента французской республики Карно, отказавшагося замѣнить смертный приговоръ Вальяна каторгой, несмотря на заступничество значительной части прессы, въ виду того, что его бомба никого не убила, и что во Франціи никогда не казнятъ за покушеніе, если не было дѣйствительной жертвы.

Мы упомянули для примѣра лишь о наиболѣе крупныхъ актахъ этой „эры динамита“ для того только чтобы показать, что въ основѣ ихъ лежали реальныя проявленія гнета современнаго строя. Точно также обстояло дѣло и съ другими актами анархистовъ.

Но не всѣ они имѣли положительные результаты. Часть ихъ дала лишь исходъ личному чувству негодованія и возмущенія, которое совершившіе эти акты не въ силахъ были больше сдерживать. Правда, временно они на смерть перепугали буржуазію, но массъ они не увлекли за собой, и даже вызвали отрицательное отношеніе къ нимъ со стороны рабочихъ, не затронутыхъ пропагандой и не понявшихъ этой борьбы анархистовъ за существованіе.

---

*) Товарищи эти во время первомайской демонстраціи въ Фурми, при которой республиканскимъ правительствомъ были испробованы ружья новой системы «Лебель», оказавшія «прекрасные результаты» (оффиц. отчетъ), положивъ на мѣстѣ много рабочихъ, женщинъ и дѣтей, оказали вооруженное сопротивленіе грубо разгонявшимъ толпу полицейскимъ. Ихъ ранили, жестоко избили и втеченіе двухъ сутокъ не давали воды, даже для промывки неперевязанныхъ ранъ.

Прекращеніе „эры динамита" выясняется, такимъ образомъ, вовсе не репрессіями, которыя никогда не устрашаютъ идейныхъ борцовъ, а тѣмъ, что французскіе товарищи убѣдились въ безплодности тактики систематическаго террора и недостаточности его для пропаганды своихъ идей.*)

Для революціонеровъ, имѣющихъ опредѣленное міровоззрѣніе и борящихся за опредѣленные идеалы, каковы коммунисты-анархисты, это далеко не второстепенный вопросъ. Далеко не всѣ террористическіе акты для нихъ равнозначущи. Для нихъ имѣютъ значеніе лишь тѣ акты, которые понятны массамъ, заслуживаютъ одобренія массъ, и тѣмъ способствуютъ пробужденію революціоннаго духа распространенію идей. Анархисты вовсе не думаютъ облагодѣтельствовать народъ сверху. Стремясь къ соціальной революціи, они знаютъ, что такая революція возможна лишь при условіи дѣятельнаго участія самихъ массъ и стараются прежде всего пробудить въ нихъ сознаніе важности этой революціи, пониманіе необходимости выступленія самихъ массъ, и подвинуть ихъ къ этому примѣромъ личной самоотверженности и героизма.

Вл. Забрежневъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ИЗЪ РОССІИ.

КАЗНИ ВЪ РИГѢ.

Въ прошломъ номерѣ у насъ было помѣщено извѣстіе о казни въ Ригѣ шести нашихъ товарищей, принадлежавшихъ къ группѣ «Интернаціоналъ». Трое изъ нихъ, евреи, на предложеніе раввина покаяться передъ смертью отвѣтили слѣдующими словами:

«Грабежъ, по моему, это — если берутъ краденыя вещи для себя. Мнѣ 18 лѣтъ; я всегда занимался производительнымъ трудомъ и очень мало получалъ за него. Я видѣлъ, какъ тѣ, которые ничего не производятъ, живутъ въ свое удовольствіе насчетъ производителей; я убѣдился, что есть производители, ничего не получающіе за свой трудъ, и есть люди, которые ничего не производятъ и получаютъ много... Указать на это моимъ братьямъ, дать понять всему пролетаріату эту громадную несправедливость, объяснить всѣмъ трудящимся, что они — дѣти вѣчныхъ рабовъ, которые всегда производили и которыхъ всегда грабили — такова была моя цѣль. Въ ней я не вижу ничего преступнаго, за что я долженъ былъ бы просить прощенія. Изъ взятыхъ денегъ я не тронулъ ни копѣйки: все ушло для святой цѣли.»

Осипъ Левинъ, 16 лѣтъ: «Изъ всѣхъ денегъ, которыя мы взяли отъ капиталистовъ для нашей святой анархіи, я себѣ даже не позволилъ сдѣлать пару брюкъ... Я умираю въ старыхъ штанахъ, данныхъ мнѣ моимъ братомъ — студентомъ, потому что я ходилъ оборванцемъ... Деньги у меня были святыми и я ихъ употребилъ на святыя цѣли. Я нахожу, что умираю не грѣшникомъ, но борцомъ за все человѣчество, за угнетенныхъ теперешнимъ строемъ.»

Извѣстный товарищамъ подъ фамиліей Петровъ, 16 лѣтъ: «Я сирота, выросъ безъ отца и матери. Мое лицо и мой видъ покажутъ вамъ, въ какихъ условіяхъ я выросъ; я всегда голодалъ и валялся гдѣ попало. Никто меня не пускалъ къ себѣ переночевать, и я убѣдился, что у меня не только нѣтъ отца и матери, которые умерли, когда я былъ ребенкомъ но и мать-земля, на которой я выросъ, была украдена у меня, такъ что голова моя не имѣла права приткнуться гдѣ-нибудь, а ноги не имѣли права касаться земли.... Чтобы добиться, освобожденія земли для всѣхъ людей, которые на ней живутъ, я боролся всю свою жизнь. Я не грѣшникъ, я исполнилъ свой долгъ.»

Всѣ трое умерли съ возгласомъ:

«Да здравствуетъ земля и воля!»

Про самую казнь пишутъ въ «Бирж. Вѣд.»:

«Левинъ, Іоффе и Шафронъ — совсѣмъ мальчики... Разстрѣливавшіе были крайне смущены, стрѣляли въ сторону. Потребовалось нѣсколько залповъ. Казнь была продолжительная и мучительная. Съ однимъ изъ присутствовавшихъ представителей власти произошелъ нервный припадокъ.»

Цифра казненныхъ въ Ригѣ доведена такимъ образомъ до 56-и. Вотъ какъ подготовляютъ въ Ригѣ «сентябрьскіе дни», —дни во время которыхъ народъ въ Парижѣ убивалъ защитниковъ стараго порядка своимъ самосудомъ.

Въ Одессѣ разбиралось 1 ноября дѣло о взрывѣ въ кафе Либмана происшедшемъ годъ тому назадъ. Въ кафе не былъ раненъ никто, кромѣ самихъ покушавшихся, но одна изъ бомбъ перенесена была въ участокъ и тамъ взорвалась, убивъ одного полицейскаго Судилъ военно-окружный судъ. Дѣло продолжалось всего нѣсколько часовъ. Защита удалилась въ видѣ протеста противъ разнаго рода незаконныхъ дѣйствій суда, подсудимые же были удалены изъ залы засѣданій вслѣдствіе «вызывающаго» поведенія. Судъ приговорилъ: Шерешевскую, Брунштейна и Меца къ смертной казни, Тарапуту (женщина) и Шашека — къ 17-и лѣтней каторгѣ.

Въ Одессѣ же нѣкоторое время тому назадъ повѣшенъ анархистъ Покотиловъ, рабочій, за убійство директора.

Въ Кіевѣ разстрѣлянъ анархистъ Николай Якобсонъ.

Покушеніе на Рененкампфа въ Иркутскѣ оказалось дѣломъ анархиста. Совершившій его Коршунъ (рабочій), уже казненъ.

Въ Москвѣ арестовано двадцать человѣкъ нашихъ товарищей въ связи съ покушеніемъ на градоначальника Рейнбота.

Изъ письма товарищей изъ Москвы:

«Почти всюду широкая работа въ массахъ замерла. Заняты всѣ, либо террористическою борьбою, либо изданіемъ литературы. Недавно здѣсь арестованъ раненнымъ товарищъ, убившій при задержаніи жандарма и дворника.

По выздоровленіи будетъ казненъ, что уже исполнено съ его сообщникомъ Михайловымъ (с. р.)»

ПЫТКА ВОЗСТАНОВЛЕНА.

Въ мартѣ 1906 г., въ газетѣ Русь (№ 44, 2 (15) марта) было напечатано письмо профессора Бодуэнъ-де-Куртонэ, въ которомъ говорилось, что чиновникъ Гринъ, специально присланный министромъ Дурново въ Варшаву, со спеціальными полномочіями, пыталъ въ тюрьмѣ заарестованныхъ, подвергая ихъ жестокимъ истязаніямъ. Черезъ нѣкоторое время русскія газеты писали, что Варшавскій прокуроръ началъ судебное преслѣдованіе противъ Грина и десяти другихъ сыщиковъ, «прилагавшихъ пытки къ заключеннымъ». Ничего, конечно, изъ этого не вышло.

Печатаемъ теперь письмо отъ одного изъ тѣхъ самыхъ товарищей, кого пытали Гринъ и его сыщики. Читатели увидятъ, до какой гнусности и подлости дошло правительство Николая II.

Изъ Варшавы. Я хочу, чтобы наши товарищи знали какъ произошелъ нашъ арестъ и какъ съ нами обращались, чтобы чего нибудь добиться отъ насъ. Было ли все это провокаціей, или виною наша неосторожность, объ этомъ я еще до сихъ поръ ничего не могу сказать. Уже три мѣсяца я думаю объ этомъ и не нахожу отвѣта. Теперь я хочу описать все подробно.

31 Декабря (н.с.) днемъ, на улицѣ арестованы были патрулемъ съ жандармскимъ подпоручикомъ во главѣ двое товарищей которые имѣли при себѣ бомбу: Кароль Скуржа и Игнацъ Коривейсъ. Когда ихъ привезли въ участокъ, подпоручикъ приказалъ ихъ бить, чтобы они сказали гдѣ взяли бомбу. Когда

---

*) Мужество и идейная преданность дѣятелей этой эпохи доказаны многими изъ нихъ. Даже въ каторгѣ они не переставали протестовать противъ произвола, и многіе изъ нихъ были убиты тамъ солдатами за «бунты» или, какъ 18 лѣтній Симонъ Бисквитъ, за громогласный протестъ противъ смертной казни участниковъ возмущенія въ колоніи.

я ихъ на слѣдующій день увидѣлъ въ канцеляріи, то не узналъ. Они были страшно избиты, лица истерзаны, а у Кароля Скуржа одинъ глазъ совсѣмъ былъ выбитъ. Въ ту-же ночь, тотъ-же подпоручикъ сдѣлалъ обыскъ въ конспиративной квартирѣ группы. Тамъ въ ту ночь ночевали Саломонъ Розенцвайгъ Абрамъ Роткопфъ, (изъ Лодзи), Янкель Пфеферъ и сынъ квартирной хозяйки Лейбъ Кристалъ. Тамъ было найдено письмо съ нашей печатью и немного шрифта. Янкель Пфеферъ, бывшій хозяиномъ другой конспиративной квартиры, во время обыска настолько растерялся, что далъ ея адресъ и тамъ нашли 21 бомбу, 2 мины и динамитъ. На этой второй конспиративной квартирѣ въ ту ночь также ночевали нѣкоторые товарищи. Они были предупреждены и успѣли скрыться. На квартирѣ одного изъ арестованныхъ были взяты Яковъ Гольштейнъ, Лейбъ Фурцайгъ и одна товарка. Было найдено только два револьвера. Всѣ мы встрѣтились въ ту ночь въ 3-мъ участкѣ. На другой день пришли на допросъ шпіоны съ ихъ начальникомъ Гриномъ. Конечно никто изъ насъ ничего не отвѣчалъ. Тогда они начали бить Пфеффера, потомъ посадили его въ отдѣльную комнату. Въ участкѣ мы не могли разговаривать между собой; насъ охраняли солдаты со штыками и имъ приказано было, если мы начнемъ разговаривать, «пускать въ дѣло штыки.» Одинъ изъ товарищей хотѣлъ заговорить и получилъ нѣсколько ударовъ прикладомъ. Мнѣ пришлось въ ту-же ночь видѣть Пфеффера, избитаго до неузнаваемости. Послѣ того, какъ меня обыскали, опять начали допрашивать — я опять не отвѣчалъ и меня оставили въ покоѣ.

1-го января (н.с.) 1906 въ полночь насъ перевезли въ закрытой каретѣ въ полицейскую часть. Насъ сопровождалъ тройной конвой: одинъ внутри и двое снаружи, пѣшій и конный. Приставъ обратился къ солдатамъ, сидѣвшимъ внутри, показывая на насъ: я передаю ихъ на вашу отвѣтственность; они не должны говорить между собой; въ противномъ случаѣ вы можете употреблять штыки.

Когда насъ ввели въ канцелярію, я увидѣлъ еще товарища Исаака Шапиро, окруженнаго солдатами. Затѣмъ насъ размѣстили по одиночкамъ и приставили по городовому. Здѣсь началось опять избіеніе. Меня посадили близь того мѣста, гдѣ всѣхъ били и я могъ разслышать стоны каждаго товарища. Все это привело меня въ такое состояніе, что я чуть съ ума не сошелъ. Это было ужаснѣе всего, происшедшаго послѣ. Пришла и моя очередь. Понятно, что и меня также сильно били... Нѣсколько часовъ насъ такъ пытали.

На слѣдующій день пришелъ подпоручикъ, который насъ всѣхъ арестовалъ и опять начались допросы... Такъ это продолжалось 5 сутокъ. Ночью насъ били, а днемъ допрашивали. Было ужасно. Пфефферъ напр. былъ такъ избитъ, что весь былъ опухши, а на Абраама Роткопфа я отъ страха смотрѣть не могъ. Всѣ были изувѣчены до неузнаваемости. У одного были выбити глаза. У меня словъ нѣтъ для описанія всего ужаса. Насъ привели въ безсознательное состояніе, мы были какъ съумасшедшіе; я не зналъ что со мной дѣлается. Втеченіи всѣхъ допросовъ я не ѣлъ и не спалъ. Другіе, вѣроятно, тоже. Послѣднюю ночь допроса я легъ на полъ и едва началъ дремать, какъ меня разбудили и опять допросы. Такъ повторялось нѣсколько разъ. Отъ ударовъ по лицу щеки страшно болѣли, и я долгое время не могъ ѣсть. Послѣ допросовъ насъ помѣстили въ грязныя полицейскія одиночки и не допускали къ намъ ни бѣлья, ни ѣды. Въ корридорѣ за нами слѣдило 8 городовыхъ.

Еще на допросѣ намъ сказали, что насъ предадутъ военно-полевому суду, т. е. разстрѣляютъ. Черезъ нѣсколько дней были арестованы товарищи фишель Гройманъ, Куба Игальсонъ, который былъ раненъ во время экспропріаціи съ Игнацомъ Рашинеромъ, убитымъ на мѣстѣ. Гроймана такъ пытали, что онъ помѣшался; ему хотѣли вырвать зубы щипцами. Затѣмъ были арестованы Мошекъ Пугачъ [токарь второй] и Симха Менджелевскій (Пине). Такъ какъ Менджелевскій—анархистъ, то арестовали кстати и его брата и держали въ тюрьмѣ 4 мѣсяца. Симха ничего не хотѣлъ сказать. Его страшно избили. Шесть разъ его клали на столъ и городовой, который помогалъ бить, поломалъ объ него шашку. Онъ упалъ въ обморокъ, тогда ему дали воды, привели въ чувство и снова стали бить. Пугача такъ били, что онъ не могъ тронуться съ мѣста.

У Игнаца Корнбаума нашли на квартирѣ записку и арестовали его мать, 60-и лѣтнюю старуху. Ее также били, чтобы добиться показаній, но она ничего не знала. Она сидѣла въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ

Къ одному товарищу пришли съ обыскомъ, не застали его дома и забрали старика отца, имѣющаго большую семью. Его продержали въ тюрьмѣ 4 мѣсяца, а семья голодала. Взяли также 15 и лѣтняго брата и онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ отцомъ. Попались и еще невинные: дворникъ, сапожникъ и одна женщина. И ихъ продержали по 4 мѣсяца.

15-го января перевели въ крѣпость 9 товарищей, а 17 го были разстрѣляны безъ суда, по приказанію Скалона: Саломонъ Розенцвейгъ, Гольштейнъ, Хаимъ Ривкиндъ [онъ былъ раньше арестованъ и призналъ себя анархистомъ], Лейбъ фурцайгъ, Лейбъ Кристалъ, — не анархистъ, невинный, но за то, что его мать дала квартиру, Пфеферъ (Зимердикеръ), Шліома Шайеръ, онъ же Народовецъ, Кароль Скуржа, Игнацъ Корибаумъ и Исаакъ Шапиро. Остальныхъ пока оставили, думая, что удастся арестовать всю группу, но больше уже никто не былъ арестованъ.

26 января были разстрѣляны, опять безъ какого бы то ни было суда; Мошекъ Пугачъ, онъ же токарь второй, Симха Менджелевскій, онъ же Пине, Гройманъ, Куба Игельсонъ и Израиль Блуменфельдъ, онъ же Лодзеръ.

Все что я зналъ, я здѣсь разсказалъ. Страшная картина вѣчно останется у меня въ сердцѣ. Кто столько пережилъ никогда этого не забудетъ. И кто собственными глазами не видѣлъ, тому трудно передать весь ужасъ.

x x x x x x x x x x x x x

Въ Лондонѣ недавно шла рѣчь о новомъ займѣ въ пользу русскаго правительства. На русскія процентныя бумаги спекулировали на повышеніе, англійскіе спекуляторы скупали золотые прінски на Уралѣ и въ Сибири, — а англійская печать, всегда проданная капиталистамъ, вновь заговорила на разные лады о прочности самодержавія. Такъ было и въ прошломъ мартѣ и апрѣлѣ, передъ тогдашнимъ займомъ, за который Горькій обрушился на Францію, тогда какъ корень ала былъ въ англійскихъ консерваторахъ и Лондонской биржѣ.

Теперь опять тоже. Снова готовятъ заемъ.

Тогда, Англія и Франція дали денегъ русскому самодержавію, чтобы оно обязалось, — когда начнется франц.-нѣмецкая война въ которой Англія обязалась поддержать Францію (а она два раза готова была вспыхнуть, въ іюнѣ и декабрѣ 1905 года. — стать на сторонѣ Англіи и Франціи, противъ Германіи. Что за дѣло рускимъ самодержцамъ, что новая война въ пухъ и прахъ разорила бы русскій народъ!! что народъ уже голодаетъ, и по Россіи уже идутъ голодный тифъ и цынга! Что имъ за дѣло, лишь бы имъ хорошо было въ Петергофѣ и Царскомъ Селѣ, лишь бы шайка грабителей, стоящая вокругъ дворцовъ, могла по старому грабить себѣ въ волю!...

Вотъ и теперь — они готовы продать въ кабалу русскій народъ — лишь бы еще процарствовать. Вѣдь князь Мещерскій опредѣленно писалъ, что на японскую войну толкалъ Плеве и его приспѣшники, чтобы поддержать самодержавіе, т. е. самовластье всѣхъ Плеве и К-о. Вотъ и теперь они затѣваютъ еще что-то, — можетъ быть еще болѣе ужасное — лишь бы имъ еще продержаться во власти.

Надо бить тревогу противъ этихъ затѣй. Надо неустанно раскрывать глаза народу. Надо смѣло поднять знамя противъ войны, которую они затѣваютъ.

Кто сейчасъ правитъ у нихъ въ Петергофѣ — неизвѣстно. Одно время, большимъ человѣкомъ у нихъ былъ прорицатель Демчинскій; потомъ командовалъ всѣми ими Плеве, который гналъ Россію въ войну съ Японіей и взялся, при помощи японскаго кровопусканія, обезпечить самодержаніе Побѣдоносцевыхъ и Компаніи на цѣлыхъ десять лѣтъ.

Послѣ 17 октября правилъ у нихъ генералъ Треповъ и, какъ теперь оказывается, вмѣстѣ съ Рачковскимъ, Гриншмутомъ и Дубровинымъ устраивалъ погромы и избіенія. Совсѣмъ, какъ во времена лихолѣтья [1605-1612], — всякій самозванецъ, всякій Тушинскій воръ правитъ, какъ ему вздумается. Только живутъ теперь эти самозванцы не въ селѣ Тушино, а въ самомъ Петербургѣ и сочиняютъ и печатаютъ свои „воровскія грамоты" чуть не въ самомъ Зимнемъ Дворцѣ.

Вотъ въ какомъ положеніи находится теперь Россія. Еще бы всѣмъ грабителямъ не дорожить самодержавіемъ?...

Но долго ли будетъ терпѣть это русскій народъ?... И, когда онъ увидитъ, какъ его обманываютъ — что удержитъ его отъ жестокой мести?

Изданія въ Россіи. — Мы получили нѣсколько прокламацій, изданныхъ въ Россіи: мы очень хотѣли бы перепечатывать ихъ вполнѣ, но это было бы совершенно невозможно. Мы и такъ должны откладывать массу матеріала отъ одного номера до другого. Мы вынуждены, поэтому, лишь вкратцѣ упомянуть о полученныхъ воззваніяхъ.

Въ прошломъ августѣ, Московская группа анархистовъ-коммунистовъ «Безвластіе» выпустила воззваніе „Къ рабочимъ", гдѣ она зоветъ рабочихъ къ борьбѣ противъ всякой власти. Заканчивается воззваніе словами:

„Товарищи-рабочіе! Теперь, когда тьма и мракъ густымъ покровомъ окутали нашу родину, и нѣтъ уголка не залитаго моремъ крови и слезъ, когда кровавые призраки разстрѣлянныхъ товарищей все сгущаются и растутъ, мы должны идти по линіи наибольшаго сопротивленія, бороться съ властью, источникомъ міроваго зла."

Въ сентябрѣ, тамъ же вышло воззваніе „Къ товарищамъ студентамъ," подписанное „Федеративною группою анархистовъ-коммунистовъ."

„Настоящій моментъ знаменателенъ въ исторіи русскаго освободительнаго движенія", такъ начинается воззваніе. „Въ могучій потокъ русской революціи врывается живая струя анархизма....

„Товарищи студенты! Если есть среди васъ товарищи, которымъ дороги идеалы свободы, которые хотятъ перенести ихъ черезъ волны революціи и воплотить ихъ въ жизнь во всей неприкосновенности и незапятнанной чистотѣ, — выносите ихъ на свѣтъ, передавайте ихъ широкимъ массамъ, проповѣдуйте идеалы анархизма своимъ товарищамъ и пролетаріату. Если есть среди васъ товарищи, подвергнувшіе критикѣ и отрицанію ученія соціалистовъ-государственниковъ, и не нашедшіе тамъ свободы и справедливости, къ которымъ вы такъ стремитесь, то обратите ваше убѣжденіе въ дѣло и осуществите ваши желанія, помогая осуществленію анархизма. Мы знаемъ, что много есть анархистовъ въ душѣ, но не въ жизни, — анархистовъ отвлеченныхъ, но не дѣйствительныхъ. Но вѣдь такіе товарищи обрекаются на нравственную смерть, п. ч. жизнь есть борьба, а борьба есть осуществленіе идеаловъ, а они помнятъ идеалы и забываютъ ихъ осуществленіе. Товарищи студенты! Соединяйтесь и объединяйтесь, составляйте группы, кружки въ цѣляхъ пропаганды идеаловъ единственно возможной, дѣйствительной, реальной свободы! Внесите свою долю искренней и сознательной любви къ свободѣ и народу въ русскую революцію! Влейте свою долю живой воды въ бушующій потокъ! Чистота и глубина идей, внесенныхъ въ нашу революцію, не помѣшаетъ, а только сильно поможетъ достигнуть ея перваго этапа — сверженія абсолютизма. Мы вмѣстѣ, рука объ руку съ другими революціонными силами разрушимъ эту естественную стѣну по дорогѣ къ свободѣ. Но теперь не будемъ теоретически на ея пути создавать искусственныхъ стѣнъ, чтобы потомъ практически пролетаріату разрушать ихъ. Мы теперь теоретически будемъ разрушать ихъ и все сдѣлаемъ для того чтобы девятый валъ русской революціи не встрѣчалъ на своемъ пути никакихъ искусственныхъ преградъ. Мы все сдѣлаемъ для того чтобы русская соціальная революція была бы революціей анархической."

Отъ Екатеринославской группы получены: прокламація по поводу 1-го мая (съ изложеніемъ исторіи первомайскаго движенія въ Западной Европѣ); прокламація, выпущенная послѣ смерти товарища Елина (Гелинкера), убитаго при сопротивленіи полиціи и прокламація по поводу смерти Гольмаяа.

Тифлисскіе товарищи выпустили слѣд. заявленіе:

«Рабочій синдикатъ тифлисскихъ анархистовъ-коммунистовъ доводитъ до свѣденія товарищей и общества, что отнынѣ онъ отказывается отъ экспропріаціи капитала путемъ бланковъ и писемъ. Опытъ показалъ, что такая тактика, не достигая цѣли, плодитъ лишь шантажистовъ».

Насъ просятъ помѣстить слѣдующее заявленіе:

Товарищи! Просимъ опубликовать въ вашемъ журналѣ настоящее заявленіе, какъ документъ нѣкоторымъ образомъ историческій.

Всѣ дѣйствующіе въ Россіи группы а.-к. признаютъ экспропріацію личную лишь какъ средство добыть деньги на революціонную борьбу, и ни въ коемъ случаѣ не смотрятъ на нее какъ на тактику борьбы для разрушенія частной собственности.

Сторонники «безначальцевъ» въ Кіевѣ и Петербургѣ (и то нѣкоторые) пытались пропагандировать грабежъ какъ тактику. На практикѣ они себя не заявили сколько нибудь ярко.

Остальные группы а.-к., примыкающіе къ «Чернознаменцамъ» (антисиндикалисты и безмотивники) и «Хлѣбъ и Вольцамъ» — стоятъ на точкѣ зрѣнія аналогичной Екатеринославской группѣ.

Таково было отношеніе группъ слѣдующихъ городовъ:

Бѣлостока, Житомира, Риги, Кіева, Одессы, Нѣжина, Москвы, гдѣ работали обѣ фракціи анархизма.

Настоящее заявленіе сдѣлать необходимо, чтобы показать наше отношеніе къ экспропріаціи. Аналогичное заявленіе сдѣлали «Максималисты», «Махаевцы» — «Рабочій Заговоръ» — остальные же партіи нападаютъ даже на конфискацію казенныхъ денегъ. См. письмо Чернова въ «Сознательной Россіи» (с. р.) Заявленіе обѣихъ фракцій с. д. на съѣздахъ, въ журналахъ, листкахъ разныхъ комитетовъ.

Группа Анархистовъ-Коммунистовъ.

Анархическія изданія за границей.

№ 4-ый «Буревѣстника», вышедшій 30 октября, содержитъ много интереснаго. Мы хотѣли дать краткое изложеніе каждой статьи, но вынуждены покуда ограничиться перечисленіемъ однихъ заглавій статей. Вотъ оно:

Къ моменту, передовая. — Нашъ синдикализмъ, А—ъ. — Кое-что объ избирательномъ правѣ и парламентаризмѣ А. Н. — Два конгресса Мангеймъ (изложеніе статьи Кропоткина въ Temps Nouveaux) и Аміенъ, А. Н. — Наши задачи. — Проэктъ доклада въ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ Харьковской группы А-К. Изъ Россіи: Съ Кавказа, и Резолюція Кіевской Группы Анархистовъ.

Государственныя желѣзныя дороги. Анархисты многократно указывали, какія вредныя послѣдствія — для освободительной борьбы рабочихъ — для „классовой борьбы", говоря языкомъ соціальдемократовъ, — представляетъ, въ особенности въ теперешнемъ буржуазномъ обществѣ, государственный капитализмъ, за который такъ горячо ратуютъ соціальдемократическія партіи западной Европы. Подтвержденія этой мысли встрѣчаются безпрестанно, и не дальше, какъ во время послѣдней большой забастовки въ Италіи, забастовка кончилась полною неудачею, потому что рабочіе государственныхъ желѣзныхъ дорогъ не поддержали ея. Молодежь еще шла въ забастовку, но рабочіе постарше отказывались бастовать, говоря, что черезъ это они теряютъ свои выслуженныя пенсіи. А такъ какъ на желѣзныхъ дорогахъ въ Италіи все-таки происходятъ время отъ времени частичныя забастовки, то правительство въ такомъ случаѣ немедленно объявляетъ военное положеніе вдоль линіи и мобилизируетъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ данной линіи. Отказъ отъ работы, въ такомъ случаѣ, наказывается какъ дезертирство въ военное время.

Эти мысли намъ напомнилъ недавній циркуляръ русскаго министерства путей сообщенія. Передъ 17-мъ октября, служащіе и мастеровые Харьково-Севастопольской желѣзной дороги (и вѣроятно, также и другихъ) были предупреждены особымъ приказомъ, что „ихъ участіе, даже случайное, 17 октября въ безпорядкахъ и демонстраціяхъ будетъ имѣть самыя тяжелыя для нихъ послѣдствія."

Понятно.

Другого и ожидать нельзя. Но будемъ же помнить твердо: Переходъ каждой отрасли частной промышленности въ руки государства, — въ теперешнемъ буржуазномъ строѣ, — есть всякій разъ новое препятствіе въ борьбѣ рабочихъ за свое освобожденіе.

Не въ руки государства должны перейти желѣзныя дороги, а въ руки самихъ рабочихъ желѣзно-дорожныхъ союзовъ, которые сами прекрасно сумѣютъ объединиться для нуждъ движенія поѣздовъ. Большая Сибирская стачка показала уже, какъ велика организаціонная сила рабочихъ.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ДВИЖЕНІЕ РАБОЧИХЪ СОЮЗОВЪ ВО ФРАНЦІИ И АМЕНСКІЙ КОНГРЕССЪ.

II. Амѣнскій конгрессъ.

Главнымъ предметомъ преній конгресса должны были быть, впрочемъ, вовсе не результаты майской агитаціи. Со времени Буржскаго конгресса произошло еще разъ сліяніе соціалистическихъ партій, и теперь существуетъ только одна объединенная партія.

Эта политическая партія смотрѣла косо на то, что рабочіе держатся отъ нея отдѣльно; ей желательно было, чтобы они хоть въ принципѣ, присоединились къ ней. Генеральный штабъ партіи состоитъ главнымъ образомъ изъ адвокатовъ и преподавателей въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ; а между тѣмъ, когда партія принимаетъ названіе «французской секціи рабочаго интернаціонала», то не мѣшаетъ ей, хотя бы для приличія, имѣть за собою настоящихъ рабочихъ. Съ другой стороны невозможно было и продолжать игнорировать Конфедерацію Труда.

И вотъ гедисты [послѣдователи Жюля Геда, ортодоксы с.-д.] взяли на себя инициативу проэкта, стремившагося навязать Конфедераціи сближеніе съ Партіей, или, вѣрнѣе, присоединеніе къ ней; Партія разсматривалась при этомъ какъ организація высшая, руководящая всѣмъ освободительнымъ движеніемъ. Гедисты могли противупоставить Конфедераціи только ткацко-прядильные синдикаты Сѣвера, но тамъ они были всесильны, и синдикаты сливались съ ихъ политическими группами. На Сѣверѣ гедисты спокойно эксплуатировали, какъ кассы кооперативныхъ обществъ, такъ и пропагандистскую дѣятельность синдикатовъ въ пользу своихъ избирательныхъ цѣлей, т. е. для завоеванія политической власти.

Ткацко-прядильные синдикаты Сѣвера присоединились къ Конфедераціи сравнительно недавно, въ то время, когда она вела борьбу съ Мильерандистами [послѣдователи соціалиста Мильрана, вступившаго въ министерство] и жоресистами [послѣдователями Жореса, парламентскаго соціалиста, поддержавшаго Мильрана противъ Геда]. Имѣя за себя большинство въ федераціи этихъ синдикатовъ, гедисты могли внести отъ имени этой федераціи, проэктъ соглашенія между Конфедеральнымъ Комитетомъ и Національнымъ Совѣтомъ соціалистической партіи. Такой же проэктъ долженъ былъ быть внесенъ и Сѣверной федераціей партіи на конгрессъ этой послѣдней, который долженъ былъ засѣдать въ ноябрѣ. Нужно замѣтить, что бюро сѣверной федераціи находится цѣликомъ въ рукахъ гедистовъ и руководитъ мѣстными ткацко-прядильными синдикатами. Гедистъ Ренаръ, секретарь ткацко-прядильной федераціи, является простымъ выразителемъ мнѣній соціалистическихъ политикановъ.

Иниціаторы этого двойного проэкта высказываются однако гораздо болѣе опредѣленно въ томъ текстѣ, который долженъ былъ быть представленъ на политическій конгрессъ, въ Лиможѣ, чѣмъ въ текстѣ, представленномъ на корпоративный конгрессъ въ Аміенѣ. Въ первомъ проэктѣ резолюціи открыто говорится, что синдикатамъ принадлежитъ только реформаторская, легальная роль, и что они необходимо должны, поэтому, присоединиться къ соціалистической партіи, которая одна только можетъ осуществить освобожденіе пролетаріата. Этимъ совершенно игнорировался какъ, методъ дѣйствія, принятый Конфедераціей, такъ и ясно поставленная ею революціонная цѣль. А между тѣмъ именно избирательная и парламентская тактика соціалистической партіи совершенно исчерпывалась до сихъ поръ реформаторской и легальной дѣятельностью. Вотъ какъ выразился соціальдемократъ Ренаръ на Аміенскомъ конгрессѣ:

«Синдикатъ не можетъ ставить своей цѣлью уничтоженіе наемнаго труда. Онъ можетъ стремиться къ этому, но онъ обязательно дѣйствуетъ въ рамкахъ, поставленныхъ ему закономъ. Когда вы говорите, что для синдиката существуетъ другая дѣятельность кромѣ служенія профессіональнымъ интересамъ и что синдикатъ есть группа для изученія соціальнаго вопроса, вы ставите его подъ Дамокловъ мечъ закона».

Итакъ, главнымъ предметомъ преній на Аміенскомъ конгрессѣ явился вопросъ объ отношеніяхъ между корпоративной организаціей и соціалистической [т. е. соціальдемократической] партіей. Три теченія обнаружились при этомъ: 1-ая тенденція Ренара, въ пользу соединенія съ соціалистической партіей, главнымъ образомъ на томъ основаніи, что совмѣстное дѣйствіе можетъ увеличить силы; 2-ое теченіе нейтральное, въ пользу мирной и легальной дѣятельности, скорѣе въ виду непосредственныхъ матеріальныхъ результатовъ и реформъ, чѣмъ въ виду соціальнаго переворота; главными сторонниками этого теченія явились реформаторы, какъ Кеферъ, секретарь Федераціи Книжнаго дѣла, Купа, секретарь Федераціи механиковъ и бывшій анархистъ Ніель, секретарь биржи труда въ Монпелье. 3-я тенденція синдикалистская, утверждающая, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ и что синдикатъ можетъ играть не только корпоративную роль, но и соціальную, внѣ рамокъ буржуазной и капиталистической легальности.

Ораторы двухъ послѣднихъ направленій стояли за независимость синдикатовъ по отношенію къ какой бы то ни было политической партіи, — независимость необходимую для того, чтобы избѣжать внутреннихъ распрей и дать возможность рабочимъ сгруппироваться для защиты своихъ экономическихъ интересовъ. Но сторонники второго теченія критиковали съ неменьшей рѣзкостью чѣмъ защитники политической тенденціи направленіе синдикалистовъ [особенно членовъ конфедеральнаго бюро], которыхъ они обвиняли въ анархической нетерпимости и деспотизмѣ.

Рядъ рѣчей закончился рѣчью Гриффюэля, говорившаго отъ имени конфедеральнаго бюро. Вотъ вкратцѣ его доводы:

«Ренаръ ставитъ намъ въ примѣръ англичанъ, которые послѣ 50-и лѣтней непосредственной борьбы переходятъ къ парламентаризму. При этомъ прибавляетъ, что у нихъ самая высокая заработная плата и самые короткіе рабочіе дни. Но все это, вѣдь результаты прямой борьбы; что же касается результатовъ парламентаризма, то о нихъ говорить еще по меньшей мѣрѣ рано...

Кеферъ упрекаетъ Всеобщую Конфедерацію Труда въ томъ, что она разрушила моральное единство, или не создала его. Но это единство невозможно. Во всякой организаціи ведется борьба. Принятіе резолюціи Кефера было бы отрицаніемъ самой жизни, складывающейся изъ столкновенія идей...

На упреки Купа я отвѣчу нѣкоторыми мало извѣстными фактами. Едва успѣлъ Мильранъ вступить въ министерство, какъ было выпущено заявленіе за подписью Кефера, Бомэ, Моро и др., заявленіе, въ которомъ его поступокъ одобрялся. Затѣмъ дошло до того, что въ Союзѣ Сенскихъ синдикатовъ предложили устроить банкетъ Мильрану. Протестовалъ чуть ли не я одинъ. Тогда начались интриги въ пользу проникновенія правительственнаго вліянія въ Биржу Труда, и вотъ, какъ реакція противъ этого, началась дѣятельность Конфедераціи.

Послѣ разстрѣла въ Шалонѣ*), члены коммиссіи Биржи Труда получили, для себя и для своихъ семей, приглашеніе отъ министра торговли; два дня спустя — новое приглашеніе на военное торжество, на этотъ разъ отъ Галиффе**) Чего отъ насъ хотѣли? Очевидно это было желаніе насъ приручить. Протестовали двое — я и одинъ товарищъ.

Съ этихъ событій начался разцвѣтъ дѣятельности Конфедераціи. Это была коалиція анархистовъ, гедистовъ, бланкистовъ, аллеманистовъ и разныхъ другихъ элементовъ, съ цѣлью отдалить правительственную власть отъ синдикатовъ. Эта-то коалиція и придала Конфедераціи жизнь...

Нравственное единство возможно только тогда, когда его стремятся осуществить внѣ правительственной власти и противъ нея. А такъ какъ существуютъ среди насъ люди, стоящіе за сношенія съ нею, то противники ихъ всегда будутъ мѣшать тому нравственному единству, о которомъ говоритъ Кеферъ. Въ этомъ нужно видѣть не вліяніе анархистовъ, а вліяніе правительственной власти, вносящей расколъ въ рабочую среду. Примѣръ тому углекопы — расколъ былъ у нихъ слѣдствіемъ проникновенія правительственнаго вліянія. Въ 1901 году ихъ стачкѣ помѣшали, ради того, чтобы не создавать затрудненій правительству и не мѣшать «соціалистическимъ» проэктамъ Мильрана и Вальдека Руссо. Жукавіель, сдѣлавшій все, что только могъ, чтобы помѣшать стачкѣ, признался, четыре года спустя, что правительство не сдержало своихъ обѣщаній и обмануло рабочихъ. Развѣ этотъ конфликтъ — дѣло анархистовъ изъ Конфедераціи? Вовсе нѣтъ! Не они точно также внесли раздоры и въ союзъ

---

*) Во время стачки войска стрѣляли; среди рабочихъ были убитые. Это было въ то время когда Мильранъ былъ министромъ торговли.

**) Генералъ, когда то разстрѣливавшій коммунаровъ и бывшій министромъ одновременно съ Мильраномъ.

муниципальныхъ рабочихъ: здѣсь столкновеніе произошло между тѣми кто хотѣлъ, чтобы организація покорно подчинялась городской администраціи, и тѣми, кто противъ этого возставалъ.

На дѣлѣ мы видѣли вотъ что: съ одной стороны стоятъ тѣ, взоры которыхъ направлены на власть, съ другой — тѣ, которые стремятся къ полной автономіи. Въ этомъ именно направленіи дѣйствовала Конфедерація, и ея быстрое развитіе говоритъ противъ доводовъ ткацко-прядильной Федераціи: ростъ Конфедераціи шелъ параллельно обостренію этой борьбы. Нѣтъ поэтому никакой надобности вносить измѣненія въ организацію, которая уже доказала свою пригодность.

Также какъ и предложеніе Ткацко-прядильной Федераціи, нужно отвергнуть и предложеніе Федераціи Книжнаго дѣла, которая стремится ограничить нашу дѣятельность чисто корпоративной сферой и повести насъ назадъ къ англійскому тредъ-юніонизму. Это значило бы съузить рамки дѣятельности синдикатовъ и лишить ихъ всякаго стремленія къ соціальному перевороту. Конгрессъ на это не согласится; это значило бы игнорировать все историческое развитіе нашего движенія, это значило бы пойти назадъ; а не идти же назадъ въ моментъ, когда практическое дѣло ведется все энергичнѣе...

Наконецъ, намъ ставятъ еще въ упрекъ нашу антимилитаристскую агитацію. Она неразрывно связана съ самой дѣятельностью синдикатовъ и неотдѣлима отъ нея. Предыдущіе конгрессы всѣ высказывались за энергичную противо-военную пропаганду, то же сдѣлаетъ и этотъ конгрессъ.»

Въ результатѣ, предложеніе Текстильной федераціи было отвергнуто большинствомъ 774 голосовъ противъ 34 [голоса членовъ этой федераціи], при 37 бѣлыхъ бюллетеняхъ*).

Резолюція, предложенная Гриффюэлемъ отъ имени Конфедеральнаго бюро была принята большинствомъ 830 голосовъ противъ 8. Делегаты ткацко-прядильной федераціи воздержались. Но ее поддержали реформаторы [делегаты Союза Книжнаго дѣла и механиковъ], надѣявшіеся такимъ образомъ затемнить ея значеніе. Между тѣмъ въ резолюціи не только провозглашается независимость конфедераціи отъ какихъ бы то ни было политическихъ партій, но и говорится о необходимости борьбы за уничтоженіе наемнаго труда и капитализма, о необходимости протеста противъ всѣхъ формъ эксплуатаціи и угнетенія, какъ матеріальнаго такъ и нравственнаго, какія пускаетъ въ ходъ противъ рабочаго класса классъ капиталистовъ. Въ ней заявляется, что синдикализмъ долженъ подготовлять полное освобожденіе, осуществимое только путемъ экспропріаціи капиталистовъ.

Такъ разбились всѣ усилія соціалистическихъ политикановъ. А между тѣмъ, чего только не дѣлали они: и статьи въ партійныхъ газетахъ, и обставленный, какъ громкое дѣло, опросъ выдающихся соціалистовъ другихъ странъ! На конгрессѣ Ренаръ всячески раздувалъ и разсхваливалъ результаты, достигнутые на Сѣверѣ соціалистическою тактикою; онъ выставлялъ, что въ этомъ департаментѣ существуетъ 315 синдикатовъ, насчитывающихъ 76,000 членовъ. Къ несчастью для него, товарищъ Мергеймъ, одинъ изъ секретарей Металлургической федераціи и самъ родомъ съ Сѣвера, внесъ поправки въ его цифры. Онъ доказалъ, что изъ 315 синдикатовъ 130 — «желтыхъ»1) и что изъ этихъ «желтыхъ» организацій въ нѣкоторыхъ насчитывается тысячи членовъ. Онъ доказалъ, что членовъ ткацко-прядильнаго синдиката города Рубэ — не 6200, какъ говорилъ Ренаръ, а едва 3,000, причемъ въ это число входятъ каменьщики, рабочіе занятые въ обработкѣ металловъ и т. д. Онъ разсказалъ, какъ низка заработная плата, какъ нахальна капиталистическая эксплуатація въ этой части Франціи, которую хотятъ поставить въ примѣръ другимъ. Рѣчь Мергейма, разоблачившая недобросовѣстность Ренара, произвела глубокое впечатлѣніе на членовъ конгресса.

Эта неудача не помѣшала однако Ренару заявить на другой день, во время голосованія, что онъ не хочетъ ничего другого кромѣ того, о чемъ говоритъ Кропоткинъ въ „Temps Nouveaux" [№ отъ 13 окт.] по поводу конгресса въ Мангеймѣ, т. е. «отношеній такихъ, которыя, не будучи постоянными, могли бы въ то же время существовать, не вызывая враждебности между обѣими организаціями». Ренаръ при этомъ исказилъ мысль Кропоткина, понявъ ее совершенно наоборотъ; но тогда никто не успѣлъ провѣрить это и уличить гедиста во лжи.

Конгрессъ принялъ затѣмъ еще антимилитарную и антипатріотическую резолюцію. Кромѣ того онъ выразилъ порицаніе газетѣ „Reveil du Nord" [соціалистическій органъ, служащій, по выраженію одного изъ товарищей, презрѣннымъ орудіемъ депутата Басли] за то, что она низкимъ образомъ оскорбляла синдикалистскихъ дѣятелей и стачечниковъ въ На-де-Калэ, называя ихъ «профессіональными ворами», и первая нахально выдвинула знаменитую исторію о заговорѣ, которымъ воспользовалось правительство для ареста членовъ Конфедеральнаго комитета.

Отмѣтимъ еще принятіе одной резолюціи, предложенной Мергеймомъ и касающейся такъ называемаго рабочаго законодательства; въ ней рабочихъ предостерегаютъ противъ этого рода законовъ, стремящихся къ подавленію дѣятельности рабочихъ союзовъ. Вотъ одинъ изъ параграфовъ этой резолюціи:

«Въ виду того, что рабочее законодательство, съ такого рода законами какъ обязательное посредничество, участіе въ прибыляхъ, коллективные договоры между рабочими и хозяевами, представительство въ совѣтахъ промышленныхъ компаній, имѣетъ въ виду помѣшать развитію синдикализма и уничтожить право стачекъ, и т. д.»

Наконецъ Гриффюэлю пришлось говорить о своей поѣздкѣ въ Германію въ моментъ затрудненій въ Марокко, а также о прекращеніи сношеній между Конфедераціей и международнымъ секретаріатомъ. Онъ показалъ, что на этихъ международныхъ конференціяхъ ничего не дѣлается и разсказалъ о деспотизмѣ и недобросовѣстности международнаго секретаря Легина, депутата въ Рейхстагѣ, недопустившаго до обсужденія предложеній французовъ [объ антимилитаризмѣ и всеобщей стачкѣ].

Аміенскій конгрессъ былъ, въ общемъ, полезенъ для пропаганды. Онъ заставилъ дѣятелей рабочаго движенія выяснить свою точку зрѣнія и проанализировать свои взгляды. Вопросы были разсмотрѣны всесторонне. Товарищи изъ провинціи познакомились во время преній со многими мало извѣстными или плохо понимавшимися до сихъ поръ фактами происходящаго идейнаго движенія. Самыя же рѣшенія конгресса позволяютъ намъ заключить, что рабочій классъ франціи, хотя и не желаетъ, какъ организація, принять анархической клички, развивается въсущности въ направленіи анархической тактики, что несравненно важнѣе чѣмъ какая бы то ни была формальная декларація.

М. Пьерро.

*) Не считающихся. Прим. Ред.

1) «Желтыми» синдикатами называются во Франціи тѣ, которые у насъ были бы названы «зубатовскими». Они стремятся къ примиренію труда съ капиталомъ. Прим. ред.

ПРОЭКТЪ МЕЖДУНАРОДНАГО СОЮЗА АНАРХИСТОВЪ.

Бельгійская анархическая организація беретъ на себя иниціативу созыва втеченіе 1907 года международнаго конгресса въ Амстердамѣ, съ цѣлью положить основаніе постоянному международному союзу анархистовъ. Въ «Бюллетенѣ», который они начали издавать для распространенія этой идеи, наши товарищи приглашаютъ сочувствующихъ ихъ плану обращаться въ временный секретаріатъ по адресу:

Georges Thonar **или** *Henri Fuss Amore, rue Laixheau, 97. Herstal—Liege, Belgique,*

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шилингъ 6 пенсовъ.—1 фр. 85 с.,—35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A: WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.

Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.

E. Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею, — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kushniaroff, 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ.

№ 4. — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 13 ДЕКАБРЯ 1906 г.

РУССКАЯ «КОНСТИТУЦІЯ» И ПЕТЕРГОФСКАЯ ДИКТАТУРА.

Мы уже замѣтили въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ, что за весь этотъ годъ въ Россіи существовало, и по сію пору существуетъ, два правительства: одно явное, другое тайное. Явное, съ „конституціонными“ заигрываніями, было назначено Николаемъ II для успокоенія русскаго общества, для западной Европы, чтобы задобрить общественное мнѣніе и иностранныхъ банкировъ. Другое же правительство, тайное, тоже назначенное самимъ Николаемъ II-мъ, существовало для того, чтобы втихомолку противодѣйствовать всѣмъ либеральнымъ уступкамъ и подготовлять возвратъ къ старому порядку.

Такъ было цѣлый годъ. Теперь же „тайное становится явнымъ“. Петергофскій Дворъ сбрасываетъ съ себя маску и, подъ прикрытіемъ бѣлаго террора, возвращается къ вполнѣ самовластному хозяйничанію въ Россіи. На дняхъ, однимъ почеркомъ пера, они уничтожили у насъ мірское, общинное землевладѣніе, въ угоду крупнымъ землевладѣльцамъ, боярамъ и великимъ князьямъ, которымъ нужны дешевые, голодные рабочіе, для обработки ихъ громадныхъ земель.

Когда всеобщая стачка разразилась въ октябрѣ 1905 года, и петергофскіе самодержцы увидали, что вся Россія дружно поднимается противъ ихъ своеволія, а Николай II не могъ найти среди своихъ приближенныхъ никого, кто бы рѣшился рискнуть своей головой для спасенія самодержавія, — онъ согласился на уступки. Онъ подписалъ манифестъ 17 го октября. Онъ обѣщалъ торжественно, что безъ Думы новыхъ законовъ вводить не будетъ, что своихъ приближенныхъ онъ сдѣлаетъ отвѣтственными передъ выборными народа.

Но на эти уступки онъ шелъ нехотя, проклиная условія, вынудившія этотъ шагъ. А потому, призывая Витте для проведенія въ жизнь „конституціонныхъ“ началъ, онъ тутъ же создалъ около себя другое правительство, тайное, котораго назначеніе было, парализовать всѣ конституціонныя уступки и подготовить подъ шумокъ полный возвратъ къ старому. Для вида, для выигрыша времени, было посажено „министерство“, былъ назначенъ „премьеръ“, былъ объявленъ созывъ Думы... Но позади всего этого былъ поставленъ Треповъ, поселенный въ самомъ дворцѣ, облеченный всѣми полномочіями, съ Жандармскимъ управленіемъ, Охраною и войсками, отданными въ его распоряженіе, и ему было поручено всѣ эти уступки, всѣ эти „свободы“ свести на-нѣтъ.

Теперь, послѣ недавнихъ разоблаченій, нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣло происходитъ именно такъ.

Нужно помнить, что большинство Двора, почти всѣ великіе князья и самъ Николай II убѣждены, что всѣ эти „свободы“ — ничто иное, какъ временныя уступки. Это тяжелый сонъ, кошмаръ, который пройдетъ, и тогда все вернется въ старое русло. Въ нихъ твердо сидитъ эта вѣра, какъ сидѣла такая же вѣра въ Людовикѣ XVI, вплоть до той самой минуты, когда его взвели на эшафотъ. Его уже везли на казнь, а онъ все еще былъ увѣренъ, что его ни за что не посмѣютъ казнить, и что все со временемъ „образуется“ на старый ладъ.

Нужно также знать, что Николай II вовсе не тотъ безвольный человѣкъ, какимъ его изображаетъ добродушная молва и услужливые англійскіе корреспонденты. Впрочемъ, даже Стэдъ уже на что услужливѣе — и тотъ писалъ лѣтъ пять тому назадъ: „При всемъ этомъ, Николай II очень упрямъ, и люди знающіе его, сравниваютъ его, въ этомъ отношеніи, съ Николаемъ Первымъ. Въ этомъ, когда нибудь, всѣ убѣдятся.“ Замѣчаніе это совершенно вѣрно. Когда Николай II колеблется между своихъ совѣтниковъ, и не знаетъ кого слушаться, его внутреннее „я“, его личное сочувствіе *всегда* стоитъ на сторонѣ реакціи.

Разные правительственные, сенатскіе и другіе отчеты, обнародованные за послѣднее время, а также письмо Лопухина, даютъ теперь возможность возстановить способъ дѣйствій тайнаго петергофскаго правительства; и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія сводъ этихъ отчетовъ, недавно напечатанный въ Лондонѣ, въ октябрьской книжкѣ *Quarterly Review*, подъ заглавіемъ: „Русское правительство и избіенія“. Авторъ этой работы, англичанинъ, пользовался, кромѣ уже опубликованныхъ въ Россіи матеріаловъ (рѣчь кн. Урусова, обвинительный актъ противъ Минскаго губернатора, ген. Курлова, отчетъ д. с. с. Савича о Гомельскомъ погромѣ, отчетъ члена Совѣта министровъ Фриша о погромѣ въ Бѣлостокѣ и т. д., также и нѣкоторыми неизданными документами, а именно: докладомъ Витте царю о событіяхъ 17, 18 и 19 іюля 1905, „ревизіонными отчетами“ сенатора Турау о кіевскихъ событіяхъ 18-30 окт. 1905, такимъ же отчетомъ сен. Кузминскаго о погромахъ въ Одессѣ въ эти же дни и частнымъ отчетомъ о нихъ, проф. Щепкина, а также дневникомъ одного англичанина въ Харьковѣ, съ 22 окт. по 8 ноября 1905, и свидѣтельствами нѣкоторыхъ членовъ самаго правительства.

Сводъ этихъ данныхъ отлично обрисовываетъ способъ дѣйствія *тайнаго* петергофскаго правительства*).

---

*) Весьма желательно было бы чтобы такой же сводъ былъ сдѣланъ, на основаніи официальныхъ данныхъ для Россіи,

„Кто были эти тайныя силы? — спрашиваетъ авторъ названной статьи, и отвѣчаетъ такъ: — „Общественное мнѣніе называетъ покойнаго Треповa, который, какъ комендантъ Петергофа, держалъ въ своихъ рукахъ всѣ ходы въ Петергофскій дворецъ, графа Игнатьева, князя Путятина и другихъ сановниковъ, находящихся *въ близкомъ соприкосновеніи съ императоромъ*. Великій князь Николай Николаевичъ и, въ меньшей мѣрѣ, великій князь Владиміръ Александровичъ считаются покровителями этой группы. Г. Рачковскій очевидно — одинъ изъ ея официальныхъ агентовъ. Генералъ Богдановичъ, бывшій полицейскій, и г. Дубровинъ — тайные распространители ея воззваній. Адмиралъ Дубасовъ генералъ Курловъ и г. Нейдгардтъ были главными мѣстными исполнителями идей этой группы“ (*Quarterly Review*, № 409, стр. 613).

Треповъ, продолжаетъ тотъ же авторъ, былъ вдохновителемъ главнаго своего агента, Рачковскаго, а также Комиссарова — того жандармскаго ротмистра, который печаталъ призывы къ погромамъ въ зданіи жандармскаго управленія (тоже дѣлали г.Шебеко въ Вильнѣ) и брался устраивать погромы и убійства. — „Погромъ, говорилъ онъ, мы можемъ устроить всякій: противъ десяти тысячъ, или противъ десятка человѣкъ, если нужно“: другими словами, — простое убійство, если прикажутъ. И этотъ Комиссаровъ пользовался такой протекціей при Дворѣ, что Витте не посмѣлъ требовать его смѣщенія, говоритъ англійскій авторъ. Погромы шли прямо по приказу сверху, продолжаетъ онъ. — „Не требуй генералъ Курловъ и генералъ Клейгельсъ устройства избіеній, никакихъ погромовъ бы не было, такъ какъ сама полиція и жандармы были такъ утомлены борьбою, что желали одного — чтобы политическая смута улеглась какъ нибудь“.

Изъ духовенства, говоритъ тотъ же авторъ, главными зачинщиками избіеній были: Епископъ Гермогенъ въ Саратовѣ и епископъ Никонъ въ Москвѣ, состоявшій членомъ спеціально для этого организованнаго комитета; а Московскій митрополитъ Владиміръ читалъ объ этомъ даже проповѣдь. И такъ, великіе князья, столпы реакціи, пустившіеся въ коммерцію, крупные землевладѣльцы и всякіе грабители — вотъ изъ за кого лилась кровь цѣлый годъ. Вотъ истинные враги русскаго народа.

Интересно было бы знать, какъ къ этому относится императоръ, подписавшій конституцію. Подробности неизвѣстны; но трудно думать, чтобы Треповъ могъ дѣйствовать, какъ онъ дѣйствовалъ, если бы онъ не имѣлъ поддержки самаго Николая II. Во всякомъ случаѣ, вотъ одинъ фактъ. Когда одесскій градоначальникъ, устроитель избіеній и погромовъ, Нейдгардтъ, вынужденъ былъ въ виду Сенатской ревизіи, подать въ отставку, Николай II захотѣлъ дать ему высшее назначеніе. Витте изложилъ въ докладѣ, почему это было бы неудобно; но Николай надписалъ на этомъ докладѣ своей рукою: „Я знаю, что „общественное мнѣніе возбуждено противъ г. Нейдгардта. Но *что же изъ того?* Я назначаю его вице-губернаторомъ въ Нижній Новгородъ.“ Теперь, Нейдгардтъ подвизается въ Москвѣ. Онъ идетъ въ гору и конечно доберется до почета въ самомъ петергофскомъ дворцѣ.

Однимъ словомъ, изъ цѣлой массы официальныхъ документовъ вполнѣ ясно, что въ придворныхъ сферахъ, въ самомъ царскомъ дворцѣ былъ составленъ заговоръ, чтобы не дать утвердиться въ Россіи какой бы то ни было формѣ представительнаго правленія, и что для этого было учреждено особое тайное правительство.

Существованіе этого заговора подтвердилось недавно и изъ другого источника. Никто иной, какъ князь Мещерскій писалъ объ этомъ въ „Гражданинѣ“, — газетѣ издающейся, какъ извѣстно, въ самомъ Петербургѣ. Извѣстный консерваторъ прямо писалъ, что среди лицъ высокопоставленныхъ въ придворныхъ сферахъ былъ составленъ заговоръ, чтобы погубить все конституціонное дѣло въ Россіи и вернуть Россію къ полному самодержавію. Ихъ планъ былъ — *вызвать возстаніе, утопить его въ крови, и этимъ „сдѣлать Думу мертворожденною, такъ, чтобы вернуться къ старому порядку.“*

Князь Мещерскій — старый реакціонеръ, работавшій уже въ шестидесятыхъ годахъ, чтобы удавить реформы Александра Втораго; но даже онъ „съ ужасомъ“ говоритъ объ этомъ планѣ заговорщиковъ. — „Нѣсколько крупныхъ сановниковъ въ Петербургѣ признались мнѣ въ „этомъ,“ писалъ онъ въ „Гражданинѣ“.

Заговорщики не теряли времени. Едва былъ подписанъ манифестъ 17 го октября, какъ ихъ довѣренный, генералъ Треповъ, выпустилъ *свой* манифестъ, посильнѣе царскаго: — „Патроновъ не жалѣть!“ И во всѣ концы Россіи сейчасъ же полетѣли гонцы съ приказомъ, — воспользоваться шумными манифестаціями толпы, праздновавшей первый лучъ свободы, и организовать избіенія, разстрѣлы толпы.

Утопить конституцію въ крови, таковъ былъ планъ заговорщиковъ. Такъ и поступали ихъ подчиненные. — „Крови! побольше крови!“ шелъ приказъ сверху. „Погромовъ, звѣрствъ!“ — чтобы мирные люди ужаснулись такой свободы, и захотѣли назадъ, подъ власть петергофскаго Двора!

Таковъ былъ діявольскій, адскій планъ этихъ злодѣевъ. Мы понимаемъ князя Мещерскаго. Даже онъ, старый столпъ реакціи, *пришелъ въ ужасъ*, когда узналъ, на чемъ заговорщики петергофскаго Двора строили свои планы: на рѣкахъ крови, пролитыхъ по всей Россіи.

Сомнѣній теперь быть не можетъ. Отчетъ сенатора Турау объ избіеніяхъ въ Кіевѣ, тотчасъ послѣ объявленія манифеста, ясно доказываетъ, что они были устроены по приказу изъ Петербурга. Тоже самое явствуетъ изъ отчета другого сенатора, Кузминскаго, объ избіеніяхъ въ Одессѣ и изъ отчета очевидца, профессора Щепкина. Тоже самое было, наконецъ, въ Харьковѣ, Ревелѣ, Минскѣ, въ Лодзи, Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Тифлисѣ, Николаевѣ, Александровскѣ и другихъ городахъ.

Вездѣ агенты петергофскихъ заговорщиковъ, посланные Треповымъ, Дурново, Рачковскимъ, — вездѣ жандармскіе офицеры, сыщики сыскнаго отдѣленія, а не то и просто любители грабежа, распространяли печатанныя на казенныя деньги, въ домахъ жандармскаго управленія, тайныя прокламаціи, призывавшія къ избіенію интеллигентовъ, а въ Западномъ краѣ — евреевъ. Вездѣ агенты тайнаго петергофскаго правительства вооружали группы грабителей казенными кинжалами, револьверами и казенными бомбами, и производили погромы и убійства, сопровождавшіяся такими *звѣрствами*, въ которыхъ русскій *народъ* никогда раньше не былъ повиненъ. Еще бы! эти звѣрства, мы теперь знаемъ, шли изъ Петергофа. Ихъ требовали заговорщики.

И эти господа — эти ненавистники всего хорошаго и честнаго на свѣтѣ, эти люди, которымъ все, все ненавистно въ Россіи, кромѣ денегъ, выколачиваемыхъ у русскаго мужика, эти господа, назвавшіеся „русскими людьми„

для распространенія въ милліонахъ экземпляровъ. Письмо Лопухина, обнародованное съ тѣхъ поръ, еще лучше обрисовываетъ способъ дѣйствія тайнаго, «душевнаго» петергофскаго правительства.

смѣли обвинять русскій народъ, выставляя его звѣремъ передъ образованными странами...

„Какой, однако, звѣрь, вашъ русскій народъ, чтобы доходить до такихъ жестокостей!" говорили намъ англичане, французы...

И теперь оказывается, что это наши петергофскіе придворные заговорщики устраивали всѣ звѣрства; *они* подбирали для нихъ самыхъ озвѣрѣлыхъ людей, они взвинчивали ихъ обманомъ, они пользовались ихъ темнотой, они одурманивали ихъ ложью, а потомъ сами же ругали ихъ скотами, звѣрьми, какъ Мефистофель ругаетъ въ кабакѣ имъ же одурманенныхъ пьяницъ!..

Такъ вотъ на какія средства пустились эти господа, чтобы сохранить за собою право безконтрольно грабить тотъ самый русскій народъ, который пухнетъ теперь съ голода въ 25-и губерніяхъ, послѣ того, какъ вынесъ на себѣ всю тягость ихъ безумной войны, ихъ пошлой неспособности, ихъ самодурнаго управленія и ихъ звѣриной жестокости.

Маски долой! Въ революціи надо избѣгать иллюзій. Нужно знать, кто дѣйствительные и дѣйствующіе враги народа — и дѣствовать сообразно.

П. Кропоткинъ.

P. S. Именно теперь, когда выяснилась жалкая роль, предназначенная Думѣ въ „пожалованной" конституціи, — мы узнаемъ, что партіи, донынѣ называвшія себя революціонными, т.е. соціальдемократы, Бундъ, часть соціалистовъ-революціонеровъ, Кавказскіе федералисты, польская, латышская, народно-соціалистическая партія, рѣшили принять участіе въ выборахъ въ новую Думу... Поломавшись во время прошлыхъ выборовъ, они теперь не утерпѣли, и рѣшили разыграть въ Таврическомъ дворцѣ роль, назначенную имъ петергофскими царедворцами.

Мы понимаемъ, что буржуа, не дерзающіе быть революціонерами, идутъ въ Думу. Ихъ цѣль — вырвать у Двора хоть часть его власти, когда народъ будетъ разрушать эту власть. Но, чтобы честный революціонеръ, тѣмъ болѣе, если онъ дѣйствительный соціалистъ, добивался попасть въ Думу, это — ложь, это — самообманъ, это — измѣна народному дѣлу.

Революціонеръ долженъ знать, что не Дума можетъ вырвать власть у Двора. Вырвать ее можетъ — всегда, вездѣ вырываетъ — только народъ, только силою. А потому, мѣсто революціонера — не въ Думѣ, не въ избирательныхъ комитетахъ, не въ избирательномъ торгашествѣ „блоковъ". Его мѣсто — среди народа, на великой, необходимой работѣ подготовленія широкаго, могучаго, массоваго революціоннаго движенія, которое не только смететъ самодержавіе, но и двинетъ Россію на путь соціальной революціи. Сидѣть-же въ Думѣ и готовить революцію — нельзя, и они это знаютъ.

П. К.

О ТЕРРОРѢ.

(Окончаніе.)

Случается, что акты партійной самозащиты или мести, будучи вызваны дѣяніями, возмущающими всѣхъ, знающихъ о нихъ, совпадаютъ съ общимъ настроеніемъ. Тогда они имѣютъ большое агитаціонное значеніе.

Таковы покушенія на испанскаго министра Маура, который, спасшись отъ мстительной руки анархиста, былъ встрѣченъ толпою градомъ камней и свистками.

Таково убійство тамбовскаго губернатора Луженовскаго. Впечатлѣніе произведенное этимъ актомъ на тамбовскихъ крестьянъ прекрасно выражается ихъ молитвами „о здравіи болящей Маріи". Убійства Абрамова и Жданова, — инквизиторовъ Спиридоновой — равно какъ и Сахарова, саратовскаго сатрапа, отвѣчали затаеннымъ мыслямъ всѣхъ, въ комъ шевелится малѣйшее чувство порядочности.

У всѣхъ еще свѣжо въ памяти убійство Плеве, которому не радоваться не могли себя заставить даже принципіальные противники террора, точно также, какъ и убійство Сергѣя, одного изъ главныхъ виновниковъ январьской бойни.

Убійство Богдановича (Уфимскаго губернатора) считалось неизбѣжнымъ и съ нетерпѣніемъ ожидалось всѣми златоустовскими рабочими, послѣ произведеннаго имъ разстрѣла стачечниковъ, подобно тому, какъ убійство Мина ожидалось во всей Россіи.

Вспомнимъ, наконецъ, покушеніе Гирша Леккерта на Валя, послѣ сѣченія виленскихъ рабочихъ, и экзекуцію надъ докторомъ Михайловымъ (врачъ присутствовавшій при сѣченіи; нынѣ, по признанію Лопухина въ письмѣ къ Столыпину, состоящій на жалованьи у департамента полиціи) — которыя дали такое же удовлетвореніе всѣмъ знавшимъ объ этомъ, какъ въ свое время выстрѣлъ Вѣры Засуличъ въ Трепова-отца.

Въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ мѣстностей равнозначущими являются устраненія мѣстныхъ угнетателей-полицейскихъ, шпіоновъ, хозяевъ, мастеровъ.

Хроника борьбы русскихъ рабочихъ и крестьянъ со своими эксплуататорами, акты, такъ называемаго „экономическаго" террора у всѣхъ передъ глазами. Но напомнимъ одинъ характерный эпизодъ изъ жизни „свободной" Франціи.

На копяхъ компаніи въ Деказвилѣ, президентомъ которой состоялъ „великій экономистъ" Леонъ Сэй, рабочіе, выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями и пониженіемъ платы, объявили стачку 26 янв. 1886). Пониженіе это было вызвано не плохими дѣлами компаніи, а личнымъ усердіемъ пом. директора Ватрэна, давно уже ненавидимаго рабочими, которому компанія обѣщала 5 процентовъ съ достигнутаго имъ сокращенія расходовъ на заработную плату. Въ числѣ требованій, очень умѣренныхъ, была и отставка Ватрэна. Ватрэнъ, разумѣется, отказался принять ихъ и забарикадировался въ конторѣ. Толпа выломала дверь и избивъ его до смерти палками, выбросила трупъ въ окно.

Что представлялъ изъ себя Ватрэнъ, видно изъ того, что даже буржуазія говорила, что не теперь, такъ черезъ нѣсколько лѣтъ, такой конецъ для него былъ бы неизбѣженъ, а газеты напечатали слова бывшаго мѣстнаго префекта, еще за пять лѣтъ до того предсказывавшаго взрывъ ненависти рабочихъ.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ возмущеніемъ на французскихъ рабочихъ и фабрикантовъ было грандіозное, тѣмъ болѣе, что здѣсь рабочіе сами явились своими мстителями.

Мы могли бы привести много подобныхъ фактовъ изъ хроники борьбы рабочихъ Америки, Англіи, Италіи и другихъ странъ. Но довольно и этого примѣра.

Всѣ приведенные и подобные имъ террористическіе акты, индивидуальные и, особенно, коллективные, имѣли самое положительное значеніе, потому что, отвѣчая затаенному желанію населенія болѣе или менѣе обширнаго пространства, они были понятны ему, выражали это настроеніе. Давая исходъ личному чувству возмущенія, они удовлетворяли и требованія возмущенной совѣсти тѣхъ,

у кого она имѣется, и особенно — непосредственно терпѣвшихъ отъ устраненнаго негодяя.

Они поднимали духъ терпѣливыхъ и покорныхъ дотолѣ жертвъ, подрывая въ массахъ вѣру въ могущество политическихъ или экономическихъ эксплуататоровъ.

Какъ, казалось, охраняемъ былъ Плеве или Сергѣй! какъ недостижимъ былъ Сипягинъ, грозившій кровью залить улицы городовъ, гдѣ произойдутъ демонстраціи!... И вотъ они оказываются совершенно безжизненными. Здѣсь дѣйствительно есть, о чемъ пораздумать.

Акты такого-рода будятъ большинство; въ предреволюціонное время они могутъ повести къ началу активнаго выступленія массъ.

Но рядомъ съ этимъ, другіе акты, имѣющіе громадное значеніе для непосредственно заинтересованныхъ въ нихъ, или являющіеся продуктомъ исключительно повышеннаго психологическаго настроенія совершающихъ ихъ, проходятъ совершенно безслѣдно для массъ, для революціоннаго дѣла, или приводятъ даже къ результатамъ противуположнымъ тѣмъ, которые ожидались, и ими пользуются противники въ своихъ цѣляхъ. А между тѣмъ за жизнь или даже за простой испугъ какого нибудь негодяя гибнутъ честные самоотверженные люди, гибнутъ силы, которыя, иначе использованныя, могли бы принести громадную пользу дѣлу революціи.

Приведемъ для примѣра хоть рабочаго Лотье, заколовшаго кинжаломъ въ кафе (въ Парижѣ) одного буржуа, съ орденской лентой въ петлицѣ, предполагая въ немъ особенно вреднаго активнаго паразита. Жертва оказалась сербскимъ посланникомъ (Георгіевичъ), не имѣвшимъ за собою другой вины, кромѣ принадлежности къ паразитному слою общества, — слишкомъ обширному, чтобы его можно было уничтожить путемъ убійствъ его отдѣльныхъ представителей.

Лѣтъ десять тому назадъ, потерявшій работу рабочій Андреевъ пырнулъ ножомъ на музыкѣ въ Павловскѣ (аристократическая дачная мѣстность близъ Петербурга) одного генерала, — самаго обыкновеннаго генерала, ничѣмъ особенно не замѣчательнаго, какихъ тысячи въ россійской арміи.

Наконецъ убійство Луккени австрійской императрицы Елизаветы произвело на массы самое отрицательное впечатлѣніе. Луккени поразилъ ее, какъ одну изъ представительницъ власть и капиталъ имущихъ. Можно представить себѣ психологію сына народа, всю жизнь видѣвшаго вокругъ себя отчаянную нищету, голодъ, преждевременную безотрадную старость и массовую смерть дѣтей пролетаріевъ; гибель своихъ близкихъ и постыдное униженіе; вынужденную ради куска хлѣба проституцію дочерей и сестеръ тѣхъ самыхъ людей, которые тяжелымъ трудомъ создаютъ богатства подлыхъ паразитовъ, покупающихъ человѣческое тѣло, — можно понять психологію сына народа при видѣ этой коронованной женщины, утопавшей въ роскоши.

Но широкія массы не могли понять его психологіи. Въ ихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ не испытавшихъ на себѣ весь ужасъ безысходнаго положенія обездоленнаго люда, совершенно было убійство беззащитной женщины, не сдѣлавшей сознательно никакого особеннаго зла.

Поэтому такіе акты, непонятные сами по себѣ, требующіе для уясненія цѣли и значенія ихъ массамъ длинныхъ объясненій и сложной мотивировки, являются по нашему мнѣнію напрасной тратой силъ и безполезной потерей жизней.

Точно также и терроръ, возведенный въ систему, терроръ, въ которомъ видятъ средство для измѣненія существующаго строя, поглощающій лучшія силы партій, практикующихъ его, и быстро ведущій къ разгрому ихъ — по нашему мнѣнію безплоденъ.

Если и можно систематическимъ терроромъ запугать правительство или господствующій классъ и вырвать у нихъ кое какія уступки, то лишь временно, до тѣхъ поръ пока они сами преувеличиваютъ силы противника. Когда же они убѣждаются, что за боевымъ отрядомъ не стоятъ массы, солидарныя съ дѣятельностью его, когда они видятъ, что некому и нечѣмъ отстоять и удержать достигнутое, — реакція не знаетъ удержу.

Героическій поединокъ Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли съ самодержавіемъ служитъ однимъ изъ примѣровъ, подтверждающихъ наше мнѣніе.

Къ тому же, дѣйствительно все-устрашающаго характера терроръ революціонеровъ и не можетъ имѣть. Проведеніе террора, не останавливающагося ни передъ чѣмъ, лишь бы запугать и ослабить врага, террора не разбирающаго ни количества жертвъ, ни правыхъ, ни виновныхъ, не можетъ практиковаться революціонерами, воодушевленными идеями всеобщаго счастья; его могутъ практиковать лишь организованныя банды правительствъ, существующихъ или утверждающихся вновь.

Къ нему способны прибѣгать лишь темныя силы реакціи, какъ это было въ 1805-1820, въ 1852 и 1871 годахъ во Франціи, въ сороковыхъ годахъ въ Австріи, Италіи и т. д.

Всѣ эти массовыя убійства, совершаемыя правительствами, погромы, карательныя экспедиціи, полевые суды и т. п. — не средства борьбы революціонеровъ и народа.

Революціонеры, сторонники освободительнаго движенія, являются всегда носителями принципа справедливости, высшей, чѣмъ та, которую признаетъ какое либо правительство, защищающее всегда интересы привилегированныхъ.

Правительственные агенты — генералы Меллеры-Закомельскіе, Ренненкампфы, Скалоны, Мины и т. п. подвергаютъ бомбардировкѣ и поджигаютъ цѣлыя селенія, по подозрѣнію въ укрывательствѣ революціонеровъ или оружія, заливаютъ улицы городовъ кровью, не щадя ни женщинъ, ни стариковъ, ни дѣтей, возятъ съ собой „заложниковъ“, какъ гарантію своей безнаказанности со стороны населенія, и казнятъ ихъ, даже въ поѣздахъ.

А революціонеръ, какъ Каляевъ, рискуя успѣхомъ дѣла и напрасной своею гибелью, удерживается отъ бросанія бомбы, чтобы не пострадала княгиня или княжескія дѣти, или, какъ нашъ товарищъ въ Екатеринославѣ, прекращаетъ стрѣльбу въ ненавистнаго предателя-директора фабрики, Эзау, чтобы не поранить жену его; какъ Карповичъ, наконецъ, упускаетъ самыя удобныя положенія врага, чтобы не попасть въ посторонихъ.

Всегда, если есть хоть какая нибудь возможность, революціонеры избѣгаютъ напрасныхъ жертвъ.

И такое ихъ поведеніе придаетъ гораздо большее значеніе ихъ актамъ, чѣмъ простое устраненіе негодяевъ, которые легко могутъ быть замѣнены другими.

Ихъ самопожертвованіе, ихъ смѣлость и преданность дѣлу производятъ несравненно большее впечатлѣніе на массы, чѣмъ непосредственные результаты ихъ актовъ, и больше способствуютъ идейной пропагандѣ.

Революціонеры не могутъ быть сторонниками массовыхъ избіеній врага — правительственныхъ чиновниковъ, солдатъ и т. п. безъ разбора*).

*) Особенно теперь, когда государства захватили въ свои

И если въ пылу битвы имъ и приходится убивать солдатъ и нижнихъ полицейскихъ, революціонеры всегда имѣютъ въ виду, что лишь немногіе изъ этихъ враговъ заинтересованы въ своемъ ремеслѣ.

Большая же часть ихъ является слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ, власть и капиталъ имущихъ. Забираемые силою, или толкаемые нуждою, находящіеся постоянно подъ угрозой особенно суровыхъ каръ, они сохраняютъ интересы, общіе съ народомъ, легко поддаются революціонной пропагандѣ и окажутъ современемъ рѣшающее вліяніе на исходъ революціонной борьбы.

Народъ, взятый въ массѣ, всегда великодушенъ. Даже въ эпохи обостренной, открытой борьбы онъ не бываетъ ни кровожаденъ, ни жестокъ. Чрезмѣрная жестокость, даже по отношенію къ заклятымъ врагамъ, отталкиваетъ его. И если взрывы его святой мести бываютъ порою ужасны — за то исторія показываетъ, какъ безконечно ничтожно число жертвъ со стороны врага при народныхъ возстаніяхъ въ сравненіи съ числомъ жертвъ изъ среды самого народа. Правительства же жестоки не только при борьбѣ, но и при побѣдѣ, и даже при побѣдѣ особенно. Версальцы, напримѣръ, втеченіе одной недѣли уничтожили 30,000 человѣкъ, многихъ — уже послѣ подавленія возстанія. Для народа, побѣда его—это великое всеобщее отпущеніе грѣховъ, освобожденіе и братское объединеніе всѣхъ людей.

Изъ всего сказаннаго ясно наше отношеніе къ различнымъ видамъ террора. Главнымъ критеріемъ полезности или ненужности акта является, по нашему мнѣнію, впечатлѣніе, которое онъ производитъ на массы, его значеніе для приближенія революціи.

Само собою разумѣется, что такого рода акты, какъ нападенія на перваго встрѣчнаго буржуа или агента правительства, поджоги или взрывы кафе,театровъ и т. п. совершенно не являются логическимъ выводомъ изъ анархическаго міровоззрѣнія, и объясненія ихъ надо искать въ психологіи совершающихъ ихъ.

Свидѣтельствуя о безысходномъ отчаяніи и полной безнадежности, они вызываются всею совокупностью ненормальныхъ общественныхъ условій.

Тѣ самыя причины, которыя пассивную натуру приводятъ къ самоубійству, натуру активную заставляютъ мстить первому попавшемуся „счастливцу“, порою очень плохо выбранному, за муки капиталистическаго и государственнаго ада.

Распространеніе такого рода актовъ можетъ быть лишь вредно дѣлу соціальной революціи, отвлекая людей преданныхъ и идейныхъ отъ положительной работы сплоченія трудящихся массъ, которыя однѣ могутъ имѣть рѣшающее значеніе на исходъ революціонной борьбы и привести къ торжеству идеала анархическаго коммунизма.

Спеціально анархическую окраску террористическіе акты могутъ имѣть не по тому, на что или противъ кого они направлены, но по тому какъ они осуществлены.

Въ этомъ дѣлѣ, влекущемъ за собою громадный личный рискъ непосредственныхъ участниковъ его, еще менѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ можетъ быть допустимъ принципъ централизма.

Оно можетъ быть лишь результатомъ личной инціативы, личной рѣшимости и риска, личной отвѣтственности выполнителей его, и съ нашей точки зрѣнія ни нуждается ни въ какой санкціи, ни въ какомъ указаніи и приглашеніи со стороны, хотя бы и единомышленниковъ. но не принимающихъ самаго близкаго участія въ немъ.

Самому духу анархизма противны „приговоры“, „суды“, „казни“ и тому подобные буржуазные пережитки въ революціонно-соціалистическихъ партіяхъ.

Вынужденные условіями нелегальнаго существованія прибѣгать къ террористическимъ актамъ, анархисты не „судятъ“, не „казнятъ“: они защищаются или мстятъ.

Они не возводятъ терроризмъ въ принципъ, а смотрятъ на него какъ на крайне тяжелую, но, къ сожалѣнію, при наличности классового и государственнаго гнета неизбѣжную принадлежность партіи, активно борющейся за лучшее будущее для всего человѣчества.

Въ этомъ будущемъ строѣ при отсутствіи всякаго угнетенія человѣка человѣкомъ, обществомъ и государствомъ, сдѣлается ненужнымъ и насильственное противодѣйствіе имъ.

Вл. Забрежневъ.

руки многія области народнаго хозяйства (пути сообщенія, почта, телеграфъ, табачное и водочное, банковое дѣло), и громадное большинство лицъ, занятыхъ въ нихъ и считающихся «правительственными чиновниками», на самомъ дѣлѣ эксплуатируются государствомъ не меньше, чѣмъ частными капиталистами.

ИЗЪ РОССІИ.

ПАРТІИ И ДУМСКІЕ ВЫБОРЫ.

Избирательный періодъ открылся въ Россіи — и открылся съ совершенно иными наличными силами чѣмъ въ прошломъ году. Одна за другою наши соціалистическія партіи отказываются отъ тактики бойкота Думы: «большевики» (меньшевики, какъ извѣстно, принимали участіе въ выборахъ праньше), Бундъ, всѣ польскія, всѣ латышскія партіи, партія народно-соціалистическая, крестьянскій союзъ—всѣ вступаютъ на путь парламентской дѣятельности и съ большою горячностью принимаются за избирательною агитацію. Какая разница съ тѣмъ, что мы видѣли въ прошломъ году! Какъ казалось, убѣдительно говорили тогда партіи въ защиту бойкота, какъ иронически относились къ происходившей избирательной кампаніи! Основаній для этого у нихъ было много: и ограниченность избирательнаго права, и невозможность свободы выборовъ при военномъ положеніи и усиленной охранѣ, и боязнь «легализаціи» революціи. Подъ многими изъ прокламацій того времени, призывавшихъ къ бойкоту думскихъ выборовъ, охотно подписался бы каждый анархистъ. Что же измѣнилось за это время? Реакція свирѣпствуетъ какъ никогда; свобода избирательной агитаціи не существуетъ ни для одной изъ «лѣвыхъ» партій, избирательныя права ограничены сенатскими разъясненіями еще больше, чѣмъ были ограничены въ прошломъ году. Измѣнились, очевидно, не условія, а измѣнилось само настроеніе соціалистическихъ партій.

Въ то время, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что происходившей массовой революціонной борьбы, охваченныя еще ея жаромъ, всѣ русскія партіи какъ бы поднялись на одну ступень въ своей революціонной энергіи: либералы становились чуть не революціонерами кадеты выставляли требованія соціалистической программы минимумъ, соціальдемократы принимали по отношенію къ «легальной дѣятельности» анархическую тактику бойкота. Теперь —время другое, и партіи принимаютъ свою нормальную физіономію. Прошлогодняя непримиримость—плодъ недоразумѣнія—уступаетъ мѣсто политическому разсчету. Громы, метавшіеся противъ кадетовъ, какъ усыпителей, измѣнниковъ революціи и т. д., замѣнились проэктами «блоковъ» и соглашеній съ ними. Теперь вопросъ идетъ только о томъ, въ какой формѣ и въ какихъ предѣлахъ будутъ происходить эти соглашенія. Въ этомъ отношеніи письмо Плеханова «Къ сознательнымъ рабочимъ», въ которомъ открыто и опредѣленно говорится о томъ, какъ необходимы эти «блоки» для предотвращенія побѣды реакціи и какъ неумѣстна здѣсь партійная непримири-

римость, очень ясно указываетъ путь. И нужно думать, что партіи и организаціи послѣдуютъ совѣту идейнаго руководителя соціальдемократіи.

Съ нашей точки зрѣнія, какъ бы ни были намъ симпатичны проявленія революціоннаго духа, какъ бы ни было намъ пріятно встрѣчать наши мысли и нашу аргументацію у нашихъ ожесточенныхъ противниковъ, мы не можемъ не сказать, что для нихъ это было не болѣе какъ непослѣдовательность, — симпатичная, пожалуй, но все таки непослѣдовательность. Мы не говоримъ о такихъ не-партійныхъ въ строгомъ смыслѣ организаціяхъ, какъ крестьянскій союзъ, или о неустановившихся еще партіяхъ, какъ народно-соціалистическая, но возьмемъ соціальдемократію. Она — едина во всемъ мірѣ, и это — ея гордость, у нея единая программа во всѣхъ странахъ, и въ эту программу повсюду входитъ, какъ главное средство, парламентская дѣятельность (каковы бы ни были особенности даннаго политическаго режима). Соціальдемократія только тогда, собственно, и имѣетъ право называться этимъ именемъ, когда она стоитъ на этомъ пути, которымъ опредѣляется вся ея дѣятельность. Это основной пунктъ соціальдемократическаго credo.*) Недаромъ на своихъ международныхъ конгрессахъ [которые они, не стѣсняясь исторической правдой, называютъ конгрессами Интернаціонала] соціальдемократы не хотятъ терпѣть анархистовъ потому и только потому, что они не признаютъ полезность парламентской тактики. Ясно, какое важное значеніе придается этому пункту. Русская соціальдемократія не должна въ этомъ отношеніи составлять исключенія, и она будетъ, съ своей точки зрѣнія, вполнѣ права если пойдетъ по пути своихъ западно-европейскихъ товарищей.

А пойти за ними ей придется далеко. Разъ партія принимаетъ участіе въ законодательной дѣятельности, она стремится использовать какъ можно лучше существующія учрежденія. А это всецѣло зависитъ отъ комбинаціи силъ въ парламентѣ, т. е. въ конечномъ счетѣ отъ числа и распредѣленія голосовъ. Отсюда — соглашенія со смежными — а иногда даже и очень далекими — партіями. Происходитъ это, конечно, не безъ взаимныхъ уступокъ, причемъ, нужно замѣтить, уступки всегда больше со стороны болѣе крайней партіи. Затѣмъ, когда голоса поданы — чьи это голоса и во имя чего они подавались, такъ или иначе, это — совершенно безразлично; голоса соціалистовъ могутъ, поэтому, сойтись съ голосами реакціонеровъ и, совершенно того не желая, содѣйствовать повороту политики на право. И это вовсе не воображаемая, а реальная опасность, которая, какъ кошмаръ, виситъ надъ парламентскими соціалистами и парализуетъ ихъ дѣятельность. Примѣры отыскать не трудно. Во Франціи втеченіи послѣдняго десятилѣтія нѣсколько разъ бывали у власти радикальныя министерства, пользовавшіеся поддержкой соціалистовъ. Въ результатѣ — правовѣрный и снискавшій себѣ репутацію непримиримости соціальдемократъ Гедъ со всей своей группой вотируетъ противъ отмѣны гнусныхъ исключительныхъ законовъ изданныхъ противъ анархистовъ (lois scelerates), чтобы не повредить радикальному министерству Буржуа. О времени пребыванія въ министерствѣ Мильрана и говорить нечего. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы во Франціи дѣятельность соціалистовъ, какъ соціалистовъ свелась окончательно къ нулю; и все это сдѣлала боязнь вступать въ конфликтъ съ буржуазными радикалами, т. е. сыграть въ руку «правымъ»!

Обыкновенно говорятъ, что крайніе революціонеры своею боевой дѣятельностью бьютъ въ руку реакціи; но, что эта опасность въ сравненіи съ опасностью, грозящей парламентскому соціалисту? Революціонеръ, въ худшемъ случаѣ, можетъ вызвать временное усиленіе полицейскихъ преслѣдованій, которое съ избыткомъ искупается подъемомъ революціоннаго духа и общимъ оппозиціоннымъ вліяніемъ. Парламентскій же соціалистъ постоянно попадаетъ изъ Сциллы сознательнаго служенія либеральной буржуазіи въ Харибду безсознательнаго служенія реакціи.

*) «У васъ въ Россіи есть соціалисты, но нѣтъ соціальдемократовъ», говорилъ Либкнехтъ одному русскому соціалисту въ Женевѣ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда нашъ соотечественникъ хотѣлъ похвастать передъ Либкнехтомъ и говорилъ объ успѣхахъ соціальдемократіи въ Россіи.

Интересно, какъ приближеніе выборовъ уже сказалось на нашихъ партіяхъ общимъ пониженіемъ тона. Народно-соціалистическая партія, напримѣръ, сейчасъ же, какъ только рѣшила принимать участіе въ избирательной борьбѣ, поспѣшила заявить устами Пѣшехонова, что она — противница всякой боевой тактики, въ частности террористической борьбы. „Большевики", съ другой стороны, на той же конференціи, гдѣ былъ вотированъ отказъ отъ тактики бойкота, сочли нужнымъ особенно подчеркнуть — очевидно, чтобы не отпугивать будущихъ избирателей — свое отрицательное отношеніе ко всякимъ „экспропріаціямъ". Избирательная агитація началась — и уже теперь русскія газеты передаютъ, что къ с. д. (въ частности въ Одессѣ) примкнули многіе элементы, раньше стоявшіе далеко и отъ партіи и отъ всякой вообще подпольной работы.

О соціалистахъ-революціонерахъ сказать ничего опредѣленнаго пока нельзя: партія оффиціально еще не высказалась, а со слухами считаться мы не имѣемъ права. Нельзя все таки не отмѣтить извѣстія, проскользнувшаго въ печать и не получившаго со стороны партіи ни подтвержденія, ни опроверженія, — что центральный комитетъ рѣшаетъ пріостановить свою террористическую дѣятельность на время выборовъ. Смыслъ этого заявленія не замедлитъ, конечно, выясниться.

Въ общемъ можно сказать, что понемногу всѣ соціалистическія партіи Россіи вступаютъ на путь парламентаризма. Въ сторонѣ его, на чисто революціонномъ пути, останутся скоро одни анархисты, да можетъ быть крайняя лѣвая с. р. —максималисты, во многихъ отношеніяхъ приближающіеся къ намъ.

ПО ПОВОДУ ПРЕДСТОЯЩАГО СЪѢЗДА ПРОФФЕССІОНАЛЬНЫХЪ РАБОЧИХЪ ОРГАНИЗАЦІЙ.

Русскія рабочія организаціи стоятъ теперь на перепутьи, и многое зависитъ отъ того направленія, которое онѣ изберутъ. Предполагающійся съѣздъ рабочихъ делегатовъ для выработки программы всероссійскаго рабочаго союза будетъ имѣть въ этомъ отношеніи большое значеніе. До сихъ поръ, поскольку вообще можно говорить о партійныхъ вліяніяхъ на рабочія организаціи, преобладала, повидимому, соціальдемократическая тенденція, и если ей удастся завоевать себѣ прочное положеніе, этимъ организаціямъ грозитъ серьезная опасность: опасность сдѣлаться орудіемъ партійной политики. Съ вступленіемъ въ Думу, это будетъ политика исключительно парламентарная, а что это значитъ — узнали на собственномъ опытѣ западно-европейскіе рабочіе.

Въ Германіи, напримѣръ, гдѣ вліяніе соціальдемократіи всего сильнѣе, движеніе рабочихъ организацій не выходитъ за предѣлы узко-корпоративныхъ интересовъ; все, что носитъ нѣсколько болѣе широкій идейный характеръ считается достояніемъ исключительно политической партіи: а этой послѣдней, именно въ виду ея парламентскаго характера, эти задачи давно стали не по плечу. То же самое долгое время происходило и во Франціи, пока рабочіе союзы не рѣшили освободиться отъ этой опеки и стать самостоятельной силой.

Вотъ почему рабочія организаціи многихъ странъ [Франціи, Италіи, Испаніи, а въ послѣднее время даже Германіи] создали теперь свое обособленное движеніе — такъ называемый революціонный синдикализмъ — выдвигающій экспропріацію средствъ производства какъ цѣль, а всеобщую забастовку какъ средство.

Было бы слишкомъ обидно, если бы наши молодые рабочіе союзы не воспользовались этимъ опытомъ, чтобы вступить

сразу на единственно вѣрный путь, миновавъ рядъ ошибокъ, въ которыя вовлекла западно-европейскихъ рабочихъ соціальдемократія, отклонившаяся отъ программы, намѣченной еще Интернаціоналомъ.

Дѣло нашихъ товарищей-анархистовъ познакомить русскихъ рабочихъ съ положеніемъ вещей въ Западной Европѣ теперь же, не дожидаясь, пока они научены будутъ самой жизнью. Для этой цѣли они могутъ воспользоваться нѣкоторыми произведеніями нашей литературы, какъ напр. переводныя статьи Пуже въ сборникѣ «Черное Знамя», брошюра Пьерро «Синдикализмъ и революція», брошюра П. Кропоткина «Русскій рабочій союзъ», книга Пеллутье «Исторія Биржъ Труда», нѣкоторыя статьи изъ сборника «Хлѣбъ и Воля» и т. д.

КАЗНИ.

За послѣднее время еще погибли наши товарищи. Вотъ тѣ свѣденія, которыя мы получили:

Въ Москвѣ повѣшенъ Вильгельмъ Генриховичъ Мишке, за убійство жандарма при вооруженномъ сопротивленіи. Арестованный вмѣстѣ съ нимъ Евсѣевъ приговоренъ къ 12 годамъ каторги.

Въ Бѣлостокѣ 15 ноября казненъ за убійство околоточнаго и за сопротивленіе при арестѣ товарищъ, не пожелавшій назвать себя.

Въ Одессѣ, 16 ноября повѣшены по либмановскому дѣлу Метцъ, Брунштейнъ и Шерешевская.

Были еще казни въ городахъ, гдѣ работаютъ наши группы, но у насъ нѣтъ точныхъ свѣденій о принадлежности казненныхъ къ той, или другой партіи. Просимъ нашихъ товарищей въ Россіи посылать намъ всѣ имѣющіяся у нихъ свѣденія объ арестахъ и процессахъ анархистовъ.

ИЗЪ ХРОНИКИ АНАРХИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

Вотъ нѣкоторыя свѣденія, присланныя намъ товарищами изъ Россіи.

Нижній-Новгородъ. — Въ мѣстномъ районѣ (на Сормовскомъ заводѣ) анархисты появились весной. Въ апрѣлѣ уже были первые аресты, причемъ взята женевская литература, миміографъ и перепечатанныя бѣлостокскія прокламаціи. Анархисты устраивали въ теченіе лѣта и осени цѣлый рядъ собраній въ 30—40—50 человѣкъ, на которыя публика ходила очень охотно. Много было роздано литературы: изданія «Свобода», „Свободная Коммуна», «Равенство» и другіе. Также распространенъ листокъ Екатеринославской группы а.-к. о Гольманѣ. Организовалась группа рабочихъ, которая самостоятельно ведетъ пропаганду.

По дѣлу ан. ком. въ Сормовѣ были арестованы Игнатій Игнатьевичъ Музиль и Ольга Ивановна Малицкая. Они взяты были въ лѣсу патрулемъ казаковъ. Недавно былъ ихъ процессъ. Присуждены: Малицкая на два года въ крѣпость, Музиль — на 1 годъ 4 мѣсяца.

Они обвинялись въ храненіи и распространеніи литературы анархистовъ-коммунистовъ.

Во время вопросовъ предсѣдателя, обращенныхъ къ Музилю—сколько ему лѣтъ, получилъ ли онъ копію съ обвинительнаго акта и т. д., Музиль сидѣлъ. Предсѣдатель палаты замѣтилъ, что когда предлагаются вопросы, то нужно встать. Музиль отвѣтилъ, что онъ вопросовъ не задаетъ, а потому и вставать ему нечего.

— Порядокъ такой, продолжалъ предсѣдатель, когда судъ къ вамъ обращается вы должны встать.

— Не желаю! — отвѣтилъ подсудимый.

Предсѣдатель предложилъ судебному приставу удалить Музиля изъ залы суда. Подсудимый вышелъ.

Малицкая заявила, что она не признаетъ такой судъ, а потому отказывается принять въ немъ какое либо участіе. И Малицкая также вышла изъ залы.

Также демонстративно вели себя наши товарищи и во время слѣдствія. Музиль при допросѣ заявилъ прямо: «Я анархистъ, и больше ни черта!"

Далѣе арестованы въ октябрѣ два рабочихъ а.-к., съ бомбами и оружіемъ.

Въ началѣ ноября арестованъ а.-к. Леонидъ Спиридоновъ, напавшій съ 9 товарищами на нижегородскомъ вокзалѣ на казеннаго артельщика. Онъ отстрѣливался и раненъ. Предается военно-полевому суду. При этомъ отстрѣлѣ убитъ другой анархистъ Филиппъ Рогожниковъ, при которомъ найдена печать «группы» анархистовъ Остальные скрылись. Спиридонову предъявлено еще обвиненіе въ убійствѣ лѣтомъ полицейскаго урядника и завѣдующаго сыскной частью Кемаева.

Въ Рязани организовалась группа а.-к. Лѣтомъ читался рефератъ объ анархизмѣ, вызвавшій интересъ. Изданы были на гектографѣ и распространены листки: «Долой палачей!», «Ко всѣмъ рабочимъ» и Анри „Рѣчь на судѣ". Кромѣ того распространялись номера «Хлѣбъ и Воли», «Безначалія», женевской брошюры, а въ послѣднее время «Буревѣстникъ» № 1 и листокъ о Гольманѣ. Также изданія группы «Свобода», «Равенство» и др.

Москва. За послѣднее время многочисленные аресты ан. ком. Арестована группа «Солидарность». Осенью еще разбиты группы: „Свобода" и „Свободная Коммуна". Взято много литературы, оружія, бомбъ. При недавнемъ обыскѣ въ мебелированныхъ комнатахъ на Знаменкѣ одинъ нашъ товарищъ погибъ, бросившись въ окно четвертаго этажа, чтобы не даваться въ руки полиціи.

Въ Московской тюрьмѣ сидѣло за послѣднее время много каторжанъ, пересыльныхъ; среди нихъ Морицъ Алешкеръ изъ Одессы, Архипъ Кравецъ оттуда же, оба 15 лѣтъ каторги; Рабиновичъ изъ Одессы,—каторга; Александръ Таратута изъ Вильно, вѣчное поселеніе. Кишиневскій, братья Цалевичи, Вишенгротъ — отъ 4-хъ до 8 лѣтъ каторги за вооруженное сопротивленіе въ Нѣжинѣ; Евгеній Гелецкій отстрѣливался при взятіи типографіи "Набатъ" въ селѣ Черниговской губерніи. Имена другихъ намъ не были извѣстны.

Недавно приговоренъ къ повѣшенію Вильгельмъ Генриховичъ Мишке, анархистъ-коммунистъ, и къ 12 годамъ каторги Евсѣевъ. Оба за вооруженное сопротивленіе при арестѣ.

Въ Москвѣ въ теченіе лѣта, была распространена масса анархическихъ изданій: листки Гольманъ, «Ко всѣмъ рабочимъ», и мн. др., кромѣ того много «Буревѣстника».

Происходило много собраній, митинговъ. На одномъ, у Симонова монастыря, при попыткѣ арестовать агитаторовъ, а. к. стрѣляли. Была брошена бомба. Ранены агенты полиціи и помощникъ пристава. Анархисты скрылись.

Екатеринославъ. — На Амурѣ 4 ноября, на пароходѣ «Пиратъ» арестованы трое товарищей.

4 Ноября взяты были Л. Чернецкій, И. (Янекъ) Гаинскій, Яковъ Коноплевъ. При арестѣ Гаинскій стрѣлялъ и ранилъ стражника. Кромѣ вооруженнаго сопротивленія ихъ обвиняютъ еще въ убійствѣ чиновъ полиціи въ Бѣлостокѣ. На Амурѣ же возлѣ Екатеринослава, предательски убитъ полиціей анархистъ агитаторъ Фишель Штейнбергъ, извѣстный среди товарищей подъ именемъ «Самуила».

Въ Екатеринославѣ же слушается въ военно-окружномъ судѣ дѣло Василія Доценко, а. к. изъ Кіева.

Арестованъ въ каменскомъ заводѣ, какъ террористъ Вячеславъ Виноградовъ, одесситъ; осужденъ на 15 лѣтъ каторги за то, что онъ ранилъ офицера, который избивалъ солдата.

Военному же суду предается Марія Купка, анархистка. Она впервый разъ попалась въ Кременчугѣ, когда отстрѣливался и былъ арестованъ а. к. Тихонъ Курникъ. 3 Марта онъ убилъ городового Зайку и ранилъ агента полиціи. Военнымъ судомъ приговоренъ къ повѣшенію, которое замѣнено вѣчной каторгой. Марію Купку подвергли пыткамъ и истязанію. Грозитъ ей смертная казнь.

Фамилiи казненныхъ въ Каховкѣ, херсонской губернiи: 1) Борисъ Бошоеръ, Семенъ Трубицынъ, Дмитрiй Рахно, Петръ Матвѣевъ, Федоръ и Ануфрiй Кубаковы и Швахъ.

Ялта. Въ Августѣ арестована типографiя а. к. Взято много литературы, журналы, листки, оружiе. Арестованы Т. Липковскiй, Ал. Мудровъ, Вл. Ушаковъ. Въ Ялтѣ же погибли при взрывѣ два товарища, и одинъ, Бобенко, застрѣлился, не желая даваться въ руки полицiи.

Одесса. — 7 ноября, во время похоронъ одного ученика электро-технической школы, трое анархистовъ стрѣляли въ полицiю и убили пристава, и ранили городового. Полицейскiй нарядъ убилъ ихъ всѣхъ троихъ на мѣстѣ. Фамилiя одного изъ убитыхъ — Злочевскiй.

Ковно. — Арестованы въ началѣ ноября четыре анархиста, члены боевой дружины.

Маріуполь. — Арестованы двое: Кацельсонъ и Коо. Найдены разнаго рода бумаги и оружiе.

Баку. — 11 Ноября арестованы въ одной изъ молочныхъ города 8 человѣкъ, принадлежавшихъ къ террористической группѣ «Анархiя».

ПРОЦЕССЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

17 Ноября судились въ петербургской судебной палатѣ анархисты: Марголинъ, Соколовъ [студ.], Сперанскiй [студ.] и еще одинъ, фамилiя котораго не была установлена, и который назвалъ себя Теръ-Аганесовымъ Обвинялись всѣ они въ «принадлежности къ преступному сообществу и т. д.,» и въ храненiи взрывчатыхъ веществъ.

Подсудимые на обычные вопросы пуедсѣдателя отказались отвѣчать, отказались также встать, когда вошелъ судъ, и потребовали, чтобы ихъ увели изъ залы засѣданiя. Защита на судѣ отсутствовала, такъ какъ пом. прис пов. А. Т. Земель нѣсколько дней тому назадъ былъ арестованъ.

Предсѣдатель распорядился вывести подсудимыхъ, и въ отсутствiи ихъ былъ прочитанъ обвинительный актъ, но затѣмъ подсудимые снова были введены въ залъ засѣданiя и имъ былъ предложенъ обычный вопросъ, признаютъ ли они себя виновными. Подсудимый Марголинъ отказался вовсе отвѣчать. Студ. Соколовъ заявилъ, что, такъ какъ приговоръ навѣрное уже написанъ, то лучше прямо прочесть его теперь же, подсудимые выслушаютъ приговоръ, поблагодарятъ и съ миромъ уйдутъ. Теръ-Аганесовъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ говорить съ предсѣдателемъ, съ которымъ онъ не знакомъ.

Подсудимые отказались занять свои мѣста, а Теръ-Аганесовъ потребовалъ, чтобы его удалили изъ залы засѣданiя. Когда по распоряженiю предсѣдателя его стали выводить, за нимъ послѣдовали и товарищи, но сопровождавшiе Аганесова жандармы сдѣлали попытку силою оставить на скамьѣ для подсудимыхъ остальныхъ трехъ обвиняемыхъ. Между жандармами и подсудимыми завязалась борьба, поднялся крикъ, изъ публики раздались возгласы протеста...

Наконецъ, предсѣдатель распорядился удалить всѣхъ подсудимыхъ.

Приговорены: Теръ-Аганесовъ и Соколовъ — къ 15 годамъ каторги, Марголинъ и Сперанскiй — къ 10 годамъ.

АНАРХИЧЕСКIЯ ИЗДАНIЯ ВЪ РОССIИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Мы открываемъ настоящiй отдѣлъ, чтобы дать нашимъ читателямъ возможно разностороннее освѣщенiе возникающихъ у нихъ вопросовъ.

Хотя журналъ нашъ и является выраженiемъ опредѣленныхъ взглядовъ издательской группы, но мы постараемся, чтобы онъ знакомилъ также и съ другими теченiями анархизма.

Въ виду ограниченныхъ размѣровъ журнала, мы вынуждены, конечно, быть очень краткими.

Ред.

Всероссiйскiй желѣзнодорожный союзъ; центральный комитетъ Московско Ярославско-Архангельской ж. д. Октябрь 1906 годъ.

Въ полученной нами прокламацiи Всероссiйскаго желѣзнодорожнаго союза, мы можемъ съ удовольствiемъ отмѣтить слѣдующiя строки: «Съ такимъ правительствомъ всякiе разговоры должны быть кончены и народъ, испробовавъ еще въ послѣдней разъ поговорить съ нимъ чрезъ Госуд. Думу дѣйствительно это понялъ. Онъ понялъ, что «Землю и Волю» нужно добывать самимъ, что эту «Землю и Волю» нигдѣ никто не давалъ, а ее брали. И въ наступившей кажущейся тишинѣ народъ въ массѣ готовится къ послѣдней отчаянной схваткѣ съ правительствомъ, чтобы побѣдить, или умереть...»

Вся прокламацiя проникнута бодрымъ духомъ и призывомъ къ самодѣятельности. Союзъ этотъ безпартiйный, то есть не находится подъ вліянiемъ какой бы то ни было политической партiи съ присущими имъ узкими партiйными цѣлями, и въ этомъ — условiе его жизненности и залогъ плодотворности его работы по объединенiю рабочихъ массъ, занятыхъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ.

ДЛЯ ТОВАРИЩЕЙ.

По поводу инцидента съ тов. А. въ Петербургѣ осенью 1905 года, лица, причастныя къ этому дѣлу, прислали въ редакцiю письмо съ заявленiемъ, что инцидентъ этотъ былъ результатомъ ошибочнаго освѣщенiя нѣкоторыхъ фактовъ. По конспиративнымъ соображенiямъ, письмо это не можетъ быть опубликовано полностью.

Мы съ своей стороны можемъ только прибавить, что для насъ пострадавшiй товарищъ всегда былъ внѣ подозрѣнiй.

Редакцiя.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено. Изъ Нью Iорка, отъ Freie Arbeiter Stimme, на Листки «Хлѣбъ и Воля», 110 долларовъ; за литертуру, черезъ группу Анархiя, 10 дол. Изъ Цюриха, черезъ К.Т., за литературу, 23 франка. М.С., Ливерпуль, 6 шил. Г., Лидзъ, 4 шил. и 8 пенс.; и 7 шил. для Листковъ. М.З., Манчестеръ, 6 шил. А.-Ф. [Фрайбургъ], за литературу, 9 шил.
По старому подписному листу черезъ П (Лондонъ), 3 шил. и 9 пенсовъ.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шилингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.
Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.
E. Held, 49 rue de Carouge. Geneve. Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администрацiи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденцiи изъ Россiи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kushniaroff, 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ.

№ 5. — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 28 ДЕКАБРЯ 1906 г.

Лондонъ, 28 декабря 1906.

И такъ всѣ, бывшія революціонными, соціалистическія партіи рѣшили принять участіе въ выборахъ въ Думу и, какъ и слѣдовало ожидать, съ самыхъ же первыхъ шаговъ на этомъ поприщѣ, онѣ вынуждены были окунуться въ омутъ соглашеній и сдѣлокъ съ буржуазными политическими партіями.

Вступая въ эти сдѣлки, онѣ, со своей точки зрѣнія, конечно правы. Если не вступать въ сдѣлки, то незачѣмъ идти въ Думу. „Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ.“ Въ жизни партій есть своя логика, — такая же роковая логика, какъ и въ жизни людей, какъ и логика событій. И когда, говоря раньше про ссоры соціалистовъ-революціонеровъ съ соціальдемократами мы предсказывали, что сама логика событій сведетъ обѣ партіи на одну, жирондистскую скамью въ Палатѣ, мы высказывали только то, чему научила насъ тридцати-пяти лѣтняя жизнь соціалистическихъ партій въ западной Европѣ.

Какое значеніе для русской революціи будетъ имѣть это рѣшеніе нашихъ бывшихъ революціонныхъ партій, принятое ими уже въ самомъ началѣ революціи, покажетъ близкое будущее. Но для насъ, анархистовъ, оно имѣетъ громаднѣйшее значеніе. Оно сразу грозно увеличиваетъ историческую задачу, выпавшую намъ на долю и взваливаетъ на нашу молодую — впрочемъ быстро окрѣпнувшую партію — громаднѣйшую работу. Эта работа потребуетъ, конечно, большаго прилива свѣжихъ силъ; но, мы увѣрены въ этомъ, она привлечетъ ихъ. Великая задача всегда привлекаетъ людей сильныхъ. Въ самой ея грандіозности есть неотразимая притягательная сила.

Задача намъ предстоитъ — двоякая.

Съ одной стороны — задача боевая. Партія, идущая въ парламентъ, перестаетъ быть боевой. Нельзя торговаться съ министромъ въ Думѣ изъ за того или другого выраженія въ законѣ, и въ тоже время готовить на него бомбу. Нельзя и возстанія готовить противъ правительства, оставаясь въ Думѣ.

Увѣрять себя и другихъ, что *Дума* будетъ центромъ и средствомъ народнаго возстанія, есть только софизмъ, самообманъ для усцокоенія совѣсти, или же совершенное непониманіе политической жизни вообще и исторіи. Никогда въ мірѣ, народное представительство не служило центромъ, двигателемъ возстанія. Переберите всю исторію — такого нѣтъ примѣра. Въ Англіи, народъ возстаетъ *противъ* воли парламента; во Франціи возстаніе 10 августа организуется Парижскою Коммуною, и Коммуною-то не казенною, не выборною, а вольною, бунтовскою Коммуною, составленною изъ секцій (отдѣлы). Первая наша Дума тоже не выказала бунтовскихъ наклонностей.

Думы, парламенты пользуются возстаніемъ— подготовляютъ же его другіе, люди изъ народа. Не даромъ даже Дантона, бунтовская Парижская Коммуна, въ ночь на 10-е августа отослала спать: „идите, молъ, спать: васъ тутъ не нужно“.

Мало того. Вписать на свое знамя земельную реформу черезъ Думу или черезъ Учредительное Собраніе значитъ прямо заявить, что ты — противъ рѣшенія земельнаго вопроса путемъ народнаго возстанія. И если народъ возстанетъ и начнетъ брать землю, то, выражаясь словами Клемансо, это значитъ что ты и возставшій народъ будете стоять „по разныя стороны барикады“.

Стало быть, боевая задача отходитъ отъ этихъ партій.

Но еще громаднѣе задача, возлагаемая на насъ, по отношенію къ Соціализму вообще.

Идя въ Думу, соціальдемократы и соціалисты революціонеры заявляютъ тѣмъ самымъ свою готовность, искать *соглашенія* съ буржуазіей для *частичнаго* улучшенія положенія рабочихъ и крестьянъ, путемъ *законодательнымъ*. А такая готовность, какъ показалъ опытъ, сперва нѣмецкихъ, а затѣмъ и французскихъ и итальянскихъ соціалистовъ, значитъ то, что вся громаднѣйшая задача выработки соціалистическаго міровоззрѣнія и соотвѣтственной тактики легла, въ западной Европѣ, всею тяжестью на самихъ рабочихъ, поскольку они умѣли освободиться отъ путъ политикановъ, и на анархистовъ.

Изъ соціализма же политики-соціалисты сдѣлали тотъ самый государственный капитализмъ, котораго проводниками въ Европѣ оказались Бисмаркъ и Витте; а своею политикою они только стали требовать отъ самихъ рабочихъ признанія законности, цѣлесообразности и даже желательности буржуазной эксплуатаціи, лишь бы государство отказалось отъ своего „невмѣшательства“ и взялось покровительствовать рабочимъ, охраняя ихъ отъ „чрезмѣрности“ въ эксплуатаціи.

Подобно тому, какъ въ западной Европѣ, анархистамъ пришлось взять на себя разработку всего соціалистическаго, т. е. (для насъ) коммунистическаго міровоззрѣнія, во всѣхъ его безконечныхъ приложеніяхъ, во всѣхъ сферахъ человѣческаго ума и жизни, — тоже самое выпадаетъ на насъ и въ Россіи.

И прекрасно! Анархисты съ радостью и съ серьезною вдумчивостью возьмутъ на себя эту задачу. Силы найдутся, потому что наши силы не въ буржуазіи, а въ самой ра-

бочей и крестьянской массѣ, которая несетъ въ себѣ непочатой источникъ живыхъ силъ будущаго.

И смѣло, съ полнымъ сознаніемъ отвѣтственности мы бросимся въ эту двойную работу.

ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ.

Анархистовъ чаще всего упрекаютъ въ томъ, что они не признаютъ организаціи. Основанъ, однако, этотъ упрекъ на совершенно ложномъ представленіи о томъ, что такое анархизмъ, и что такое организація. Дѣло представляется обыкновенно такъ, что анархизмъ, это — хаосъ, безпорядокъ, вражда каждаго противъ всѣхъ, тогда какъ организація это — гармонія, поддерживаемая строгою дисциплиною, подчиняющею волю массы волѣ немногихъ избранныхъ.

Такое узкое пониманіе слова „организація“, а также и незнакомство съ основными принципами анархизма, привели къ тому, что по этому вопросу — особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ организаціонные вопросы, въ силу конспиративныхъ условій, пріобрѣтаютъ особенную важность — создалась цѣлая масса предразсудковъ, еще болѣе глубокихъ и укоренившихся, чѣмъ по вопросамъ политики или экономики.

Что такое организація? — Всякое человѣческое общество организовано извѣстнымъ образомъ, и чѣмъ сложнѣе его культура, чѣмъ разнообразнѣе его потребности, тѣмъ болѣе стремится оно къ тину организаціи, которая представляла бы одновременный ростъ *общественной солидарности* и *индивидуальнаго развитія* составляющихъ общество единицъ. Общественная связь людей, лишенныхъ чувства независимости и личной иниціативы, можетъ быть только связью между стадомъ рабовъ и управляющимъ ими господиномъ. Съ другой стороны, и развитіе индивидуальности немыслимо безъ одновременнаго развитія общественныхъ, солидарныхъ чувствъ. Что бы ни говорили ницшеанствующіе аристократы и индивидуалисты, свободный, высоко-развитый человѣкъ не можетъ мириться съ общественнымъ угнетеніемъ, не можетъ жить въ обществѣ рабскомъ. Если его удовлетворяетъ то, что онъ, лично, стоитъ выше окружающихъ, то его развитіе — однобокое: въ немъ остались неразвитыми лучшія человѣческія чувства, справедливости, симпатіи, солидарности. Вотъ почему, стремленіе къ полному развитію человѣческой личности приводитъ насъ къ признанію наиболѣе полной формы общественной солидарности. Мы — коммунисты, *не вопреки* тому, что мы анархисты, а именно *въ силу этого*.

Не разбирая здѣсь коммунизма вообще, замѣтимъ только, что общее владѣніе орудіями производства и общее пользованіе продуктами труда неизбѣжно требуетъ и соотвѣтственной формы общественной организаціи, и здѣсь вопросъ экономическій тѣсно связанъ съ вопросомъ политическимъ. Нашъ политическій идеалъ извѣстенъ: это — свободный союзъ независимыхъ общинъ, производительныхъ и другихъ группъ, ассоціацій, федерацій. Но это уже составляетъ извѣстную форму организаціи, и притомъ форму, развивающую въ людяхъ большую солидарность, болѣе полное отождествленіе своихъ интересовъ съ интересами общественными, чѣмъ какая бы то ни была другая. Эту-то *свободную, добровольную* организацію, — это *вольное соглашеніе* мы и противуполагаемъ всякой организаціи принудительной, іерархической, и считаемъ, что она дѣлаетъ человѣческій союзъ тѣснѣе и прочнѣе.

Пока рѣчь идетъ только объ общественномъ „идеалѣ“, съ нами еще, пожалуй, соглашаются: „идеалъ“ — дѣло далекое, и въ мечтахъ можно, конечно, позволить себѣ залетать куда угодно, разъ это ни къ чему не обязываетъ *сейчасъ*. Но въ томъ-то и дѣло, что извѣстный общественный идеалъ *обязываетъ сейчасъ*, и для послѣдовательнаго человѣка не можетъ быть раздвоенія: одно — въ идеалѣ, другое, совершенно противуположное — на практикѣ. Предвидятъ исчезновеніе государства не только анархисты, но и соціальдемократы: извѣстную фразу Энгельса на этотъ счетъ не стоитъ повторять. Разница только въ томъ, что Энгельсъ говоритъ, что государство не будетъ уничтожено, а само уничтожится: мы же, не желая разсчитывать на это „само“, находимъ, что должны приложить свои силы для ускоренія этого уничтоженія. Разница еще въ томъ, что предвидя уничтоженіе государства въ будущемъ, соціальдемократы дѣлаютъ въ настоящемъ все для усиленія и распространенія принципа государственности, предоставляя выпутаться изъ этого положенія людямъ того момента, когда произойдетъ „скачекъ изъ царства необходимости въ царство свободы“ и сильное государство перейдетъ въ свою противуположность, т. е. въ полное отсутствіе онаго. Мы же не разсчитываемъ на подобное діалектическое волшебство и считаемъ, что вѣрнѣе всего будетъ позаботиться о своихъ дѣлахъ заблаговременно. „На Бога надѣйся, а самъ не плошай“.

Находя вреднымъ всякое принужденіе, всякую власть въ будущемъ, мы, поэтому, дѣлаемъ уже въ настоящемъ все возможное, чтобы подорвать ее. Вотъ почему мы исключаемъ всякій централизаторскій элементъ изъ нашихъ партійныхъ организацій.

Понятіе партіи намъ далеко не чуждо, какъ думаютъ многіе. Но мы понимаемъ подъ партіей не совокупность людей, объединенныхъ подъ властью одного центральнаго комитета, а совокупность всѣхъ тѣхъ, кто ставитъ себѣ одну и ту же цѣль и стремится къ ней однохарактерными путями. Въ этомъ смыслѣ анархисты представляютъ собою партію, и притомъ партію *всемірную*: мы можемъ даже сказать, что рѣдко въ какой партіи единство цѣли такъ велико, и разногласій въ этомъ отношеніи такъ мало.

Что касается средствъ, то они, конечно, мѣняются въ зависимости отъ времени и условій: въ одной странѣ анархисты могутъ ставить на первое мѣсто террористическую партизанскую борьбу, въ другой — работу въ профессіональныхъ союзахъ, въ третьей — теоретическую пропаганду въ партійныхъ группахъ: но всѣ эти пріемы дѣятельности не противорѣчатъ одинъ другому, а только дополняютъ другъ друга. Отсутствіе программы-минимумъ которая могла бы служить источникомъ раздѣленій, и полное согласіе относительно цѣли создаютъ единство, котораго нельзя достигнуть никакими искусственными мѣрами.

Вотъ почему мы говоримъ объ анархической партіи, единой во всемъ мірѣ. На практикѣ, между анархистами одной и той же страны, одного и того же языка, устанавливается, конечно, еще болѣе тѣсная связь, и въ этомъ, болѣе тѣсномъ, смыслѣ мы опять-таки можемъ говорить объ „анархической партіи“ въ Россіи, во Франціи, въ Испаніи и т. д.

Какъ же представляемъ мы себѣ такую партію, въ послѣднемъ, болѣе узкомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ людей, связанныхъ не только общностью идей, но и практическими сношеніями?

Въ основѣ ея лежитъ *группа* — многочисленная или малочисленная, мѣстная или даже состоящая изъ членовъ, живущихъ въ разныхъ городахъ. Группы многочисленныя обыкновенно удобны только при пропагандѣ массовой и открытой, при которой людямъ нѣтъ особенной надобности близко знать другъ друга. Но вести какую бы то ни было *практическую* работу, особенно работу конспиративную, въ нихъ, очевидно, невозможно. Партіи централизаторскаго типа обходятъ это затрудненіе тѣмъ, что создаютъ внутри группы комитетъ, вѣдающій болѣе конспиративныя дѣла и вообще играющій руководящую роль. Мы же отвѣчаемъ на этотъ вопросъ иначе. Мы считаемъ, что та же цѣль достигается гораздо лучше созданіемъ большого числа мелкихъ группъ, члены которыхъ хорошо знаютъ другъ друга; въ такихъ группахъ въ подборѣ членовъ будетъ требоваться большая или меньшая осторожность, смотря по цѣлямъ группы: та, которая задается цѣлями особенно конспиративными, будетъ, разумѣется, наименѣе доступна.

Каждая группа имѣетъ право быть какъ ей угодно строгой въ выборѣ своихъ членовъ, и это нужно запомнить всѣмъ, кто въ силу какого то страннаго предразсудка предполагаетъ, что анархическая организація должна быть открытая, и что въ нее долженъ быть свободенъ доступъ всякому. Мы категорически заявляемъ: нѣтъ, члены группы должны быть хорошо извѣстны другъ другу, и тѣмъ болѣе извѣстны, что они всѣ равноправны. Мало того: они должны, вообще, подходить другъ къ другу какъ можно ближе; если же такая тѣсная связь невозможна, то лучше разбиться на нѣсколько группъ, чѣмъ составлять одну группу изъ разнородныхъ элементовъ. Тѣсная связь членовъ группы между собою устраняетъ многія принципіальныя и практическія затрудненія.

Какъ рѣшаются напримѣръ, спорные вопросы? Разумѣется не большинствомъ голосовъ, потому что мы не придаемъ цѣны числу: сами — вѣчно въ меньшинствѣ (таковъ всегда удѣлъ революціонеровъ), мы знаемъ цѣну численнаго превосходства и не считаемъ рѣшенія правильнымъ, только потому, что за него высказывалось 11 человѣкъ, а не 10. По каждому данному вопросу, въ группѣ *должны придти къ соглашенію*; если же вопросъ настолько важенъ, что никакія добровольныя уступки невозможны, то непозволительно было бы прибѣгать къ механическому давленію числа: тогда остается только раздѣлиться.

Каждая такая группа — будь она постоянная, или созданная для опредѣленныхъ цѣлей, должна быть совершенно свободна и автономна въ своей дѣятельности. Она можетъ входить или не входить въ сношенія съ другими группами, устанавливать какія ей угодно связи или соглашенія съ тѣми или другими изъ нихъ, смотря по роду своей дѣятельности. Группы одного города могутъ организовать мѣстную федерацію (такъ происходило въ Россіи повсюду, гдѣ развивалось анархическое движеніе); эти федераціи въ свою очередь, въ интересахъ дѣла, обыкновенно находятъ нужнымъ сноситься между собою. Способы, какими ведутся эти сношенія могутъ быть очень различны: возьметъ ли ихъ на себя одна изъ мѣстныхъ группъ, или даже одинъ изъ мѣстныхъ товарищей, почему нибудь легче могущій исполнять это, будутъ ли группы чередоваться въ этомъ дѣлѣ (какъ было одно время въ испанской рабочей федераціи), или сношенія будутъ вестись отдѣльными товарищами, имѣющими личныя связи (какъ обыкновенно происходитъ во французскихъ группахъ) — это зависитъ отъ условій, и принципіальнаго значенія не имѣетъ. Лишь бы каждая группа помнила, что о чемъ бы ни шла рѣчь: о принципіальномъ вопросѣ или подготовкѣ боевого акта, *принятое рѣшеніе всегда обязательно только для тѣхъ, кто принимаетъ его и кто съ нимъ добровольно соглашается*. Это — основной принципъ анархической организаціи, и его мы всегда должны имѣть въ виду при созданіи тѣхъ или другихъ ея формъ.

Помимо постоянной федеративной связи, существеннымъ средствомъ общенія между группами могутъ служить съѣзды. Вопросъ о нихъ поднимался не мало разъ въ анархической прессѣ послѣ исчезновенія Интернаціонала: многіе товарищи высказывались вначалѣ (80-ые годы) рѣшительно противъ всякаго рода съѣздовъ, и это было въ то время вполнѣ понятно: мысль о возможности такихъ съѣздовъ, гдѣ нѣтъ ни голосованія, ни давленія большинства на меньшинство, возникла и привилась лишь позднѣе*).

Однако анархисты не отказывались отъ участія на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ, не считая возможнымъ чуждаться движенія изъ за организаціоннаго вопроса: они были и на парижскомъ конгрессѣ 1889 года, и на брюссельскомъ 1891-го, и на цюрихскомъ (1893) и на лондонскомъ (1896). И если съ тѣхъ поръ ихъ участіе прекратилось, то потому только, что соціальдемократическое большинство сначала рѣшило закрыть доступъ на конгрессы группамъ, не признающихъ участія въ парламентѣ (Цюрихъ, 1893), а затѣмъ обязало и делегатовъ рабочихъ союзовъ давать подписку о принятіи парламентарнаго символа вѣры (послѣднее было вызвано присутствіемъ на Лондонскомъ конгрессѣ 1896 года большого числа анархистовъ, посланныхъ рабочими союзами).

Участвуютъ наши товарищи и на конгрессахъ рабочихъ союзовъ, не смущаясь тѣмъ, что организаціонныя правила этихъ конгрессовъ во многомъ расходятся съ ихъ собственными. Мы упоминаемъ объ этомъ только потому, что ужъ очень принято говорить объ анархистахъ, какъ о существахъ необщительныхъ и неуживчивыхъ по природѣ, годныхъ только на то, чтобы разрушать чужія организаціи.

Устраивали и устраиваютъ анархисты и свои, чисто анархическіе съѣзды. Въ Бельгіи такіе съѣзды происходятъ періодически, а въ Англіи — разъ въ годъ; собираются, или делегаты всѣхъ существующихъ группъ; или только изъ нѣсколькихъ городовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ движеніе ведется главнымъ образомъ выходцами изъ Европы, происходятъ такіе же съѣзды анархистовъ различныхъ національностей; ихъ устраиваютъ и наши товарищи, русскіе выходцы, ведущіе пропаганду на еврейскомъ языкѣ. Бываютъ анархическіе съѣзды и въ Голландіи, и даже въ Германіи.

Международные конгрессы анархистовъ всегда встрѣчали большія затрудненія въ виду полицейскихъ преслѣдованій. Неподготовленныя, импровизированныя конференціи происходили въ Цюрихѣ и въ Лондонѣ во

---

*) Примѣръ существовалъ, однако, въ съѣздахъ англійскихъ рабочихъ союзахъ [трэдъ-юніоновъ]. Рѣшенія ихъ съѣздовъ обязательны только для тѣхъ союзовъ, которые ихъ подтвердятъ у себя, въ союзѣ. Ред.

время обще-соціалистическихъ международныхъ конгрессовъ. Затѣмъ въ 1900 году долженъ былъ состояться въ Парижѣ серьезный, задолго подготовленный съѣздъ. На призывъ группы товарищей, взявшихъ на себя иниціативу, откликнулись охотно, и ко времени съѣзда въ Парижѣ собралось довольно много анархистовъ, французовъ, итальянцевъ, голландцевъ, испанцевъ, американцевъ и т. д. Было получено больше 90 докладовъ по разнымъ вопросамъ теоріи и практики, а также о ходѣ движенія въ разныхъ странахъ*). Но конгрессъ былъ запрещенъ французскимъ правительствомъ на основаніи исключительнаго закона противъ анархистовъ, и пришлось ограничиться частными совѣщаніями между отдѣльными товарищами. На этомъ конгрессѣ, какъ и на всѣхъ анархическихъ конгрессахъ, должны были читаться доклады, происходить пренія, но не должно было быть никакихъ голосованій, никакихъ обязательныхъ рѣшеній.

Какъ извѣстно, по иниціативѣ бельгійскихъ товарищей черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вновь предполагается устроить международный съѣздъ анархистовъ, на этотъ разъ въ Амстердамѣ. Онъ будетъ происходить по такому же плану.

Такіе именно съѣзды признаютъ анархисты, и считаютъ ихъ однимъ изъ важныхъ средствъ для установленія тѣсныхъ связей между дѣйствующими группами.

Какъ смотримъ мы на анархическіе органы, на партійную печать? — Можетъ ли быть у анархистовъ газета, которая бы считалась органомъ всей партіи и оффиціальнымъ выразителемъ ея мнѣній? Очевидно, нѣтъ. Газетѣ приходится заниматься, не только вопросами, на которыхъ всѣ товарищи сходятся. но и такими, въ которыхъ существуютъ разногласія. Въ централизованныхъ партіяхъ, дѣло рѣшается просто: органъ находится въ рукахъ большинства и выражаетъ его мнѣніе, меньшинство же должно молчать. Для насъ такое рѣшеніе, разумѣется невозможно; мы поэтому категорически отказываемся отъ всякой мысли объ оффиціальномъ органѣ. Газета — выраженіе мысли той группы, которая ее издаетъ; своимъ органомъ ее могутъ считать только тѣ, кто съ нею согласенъ. Группы или товарищи, несогласные или просто смотрящіе иначе на задачи газеты, могутъ издавать другой органъ, и отъ этого между обоими изданіями не происходитъ никакой вражды.**) Въ централизованныхъ партіяхъ, если меньшинство создаетъ свой органъ, то именно всегда **противъ** большинства. Этимъ оно вноситъ вражду въ партію. У насъ могутъ существовать рядомъ десятки органовъ, нисколько не нарушая товарищескихъ отношеній группъ. Вотъ почему ни одна анархическая газета не считаетъ себя выразительницей мнѣній **всѣхъ** анархистовъ; не претендуя на это, она и не можетъ зато обѣщать печатать статьи всѣхъ оттѣнковъ анархизма. Она служитъ программѣ и оттѣнку мысли своей группы и тѣхъ, кто согласенъ съ нею. — Эти нѣсколько замѣчаній о газетѣ нужны для русскихъ читателей потому, что у насъ еще не успѣли привыкнуть къ такому складу анархической прессы и понятіе объ оффиціальныхъ партійныхъ органахъ сидитъ еще глубоко.

Отсутствіе у анархистовъ центральнаго учрежденія, которое выражало бы мнѣніе всей партіи, обыкновенно считается причиной того, что у насъ, какъ говорится, „всякій молодецъ на свой образецъ". Но стоитъ только немного подумать, чтобы увидать, что существованіе центральнаго комитета ничего не измѣнило бы. Положимъ, что въ партіи, по какому нибудь вопросу существуетъ разногласіе. При централистической организаціи это разногласіе, разумѣется, не исчезаетъ, а только **подавляется** дисциплиной; въ результатѣ, меньшинству нѣтъ возможности проводить свою точку зрѣнія на практикѣ, а всѣмъ членамъ партіи — большинству или меньшинству — нѣтъ возможности увидать, какъ рѣшается данный вопросъ самой жизнью. Разногласіе обостряется, создается хроническій внутренній разладъ, сдерживаемый чисто внѣшнимъ образомъ; объ стороны, вмѣсто того, чтобы искать точекъ соприкосновенія, все дальше расходятся.

Иначе происходитъ дѣло у анархистовъ. Возникаетъ извѣстный тактическій вопросъ, напримѣръ, о томъ, идти или не идти въ профессіональные рабочіе союзы (такъ было напр. во Франціи въ половинѣ 90-хъ годовъ). Большинство французскихъ товарищей въ предыдущіе годы имѣли много случаевъ убѣдиться въ косности этихъ союзовъ; ихъ умѣренность и политиканство кажутся имъ неисправимыми; они не вѣрятъ въ возможность сдѣлать изъ нихъ орудія революціонной борьбы. Другіе находятъ напротивъ, что есть признаки расширенія задачъ этихъ союзовъ и развитія въ нихъ революціоннаго духа; войдя въ нихъ, они надѣются углубить его. Рѣшайся этотъ вопросъ голосованіемъ на конгрессѣ, большинство было бы несомнѣнно на сторонѣ первыхъ, и вторымъ былъ бы отрѣзанъ всякій путь къ испытанію на практикѣ предлагаемаго ими способа дѣйствія. Но произошло иначе. Вопросъ обсуждался въ группахъ, въ газетахъ. Желавшіе вступить въ рабочія организаціи свободно могли поступать, какъ находили лучшимъ. Первые опыты ихъ оказались успѣшными; рабочіе понемногу переставали бояться анархистовъ и пріучались цѣнить въ нихъ преданныхъ и безкорыстныхъ работниковъ. Анархическія идеи прививались. Этотъ жизненный опытъ былъ лучшимъ аргументомъ: число анархистовъ „синдикалистовъ" быстро увеличилось, и теперь, за ничтожными исключеніями, французскіе анархисты признали возможность и необходимость для рабочихъ союзовъ сыграть въ революціонный моментъ рѣшающую роль. Вопросъ рѣшился жизнью, а не голосованіемъ.

Невольно вспоминается, какъ отвѣтила французская анархическая газета *„La Revolte"* на упрекъ, высказанный бывшимъ коммунаромъ Лефрансэ въ брошюрѣ „Куда идутъ анархисты?" Авторъ упрекаетъ анархистовъ, между прочимъ, въ томъ, что ихъ принципъ: „Дѣлай что хочешь". Да, говоритъ *„La Revolte"*, „Дѣлай что хочешь" — нашъ идеалъ общества, и мы считаемъ его неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отрицанія власти человѣка надъ человѣкомъ. И развѣ самъ Лефрансэ, и въ 1848 году, и при Имперіи, и во время Коммуны, не показалъ своимъ примѣромъ, что никто никогда не могъ заставить его дѣлать то, чего онъ не хочетъ?

А мы прибавимъ: и не представляетъ ли этотъ принципъ всегда и вездѣ неотъемлемую принадлежность революціонера? Да, анархистъ стремится къ тому, чтобы люди дѣлали то, чего они хотятъ, и своею дѣятельностью надѣятся не **принудить** людей къ извѣстнымъ поступкамъ, а привести къ тому, чтобы они **хотѣли** по-

---

*) Они составляютъ большой томъ, изданный при Temps Nouveaux въ Парижѣ. Наше изданіе «Доклады Конгрессу» содержитъ только нѣкоторые изъ нихъ. Ред.

**) Любопытно замѣтить, что всякій разъ появленіе новаго органа усиливало обращеніе всѣхъ остальныхъ. Заинтересовывались новые круги читателей. Ред.

ступать такъ или иначе. Бороться силою мы будемъ съ тѣми, у кого сила въ рукахъ и кто насиліемъ удерживаетъ свое господство. Но когда революція побѣдитъ (а внутри революціонной среды—уже и теперь), мы будемъ разсчитывать для дальнѣйшаго распространенія нашихъ идей на одно только вольное соглашеніе.

М. Корнъ.

НѢСКОЛЬКО ВОПРОСОВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

«Сознательная Россія» [вып. 2, 3, 4] небольшой журналъ, издаваемый въ Петербургѣ, представляетъ интересное чтеніе для анархиста. Онъ отлично характеризуетъ двойственность теперешняго настроенія с.-ровъ. Возьмемъ, напримѣръ, статью «Организація или распыленіе революціи» В. Чернова, главнаго идейнаго выразителя этого органа. Извѣстно, что до настоящаго времени попытки нашихъ «организованныхъ» соціалистическихъ партій «овладѣть революціей» кончились неудачею. Это признаетъ и Черновъ, и потому, казалось бы, ему слѣдовало бы просто сказать, что революціонное движеніе въ Россіи чуть-ли не съ 1901 года, идетъ, какъ оно шло вездѣ въ революціяхъ, анархическимъ, самозарождающимся путемъ; и что управлять имъ, ни соц. дем., ни соц.-рев. и никакая другая партія не могутъ. Поэтому, все то что говорили с. д. и с. р. о необходимости имъ «руководить революціей», чтобы удержать ее отъ «эксцессовъ» (т. е. «выкупанья» помѣщиковъ, аграрныхъ убійствъ и т. д.) было просто непониманіемъ истиннаго характера народной революціи.

Къ этому долженъ придти каждый искренній, рядовой соц. революціонеръ. Но Черновъ не хочетъ этого признать и оттого ему приходится, сказавши сперва что анархическіе крестьянскіе бунты представляютъ «примитивный» путь, имѣвшій «историческое» значеніе, вслѣдъ за этимъ писать самыя запутанныя фразы въ родѣ слѣдующей, конечно ничего не говорящей фразы: («Партійно-тактическая оцѣнка подобныхъ пріемовъ борьбы просто-за-просто лежитъ въ совершенно иной плоскости, чѣмъ объективно-политическая оцѣнка практики этихъ пріемовъ, недоросшими до партійности массами»).

Да, наши крестьяне къ счастью «не доросли до партійности». Къ счастью, — потому, что стоитъ дочитать статью Чернова, чтобы понять до какого отчаянно-гамлетовскаго состоянія ума доводитъ людей ихъ «партійность». Къ счастью — еще потому, что съ «партійностью» соціалъдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ революціи въ Россіи никогда не было бы.

Честь и слава, конечно, и тѣмъ и другимъ за то, что они съ настойчивостью, въ самую тяжелую пору русской жизни, будили народную мысль. Ихъ дѣла исторія не забудетъ. Но съ началомъ народной революціи ихъ роль пришла къ концу. И тѣ и другіе такъ много начитались книжекъ, написанныхъ нѣмецкими парламентскими соціалъ демократами съ цѣлью помѣшать пробужденію революціоннаго духа въ Германіи; и тѣ и другіе такъ прониклись соц. демократическою метафизикою, что когда началась русская народная революція, они совершенно ея не поняли. Они себѣ представляли „революцію“ въ видѣ берлинскаго 18 марта,—и вдругъ, въ Россіи начинается взаправская революція, въ родѣ французской въ противность всѣмъ нѣмецкимъ Каутскимъ, доказывавшихъ невозможность такой революціи.

Такъ и до сихъ поръ они ея не понимаютъ. Имъ сродны только политическіе перевороты, передающіе власть изъ рукъ однихъ въ руки другихъ, послѣ кратковременной борьбы на барикадахъ. Изо всей французской революціи они запомнили «дни» [14 іюля, 10 августа] и «рѣчи» произнесенныя въ Палатѣ и Конвентѣ. А вся революція, совершавшаяся четыре съ половиною года въ народѣ, мало ихъ интересуетъ. Оттого и теперь, они все больше думаютъ о роли, которую ихъ партія (партія! вездѣ партія, а не народъ!) сыграетъ въ ихъ фетишѣ, Учредительномъ Собраніи.

Вотъ и путаются они между двумя теченіями: нѣмецкій парламентскій соціальдемократизмъ, и французскій бланкизмъ, съ его штабомъ и «директивами», причемъ забывается, что если бланкизмъ сослужилъ службу, будивши революціонный духъ заговорами (анархическіе „распыленные“ акты тогда не практиковались во Франціи), то въ революціи,— напримѣръ въ Коммунѣ — онъ только мѣшалъ движенію, парализовалъ его.

Туже неспособность разобраться въ русской революціи и туже раздвоенность мы видимъ въ большинствѣ статей этого сборника. Но что насъ больше всего поражаетъ, это обиліе «внутренней» полемики, точно внутри партіи и каждаго ея члена тоже совершается какое то «распыленіе». Нѣкоторыя статьи, напр. статья «Революція и Государственная Дума», подписанная „М.“, представляетъ прямо-таки полемику пишущаго съ самимъ собою. Такъ М. излагаетъ, очень хорошо излагаетъ, почему не слѣдуетъ идти въ Думу; а заканчиваетъ, какъ разъ наоборотъ.

Вотъ, для примѣра, нѣсколько выдержекъ:

«Главное русло революціоннаго потока проходитъ не черезъ Думу, а мимо ея,» — пишетъ М... «Дума не можетъ стать дѣйствительнымъ орудіемъ въ рукахъ борющагося народа, ибо борьба ведется еще на пространствѣ всей Россіи — во всѣхъ городахъ и деревняхъ; и революція, разрушая организацію власти и созидая организацію народныхъ силъ [да!], далеко не завершила еще этого дѣла... Дума, не представляя революціи, не представляетъ въ данный моментъ и народъ [никогда не представляетъ!], и потому необходимо будетъ безсильна и безвластна...»

«Революція ворвалась теперь во всѣ отношенія, проникла во всѣ ея поры;.. всюду присутствуетъ революція, со всѣми большими и малыми явленіями жизни она сплелась...» «Она пропитала всѣ жизненныя отношенія населяющихъ ее народовъ.»

Объединить это движеніе Дума не можетъ. Поищите въ жизни, говоритъ М., слѣдовъ, оставленныхъ Думою — вы ихъ нигдѣ не найдете! «Сравните это безплодное существованіе и безслѣдное исчезновеніе съ тѣми неисчислимыми послѣдствіями, которыя имѣли немногія недѣли общаго революціоннаго подъема, когда не было игры въ парламентъ, „симуляціи борьбы“, а народъ непосредственно измѣнялъ ткань жизни, разрушая старую и созидая новую.»

Вы ждете, неправда ли, что М. скажетъ послѣ всего этого, «Не намъ, революціонерамъ, понимающимъ смыслъ народной революціи соваться въ Думу и посылать туда своихъ людей!» Ничуть не бывало. Заключеніе М. — какъ разъ противуположное: надо идти въ Думу!

Я позволю себѣ поставить М. одинъ только вопросъ. Можно ли и нужно ли объединить революцію, которую онъ такъ хорошо прочувствовалъ? Невозможно, абсолютно невозможно, говоримъ мы, — да и не нужно. Скверно было бы если бы ее можно было бы объединить. Тогда ее разбили бы, какъ разбили Пугачева. — «Съ анархистами ничего нельзя сдѣлать, говорилъ Бисмаркъ, потому что у нихъ нѣтъ центральной организаціи!» Тоже прилагается и къ революціи. Дайте ей Главный Штабъ, — и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ея больше не будетъ.

Революція въ мысляхъ, въ отношеніяхъ, говоритъ М., совершается. Несомнѣнно нужно однако, чтобы не было власти, мѣшающей революціи идти дальше, — т. е. брать фабрики и заводы, брать желѣзныя дороги и отдавать ихъ рабочимъ, которыхъ „стачечные комитеты“ завѣдуютъ движеніемъ — такъ было на Сибирской желѣзной дорогѣ, — брать земли, брать жилые дома и дворцы и т. д. Нужно, слѣдовательно, нанести ударъ въ центрѣ. Да, это необходимо для успѣха народной революціи. Но именно — въ центрѣ власти, а не стремиться объединять необъединяемое, т. е. народное движеніе, измѣняющее въ каждомъ пунктѣ всѣ взаимныя отношенія.

Во Франціи, послѣ трехъ съ лишнимъ лѣтъ революціи, такой ударъ противъ центра былъ организованъ Парижскою революціонною Коммуною — Коммуною 10 го августа — т. е. народомъ же Парижа, и ее поддержали коммуны множества селъ и городовъ. Вѣроятно тоже будетъ и у насъ. Но это — не объединеніе.

Много есть интереснаго въ этомъ сборникѣ, гдѣ анархическія воззрѣнія борятся, чуть не въ каждомъ авторѣ, съ нѣмецкой противуреволюціонной метафизикой и бланкистской вѣрой въ дисциплину. Но мы вынуждеаы ограничиться бѣглыми указаніями.

Статья Чернова, „Анархизмъ и программа минимумъ", увы, ничто иное, какъ форменная полемика журналиста. Изъ сборника „Хлѣбъ и Воля" [подъ этимъ заглавіемъ въ Россіи перепечатаны всѣ главныя статьи женевской „Хлѣбъ и Воля"] берется два мѣста: одно, гдѣ говорится однимъ авторомъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше", а другое, другимъ, гдѣ говорится, что мы знаемъ что революція не дастъ сразу анархіи и — выставляется ихъ противорѣчіе. Но двѣ статьи нашего журнала о программѣ минимумъ, въ которыхъ указывалось, что всякая программа минимумъ представляетъ, въ сущности, максимумъ требованій партіи [остальное, молъ, черезъ 200 или 500 лѣтъ] и приводились другіе аргументы — это обходится молчаніемъ. Словомъ, видно не желаніе выяснить себѣ и другимъ важный вопросъ, а желаніе отразить какъ нибудь критику максималистовъ.

Укажемъ, между прочимъ, на одну очень хорошую статью В. Щ., „Грядущая муниципальная революція". Объ этомъ вопросѣ стоитъ серьезно подумать. Если революція достигнетъ ослабленія центральной власти петергофцевъ, то, конечно, выдвинутся у насъ, какъ было во Франціи, вольныя Коммуны и въ нихъ можно будетъ пойти дальше по пути соціальной революціи. Затѣмъ, поразительный документъ изъ исторіи злодѣйствъ Петергофскаго правительства представляютъ статьи „На крестьянской Голгофѣ".

Но вездѣ проходитъ таже двойственность. Тотъ же анархизмъ въ теоріи, но не рѣшающійся освободиться отъ буржуазныхъ соціальдемократическихъ путъ.

ИЗЪ РОССІИ.

КАЗНИ, ЗВѢРСТВА.

Бойни по приказу Николая II-го и близкихъ его сердцу придворныхъ петергофскихъ грабителей, продолжаются по всей Россіи. Итоги этихъ злодѣйствъ ростутъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Военно-полевые суды были введены 24 августа (6 сентября н. с.), — сперва въ трехъ городахъ: Ригѣ, Кіевѣ и Москвѣ. Въ сентябрѣ эти суды палачей работали уже въ 31 мѣстѣ, въ октябрѣ — въ 58 мѣстахъ; простые же военные суды «работаютъ» чуть не по всей Россіи. И вотъ, съ 24 августа по 24 сентября к а з н е н о 160 человѣкъ, за второй мѣсяцъ, 217, за третій, 263. Итого 640 человѣкъ за три мѣсяца. Кромѣ того, «пристрѣлено» — это ихъ казенное выраженіе — съ 24 августа по 1 (14) ноября 56 человѣкъ, безъ суда, карательными отрядами, или конвойными.

Больше всего, отъ полевыхъ судовъ пострадала Польша и — о ужасъ — голодныя губерніи, гдѣ въ 18 мѣстахъ разстрѣляно полевыми судами 94 человѣка, съ 24 августа по 1 ноября т. е. въ 67 дней. За ними идетъ Прибалтійскій край — 76 разстрѣловъ, и южная Россія — 56 человѣкъ (10 въ Екатеринославѣ). На Кавказѣ, 34 разстрѣла — все это за 67 дней.

Какъ мы уже говорили, Россіею правятъ, около 60 самодуровъ въ губерніяхъ, и сотни такихъ же самодуровъ по городамъ. Одинъ изъ послѣднихъ, командиръ 8-го пѣхотнаго Эстлянд. полка, объявилъ въ газетахъ въ Самарѣ, что будетъ разстрѣливать заключенныхъ за малѣйшее нарушеніе тюремныхъ правилъ!

Каждый лѣтъ кровь русскаго народа какъ ему вздумается — въ увѣренности, что въ Петергофѣ его за это похвалятъ, и Николай II, и его придворные.

Тюрьмы буквально биткомъ набиты. Дней десять тому назадъ, въ одной Москвѣ въ трехъ тюрьмахъ было 1167 однихъ политическихъ заключенныхъ. Цѣлыми тысячами ихъ вывозятъ въ Архангельскую и Вологодскую губерніи, въ Нарымскій край и Колымскій округъ, и тамъ бросаютъ безъ пищи и жилья, на погибель.

И, не смотря на это, громадная самодѣятельность бьетъ ключемъ повсемѣстно въ Россіи. Вездѣ, подъ всевозможными предлогами, люди объединяются, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что готовится какое-то крупное, повсемѣстное движеніе; и его, надѣемся, не остановитъ охлажденіе къ революціи, которое несомнѣнно послѣдуетъ съ переходомъ многихъ революціонеровъ на законную почву Думскихъ «блоковъ» и партійныхъ интригъ.

ПАРТІИ И ДУМСКІЕ ВЫБОРЫ.

Серія продолжается. Совѣтъ партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ въ свою очередь оффиціально объявилъ, что партія отказывается отъ тактики бойкота. Свое рѣшеніе она мотивируетъ въ довольно длинномъ заявленіи, которое, какъ и самое положеніе дѣлъ, полно противорѣчій. Съ одной стороны говорится, что распущеніе Думы нанесло рѣшительный ударъ иллюзіямъ народа относительно возможности мирнаго рѣшенія вопроса о землѣ и волѣ, а съ другой тотчасъ же прибавляется, что именно поэтому участіе въ новыхъ выборахъ никоимъ образомъ не можетъ укрѣпить вѣру въ мирный исходъ. При выборахъ, партія собирается разрушать въ массахъ мысль о томъ, что Д у м а можетъ что нибудь сдѣлать законодательнымъ путемъ; только у ч р е д и т е л ь н о е с о б р а н і е, говоритъ она, на основѣ «прямого, всеобщаго, равнаго и тайнаго голосованія можетъ разрѣшить всѣ вопросы. Но какимъ образомъ будутъ члены партіи призывать къ выборамъ въ учрежденіе, которое они заранѣе объявляютъ безсильнымъ? Кто пойдетъ тогда за ними? Очевидно никто. Это просто — дорога, которая предназначается для того, чтобы примирить прошлогоднюю непримиримость съ теперешнею уступчивостью, — нѣкоторые болѣе революціонно настроенные мѣстные комитеты съ «Политиками» сидящими въ центрѣ. Вообще, все заявленіе проникнуто этой заботой, оттого оно такъ неясно и полно всякихъ оговорокъ.

Приближеніе выборовъ сказывается во всемъ. Польская соціалистическая партія (П. П. С.) рѣшаетъ исключить изъ своей среды Боевую организацію. Очевидно, слишкомъ компрометирующая союзница въ эпоху всякихъ «блоковъ.»

Мы говорили между прочимъ, въ прошломъ № о томъ, что во всякихъ «блокахъ» партія болѣе крайняя всегда идетъ въ уступкахъ дальше, чѣмъ менѣе крайняя. Это уже подтверждается у насъ: въ то время какъ всѣ соціалистическія партіи идутъ на встрѣчу либераламъ, кадеты въ лицѣ своего петербургскаго комитета, отказываются отъ всякихъ коалицій и рѣшаютъ вести борьбу собственными силами. Это и понятно: «блоки» — дѣло простого разсчета, и болѣе сильной партіи совершенно не нужны никакія уступки. А партіей болѣе сильной почти всегда оказывается партія болѣе умѣренная, которая по плечу большинству.

Письмо изъ Ченстохова.

„Анархическое движеніе началось у насъ лишь недавно, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но уже унесло много жертвъ. Мы хотимъ разсказать здѣсь объ одной жертвѣ, павшей не отъ руки правительства, но отъ руки своихъ собственныхъ бывшихъ товарищей, фактъ, который долженъ залить краской стыда лица генераловъ этой партіи. (Наши товарищи называютъ партію въ письмѣ, но мы, конечно, не хотимъ этого дѣлать въ печати. Р е д.)

Мы говоримъ объ убійствѣ одного изъ нашихъ товарищей — Іосифа Витманскаго. Вотъ вкратцѣ его біографія: Іосифъ Витманскій родился въ маленькомъ городкѣ Клобуцкѣ, тамъ онъ и выросъ. Обладая горячимъ темпераментомъ, онъ не

могъ равнодушно смотрѣть на окружающее и переѣхалъ въ Ченстоховъ, гдѣ вступилъ въ ряды — — . . Партія эта не удовлетворила его стремленій, да и не могла. Убѣдившись въ этомъ, онъ примкнулъ къ только что начавшемуся тамъ нашему анархическому движенію. Тогда его прежніе товарищи стали распускать про него разные слухи, называли его разбойникомъ, мошенникомъ и т. п. оскорбительными словами и готовили партійный судъ, чтобы судить его за такъ называемый «бандитизмъ», въ которомъ они его подозрѣвали. Мы хотимъ разъяснить въ чемъ состоялъ этотъ бандитизмъ.

Принужденный постоянно голодать, онъ съ нѣсколькими товарищами рѣшилъ сдѣлать «экспропріацію» въ духѣ программы своей партіи. «Экспропріація» удалась благополучно, было забрано нѣсколько сотъ рублей казенныхъ денегъ. Вотъ онъ и заявилъ своей партіи, что онъ эти деньги взялъ не для себя, а для партіи и, удовлетворивши первымъ неотложнымъ нуждамъ своимъ и товарищей, онъ остальныя деньги отдалъ партіи — —.

Все бы прошло благополучно, еслибы онъ не сталъ анархистомъ. Тогда созвали судъ. Хотя товарищъ Витманскій состоялъ членомъ нашей группы, онъ всетаки не отказался отъ суда и обѣщалъ явиться на него.

Партійный судъ былъ назначенъ на 11 апрѣля нов. ст., но наканунѣ суда, 10 апрѣля Витманскій былъ убитъ.

Возмущеніе среди рабочихъ было страшное. Такъ расправляются «соціалисты» со своими бывшими товарищами. Мы видимъ, что они уже и теперь дѣйствуютъ не хуже самодержавія, а что будетъ если они захватятъ власть въ свои руки? Тогда эти «друзья народа» готовы будутъ сотнями вѣшать анархистовъ. . .

Мы хотимъ представить описанный случай на обсужденіе всѣхъ рабочихъ. Пусть они сами оцѣнятъ этотъ поступокъ «друзей» рабочаго люда.

Просимъ другія анархическія газеты перепечатать это сообщеніе.

Рабочій изъ Ченстохова.

Въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ перепечатанъ подлинный „Докладъ" ротмистра Сѣдлецкаго жандармскаго управленія Пѣтухова, Варшавскому ген.-губернатору. Это поразительный документъ, относящійся къ разгрому города Сѣдлеца, устроенному правительствомъ 26 — 27 августа этого года.

Главный начальникъ края, какъ подобаетъ истинному самодуру и довѣренному петергофской дворни, велѣлъ по телеграфу сдѣлать въ городѣ поголовный обыскъ. 11 августа мѣстныя власти собрались, и конечно пришли къ заключенію, что наличныхъ войскъ не хватило бы на подобный обыскъ, и что онъ легко можетъ привести къ возстанію. Тогда драгунскій подполковникъ Тихановскій, котораго Сѣдлецкій ген.-губ. Энгельке назначилъ „начальникомъ охраны" предложилъ взять заложниковъ изъ почетныхъ гражданъ города, засадить ихъ въ случаѣ покушенія на кого либо изъ его подчиненныхъ, „лишить ихъ жизни". «На вопросъ же, какимъ образомъ заложники будутъ лишены жизни — пишетъ ротмистръ Пѣтуховъ, — подполковникъ Тихановскій обратился къ полиціймейстеру съ вопросомъ, не найдется ли у него стражникъ, который, прикинувшись сумасшедшимъ, перестрѣляетъ заложниковъ въ тюрьмѣ, — либо подсыпетъ имъ въ кушанье мышьяку».

Это уже не «революціонныя сплетни», какъ любятъ выражаться сытые господа, а официальный — документъ — рапортъ члена государственной полиціи. И Пѣтуховъ прибавляетъ: «никакія убѣжденія не дѣйствовали на подполковника Тихановскаго, онъ твердо заявлялъ, что все беретъ на себя".

До 26 августа такъ тянулось дѣло. Губернаторъ не соглашался на мѣры Тихановскаго, собиралъ войска и т. д. Пѣтуховъ противился мѣрамъ Тихановскаго, но въ концѣ концовъ передалъ-таки ему „списки лицъ, съ указаніемъ адресовъ, извѣстныхъ своей преступной дѣятельностью". Шпіонъ остался шпіономъ. Тихановскій, получивъ эти списки, прямо объявилъ „пусть ротмистръ Пѣтуховъ не думаетъ, что у насъ будутъ арестованныхъ; отмѣченныхъ въ его спискѣ навѣрно среди арестованныхъ не окажется". Следуя по пути, проложенному царскими любимцами, Мишомъ и Риманомъ, Тихановскій велѣлъ ихъ „пристрѣлить".

Наконецъ, 26 августа этотъ выслуживающійся у петергофцевъ злодѣй, началъ свои гнусныя дѣла.

Драгунамъ велѣно было обыскивать, пристрѣливать, добивать, чѣмъ попало и кого попало, изъ подозрѣваемыхъ Пѣтуховымъ, или самими драгунами лицъ — грабить, напиваться и даже жечь.

„Тамъ, гдѣ не было офицеровъ, войска просто грабили и зря убивали людей" — такъ рапортовали по начальству жандармскіе унтеръ-офицеры. „Уже въ первую ночь," пишетъ Пѣтуховъ, „драгуны обращались за керосиномъ для поджоговъ къ жандармскимъ унтеръ-офицерамъ Андрелюку и Зайцу, и на вопросъ, какъ они смѣютъ это дѣлать, солдаты отвѣчали: „такъ велѣно". На другой день, подъ вечеръ, пишетъ Пѣтуховъ, „войска окончательно разнуздались", вездѣ шелъ грабежъ, «войска почти поголовно были пьяны.»

Въ большинствѣ квартиръ, солдаты ничего не обыскивали а просто требовали денегъ. Если денегъ имъ недавали, они, убивали, или же поджигали сараи и дома.

Такъ вотъ какъ расправляются съ русскимъ народомъ петергофскіе правители.

Мы понимаемъ, что читая о подобныхъ ужасахъ, французскіе революціонеры, — повидимому не анархисты, — а просто республиканцы — выпустили на дняхъ листовку, гдѣ говорятъ слѣдующее: русскіе революціонеры убили 14-1 человѣка. За исключеніемъ Плеве и Сергѣя, всѣ эти убійства были лишніе. Надо бить выше, и они называютъ нѣсколькихъ великихъ князей и близкихъ царскому сердцу придворныхъ . . .

Одно мы можемъ сказать. Петергофцы, дѣйствительно готовятъ въ Россіи «сентябрьскіе дни» — дни, когда французскій народъ началъ избивать поголовно всѣхъ сторонниковъ королевской власти. Видимое дѣло, что наши паредворцы туда же ведутъ и Россію.

— Въ Екатеринославской тюрьмѣ, недѣлю тому назадъ, сидѣло 35 человѣкъ, приговоренныхъ къ смерти. Вотъ казни за одинъ только день, въ Екатеринославѣ казненъ Каминскій, за ограбленіе парикмахера; въ Петербургѣ, Мих. Ив. Соколовъ, за ограбленіе въ Фонарномъ переулкѣ; въ Митавѣ, мѣщ. Гессъ, латышскій с.-д., отстрѣливавшійся при арестѣ; въ Феллинѣ, Александръ Перинъ; въ Ригѣ, крестьяне Штейнбергъ и Сирогисъ; въ Варшавѣ, Феликсъ Станкевичъ; въ Ченстоховѣ, Юзефъ Лучновскій, въ Могилевѣ, Фейгинъ и Мавлевъ, всѣ семь за экспропріации.

— Революціонеры, съ своей стороны, не остаются въ долгу. Вотъ какъ газета «Переломъ» исчисляетъ террористическіе акты

Съ февраля 1907 года по ноябрь 1908 года включительно убито и тяжело ранено генералъ-губернаторовъ, градоначальниковъ — 67 (?), исправниковъ, приставовъ и околоточныхъ — 315, полицеймейстеровъ и ихъ помощниковъ — 57, городовыхъ — 347, офицеровъ охраннаго отдѣленія и жандармскихъ — 47, нижнихъ жандармскихъ чиновъ — 95, агентовъ охранной полиціи — 74, армейскихъ и гвардейскихъ офицеровъ — 124, нижнихъ чиновъ арміи и гвардіи — 382, чиновниковъ гражданскихъ вѣдомствъ — 215, духовныхъ лицъ — 53, сельскихъ и деревенскихъ властей — 68, землевладѣльцевъ 73, фабрикантовъ, заводчиковъ и ихъ высшихъ служащихъ — 117, банкировъ и крупныхъ торговцевъ — 72, всего 2,110 человѣкъ. Со стороны населенія по означенный срокъ убито и ранено 32,706 человѣкъ. Эта цифра, по словамъ „Пер.", минимальная.

Мы получили изъ Нью-Іорка слѣдующее: —

Товарищи! Мы недавно основали въ Нью-Іоркѣ группу Латышскихъ коммунистовъ-анархистовъ съ цѣлью помогать русской революціи и вести на революціонный путь здѣшнихъ латышей, которыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ живутъ около 9 — 10 тысячъ. Въ нашей группѣ считается уже около 50 членовъ, и съ каждымъ днемъ въ нее поступаютъ мѣстные соц.-дем. латыши.

Въ Ригѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, основана первая латышская группа коммунистовъ-анархистовъ, въ которой считается уже нѣсколько тысячъ рабочихъ, несмотря на страшныя репрессіи съ военно-полевыми судами. У Рижской группы выходитъ свой органъ «Leesma» и въ скоромъ

будущемъ они будутъ издавать въ Лондонѣ свой заграничный органъ.

Латышская соц.-дем. печать переполнена разными ругательствами на анархистовъ, особенно въ партійномъ журналѣ «Seek», но рабочіе на это не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія — и по всему Прибалтійскому краю слышенъ кличъ: «Долой всѣхъ кумировъ! Да здравствуетъ анархическій коммунизмъ!»

И проснулся латышскій народъ отъ семисотлѣтняго рабства.

Нью-Іоркская группа латышскихъ коммунистовъ-анархистовъ.

При этомъ латышскіе товарищи просятъ всѣхъ сочувствующихъ имъ анархистовъ, помогать ихъ группѣ присылкою издаваемой ими литературы; изданія на другихъ языкахъ, кромѣ русскаго, будутъ также полезны.

Адресъ:
F.Lihdumneeks c-o Upith 414, East 74 str.; New-York.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Въ Швейцаріи, какъ и во Франціи, уже нѣсколько времени намѣчалось среди рабочихъ движеніе, стремившееся возстановить рабочую организацію, подобную той, которая создалась въ шестидесятыхъ годахъ, подъ именемъ Интернаціонала [Международнаго союза рабочихъ]. Движеніе это имѣло въ Лондонѣ свой органъ, носившій тоже названіе, что и парижскій органъ вольныхъ синдикатовъ La Voix du Peuple.

За послѣдніе восемь или десять мѣсяцевъ это движеніе стало быстро разростаться, и хотя намъ не хочется забѣгать впередъ и выдавать „желаемое и ожидаемое за настоящее", мы можемъ уже сказать, что организующаяся работа значительно подвинулась усиліями нашихъ товарищей и скоро охватитъ часть рабочихъ нѣмецкой Швейцаріи, также какъ и французской.

Буржуазія, конечно, не менѣе соціальдемократовъ, дѣлаетъ все возможное, чтобы помѣшать возрожденію не-политическаго, синдикальнаго движенія. Еще бы! Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ швейцарскіе рабочіе вели себя примѣрно, какъ овечки, подъ соціальдемократическою палкою, совершая, подъ верховодствомъ своихъ, нѣкогда рабочихъ, но нынѣ вполнѣ обуржуазившихся вожаковъ, такія побѣды, какими въ Россіи прославился Витте; а именно, покупка государствомъ желѣзныхъ дорогъ, введеніе государственной винной торговли и т.п., которыя торжествуются этою новою породою „буржуазныхъ соціалистовъ", какъ торжество соціальдемократическихъ идей. Понятно, что такихъ смутьяновъ, какъ Бертони и Герцига съ ихъ газетою, Reveil-Risveglio печатающеюся на французскомъ и итальянскомъ языкѣ, которые работаютъ для торжества революціоннаго, синдикальнаго движенія, буржуазія ненавидитъ отъ души, и Бертони на дняхъ (26 ноября) опять засадили въ тюрьму за статью, въ которой онъ говорилъ съ похвалою объ анархистѣ Бреши, убившемъ короля Гумберта. (Соціальдемократы, тогда, съ пѣною у рта напустились за это на анархистовъ. Но фактъ тотъ, что убійство Бреши повернуло всю политику Италіи. Съ тѣхъ только поръ Италія вздохнула немного, и въ ней возобновилось рабочее движеніе, задавленное было разстрѣлами, тюрьмами и административною ссылкою).

Теперь, въ романской Швейцаріи идетъ также работа объединенія разсѣянныхъ коммунистовъ-анархистовъ. Въ воскресенье 9го декабря собралось до тридцати товарищей — всѣ рабочіе — изъ французскихъ кантоновъ и изъ Бернской Юры. Давно уже чувствовалась потребность объединенія, а потому всѣ, за исключеніемъ одного индивидуалиста, рѣшили сложиться въ федерацію, которую назвали „Коммунистско-анархическая федерація Романской Швейцаріи".

«Необходимо было, говорятъ они, коммунистамъ-анархистамъ, заявить, что мы опредѣленно враждебны всѣмъ формамъ угнетенія и эксплуатаціи, и что противъ капиталистической буржуазіи и противъ соціальдемократическихъ главарей четвертаго сословія мы выставляемъ пропаганду рабочаго, равенственнаго и вольнаго (анархическаго) соціализма. Какъ наши предшественники Юрской Федераціи, мы ведемъ свое дѣло въ рабочей средѣ."

Для внутренней администраціи, Романская Федерація будетъ имѣть бюро для корреспонденцій, котораго единственною цѣлью будетъ облегчать сношенія между группами. Слѣдующій съѣздъ соберется черезъ полгода. Сейчасъ же будетъ выпущенъ манифестъ, въ которомъ Федерація хочетъ указать, что первою ея цѣлью — работа въ деревняхъ, гдѣ крестьяне, къ сожалѣнію, вовсе не понимаютъ и не любятъ городскихъ рабочихъ. Ради этого они намѣрены обстоятельно изучить сперва настроеніе и жизнь деревень, каждый въ своемъ округѣ, и свести всѣ свои наблюденія въ одну работу.

Мы, конечно, отъ души привѣтствуемъ это возрожденіе анархическаго рабочаго движенія.

ИСПАНІЯ.

Рѣшеніе Аміенскаго конгресса рабочихъ союзовъ, не принимать участія въ комедіи политическихъ выборовъ и парламентаризма, о которомъ говорилось въ нашемъ предыдущемъ номерѣ, встрѣчено было въ Испаніи съ большою радостью.

Мы можемъ поздравить себя, говоритъ Барселонская анархическая газета „Земля и Воля", Французскій пролетаріатъ, собранный въ большомъ конгрессѣ, на которомъ были представлены всѣ соціалистическія школы, объявилъ, что пролетарская масса **должна** держаться въ сторонѣ отъ парламентской борьбы и призналь **единственнымъ** средствомъ борьбы всеобщую стачку.

Мы поздравляемъ себя не потому, чтобы этимъ было высказано что нибудь новое, а потому что рабочій классъ убѣдился, что парламентская борьба есть подлый фарсъ...

И наука и разумъ давно уже доказали, что вся эта парламентская борьба служитъ только къ тому, чтобы выдвинуть нѣсколько ложныхъ пророковъ, которые измѣняютъ всѣмъ своимъ обѣщаніямъ, едва доберутся до верха. И простой здоровый смыслъ доказалъ, какъ нелѣпо мечтать о разрушеніи буржуазнаго государства, — и всякаго другаго, прибавимъ мы — забравшись въ **правительство** этого самаго государства. Соціальдемократіи этимъ нанесенъ смертельный ударъ.

Мы съ особымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что въ агитаціи противъ права хозяевъ домовъ взимать квартирную плату, разростается въ Испаніи. Собранію собственниковъ, засѣдавшему на дняхъ въ Мадридѣ, Рабочій Союзъ Квартирантовъ послалъ слѣдующую телеграмму:

„Рабочее Общество, Союзъ Квартирантовъ противъ Высылки съ квартиръ, объявляетъ, что всякая собственность — воровство. Въ противность вашимъ заключеніямъ, мы выставляемъ коллективную собственность коммунистическую, которую и завоюемъ соціальной революціей. Мы объявляемъ право на жилище, здоровое и красивое. Порицаемъ зловредное, безчеловѣчное ваше право выгонять съ квартиры и выбрасывать человѣка на улицу."

Воспроизводя эту телеграмму, наши барселонскіе товарищи прибавляютъ: „это одно изъ средствъ, и не изъ худшихъ борьбы съ капиталомъ". Надо пропагандировать его, чтобы рабочія массы были съ нами, помогая намъ проводить его въ дѣло, и тѣмъ будемъ расшатывать одну изъ самыхъ коренныхъ основъ частной собственности и, слѣдовательно, нашей нищеты.

АРГЕНТИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Шестой конгрессъ Рабочей Аргентинской Федераціи, который собирался въ этомъ году въ Розаріо Санта Фе, оказался гораздо важнѣе предыдущихъ, такъ какъ всѣ его рѣшенія — отчасти, благодаря усилившему за послѣднее время вліянію нашихъ товарищей — оказались проникнуты въ этомъ году больше революціоннымъ духомъ. Нѣкоторые пункты особенно интересны.

Такъ пунктъ 2-й указываетъ на необходимость усиленной пропаганды и агитаціи, съ цѣлью подготовить всеобщую стачку квартиронанимателей. Агитацію предполагается вести вполнѣ систематично.

Пунктъ 4-й рекомендуетъ всѣмъ рабочимъ союзамъ начать серьезную агитацію въ пользу шестичасоваго дня.

Пунктъ 5-й: Принимая во вниманіе, что военщина противорѣчитъ природнымъ наклонностямъ, и что патріотизмъ есть чувство узкое и привитое, Конгрессъ приглашаетъ антимилитаристскій (противу-военный) Комитетъ, основанный въ Буэносъ Айресѣ, составить Аргентинскую противу-военную федерацію и приглашать членовъ ея и не членовъ, имѣющихъ вступить въ военную службу, чтобы они вошли заранѣе въ противу-военную федерацію.

Конгрессъ рѣзко высказался также противъ поштучной работы и также противъ кооперативныхъ союзовъ, которые, говоритъ конгрессъ, только разъединяютъ пролетаріевъ и отбираютъ изъ нихъ часть, переходящую въ буржуазію.

Послѣдній пунктъ гласитъ, что делегаты на конгрессѣ единодушно шлютъ свой любовный привѣтъ всѣмъ жертвамъ буржуазіи, и рабочимъ всего свѣта, которые борятся чтобы создать общество болѣе равенственное и болѣе справедливое, чѣмъ теперешнее.

АНАРХИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

I. Программа южнорусской группы анархистовъ-синдикалистовъ.

Нами получена программа „Южнорусской группы анархистовъ-синдикалистовъ". Она распадается на двѣ части: а) основные принципы и б) — тактику. Въ первой части, отмѣчая наличность распаденія обществъ на «классы» съ противоположными интересами классъ трудящихся и классъ имущихъ и властвующихъ паразитовъ, и вытекающія отсюда бѣдствія народныхъ массъ; признавая за каждой человѣческой личностью право на неограниченную извнѣ полную личную свободу на полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ нормальныхъ потребностей (въ зависимости лишь отъ наличныхъ производительныхъ силъ) на все умственное богатство эпохи и полное и всестороннее развитіе своей духовной личности, — группа приходитъ къ заключенію о необходимости разрушенія современнаго общества и замѣны его общественной организацией, основанной на полномъ экономическомъ равенствѣ и полной политической свободѣ. Для этого она признаетъ необходимымъ уничтоженіе частной собственности на средства и продукты труда и уничтоженіе всѣхъ органовъ принудительной власти — законодательной или исполнительной, т. е. разрушеніе государства со всѣми его аттрибутами.

На мѣсто его должна стать новая общественная организація, основанная на принципахъ коммунизма и построенная на почвѣ свободнаго соглашенія личностей, группъ и союзовъ... «Новое общество есть безпрерывно растущая вширь свободная рабочая Ассоціація, не признающая никакихъ авторитетовъ, ни бога, ни хозяина, ни власти.»

Отрицая значеніе экономическихъ, политическихъ и умственныхъ реформъ для осуществленія этого новаго общества, группа возлагаетъ надежды единственно на революціонную самодѣятельность городскихъ и сельскихъ рабочихъ, выражающуюся во всеобщей стачкѣ и вооруженномъ возстаніи, подготовленныхъ рядомъ частичныхъ и массовыхъ стачекъ, отказомъ отъ несенія военной службы и другихъ государственныхъ повинностей массовыми экспропріяціями продуктовъ въ пользу безработныхъ и бастующихъ, уничтоженіемъ особенно видныхъ враговъ рабочаго класса и частичными и мѣстными попытками провозглашенія рабочихъ коммунъ.

Въ области экономическихъ реформъ группа также отрицаетъ значеніе какой бы то ни было государственной власти и полагаетъ, что «всякая прочная реформа можетъ быть добыта голько „захватнымъ правомъ", революціонною самодѣятельностью рабочихъ: стачками, бойкотомъ, саботажемъ и терроромъ».

Въ виду интереса, представляемаго этой первой попыткой систематизаціи взглядовъ дѣйствующей въ Россіи анархической группы, приводимъ слѣдующее изъ второй половины программы.

«В. Тактика.

„На основаніи своихъ теоретическихъ принциповъ, группа строитъ свою тактику.

„1. Группа стремится всѣми средствами отвлечь рабочія массы отъ участія въ выборахъ въ какія либо государственныя учрежденія, какъ мѣстныя, такъ и центральныя. Она стремится провести возможно болѣе полный бойкотъ всѣхъ выборныхъ учрежденій буржуазнаго государства, независимо отъ избирательной системы, лежащей въ ихъ основѣ.

„2. Группа всегда проповѣдуетъ и организуетъ по мѣрѣ силъ отказъ въ податяхъ, отказъ въ рекрутахъ, бросаніе знаменъ, уничтоженіе государственныхъ имуществъ, порчу оружія и т. д.

3-й параграфъ говоритъ о террористическихъ актахъ.

„4. Группа старается всѣми силами содѣйствовать созданію въ нѣдрахъ современнаго общества ячеекъ будущаго свободнаго общежитія. Съ этой цѣлью она организуетъ тайные анархическіе профессіональные союзы, т. е. такіе союзы рабочихъ, которые ставятъ себѣ цѣлью, не только полное освобожденіе рабочаго класса, подобно всякой революціонной анархической организаціи, но и ведутъ борьбу съ хозяевами за частичныя улучшенія условій труда, подобно другимъ профессіональнымъ союзамъ. Средствами борьбы этихъ тайныхъ анархическихъ союзовъ группа считаетъ стачки, бойкотъ, саботажъ (плохую работу, порчу машинъ и т. д.) и проч. Кромѣ того члены тайныхъ анархическихъ союзовъ входятъ въ легальные непартійные профессіональные союзы съ цѣлью пропаганды своихъ анархическихъ идей и борьбы съ тѣми политическими теченіями, которыя стремятся подчинить классовое движеніе пролетаріата интересамъ избирательныхъ компаній и превратить профессіональный союзъ въ избирательный комитетъ. Анархисты-входящіе въ легальные непартійные союзы, ставятъ себѣ цѣлью уничтожить обязательность денежныхъ взносовъ, бюрократизмъ въ завѣдываніи дѣлами союза, всякіе компромиссы съ хозяевами и стремятся превратить всякій профессіональный союзъ въ свободную и истинно революціонную ассоціацію производителей, чуждую торгашескаго духа, вѣрящую только въ свою собственную революціонную самодѣятельность и дѣйствующую только путемъ захватнаго права.

„5. Группа относится отрицательно къ такимъ террористическимъ актамъ, какъ бросаніе бомбъ въ рестораны, кофейни и т. п., такъ какъ они нисколько не содѣйствуютъ прояснению сознанія, а только ожесточаютъ работниковъ, воспитывая грубые, кровожадные инстинкты. Революціонная энергія должна быть направлена только противъ крупныхъ и активныхъ враговъ рабочаго класса.

„6. Такъ называемыя «частичныя экспропріаціи» группа считаетъ личнымъ дѣломъ экспропріирующихъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ анархизму. Группа съ своей стороны организуетъ крупныя насильственныя «частичныя экспропріаціи» только въ двухъ случаяхъ: вопервыхъ для помощи безработнымъ и бастующимъ, вовторыхъ, на партійныя нужды.

Ноябрь 1906 г."

Такова программа группы анархистовъ синдикалистовъ.

Привѣтствуя эту попытку сведенія въ стройное цѣлое идей и практическихъ взглядовъ, воодушевляющихъ активную группу, мы можемъ лишь пожелать, чтобы примѣру ея послѣдовали и другіе русскіе товарищи, отражая въ такихъ программахъ всѣ особенности мѣстныхъ условій и задачъ борьбы.

II. Къ товарищамъ анархистамъ-коммунистамъ.

Современный Моментъ.

Изданіе анархистовъ общинниковъ. Летучій листокъ № 1.

Петербургъ, Сентябрь 1906 г.

«Листокъ» указываетъ прежде всего на необходимость „призадуматься надъ положеніемъ вещей, строго проанализировать современный моментъ и, выяснивъ его, выработать затѣмъ соотвѣтствующую тактику, чтобы мы могли использовать силы съ наибольшей продуктивностью и умѣло воспользоваться даннымъ моментомъ."

„При современномъ положеніи вещей, — говоритъ Листокъ, — пропаганда и организація должны быть нашей

единой цѣлью: на нее мы обязаны положить всѣ наши силы, и потому всѣ дальнѣйшія наши дѣйствія или въ общемъ вся наша тактика должна быть приноровлена къ выдвинутымъ нами этимъ двумъ положеніямъ, — пропагандѣ и организаціи.»

Указавши затѣмъ, что со вступленіемъ всѣхъ политическихъ партій въ Думу, мы остаемся единственными революціонерами среди народныхъ массъ, «Листокъ» признаетъ далѣе терроръ, какъ лучшее средство пропаганды; но такъ какъ терроръ долженъ быть подчиненъ цѣлямъ пропаганды и организаціи, и при этомъ антибуржуазный терроръ рѣзко подчеркиваетъ классовую борьбу пролетаріата, тогда какъ политическій „вопреки нашимъ желаніямъ, усчитывается въ пользу политической революціи» — предпочтеніе во всѣхъ отношеніяхъ отдается первому.

Говоря о «частичныхъ экспропріяціяхъ» и объ отношеніи къ нимъ «Буревѣстника», «Листокъ» заявляетъ, что «наши товарищи попали на ложный путь, потому что никто изъ революціонеровъ не можетъ запретить «подонкамъ общества» заниматься экспропріяціями (большинство мелкихъ экспропріацій совершены безработными) и рекомендовать имъ найти другой способъ утолять свой голодъ помимо экспропріацій. Пусть этимъ занимаются буржуазія и правительство. Тѣмъ болѣе анархисты не могутъ запрещать подонкамъ называться анархистами-коммунистами. Въ нашихъ рукахъ есть одно средство ограждать себя отъ не совершенной группой экспропріаціи, — это публичное заявленіе, что такая то экспропріація совершена не ея организаціей. И только!

Мы получили:

«Чего хотятъ анархисты-коммунисты?» Листокъ № 1, изданіе Минской группы анархистовъ-коммунистовъ. Декабрь, 1906 г. Цѣль Листковъ — выяснить основныя цѣли анархизма, какъ движенія родившагося въ самихъ рабочихъ массахъ. Въ № 1 есть маленькій обзоръ историческаго развитія анархизма, но обзоръ немного краткій для читателя незнакомаго съ вопросомъ, на какого, повидимому, Листки разсчитаны. Много, конечно, сможетъ быть выяснено впослѣдствіи, если изданіе Листковъ будетъ продолжаться.

За Анархію. Ко всѣмъ трудящимся. Ноябрь, 1906 г. Изданіе той же группы. Эта прокламація посвящена казни 6 анархистовъ въ Ригѣ; она объясняетъ, за какую идею гибли и гибнутъ мученики анархизма.

Бунтарь. Органъ Русскихъ Анархистовъ-коммунистовъ № 1. 1 Декабря 1906 г. Новый анархическій органъ долженъ былъ выйти въ Россіи, но арестъ ялтинской типографіи заставилъ издательскую группу перенести изданіе за-границу. Вслѣдствіе этого 1-ый № вышелъ съ большимъ опозданіемъ; но зато онъ очень богатъ матеріаломъ. Цѣлый рядъ помѣщенныхъ въ немъ программныхъ статей по самымъ насущнымъ вопросамъ требуютъ серьезнаго разбора; поэтому, получивъ № въ послѣднюю минуту передъ выпускомъ нашей газеты, мы должны отложить отчетъ о немъ до слѣдующаго раза.

Съ радостью привѣтствуемъ новаго това ища.

Мы получили изъ Женевы „Воззваніе Женевской организаціи Анархистовъ-коммунистовъ всѣхъ фракцій къ русскимъ товарищамъ", изъ котораго даемъ слѣдующее извлеченіе: „Сознавая всю важность даннаго историческаго момента говоритъ воззваніе, и трудность разрѣшенія разрозненными нашими силами задачъ, возложенныхъ на русскихъ анархистовъ самой жизнью, мы рѣшили придать работѣ анархистовъ болѣе единодушный характеръ и большую интенсивность и съ этой цѣлью мы объединились въ «Женевскую организацію А.-К. всѣхъ фракцій» въ надеждѣ, что этой организаціей мы кладемъ начало той великой федераціи всѣхъ группъ работающихъ въ Россіи, которая не нынче завтра должна облечься въ реальныя формы. Въ этой организаціи мы слились на почвѣ извѣстныхъ практическихъ дѣйствій и думаемъ, что этимъ объединеніемъ мы внесемъ въ нашу партійную жизнь инициативу покончить навсегда съ фракціонной нетерпимостью и фракціоннымъ догматизмомъ. Насъ побудило къ этой организаціи еще и то, что мы убѣждены, что каждая анархическая фракція имѣетъ въ русской дѣйствительности свое поле дѣйствія и тѣмъ самымъ имѣетъ полное право на свое автономное существованіе.

„Эти же соображенія побудили насъ взять на себя инициативу болѣе важнаго предпріятія: мы рѣшили издавать безфракціонный органъ «Голосъ Пролетарія», Вольная Трибуна Анархистовъ-коммунистовъ, въ которомъ могъ бы каждый анархистъ любой фракціи свободно высказаться..." Приглашая, далѣе, къ участію самихъ рабочихъ, и напоминая, что Женевская Группа будетъ только посредникомъ въ изданіи и разсылкѣ органа, воззваніе проситъ поддержки и корреспонденцій изъ Россіи.

Статьи, письма и деньги слѣдуетъ переслать на адресъ какого нибудь знакомаго, живущаго заграницей, и попросить его переслать по слѣдующимъ адресамъ: "Libertaire", 15 Rue d'Orsel, Paris. "L'Anarchie", 30, Rue Muller. Causeries popularies du XVIII, Paris. Mr. Bertoni, 6, Rue des Savoises, Geneve, Suisse. На внутреннемъ конвертѣ обозначить: pour "Goloss Proletaria".

М. А. Бакунинъ. „Полное Собраніе Сочиненій", томъ I. подъ ред. А. И. Бакунина, изд. И. Г. Балашова, Спб., Садовая, 18, складъ „Комиссіонеръ", ц. 80 к.

«М. А. Бакунинъ: 1. Статья Герцена о Бакунинѣ; 2. Біографическій очеркъ М. Драгоманова; 3. Рѣчи и воззванія съ 2мя портретами. Тоже издательство, ц. 1 руб.

Мы отъ души привѣтствуемъ полное собраніе сочиненій М. А. Бакунина, которое ведется съ любовью и знаніемъ, при помощи друзей Бакунина и его извѣстнаго біографа.

Вторая изъ названныхъ книгъ содержитъ, кромѣ извѣстныхъ статей Герцена и Драгоманова, слѣдующія рѣчи и воззванія Бакунина: 1. Рѣчь, произнесенная въ Парижѣ 29 ноября 1847 г., въ годовщину польскаго возстанія 1830 года; 2. Основа новой Славянской политики, 1848 г.; 3. Воззваніе къ Славянамъ, 1848; 4. Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ. 5. Народное Дѣло: Романовъ, Пугачевъ, или Пестель? 1862 г.; 6. Рѣчь, на Конгрессѣ Лиги мира и свободы, 1867 года; 7. Четвертая рѣчь на томъ же конгрессѣ, 1868 года; 8. Тайный уставъ Alliance, 1869 года; 9. Изъ прокламацій 1869 года; [между прочимъ, Постановка револ. вопроса, Начала революціи, Къ офицерамъ русской арміи]; 10. Революціонный катехизисъ, Нечаева — неизвѣстно зачѣмъ помѣщенный Драгомановымъ въ сочиненіе Бакунина и [перепечатанный здѣсь; 11. Программа Славянской секціи Интернаціонала, 1872; 12. Къ русскимъ революціонерамъ, 1873 года, изданная вовсе не Бакунинымъ, а молодымъ кружкомъ бакунистовъ. Въ приложеніи даны Воспоминанія о Бакунинѣ, Рейхеля.

Мы получили также „Богъ и Государство", М. Бакунина, изданіе „Равенства", складъ въ книжномъ магазинѣ Ефимова, Москва, Моховая, д. Бенкендорфа, цѣна 50 к. Это переводъ извѣстной брошюры «Dieu et l'Etat» изд. Revolte, которая впрочемъ составляетъ только часть розысканной съ тѣхъ поръ рукописи.

— Нашъ французскій товарищъ Делесалль началъ очень полезное изданіе, **La Publication Sociale**, которое извѣщаетъ обо всѣхъ имѣющихся въ продажѣ книгахъ и брошюрахъ, на французскомъ языкѣ, касающихся соціальнаго движенія во Франціи и за границей. Для всѣхъ желающихъ ознакомиться съ анархическою и сродною литературою, оно будетъ очень полезно. Адресъ редакціи: 13, rue Monsieur-le-Prince, Paris. Подписка, 2 фр. въ годъ, и 2 фр. 50 с. съ пересылкой за границу.

БИБЛІОГРАФІЯ.

СОЛДАТСКАЯ ГАЗЕТА, № 2, 22 сентября, и № 3, 8 [21] октября 1906 г., изданіе Соціалистовъ-революціонеровъ. Составляется умѣло и содержитъ немало поучительнаго. Три статьи во второмъ номерѣ — «Разсказъ участника Свеаборгскаго возстанія», «Іюльское возстаніе въ Кронштадтѣ» и „Возстаніе на крейсерѣ Память Азова", всѣ три статьи въ высшей степени поучительные документы. Они показываютъ, съ какимъ удивительнымъ самопожертвованіемъ небольшія группы солдатъ и матросовъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ поддержанныя офицерами, съ полною вѣрою и геройствомъ поднимали возстаніе, зная свою малочисленность, но въ надеждѣ увлечь другихъ и свергнуть злую силу, засѣвшую въ петергофскомъ дворцѣ.

Говорить, что эти возстанія кончились неудачей — нельзя. Всякая революція двигается десятками подобныхъ частныхъ возстаній. И каждое изъ нихъ расшатываетъ силу государства, подрываетъ его устои, и подготовляетъ почву для полнаго болѣе могучаго натиска. Геройство маленькихъ кучекъ людей мало по малу заражаетъ другихъ, создаетъ традицію въ данномъ случаѣ, въ данномъ полку, въ такомъ то флотѣ — и навѣрное принесетъ свои плоды.

Какъ всегда бываетъ, возстаніе въ Свеаборгѣ произошло раньше, чѣмъ всякіе комитеты и центральныя группы нашли его нужнымъ. Всегда такъ бывало и будетъ. Агитацію въ войскахъ нельзя скрыть отъ командировъ, а разъ они догадываются, они всегда стараются вызвать бунтъ, пока агитація охватила лишь малую часть ихъ солдатъ. Тоже бываетъ во всѣхъ возстаніяхъ, подготовляемыхъ заговоромъ, потому что отдѣльныя части возстаютъ, когда заговорщики увидятъ, что нити ихъ заговора попали въ руки начальства, и что всѣ заговорщики, все равно, будутъ со дня на день арестованы.

Поэтому, такъ называемыя „преждевременныя" возстанія неизбѣжны. Никакая дисциплина помѣшать этому не можетъ, и ихъ надо предвидѣть. Нужно только, чтобы каждый бунтъ давалъ все то, что можетъ дать; а это возможно **только тогда, когда дисциплина партійнаго заговора не задавила** личнаго почина среди заговорщиковъ, и каждая группа готова ринуться на поддержку возставшихъ товарищей, каковы бы ни были „директивы" [любимое нынче словечко] сверху.

Любой военный человѣкъ знаетъ, что на войнѣ сплошь да рядомъ бой будетъ завязанъ въ то время, когда его вовсе еще не желаютъ. [Штабные офицеры, любители дисциплины, въ такихъ случаяхъ ругаютъ завязавшихъ бой, бездѣйствуютъ и даютъ разнести тѣ части, которыя держутся, а потомъ и сами терпятъ разгромъ. Настоящіе же боевые офицеры въ такихъ случаяхъ поступаютъ такъ, какъ и думаютъ сами солдаты, т. е. бросаются на поддержку части, завязавшей бой, и, по крайней мѣрѣ, извлекаютъ изъ частнаго боя наибольшую выгоду. Тактика анархическаго характера и тутъ оказывается наилучшею.

Но всего хуже, когда на войнѣ командуютъ два соперника генерала, а въ возстаніи — начальствуютъ представители двухъ соперничествующихъ партій. Въ такихъ случаяхъ, если и бываетъ успѣхъ, то только тогда, когда вмѣшивался народъ, и своею массою увлекалъ всѣхъ. А между тѣмъ, въ заговорахъ, и такое соперничество — дѣло возможное. Вотъ еще почему, на военный заговоръ, безъ народнаго возстанія, надежда плоха.

Замѣтимъ также одинъ урокъ, который выноситъ изъ чтенія отчета о Кронштадтскомъ возстаніи: — сложные планы ничего не стоятъ. Съ ними „все выходитъ совершенно иначе, вопреки постановленіямъ организацій."

Въ томъ же номерѣ есть письмо изъ Севастополя, подтверждающее, что съ контръ-миноносца „Зоркій" были увезены два пулемета, 5 винтовокъ, сигнальная книга и нѣсколько подзорныхъ трубъ, и что сколько ни искали, ихъ не нашли. Этотъ способъ вооруженія революціонеровъ на счетъ казны получилъ съ тѣхъ поръ широкое примѣненіе.

Третій номеръ „Солд. Газеты" содержитъ двѣ программныя статьи: „Два Знамени" [одно изъ нихъ царское, другое — „Земля и Воля"] и „Ждали землю — нѣтъ земли". Послѣдняя толково разъясняетъ крестьянамъ, какой обманъ представляетъ продажа казенныхъ и удѣльныхъ земель, черезъ Крестьянскій банкъ, конечно въ тридорога. Прибавимъ, что великіе князья просто нашли удобный случай пограбить казну и крестьянъ; они продадутъ по высокой цѣнѣ удѣльныя земли и переведутъ денежки, золото, на Лондонскій банкъ.

„Еще застежку придумали на мужика" — вѣрно сказано.

Любопытны также статьи: — „Чего стоятъ наши генералы", письмо солдата съ „усмиренія", „Голоса изъ Арміи и флота", „Среди солдатъ" и т. д. Такихъ газетъ надо бы десятки. Другая такая же газета „Солдатъ", издается закавказскимъ союзомъ соц.-рев. Мы получили только № 1, августа 1906 г., 22 стр. — Газета составляется очень понятно для всякаго солдата. Статьи короткія, не витіеватыя. Печатается крупною печатью — удобно и въ потемкахъ читать. Перечислять всѣ статьи [больше двѣнадцати] не станемъ. Тутъ говорится и вообще о присягѣ, о солдатскихъ забастовкахъ, о генералѣ Минѣ, о взрывѣ на дачѣ Столыпина — одобрительно [одинъ изъ убитыхъ, оказывается, былъ Боровицъ, изобрѣтатель автомобиля для избиванія рабочихъ и крестьянъ при помощи пулеметовъ], о Свеаборгѣ, о Шушинской рѣзнѣ, о звѣрствахъ Алиханова, о возстаніи въ Дешлагарѣ, въ Самурскомъ полку. „Солдатъ" такъ разсказываетъ этотъ бунтъ:

«Когда солдаты предъявили полковому командиру Лемкулю свои экономическія и политическія требованія, и получили отказъ, отецъ Владиміръ, съ самаго начала принявшій сторону солдатъ, сталъ горячо уговаривать полковника пойти на уступки. Въ отвѣтъ, капитанъ Саркисовъ въ упоръ выстрѣлилъ въ безоружнаго священника и убилъ его наповалъ. Это злодѣйское убійство и заставило солдатъ схватиться за ружья. Саркисовъ былъ убитъ. Офицеры открыли стрѣльбу. Солдаты отвѣчали.»

Въ этомъ же номерѣ говорится, что лучшіе офицеры всѣхъ родовъ оружія на Кавказѣ составили политическій союзъ возстанія.

Газета „Военный союзъ, органъ сѣвернаго организаціоннаго комитета офицерскаго союза", (№ 1, ноябрь 1906) создала для пропаганды программы этого союза и ускоренія его организаціонной дѣятельности. Передовая статья, „Самодержавіе и Отечество", написанная очевидно съ точки зрѣнія средняго офицера, развиваетъ ходячую теорію о нейтральности арміи, а потомъ приходитъ къ такому заключенію". —

„Войско должно немедленно перестать быть орудіемъ партіи самодержавія, оно должно перестать участвовать во внутренней междоусобной борьбѣ. Войско можетъ и должно стоять на стражѣ интересовъ всего народа, какъ цѣлаго, можетъ и должно обезпечить свободное взаимодѣйствіе всѣхъ его частей, мирную, легальную борьбу всѣхъ партій. Однимъ словомъ, войско должно стать на стражѣ народной свободы и народоправія.

„Путь же къ этому только одинъ. Если мы хотимъ прекращенія кровавой борьбы и анархіи, мы должны уничтожить произволъ и насиліе, т. е. предоставить самому народу установить желательные ему политическіе законы"... Заключеніе: „только свободно избранная всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ полноправная Народная Дума (Учредительное Собраніе) можетъ создать порядокъ изъ хаоса, можетъ произнести высшій, безотвѣтственный и всеуспокаивающій приговоръ."

Мы часто слыхали, въ особенности во Франціи, эту теорію о „нейтральности арміи" но на дѣлѣ, вся эта теорія пропитана фальшью. Это отголосокъ тѣхъ временъ, когда короли нанимали себѣ войска, и трусливые граждане молили наемниковъ: „вы, войско, не бейте насъ, будьте нейтральны". Теперь, когда каждый бываетъ солдатомъ, смѣшно становиться на эту точку зрѣнія. Вступая въ армію, молодой человѣкъ

не долженъ считать себя чѣмъ то чуждымъ народу, стоящимъ внѣ его. Онъ долженъ идти съ народомъ, а не противъ него. Войско — не нейтральная держава: оно часть народа и должно жить его жизнью, а не считать себя на службѣ у олигарховъ, грабителей и палачей народа, или у кучки повелителей, кто бы они ни были, со своимъ правомъ разсуждать, солдатъ и офицеръ никогда не долженъ разставаться.

Въ этомъ отношеніи, „Старый пѣхотинецъ“, въ томъ же номерѣ, гораздо правильнѣе ставитъ вопросъ въ своемъ „Письмѣ офицера“, говоря: „Чтобы не быть палачемъ, солдатъ обязанъ стать гражданиномъ“. И дальше онъ громко объявляетъ: “Навсегда порывая свою прежнюю, подневольную духовную связь, эти нестерпимыя цѣпи духовнаго рабства, я иду къ своему родному народу. Всѣми моими помыслами и силами, я буду служить ему, и только ему, ибо — здѣсь и правда, и право!“

Въ этомъ же номерѣ данъ проектъ организаціи Офицерскаго союза, въ которомъ отмѣтимъ слѣдующіе пункты „Союзъ ставитъ своей задачей, противодѣйствовать стремленію правительства пользоваться арміей для борьбы съ народомъ“. Союзъ составляется изъ кружковъ, которыхъ „членами могутъ быть только военнослужащіе“, и они выбираютъ изъ своей среды Комитеты и Окружные бюро. Съѣздъ выбираетъ центральное бюро, и т. д.

Въ приложеніи къ этому номеру данъ въ высшей степени поучительней подлинный Рапортъ ген. лейт. Меллера-Закомельскаго Николаю II му, о своихъ безобразіяхъ въ Сибири. Каждая строчка этого доклада пропитана подленькимъ звѣрствомъ генерала, знающаго что онъ ни чѣмъ не рискуетъ и за все получитъ высочайшее одобреніе. Отмѣтимъ два пункта въ этомъ Докладѣ. Когда Меллеръ подошелъ къ Читѣ, съ пушками и мартирами, читинцы рѣшили сдаться и сложили оружіе,—до 30,000 винтовокъ, ручныя гранаты, пироксилинъ и т. д. И вотъ Меллеръ — въ отчаяніи, что генералъ Полковниковъ и Сычевскій вступили въ переговоры съ революціонными комитетами и уговорили ихъ сдаться.

„Я нахожу“, пишетъ онъ, — зналъ, чѣмъ подслужиться Николаю — „я нахожу, что для дѣла необходимо было разгромить Читу, а не вступать со всякими союзами и комитетами въ дипломатическіе переговоры. Разгромъ Читы послужилъ бы прекраснымъ урокомъ всѣмъ этимъ революціонерамъ и надолго отняли бы у нихъ охоту устраивать революціи. Безкровное же покореніе взбунтовавшихся городовъ не производитъ никакого впечатлѣнія.“

Болѣе всего свою злобу изливаетъ этотъ Меллеръ на губернатора Забайкалья, генерала Холщевникова, и командира читинскаго полка, ген. Румшевича, за то что они человѣчно обходились съ возставшими, и тутъ же пишетъ доносецъ: «Ген. Холщевниковъ вызвалъ среди Забайкальскихъ казаковъ аграрное движеніе, объяснивъ имъ, что принадлежащія Кабинету т. е. царю земли должны быть собственностью казаковъ.“

А второй доносъ на Линевича:

„Столь приступная дѣятельность ген. Холщевникова не могла бы продолжаться такъ долго, если бы стачечный комитетъ не находилъ поддержки въ лицѣ Главнокомандующаго, ген. адъютанта Линевича. Онъ принималъ представителей этихъ комитетовъ, имѣвшихъ свою резиденцію въ арбинѣ, и совѣщался съ ними. Лица, противодѣйствующія стачкамъ, не только не находили поддержки у ген. Линевича, но даже увольнялись имъ отъ службы.“ И т. д.

Въ сущности, благодаря этому разумному отношенію Линевича, стачечнымъ комитетамъ рабочихъ и удалось такъ скоро вывезти изъ Маньчжуріи громадную армію запасныхъ. Вообще, изъ отчета Меллера ясно видно, какъ прекрасно функціонировали, безъ начальства, въ рукахъ самихъ рабочихъ, Сибирская и Маньчжурская желѣзныя дороги. „Коммуна рабочихъ“, на линіи въ 6000 верстъ длиною, оказалась не только возможною,но и лучшимъ рѣшеніемъ, въ смыслѣ организаціи очень труднаго дѣла.

* * *

Мы писали въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ объ интригахъ петергофскихъ правителей въ Лондонѣ, чтобы добиться новаго займа. Заемъ не удался, и тогда петергофскій Дворъ пустился на новыя махинаціи. Теперь, они продаютъ Россію по частямъ всякимъ иностраннымъ шахеръ-махерамъ. Продаютъ изъ казенныхъ земель массу золотыхъ пріисковъ на Уралѣ и въ Забайкальской области. За пріисками пустятъ въ продажу казенные лѣса, и если петергофскіе правители процарствуютъ еще нѣсколько, то они обдерутъ Россію хуже, чѣмъ нѣмцы обобрали Францію послѣ разгрома въ 1871 году.

Во всякомъ случаѣ, сейчасъ, въ Лондонскихъ биржевыхъ кругахъ идетъ лихорадочная спекуляція. Покупаются массами русскіе пріиски — у казны, не у частныхъ лицъ. На ихъ разработку составляются дутыя компаніи, со всякими тузьями во главѣ — точь въ точь, какъ было передъ Бурскою войною въ Іоганнесбургѣ. Пріиски, означенные въ одинъ милліонъ рублей, продаются черезъ пять-шесть дней новой компаніи за 16 милліоновъ!... И кто же за все это будетъ платить?

— Голодный русскій мужикъ.

Вотъ кто пляшетъ на мужичьой спинѣ: вся орда собравшаяся вокругъ петергофскаго дворца. Не одинъ, не два, а всѣ они! —

Такъ и знать надо.

* * *

— Въ русскихъ газетахъ напечатано письмо отъ В. П. Карповича изъ Акатуйской тюрьмы, въ Забайкальѣ. Онъ, было, вышелъ въ вольную команду и жилъ въ деревнѣ, за полторы версты отъ тюрьмы, но пришелъ приказъ, вернуть шлиссельбургцевъ въ тюрьму. Гершуни, какъ извѣстно, бѣжалъ изъ Акатуя 13 — 26 — октября и теперь въ безопасности. Въ Акатуѣ же Спиридонова, Биценко — убійца Сахарова, — Фіалка и Школьникъ — покушеніе на черниговскаго губернатора. Нужда — большая.

Къ сожалѣнію, по случаю праздниковъ номеръ этотъ долженъ былъ выйдти съ опозданіемъ на два дня.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено за литературу: М.З., Манчестеръ, 7 шил. и 6 пенс. Н.Н., Филадельфія, 13 дол. и 29 сент. А., Капштатъ, 4 шил.

Для «Листковъ»: Изъ сбора въ Ливерпулѣ, 9 шил. и 6 пенс. Е., Капштатъ, 1 шил. Группа Freiheit, Торонто, 3 дол.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля“ [1 шилингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A: WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.
Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.
E. Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kuchniaroff, 163 Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ.

№ 6. — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 11 ЯНВАРЯ 1907 г.

«БЕЗСМЫСЛЕННЫЯ МЕЧТАНІЯ.»

За послѣднее время, съ приближеніемъ выборовъ въ Думу, среди нашихъ соціалистическихъ партій все опредѣленнѣе выступаетъ желаніе, заявить себя остепенившимися, солидными политиками. И все чаще и чаще начинаемъ мы слышать теперь, на митингахъ и въ печати, нападенія противъ „безсмысленныхъ мечтаній“ анархистовъ о соціальной революціи.

„Соціальная революція“, говорятъ намъ, „въ настоящую минуту невозможна. Вы сами не вѣрите, чтобы она произошла сейчасъ же. Значитъ и говорить о ней нечего.“ „Пока что“ (любимое словечко Александра III-го, вошедшее нынче въ моду у государственныхъ соціалистовъ), пока что, надо заняться выборами и созиданіемъ буржуазной демократической силы, которая могла бы бороться съ самодержавіемъ.

Иногда къ этому приплетаютъ еще извѣстную соціалъ-демократическую „идеологію“, — т. е. попросту ахинею, которою одурманивали нашу молодежь за послѣдніе двадцать пять лѣтъ; и говорятъ: „Капитализмъ, въ Россіи, еще недостаточно развитъ; пролетаріевъ слишкомъ мало: нужно сперва „выварить мужика въ фабричномъ котлѣ“, обратить его въ голоднаго фабричнаго пролетарія (мало онъ голодаетъ теперь!)... тогда видно будетъ.

„Позорно“, „анти-революціонно“, пишетъ Плехановъ въ „Товарищѣ“, не идти объ руку съ кадетами и не заключать съ ними союзовъ; и даже того не замѣчаетъ, что настоящій позоръ — играть словомъ, „революція“, за которое пролетаріи льютъ свою кровь.

Что русскіе соціалъдемократы, такимъ образомъ, сбрасываютъ съ себя красный плащъ, которымъ слишкомъ долго прикрывались—этому мы можемъ только радоваться. Они открываютъ этимъ путь для образованія новой дѣйствительной *рабочей* революціонной организаціи, которая ни въ будущемъ, ни „пока что“ не будетъ работать, чтобы налагать на рабочихъ ярмо капитализма. Но съ тѣмъ ученіемъ, что вслѣдствіе невозможности немедленной соціальной революціи рабочій долженъ обратиться въ „лѣваго кадета“ — вѣрнѣе, въ лѣваго буржуа, — съ этимъ ученіемъ надо бороться всѣми силами.

Когда въ странѣ начинается революція, т. е. народное движеніе, въ томъ смыслѣ, который мы указывали не разъ на страницахъ этой газеты, — мы никогда не можемъ знать, какъ далеко оно пойдетъ. А потому преступна всякая попытка, заранѣе ограничить его. Когда Національное Собраніе собиралось во Франціи въ маѣ 1789, никто въ ту пору не предвидѣлъ, что черезъ четыре года во Франціи будетъ республика и аристократія будетъ уничтожена.

Но еще менѣе предвидѣлъ кто бы то ни было, что революціонное движеніе пойдетъ такъ далеко, что тѣ, кого впослѣдствіи назвали жирондистами, окажутся для него реакціонерами; что ярыхъ республиканцевъ, но республиканцевъ, *стоявшихъ за сохранность частной собственности* народу придется вытнать изъ Палаты, и казнить ихъ; и что тогда начнется въ Франціи та страшная революціонная ломка, которая совершилась во Второй Годъ республики.

Кто могъ предвидѣть эту великую ломку собственности, совершавшуюся революціоннымъ образомъ, — это „равненіе имущества“, эту „диктатуру санъ-кюлотовъ“ (т. е. народной бѣдноты), которая передѣлала, переломала всю Францію и сдѣлала изъ нея страну, стоявшую затѣмъ, весь девятнацатый вѣкъ, впереди всѣхъ другихъ на пути къ Соціальной Революціи?

Конечно, это не была соціальная революція, какъ мы понимаемъ ее теперь. Но безъ этой революціи противъ собственниковъ не было бы ни Іюнскаго возстанія пролетаріевъ, ни революціи 1848 года, ни Интернаціонала, ни — замѣтьте это — самаго рабочаго соціализма.

Мы всѣ — дѣти *этой* народной революціи 1793—1794 года.

И вотъ оказывается, что уже съ 1789 го года, при самомъ началѣ революціи, выступали партіи—какъ теперь наши государственные соціалисты, — которые забѣгали передъ тогдашними „кадетами“, т. е. передъ либеральною конституціонною буржуазіею, искали ея поддержки на выборахъ, голосовали съ нею, и обѣщали взамѣнъ, что станутъ на защиту собственности, противъ „безсмысленныхъ мечтаній“ тѣхъ изъ народа (ихъ тогда уже звали „анархистами“), которые, съ первыхъ же дней Революціи требовали Равенства — равненія имуществъ — вмѣстѣ со Свободою.

Уже сто лѣтъ тому назадъ были среди революціонеровъ жандармы „порядка“ и „собственности“, выступавшіе съ окрикомъ: „безсмысленныя мечтанія“, и запрещавшіе народу стремиться къ равненію имуществъ и отнятію общинныхъ земель у помѣщиковъ, — подъ тѣмъ предлогомъ, что сперва надо создать парламентъ, конечно собственниковъ, и только тогда можно будетъ говорить о правахъ трудящагося народа!...

Чтожъ!? Пусть и наши соціалъдемократы идутъ по дорожкѣ проторенной жирондистами. Мы же, не теряя ни на минуту нашей всегдашней цѣли, — соціальной революціи, — будемъ работать для нея, и сегодня, и завтра, хотя бы руской бѣднотѣ и пришлось дѣйствовать такъ же энергично, какъ дѣйствовалъ французскій неимущій классъ противъ собственниковъ и ихъ защитниковъ.

П. Кропоткинъ.

ОТНОШЕНІЕ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ КЪ СУЩЕСТВУЮЩИМЪ ВЪ РОССІИ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ПАРТІЯМЪ.

Вопросъ объ отношеніи коммунистовъ-анархистовъ къ существующимъ въ Россіи политическимъ партіямъ можетъ имѣть двоякій смыслъ: во-первыхъ, онъ можетъ означать *различіе* между теоріей и практикой анархическаго коммунизма и соотвѣтственной теоріей и практикой другихъ партій; во вторыхъ, онъ можетъ означать *возможность или невозможность соглашенія* анархистовъ съ другими партіями.

Будучи понимаемъ въ первомъ смыслѣ, вопросъ получаетъ чисто теоретическій характеръ, и для разрѣшенія его мы должны дать себѣ ясный отчетъ, какъ въ нашей собственной программѣ, такъ и въ программахъ тѣхъ партій, съ которыми мы хотимъ размежеваться. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса потребовало бы цѣлой книги или по крайней мѣрѣ брошюры. Но такъ какъ безъ предварительнаго его разсмотрѣнія мы не можемъ рѣшить вопроса о возможности или невозможности соглашенія съ другими партіями, то мы должны его разсмотрѣть хотя бы въ краткихъ чертахъ.

Какова же *наша* программа? Каковы программы другихъ партій?

Будучи выражена въ немногихъ словахъ, конечная цѣль нашей программы есть соціализмъ, т. е. обобществленіе земли и орудій труда, но при полномъ отсутствіи государственной власти; средствомъ же для этой цѣли безгосударственнаго соціализма является организація рабочихъ въ синдикатахъ и непосредственная борьба ихъ путемъ революціонной всеобщей стачки, какъ противъ капиталистовъ, такъ и противъ всякой государственной власти. Наша экономическая задача заключается въ упраздненіи всякой прибавочной стоимости, т. е. всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Наша политическая задача заключается въ упраздненіи военныхъ и судебно-полицейскихъ устоевъ власти, составляющихъ краеугольный камень всякаго государства.

Въ противовѣсъ намъ, коммунистамъ-анархистамъ, либеральныя партіи являются врагами соціализма и желаютъ сохраненія существующаго порядка частной собственности; онѣ высоко цѣнятъ военную и судебно-полицейскую силу государства какъ охранительницу этой частной собственности.

Съ другой стороны партіи с. д. и с. р., имѣя ту же конечную цѣль, что и мы, т. е. соціализмъ, полагаютъ однако, что внѣ опеки государственной власти соціализмъ немыслимъ, и къ самому торжеству соціализма стремятся путемъ участія въ современной политической власти.

Либералы жаждутъ власти для того, чтобы закрѣпить существующія монополіи капитала; соціалисты же добиваются власти для того, чтобы уничтожить эти монополіи и урегулировать новый соціалистическій порядокъ собственности съ помощью войска, полиціи и юстиціи.

Изъ всего здѣсь сказаннаго ясно, что между коммунистами-анархистами съ одной стороны, и либералами или соціалистами съ другой — существуетъ непроходимая пропасть. Либералы, какъ и соціалисты, не представляютъ себѣ общественнаго прогресса внѣ участія въ государственной власти; войско, полиція и юстиція одинаково представляются для нихъ необходимыми силами, охраняющими общество. Между тѣмъ, мы, коммунисты-анархисты, видимъ въ государственной власти препятствіе для общественнаго прогресса, а въ войскѣ, полиціи и юстиціи — неизсякаемый источникъ порчи и развращенія всякаго народа. Хотя соціалисты стремятся къ соціализму подобно намъ, но поскольку они и его желаютъ опирать на насиліе государства въ будущемъ, и поскольку стремятся къ нему путемъ участія въ государственной власти въ настоящемъ, постольку они враждебны для насъ не меньше либераловъ.

Всѣмъ, до сихъ поръ сказаннымъ, самъ собою дается вполнѣ отрицательный отвѣтъ на вопросъ о возможности какого бы то ни было соглашенія между нами и какой либо изъ существующихъ политическихъ партій.

Соціалисты вступаютъ иногда въ соглашеніе съ либералами, вопреки полной противоположности ихъ конечной цѣли, потому что и тѣ и другіе одинаково смотрятъ на политическую власть, какъ на единственное средство воздѣйствія на общество. У нихъ *есть* общій врагъ: существующее оффиціальное правительство, желающее ихъ отстранить отъ власти. Отстраненіе отъ власти означаетъ для нихъ потерю всякаго вліянія на общественныя дѣла, и потому они готовы забыть на время свои разногласія, лишь бы завоевать для себя самую возможность общественной дѣятельности — посредствомъ власти. Для насъ же, коммунистовъ-анархистовъ, участіе въ государственной власти является *недопустимымъ*; наше поле дѣятельности — самъ народъ, рабочіе и крестьяне; для того, чтобы работать среди нихъ, у насъ нѣтъ нужды въ какихъ либо другихъ силахъ, кромѣ собственной преданности нашему идеалу. Вотъ почему мы ни съ какой изъ существующихъ партій, поскольку онѣ принимаютъ участіе въ государственно-политической борьбѣ, ни въ какое соглашеніе вступать не можемъ.

Другое дѣло, если какая либо изъ существующихъ партій, помимо легальной политической борьбы, вступаетъ на революціонный путь. Мы знаемъ, что такія отрадныя явленія имѣютъ иногда мѣсто. Многіе изъ с. д. и с. р. смотрятъ совершенно отрицательно на участіе въ парламентѣ и считаютъ единственно достойной соціалиста работой — организацію самихъ рабочихъ массъ для непосредственнаго завоеванія ими своихъ правъ на землю и орудія труда. Съ подобными революціонными актами мы не можемъ не считаться, хотя вдохновляющія ихъ авторовъ цѣли разнятся отъ нашихъ собственныхъ. Въ такихъ случаяхъ мы должны привѣтствовать революціонную агитацію другихъ партій, но при этомъ открыто и съ возможно большею энергіей выяснять отличіе нашего идеала отъ идеала этихъ партій.

Если заходитъ, напримѣръ, рѣчь о томъ, чтобы не давать рекрутовъ правительству, или не платить податей, мы должны подчеркивать, что мы стоимъ за то, чтобы народъ не давалъ правительству солдатъ, не только до тѣхъ поръ, пока оно не созоветъ новой Думы, но чтобы онъ *вообще* солдатъ не давалъ, *вообще* налоговъ не платилъ, ибо только въ такомъ случаѣ можно обезсилить ту кучку зловредныхъ паразитовъ, которая образуетъ правительство и съ помощью крови и труда самого же народа угнетаетъ народъ.

Въ заключеніе, еще нѣсколько словъ по поводу нашего отношенія къ представителямъ другихъ партій, какъ къ *лицамъ*. Всегда надо имѣть въ виду, что среди представителей всякой партіи есть лица искреннія, честныя, преисполненныя по отношенію къ народу не менѣе бла-

гими намѣреніями, чѣмъ мы. Такъ какъ *на глазъ* никто не можетъ отличить искренняго и честнаго к. д., с. д. или с. р. отъ неискренняго и нечестнаго, то лучше всего *всегда* предполагать, что вы имѣете дѣло съ противникомъ искреннимъ и честнымъ, и стараться воздѣйствовать на него, не путемъ унижающихъ человѣческое достоинство сомнительныхъ красотъ партійной ругани, а путемъ яснаго изложенія своей собственной программы и путемъ не менѣе яснаго указанія недостатковъ программы другихъ партій. Нельзя забывать, что если мы имѣемъ въ настоящее время въ Россіи довольно много анархистовъ-коммунистовъ, какъ среди интеллигенціи, такъ особенно среди рабочихъ, то огромное большинство этихъ нашихъ товарищей еще недавно были с. д., с. р., а иногда и к. д. Идеалъ анархическаго коммунизма, исключающій изъ общественнаго обихода всякое насильственное принужденіе и всякую эксплуатацію человѣка человѣкомъ, какъ и идеалъ чистаго соціализма вообще, настолько прекрасенъ, возвышенъ и выгоденъ, что ни одинъ порядочный человѣкъ не можетъ считать его нежелательнымъ. Если порядочные люди говорятъ противъ анархическаго коммунизма, то дѣлаютъ они это не принципіально, а лишь изъ соображенія „реальной политики", или практики. Всѣ существующія рядомъ съ нами партіи являются въ этомъ отношеніи минималистами и постепеновцами, считая при этомъ насъ утопическими максималистами и фантазерами, мечтающими въ нѣсколько дней водворить во всемъ мірѣ анархическій коммунизмъ. Мы должны поэтому особенно подробно развивать ту часть нашей программы, которая касается практики. Мы должны энергично открещиваться отъ обвиненія въ утопизмѣ и фантазерствѣ. Мы должны показать, что настоящими практиками и дѣйствительно реальными политиками являемся только мы, такъ какъ мы одни зовемъ народъ къ непосредственной творческой самодѣятельности въ той сферѣ, которая является единственно полезной.

Когда к. д. зоветъ народъ къ подачѣ голосовъ за реформы въ рамкахъ буржуазнаго строя; когда с. д. или с. р. зоветъ на борьбу за демократическую республику, долженствующую декретировать соціализмъ, — они дѣйствуютъ съ помощью такихъ силъ, какъ идея предательства и идея государственной регламентаціи, — силъ, которыя имѣютъ реальную опору въ произволѣ суда и въ грубомъ насиліи войска и полиціи, и потому всегда болѣе вредны, чѣмъ полезны. Опытъ повседневной жизни такихъ странъ какъ Франція, Англія, Россія, достаточно ясно говоритъ намъ, что всѣ формы правительства одинаково враждебны соціализму и одинаково борятся противъ голодающаго пролетаріата съ помощью тѣхъ самыхъ солдатъ, суда и полиціи, которые должны были бы защищать народъ. Вотъ отчего всякая партія, которая хочетъ добиться народнаго блага съ помощью правительственнаго насилія, похожа на человѣка, который хочетъ тушить пожаръ съ помощью керосина.

Бороться противъ современнаго политико-экономическаго строя можно *только борясь противъ его реальной опоры* — суда, полиціи и войска во всѣхъ ихъ центральныхъ и мѣстныхъ, декретированныхъ и выборныхъ формахъ. *Настоящимъ соціалистомъ можно быть только будучи анархистомъ.* Всякая борьба противъ капитала должна быть одновременно борьбой и противъ государства, т. е. противъ реальнаго его проявленія — суда, полиціи и войска.

Поскольку мы — анархисты, мы изъ рамокъ *этой* борьбы выходить не можемъ; поскольку мы жаждемъ *скорѣйшаго* осуществленія соціализма, мы не можемъ оставаться равнодушными къ судебно-полицейскимъ и военнымъ устоямъ всѣхъ современныхъ государствъ безъ различія ихъ формъ.

Правда эта борьба больше и безчеловѣчнѣе всего преслѣдуется всѣми правительствами; эта борьба требуетъ отъ насъ наивысшей энергіи и способности къ самопожертвованію; но отъ этого она не дѣлается ни фантастичной, ни утопической. Было время — не очень давно—, когда у насъ казнили, погребали въ тюрьмахъ и ссылали въ Сибирь сотни и тысячи людей за мысль о конституціи; лучшіе люди удивляли до сихъ поръ весь міръ своимъ героизмомъ и самопожертвованіемъ во имя ограниченной монархіи или демократической республики. Отсутствіе страха передъ преслѣдованіями правительства и героическая способность къ самопожертвованію всегда являлись отличительными чертами искреннихъ и честныхъ людей, независимо отъ цѣли ихъ борьбы.

Надо надѣяться, что духовный уровень анархистовъ-коммунистовъ въ этомъ отношеніи не ниже средняго уровня сторонниковъ другихъ партій. Если до сихъ поръ, вопреки преслѣдованіямъ правительствъ, находились способные къ самопожертвованію люди для борьбы за конституцію или за государственный соціализмъ, то находились и найдутся подобные же люди и для борьбы за безгосударственный соціализмъ, т. е. за анархическій коммунизмъ. И именно среди наиболѣе самоотверженныхъ с. д. или с. р. или даже к. д., разъ только они ближе познакомятся съ нашей программой, скорѣе всего могутъ найтись люди, которые и впредь, какъ это бывало до сихъ поръ, будутъ переходить въ нашъ лагерь. Намъ нельзя поэтому относиться отрицательно къ сторонникамъ другихъ партій какъ къ отдѣльнымъ лицамъ, но напротивъ, уважая ихъ какъ людей, стараться привлечь ихъ на свою сторону, оставаясь въ то же время вполнѣ непримиримыми по вопросу о соглашеніяхъ съ ними какъ съ партійными людьми.

Полная терпимость къ людямъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали; полная непримиримость по отношенію къ программамъ другихъ партій, независимо отъ степени ихъ расхожденія съ нашимъ основнымъ принципомъ — стремленіемъ къ безгосударственному соціализму путемъ борьбы съ судебно-полицейскими и военными устоями всѣхъ правительствъ, а также путемъ непосредственной организаціи рабочихъ массъ въ синдикатахъ и подготовки ихъ къ послѣдней — всеобщей стачкѣ и захвату всѣхъ накопленныхъ вѣками богатствъ въ общую собственность всего народа!

Таково должно быть наше отношеніе къ партіямъ, борющимся рядомъ съ нами противъ произвола правительства и противъ эксплуатаціи капитала. Борьба всѣхъ существующихъ, кромѣ насъ, партій только менѣе принципіальна, чѣмъ наша, и бьетъ мимо цѣли на практикѣ: вмѣсто того, чтобы стараться разъ навсегда упразднить государственную власть, она хочетъ ее облагородить, что равносильно желанію облагородить профессіональнаго палача. Но мы никогда не должны забывать ни про героизмъ многихъ изъ представителей другихъ партій, ни про жестокія преслѣдованія, которымъ подвергаетъ ихъ русское правительство. Помня это, мы не будемъ отказываться отъ извѣстнаго общественно-полезнаго дѣла (напримѣръ, отъ синдикализма) только потому, что его

уже дѣлаютъ другія партіи: какъ будто рѣшительно все что дѣлаютъ другія партіи, только плохо и скверно! Помня это, мы будемъ меньше заниматься партійной руганью съ другими партіями, чѣмъ интенсивной борьбой съ нашими врагами — государствомъ и капиталомъ.

И. Вѣтровъ.

ИЗЪ РОССІИ.

ОТГОЛОСКИ ИЗБИРАТЕЛЬНАГО ПЕРІОДА.

Выборы въ Думу теперь — центральный пунктъ русской жизни, въ общественномъ вниманіи заслоняющій собою все остальное. Что знаменуетъ собою этотъ интересъ къ избирательной борьбѣ, смѣнившій равнодушное, даже пренебрежительное отношеніе «лѣвой» части русскаго общества къ выборамъ въ первую Думу? Несомнѣнно — упадокъ революціоннаго духа, упадокъ вѣры въ свои собственныя силы. Какими мелкими казались, и въ глазахъ соціалистическаго, и въ глазахъ даже чисто-политическаго движенія, въ революціонные дни прошлаго года, всѣ избирательныя дѣла, всѣ эти двухстепенные и трехстепенные выборы, всѣ видоизмѣненія правительственныхъ проэктовъ! Что было все это сравнительно съ грандіознымъ рабочимъ движеніемъ которое грозило смести весь существующій, не только политическій, но и экономическій строй? Въ тѣ дни на крестьянскомъ съѣздѣ категорически говорилось: Землю возьмемъ сами, и даже раздавались голоса въ томъ смыслѣ, что идти въ Думу могутъ только измѣнники и враги народа. А на уличныхъ революціонныхъ демонстраціяхъ были прямо слышны возгласы: «Долой Государственную Думу!» Это было время увѣренности въ своихъ силахъ; захватный порядокъ — вотъ былъ единственный путь для завоеванія всего.

Разбирать причины неуспѣха ноябрьскихъ и декабрьскихъ событій здѣсь не мѣсто; но фактъ тотъ, что послѣ неудачи, послѣ страшныхъ правительственныхъ репрессій, не встрѣтившихъ достаточнаго отпора, настроеніе упало. Въ настоящую минуту, и массы, и революціонныя партіи не надѣются, повидимому, на свои силы и на свои средства, а изъ этого естественный и обычный выходъ — поручить веденіе своего дѣла другимъ, уполномоченнымъ. Это и легче, и доступнѣе: не нужно подъема энергіи, не нужно героическихъ усилій, не нужно революціонной борьбы.

Ни одна изъ нашихъ революціонныхъ партій до сихъ поръ не поняла, что никакое представительное собраніе не можетъ идти во главѣ революціи: въ лучшемъ случаѣ, оно будетъ только слѣдовать за движеніемъ въ народѣ, идти въ хвостѣ его; въ худшемъ же — обратится противъ самой революціи и станетъ помѣхой ей. Будетъ ли это Дума «полновластная», или ограниченная въ своихъ правахъ, будетъ ли она избираться на основаніи 4-хъ членной формулы или безконечно сложныхъ постановленій русскаго избирательнаго закона — все равно: другой роли она, по самой природѣ своей, играть не можетъ.

Рабочія организаціи въ настоящее время относятся къ выборамъ съ большимъ жаромъ. Съѣздъ цѣлаго ряда крупныхъ союзовъ рѣшаетъ не только отказаться отъ бойкота, но и упростить до крайности избирательную программу. «За правительство или противъ правительства» — вотъ единственная предлагаемая ими группировка партій. Съ другой стороны, «Рабочій союзъ» (московскій органъ рабочихъ организацій) заявляетъ, что пролетаріатъ отказывается отъ самостоятельной борьбы и «подаетъ руку буржуазной демократіи въ ея борьбѣ съ реакціей.» Полно или неполно отражаютъ эти заявленія настроеніе рабочихъ — вопросъ другой, но сами по себѣ они характерны. Итакъ, рабочіе союзы отказываются отъ самостоятельной борьбы, отказываются отъ своихъ пріемовъ дѣйствія. Не только своихъ цѣлей не вносятъ они въ идущее движеніе, но даже отъ средствъ своихъ, испытанныхъ средствъ, отказываются. Они забываютъ, что даже и требованія «буржуазной демократіи» получали частичное удовлетвореніе только подъ напоромъ рабочаго стачечнаго движенія, и что всеобщая стачка и въ будущемъ послужитъ единственной надежной защитой, единственнымъ орудіемъ борьбы, хотя бы противъ того же правительства.

Это — несомнѣнный шагъ назадъ нашего рабочаго движенія. Начавшись такъ блестяще, оно идетъ теперь на уступки, вступая на избитый путь парламентаризма. Неужели понадобится опытъ цѣлыхъ годовъ — опытъ, черезъ который прошли наши западно-европейскіе товарищи — чтобы оно снова вернулось на революціонный путь, съ такимъ вѣрнымъ чутьемъ угаданный въ началѣ?

Въ партіяхъ легализація продолжается. Передъ нами результаты двухъ соціалъдемократическихъ конференцій: конференціи организацій юзово-петровскаго бассейна и конференціи нѣсколькихъ крестьянскихъ организацій с. д. украинскаго союза (Черниг. губ.). Делегаты на первой конференціи, въ своихъ отчетахъ, жалуются, между прочимъ, на террористическое настроеніе рабочихъ, препятствующее соціалъдемократической работѣ. Заявленіе это само по себѣ уже интересно, какъ указывающее на обратную пропорціональность роста революціоннаго настроенія и успѣховъ соціалъдемократической пропаганды. Другое заявленіе еще характернѣе: въ результатѣ избирательной кампаніи с. д. партія надѣется легализироваться. Не говорили ли мы всегда, что легализація — необходимый спутникъ борьбы на парламентарной почвѣ?

На крестьянской конференціи соціалъдемократія выступаетъ спеціально противъ аграрнаго террора и ставитъ себѣ цѣлью искорененіе террористическаго духа въ крестьянствѣ. «Аграрный терроръ», говорится въ резолюціи, «... вызываетъ репрессіи, которыя разрушаютъ крестьянскія организаціи и расточаетъ наши силы, вмѣсто ихъ накопленія.» Опять оно, это безконечное накопленіе силъ, никогда не приводящее ни къ какому дѣйствію, потому что всегда силы оказываются накопленными въ недостаточномъ количествѣ! Десятилѣтіями накопляетъ силы нѣмецкая соціалъдемократія и все держитъ публику въ ожиданіе будущихъ великихъ дѣлъ, а пока не можетъ ни создать въ Германіи соціалистическаго рабочаго движенія, ни оказать дѣйствительное сопротивленіе политической реакціи. Накопляетъ силы и наша соціалъдемократія.

Избирательный періодъ только ускоряетъ выясненіе положенія и принциповъ разныхъ партій; мы будемъ слѣдить за нимъ именно ради обнаруженія его разлагающаго дѣйствія на революціонный духъ.

КАЗНИ.

За двѣ недѣли, съ 27 ноября по 11 декабря, казнено, по свѣденіямъ русскихъ газетъ 96 человѣкъ. Многихъ изъ нихъ фамиліи остались неизвѣстными, вотъ тѣ, которыя мы знаемъ:

Колодзеякъ, Войцеховскій, Понятовскій, Абель, Кабатъ, Засіонъ, Горбуновъ, Астанковичъ, Фрейбергъ, Тараканниковы (два брата), Козловы (два брата), Спроче, Озоль, Домбровскій, Зиде, Шважевичъ, Доценко, Шутовъ, Кузьменко, Китенко, Лошкаревъ, Каменскій, Штейнбергъ, Спрогисъ, Перигъ, Гессъ, Голычовскій, Москаль, Бембенъ (два брата), Лучковскій, Соколовъ, Курсевичъ, Березинъ, Воробьевъ, Фалькевичъ, Заржицкій, Болотовъ, Колонтаэзе, Вернеръ, Легадинъ, Крумингъ, Лусъ, Румянъ, Рейнингъ, Муценекъ, Бренгуль, Миллеръ, Зальцманъ, Іорданъ, Фейгинъ, Малѣевъ, Вейбрандтъ, Соколовскій, Киревичъ, Власовъ, Лейбейзеръ, Станкевичъ.

Всего, со времени введенія полевыхъ судовъ, это составляетъ 539 человѣкъ.

И это продолжается... Теперь гекатомбы революціонеровъ даже мало привлекаютъ вниманіе публики: она привыкла, очевидно, и къ этому, и спокойно готовится къ выборамъ. Для правительства это, конечно, очень удобно, отвлечь избирательной игрой оппозиціонную массу, а съ революціонерами, дѣйствующими съ оружіемъ въ рукахъ, расправляться, пока что, полевыми судами...

НАРЫМСКІЙ КРАЙ.

Въ одномъ изъ своихъ правительственныхъ сообщеній министерство Столыпина заявило, что «хотя общественное мнѣніе и упрекаетъ его въ ссылкѣ революціонеровъ на вѣрную смерть въ Нарымскій край» и что, хотя оно не можетъ отрицать тяжелыхъ условій жизни въ этомъ краѣ, но правительство не располагаетъ другими мѣстами для ссылки и, кромѣ того, туда не высылаются «невинные» люди, а, преимущественно, анархисты и участники вооруженнаго возстанія.

За послѣдніе мѣсяцы изъ нашихъ товарищей находились въ ссылкѣ въ с. Калташевѣ слѣдующіе:

По дѣлу одесской группы ан.-ком.: студентъ кіевскаго университета Германъ Сандомирскій, рабочій Кириллъ Шараповъ, И. Думеръ, М. Гершенфельдъ, М. Злочевскій, С. Богуславскій, Б. Колесниковъ — первые трое на 3 года, остальные на 4 года.

По дѣлу нѣжинской группы: Григорій Безручко, Левъ Медвѣдевъ, Федоръ Нечаевскій, Абрамъ Сорокинъ — всѣ на 3 года.

По дѣлу ковенской группы: Гликъ и Магидей — на 4 года.

По дѣлу бѣлостокской группы: Бруммеръ и Буритейнъ — на 3 года.

По дѣлу николаевской группы: Григорій Гольдштейнъ — на время военнаго положенія.

Изъ нихъ бѣжали: удачно — студентъ Г. Сандомирскій и гимназистъ А. Сорокинъ, неудачно — Кириллъ Шараповъ (вновь арестованъ въ Одессѣ и возвращенъ обратно), М. Злочевскій и С. Богуславскій — переведены въ Якутскую область.

На дняхъ мы получили письмо отъ нашихъ нарымскихъ товарищей, свидѣтельствующее объ ихъ крайне-плачевномъ положеніи. Они не могутъ разситывать на помощь другихъ партій. Предоставленные себѣ самимъ, они занялись рубкой и пилкой дровъ, какъ легко работать южанамъ въ лѣсу при 35 и градусномъ морозѣ, объ этомъ можетъ судить всякій. Необходима немедленная помощь для того, чтобы не дать нашимъ товарищамъ погибнуть въ этомъ «забытомъ богомъ и людьми» краѣ. Пожертвованія, какъ можно скорѣе, необходимо адресовать въ редакцію Листковъ «Хлѣбъ и Воля».

ГОЛОСА ИЗЪ ТЮРЬМЫ.

Мы получили отчетъ «Московскаго Комитета Межпартійнаго Краснаго Креста», съ 18 октября по 18 ноября 1906 г. Нужда страшная. На одинъ пересыльныя московскія тюрьмы, изъ которыхъ людей разсылаютъ во всѣ сѣверныя губерніи, буквально безъ одежды и безъ сапогъ, и на каторжанъ ушло въ теченіе мѣсяца около 3000 руб. Съ посылками денегъ голодающимъ ссыльнымъ въ Нарымъ, Туруханскъ, Акатуй и Архангельскъ, и съ самою микроскопическою помощью ссыльнымъ, ушло въ одинъ мѣсяцъ 4632 рубля съ копейками, такъ что наличныхъ осталось всего 289 рублей.

Мы получили также воззваніе, которымъ одна группа заключенныхъ обмѣнивалась съ другими, и воспроизводимъ его почти цѣликомъ, чтобы показать, до чего доходитъ нужда въ тюрьмахъ и ссылкѣ. Вотъ оно:

„Дорогіе товарищи, Всѣ мы, политическіе, въ общемъ стремились къ проведенію въ жизнь однихъ принциповъ: всѣ мы боремся противъ существующаго строя — главной причины нищеты, гнета, произвола, царящихъ надъ нашимъ бѣднымъ народомъ. Всѣмъ намъ ненавистна и невыносима та узкая рамка жизни, тотъ чудовищный прессъ, который надавливаетъ и приготовляетъ нужныхъ ему людей. Мы — братья, спаянные одною мыслью, однимъ идеаломъ. Но среди насъ есть товарищи, только что понявшіе хитрую механику государства, только что ставшіе на дорогу къ правдѣ, къ братству. Они впервые вступили въ бой, и теперь попали въ самое ужасное положеніе. Нѣкоторые изъ сидящихъ здѣсь аграрниковъ ссылаются въ Архангельскую, Олонецкую губерніи, безъ смѣны бѣлья, безъ сапогъ, чуть ли не босикомъ — въ рваныхъ, едва прикрывающихъ тѣло пиджачишкахъ. Многіе идутъ безъ чаю, сахару, табаку такъ необходимыхъ въ пути...

Товарищи, пожалѣйте этихъ сильныхъ духомъ людей, этихъ страдальцевъ за народное право! Не откажите въ посильной помощи этимъ бѣднымъ нашимъ братьямъ! Многіе изъ нихъ не снимаютъ бѣлья (за неимѣніемъ) по 3 — 4 мѣсяца“... и т. д.

И присылающіе это воззваніе заключенные прибавляютъ отъ себя:

„Такими воззваніями обмѣнивается одна пересыльная камера съ другою. Добавляю, что всѣ пересыльные въ такомъ положеніи. Мы отдали все, чѣмъ можно было подѣлиться. Далѣе помощь съ нашей стороны невозможна. А «граждане» вольные въ теплѣ и холѣ?“

Нужда, въ пересыльныхъ тюрьмахъ — отчаянная. А въ Архангельской губерніи, въ Нарымскомъ Округѣ и на дальнемъ Сѣверѣ Восточной Сибири, ссыльные буквально, безъ преувеличенія пухнутъ и мрутъ съ голода.

ПИСЬМО ТОВАРИЩА ИЗЪ РОССІИ.

Анархическая мысль и анархическое дѣйствіе все болѣе и болѣе завоевываетъ почву въ рабочихъ массахъ Россіи. Въ послѣднемъ году анархическое движеніе въ Россіи приняло такіе внушительные размѣры, въ особенности на югѣ и на окраинахъ, что дальнѣйшее замалчиваніе его на страницахъ либеральной и соціальдемократической печати стало невозможнымъ. Все чаще и чаще о немъ стали упоминать, и теперь ужъ нерѣдко можно наткнуться въ какомъ нибудь журналѣ или газетѣ даже на спеціальныя статьи, посвященныя не только критикѣ анархической теоріи, но и оцѣнкѣ практики русскихъ анархистовъ.

Какъ можно было предполагать заранѣе, либеральные журналисты всѣхъ оттѣнковъ, а также и соціальдемократы, констатируя ростъ анархическаго движенія въ массахъ, выражаютъ надежду, что оно прекратится съ водвореніемъ въ Россіи столь милаго ихъ сердцу правоваго порядка (безъ ковычекъ). Но, высказывая надежду на прекращеніе анархистскаго террора и экспропріацій (которыя по ихъ мнѣнію являются характерной чертой анархистской тактики), нѣкоторые изъ демократическихъ журналистовъ выражаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ опасеніе, какъ бы анархистское движеніе не возродилось затѣмъ въ видѣ революціоннаго синдикализма. Даже соціальдемократы практики также не скрываютъ въ послѣднее время своей тревоги по поводу симптомовъ, знаменующихъ собою вступленіе въ близкомъ будущемъ профессіональнаго рабочаго движенія въ Россіи на путь революціоннаго синдикализма. Эти симптомы тѣмъ болѣе опасны для соціальдемократической партіи, что въ настоящее время внутри соціальдемократическихъ организацій господствуетъ полнѣйшій разладъ. Рабочіе въ большей степени, чѣмъ когда либо раньше, выражаютъ свое неудовольствіе руководящей интеллигенціей, все чаще проявляются антицентралистическія стремленія. То же самое, если еще не въ большей степени, у соціалистовъ-революціонеровъ.

Неудавшаяся всеобщая политическая забастовка, провозглашенная послѣ кронштадтскихъ и свеаборгскихъ событій центральнымъ комитетомъ соціальдемократической партіи, окончательно подорвала авторитетъ партіи въ рабочихъ массахъ. Появившаяся въ большомъ количествѣ на русскомъ книжномъ рынкѣ анархистская литература, участившееся за послѣднее время личное общеніе съ западными странами, работа анархистскихъ группъ, — все это раскрываетъ глаза россійскому пролетаріату; передовые слои его, черпавшіе свѣдѣніе о рабочемъ движеніи на западѣ изъ «Искры» и тому подобныхъ источниковъ, знаютъ уже въ настоящее время о тѣхъ формахъ пролетарскаго движенія на Западѣ, которыя соціальдемократическіе руководители долгое время тщательно обходили молчаніемъ. Такимъ же путемъ появилось въ кругахъ сознательныхъ рабочихъ болѣе вѣрное представленіе о пресловутой германской соціальдемократической партіи. Авторитетъ послѣдней въ средѣ рабочихъ и соціалистической интеллигенціи все болѣе падаетъ, ореолъ, которымъ окружали ее въ теченіе двадцати пяти лѣтъ русскіе соціальдемократы, начиная съ группы «Освобожденія Труда», разсѣялся. Въ этомъ отношеніи выдающуюся роль сыграли мангеймскій партейтагъ. Казуистическое отношеніе къ вопросу о всеобщей стачкѣ, ясно обнаружившійся перевѣсъ бернштейніанскихъ тенденцій, признаніе своего безсилія передъ внутренней реакціей — все это не могло, конечно, не повліять на сознательные соціалистическіе элементы въ Россіи и вызвало во многихъ рабочихъ и интеллигентахъ стремленіе къ «переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей».

Особенно поразила эти круги та часть бебелевской рѣчи, гдѣ маститый вождь нѣмецкой и «интернаціональной» соціальдемократіи, говорилъ о тактикѣ партіи, въ случаѣ попытки со стороны Вильгельма II прійти на помощь русскому правительству для подавленія революціи.

Больше всего, конечно, распространенію анархическихъ идей способствуетъ сама русская жизнь; она является лучшимъ агитаторомъ въ этомъ отношеніи, но объ этомъ нужно будетъ поговорить особо.

Распространеніе анархизма вызвало появленіе на книжномъ рынкѣ переводовъ брошюръ соціальдемократическихъ Anarchisten-Fresser онъ: Энгельса, Плеханова, Бебеля. На еврейскомъ языкѣ (иждивеніемъ Бунда) изданы брошюры Кунова (переведенная съ рукописи) и Каценштейна. Для характеристики полемемическихъ пріемовъ послѣдняго достаточно указать на слѣдующую его выходку, — въ этой брошюрѣ авторъ называетъ Августа Рейнедорфа, кончившаго свою полную борьбы жизнь на висѣлицѣ, Kindenschander — растлителемъ дѣтей. Въ этомъ случаѣ онъ не стѣсняется повторить гнусную клевету, пущенную въ ходъ полиціей. Немного лучше въ полемическомъ отношеніи брошюра соц.-революціонера, Подолянина.

Какъ я уже говорилъ, знакомство съ западно-европейскимъ рабочимъ движеніемъ и съ жизнью соціалистическихъ партій Запада имѣетъ огромное значеніе для трудовыхъ массъ Россіи. И мы никоимъ образомъ не должны примириться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что и теперь всѣ новыя явленія въ социальной жизни Запада доходятъ до русскихъ рабочихъ исключительно почти сквозь призму демократическхъ газетъ. Въ нашей періодической печати необходимо поэтому удѣлить самое широкое вниманіе рабочему движенію Западной Европы и Америки, освѣщать его съ анархической точки зрѣнія. Безъ этого даже наши агитаторы должны будутъ черпать свѣдѣнія о всѣхъ важныхъ событіяхъ пролетарской жизни Запада изъ буржуазныхъ и соціальдемократическихъ источниковъ. Какія свѣдѣнія имѣетъ напр. сознательный анархистъ, работавшій въ Россіи, я не говорю уже о массовомъ рабочемъ, о майскомъ движеніи во Франціи? Единственнымъ источникомъ, откуда онъ можетъ почерпнуть свѣдѣнія объ этомъ движеніи является соц. демократическое «Звено»!

Нельзя также оставлять безъ возраженій, тѣ статьи въ журналахъ и газетахъ, о характерѣ которыхъ я упоминалъ выше. Особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи въ которыхъ авторы выставляютъ принципіальныя возраженія. Честная полемика нужна, и особенно къ ней привыкъ русскій читатель. Правда, мы, благодаря нелегальному положенію нашей печати, очутимся при этомъ въ весьма невыгодномъ положеніи, но разъ наши противники все равно съ этимъ не считаются, намъ приходится возражать, хотя бы только для тѣхъ рабочихъ и интеллигентовъ, которые читаютъ нелегальныя изданія.

Р.

АНАРХИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

«БУНТАРЬ» № 1, декабрь 1906 годъ. Органъ русскихъ анархистовъ коммунистовъ. Стр. 36.

Съ чувствомъ глубокаго моральнаго удовлетворенія прочли мы первый номеръ «Бунтаря».

Что идеи анархическаго коммунизма найдутъ въ Россіи самую благопріятную почву — это мы знали и раньше, въ этомъ мы убѣдились и изъ собственнаго опыта. Что кружковыя увлеченія нѣкоторыхъ товарищей должны будутъ сгладиться при столкновеніи съ дѣйствительной жизнью — мы предвидѣли. Тѣмъ отраднѣе было въ настоящемъ номерѣ найти лишнее подтвержденіе того, что не напрасна и не безплодна была четырехлѣтняя работа анархистовъ въ Россіи, что анархизмъ пустилъ глубокіе корни, что созиданіе анархической партіи въ Россіи (въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово) встало на прочную дорогу, что такъ называемое «хлѣбовольческое» направленіе встрѣчаетъ признаніе товарищей.

Этимъ номеромъ какъ бы подводятся итоги анархической работы со времени возникновенія, послѣ тридцатилѣтняго перерыва пропаганды анархизма въ Россіи.

Богатый фактическій матеріалъ, въ видѣ корреспонденцій изъ различныхъ угловъ нашей родины (хотя, конечно, далеко не полный) показываетъ тѣ ошибки и тѣ исканія, показываетъ тотъ путь и то направленіе, въ которомъ работала мысль многочисленныхъ анархическихъ группъ. — Передъ нашими глазами проходитъ цѣлый рядъ нашихъ героевъ товарищей, преданныхъ до самопожертвованія идеалу анархическаго коммунизма, и самые размѣры, которые приняло наше движеніе, говорятъ, какъ о сотняхъ менѣе замѣтныхъ, но не менѣе самоотверженныхъ товарищей, вынесшихъ на своихъ плечахъ всю тяжесть созидательной работы при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Цѣлый рядъ талантливо написанныхъ статей вдумчиво и серьезно разбирается въ выдвинутыхъ жизнью вопросахъ движенія и освѣщаетъ пройденный путь. Безъ фразъ, съ полной искренностью анализируются въ этихъ статьяхъ результаты опыта и намѣчаются рѣшенія какъ ближайшихъ практическихъ задачъ, такъ и общихъ теоретическихъ вопросовъ анархизма, сила котораго въ томъ и заключается, что не замыкаясь въ рамки догмы, онъ постоянно готовъ считаться со всякой серьезной критикой и со всякими новыми сознаніями жизни.

Не со всѣми выводами и не со всѣми положеніями нашихъ товарищей изъ «Бунтаря» мы все же еще безусловно согласны. Жизнь и работа въ движеніи покажетъ, чьи взгляды вѣрнѣе, какъ она показала уже это относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, такъ страстно обсуждавшихся въ недавнемъ прошломъ. — Тѣмъ съ большей радостью привѣтствуемъ мы попытку изданія органа въ самой Россіи и желаемъ отъ всей души, чтобы эта попытка удалась до конца для слѣдующаго номера. (Первый номеръ, матеріалъ для котораго собранъ и составленъ въ Россіи, пришлось, вслѣдствіе провала типографіи, издать за границей). — Тамъ, на мѣстѣ, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, легче разобраться и учесть всю массу различныхъ обстоятельствъ.

На 36 страницахъ по 2 столбца мелкаго шрифта «Бунтарь» даетъ слѣдующій матеріалъ: 1. Современный моментъ въ Россіи, 2. Вопросы классовой борьбы, 3. О демократическомъ созиданіи и анархическомъ разрушеніи, 4. О коллективизмѣ и государственности, 5. Открытое письмо «молодымъ» с.-рамъ 6. Замѣтки, 7. «Недочеты» движенія, 8. О «частичныхъ экспропріаціяхъ», 9. Стихотвореніе: Къ казни Тарле, 10. Рѣчь на судѣ П. Непомнящаго, 11. Некрологъ Стриги, 12. Некрологъ Бенъямина Бахрахъ (Нотка), 13. Некрологъ Андрона Нижборскаго, большой очеркъ анархическаго движенія въ Одессѣ и цѣлый рядъ корреспонденцій русскихъ группъ.

Въ первой статьѣ авторъ указываетъ на происходящую теперь организацію партій и, отмѣчая общность стремленій буржуазныхъ и государственно соціалистическихъ партій — буржуазная революція — и солидарность **ихъ** по вопросамъ объ экспропріаціи земли и орудій труда, милитаризма и отношенія къ босякамъ и безработнымъ, выдвигаетъ лозунги, которые должны быть даны анархистами, въ противовѣсъ лозунгамъ этихъ партій.

„... Въ деревнѣ, говоритъ авторъ, мы должны выдвинуть рѣзко и ясно: экспропріація земли и орудій труда. Этимъ мы на мѣсто нелѣпыхъ, запутанныхъ и противорѣчивыхъ фразъ: «соціализація», «націонализація», выдвигаемъ то, что можетъ оторвать крестьянъ отъ демократіи и превратить крестьянское движеніе въ чистую борьбу имущихъ и не имущихъ".

„... Въ противовѣсъ противорѣчивой позиціи с.-д. въ вопросѣ о милитаризмѣ... мы должны звать къ отказу отъ воинской повинности, должны призывать къ военнымъ бунтамъ и активной поддержкѣ народа въ его борьбѣ съ современнымъ строемъ, ибо только съ паденіемъ этого строя прекратятся войны. Мы должны связать нашу дѣятельность въ арміи съ классовымъ антимилитаристскимъ движеніемъ, „... развить и углубить духъ бунтарства и разрушенія — вотъ наша цѣль... Борьба **противъ** всѣхъ законовъ **незаконными** средствами — это наша доктрина.

Для усиленія противодѣйствія доктринѣ законности „намъ только надо позаботиться о своевременномъ развитіи глубокихъ **революціонныхъ** традицій рабочаго класса, а это возможно лишь тогда, когда **экономическій** терроръ участится, когда онъ сдѣлается **обычнымъ правомъ** революціонныхъ массъ".

„... Нашъ лозунгъ среди безработныхъ [и босяковъ] будетъ: организуйтесь и вооружайтесь! Нападайте на магазины и организованно берите предметы первой необходимости! **Такъ** пусть прозвучитъ ваше требованіе **хлѣба**. Не откажитесь отъ работы, если сама буржуазія ее предложитъ... но пусть это будетъ ея задача. Безработные, вооруженные силой, превратятъ вопросъ своего голода въ вопросъ жизни и покоя буржуазіи!"

Наконецъ, еще одинъ призывъ: «временныя революціонныя коммуны!» Временная революціонная коммуна является попыткой на **дѣлѣ** показать рабочему, какъ ему взяться за организацію новаго міра; является дѣйствительнымъ при-

зывомъ къ захвату орудій производства, вмѣсто слова «соціальная революція» пролетарій видитъ дѣло.

Вторая статья, «Вопросы классовой борьбы», представляетъ изъ себя попытку, намѣтить, затронуть нѣкоторые вопросы классовой борьбы». И авторъ довольно удачно справляется со своей задачей.

Въ противоположность принципамъ классового дѣленія соціальдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, авторъ устанавливаетъ „два принципа для дѣленія общества на классы: одинъ болѣе общій“, дающій отвѣтъ на вопросъ: гдѣ „пауки“ и гдѣ „мухи“, гдѣ жертва и гдѣ «поглотитель» ея“. Второй — к т о именно изъ жертвъ, и к а к ъ, способенъ бороться противъ „паукомъ“.

„Для отвѣта на первый вопросъ, — гдѣ эксплуататоры и гдѣ эксплуатируемые — мы выдвигаемъ иной принципъ [чѣмъ с.-д. и с.-р.]: принципъ возможности удовлетворенія потребностей.“

Но это дѣленіе недостаточно. Анархизмъ прежде всего — партія борьбы, «ему необходимы силы, на которыя онъ могъ бы опереться въ своей разрушительной работѣ». Первое дѣленіе указываетъ г д ѣ ему искать опору. „Итакъ, сперва, руководствуясь принципомъ «возможности удовлетворенія потребностей», мы расчленяемъ в с е современное о б щ е с т в о на неимущихъ и буржуазію. Затѣмъ, внимательно изслѣдовавъ сложный и численно огромный классъ неимущихъ, мы выдѣляемъ, въ зависимости отъ соціальной психологіи, а потому и той или иной степени революціонности, тѣ группы и слои неимущихъ, которые въ будущемъ явятся могильщиками полнаго лѣни и грязи буржуазнаго государства“.

Затѣмъ указывается пониманіе анархистами «классовой борьбы». Это — не «отвлеченное, само по себѣ святое и священное начало; это и не злостный вымыселъ соціалистовъ и анархистовъ. Нѣтъ, сама жизнь... эта жизнь и дѣйствительность властно требуетъ и зоветъ неимущихъ къ классовой борьбѣ.» Вскрывается противорѣчіе между этой вынужденной самой жизнью классовой борьбой и призывами къ борьбѣ за демократію, за буржуазный прогрессъ. „Классовая борьба должна вестись такъ, чтобы каждый шагъ ея, каждое выступленіе и дѣйствіе укрѣпляло, организовывало и развивало революціонную способность массъ, доводило боевую готовность ихъ до высшаго предѣла, создавало изъ класса неимущихъ грозную боевую армію, способную вступить въ окончательную, рѣшительную схватку съ буржуазіей; словомъ первое требованіе, предъявляемое классовой борьбѣ — р е в о л ю ц і о н н о с п л а ч и в а т ь и о р г а н и з о в ы в а т ь с и л ы с в о е г о к л а с с а. Далѣе, классовая борьба должна дезорганизовать, ослаблять, вносить наивозможно большее разстройства и безпорядка въ ряды врага.“

„... Всегда отмежевываться, никогда не объединяться, постоянная организація неимущихъ, непрекращающаяся дезорганизація буржуазіи — вотъ лозунги классовой борьбы“.

Во второй части этой статьи дѣлается разборъ обоснованій и пониманія классовой борьбы группой «рабочаго заговора» [махаевцы] и группы «безначалія». Въ противоположность этимъ двумъ стремленіямъ, — ограничить борьбу, съ одной стороны, борьбой за повседневныя конкретныя требованія экономическаго характера, а съ другой — исключительно за отвлеченныя цѣли, выводится синтезъ [объединеніе] того и другого въ предѣлахъ требованій самой жизни, и подчеркивается форма и методъ требованій конкретныхъ и частичныхъ — насильственное нападеніе, массовое и индивидуальное нападеніе во время стачекъ.

«Внести въ народныя массы сознаніе н е о б х о д и м о с т и насилія, желанія провести возможно чаще и сильнѣе эту н е о б х о д и м о с т ь въ жизнь — такова наша центральная задача», пишетъ авторъ.

«Желая воплотить насиліе массъ противъ буржуазіи въ дѣйствительность, мы неизбѣжно приходимъ к ъ необходимости признанія частичныхъ конкретныхъ требованій. Только борясь за выставленныя массами конкретныя требованія мы можемъ разсчитывать, что борьба не будетъ носить характера борьбы отдѣльныхъ лицъ и десятковъ противъ строя т о л ь к о в в е д я в ъ н а ш у п р о г р а м м у б о р ь б у з а к о н к р е т н ы я т р е б о в а н і я [курсивъ мой] мы можемъ разсчитывать на широкое участіе въ борьбѣ народныхъ массъ.»

Отмѣченныя мною курсивомъ слова, какъ впрочемъ и вся послѣдняя цитата, могутъ подать поводъ къ недоразумѣнію, будто анархисты признаютъ программу минимумъ. И ошибка автора въ томъ, что необходимость для насъ, какъ анархистовъ, дѣйствующихъ въ рабочихъ массахъ, въ моменты борьбы н е а н а р х и ч е с к и х ъ массъ за н е а н а р х и ч е с к і я требованія, необходимость с ч и т а т ь с я съ этими требованіями, стремясь въ тоже время выдвинуть свои специально анархическія цѣли, онъ превращаетъ въ необходимость введенія этихъ конкретныхъ требованій въ п р о г р а м м у, чего очевидно сдѣлать нельзя безъ ущерба для послѣдовательности анархической мысли.

Къ сожалѣнію за недостаткомъ мѣста мы не можемъ заняться такимъ же подробнымъ изложеніемъ и разборомъ всѣхъ другихъ статей, содержащихъ много мыслей, насколько вѣрныхъ, настолько же хорошо разработанныхъ, и остановимся подольше лишь на статьяхъ: «Недочеты движенія» и «О частичной экспропріаціи».

Давши въ статьѣ «Недочеты движенія,» бѣглый обзоръ условій дѣятельности анархическихъ группъ въ Россіи и зарожденія двухъ направленій — «безмотивниковъ» и «коммунаровъ» и проанализировавъ причины ихъ быстрой гибели, авторъ говоритъ: « ... Есть одинъ, только одинъ путь нормальнаго, здороваго развитія анархизма — путь массоваго движенія. И передъ нами встаетъ огромная по своей сложности и трудности задача — создать такое широкое массовое анархическое движеніе, связаться съ нимъ. Только создавъ массовое анархическое движеніе, только въ тѣсномъ единеніи съ массой, анархизмъ почерпнетъ новыя, могучія силы для дальнѣйшаго развитія и борьбы».

Не имѣя возможности подробно изложить эту чрезвычайно жизненную, интересную и вѣрную статью, мы желали бы дать изъ нея еще нѣсколько выдержекъ, но надѣемся, что товарищи издадутъ ее брошюрой.

Мы должны ограничиться этими, и безъ того длинными выписками. Прибавимъ только, что «Бунтарь» энергически высказывается за межгрупповой конгрессъ, но непремѣнно — подготовленный впередъ, съ разработанными докладами по жгучимъ вопросамъ, а не созванный наскоро, какъ нибудь.

Намъ хотѣлось бы также поговорить о статьяхъ и особенно корреспонденціяхъ по вопросу объ экспропріаціи, въ высшей степени интересныхъ, но это — до другого раза.

Привѣтствуемъ отъ всей души начатое товарищами дѣло и высказываемъ искреннее пожеланіе полнаго успѣха.

В. З.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ФРАНЦІЯ.

Н о в ы й п р і е м ъ с т а ч е ч н о й б о р ь б ы. Въ послѣднее время къ обычнымъ пріемамъ борьбы во время стачекъ — сборамъ пожертвованій, устройствомъ столовыхъ — присоединился новый какъ изъ города, готовящагося къ осадѣ удаляютъ дѣтей, женщинъ и стариковъ, такъ съ мѣста стачки удаляютъ дѣтей бастующихъ рабочихъ, чтобы они не терпѣли лишеній и не вносили лишняго горя въ семьи. Въ первый разъ это средство было испробовано въ Вервье, въ Бельгіи, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и удалось блестяще. Въ настоящую минуту то же самое происходитъ во Франціи, въ брестскомъ городкѣ Фужеръ. Рабочіе (сапожники) предъявили тамъ извѣстныя требованія; хозяева отвѣтили локаутомъ, закрытіемъ мастерскихъ, и вотъ уже два мѣсяца тянется это положеніе. Биржа труда города Ренъ крупнаго центра Бретани, предложила неполнымъ стачечникамъ помѣстить въ семьяхъ рабочихъ на все время стачки нѣсколько сотъ человѣкъ дѣтей. Помѣстить ихъ оказалось въ высшей степени легко: Въ два дня поступило предложеніе отъ 200 ренскихъ рабочихъ семей. Въ пріютѣ нуждалось всего 300 дѣтей. Удовлетворить всѣхъ оказалось невозможно, и сколько было недовольства, сколько жалобъ на несправедливость, на произволъ организаторовъ, со стороны тѣхъ, кому не досталось ни одного маленькаго фужерца! Путешествіе маленькихъ переселенцевъ изъ Фужеръ въ Ренъ было настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ: въ Ренѣ у вокзала ихъ ждала толпа въ 30000 человѣкъ; дѣтей буквально расхватывали: по дорогѣ отъ вокзала до Биржи Труда, несмотря на всѣ старанія организаторовъ, многіе были прямо у к р а д е н ы рабочими, которымъ не удалось получить

«права» на ребенка. Само собою разумѣется, что дѣти эти не затерялись въ нѣсколько дней все уладилось, въ Биржу Труда были сообщены адреса счастливыхъ семей, пріютившихъ маленькихъ гостей, а сами маленькіе гости замѣнили въ новой обстановкѣ, окруженные любовью и заботами всѣхъ. Сейчасъ же опредѣлили ихъ въ мѣстныя городскія школы, гдѣ ихъ ждалъ тотъ же радушный пріемъ со стороны маленькихъ товарищей — дѣтей рейнскихъ рабочихъ. Теперь маленькіе фужерцы возвращаются изъ школы домой съ карманами, полными всякихъ дѣтскихъ драгоцѣнностей: конфетъ, свинцовыхъ шариковъ и т. д. За солидарностью взрослыхъ послѣдовала солидарность дѣтей.

Вслѣдъ за Реннъ, предложили свои услуги Биржи Труда другихъ крупныхъ городовъ — Лаваля, Нанта, Шербурга, затѣмъ Союзъ Синдикатовъ департамента Сены. Но отправлять дѣтей далеко, напримѣръ въ Парижъ, было бы слишкомъ дорого, да пока и нѣтъ больше надобности. Если же понадобится новое выселеніе, то, несомнѣнно, рабочіе всѣхъ городовъ съ радостью опять примутъ дѣтей стачечниковъ.

А тамъ, на мѣстѣ борьбы между тѣмъ у родителей руки развязаны: не такъ тяжело чувствовать лишеніе, отчаяніе не охватитъ матерей, а какъ сильно вліяніе женщинъ въ стачкахъ — всѣмъ извѣстно. Да и, помимо женщинъ, какой взрослый человѣкъ можетъ выносить зрѣлище дѣтскихъ страданій? Теперь, среди стачечниковъ совсѣмъ иное настроеніе: является бодрость, не падаетъ готовность продолжать борьбу, а сознаніе, что въ этой борьбѣ они не изолированы, что ихъ поддерживаютъ дѣломъ, а не только платоническимъ сочувствіемъ рабочіе другихъ мѣстъ, вдохновляетъ ихъ новой энергіей. Затѣмъ новая тактика имѣетъ еще то преимущество, что революціонное броженіе изъ породившей его мѣстности распространяется повсюду: въ семьяхъ, принявшихъ къ себѣ дѣтей, живо чувствуется борьба, переживаются всѣ эпизоды, настроеніе, надежды стачечниковъ — все это находитъ живой откликъ въ сердцахъ товарищей — рабочихъ другихъ городовъ, ихъ борьба становится общей борьбой. И какъ проявленіе высокой степени рабочей солидарности, и какъ развитія этой солидарности, этотъ новый пріемъ борьбы несомнѣнно имѣетъ будущее.

ГЕРМАНІЯ.

Когда, позавидовавъ, вѣроятно, разгону первой русской Думы, Вильгельмъ II распустилъ Рейхстагъ, всѣмъ невольно вспомнились дебаты и рѣшенія послѣднихъ соціалъдемократическихъ конгрессовъ: какъ извѣстно политическая „массовая" стачка была тамъ признана орудіемъ, которое соціалъдемократія готова пустить въ ходъ въ случаѣ какого нибудь посягательства на народное представительство со стороны императора. Конечно, это не много, и низведеніе всеобщей стачки на уровень политической манифестаціи намъ далеко не нравится, но во всякомъ случаѣ, это было заявленіе, нѣсколько, хотя и слабо, окрашенное въ революціонный цвѣтъ. И вотъ, Рейхстагъ распущенъ, а о какомъ бы то ни было протестѣ посредствомъ стачки нѣтъ и помину.

„Рейхстагъ распущенъ! Впередъ на новую избирательную борьбу!" — вотъ все, что нашла сказать соціалъдемократія въ своемъ органѣ, и тотчасъ же поспѣшила выпустить свою избирательную программу, приспособленную къ моменту.

Программа эта носитъ чисто отрицательный характеръ: партія высказывается противъ усиленія флота и дорого стоющей колоніальной политики, противъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ и вздорожанія хлѣба и мяса, противъ новаго проэкта исправительныхъ домовъ, противъ проэкта закона, стѣсняющаго и раззоряющаго рабочіе союзы. Въ положительной части программы въ самой общей формѣ говорится объ освобожденіи рабочаго класса и водвореніи политическаго и экономическаго равенства; это — заключительная фраза программы, предназначенная очевидно для того, чтобы можно было догадаться, что программа исходитъ отъ соціалистической партіи. Въ общемъ — программа самая невинная, которая, несомнѣнно ни одного изъ трехъ милліоновъ избирателей не отпугнетъ.

Наши товарищи знаютъ, какую интересную фигуру въ нѣмецкомъ движеніи представляетъ собою Фридбергъ (авторъ изданной и на русскомъ языкѣ брошюры «Парламентаризмъ и всеобщая стачка».) Фридбергъ еще недавно оффиціально состоялъ членомъ соціалъдемократической партіи, хотя и былъ настолько крайнимъ и послѣдовательнымъ революціонеромъ, что по существу, его давно уже можно было причислить къ анархистамъ. Если въ настоящее время въ Германіи видно нѣкоторое пробужденіе революціоннаго духа среди рабочихъ [особенно берлинскихъ], и намѣчается движеніе аналогичное французскому революціонному синдикализму, что этимъ мы обязаны, главнымъ образомъ пропагандѣ Фридберга. Анархистъ по существу, уже давно, онъ теперь заявляетъ себя анархистомъ открыто и категорически. Въ своихъ послѣднихъ рѣчахъ и въ статьяхъ въ Vorwaerts онъ говоритъ, что становится на почву анархическаго соціализма, отрицаетъ стачку политическую и проникнутую парламентарнымъ духомъ, и отстаиваетъ, наоборотъ, такую всеобщую стачку, которая ставитъ себѣ цѣлью уничтоженіе капиталистическаго строя.

Эволюція Фридберга въ нашемъ направленіи и его открытое заявленіе объ этомъ — фактъ очень отрадный.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

За литературу:

М. С., 2 шилинга, Исаакъ, Нью-Іоркъ, 6дол. 74 цент.

Пожертвованія.

На собраніи въ Лидсѣ, черезъ М. В. 3 шилинга.

ОПЕЧАТКИ.

Въ прошлый номеръ вкралось нѣсколько опечатокъ, искажающихъ смыслъ:

Стр. 7, 1-й столбецъ, внизу, нужно читать: „пусть ротмистръ Пѣтуховъ не думаетъ, что у насъ будутъ арестованные,".

Стр. 7, 2-й столбецъ: „со стороны населенія убито и ранено петергофцами 32,706 человѣкъ."

Стр. 8, 1-й столбецъ, въ началѣ статьи «Швейцарія», нужно читать: „Движеніе это имѣло въ Лозаннѣ свой органъ" (не въ Лондонѣ).

Стр 11, 1-й столбецъ: „Геройство ... возставшихъ создаетъ традицію въ данномъ городѣ, въ данномъ полку, въ такомъ то флотѣ".

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шилингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A: WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.
Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.
E. Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kushniaroff, 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ.

№ 7. — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 25 ЯНВАРЯ 1907 г.

Лондонъ 25 января 1907.

Убійство, одного за другимъ, четырехъ сатраповъ Николая II го, — въ томъ числѣ двухъ, которые такъ хорошо охраняли, какъ Павлова и Лауница, — вызвало переполохъ въ лагерѣ защитниковъ самодержавія. „Нѣтъ никакого сомнѣнія“, говорятъ въ этихъ кругахъ, „что революціонеры рѣшили снова выступить на путь террора, въ широкихъ размѣрахъ, и рѣшили, на этотъ разъ, поразить, не только исполнителей, какъ Минъ или Луженовскій, а прежде всего тѣхъ, кого Николай II избралъ своими ближайшими совѣтниками.“

„Смерть ходитъ около насъ“, заговорили въ петергофско-царскосельскомъ лагерѣ. Запереться же въ своихъ дворцахъ, подобно Николаю II му, который не смѣетъ болѣе показываться на улицу, — на это они несогласны. Имъ нужно прожигать жизнь, на деньги, награбленныя у русскаго народа. Имъ нуженъ трескучій развратъ, имъ нужны парижскія львицы, уже соскучившіяся по русскимъ великимъ и малымъ князьямъ.

А тутъ, Валуевъ, на грѣхъ, сталъ печатать свои воспоминанія о 1880-мъ годѣ, когда Александръ II, послѣ покушеній Исполнительнаго Комитета сталъ подаваться, и конституціи требовалъ даже Константинъ Николаевичъ, но возстали противъ всѣхъ реформъ Маковъ, Дрентельнъ и проч., и въ особенности наслѣдникъ, будущій Александръ III; такъ что у всякаго напрашивается сравненіе съ теперешними правителями и теперешними совѣтниками.

Говорятъ, что и Николай II тоже почувствовалъ страхъ за себя и за своего сына, когда узналъ о смерти столь охранявшагося Павлова. — „Всюду проникаютъ!“ — Да, есть надъ чѣмъ задуматься.

Но больше всего, говоритъ одна русская газета, боятся въ придворныхъ сферахъ, какъ бы провокаціи союза такъ-называемыхъ „русскихъ людей“, т. е. Булацеля, Гринмута и компаніи, не вызвали со стороны революціонеровъ массоваго террора.

Совершенно вѣрно.

До сихъ поръ революціонныя партіи никогда не старались вызвать массоваго террора. Онѣ знаютъ, во что такой терроръ обратился во Франціи, въ Ліонѣ, въ Вандеѣ... Онѣ понимаютъ, что терроръ „по платью“ или „по облику“ былъ бы вреденъ для революціи; и когда о такомъ террорѣ поднималась рѣчь, онъ не находилъ сочувствія среди революціонной интеллигенціи, какъ рабочей, такъ и студенческой.

Но вотъ что пишетъ теперь Булацель, — главарь союза, именующагося „Союзомъ русскихъ людей“, а попросту „союза для защиты сбродной придворной челяди“, (т. е. Лауницовъ, Миновъ, Римановъ, Меллеровъ, Лидвалей и т. д.).

Онъ выпустилъ воззваніе, въ которомъ проситъ, въ сущности (привожу его собственныя слова) „разрѣшить нашимъ фанатикамъ (а ихъ очень, очень много) расправиться съ главарями революціи“,... „такъ чтобы ото всей великой революціи въ Россіи осталось бы одно мрачное воспоминаніе.“ И страхъ пробралъ петергофцевъ отъ такого воззванія. — „Ну что“, должно быть думаютъ они, „если революціонеры просмотрятъ исторію за послѣдніе двадцать лѣтъ и отберутъ всѣхъ Маковыхъ и Александровъ Александровичей, противившихся всякому шагу къ свободѣ, да тоже, по рецепту Булацеля, рѣшатъ расправиться „съ главарями реакціи“, — не въ видѣ массоваго, безымяннаго террора, а вродѣ того, какъ сдѣлалъ Парижскій народъ во время сентябрьскихъ дней, когда онъ тоже отобралъ, по именному списку, изъ Версальской придворной челяди, около полутора тысячи защитниковъ своеволія, и избилъ изъ нихъ свыше тысячи?

Мы не ищемъ такого исхода. Но если царство придворныхъ реакціонеровъ, именуемое по старой памяти самодержавіемъ, прибѣгаетъ къ Булацелямъ и митрополитамъ Антоніямъ, и ихъ устами проповѣдуетъ въ печати и съ амвона массовое избіеніе, — вина будетъ не русскихъ революціонеровъ, если Россіи придется пережить и эти ужасы.

Эта кровь падетъ уже прямо на голову петергофцевъ, и проклятіе русскаго народа будетъ висѣть на нихъ, когда ихъ выгонятъ изъ дворцовъ и изъ ихъ дворянскихъ имѣній.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА.

Вопросъ о всеобщей стачкѣ, который еще такъ недавно обходила молчаніемъ почти вся соціалистическая литература, за исключеніемъ анархической, въ послѣдніе годы выступилъ на первый планъ во всей Европѣ. Это случилось благодаря развитію въ революціонномъ направленіи профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, которые теперь играютъ все большую роль въ соціалистическомъ движеніи и постепенно отодвигаютъ на задній планъ парламентскія соціалистическія партіи. На всѣхъ интернаціональныхъ и національныхъ конгрессахъ, соціальдемократіи приходится обсуждать этотъ вопросъ, отъ ко-

тораго еще такъ недавно она отдѣлывалась извѣстной фразой: „Всеобщая стачка есть всеобщая безсмыслица"; а послѣдній международный конгрессъ (амстердамскій) призналъ, хотя и неохотно, всеобщую стачку допустимымъ орудіемъ борьбы.

Въ Россіи идея всеобщей стачки выросла съ удивительной быстротой. Еще какихъ нибудь 5-6 лѣтъ тому назадъ заговорить о ней значило заговорить на какомъ-то чужомъ, непонятномъ ни для кого языкѣ. Можно ли думать, говорили намъ, о подобномъ средствѣ борьбы въ странѣ, гдѣ даже самая мелкая стачка — преступленіе, и существующій правительственный строй дѣлаетъ невозможнымъ движеніе, требующее открытой и широкой пропаганды, необычайной предварительной организаціи, замѣчательнаго единства дѣйствія. На дѣлѣ оказалось, однако, что какъ только русское рабочее движеніе выросло настолько, что почувствовавъ свою силу, вышло на улицу, оно приняло всеобщую стачку какъ самое лучшее, самое вѣрное средство борьбы. Первымъ крупнымъ движеніемъ этого рода были южно-русскія стачки 1903 года; затѣмъ грандіозная стачечная волна прокатилась по всей Россіи послѣ 9 января; наконецъ октябрьское движеніе 1905 г., пріостановивъ экономическую жизнь столицъ и оторвавъ Россію отъ всего остального міра, оказалось, по высотѣ революціоннаго настроенія и по своему могуществу, самымъ знаменательнымъ изъ протекшихъ до сихъ поръ моментовъ русской революціи. Этому движенію удалось сдѣлать то, чего не могла достигнуть ни идейная пропаганда, ни всеобщая ненависть къ господствующему политическому строю, ни полувѣковая борьба революціонеровъ, ни героизмъ террористическихъ актовъ: правительство сдалось, оно оказалось безсильнымъ передъ напоромъ всеобщей стачки. Цѣнны здѣсь для насъ, конечно не сами уступки, а тотъ путь, которымъ онѣ были достигнуты. Спеціально рабочее орудіе борьбы — стачка — до сихъ поръ служившее лишь для завоеванія отдѣльныхъ частичныхъ улучшеній, поднялось здѣсь на высоту средства борьбы съ цѣлымъ режимомъ; эту борьбу цѣликомъ вынесли на себѣ рабочіе; какъ рабочіе, силою давленія своихъ профессіональныхъ организацій, они добыли свободу печати, завоевали себѣ захватнымъ порядкомъ право собраній и свободу слова и показали путь, какимъ придется бороться и въ будущемъ. Всеобщая стачка и захватный порядокъ — два тактическіе пріема близкіе анархическому міросозерцанію — были именно въ Россіи проведены въ жизнь полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Отрицать силу и значеніе всеобщей стачки послѣ такого опыта — невозможно. Но этого мало: необходимо выяснить, подъ какими лозунгами идетъ и можетъ идти борьба, какъ организуется она, къ какимъ результатамъ приводитъ. Соціальдемократія, признавъ въ резолюціи Амстердамскаго конгресса всеобщую, или, по принятой формулировкѣ, „массовую" стачку пригоднымъ орудіемъ борьбы, вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшила заявить, что ея „массовая стачка" не есть „всеобщая стачка" анархистовъ. Въ чемъ же различіе, и что понимаемъ подъ всеобщей стачкой мы?

Идея всеобщей стачки — идея не новая. Она возникла въ западной Европѣ въ процессѣ рабочей борьбы, той стачечной борьбы, которая всегда была одной изъ главныхъ формъ протеста рабочаго класса противъ капиталистическаго гнета. Стачки болѣе или менѣе обширныя и революціонныя, велись во всѣхъ странахъ по различнымъ поводамъ и съ разными цѣлями — экономическими и политическими, профессіональными и общими. Но одна черта объединяла всѣ эти движенія: они сплачивали рабочихъ, противупоставляя ихъ буржуазіи, какъ одно солидарное цѣлое, наглядно показывали дѣленіе общества на трудящихся и не трудящихся, на производителей и паразитовъ. Въ этомъ — соціалистическое значеніе стачечной борьбы. На ней рабочіе научились сознавать свое могущество и смотрѣть впередъ, уже не только на улучшеніе своего положенія, но и на свое полное освобожденіе. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, Интернаціоналъ явился выразителемъ этихъ стремленій и провозгласилъ два великіе принципа: международную солидарность и рабочую самодѣятельность. Вмѣстѣ съ тѣмъ сейчасъ же заговорили о всеобщей стачкѣ. Вопросъ былъ поднятъ сначала на Брюссельскомъ конгрессѣ (1868 г.), затѣмъ болѣе подробно разбирался на Женевскомъ конгрессѣ 1873 года, уже послѣ раскола въ Ассоціаціи; отмѣтимъ, что поставила и обсуждала его именно федералистическая часть Интернаціонала, та, во главѣ которой стояла знаменитая Юрская федерація. Въ послѣдующіе годы, однако, мы не видимъ дальнѣйшаго развитія этой идеи, какъ не видимъ и попытокъ ея практическаго осуществленія. Причина этого, съ одной стороны — общая реакція, охватившая Европу послѣ пораженія Коммуны, съ другой — то направленіе (тоже реакція въ соціализмѣ), которое приняло рабочее движеніе. Въ предыдущіе годы, цѣлый рядъ революціонныхъ движеній вызвалъ много перемѣнъ въ политическомъ строѣ европейскихъ странъ: были завоеваны, гдѣ республика, гдѣ всеобщее избирательное право, гдѣ другія политическія реформы. Среди соціалистовъ возникло и укрѣпилось направленіе, возлагавшее на эти новыя учрежденія всѣ надежды; рабочіе — какъ у насъ теперь — еще не имѣли случая въ нихъ разочароваться. Принципъ рабочей солидарности былъ забытъ, а съ нимъ была оставлена и мысль о всеобщей стачкѣ. Парламентаризмъ и легальная политика надолго отвлекли вниманіе отъ чисто-рабочихъ способовъ борьбы.

О всеобщей стачкѣ вспомнили больше 16 лѣтъ спустя, когда въ 1885-87 г. г. въ Америкѣ поднялось сильное движеніе въ пользу 8 ми часового рабочаго дня. Это было именно то движеніе, которое послужило началомъ первомайскихъ манифестацій, и мы не можемъ не напомнить всѣмъ, кто теперь принимаетъ участіе въ демонстраціяхъ 1 го мая, что за него поплатились жизнью наши товарищи-анархисты, повѣшенные въ Чикаго 11 ноября 1887 г. — Вскорѣ мысль о всеобщей стачкѣ перенеслась въ Европу и быстро стала пріобрѣтать себѣ сторонниковъ, особенно среди французскихъ рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ надъ ней стали задумываться, измѣнился и самый взглядъ на нее: изъ средства достиженія уменьшенія рабочаго времени, увеличенія заработной платы и т. под., она стала въ глазахъ рабочихъ, средствомъ *полнаго освобожденія* рабочаго класса.

Въ 1888 году во Франціи происходилъ съѣздъ рабочихъ союзовъ: на немъ въ первый разъ вопросъ о всеобщей стачкѣ былъ поставленъ и разрѣшенъ именно въ этомъ смыслѣ. На слѣдующихъ конгрессахъ, въ 1892 и 1893 г.г., онъ снова обсуждался; пренія были очень горячія, новая идея встрѣтила сильный отпоръ въ соціальдемократическихъ рядахъ. Рѣшительнымъ моментомъ былъ съѣздъ 1894 года, въ Нантѣ: обѣ партіи выставили самые убѣдительные аргументы, самыхъ лучшихъ своихъ ораторовъ; весь съѣздъ былъ поглощенъ этимъ вопросомъ. Наконецъ идея всеобщей стачки была окончательно признана, и съ тѣхъ поръ стала лозунгомъ французскаго ра-

бочаго движенія, основною чертою того теченія, которое въ послѣдніе годы приняло названіе „революціоннаго синдикализма“.

Какъ всякая новая идея, однако, всеобщая стачка не сразу приняла во взглядахъ нашихъ западно европейскихъ товарищей ту форму, въ которой мы находимъ ее теперь. Вопросы выяснялись мало по малу. Много заблужденій отошло въ вѣчность. Практика стачекъ, частныхъ и общихъ, дала рядъ указаній и помогла разрѣшить вопросъ о томъ, чѣмъ можетъ быть и какъ можетъ произойти всеобщая стачка. Во первыхъ, что такое *всеобщая* стачка? Неужели ждать, пока *всѣ* рабочіе *всей* страны бросятъ работу? Практика показала, что это совершенно лишнее, что при наличности горючаго матеріала въ рабочей средѣ достаточно пріостановки одной какой нибудь отрасли, важной для общаго хода экономической жизни. Особенно грозными оказывались всегда стачки желѣзнодорожныхъ и портовыхъ рабочихъ и служащихъ; не даромъ правительства (во Франціи, въ Италіи, въ Голландіи и т. д.) пытались и пытаются внести такіе законы, которые бы предотвратили эти стачки, или путемъ полнаго запрещенія ихъ, или путемъ призыва желѣзнодорожниковъ на военную службу въ моментъ стачки, или путемъ замѣны стачечниковъ солдатами. Въ Россіи звѣрскія правительственныя убійства на линіяхъ желѣзнодорожныхъ дорогъ, карательные поѣзда, постоянная посылка войскъ на станціи — лучшіе свидѣтели паническаго страха внушаемаго желѣзнодорожной стачкой. Кромѣ того, всякая стачка, охватившая какую нибудь важную отрасль промышленности, неизбѣжно ведетъ къ пріостановкѣ работъ въ другихъ отрасляхъ съ нею связанныхъ и заставляетъ бастовать поневолѣ цѣлую массу рабочихъ. Это — одинъ изъ путей расширенія стачки; другой — самый существенный — вытекаетъ изъ накопившагося недовольства, изъ заразительности примѣра, изъ духа рабочей солидарности. Быстрота и легкость, съ какою рабочимъ въ Россіи удавалось во время стачки снимать работавшихъ, закрывать фабрики и мастерскія и въ нѣсколько часовъ остановить жизнь любого промышленнаго центра, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что для успѣха стачки вовсе не нужно, чтобы къ движенію *заранѣе* примкнули всѣ рабочіе.

Вопросъ о предварительной организаціи всеобщей стачки, объ управленіи ею, о декретированіи ея въ опредѣленный моментъ, — тоже одинъ изъ важнѣйшихъ, въ практическомъ отношеніи вопросовъ. Относительно его существуетъ, въ Россіи въ особенности, много заблужденій и предразсудковъ; Россія еще имѣетъ мало опыта въ *массовыхъ* революціонныхъ движеніяхъ и русскіе дѣятели склонны придавать преувеличенное значеніе рѣшеніямъ тѣхъ или иныхъ партійныхъ организацій, забывая, что жизнь партіи и жизнь массового движенія слѣдуютъ совершенно различнымъ законамъ. Вотъ почему стачки декретированныя никогда не удавались, а тѣ которые возникали стихійно, принимали неожиданно широкіе размѣры и разростались въ грандіозныя революціонныя движенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ развивается обыкновенно стачка, когда она становится всеобщей? Начинаютъ бастовать по какому нибудь поводу рабочіе одного завода или одной мастерской; затѣмъ, если настроеніе боевое, ихъ требованія поддерживаютъ рабочіе другихъ заводовъ, попутно выставляя и свои. Стачка разростается, питаясь сопротивленіемъ хозяевъ и начинающимися правительственными репрессіями. Начинаются собранія, демонстраціи, возникаютъ „стачки изъ солидарности“ въ другихъ отрасляхъ. Если движеніе идетъ достаточно быстро и подъемъ духа силенъ, рабочіе закрываютъ все, что еще работаетъ, стачка становится всеобщей. Въ этотъ моментъ городъ — а иногда и цѣлый рядъ городовъ — фактически во власти рабочихъ. Это — самый рѣшительный, самый критическій моментъ движенія; отъ него зависитъ вся судьба его. И вотъ во взглядѣ на этотъ-то моментъ мы рѣшительнѣе всего и расходимся съ соціалистами государственниками всѣхъ фракцій.

Самый важный вопросъ въ это время: останется ли всеобщая стачка мирной: „стачкой со сложенными руками“, или же станетъ революціонной, перейдетъ въ наступленіе? Мы отвѣчаемъ: чтобы движеніе быстро не пошло на убыль, этотъ второй шагъ необходимъ. Нашъ отвѣтъ вполнѣ сходится съ тѣмъ, какой даютъ французскіе рабочіе, лучше всѣхъ другихъ разработавшіе вопросъ о возможномъ характерѣ и исходѣ всеобщей стачки. Вотъ что говорится, напримѣръ въ одной брошюрѣ Пеллутье*), одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей рабочихъ союзовъ во Франціи: „Всеобщая стачка не будетъ движеніемъ мирнымъ, потому что если бы даже такое движеніе было возможно, оно не привело бы ни къ чему. Если говорить о томъ, у кого будетъ больше средствъ, то преимущество всегда останется на сторонѣ богатыхъ; побѣдить деньги можетъ только сила. Иногда говорятъ, что рабочіе могутъ сдѣлать себѣ запасы заранѣе; но вѣдь буржуазія можетъ сдѣлать это еще легче! Допустимъ, однако, что съ обѣихъ сторонъ окажется одинаковое количество запасовъ. Ну, а когда они выйдутъ, что тогда? Представьте себѣ такую сцену: съ одной стороны — буржуа, съ другой — рабочіе, всѣ — голодные, а между ними въ бездѣйствіи, всѣ средства производства, т. е. путь къ тому, чтобы утолить свой голодъ... Допустимъ даже, что буржуа уступятъ первые. Чего же потребуютъ отъ нихъ рабочіе? Полнаго отреченія? Тогда, разъ ужъ погибать, буржуа предпочтутъ попытать счастья въ борьбѣ, и всеобщая стачка превратится въ революцію. Но возможно, что рабочіе потребуютъ, только нѣкоторыхъ уступокъ.., но тогда черезъ нѣсколько лѣтъ, та же исторія возобновится: Нѣтъ, я говорю прямо, что всеобщая стачка, это — революція.“

Брошюра Пеллутье была написана лѣтъ 8 — 9 тому назадъ, и вотъ что говорилось въ 1900 году на съѣздѣ французскихъ рабочихъ организацій въ Парижѣ: „Если вы стремитесь ко всеобщей стачкѣ, говоритъ одинъ делегатъ, вы должны подумать о томъ, что послѣдуетъ за нею, о роли рабочихъ послѣ побѣды. Нужно напримѣръ, чтобы булочники знали, сколько хлѣба нужно напечь для данной мѣстности, какими средствами они для этого располагаютъ и т. д.“ „Когда мы провозгласимъ всеобщую стачку, говоритъ другой, мы должны будемъ имѣть смѣлость сдѣлать ее революціонной... Она будетъ пробужденіемъ рабочей энергіи, завоеваніемъ всѣхъ орудій производства.“ Третій объясняетъ: „Если мы устроимъ всеобщую стачку, то именно для того, чтобы завладѣть средствами производства, чтобы отнять ихъ у имущихъ классовъ, которые, конечно, не захотятъ отдать ихъ добровольно. Нужно, поэтому, чтобы всеобщая стачка приняла революціонный характеръ; къ этому ее приведутъ, впрочемъ, сами событія.“ Тотъ же взглядъ проводится и въ рядѣ статей о всеобщей стачкѣ помѣ-

---

*) „*Qu'est ce que la Greve Generale*“.

щенныхъ въ сборникѣ „Всеобщая стачка и соціализмъ“, изданномъ года полтора тому назадъ Лагарделемъ.*) Передъ Амстердамскимъ конгрессомъ редакція журнала "*Mouvement Socialiste*", издаваемаго имъ, разослала виднымъ дѣятелямъ соціализма и рабочаго движенія рядъ вопросовъ относительно ихъ пониманія всеобщей стачки. Отвѣты соціальдемократовъ выражаютъ, или совершенно отрицательное отношеніе къ ней, или крайне съуживаютъ ея задачу; отвѣтъ представителей рабочихъ организацій, особенно французскихъ, носятъ обратный характеръ. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ Griffuэль, секретарь французской Всеобщей Конфедераціи Труда: „Всеобщая стачка, въ ея современномъ видѣ, не является для рабочихъ простой пріостановкой работы: она есть завладѣніе всѣмъ общественнымъ богатствомъ, которое будетъ затѣмъ эксплуатироваться корпораціями, въ частности синдикатами, въ пользу всѣхъ ...“

Такое пониманіе всеобщей стачки есть и наше пониманіе. Оно естественно вытекаетъ изъ нашей основной точки зрѣнія непосредственной *экономической* революціи, непосредственнаго захвата рабочими всѣхъ орудій труда и наличныхъ богатствъ, — и тѣсно связано съ нею. Вотъ почему этотъ взглядъ никогда не будетъ раздѣляться тѣми соціалистическими партіями, которыя идутъ къ соціализму черезъ захватъ власти, и почему между соціальдемократическимъ пониманіемъ всеобщей стачки и нашимъ всегда будетъ цѣлая пропасть.

Итакъ, *для насъ*, всеобщая стачка — разростающаяся сама собою, стихійно, благодаря боевому настроенію рабочей среды, а не декретированная какимъ нибудь центральнымъ органомъ — первый шагъ революціи, шагъ, который долженъ дезорганизовать буржуазныя и государственныя силы и крайне затруднить для нихъ борьбу. За этимъ шагомъ долженъ послѣдовать второй — *экспропріація*. Всеобщая стачка, въ нашихъ глазахъ, — слишкомъ могучее средство для достиженія политическихъ реформъ или частичныхъ улучшеній. Когда, хоть на одинъ день, рабочіе становятся господами положенія, не воспользоваться этимъ для рѣшительнаго боя и для рѣшительной побѣды мы считаемъ положительно преступнымъ. Пора уже, чтобы рабочія силы и рабочая кровь перестали тратиться даромъ.

М. Изидинъ.

*) „*La Greve Generale et le Socialisme*“.

ПРЕЛЕСТИ «ПЕРЕДОВОГО ДЕМОКРАТИЗМА».

27 ноября состоялся судъ надъ товарищемъ Бертони, который прошелъ незамѣченнымъ, но который имѣетъ громадное значеніе. Процессъ этотъ настолько интересенъ, что не мѣшало бы посвятить ему цѣлую статью, но за неимѣніемъ мѣста мы должны ограничиться нѣсколькими коротенькими замѣчаніями и выдержками изъ пространной, блестящей защитительной рѣчи нашего товарища.

Причиною къ процессу послужила статья 29 Juglio, напечатанная въ газетѣ «Reveil» и посвященная акту Бреши, въ которой федеральный судъ усмотрѣлъ подстрекательство къ террористическимъ актамъ. „Позвольте мнѣ замѣтить, сказалъ Бертони, обращаясь къ своимъ судьямъ по поводу этого обвиненія, что глупо утверждать, что простое чтеніе той или иной журнальной статьи можетъ привести человѣка къ рѣшенію принести свою жизнь въ жертву. Это значило бы утверждать, что посредствомъ простого чтенія «Vies» Плутарха, можно сдѣлаться великимъ человѣкомъ. Своей апологіей акта Бреши я не хотѣлъ подстрекать кого бы то не было къ актамъ, подобнымъ его акту. Я хотѣлъ просто, чтобы актъ Бреши былъ удержанъ, какъ примѣръ, и чтобы люди воспользовались всѣми выводами, вытекающими изъ него. Я проповѣдывалъ возмущеніе всѣхъ угнетенныхъ противъ всѣхъ угнетателей. Статья была обращена къ коллективности, къ пролетаріату. Вотъ ея заключеніе:

«... Пусть доблестный актъ великодушнаго мятежника умножится и перейдетъ въ массу. Вотъ наше пожеланіе, и мы говоримъ пролетаріату, который волнуется и мучается подъ двойнымъ игомъ капитала и государства: «„Возстань, какъ Бреши одинъ имѣлъ смѣлость возстать, противъ режима нищеты, голода и смерти, который насъ давитъ, и завоюй окончательно право на жизнь.»“

На самомъ дѣлѣ анархисты никогда не занимаются подстрекательствомъ другихъ къ террористическимъ актамъ. Вѣдь это только буржуазно-правительственная сплетня полагаетъ, что для анархиста терроризмъ это — все; что анархическая пропаганда о необходимости насильственной революціи — сплошное подстрекательство къ личнымъ террористическимъ актамъ. Для анархистовъ эти акты имѣютъ весьма опредѣленное и ограниченное значеніе и то въ тѣхъ случаяхъ, когда они совершаются въ извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ условіяхъ, т. е. когда они являются, съ одной стороны, выраженіемъ бунтовскаго духа массы, а съ другой стороны будятъ и углубляютъ тотъ же бунтовской духъ народной массы. Террористическій актъ никогда не долженъ быть благодѣяніемъ, совершеннымъ человѣкомъ, стоящимъ внѣ народной массы, а актомъ возмущенія, протеста, или самозащиты той же самой народной массы. Только въ этихъ случаяхъ террористическій актъ становится великимъ, только въ этихъ случаяхъ къ нему можно примѣнить извѣстныя слова: «Tuer n'est pas assassiner». Таковъ именно актъ Бреши. Онъ самъ пояснилъ это въ своемъ процессѣ.

«Да, сказалъ Бертони говоря объ этомъ, Бреши былъ только мстителемъ угнетеннаго народа, и слѣдующія слова, произнесенныя имъ передъ своими судьями, доказываютъ это: „Я поразилъ главу государства, потому что, по моему мнѣнію, онъ отвѣтственъ за всѣ блѣдныя и кровавыя жертвы той системы, которую представлялъ собою и защищалъ. Какъ я уже сказалъ, я задумалъ свой актъ во время кровавыхъ репрессій въ Сициліи 7 или 8 лѣтъ тому назадъ, совершенныхъ посредствомъ военнаго положенія, объявленнаго декретомъ короля, вопреки государственнымъ законамъ. И когда позднѣе, въ 1898 г., начались новыя репрессіи въ еще большихъ размѣрахъ и еще болѣе варварскія, все посредствомъ того же военнаго положенія, объявленнаго декретомъ того же самаго короля, я еще больше укрѣпился въ своемъ рѣшеніи“».

Такимъ образомъ актъ Бреши не только его личный отвѣтъ королю, но также и отвѣтъ массы жертвъ той кровавой репрессіи, которою самолично руководилъ король Гумберто I. Во всякомъ случаѣ все дѣлалось съ его вѣдома, съ его согласія и одобренія. Вотъ что онъ писалъ генералу Бава-Бекарисъ, который игралъ въ народномъ возстаніи 1898 года въ «возстаніи голодныхъ» роль нашихъ Миновъ и Римановъ.

«Я разсмотрѣлъ предложеніе военнаго министра о вознагражденіи войскъ, дѣйствующихъ подъ вашей командой. Я съ удовольствіемъ и гордостью одобрилъ предложеніе министра, отдавая этимъ честь самопожертвованію смѣлости и дисциплинѣ, поразительные примѣры которыхъ дали войска.

Кромѣ того я хотѣлъ вознаградить васъ лично de motu proprio высшимъ военнымъ Савойскимъ орденомъ за услуги, оказанныя вами учрежденіямъ и цивилизаціи и затѣмъ еще, чтобы засвидѣтельствовать вамъ съ любовью мою и отечества благодарность.

Римъ, 6 іюня 1898 г. Гумберто».

Нѣтъ необходимости, прибавляетъ Бертони, отправляться въ Россію, чтобы найти царя, вознаграждающаго убійцъ! Этого царя, вознаграждающаго убійцъ народа, и поразила загрубѣлая отъ непосильнаго труда рука ткача Бреши. Даже больше. Бреши поразилъ цѣлую систему — систему крови и смерти, которую охарактеризовалъ Бертони съ свойственнымъ ему обиліемъ фактомъ.

«Во время царствованія Гумберто I, говоритъ Бертони, цитируя одну статью Reveil'я, посвященную объясненію акта Бреши, добрая часть его подданныхъ принуждена была

въ другомъ мѣстѣ, въ другихъ странахъ Европы и Америки искать себѣ заработокъ и хлѣбъ, въ которыхъ имъ было отказано въ Италіи. А голоднымъ, которые не имѣя возможности эмигрировать, возвышали голосъ, требуя своего права на жизнь, онъ обыкновенно отвѣчалъ смертоносными пулями своей арміи. Консепиче (1887), Масса Каррара и Сицилія (1893 — 1894), послѣдній бунтъ, съ юга до сѣвера, охвативший Италію (1898), — вотъ наиболѣе выдающіеся эпизоды. А въ это время министры, депутаты, сенаторы, важные сановники обдѣлывали свои дѣла подъ его протекціей во всѣхъ банкахъ Италіи...

Иностранная политика, которую онъ велъ въ интересахъ династіи и подъ вліяніемъ германскаго императора, привела къ огромному развитію милитаризма и къ возрастающему обѣдненію страны. Африканская кампанія стоила итальянскому народу нѣсколько сотъ милліоновъ и много тысячъ человѣческихъ жертвъ. Но что изъ того? Продавцы муловъ и поставщики испорченныхъ съѣстныхъ припасовъ нажили себѣ тамъ огромныя богатства.

Онъ зажалъ ротъ прессѣ, отмѣнилъ свободу союзовъ и собраній, сажалъ въ тюрьмы и отправлялъ въ ссылку за политическія преступленія. Если сложить всѣ годы каторги, тюремнаго заключенія и ссылокъ, которымъ подвергались наши друзья анархисты, а также соціалисты, республиканцы, всѣ свободные люди, противники монархическихъ Mafia, [illegible], то получится нѣсколько вѣковъ.

Въ продолженіи 1898 г. было роздано:

Миланскимъ военнымъ трибуналомъ: 14 вѣковъ, 35 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 1 день тюремнаго заключенія, и наложено 29,160 лиръ штрафу.

Флорентинскимъ военнымъ трибуналомъ: 11 вѣковъ, 56 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 10 дней тюремнаго заключенія и наложено 100,591 лиръ штрафу.

Неаполитанскимъ военнымъ трибуналомъ: 4 вѣка, 50 лѣтъ и 22 дня тюремнаго заключенія и наложено 23,777 лиръ штрафу

Обыкновеннымъ судомъ 19 вѣковъ, 49 лѣтъ, 10 мѣсяцевъ и 29 дней тюремнаго заключенія и наложено 96,388 лиръ штрафу.

Все это круглымъ счетомъ даетъ для одного только 1898 года 50 вѣковъ тюремнаго заключенія и 250,000 лиръ штрафу.

И изъ всѣхъ этихъ осужденныхъ король Гумберто помиловалъ (какая горькая иронія словъ!) только нѣсколько депутатовъ, адвокатовъ, журналистовъ и т. д. Рабочіе и крестьяне оставались въ тюрьмѣ и на каторгѣ; нѣкоторые еще и теперь не вышли оттуда и къ нимъ присоединились политическія жертвы новаго царствованія. Привилегированные классы могутъ простить своимъ, но къ народу они питаютъ неутолимую ненависть.»

Нѣтъ, Бреши не промахнулся. Онъ тоже цѣлился точно и стрѣлялъ мѣтко. «Бреши не поразилъ невиннаго, нужно отказаться отъ легенды добраго короля, нужно признать, что принципъ Гроціуса — естественное право входитъ въ силу, когда справедливость подавлена — получаетъ тутъ свое примѣненіе. Можно было бы отчаяться на счетъ судьбы народа, если бы отъ времени до времени изъ нѣдръ этого народа не выдѣлялись герои для того, чтобы отмстить за него. Ткачъ изъ Прато является этимъ героемъ.»

Размѣры нашей статьи ограничены. Мы должны остановиться тутъ. Но мы не можемъ, однакоже, удержаться отъ желанія привести заключеніе блестящей и мстительной рѣчи нашего товарища: «Мы не основываемъ наши надежды на развитіи современныхъ учрежденій, мы ждемъ осуществленія благосостоянія отъ того раскола, который долженъ произойти между народомъ и этими учрежденіями. Современное государство, усиленное экономическимъ могуществомъ, будетъ вдвойнѣ угнетающимъ. Съ другой стороны, никакой другой обманъ не является столь очевиднымъ, какъ обманъ всеобщаго избирательнаго права, соединеннаго съ милитаризмомъ. Избиратель солдатъ получаетъ кусочекъ бумаги для защиты своихъ правъ, — а ружье для защиты привилегій своихъ хозяевъ.

Такимъ образомъ, легальность не имѣетъ выхода, какъ выразился одинъ бельгійскій депутатъ — Жюль Дестрэ.

Какъ рабочій, я защищалъ интересы своего класса, я защищалъ рабочее дѣло, являющееся въ тоже время дѣломъ справедливости, въ той неравной борьбѣ, въ которой я заранѣе былъ увѣренъ въ своемъ пораженіи. Гійо сказалъ прогрессъ создается неудачами, а Реклю, которымъ можетъ гордиться все человѣчество, оставилъ намъ слѣдующее благородное завѣщаніе: «Пока наша побѣда не будетъ въ тоже время побѣдой всѣхъ — лучше не имѣть успѣха, будемъ всегда побѣжденными.» Для меня пропаганда и дѣйствіе въ интересахъ своей идеи — необходимая потребность. Великому дѣлу всеобщаго освобожденія я хочу дать все что я могу дать, довольствуясь радостью, которую доставляетъ мнѣ эта болѣе широкая, болѣе интенсивная и болѣе могучая жизнь. Да, повторяю, я боролся въ интересахъ справедливости и хотѣлъ бы чтобы вы могли воздать мнѣ справедливость.»

Нашъ товарищъ сдѣлалъ все, что зависѣло отъ него, что бы получить самый суровый приговоръ. Онъ былъ безпощаденъ по отношенію судей, онъ былъ безпощаденъ по отношенію «государственныхъ мужей» страны «самаго передового демократизма», онъ былъ безпощаденъ по отношенію своего отечества, идущаго въ послѣднее время, «a la tete des nations» въ реакціи, и каково было наше удивленіе, когда судьи за все это присудили его къ 1 мѣсяцу тюремнаго заключенія и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. Мы всѣ ждали отъ 1 года до 18 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. Помню, собравшись у одного товарища, мы долго спорили о возможныхъ причинахъ такой «удивительной благосклонности» судей. «Ба, заключилъ Бертони споръ, для такой ерунды не стоило меня таскать изъ Женевы въ Лозанну.» —

Теперь дѣло выясняется. Выясняется, что судьи отличились не удивительной благосклонностью, а удивительнымъ іезуитствомъ. Для цѣли, которую преслѣдовало швейцарское правительство, затѣявъ этотъ процессъ, было совершенно достаточно приговорить Бертони даже къ нѣсколькимъ днямъ тюремнаго заключенія. Дѣло вотъ въ чемъ.

Каждый кантонъ можетъ выслать всякаго выходца другого кантона, если онъ былъ осужденъ 2 раза по политическимъ дѣламъ. Правительство просто хотѣло получить законное право для примѣненія этой статьи закона къ Бертони. Оно его получило. Оно мечтаетъ убить этимъ то громадное дѣло — дѣло возрожденія революціоннаго рабочаго движенія, иниціаторомъ котораго былъ нашъ товарищъ. Оно хочетъ принудить его жить въ Тесинскомъ кантонѣ (Бертони приписанъ къ этому кантону), гдѣ его дѣятельность будетъ болѣе ограничена. Но правительство ошибается. Дѣло возрожденія рабочаго революціоннаго движенія въ Швейцаріи поставлено на прочныхъ началахъ, нужно чтобы оно развивалось и оно будетъ развиваться. Уже возрождается юрская федерація.

О личности самого Бертони мы ничего не скажемъ. Шестилѣтняя дружба связываетъ насъ съ нимъ и было бы неумѣстно писать тутъ все то хорошее, что мы думаемъ о немъ. Скажемъ только, что гдѣ бы онъ ни былъ и каковы бы ни были условія, въ которыя онъ попадетъ, онъ всегда будетъ непреклоненъ въ своихъ принципахъ и всегда найдетъ возможность быть полезнымъ «великому дѣлу всеобщаго освобожденія», которое давно стало единственной цѣлью и единственной радостью его жизни.

К. Ор—ни.

ИЗЪ РОССІИ.

ОТВѢТЪ НА ЗВѢРСТВА НИКОЛАЯ II.

Въ отвѣтъ на самую дикую разнузданность правительственныхъ репрессій, за послѣдніе дни революціонерами убито четыре крупныхъ представителя политическаго гнета, не считая разной мелочи.

9 Декабря въ Твери, въ буфетѣ дворянскаго собранія убитъ Игнатьевъ, одинъ изъ ярыхъ поборниковъ и вдохновителей реакціи, кандидатъ въ диктаторы. Мститель тяжело ранилъ самъ себя.

15 Декабря убитъ генералъ Литвиновъ въ Омскѣ, бывшій „усмиритель“ Прибалтійскаго края и Ставропольской губерніи.

21 Декабря убитъ петербургскій градоначальникъ, фонъ-деръ-Лауницъ, ручавшійся, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ шесть часовъ уничтожить крамолу, если ему дана будетъ на шесть часовъ вся полнота власти. Убитъ онъ при выходѣ съ освященія новой больницы, доступъ куда былъ до чрезвычайности затрудненъ. Мститель тутъ же застрѣлился самъ, что не помѣшало одному изъ присутство-

вавшихъ офицеровъ разрубить ему черепъ шашкой, а другому — стрѣлять въ бездыханный трупъ.

27 Декабря убитъ главный военный прокуроръ генералъ Павловъ, глава и вдохновитель всѣхъ военныхъ судовъ, высказавшійся за „необходимость приблизить законное возмездіе къ моменту совершенія преступленія." Мститель схваченъ послѣ отчаяннаго сопротивленія и уже «казненъ».

Эти акты наводятъ на многія размышленія. Обращаетъ на себя вниманіе и замѣна бомбъ, дѣйствіе которыхъ столько разъ уже оказывалось не достигающимъ цѣли, револьверами, превращеніе актовъ въ поединокъ, съ почти неизбѣжнымъ смертельнымъ исходомъ для нападающихъ. Никакія кары, никакіе ужасы не останавливаютъ людей, спокойно и радостно отдающихъ свою жизнь ради уничтоженія враговъ русскаго народа. Обращаетъ вниманіе и геніальное преодолѣніе тѣхъ трудностей, которыми обставленъ доступъ къ намѣченнымъ лицамъ. Именные билеты для входа въ собраніе и на освященіе, тайна окружающая „выѣзды" Лауница и свора сопровождающихъ его шпіоновъ, цѣлая система предохранительныхъ мѣръ, принятыхъ Павловымъ, давно уже дрожавшимъ за свою жизнь, — ничто не спасло этихъ слугъ петергофскаго звѣрства отъ расплаты за ихъ злодѣйства.

Со времени изгнанія изъ Думы, Павловъ безвыходно жилъ затворникомъ въ помѣщеніи Военнаго суда. Подъ его личнымъ руководствомъ это зданіе было снабжено чрезвычайными мѣрами охраны. Какъ внутри, такъ и снаружи зданія постоянно дежурили шпіоны. Квартира его была соединена крытымъ корридоромъ съ помѣщеніемъ Военно Юридической Академіи, куда онъ проходилъ лишь послѣ того, какъ всѣ слушатели удалялись, причемъ даже сторожамъ запрещено было подъ страхомъ увольненія, попадаться ему на пути. Всѣ слуховыя окна и двери ведущія на чердакъ были заколочены; входныя парадныя двери бронированы. Изъ дома были выселены всѣ посторонніе молодые люди. Гулялъ онъ въ садикѣ находившемся внутри двора и обнесеномъ рѣшеткой, въ сопровожденіи большихъ собакъ и не больше получаса. Мститель проникъ во дворъ въ формѣ военнаго писаря съ разсыльной книгой, подъ предлогомъ передачи пакетовъ въ канцелярію суда. Павловъ остановилъ его, повинуясь своей бюрократической душенкѣ, неосторожно вышелъ изъ чащи деревьевъ и чрезъ рѣшетку сталъ дѣлать выговоръ за неотданіе чести. Въ отвѣтъ онъ получилъ четыре пули въ грудь изъ револьвера „парабеллумъ", а когда побѣжалъ — еще двѣ пули въ затылокъ. Объ умѣньи убившаго стрѣлять и о его хладнокровіи можно судить по тому, что какъ пули въ грудь, такъ и въ затылокъ — всѣ попали въ одно и то же мѣсто и образовали большія сплошныя раны. Мстителю удалось выбѣжать, отстрѣливаясь, изъ дома и убѣжать довольно далеко, и только порча браунинга позволила задержать его въ тотъ моментъ, когда онъ снова заряжалъ свой парабеллумъ.

Всѣ эти акты внесли немалое смущеніе и тревогу въ ряды врага. Стали поговаривать объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ, какъ не достигающихъ цѣли.

На рапортѣ объ убійствѣ Павлова Николай „начерталъ": „Это громадная потеря. Такого твердаго человѣка будетъ трудно замѣнить."

Но никакія замѣщенія не помогутъ. Въ своемъ побѣдоносномъ стремленіи революція снесетъ какъ соръ всѣхъ, кто посмѣетъ пытаться встать ей на пути.

Европейская печать дружно отдаетъ дань уваженія отважнымъ бойцамъ, безтрепетно отдавшимъ свои молодыя, прекрасныя силы для великаго дѣла.

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ И. ПОКОТИЛОВА.

(Страница изъ анархическаго движенія въ Одессѣ).

13 сентября собраніе палачей, именуемое одесскимъ военно окружнымъ судомъ, приговорило къ смертной казни черезъ повѣшеніе рабочаго Израиля Покотилова и тѣмъ вырвало изъ нашихъ рядовъ самоотверженнѣйшаго борца за «хлѣбъ и волю». Кто работалъ въ Одессѣ въ нашихъ рядахъ, тотъ знаетъ, какъ тѣсно переплелась жизнь Покотилова съ его неутомимой, энергичной борьбой за осуществленіе анархическаго коммунизма. Кто говорилъ съ нимъ — на собраніяхъ-ли, въ долгіе-ли, монотонные часы тюремнаго заключенія, тотъ не могъ не воспламениться его вѣрой, не могъ забыть его горячіе призывы, выраженіе его прекрасныхъ глазъ, отражавшихъ необычайную внутреннюю силу, недюжинный умъ, неустанную работу интеллекта, неугасаемую ненависть къ насильникамъ.

Мрачные тюремные своды не разъ оказывали Израилю свое гостепріимство, а въ рабочихъ кружкахъ (не только анархическихъ) Одессы его имя пользовалось широкой популярностью еще задолго до совершенія имъ акта, приведшаго его на эшафотъ! Рѣдкое массовое собраніе, рѣдкая стачка проходила безъ агитаціоннаго воздѣйствія Покотилова. «Святая ненависть», проникавшая его рѣчи, необычайное прямодушіе, вражда ко всякого рода компромиссамъ, пламенная вѣра закрывали уста клеветѣ, лжи и зависти. Такіе люди, какъ Израиль, умѣли внушать уваженіе къ анархистамъ-коммунистамъ, даже самымъ непримиримымъ нашимъ врагамъ.

Въ «дни свободъ» популярность Израиля особенно возросла; рабочіе, съ присущимъ имъ чутьемъ, оцѣнили друга, и настояли на томъ, чтобы Израиль вошелъ представителемъ отъ своихъ товарищей (портныхъ) въ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Но Израиль не былъ созданъ для такого рода работы; боевая энергія, переполнявшая все его существо, переливавшаяся огнемъ въ каждой каплѣ его крови, быстро увлекла его въ сторону самой рѣзкой агитаціи, — и онъ сталъ отдавать всѣ свои силы самоотверженной работѣ въ одесской группѣ анархистовъ-коммунистовъ.

А въ воздухѣ, между тѣмъ, накоплялась гроза, и событія не заставили себя долго ждать.

Весна 1906 года ознаменовалась въ Одессѣ цѣлымъ рядомъ актовъ политическаго террора. Таковы были, съ одной стороны, инертность и безсиліе политическихъ партій въ Одессѣ, такъ рѣзко столкнулись, съ другой, интересы активныхъ слоевъ пролетаріата съ ожесточившимися представителями власти, продавшейся капиталу, что одесскимъ анархистамъ волей неволей пришлось выступить мужественными застрѣльщиками въ этихъ актахъ и взвалить на себя, такимъ образомъ много «чужой» работы.

Въ эту пору произошли: взрывъ жандармскаго управленія, убійство пристава Погребнаго, прославившагося своимъ наглымъ издѣвательствомъ надъ забастовавшими работницами, бросаніе гранаты въ надзирателя Полтавченко (сподвижника Погребнаго и, вмѣстѣ съ нимъ, дѣятельнѣйшаго вдохновителя погрома), частыя убійства особенно-рьяныхъ городовыхъ и шпіоновъ, покушеніе на извѣстнаго агента Лопату и т.д.,и т.д. Одновременно съ тѣмъ, какъ политическій терроръ, захватившій на короткое время почти всѣ силы, достигъ наивысшаго напряженія, въ Одессѣ вновь вспыхнуло стачечное движеніе и властно потребовало отъ нашихъ агитаторовъ удѣленія ему своихъ силъ. Именно, въ это время пропаганда анархизма уже стала завоевывать симпатіи въ самихъ широкихъ кругахъ одесскаго пролетаріата. Забастовавшіе рабочіе, находившіеся въ соприкосновеніи съ группой, ежедневно обращались съ просьбой «прислать» къ нимъ, на фабрику или заводъ, пропагандиста или «руководителя» забастовкой. Характерно, что рабочіе, выставившіе даже самыя минимальныя требованія, рѣдко удовлетворялись одними агитаціонными рѣчами, указывавшими только на наши тактическія разногласія съ с. д. или с. р. Интересъ къ анархизму былъ настолько великъ, что они, измученные безработицей, голодные, настаивали на присылкѣ пропагандистовъ, горя желаніемъ познакомиться съ о с н о в а м и анархическаго міровоззрѣнія и съ идеаломъ коммунистическаго анархизма.

Нужно ли говорить, что Израиль отдавалъ всѣ свои силы удовлетворенію этихъ запросовъ, и вскорѣ сталъ душою забастовочнаго движенія?

Въ числѣ другихъ эксплуататоровъ-капиталистовъ, возмущенныхъ желаніемъ революціоннаго пролетаріата, уменьшить тяжесть сковавшаго ихъ ярма, особенное упорство проявилъ Кирхнеръ, директоръ Южно-русскаго акціонернаго общества печатнаго дѣла, по убѣжденіямъ «лѣвѣе кадетовъ», буржуй, въ молодости «пострадавшій» за студенческую исторію, горячо ратовавшій за всеобщее избирательное право...

Требованія типографскихъ рабочихъ сводились къ слѣдующему: 8ми часовый рабочій день, уплата денегъ за время забастовки, другая расцѣнка, нѣкоторыя измѣненія въ администраціи и т. д., — кстати сказать, требованія удовлетворенныя въ большинствѣ случаевъ даже владѣльцами м е л к и х ъ

одесскихъ типографій. Часто Кирхнеръ говорилъ своимъ друзьямъ, удивлявшимся его упорству и совѣтовавшимъ уступить: «Я понимаю, что въ размѣрахъ этихъ требованій нѣтъ ничего необычайнаго, и, если бы они просили, а не требовали, я бы уступилъ. Я не признаю за рабочими права требовать».

Онъ жестоко поплатился за свои «убѣжденія», этотъ ученый недоумокъ, «сторонникъ частной собственности», какъ онъ самъ величалъ себя, готовый поддерживать требованіе рабочими всеобщаго избирательнаго права, но не понимавшій, какъ это рабочіе, медленно отравлявшіеся свинцомъ въ его типографіи, могутъ требовать нѣсколько лишнихъ фунтовъ хлѣба за свой каторжный трудъ!

Чѣмъ настойчивѣе были требованія рабочихъ, тѣмъ сильнѣе разгорались въ Кирхнерѣ классовые инстинкты собственника-паразита. Онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ душою образовавшагося въ Одессѣ для борьбы съ забастовавшими рабочими, временнаго синдиката капиталистовъ. Этотъ синдикатъ занялся выпиской штрейкбрехеровъ изъ сосѣднихъ центровъ, и почтенный кадетъ, забывъ на время о своихъ «крайнихъ» политическихъ убѣжденіяхъ, сталъ выписывать изъ Кіева, Екатеринослава, Кишинева, рабочихъ — членовъ «союза рускаго народа» — для разныхъ фабрикъ. Онъ выписалъ даже нѣсколько десятковъ портныхъ, мастеровъ и подмастерьевъ. Словомъ, господинъ капиталистъ дѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы научить подвластныхъ ему рабочихъ просить, а не требовать.

И, вотъ, они встрѣтились, наконецъ, лицомъ къ лицу, эти два непримиримыхъ врага: упитанный буржуа, политическій шарлатанъ и „сторонникъ частной собственности“ В. Кирхнеръ, и рабочій И. Покотиловъ, выросшій въ подвалѣ и съ дѣтства впитавшій въ себя святую ненависть къ эксплуататорамъ, рѣшившійся отдать свою молодость за освобожденіе рабочаго класса. Ихъ столкнула лицомъ къ лицу не личная ненависть или вражда, Покотиловъ не зналъ даже Кирхнера, но онъ зналъ, что выписка портныхъ-штрейкбрехеровъ переполнила чашу терпѣнія его голодныхъ товарищей и рѣшилъ, что она должна быть послѣднимъ надѣвательствомъ надъ забастовщиками.

1 го іюня, въ 5 часовъ дня, въ тотъ самый моментъ, когда представители мирнаго профессіональнаго союза печатнаго дѣла вырабатывали „платформу примиренія“ съ капиталистами, на Пушкинской улицѣ, недалеко отъ помѣщенія Южнорусскаго общества печатнаго дѣла, Израиль Покотиловъ тремя выстрѣлами изъ браунинга поразилъ Кирхнера. У него не было въ этомъ дѣлѣ никакихъ сообщниковъ. Актъ этотъ явился результатомъ имъ самимъ выстраданныхъ мыслей, результатомъ единоличнаго твердаго рѣшенія. Онъ не хотѣлъ имѣть сообщниковъ.

Покотиловъ не отдался сразу въ руки полиціи. Съ необычайнымъ мужествомъ защищалъ онъ свою жизнь, которая такъ нужна была намъ, всему пролетаріату. Продолжая выпускать заряды изъ браунинга, онъ ранилъ нѣсколькихъ изъ своихъ преслѣдователей и только въ порту, задержанный по ошибкѣ однимъ изъ рабочихъ-грузчиковъ*), не имѣя больше зарядовъ, онъ отдался въ руки врагамъ.

Актъ Покотилова произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе въ Одессѣ. Терроризованные буржуа поспѣшили на уступки. На другой же день акціонеры Южно-русскаго общества печатнаго дѣла, собравшись на экстренное засѣданіе, постановили удовлетворить всѣ требованія рабочихъ. Немедленно послѣ акта Покотилова члены нашей группы захватили крупную типографію, въ которой отпечатали въ 10,000 экземплярахъ и распространили среди рабочихъ прокламацію, посвященную убійству Кирхнера. Прокламація начиналась эпиграфомъ изъ Э. Анри: «Высшее право есть право возстанія» и призывала подъ черное знамя коммунистическаго анархизма и революціонно-экономической борьбы всѣхъ униженныхъ, голодныхъ и забитыхъ...

Актъ Покотилова самымъ ободряющимъ образомъ подѣйствовалъ на рабочихъ: онъ влилъ новую стойкость въ забастовщиковъ, — и стачка почти повсюду окончилась побѣдой.

Израиля увели въ тюрьму... На другой же день онъ получилъ цвѣты, подарки отъ стачечниковъ. Эти знаки вниманія были очень трогательны, потому что посылались они отъ рабочихъ, не только анархистовъ, но и другихъ партій. Я былъ взятъ спустя два дня и былъ свидѣтелемъ высокаго энтузіазма, переполнявшаго все его существо. Казалось онъ ни минуты не думалъ о предстоявшей расплатѣ, интересуясь только впечатлѣніемъ, произведеннымъ его актомъ на рабочую массу, — и лишь мы, его товарищи и друзья, были объяты тяжелыми думами объ его неминуемой гибели, зная, что месть буржуазіи за энергичнѣйшаго изъ ея представителей будетъ жестока.

Только на короткое время въ сердцахъ товарищей блеснула надежда на счастливый исходъ. Пріѣхавъ однажды съ дознанія, Израиль объявилъ намъ, со словъ судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, что его будутъ судить въ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Слухъ этотъ нѣкоторое время поддерживался одесской печатью, но во мнѣ онъ не нашелъ никакой вѣры. Я зналъ, что буржуазія и администрація, будучи хорошо освѣдомлены о томъ вліяніи, какимъ Израиль пользовался въ средѣ рабочихъ, непремѣнно потребуютъ его крови.

Его судили военнымъ судомъ.

Военно-окружной судъ призналъ Покотилова виновнымъ по 279 ст. св. воен. пост. (по мнѣнію «военно-окружнаго» правосудія, буржуи теперь тоже подходятъ подъ понятіе «должностныхъ лицъ»), но, «признавъ смягчающія вину обстоятельства, постановилъ ходатайствовать передъ г. командующимъ войсками о смягченіи участи подсудимаго».

Ясно, что ходатайство это было исключительно-платоническаго характера. Израиль отказался, конечно, отъ защиты и кассаціи приговора. Это ускорило его участь, къ великому удовольствію г. командующаго, распорядившагося привести приговоръ немедленно въ исполненіе. Израиль Покотиловъ былъ повѣшенъ въ полуразрушенной крѣпости Александровскаго парка, въ томъ паркѣ, гдѣ онъ такъ часто встрѣчался съ товарищами, въ виду безбрежнаго моря, которое онъ такъ любилъ.

Нужно ли говорить, что Израиль сумѣлъ твердой поступью взойти на плаху? Нужно ли приводить тысячу подробностей его казни, быть можетъ интересныхъ для исторіографа нашего движенія, но мучительно-тяжелыхъ для его друзей.

Заглушивъ въ себѣ чувство глубочайшей симпатіи и личнаго горя, мы должны успокоиться на мысли, что Израиль Покотиловъ погибъ за счастье и освобожденіе пролетаріата. Его образъ не можетъ не звать къ возмездію и борьбѣ за коммунизмъ и анархію!

Arminius

*) Тяжелая трагедія! Этотъ рабочій — кавказецъ, впослѣдствіи узнавъ о своей ошибкѣ, покончилъ съ собой.

Петербургская Организація А.-К. проситъ напечатать слѣдующую ея заявленіе:

„Въ ноябрѣ мѣсяцѣ утеряна печать Петерб. Орг. А.-К. съ девизомъ:„ Кто рушитъ, тотъ и созидаетъ“. Какъ девизъ такъ и наименованіе организаціи состоятъ изъ славянскихъ буквъ. Организація проситъ, не считать эту печать дѣйствительной“.

Минская группа А.-К. прислала намъ слѣдующее заявленіе

«Въ виду распространившихся слуховъ, будто лица, приходившія въ послѣднее время съ требованіемъ денегъ къ Мерлису, Каплану, Рипсу и Гуту — анархисты-коммунисты, „Минская Группа Анархистовъ-Коммунистовъ“ вынуждена для возстановленія истины заявить, что во всѣхъ этихъ мелкихъ экспропріяціяхъ она никакого участія не принимала и никакого отношенія къ нимъ и къ этимъ лицамъ не имѣетъ. Свой взглядъ на экспропріаціи мы выскажемъ въ одномъ изъ нашихъ листковъ.

14 декабря 1906. М. Г. А.-К.»

АНАРХИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ

«ЛИСТКИ АНАРХИСТОВЪ». Изданіе петербургской организаціи Анархистовъ-коммунистовъ.

№ 1. Октябрь 1906 г. 4 стр.

Намъ неизвѣстно къ сожалѣнію, продолжаютъ ли выходить эти листки, крайне интересные по идеѣ, положенной въ основу ихъ изданія.

«Не журналъ для рабочихъ, но журналъ самихъ рабочихъ» — таково назначеніе ихъ. И если товарищамъ удастся провести этотъ принципъ, «Листки» эти будутъ весьма цѣннымъ и отраднымъ явленіемъ.

Для пропаганды и развитія анархическихъ идей, разработку которыхъ анархисты не считаютъ достояніемъ «ученыхъ», замкнувшихся въ своихъ кабинетахъ и оторванныхъ отъ массъ и жизни, является весьма плодотворнымъ постоянный обмѣнъ мыслями всѣхъ сторонниковъ этихъ идей, взаимное обсужденіе вопросовъ, мучающихъ и волнующихъ ихъ, вопросовъ, которые выдвигаетъ передъ ними практика жизни.

Въ періодическихъ органахъ практически это очень трудно осуществимо. Во времена Интернаціонала «родоначальники» современнаго анархизма прибѣгали съ этой цѣлью къ «окружнымъ посланіямъ». Статьи по какому либо насущному или теоретическому вопросу пересылались отъ одного товарища къ другому, отъ одной группы къ другой и возвращались къ автору, испещренныя замѣчаніями читавшихъ, иногда по объему чуть ли не превосходящими первоначальную статью.

При современныхъ русскихъ условіяхъ почта не можетъ оказать такой услуги. Быть можетъ пересылка съ «оказіями», могла бы быть полезна. Во всякомъ случаѣ съ развитіемъ болѣе прочныхъ между-групповыхъ сношеній такое идейное взаимодѣйствіе несомнѣнно разовьется и, быть можетъ, «Листки» такого рода окажутъ ему извѣстную услугу, развивъ привычку дѣлиться своими мыслями.

Такова, повидимому, идея изданія «Л. А.»

... «Кто не знаетъ чего нибудь — спрашиваетъ; кто знаетъ отвѣчаетъ. Пусть всякій пишетъ какъ знаетъ и умѣетъ, было бы написано толково и къ тому же коротко, п. ч. листки наши еще не велики»...

№ 1 Л. А. содержитъ статью, въ которой редакція выясняетъ цѣли и мотивы изданія, стихотвореніе, призывъ къ обмѣну мыслями, начало статьи къ „текущему моменту", по поводу того вреда, который политическія партіи нанесли развитію рабочаго движенія и развитію профессіональныхъ союзовъ, замѣтка по поводу казни 16 и 17 Ноября въ Одессѣ послѣ года заключенія товарищей: Мету, Брунштейнъ, Шершевской, Конмиторской и Либманъ, послѣднія двое за «принадлежность къ партіи анархистовъ») и статью „Нужно ли итти въ Думу", гдѣ ссылкой на наличные парламенты другихъ странъ указывается ихъ полная ненужность и безполезность для пролетаріевъ.

„Ко всѣмъ трудящимся". Прокламація Минской группы Анархистовъ-коммунистовъ. Декабрь 1906. Типографія „Безвластія."

Минскіе товарищи продолжаютъ развивать свою пропагандисткую дѣятельность. Настоящая прокламація посвящена вопросу о государственной Думѣ и предвыборной агитаціи либеральныхъ и соціалистическихъ партій. Указывается на реакціонную роль, которую должна сыграть Дума по отношенію къ начавшемуся настоящему революціонному движенію угнетенныхъ.

„... И въ это революціонное время, въ это время, когда двѣ грозныя арміи стоятъ лицомъ къ лицу, готовыя вступить въ отчаянный бой; въ то время, когда мы должны направлять всѣ свои силы на великую народную борьбу; въ то время, когда земля обагряется кровью: въ то время наконецъ, когда нашимъ идеаломъ и цѣлью нашей должны быть окончательное уничтоженіе рабства и гнета и полное освобожденіе человѣчества, — въ это время насъ призываютъ вступить въ сдѣлку съ правительствомъ и буржуазіей и вмѣстѣ съ ними создать Государственную Думу, — создать своими же руками новое правительство, новыхъ начальниковъ, надѣть на себя новыя цѣпи рабства!..."

Затѣмъ указывается роль парламентовъ въ другихъ „свободныхъ странахъ" и подвергается критикѣ принципъ всеобщаго избирательнаго права. Заканчивается прокламація призывомъ къ отказу отъ выборовъ въ Государственную Думу, къ препятствованію имъ, къ разрушенію всѣхъ учрежденій современнаго строя и къ сосредоточенію всѣхъ усилій на соціальной революціи.

ДЛЯ ТОВАРИЩЕЙ.

Въ дополненіе къ замѣткѣ напечатанной въ № 4 Листковъ „Хлѣбъ и Воля".

3 Января сего года собравшіеся въ одномъ изъ заграничныхъ городовъ 35 анархистовъ различныхъ фракцій, выслушали сообщеніе одного изъ анархистовъ-общинниковъ участниковъ инцидента съ товарищемъ А. въ Петербургѣ, осенью 1906 года, и единогласно приняли слѣдующее заключеніе:

„Признавая, что у товарищей анархистовъ-общинниковъ не было рѣшительно никакихъ данныхъ для обвиненія товарища А., мы не видимъ никакой необходимости реабилитировать его. Самый же поступокъ товарищей анархистовъ-общинниковъ считаемъ крайне легкомысленнымъ. Выражаемъ увѣренность, что подобные факты больше не будутъ имѣть мѣста въ анархическомъ движеніи."

Прибавимъ, что въ отвѣтъ на заявленіе товарища А., что ему лично извѣстно, что одинъ изъ трехъ участниковъ инцидента съ товарищемъ А., очень раскаивается въ своемъ поступкѣ и достойно клеймитъ его, присутствовавшій анархистъ-общинникъ прибавилъ отъ имени своего и отъ имени третьяго участника этого инцидента, что они оба также снимаютъ всякое подозрѣніе съ товарища А.

Редакція.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено:

За литературу: —

М. З., Манчестеръ, 2 шил. М. С., Ливерпуль, 4 шилинга, М. Г., Нанси, 10 фр.

На вооруженіе противъ погромовъ: —

Черезъ М. Г. (Нанси), 33 фр.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шилингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.
Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.
E. Held. 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

163 Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ

„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ.

№ 8. — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 15 ФЕВРАЛЯ 1907 г.

Эпидемія инфлуэнцы и бронхо-пневмоніи посѣтила и нашу редакцію и заставила насъ опоздать на недѣлю. Слѣдующій номеръ выйдетъ черезъ двѣ недѣли, 1-го марта.

ИСТИННЫЕ ЗАЩИТНИКИ САМОДЕРЖАВІЯ.

По мѣрѣ того, какъ русская революція подвигается въ своемъ развитіи, все яснѣе и яснѣе опредѣляется двойственный характеръ, политическій и экономическій, который она должна принять, если ей дѣйствительно предстоитъ двинуть дѣло народнаго освобожденія.

Въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ мы уже указывали, что въ тайномъ правительствѣ, составленномъ подъ начальствомъ Трепова для противодѣйствія либеральнымъ уступкамъ 30-го октября, — выдающуюся роль играли *крупные землевладѣльцы*: графъ Игнатьевъ, князь Путятинъ и многіе другіе, а также нѣкоторые великіе князья, принадлежащіе, какъ извѣстно, къ числу самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ Россіи.

Чиновные защитники самодержавной власти и крупные землевладѣльцы вступили, такимъ образомъ, въ тайный союзъ, чтобы всячески помѣшать водворенію въ Россіи какихъ бы то ни было зачатковъ политической свободы, а съ другой стороны — помѣшать русскому народу въ его стремленіи отобрать землю у трутней и передать ее тѣмъ кто, самъ пашетъ и сѣетъ своими руками.

Теперь становится также извѣстнымъ, какую роль дворянство играло въ распущеніи первой Думы. Разгонъ думцевъ, болѣе всего, былъ вызванъ страхомъ землевладѣльцевъ, — какъ бы разговоры о земельныхъ законахъ, поднятые въ Думѣ, не усилили агитацію въ пользу захвата земли среди крестьянъ. Этотъ „красный“ призракъ, котораго помѣщики такъ жестоко боялись уже въ 1861 году, что тогда уже положили конецъ освободительнымъ реформамъ изъ боязни крестьянскихъ возстаній, — этотъ красный призракъ, оказывается, страшилъ петергофскую придворную челядь гораздо больше, чѣмъ скромныя пожеланія кадетовъ насчетъ „отвѣтственнаго министерства“.

Всякій, мало-мальски опытный въ политикѣ человѣкъ понималъ, конечно, что „политическія“ партіи русской Думы примирятся и съ формально неотвѣтственнымъ министерствомъ: мирятся же съ нимъ, вотъ уже 30 лѣтъ, нѣмецкіе либэралы и нѣмецкіе соціальдемократы въ Германскомъ Парламентѣ!...

Придворная же челядь, хотя и предпочитаетъ самодержавіе, по мирится, какъ мы видимъ это въ западной Европѣ, даже съ англійскимъ парламентомъ; лишь бы ей предоставляли всякіе „конституціонные“ пути для грабежа народа... Лишь бы „собственность“, земельная, промышленная и торговая, была сохранена въ цѣлости! Лишь бы земля оставалась предметомъ частной купли и продажи, лишь бы крестьянинъ продолжалъ жить въ проголодь, лишь бы государство дѣлало займы, лишь бы министерства давали концессіи и создавали нефтяныя, каменно-угольныя, водопроводныя, подрядныя и всякія другія монополіи!...

Собственники, и прежде всего крупные землевладѣльцы, прямо стали, слѣдовательно, на сторону крупныхъ чиновниковъ и бюрократовъ, и вмѣстѣ съ ними потребовали разгона Думы.

Но этого мало. Теперь оказывается, что и во всей ужасной, неслыханной въ мірѣ реакціи, царившей за эти послѣдніе десять мѣсяцевъ, самое дѣятельное участіе принималъ — не кто иной, какъ „Совѣтъ Объединенныхъ Дворянскихъ Обществъ“.

Русская печать, дѣйствительно, массою фактовъ доказала, что этотъ „Совѣтъ“, составленный изъ представителей дворянскихъ обществъ всѣхъ губерній, поддерживалъ систематическія сношенія съ правительствомъ, и что самыя отчаянно-реакціонныя мѣропріятія петергофскаго правительства были отвѣтомъ на просьбы и пожеланія, высказанныя въ письмахъ и запискахъ, поданныхъ Совѣтомъ Дворянъ, во дворецъ.

У Петергофскаго тайнаго правительства, о которомъ мы писали въ № 4 „Листковъ Х. и В.“, была, такимъ образомъ, своя тайная Дума, — Совѣтъ Объединенныхъ Дворянскихъ Обществъ. И въ этомъ Совѣтѣ, главными руководителями были самые ярые защитники стараго порядка, экономическаго и политическаго. Достаточно сказать, что душою ихъ состоитъ графъ А. А. Бобринскій, крупный землевладѣлецъ, заводчикъ и коммерсантъ.

Нужно ли прибавлять также, что въ неслыханныхъ звѣрствахъ, доходящихъ до пытокъ, совершаемыхъ въ Балтійскомъ краѣ, душою всѣхъ этихъ звѣрствъ, и ихъ тайною пружиною являются Остзейскіе дворяне, изъ которыхъ большинство не только помѣщики, но также и промышленники.

За послѣдніе годы, когда, къ несчастію, въ Россіи царила нераздѣльно соціальдемократическая метафизика, сильно развилась у насъ манера, разбивать всю сложную историческую жизнь народовъ на клѣточки, каждой клѣточкѣ давать свое названіе: „Феодальный,

буржуазный, соціалистическій" и такъ далѣе, и сообразно этимъ названіямъ, расписывать прошедшій и будущій ходъ исторіи, и выводить программы практической дѣятельности. То, что продѣлываютъ въ теперешнихъ школахъ, гдѣ экзаменъ все, а знаніе неважно, и гдѣ, для того, чтобы ученикъ могъ запомнить къ экзамену кучу разрозненныхъ фактовъ, исторію народовъ разбиваютъ на совершенно искуственные, діалектическіе періоды, — тоже самое перенесли, къ сожалѣнію, и въ разборъ дѣйствительной русской жизни. Изъ такого разбора и выводили, напримѣръ, что теперь надо бороться только съ „феодальнымъ строемъ", — съ самодержавіемъ — а капитализмъ, какъ строй будущаго, ведущій къ соціализму, не только не надо трогать, но надо еще содѣйствовать его насажденію, — напримѣръ путемъ уничтоженія сельской общины и обращенія всѣхъ крестьянъ въ голодающихъ пролетаріевъ.

Нечего и говорить, что всѣ эти ученическія дѣленія рухнули, какъ только ихъ пришлось приложить к дѣйствительной жизни, съ ея реальными, сложными отношеніями. „Феодальный строй" самодержавія, оказывается, такъ тѣсно сплелся съ монополіею землевладѣнія, съ капитализмомъ, съ крупною промышленностью и съ монопольною торговлею, что самыми ярыми защитниками политическаго безправія оказались — *какъ всегда было въ исторіи — всѣ богатые*; т. е. землевладѣльцы, крупные чиновники, крупные фабриканты, комерсанты и т. д. и т. д. Всѣ они убоялись революціи, и за исключеніемъ немногихъ перебѣжчиковъ, всѣ поторопились перейти на сторону реакціи, лишь бы обуздать народъ.

Уже скопидомъ Александръ III, хоть и „феодалъ", но не хуже другаго „феодала", Бисмарка, зналъ цѣну биржевымъ бумагамъ и подъ шумокъ скупалъ тѣ изъ нихъ, что „понадежнѣе, для своихъ дѣтокъ. Что же до теперешнихъ великихъ князей и княгинь, то не только они крупные удѣльные и частные землевладѣльцы, но всѣ они пустились также и въ промышленность или комерцію:—кто торгуетъ лѣсами на Ялу, кто куритъ водку, кто курами торгуетъ, и для нихъ, для всѣхъ, „экспропріяція" земель безъ должнаго вознагражденія — такой же ненавистный красный призракъ, какъ и для французскаго лавочника.

Объ другихъ крупныхъ землевладѣльцахъ и говорить нечего. Всѣ они только тогда добровольно согласятся на признаніе конституціоннаго строя въ Россіи, если либеральныя наши партіи дадутъ имъ залогъ (какъ дали республиканцы во Франціи въ 1848 году), что онѣ будутъ держать крестьянскую массу въ той же страшной пролетарской нищетѣ, а городскихъ рабочихъ въ томъ же повиновеніи, какъ ихъ держало до сихъ поръ самодержавіе.

Но, если эти наши замѣчанія справедливы, то ясно становится одно. Борьба, начатая русскимъ народомъ, не можетъ ограничиться борьбою за политическія права. На сторонѣ самодержавія стоитъ капиталъ и землевладѣніе. И покуда народъ не начнетъ бить этихъ сторонниковъ рабства, по больному мѣсту — не въ Думѣ, а на мѣстѣ, въ полѣ, на фабрикѣ, на нефтяномъ заводѣ, на рыбной тонѣ, на пароходѣ и т. д. и т. д.—до тѣхъ поръ не получитъ онъ никакого облегченія своего рабства.

Рабство политическое сбрасывается лишь постолько, поскольку одновременно сбрасывается рабство экономическое.

Всѣ, кто не признаетъ этого, играютъ въ руку угнетателямъ народа.

П. Кропоткинъ.

ИЗЪ РОССІИ.

ВЫБОРЫ.

Россія представляетъ въ настоящую минуту самое неприглядное зрѣлище. По всей поверхности Имперіи, «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды» объ одномъ только и идетъ рѣчь: — Кто «пройдетъ»? Сколько нашихъ «проведемъ»? Сколько въ Думу пролѣзетъ „ихнихъ"? и т. д.

Русскій народъ, русская революція-- все это отошло куда-то, въ безконечную даль. Вопросъ дня, это — «пройдетъ ли Иванъ Ивановичъ? Или же, Боже упаси, Иванъ Никифоровичъ одолѣетъ?» Политическія программы запрятаны въ самые дальные карманы. Соціальдемократы и соціалисты-революціонеры стоятъ противъ конституціонныхъ демократовъ [кадетовъ] и прямо-таки торгуются съ ними. Они уже не говорятъ имъ: «уступите намъ на такомъ-то програмномъ вопросѣ, тогда мы можемъ вотировать съ вами за одно». Нѣтъ! они прямо говорятъ: «Согласитесь, вы, вотировать за троихъ изъ нашихъ — тогда мы съ вами». А тѣ имъ отвѣчаютъ: «Съ васъ и двухъ довольно! — «Нѣтъ, меньше трехъ нельзя: самимъ дороже стоитъ!» — «А мы больше двухъ не согласны. Мало у насъ своихъ, которыхъ надо пристроить»?

А кончается эта торговля съ кадетами,—начинается новая торговля соціальдемократовъ съ соціалистами-революціонерами.

И такъ идетъ торговля, нагло, публично, гласно, при всѣхъ. И никто-то не скажетъ имъ: «Одно изъ двухъ, господа. Или вопросъ о неприкосновенности собственности, на которомъ твердо стоятъ кадеты, составляетъ для васъ, соціалистовъ, основной вопросъ — вопросъ жизни вашей партіи, вопросъ личной совѣсти для каждаго изъ васъ: и тогда вы враги съ кадетами, и между вами не можетъ быть никакихъ соглашеній. Или же вопросъ о неприкосновенной собственности такъ же мало интересуетъ васъ, какъ и кадетовъ, а власть, власть вамъ нужна, такъ же какъ имъ!»

И то правда. Къ чему это говорить! Только самые зеленые юноши этого не понимаютъ, а люди мало-мальски опытные смѣются себѣ въ бороду. — «Ну да, власть! Чтобы васъ же дураковъ, вѣшать, если бунтовать будете. А вы что думали? Взаправду, соціализмъ, что-ли, намъ нуженъ»?...

Намъ скажутъ, конечно, что нельзя же безъ соглашеній; иначе даже кадеты не проберутся въ Думу, а набьются одни черносотенцы. Пусть такъ; но тогда, зачѣмъ же народъ обманывать, называясь соціалистами и становясь подъ красное знамя? Тогда нужно имѣть честность прямо сказать: „Въ соціализмъ я больше не вѣрю, говорить о немъ считаю несвоевременнымъ, и становлюсь прямо, ясно, простымъ радикаломъ, вотъ какъ Клемансо, и предупреждаю гг. соціалистовъ [Клемансо такъ и сдѣлалъ], что покуда мы не получимъ такихъ то политическихъ свободъ, народъ и я будемъ стоять по разныя стороны баррикады».

Но именно этого то и не скажутъ люди, стремящіеся къ власти, покуда сами рабочіе не поставятъ имъ опредѣленно этого ультиматума.

ГОЛОДЪ.

Тѣмъ временемъ, голодъ продолжаетъ косить въ Россіи свои жертвы. Не въ двадцати, а уже въ 34-хъ губерніяхъ народъ голодаетъ, и никто не дѣлаетъ ничего серьезнаго, чтобы помочь народу пережить ужасное время.

Казенный Красный Крестъ, конечно, ничего путнаго не дѣлаетъ. Деньги, поступающія въ его распоряженіе, либо расходуются самымъ нелѣпымъ образомъ разными флигель адъютантами и камергерами, не имѣющими даже понятія о томъ, изъ чего хлѣбъ пекутъ, и гдѣ рожь родится, или же онѣ заматываются и раскрадываются,—вонъ какъ было дѣло съ Александровскимъ въ Маньчжуріи.

Общеземская организація тоже совершенно безсильна, какъ по недостатку денегъ, такъ и по недостатку людей.

А общество, при этомъ проявляетъ самое полное равнодушіе. Въ то время, какъ какая нибудь работница, сама полу-голодная, шлетъ свои послѣднія 75 копѣекъ на голодающихъ и старается пробудить общество, — это общество проходитъ мимо, самымъ равнодушнымъ образомъ. Еще-бы! Оно такъ занято избирательными списками, „блоками", интригами: о голодныхъ ему и нѣкогда подумать.

Мы знаемъ, что намъ отвѣтятъ: «Русское правительство

довело народъ до такого голода: пусть къ нему и обращаются!» Но вѣдь такой отвѣтъ — нелѣпость. Нелѣпъ такой отвѣтъ, потому что правительство, доведшее народъ до голода, конечно безсильно теперь отвратить голодъ. Но и нечестный это отвѣтъ; потому что люди з н а ю т ъ, что правительство ничего путнаго не сдѣлаетъ, чтобы предотвратить голодъ, а потому, тѣ кто даютъ такой отвѣтъ просто про себя думаютъ, точно такъ же какъ и само правительство: «И пускай себѣ дохнуть!».

Между тѣмъ, такое отношеніе общества не только безнравственно, но со стороны революціонеровъ оно представляетъ еще самую ужасную ошибку. Знаютъ ли они, что великую французскую революцію больше всего подорвалъ голодъ 1793 и 1794 года? Когда народъ увидѣлъ, что Конвентъ, даже послѣ удаленія изъ него Жирондистовъ, равнодушно относится къ тому что громадныя части населенія, особенно въ городахъ, голодали. Когда бѣднота видѣла, что они, бѣдняки, цѣлыя ночи простаиваютъ у дверей булочныхъ, чтобы уйти назавтра съ полъ-хлѣбомъ на семью, а не то и вовсе безъ хлѣба, — тогда какъ самые ярые революціонеры кормились въ полю (одинъ только Маратъ сѣлъ на хлѣбъ и воду съ самаго начала революціи, да такъ и умеръ въ нищетѣ, разъѣдаемый цынгою) — тогда бѣдняки стали прислушиваться къ голосу тогдашнихъ черносотенцовъ — роялистовъ. А они ходили и говорили имъ: «Много выиграли, дурни, отъ революціи? Прежде нашъ батюшка Людовикъ XVI васъ кормилъ, а теперь поглядите на республиканцевъ, какъ о н и кутятъ, пока вы голодаете!...

Не преминутъ этого сдѣлать и наши черносотенцы, если только наши радикалы и соціалисты не поймутъ, какъ нелѣпо и какъ нечестно вышеприведенное разсужденіе, и въ той или другой формѣ не возьмутся за дѣло. Какъ взяться за это дѣло, трудно совѣтовать, не будучи на мѣстахъ, но вотъ, напримѣръ, отмѣтимъ хоть одинъ опытъ борьбы съ голодомъ, болѣе или менѣе «явочнымъ порядкомъ.» Въ Шуѣ, Владимірской губерніи, рабочіе всѣхъ фабрикъ собрались 4 февраля на площади для обсужденія вопроса, какъ понизить цѣны на хлѣбъ, и избрали для этого свою коммисію. Они рѣшили, на первыхъ порахъ, предложить всѣмъ ближайшимъ фабричнымъ районамъ, объединиться для борьбы съ хлѣботорговцами.

Надѣемся, что на этомъ движеніи не остановится, и что, столковавшись между собою и съ крестьянами, шуйскіе рабочіе придумаютъ что нибудь болѣе дѣйствительное чѣмъ выборы.

Телеграфъ приноситъ извѣстіе, что 7 февраля въ Пензѣ убитъ былъ губернаторъ, извѣстнѣйшій г. Александровскій, прославившійся въ Японскую войну, какъ одинъ изъ заправилъ Краснаго Креста. Его тогда открыто обвиняли газеты въ растратѣ денегъ, назначавшихся на уходъ за ранеными, и никогда на эти обвиненія не было дано отвѣта. Теперь, вѣроятно за его свирѣпство противъ крестьянъ, а также за новыя растраты, въ связи съ Гурко и Лидвалемъ, онъ былъ убитъ выстрѣлами изъ револьвера при выходѣ изъ театра. Послѣ выстрѣловъ, молодой человѣкъ вбѣжалъ въ театръ, отстрѣливался, но въ концѣ концовъ видя себя пойманнымъ, покончилъ съ собою, не сказавъ своего имени.

Стрѣлявшій оказался Анатолій Гитерманъ, сынъ инженера.

КАЗНИ.

Звѣрскія казни во славу Николая II продолжаются по-прежнему. Одно время, казалось, какъ будто, число ихъ уменьшилось. Теперь же, снова казнятъ, каждый день отъ 5 до 10 человѣкъ.

Казнятъ безъ всякаго разбора, на угадъ, и вотъ что телеграфируетъ въ Р у с ь ея корреспондентъ изъ Одессы, отъ 23 Января (5 февраля):

«Выясняется, что повѣшенные 19 января два брата Трегеры, Оренбахъ, и Грегерманъ пали жертвою ужасной судебной ошибки. Они ничего общаго, ни съ анархистами ни съ другими партіями не имѣли. Они убѣжали вмѣстѣ съ массою другихъ жильцовъ изъ дома, подвергшагося сильнѣйшему обстрѣлу, — который былъ пріостановленъ самимъ полицеймейстеромъ. Тяжело раненный городоваго Телюлюкина скрылся; п о в ѣ ш е н н ы е ж е н и к а к о г о о р у ж і я н е и м ѣ л и, н е о т с т р ѣ л и в а л и с ь. Несчастная мать Трегеровъ впала въ буйное помѣшательство, и нѣсколько разъ пыталась покончить съ собой».

Веселитесь, господа, въ Петергофѣ! вашъ праздникъ!

Изъ Вильны, того же числа телеграфируютъ въ «Русь» слѣдующее:

«Вчера казненъ анархистъ коммунистъ Майзель, оказавшій съ товарищами вооруженное сопротивленіе въ булочной Левина, причемъ были ранены околодочный и городовой, а другой городовой убитъ. Въ 5 часовъ утра Майзеля привязали къ фонарному столбу и дали залпъ изъ 16 ружей.

Въ О д е с с ѣ «бѣлогвардейцы», т. е. черносотенцы, покровительствуемые генералъ-губернаторомъ, творятъ всевозможныя безчинства. Каждый день бываетъ ранено по 30 — 40 человѣкъ, ножами, на улицѣ. По городу, „истинно-русскіе люди" усиленно распространяли передъ выборами прокламаціи, запрещавшія евреямъ, подъ страхомъ смерти, являться къ избирательнымъ урнамъ на выборы.

29 Декабря 1906 года военноокружной судъ въ Одессѣ присудилъ пятерыхъ товарищей: 1. Константина Тодорова, 17 лѣтъ, къ 8 годамъ тюремнаго заключенія; 2) Хаима Грифона, 17 лѣтъ, и Исаака Лооце, 18 лѣтъ, къ десятилѣтней каторгѣ; Эли Бекмана, 18 лѣтъ, и Рафаила Кучели, 20 лѣтъ, къ восьмилѣтней каторгѣ. Всѣ обвинялись въ принадлежности къ а.-к. и храненіи взрывчатыхъ веществъ.

К. Тодоровъ — болгаринъ, но ненавидя всякую тиранію, онъ, не смотря на свою молодость, боролся и въ Македоніи противъ кровожадной шайки Абдулъ Хамида, и въ Россіи, противъ его собрата — Николая II-го.

К а з н и в ъ Н и ж н е м ъ. —«Нижегородскій Листокъ» сообщаетъ нѣкоторыя подробности о казни товарищей, анархистовъ-коммунистовъ: Н. П. Денисова, А. Ф. Исакова, А. А. Юрьева, братьевъ Цвѣтковыхъ, П. А. Хилова и И. А. Киряшина.

Ихъ казнили глубокой ночью, во дворѣ 1-го тюремнаго корпуса. Изъ Москвы привезли спеціальнаго палача, которому заплатили 500 руб.

Между заключенными распустили слухъ, что ихъ везутъ казнить въ Москву и вечеромъ перевезли во 2-ую Кремлевскую часть.

Въ 3 ъ часу ночи ихъ повезли въ тюремныхъ каретахъ въ тюремный замокъ.

Смѣло, съ пѣснью „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой", вступили они во дворъ, гдѣ были воздвигнуты 4 висѣлицы. Сперва повѣсили четверыхъ, изъ которыхъ одинъ успѣлъ крикнуть: «да здравствуетъ анархическій коммунизмъ!» а потомъ — остальныхъ трехъ.

ПЫТКИ.

Въ одномъ изъ первыхъ нашихъ номеровъ мы говорили, со словъ нашихъ варшавскихъ товарищей, о пыткахъ, практикующихся въ Варшавской тюрьмѣ. Фактъ пытокъ былъ подтвержденъ и въ русскихъ газетахъ, и даже прокуроръ варшавскаго судебнаго округа хотѣлъ начать судебное преслѣдованіе противъ агента сыскной полиціи и его сыщиковъ, присланныхъ министромъ Дурново для этихъ пытокъ. Сколько намъ извѣстно, дѣло поднятое прокуроромъ кончилось впрочемъ ничѣмъ: прокурора, если не ошибаемся, перевели въ другой округъ. Но революціонеры отомстили недавно за своихъ пытанныхъ товарищей: 18 (31) января начальникъ варшавской сыскной полиціи былъ убитъ. На него напало нѣсколько вооруженныхъ человѣкъ, когда онъ ѣхалъ по улицѣ, и онъ былъ убитъ на мѣстѣ.

Имя его было Гринъ. Онъ былъ очень богатый человѣкъ, и вступилъ въ сыщики изъ любви къ искуству. Изъ той же любви къ искуству онъ пыталъ. Его убила польская соціалистическая партія.

Но теперь оказывается, что русское правительство прибѣгло къ пыткамъ не въ одной Варшавѣ. Арестованныхъ революціонеровъ пытали также въ Харьковѣ, въ Екатеринославѣ, въ Одессѣ, и въ особенности въ Ригѣ.

Носятся слухи, что и въ Петербургѣ тоже пытаютъ приговоренныхъ къ смерти, которыхъ ведутъ на казнь уже съ переломанными костями и съ тѣломъ, покрытымъ самыми ужасными ранами. Этотъ слухъ сообщаетъ въ Лондонъ, своей газетѣ, извѣстный своею сдержанностью и осторожностью корреспондентъ либеральной газеты „Tribune".

О пыткахъ же въ Ригѣ, имѣются самыя точныя и опредѣленныя свѣдѣнія, какъ это намъ лично извѣстно, собранныя самымъ компетентнымъ лицомъ, и эти свѣдѣнія, со всѣми свидѣтельскими показаніями, скоро будутъ обнародованы. Покуда, вотъ что сообщаетъ (5 февраля 1907) спеціальный корреспондентъ «Tribune», нарочно ѣздившій въ Ригу

Комната, гдѣ пытаютъ, расположена во 2-мъ этажѣ центральнаго Охраннаго Отдѣленія, надъ одиночными камерами. Посреди ея стоитъ пытальная скамья, а стѣны обвѣшаны орудіями пытки: гутаперчевыя трубки, наполненныя дробью, крючья, клещи, желѣзные тиски, длинныя иглы, желѣзные прутья, облитые смолой, зажимы съ винтами, чтобы раздроблять кисти рукъ, и т. д.

Пытки выполняютъ 15 человѣкъ, подъ командой начальника Охраннаго Отдѣленія и двухъ сыщиковъ.

«Иногда, говоритъ корреспондентъ, при пыткахъ присутствуютъ нѣмецкіе бароны и землевладѣльцы».

Пытки дѣлаются самыя ужасныя, — бьютъ, рвутъ тѣло клещами, вытаскиваютъ зубы и, какъ въ Барселонѣ (Монжюихѣ), нѣкоторыя пытки невозможно разсказать въ печати.

Если пытаемый оговоритъ кого нибудь, оговореннаго казнятъ; но и сами пытанные, какіе бы ни были ихъ оговоры, тѣмъ или другимъ образомъ исчезаютъ съ лица земли. Ихъ тоже убиваютъ, чтобы скрыть слѣды.

Все это дѣлается почти совершенно явно. Есть доктора, священники, военные судьи, которые знаютъ про пытки и громко говорятъ про нихъ...

Вотъ до чего дошло русское, т. е. петергофское правительство.

Напомнимъ, что совершенно такія же пытки совершали лѣтъ десять тому назадъ, надъ анархистами въ Монжюихѣ. Испанская печать боялась говорить о нихъ, но о нихъ говорили въ обществѣ; и когда королева-мать, отдавшая всю свою жизнь на воспитаніе сына, стала получать изъ разныхъ мѣстъ письма, что ея сына убьютъ, если она не вступится въ это дѣло, — она послала своего исповѣдника, чтобы удостовѣриться на мѣстѣ въ истинномъ положеніи дѣлъ, и тогда правда начала выходить наружу, и пытки прекратились.

Затѣмъ, благодаря усиліямъ нашихъ товарищей, была поднята сильная агитація въ Англіи, въ Германіи [особенно Шпильгагеномъ и «Франкфуртскою газетою]», въ Америкѣ. Когда первый министръ, Кановасъ-дель-Кастильо былъ убитъ Анджіолиллой въ 1897 году, тогда испанское правительство рѣшилось выпустить всѣхъ пытаемыхъ, а равно и всѣхъ 16 человѣкъ, приговоренныхъ къ каторгѣ по оговорамъ пытаемыхъ.

Испанская королева, та, по крайней мѣрѣ, хоть не знала о пыткахъ, и узнавши объ нихъ, воспротивилась имъ. А у насъ, въ Петергофѣ знаютъ это и еще нарочно посылаютъ палачей во всѣ концы Россіи. Сыскная полиція — это дорогіе сердцу нашихъ петергофцевъ сотрудники.

Локауты. — Обращаемъ вниманіе на помѣщаемое ниже извлеченіе изъ прокламаціи, выпущенной въ Минскѣ. Локауты, о которыхъ въ ней говорится, вошли уже въ систему тактики польской буржуазіи, которой такъ же мало дѣла до освобожденія Польши изъ подъ царскаго гнета, какъ и до освобожденія Россіи вообще отъ ига петергофскихъ палачей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что локауты, изъ Польши и Западнаго края распространятся и на Россію вообще. Русское дворянство и буржуазія не хуже французскихъ лавочниковъ въ 1848 и 1871 году, перепугались за свою собственность и громко кричатъ: «Смерть коммунистамъ!» Ради этого они готовы сплотиться вокругъ любаго сильнаго кулака. Имъ — что! грабить бѣдноту можно при всякомъ правительствѣ.

АНАРХИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ

«Буржуазія организуется — смерть буржуазіи.» Прокламація Минской группы А. К. Типографія «Безвластіе». Январь 1907 года.

Настоящая прокламація въ три большихъ столбца, посвящена разбору и освѣщенію новой тактики самозащиты буржуазіи, перенесенной на русскую почву, т. е. локаутовъ коснувшихся и Минска. Товарищи указываютъ на локауты, какъ на признакъ организаціи буржуазіи на почвѣ завоеванія «политическихъ свободъ», за которыя проливали свою кровь рабочія и крестьянскія массы, одураченныя политиканствующими «социалистическими» партіями. Эти партіи, стараясь использовать боевую способность трудящихся массъ въ цѣляхъ политическихъ, и твердя имъ постоянно о необходимости постепенной, «легальной борьбы» за экономическіе интересы, путемъ мирныхъ стачекъ, переговоровъ, сдѣлокъ и соглашеній, сдѣлали его безсильнымъ сопротивляться даже отнятію завоеванныхъ «свободъ», неистовствамъ реакціи правительствъ и новой тактикѣ буржуазіи.

Въ этомъ обезсиленіи трудящихся, товарищи обвиняютъ... впрочемъ вотъ выдержка изъ прокламаціи: «Товарищи рабочіе! Мы обвиняемъ передъ вами въ этомъ тѣхъ, кто съ самого начала старался затемнить ваше классовое самосознаніе увѣреніями, что между вами и буржуазіей могутъ быть общіе интересы; тѣхъ кто утверждаетъ, что историческій процессъ «фатальный и неумолимый» требуетъ, чтобы мы завоевали раньше свободу для буржуазіи, а потомъ ужъ для себя; тѣхъ, кто вмѣсто борьбы за свои пролетарскіе интересы, звалъ на борьбу за интересы буржуазіи. Мы обвиняемъ въ этомъ тѣхъ, кто считая себя единственными представителями пролетаріата, въ дѣйствительности измѣняли его дѣлу и сводили его съ пролетарскаго пути на путь буржуазный; тѣхъ, кто постоянно входили и входятъ въ сдѣлки и соглашенія, въ союзы и блоки съ нашими эксплуататорами и призываютъ и насъ вступить въ соглашенія съ ними. Мы обвиняемъ въ этомъ тѣхъ, кто постоянно утверждалъ, что только мирной парламентской «борьбой» рабочій классъ можетъ въ современномъ капиталистическомъ строѣ улучшить свое положеніе. Мы обвиняемъ въ этомъ тѣхъ, кто экспропріацію буржуазіи безработными или стачечниками называлъ разбоемъ, и террористическую борьбу противъ нея насиліемъ (звѣрствомъ?); тѣхъ, кто организовывая безработныхъ, пуще огня боится нарушенія ими священной частной собственности, и во избѣжаніе этого усыпляютъ ихъ безплатными столовыми и дешевымъ супомъ, и направляютъ ихъ съ петиціями въ городскія думы — къ той же буржуазіи, виновницѣ всѣхъ бѣдствій; тѣхъ, кто во время стачекъ и кризисовъ заставлялъ самихъ же рабочихъ и безработныхъ охранять имущество и капиталъ буржуазіи отъ рабочихъ и безработныхъ; тѣхъ, кто изъ солидарности съ буржуазіей разстрѣливалъ рабочихъ и безработныхъ, посягнувшихъ на право частной собственности. Мы обвиняемъ въ этомъ не самое буржуазію, не бюрократію, — а всѣ тѣ соц. политическія партіи — с. д., с. р., п. п. с., Бундъ, с. с., и пр. и пр. — которыя всегда и всюду подъ маской соціализма поддерживали современный капиталистическій строй, содѣйствовали буржуазіи, усыпляли обездоленныхъ и угнетенныхъ и довели ихъ до положенія жалкихъ и безсильныхъ рабовъ.»

Кончается прокламація призывомъ къ настоящей революціонной борьбѣ съ буржуазіей, къ дезорганизаціи буржуазіи, начавшей организовываться, къ нападенію на наиболѣе энергичныхъ ея представителей — виновниковъ локаутовъ. Въ выстрѣлахъ со стороны неизвѣстныхъ въ фабриканта Брона, въ Минскѣ, товарищи видятъ доказательство, что рабочій классъ «не совсѣмъ еще усыпленъ, что живо въ немъ еще чувство человѣческаго достоинства, чувство мести, что въ сердцѣ его горитъ и не гаснетъ чувство возмущенія, страстное желаніе окончательно освободиться отъ своихъ поработителей и рабства.»

«Тиранамъ, палачамъ и насильникамъ — смерть», прокламація изданная Федеративными Группами Анархистовъ Коммунистовъ, тип. „Безвластіе“, Январь 1907.

Прокламація говоритъ о томъ, какъ 11 января, а.-к. Н. Фридманъ тяжело ранилъ, въ Гродно, тюремнаго надзирателя Коханскаго, прославившагося своими звѣрскими обращеніями съ заключенными.

Надзиратель былъ раненъ выстрѣломъ, на улицѣ. Ему на помощь подоспѣлъ стоявшій на посту городовой, но подбѣжавшій Фридману на помощь неизвѣстный убилъ городоваго.

Тогда Фридманъ скрылся отъ преслѣдованія во дворѣ одного дома; другой же, хотя и отстрѣливался на улицѣ, но былъ задержанъ городовымъ, жандармомъ и солдатомъ. Къ нему на помощь, въ свою очередь подоспѣли еще двое. Городовой былъ убитъ, жандармъ и солдатъ ранены, а задержанный ими неизвѣстный освобожденъ, всѣ трое успѣли скрыться.

Фридманъ же, скрывшійся въ домѣ, отстрѣливаясь, убилъ околодочнаго Тавреля и городоваго. Обстрѣливаемый солдатами, онъ боролся до послѣдней возможности, и когда дальнѣйшее сопротивленіе было уже невозможно, онъ послѣднимъ выстрѣломъ покончилъ съ собою.

Прокламація заканчивается словами: «Пусть народная месть будетъ вѣчной угрозой всѣмъ палачамъ и насильникамъ.»

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ОТДЫХЪ.

Рабочая агитація и событія 1 го мая побудили французское правительство издать законъ, по которому хозяева должны давать своимъ рабочимъ еженедѣльный отдыхъ, то есть одинъ день въ недѣлю для отдыха. И этотъ законъ былъ для насъ прекраснымъ жизненнымъ урокомъ.

Законъ не примѣняется. Прежде, можетъ быть, рабочіе покорились бы; они удовольствовались бы тѣмъ, что парламентъ доказалъ свои добрыя намѣренія. Но опытъ и пропаганда научили ихъ не полагаться на внѣшнее проявленіе благосклонности политиканомъ. Дѣло не въ томъ, чтобы былъ вотированъ «хорошій законъ»; нужно, чтобы реформа была примѣнена. Но этого вовсе не имѣли въ своихъ намѣреніяхъ политиканы. Они думали, что весь законъ разсыплется въ прахъ, среди всякихъ его нарушеній, позволенныхъ и произвольныхъ.

И вотъ, оказывается, что заинтересованные, мало заботясь о законѣ, принимаютъ всякія мѣры и дѣйствуютъ, чтобы заставить хозяевъ ввести еженедѣльный отдыхъ на дѣлѣ. Такъ что теперь сами политиканы уже протестуютъ противъ «претензій рабочихъ», которыя, говорятъ они, невозможно принять, безъ ущерба для процвѣтанія торговли и промышленности. Полицейскіе комиссары и рабочіе инспектора отказываются двинуться съ мѣста, когда ихъ приглашаютъ для того, чтобы констатировать случай нарушенія закона. Полиція покровительствуетъ преступнымъ хозяевамъ. Общественныя власти закрываютъ глаза. Такимъ образомъ, ясно выступаетъ тотъ фактъ, что свобода не дарится и не выпрашивается, а берется; и въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что свобода, о которой идетъ рѣчь, получила легальное существованіе, а на дѣлѣ не примѣняется.

Однако, такъ какъ законъ существовалъ, то казалось болѣе простымъ, имъ воспользоваться. Впрочемъ слишкомъ многимъ рабочимъ было бы непонятно безучастное отношеніе къ законнымъ формальностямъ, разъ законъ былъ за нихъ. Итакъ, были посланы делегаты къ властямъ для указанія имъ случаевъ нарушенія закона и для предъявленія жалобъ на бездѣятельность чиновниковъ. Министръ труда, соціалистъ, гражданинъ Вивіани, принялъ делегатовъ самымъ любезнымъ образомъ, надавалъ имъ обѣщаній и выпустилъ оффиціальный циркуляръ, предписывавшій строгое примѣненіе новаго закона. Но въ тоже время онъ разослалъ конфиденціальные циркуляры, предписывая своимъ подчиненнымъ оказывать всевозможныя снисхожденія и уступки хозяевамъ, — что означало, закрывать глаза.

Все это убѣдило рабочихъ, что они могутъ разсчитывать только на самихъ себя. Въ сущности, дѣло для нихъ заключается въ томъ, чтобы ввести еженедѣльный отдыхъ въ обычай. Въ виду недобросовѣстнаго и даже непріязненнаго отношенія со стороны общественныхъ властей и правосудія, они дѣйствуютъ п р я м о на своихъ нанимателей. Впрочемъ, они не дожидались закона, чтобы начать свою борьбу. Не законъ побудилъ ихъ къ борьбѣ, а наоборотъ ихъ борьба за еще болѣе общія требованія побудила правительство дать имъ текстъ закона, предоставляя рабочимъ позаботиться о томъ, чтобы ввести еженедѣльный отдыхъ самимъ.

Но мало получить еженедѣльный отдыхъ, нужно также ѣсть въ этотъ день. И дѣло осложняется. Хозяева могутъ уступить, что касается отдыха, но они не хотятъ платить за этотъ день. Рабочій же предпочтетъ скорѣе работать каждый день, чѣмъ потерять заработную плату одного дня, — плату, необходимую для его существованія и содержанія его семьи. Онъ будетъ принужденъ тратить свои силы и свою жизнь и обходиться безъ отдыха и свободнаго времени, только, чтобы не лишиться хлѣба.

Понятно, почему многіе рабочіе колебались требовать еженедѣльнаго отдыха въ тѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ имъ платятъ поденно. Нужно было добиваться получить, и день отдыха, и увеличеніе поденной платы, которое вознаградило бы потерю. Та же борьба произошла, впрочемъ, и въ другихъ корпораціяхъ, гдѣ существуетъ обычай платить помѣсячно (торговые прикащики) или понедѣльно (булочники). Но здѣсь войну объявили хозяева; они хотятъ платить своимъ служащимъ поденно, чтобы не платить за день отдыха.

Въ то время, какъ происходятъ эти стычки, хозяева нашли болѣе вѣрное средство, чтобы обойти законъ. Со времени появленія закона, цѣны на съѣстные припасы поразительно увеличились, какъ бы въ доказательство относительной недостаточности реформъ въ капиталистическомъ обществѣ. Овощи, какъ свѣжіе, такъ и въ сухомъ видѣ, яйца, масло, вздорожали. Въ прошломъ году на одинъ су (2 коп.) можно было купить шавеля для супа, теперь за такое же количество надо платить три су. Мыло продается 30 сантимовъ фунтъ вмѣсто 25. Щетки, корзинки и т. д. продается на 20 процентовъ дороже, и т. д. Въ Брестѣ хозяева гостинницъ увеличили цѣну номерамъ и кушаньямъ и т. д. Торговцы цинично заявляютъ, что они вынуждены были увеличить цѣны, въ силу примѣненія новаго закона. Въ дѣйствительности, это чаще всего простой предлогъ, чтобы продавать дороже, ибо законъ еще далеко не примѣненъ и многіе мелкіе торговцы, торгующіе сами, совершенно не подходятъ подъ законъ, но имъ пользуются.

Такимъ образомъ, когда послѣ теперешняго рабочаго волненія, вновь установится спокойствіе, ничто не измѣнится. Рабочіе будутъ отдыхать одинъ день въ недѣлю, но жизнь ихъ будетъ стоить дороже; стало быть они сами будутъ платить за свой день свободы.

Не надо однако быть слишкомъ мрачно настроеннымъ. Эта свобода будетъ все таки полезна для рабочихъ. Отдыхъ и свободное время составляютъ жизненную необходимость; и быстрота, съ какой производится трудъ и протекаетъ сама жизнь—быстрота, являющаяся результатомъ торжествующаго машинизма — дѣлаетъ необходимымъ систематическій отдыхъ. Кромѣ того, рабочіе нѣкоторыхъ отраслей труда, черезчуръ эксплуатируемые, найдутъ въ новомъ порядкѣ реальную выгоду. Рабочее давленіе можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ тѣхъ въ которыхъ экономическое процвѣтаніе основывается на нищетѣ рабочихъ) принудить хозяевъ отказаться отъ нѣкоторой части своихъ барышей. А затѣмъ, нужно, чтобы рабочіе научились дѣлать усилія, бороться, бунтовать. Всякое движеніе, всякое броженіе служатъ воспитательнымъ средствомъ.

Нужно замѣтить, что настоящее движеніе, за нѣкоторыми исключеніями, не касается промышленныхъ рабочихъ. Послѣдніе всегда пользовались еженедѣльнымъ отдыхомъ и получаютъ поденную плату; только въ тѣ моменты, когда есть спѣшная работа, рабочій проработаетъ нѣсколько воскресеній и онъ часто видитъ въ этомъ выгоду, такъ какъ получаетъ усиленную плату.

Въ другихъ отраслихъ—напр., прикащики колоніальныхъ магазиновъ, уже получили отдыхъ съ 12 часовъ дня воскресенья до 12 ч. дня понедѣльника, послѣ крупной стачки, происходившей въ декабрѣ мѣсяцѣ 1905 года. Мясники также запирали свои лавки послѣ 12 часовъ въ воскресенье: только это закрытіе продлили теперь до 12 ч. дня понедѣльника. Законъ, слѣдовательно, могъ касаться только парикмахеровъ, гарсоновъ въ кафе или гостинницахъ, булочниковъ, прикащиковъ въ магазинахъ.

Среди гарсоновъ въ парикмахерскихъ, движеніе началось еще давно; оно было даже облегчено постепеннымъ присоединеніемъ мелкихъ хозяевъ, которые работаютъ сами и составляютъ большинство корпораціи; въ ихъ интересахъ, тоже, получить себѣ отдыхъ, при условіи защиты отъ конкурренціи сосѣдей, посредствомъ всеобщаго закрытія парикмахерскихъ въ опредѣленный день.

Въ данномъ случаѣ, стало быть, законъ только ускорилъ уже вполнѣ готовое рѣшеніе. Хозяева булочныхъ энергично сопротивляются, но рабочіе твердо держатся и борятся съ неменьшей силой, и за отдыхъ, и за удержаніе заработной платы на томъ же уровнѣ.

Остается сказать нѣсколько словъ о прикащикахъ магазиновъ, которые еще слишкомъ часто являются настоящими паріями необузданной эксплуатаціи. Болѣе активные обыкновенно посѣщаютъ политическіе кружки, избирательные комитеты. Имъ противно дѣйствовать «какъ мальчишки, или какъ сорванцы», и выходить съ манифестаціями на улицу. Однако, было нѣсколько манифестацій прикащиковъ, съ лозунгомъ: «Да здравствуетъ законъ». Это показываетъ настроеніе прикащиковъ. Чтобы поддержать агитацію и увлечь наиболѣе нерѣшительныхъ, понадобилось создать междусиндикальную коммиссію, безъ различія профессій. Праздники [Рождество и Новый Годъ] на время пріостановили движеніе, но на воскресенье 20 января въ Парижѣ готовится большая общая манифестація. Если бы тронулась громадная армія прикащиковъ столицы, то результатъ получился бы несомнѣнный. Но есть опасеніе думать, что въ силу инертности этой самой многочисленной корпораціи прикащиковъ, манифестація не удастся. Но все таки останется возможность

прямого воздѣйствія со стороны наиболѣе энергичныхъ личностей на каждаго коммерсанта въ отдѣльности.

М. Пьерро.

Р. . Въ послѣднюю недѣлю передъ манифестаціей стали появляться утѣшительные симптомы въ смыслѣ удачи манифестаціи. Всѣ рабочіе корпораціи, даже тѣ, которыя не были заинтересованы въ данномъ требованіи, старались оказать другъ другу свою поддержку и содѣйствіе. Самыя скромныя организаціи были вовлечены въ движеніе болѣе энергичными элементами. Въ такихъ условіяхъ правительство вдругъ запретило всякую манифестацію на 20-е января, и это запрещеніе стало извѣстнымъ только наканунѣ (въ субботу).

Очевидно власти были увѣдомлены о вѣрномъ успѣхѣ манифестаціи, — иначе нельзя себѣ объяснить это правительственное вмѣшательство. Освѣдомленное черезъ своихъ оффиціальныхъ и угодливыхъ шпіоновъ, министерство, которое не тронулось бы съ мѣста, еслибы оно думало, что движеніе не имѣетъ никакой силы рѣшило помѣшать демонстраціи, которая не была бы простой прогулкой, а имѣла цѣлью заставить закрыть магазины упорныхъ хозяевъ.

Правительство насчитывало 12.000 манифестантовъ. Оно мобилизировало 15.000 человѣкъ полиціи, муниципальной гвардіи и солдатъ. Слѣдуя своей методѣ г-нъ Клемансо велѣлъ закрыть Биржу Труда, такъ что рабочіе не могли тамъ собраться. Это не помѣшало однако рабочимъ манифестировать болѣе или менѣе многочисленными группами, что вызвало столкновенія и аресты.

Цѣль Конфедераціи Труда была достигнута во всѣхъ отношеніяхъ, потому что, во первыхъ, было уличное волненіе, а во 2-хъ поднялся шумъ въ прессѣ. Оскорбительныя мѣры, принятыя министромъ внутреннихъ дѣлъ придали только большее значеніе этому дѣлу, и онѣ только возбудили умы самыхъ смирныхъ рабочихъ и разбудили ихъ чувство.

М. П.

БУДУЩІЙ РАБОЧІЙ АНАРХИЧЕСКІЙ И КОММУНИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

Недавно было распространено среди товарищей разныхъ странъ воззваніе (на нѣсколькихъ языкахъ , въ которомъ ихъ приглашаютъ собраться въ Амстердамъ на международный анархическій конгрессъ втеченіи лѣта 1907 года. Мнѣ кажется не лишнимъ остановиться здѣсь на значеніи этого конгресса, чтобы привлечь къ участію въ немъ возможно большее число русскихъ анархическихъ группъ *).

Этотъ конгрессъ уже называютъ первымъ международнымъ анархическимъ конгрессомъ. И въ самомъ дѣлѣ, цюрихскій конгрессъ 1893 года и лондонскій 1896-го происходили одновременно съ конгрессами соціальдемократическими и такъ сказать подъ сѣнью общаго соціалистическаго движенія, изъ котораго въ то время еще не вышли революціонные элементы.

Затѣмъ, когда въ 1900 году, во время парижской всемірной выставки, революціонеры разныхъ странъ задумали устроить отдѣльную международную конференцію, имъ пришлось удовольствоваться нѣсколькими частными собраніями, такъ какъ открытая конференція была запрещена. Настоящій конгрессъ вызывается необходимостью, вызывается самими потребностями нашей пропаганды; это придаетъ ему большое значеніе, какъ теоретическое, такъ и практическое.

Товарищи, взявшіе на себя инициативу созыва конгресса, указываютъ на то, что „въ послѣдніе годы въ принципахъ и въ тактикѣ свободныхъ коммунистовъ и анархистовъ обнаружились новыя теченія", и что эти теченія, какъ и поставленныя общественныя задачи „тѣсно связаны между собою". Это совершенно вѣрно, и въ этомъ то и лежитъ главное значеніе будущаго конгресса.

Захватный порядокъ**) нашихъ товарищей синдикалистовъ обновилъ рабочее движеніе въ его практической борьбѣ, и для рабочихъ союзовъ многихъ странъ положилъ начало новой эрѣ. Товарищи, подписавшіе воззваніе, совершенно правы, поэтому, когда прежде всего выдвигаютъ этотъ фактъ: въ немъ—зародышъ новаго движенія, которымъ анархисты обязательно должны воспользоваться. Спросимъ, однако, у наиболѣе сознательныхъ революціонныхъ синдикалистовъ —во Франціи, въ Голландіи или въ какой бы то ни было странѣ, гдѣ только синдикальное движеніе, признающее своимъ лозунгомъ „захватный порядокъ", занимаетъ видное мѣсто—спросимъ у нихъ, не нуждаются ли они, для сохраненія пріобрѣтеннаго ими вліянія, въ поддержкѣ общаго анархическаго движенія, которое бы постоянно доставляло рабочимъ союзамъ революціонные элементы. Спросимъ у нихъ, не грозятъ ли мелкія побѣды, одерживаемыя рабочими союзами надъ хозяевами, нѣкоторой опасностью—опасностью увлечь рабочихъ, попавшихъ въ привилегированное положеніе, на путь консервативнаго, парламентскаго оппортунизма, на путь реформаторства? и не нужно ли, для предотвращенія этой опасности, чтобы мы—революціонеры и анархисты—сплотились тѣснѣе, и тѣснѣе завязали между собою международныя отношенія.

Такое движеніе, какъ антимилитаризмъ, является, конечно, удобной почвой для пропаганды, но цѣль его чисто отрицательная; мы, разсматривающіе и эволюцію общества, и нашу собственную пропаганду въ цѣломъ, должны выработать для этого исключительно оппозиціоннаго движенія положительныя требованія. Намъ нужно высказаться по вопросу о томъ, что хотимъ мы противупоставить современнымъ постояннымъ арміямъ, современнымъ профессіональнымъ солдатамъ: пассивное ли сопротивленіе христіанскихъ антимилитаристовъ, народную ли милицію [Volksarmee], проповѣдуемую многими антимилитаристами соціальдемократами, или же свободное вооруженіе народа, возможность для всѣхъ гражданъ обучаться искусству владѣть оружіемъ.

Точно также, въ качествѣ коммунистовъ-анархистовъ, мы должны высказаться относительно антиклерикализма и проведенія принциповъ свободы и коммунизма въ воспитаніе, относительно нео-кооперативнаго движенія, и многихъ другихъ вопросовъ. «Наши коммунистическіе и анархическіе взгляды», писалъ я въ другомъ мѣстѣ*), «составляютъ въ вопросахъ экономики, политики, нравственности и т. д., одно цѣлое, и только въ цѣломъ могутъ обсуждаться и рѣшаться и великіе общественные вопросы.» Наша задача заключается въ томъ, чтобы обсудить — и, если возможно, придти въ этомъ къ соглашенію — значеніе отдѣльныхъ составныхъ частей соціальной проблемы по отношенію къ цѣлому, разсмотрѣть отношеніе нашего свободнаго коммунистическаго движенія къ тому цѣлому, которое представляетъ собою анархія, но анархія въ томъ видѣ, какой она приняла со времени ея проникновенія въ рабочій классъ.

Такова будущая роль амстердамскаго международнаго конгресса, таково то дѣло, которое онъ выполнитъ, заставивъ насъ бросить общій взглядъ какъ на наши принципы, такъ и на нашу тактику. Это — дѣло насущное и необходимое, если мы хотимъ подготовить новый и повсемѣстный разцвѣтъ нашего движенія и успѣшно продолжать нашу работу проникновенія въ народныя массы.

Необходимо это не только въ теоретическомъ, но также — и иногда прежде всего — и въ практическомъ отношеніи. На такихъ задачахъ, какъ синдикализмъ и усвоеніе захватнаго порядка какъ пріема борьбы, это видно вполнѣ ясно: но такой же непосредственный практическій интересъ могутъ имѣть для многихъ странъ наши взгляды на свободное воспитаніе или на борьбу съ церковью. А если мы возьмемъ Россію: развѣ не слѣдовало бы намъ обсудить — хотя бы съ чисто практической точки зрѣнія — чему научила насъ русская революція? Затѣмъ: не слѣдовало ли намъ ясно выразить наше отношеніе къ толстовству въ Россіи и къ тактикѣ пассивнаго сопротивленія на христіанской почвѣ, распространенной въ Англіи?

Если амстердамскій конгрессъ дѣйствительно можетъ имѣть такое насущное значеніе для революціоннаго движенія во всѣхъ его проявленіяхъ, то успѣхъ этого конгресса обезпеченъ. Нужно только, чтобы повсюду, во всѣхъ странахъ, мы приложили къ этому всѣ старанія.

Организаторы конгресса поступили въ этомъ отношеніи

*) Воззваніе подписано впрочемъ анархическими федераціями пяти странъ: въ числѣ ихъ фигурируетъ лондонская федерація анархистовъ еврейскаго нарѣчія состоящая главнымъ образомъ изъ русскихъ товарищей.

**) «Action directe» французовъ. Прим. ред.

*) «Almanach illustre de la Revolution» (Иллюстрированный революціонный Календарь) на 1907 годъ.

вполнѣ цѣлесообразно, по моему, рѣшивъ придать будущему собранію форму, свойственную ученымъ конгрессамъ, на которыхъ вопросы обсуждаются совершенно свободно, но не существуетъ никакихъ обязательныхъ рѣшеній, «что нисколько не мѣшаетъ намъ интересоваться тѣмъ, сколько группъ, или отдѣльныхъ товарищей раздѣляютъ то или другое мнѣніе.» Этотъ организаціонный пріемъ избавитъ насъ отъ множества вопросовъ, играющихъ до сихъ поръ такую видную роль на конгрессахъ соціальдемократическихъ и синдикальныхъ (напр. провѣрка полномочій, требующая очень много времени, въ ущербъ настоящей работѣ, а также отъ нѣкоторыхъ чисто-формальныхъ вопросовъ, какъ напр. вопросъ о предсѣдательствѣ, о допущеніи отдѣльныхъ личностей, никѣмъ не делегированныхъ и цѣлый рядъ другихъ, когда то дорого стоившихъ анархическимъ собраніямъ, но теряющихъ всякое практическое значеніе, разъ только мы твердо рѣшаемъ сдѣлать обсужденіе совершенно свободнымъ и избѣгнуть всякихъ «побѣдъ» большинства надъ меньшинствомъ.

Будемъ, поэтому, надѣяться, что амстердамскій конгрессъ удастся, и будемъ работать для этого. За полгода можно сдѣлать многое въ разныхъ странахъ. Намъ необходимо съѣхаться, чтобы обмѣняться взглядами и сговориться относительно наилучшихъ пріемовъ пропаганды. Въ этомъ — главная наша задача.

Христіанъ Корнелиссенъ.

Статья Корнелиссена была уже набрана, когда мы получили слѣдующее воззваніе нѣсколькихъ анархическихъ группъ. Мы печатаемъ его вполнѣ, такъ какъ въ немъ подняты нѣкоторые важные вопросы — объ способѣ организаціи съѣзда, о томъ, кого «принимать на этотъ конгрессъ», вотировать, или нѣтъ по теоретическимъ и программнымъ вопросамъ и т. д.

Хотя товарищи, взявшіе на себя созывъ конгресса и придали своему воззванію форму изъ которой можно заключить, что всѣ эти вопросы уже рѣшеные, но мы напомнимъ нашимъ товарищамъ, что печатаемое воззваніе есть, пока, ничто иное какъ предложеніе.

Какую форму придать съѣзду, и все что касается его внутренной организаціи, — все это еще вопросы по которымъ мы должны сперва выслушать мнѣніе анархическихъ группъ и организацій во Франціи, въ Испаніи, въ Россіи и т. д. прежде чѣмъ властно рѣшать ихъ.

Поэтому мы просимъ нашихъ русскихъ товарищей присылать намъ свои соображенія по этому поводу, а мы съ своей стороны будемъ сообщать нашимъ читателямъ, какія мнѣнія высказываются по этимъ вопросамъ въ анархической печати разныхъ странъ.

П. К.

Товарищи!

Когда въ 1893 году въ Цюрихѣ, въ Тонгаллѣ, собрался рабочій соціалистическій конгрессъ, анархисты и наиболѣе революціонныя соціалистическія фракціи рѣшили собраться отдѣльно и занять позицію противъ парламентскаго реформистскаго теченія. Нѣкоторые делегаты общаго конгресса и многіе анархисты которые знали о проэктѣ этихъ революціонныхъ собраній, каждый вечеръ приходили на нашъ конгрессъ, происходившій въ локалѣ на улицѣ Платтенгартенъ, въ Цюрихѣ. «Анархическій конгрессъ», какъ онъ былъ сейчасъ же названъ въ прессѣ различныхъ странъ, сталъ фактомъ, значеніе и успѣхъ котораго были встрѣчены съ общимъ чувствомъ удовлетворенія въ революціонныхъ средахъ.

Второй конгрессъ въ томъ же родѣ происходилъ въ 1896 году въ Лондонѣ, также одновременно съ общимъ соціалистическимъ конгрессомъ. И вспомнимъ, что въ Лондонѣ произошелъ ясный и окончательный расколъ между соціалистами парламентаристами и коммунистами революціонерами, вслѣдствіе исключенія анархистовъ соціалистическимъ конгрессомъ.

Съ тѣхъ поръ является необходимость общей и особой дѣятельности всѣхъ анархическихъ коммунистическихъ и революціонныхъ элементовъ.

Во время международной выставки 1900 года въ Парижѣ, готовился новый международный рабочій революціонный конгрессъ. Министерство Вальдекъ-Мильранъ (Мильранъ соціальдемократъ) запретило этотъ конгрессъ, но на нѣсколькихъ тайныхъ собраніяхъ, происходившихъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ, товарищи, съѣхавшіеся съ обоихъ континентовъ, могли, по крайней мѣрѣ, обсудить одинъ или два важные пункта.

Нижеподписавшіяся федераціи анархическихъ и коммунистическихъ группъ рѣшили созвать четвертый международный конгрессъ, подготовку котораго взяли на себя Бельгія и Голландія и который будетъ происходить въ Амстердамѣ, лѣтомъ 1907 года, мѣсяцъ и число будутъ указаны позднѣе.

Мы хотимъ принимать на этотъ конгрессъ не только делегатовъ анархическихъ и коммунистическихъ группъ, но также и товарищей, прибывшихъ въ качествѣ отдѣльныхъ личностей.

Дѣйствительно, хотя и желая, можетъ быть, счесть голоса за и противъ нѣкоторыхъ предложеній, мы не можемъ придавать существованію большинства и меньшинства такой же смыслъ, какой имъ дается парламентарскими группами и конгрессами, гдѣ меньшинство обязано подчиняться рѣшеніямъ большинства. Мы не допускаемъ рѣшеній съ обязательнымъ характеромъ, что не мѣшаетъ намъ интересоваться знать, сколько группъ и товарищей раздѣляютъ какое нибудь опредѣленное мнѣніе. На нашихъ засѣданіяхъ дискуссіи имѣютъ такой же характеръ, какъ дискуссіи, происходящія на международныхъ научныхъ конгрессахъ. Слѣдовательно, мы не видимъ никакого неудобства, чтобы товарищи, явившіеся въ качествѣ отдѣльныхъ личностей были такими же желанными гостями, какъ и делегаты группъ, лишь бы только эти товарищи предполагались искренними и чистосердечными.

Кромѣ группъ и товарищей анархистовъ, мы будемъ рады также всѣмъ делегатамъ синдикатовъ и всѣмъ синдикалистскимъ организаціямъ, явившимся лично, всѣмъ делегатамъ коммунистическихъ колоній и т. д. Мы обращаемся ко всѣмъ тѣмъ, кто желаетъ работать къ подготовкѣ лучшаго общества, общества, въ которомъ будутъ господствовать принципы коммунизма и свободы.

Мы созываемъ васъ на нашъ конгрессъ на обсужденіе не только части нашихъ анархическихъ и коммунистическихъ принциповъ и пропаганды, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, конгрессы свободомыслящихъ или антимилитаристскіе конгрессы, но на обсужденіе этихъ принциповъ и пропаганды во всей ихъ широтѣ. — Потому что мы знаемъ, насколько въ общественной жизни всѣ проблемы связаны одна за другую. И мы думаемъ что необходимость притти къ соглашенію относительно нѣкоторыхъ существенныхъ пунктовъ принципа и тактики, дѣлаетъ для насъ полезной, если не необходимой, встрѣчу на международномъ собраніи.

За эти послѣдніе годы принципы и тактики свободныхъ коммунистовъ и анархистовъ обнаружили новые пути. Не забѣгая впередъ, относительно порядка дня, который будетъ позднѣе указанъ группами, мы замѣтимъ, что прямое воздѣйствіе такъ сильно и такъ сознательно проявилось въ нѣкоторыхъ странахъ, подъ вліяніемъ именно нашихъ товарищей, свидѣтельствуя, такимъ образомъ, о прогрессѣ, который дѣлаютъ наши идеи въ рабочихъ кругахъ, что обсужденіе проблемъ, вызываемыхъ ею одно уже оправдало бы созывъ международнаго конгресса.

Но есть другіе вопросы столь же интересные, какъ антимилитаристская пропаганда, отношенія между свободно-коммунистическимъ и анархическимъ движеніемъ съ одной стороны и нѣкоторыми религіозными движеніями [Толстоизмъ, христіанскій анархизмъ] съ другой, пунктъ, который не могъ обсуждаться на конгрессѣ 1900 года. Наконецъ, средства, которыя нужно употребить, чтобы войти интернаціонально въ болѣе прямыя сношенія требуютъ глубокаго обсужденія и т. д.

Дискуссіи на амстердамскомъ конгрессѣ будутъ происходить по преимуществу на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Если будетъ выражено желаніе говорить на какомъ нибудь другомъ языкѣ, то это желаніе будетъ удовлетворено, какъ исключеніе, въ случаѣ, если переводъ не представитъ слишкомъ большихъ затрудненій.

Такъ какъ конгрессъ будетъ происходить въ іюлѣ или августѣ мѣсяцѣ, то мы просимъ, чтобы всѣ доклады, которые должны будутъ прочитаны или розданы во время засѣданій, были доставлены намъ до 1-го іюня 1907 года на адресъ секретаря Федераціи свободныхъ коммунистовъ Голландіи, c/o J Lodewijk, Corneliss-Anthoniszstraat, 49, Amsterdam (Hollande) Мы просимъ также всѣ группы и федераціи, которыя рѣшатъ

послать делегатовъ, сообщить намъ объ этомъ до этого же числа. Та и другая мѣра сильно помогутъ хорошей подготовкѣ конгресса пріему товарищей.

Затѣмъ, подготовленіе конгресса потребуетъ расходовъ, которыхъ не могутъ на себя взять одни голландскія и бельгійскія группы. отя послѣ можно будетъ сговориться, насчетъ способа уплаты этихъ расходовъ группами и лицами, присутствующими на конгрессѣ, мы замѣтимъ, что часть расходовъ (въ особенности расходы на печатаніе, включая сюда въ случаѣ надобности и печатаніе докладовъ) мы должны уже будемъ уплатить раньше конгресса.

Всякія посылки денегъ для помощи конгрессу адресуйте кассиру нидерландской федераціи: J. L. Bruijn, Kepler [illegible] t, 170, La Haye (Hollande); всѣ эти посылки будутъ публикованы въ „Bulletin de l'Internationale libertaire", гдѣ будутъ также публикованы всѣ дальнѣйшія свѣдѣнія и сообщенія, относящіяся къ конгрессу. Адресъ Бюллетеня слѣдующій Georges Thonar, 97, rue Laixheau, Herstal- [illegible] q.

Товарищи, со всею энергіею работайте для успѣха анархическаго Коммунистическаго Рабочаго Конгресса 1907 года, въ Амстердамѣ.

Да здравствуетъ анархическій Интернаціоналъ!

За Федерацію голландскихъ свободныхъ коммунистовъ: Секретарь Joh J. Lodewijk — C r Anthoniszstraat 49, A [illegible] за бельгійскую свободно коммунистическую группу: главный секретарь G. Thonar; за германскую анархическую Федерацію: главный секретарь [illegible] ubose; за анархическую Федерацію Богеміи, [illegible] и [illegible] k; за Федерацію анархистовъ еврейскаго нарѣчія, въ Лондонѣ: секретарь, A. Schapiro.

Революціонный синдикализмъ начинаетъ организоваться также и въ Англіи, и въ Лондонѣ начала выходитъ съ 18 января еженедѣльная газета, Voice of Labour (Голосъ Рабочаго), посвященная распространенію въ Англіи, идеи „прямаго воздѣйствія" рабочихъ на капиталистовъ [action directe], т. е. прямой борьбы противъ нихъ. Новая газета праздновала 2 февраля свое основаніе семейнымъ рабочимъ праздникомъ, въ анархическомъ клубѣ, въ Уайтчапелѣ.

Значеніе этого движенія для Англіи было охарактеризовано въ слѣдующихъ словахъ въ письмѣ, присланномъ однимъ изъ товарищей для прочтенія на этомъ праздникѣ

„Свободная организація рабочихъ, вполнѣ независимая отъ какихъ бы то ни было парламентскихъ партій, и стремящаяся достичь прямаго, непосредственнаго разрѣшенія, самими рабочими, чрезъ ихъ собственные союзы, великаго соціальнаго вопроса, стоящаго теперь передъ образованнымъ міромъ, — такая рабочая организація, широко распространенная и могучая, стала неотложною необходимостью въ данную минуту.

„Вотъ почему та самая мысль, которая вдохновляла Роберта Оуэна въ 1830 году при основаніи имъ „Великаго союза Ремеслъ", затѣмъ въ 1834 году, передъ чартистскимъ движеніемъ вдохновляла основателей «Ассоціаціи Рабочихъ», и еще позднѣе, въ 60-хъ годахъ, основателей Интернаціонала — эта мысль снова ожила теперь во Франціи, Швейцаріи, Испаніи [гдѣ она впрочемъ никогда не умирала], а теперь она выростаетъ даже въ Германіи.

„Рабочіе начинаютъ понимать великую ошибку, сдѣланную ими, когда они дали подставить [въ 1872 году] парламентскую политику, на мѣсто Прямого Воздѣйствія ихъ организацій, чтобы заставить владѣльцевъ капитала и земли подчиниться волѣ рабочаго люда. И вотъ теперь, рабочіе всѣхъ странъ проявляютъ повсемѣстное желаніе вернуться къ тому типу организацій, которыя три раза основывались въ Англіи ради оказанія прямаго давленія на капиталистовъ и землевладѣльцевъ, въ соціалистическомъ направленіи.

„Они возвращаются къ этому типу объединенія, потерявши почти сорокъ лѣтъ на безплодное усиліе, въ надѣждѣ воспользоваться для своего дѣла различными формами лѣвыхъ партій въ парламентахъ. Они убѣдились, что эти усилія были напрасны. Не отворачиваясь изъ за этого отъ политическаго радикализма, они только признаютъ въ немъ одно изъ средствъ борьбы съ политическою реакціею, но они хотятъ также выковать свое оружіе, чтобъ бороться съ капитализмомъ.

„Англійская газета «Голосъ Рабочаго» такимъ образомъ является признакомъ движенія, всеобщаго въ Европѣ, и она займетъ свое мѣсто въ цѣломъ ряду синдикальныхъ и рабочихъ газетъ, носящихъ тоже или похожее сходныя названія во Франціи, Швейцаріи и Испаніи.

„Я видѣлъ на дняхъ въ Парижѣ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе активныхъ дѣятелей великаго Французскаго Рабочаго движенія, и со всѣхъ сторонъ я видѣлъ что самыя серьезныя надежды строятся на этой новой силѣ, извѣстной теперь подъ именемъ Революціоннаго Синдикализма.

„Живыя силы молодаго поколѣнія массами идутъ въ это движеніе.

„Конечно, это движеніе представляетъ свои опасности, но несомнѣнно также слѣдующее. Если бы такое движеніе достигло бы сильнаго развитія, въ Англіи, къ тому времени, когда началась Чартистская агитація, а во Франціи — ко времени февральской революціи 1848 го года, тогда ни то, ни другое не кончилось бы такъ плачевно: во Франціи — нелѣпыми національными мастерскими, которыя довели парижскихъ пролетаріевъ до отчаянія и кончились іюльскимъ избіеніемъ рабочихъ, а здѣсь, въ Англіи — торжествомъ средняго сословія и отстраненіемъ всѣхъ соціальныхъ реформъ на неопредѣленный срокъ.

„Вся исторія Европы приняла бы другой характеръ, если бы рабочіе опредѣленно поняли уже тогда, то, чему они научились теперь горькимъ опытомъ, — что ихъ рабочіе союзы, сами, непосредственнымъ дѣйствіемъ, — т. е. «явочнымъ порядкомъ», мы сказали бы въ Россіи — должны взять на себя разрѣшеніе великаго вопроса Труда и Потребленія.

„Съ радостью мы привѣтствуемъ это новое движеніе, позволяющее рабочимъ, самимъ выработать главныя линіи освобожденія Труда".

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ эти строки были написаны, приходилось уже прибавить Италію къ числу странъ гдѣ началось тоже движеніе.

Но объ этомъ до другаго раза.

Помощь ссыльнымъ.

Мы получили изъ Россіи отчетъ общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ [рев. красный крестъ] за прошлый ноябрь. Остатокъ къ 1-му ноябрю былъ: 1895 р. 24 коп., 65 марокъ и золотой браслетъ. Приходъ за мѣсяцъ, 2558 р. 09 к. Расходъ: по тюрьмамъ 1401 р. к., семьямъ 728 р., пострадавшимъ 467 р., высланнымъ 517 р. 73 к., совѣту раб. деп. 200 р., въ Тоболь. губ. 150 р., Турух. край 100, Акатуй 100, Якутскъ 100, Тара 50; предпріятія и пр. 88 р. 20. Всего 3901 р. 98 к. Помощь, какъ видно, очень скромная; но осталось на лицо всего 551 р. съ копѣйками.

Общество обращается съ горячимъ призывомъ о помощи; оно проситъ молодежь организовать отряды для сбора пожертвованій.

«Если мы безсильны въ борьбѣ съ дулами пушекъ, говоритъ воззваніе, то мы должны быть сильны въ братской заботѣ о своихъ больныхъ и раненыхъ. Общество, сумѣвшее развить такую колоссальную энергію въ свободной борьбѣ, не можетъ не развить ее и въ помощи».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено, Женевскою группою, изъ Брюсселя 20 фр. Бостонъ (черезъ М. Л.) 14 шил. Лидзь (черезъ Г.) 6 шил.

Получено изъ Нью-Іорка: отъ друга, 5 долл., за лекцію, 3 д. 25, за номера 4 и 5 «Листковъ» 1 д. 75, всего 10 долл. Черезъ группу Анархія, за литературу, 10 дол. Отъ М. С. [Ливерпуль] 1 шил. и 6 пенсовъ.

Отъ группы Arbeiter Freind, Sociedad de Sastre 4 долл.

Отъ П., Виннипегъ, за литературу 1 дол. 75 сент.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шилингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.
Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.
E. Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kushniaroff, 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ.

№ 9. — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 1 МАРТА 1907 г.

Лондонъ, 28 февраля 1907.

Мы говорили въ прошломъ номерѣ о локаутѣ въ польскомъ Манчестерѣ, Лодзи. Недовольные тѣмъ, что рабочіе ставили своимъ хозяевамъ условія насчетъ продолжительности рабочаго дня, задѣльной платы и общихъ условій труда, и требовали ихъ выполненія, владѣльцы хлопчатобумажныхъ фабрикъ рѣшили, голодомъ сломить силу рабочихъ. Они закрыли нѣсколько большихъ фабрикъ и вышвырнули на улицу свыше 5000 человѣкъ.

За ними намѣрены послѣдовать теперь лодзинскіе фабриканты шерстяныхъ издѣлій. Они тоже составляютъ между собою синдикатъ и тоже собираются закрыть свои фабрики. Цѣль тѣхъ и другихъ — довести рабочихъ до голода, до отчаянія, и заставить ихъ покориться безусловно: заставить ихъ вернуться на работу на тѣхъ условіяхъ, которыя имъ соблаговолятъ предписать господа фабриканты.

Всякіе переговоры до сихъ поръ ни къ чему не привели; фабриканты нагло отказываются принять обратно на фабрики 98 человѣкъ рабочихъ, которые выступали вожаками въ стачкахъ. Они отказываются даже передать это дѣло третейскому суду. Мало того, всѣ польскіе фабриканты вступили между собою въ союзъ. Имена рабочихъ, неугодныхъ хозяевамъ, записаны у нихъ въ книгу, и этотъ списокъ сообщается всѣмъ хозяевамъ. Хоть ложись, и умирай съ голоду, если не согласенъ принести повинную и стать вѣрнымъ рабомъ хозяина.

До сихъ поръ, большіе локауты ограничивались Польшею. Но, пользуясь теперешнимъ угнетеннымъ положеніемъ рабочихъ, фабриканты въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Иваново Вознесенскѣ, въ Екатеринославѣ, а также вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ, сговариваются уже, чтобы голодомъ укротить рабочихъ. — „Пусть, молъ, поголодаютъ, тогда придутъ къ намъ съ поклономъ, а мы сумѣемъ ихъ окрутить по рукамъ и по ногамъ“.

Въ Москвѣ, рабочіе убѣждены, что фабриканты, по примѣру лодзинскихъ, хотятъ уже устроить локаутъ, чтобы отобрать всѣ тѣ льготы и уступки, которыя рабочимъ удалось завоевать въ началѣ революціоннаго періода. Во многихъ рабочихъ союзахъ объ этомъ уже поднятъ вопросъ, и положено основаніе фонду, на случай продолжительной забастовки; а въ Петербургѣ, 16 февраля былъ большой митингъ за Нарвской заставой, по поводу предстоящаго новаго увольненія 5000 рабочихъ съ Путиловскаго завода. Оказалось, что нѣкоторые петербургскіе фабриканты устроили родъ тайнаго локаута, т. е., принимая заказы, особенно отъ казны, передаютъ ихъ за границу, а сами довольствуются комиссіоннымъ процентомъ, въ ожиданіи момента, когда наголодавшіеся рабочіе готовы будутъ отказаться ото всѣхъ завоеванныхъ льготъ.

Но и это еще не все. Польскіе фабриканты уже устроили постоянный союзъ, или синдикатъ, не только между собою, чтобы поочередно устраивать локауты и добивать рабочихъ голодомъ, но и съ заграничными фабрикантами и капиталистами. Ихъ поддерживаютъ нѣмецкіе хозяева и банкиры. Лодзинскіе фабриканты, устроившіе локауты, имѣютъ своимъ центромъ Берлинъ, и туда рабочіе делегаты ѣздили для вышеупомянутыхъ переговоровъ. Шестеро изъ этихъ устроителей локаута уже сложились въ Германіи въ особый синдикатъ, съ капиталомъ въ 90 милліоновъ марокъ. Правленіе его будетъ въ Берлинѣ, откуда и будутъ руководить предпріятіемъ въ коммерческомъ отношеніи; въ Лодзи же будетъ только „техническая дирекція“. Шерстяные фабриканты устроили такой же союзъ, и его правленіе въ Дрезденѣ. Вообще, многіе польскіе фабриканты продаютъ свои дома и богатыя помѣстья въ Польшѣ, и покупаютъ себѣ дома и помѣстья въ Берлинѣ, Висбаденѣ, на Рейнѣ, гдѣ имъ безопаснѣе будетъ жить подъ охраною богоспасаемой германской имперіи.

Такимъ образомъ объединяются польскіе, русскіе и нѣмецкіе фабриканты и банкиры, чтобы снова закрѣпостить поднявшихъ, было, голову рабочихъ. При этомъ, они избѣгаютъ мести, дѣлая свой заговоръ анонимнымъ, т. е. складываясь въ общества на паяхъ; а самые опасные заговорщики выселяются въ Берлинъ, или на берега Рейна, подальше отъ обираемыхъ ими рабочихъ. Хозяевъ на мѣстѣ даже нѣтъ. Остаются одни инженеры техники.

Во время большой французской революціи изъ Франціи выѣзжали аристократы и, покидая свою страну, они оставляли свои земли. Крестьяне же, съ позволенія или безъ позволенія правительства, брали эти земли, возвращали ихъ общинамъ и запахивали ихъ для себя. Теперь, изъ Россіи выѣзжаютъ крупные фабриканты и оставляютъ свои фабрики, да еще „техническую дирекцію“. Эту техническую дирекцію рабочіе иногда убиваютъ, какъ было на дняхъ въ Лодзи съ директоромъ фабрики Кречмера-Гросса. Но когда рабочіе начинаютъ говорить, что этого мало: что надо овладѣвать самими фабриками, объявить ихъ собственностью рабочихъ и работать на нихъ для себя; когда они, своимъ простымъ здравымъ смысломъ понимаютъ, что войну съ капитализмомъ надо вести партизанскую, такъ, какъ французскіе крестьяне вели ее съ аристократіею, — т. е. захватнымъ порядкомъ,

малою войною, гдѣ можно и насколько возможно, — они встрѣчаютъ дружную стѣну людей, которые поднимаются на защиту капиталистовъ, и увѣряютъ рабочихъ, что никакой соціальной революціи теперь ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ начинать. Надо сперва завоевать, говорятъ они, политическую власть. „Концентрація капитала" еще не достаточно подвинулась... А пока — голодай! голодай, пока фабрикантъ не соблаговолитъ тебѣ дать работы. Иди на фабрику только тогда, когда польско-нѣмецко-русскій синдикатъ не концентрированнаго капитала велитъ тебѣ работать, рабски подчиняясь „технической дирекціи" эмигрировавшаго барина!...

Просто ужасъ охватываетъ насъ, когда мы видимъ, что такъ учатъ тѣ, кто, съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ, говоритъ отъ имени великихъ принциповъ соціализма.

Вѣдь точь въ точь такъ говорили въ Парижѣ, въ 1848 мъ году, Луи Бланъ и его сторонники, когда они основывали „сперва республику", и удерживали рабочихъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ буржуазіи, поддерживая въ нихъ роковое заблужденіе, что какъ только республика обоснуется, и соберется Учредительное Собраніе, — тогда имъ явится и работа, и хлѣбъ!... Точь въ точь такъ говорили 180 соціальдемократовъ (партія и тогда уже носила это имя), выбранныхъ въ Учредительное Собраніе 1849 года!... И точь въ точь такъ же разсуждали тогдашніе „устроители возстаній" — Бланки, Барбесъ, Косидьеръ!

Неужели, вмѣсто тѣхъ великихъ революцій, во время которыхъ народъ ничего не ждалъ отъ Палаты, а самъ бралъ и землю и богатство, и самъ складывался въ революціонныя общины — посильнѣе и пострашнѣе Палаты, — неужели, вмѣсто этихъ великихъ народныхъ движеній, мы только переживаемъ въ Россіи маленькую революцію? Революцію, подобную возстаніямъ 1848 года, когда рабочіе гонялись за призракомъ политической свободы безъ экономической подкладки, несли ей въ жертву свою нищету и откладывали экономическое движеніе „на послѣ", а буржуазія, тѣмъ временемъ, организовывалась, оправлялась отъ перваго страха и — призывала къ власти кроваваго усмирителя, а за нимъ императора, котораго тяжелый мечъ получалъ освященіе всеобщей подачи голосовъ?

Нѣтъ, нѣтъ! Исторія Европы не можетъ пропасть даромъ для Россіи. Если намъ, возстающимъ въ началѣ двадцатаго вѣка, выпало на долю двинуть соціальный вопросъ во время нашей великой ломки крѣпостнаго прошлаго, то мы должны сдѣлать, хотя первые шаги по этому пути, начерганному намъ нашею исторіею.

П. Кропоткинъ.

О РАБОЧИХЪ СОЮЗАХЪ *)

I.

Если до послѣдняго времени синдикализмъ былъ для насъ вопросомъ, имѣющимъ лишь теоретическое, принципіальное значеніе, то въ послѣднее время, подъ вліяніемъ событій, о которыхъ здѣсь лишне говорить, онъ принялъ характеръ практическаго вопроса дня и притомъ вопроса животрепещущаго. Нѣтъ другого вопроса, который въ данную минуту больше интересовалъ бы сознательную рабочую массу. Теперь, именно теперь вырабатывается отношеніе сознательной рабочей массы къ этому вопросу и, смотря потому, каково будетъ установившееся отношеніе массы къ синдикализму, зависитъ на многіе годы судьба революціоннаго синдикализма въ Россіи. Профессіональные союзы возникли въ Россіи помимо партій, но при самомъ же ихъ возникновеніи ими овладѣли партіи, и теперь они стараются выйти изъ рукъ партій, обособиться въ самостоятельное движеніе.

Мы анархисты, не можемъ быть простыми зрителями этого движенія, мы должны принять въ немъ живое, энергичное участіе, тѣмъ болѣе, что какъ опытъ доказалъ, такія организаціи, и только такія организаціи, могутъ дать начало дѣйствительному массовому рабочему движенію; онѣ, и только онѣ, могутъ породить такую партію, которую безъ натяжки можно будетъ назвать партіей труда, и которая дѣйствительно будетъ партіей труда по своему составу, по своей повседневной дѣятельности и по своей цѣли.

Современныя политико-соціалистическія партіи, какъ въ самой Россіи, такъ и во всѣхъ странахъ подвластныхъ русскому двуглавому орлу, только по имени — рабочія партіи; дѣйствительно же онѣ, главнымъ образомъ, состоятъ изъ интеллигенціи и управляются интеллигенціей. „Нужно умѣть и приказывать рабочимъ", говорилъ намъ на одномъ собраніи одинъ добрый максималистъ, и я охотно признаю, что та часть интеллигенціи, которая воспитана на якобинскихъ традиціяхъ, умѣетъ, даже слишкомъ хорошо умѣетъ „приказывать" и вести рабочую массу. Очень часты случаи, когда въ комитетъ партіи, именующей себя рабочей и соціалистической, не входитъ ни одинъ рабочій, и онъ составленъ исключительно изъ интеллигенціи; и, слѣдовательно, всѣми дѣлами, даже дѣлами чисто ремесленнаго характера, руководятъ люди, не имѣющіе никакого отношенія ни къ какому ремеслу.

Кажется, въ рабочемъ движеніи произошло своего рода дѣленіе труда: одни фактически создаютъ рабочее движеніе, подвергая себя риску въ качествѣ производителей; другіе, не по праву, а фактически руководятъ этимъ движеніемъ, пользуясь привилегіей знанія, и подвергаются риску только въ качествѣ его руководителей. Соціалистическія партіи политическаго толка взяли на себя именно эту послѣднюю роль, и такимъ образомъ современныя политико-соціалистическія партіи представляютъ собою какъ бы настоящую диктатуру надъ пролетаріатомъ. Дѣйствительное же и глубокое рабочее движеніе, представляющее само по себѣ, а не по милости людей, стоящихъ внѣ или надъ рабочей массой, серьезную революціонную силу, можно создать лишь при условіи освобожденія его отъ этой и всякой другой диктатуры и при условіи основанія его на активной самодѣятельности самой рабочей массы.

Было бы очень обидно если бы кто нибудь вывелъ изъ этихъ словъ то заключеніе, что мы проповѣдуемъ ненависть къ интеллигенціи. Нѣтъ, не ненависть къ интеллигенціи мы проповѣдуемъ, а наоборотъ мы хотѣли бы, чтобы вмѣшательство интеллигенціи въ рабочее движеніе произошло въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, а это можетъ случиться только въ томъ случаѣ, если интеллигенція, отказавшись отъ роли диктатора надъ рабочимъ классомъ, займетъ мѣсто около него, предоставитъ ему свой запасъ знанія и всей силой будетъ

*) Эти статьи представляютъ собою краткое изложеніе „введенія" къ книгѣ „Принципы рабочаго движенія", кот. авторъ надѣется опубликовать въ скоромъ будущемъ.

помогать развитію рабочей самостоятельности и самодѣятельности, которая будетъ дѣлать совершенно излишними, по мѣрѣ своего развитія, всякое вмѣшательство со стороны.

Это и есть та великая реформа, которую нужно совершить въ интересахъ рабочаго движенія въ рабочемъ мірѣ, но, по всѣмъ видимостямъ, какъ и всякая другая реформа, и эта не совершится безъ прямого дѣйствія рабочаго класса. Но всякое прямое дѣйствіе требуетъ органа прямого дѣйствія. Синдикатъ и есть этотъ органъ, органъ рабочаго класса, освободившагося отъ Бога, государства и адвокатовъ, въ особенности отъ адвокатовъ, ибо пока они есть, они сумѣютъ навязать и Бога и государство, но когда отъ нихъ освободятся, тогда есть надежда, что и съ Богомъ и съ государствомъ скоро будутъ сведены счеты. Эту великую реформу въ рабочемъ движеніи могутъ произвести профессіональные союзы, — конечно, если они останутся вѣрны своей роли классовыхъ органовъ и своему историческому назначенію.

Итакъ, разъ совершеніе этой реформы является исторической необходимостью для рабочаго класса, достигшаго извѣстной ступени развитія, и разъ она можетъ быть совершена только профессіональными союзами, то и возникновеніе, развитіе профессіональныхъ союзовъ, основанныхъ на самодѣятельности рабочей массы, является такой же исторической необходимостью.

Поэтому, думается намъ, нельзя ставить вопроса такъ: создавать или не создавать намъ, анархистамъ, профессіональные союзы? Профессіональные союзы есть, профессіональные союзы будутъ, они развиваются, они будутъ развиваться и въ нихъ будутъ концентрироваться лучшія силы рабочаго класса. Слѣдовательно, отъ насъ зависитъ не созданіе или несозданіе профессіональныхъ союзовъ, а участіе или неучастіе въ движеніи профессіональныхъ союзовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ ясно, что тѣсная связь наша съ рабочей массой зависитъ отъ нашего участія или неучастія въ этомъ движеніи. Къ массѣ нужно идти, ее нужно найти, иначе она къ вамъ никогда не придетъ и васъ не найдетъ. Къ тому же нельзя представить себѣ существованія широкаго и глубокаго соціалистическаго движенія безъ существованія серьезныхъ и сильныхъ профессіональныхъ союзовъ. Соціализмъ есть міровоззрѣніе, программа, лозунгъ, носительницей котораго должна быть не организація, возникшая на почвѣ случайныхъ и преходящихъ связей, а организація, возникшая на прочной почвѣ общности жизненныхъ интересовъ. Логика жизни, логика исторіи своего класса ведутъ рабочихъ къ созданію такихъ организацій. Отъ этихъ организацій рабочему классу не уйти, какъ не уйти ему отъ жизни. Такимъ образомъ вполнѣ естественно, что повсюду, гдѣ рабочее движеніе развилось и достигло болѣе или менѣе высокой ступени развитія, развилось и синдикальное движеніе, значеніе котораго возросло за послѣднее время поразительно, и которое не сегодня — завтра поглотитъ въ себѣ весь соціализмъ.

Синдикаты (союзы), т. е. организаціи, изъ рабочихъ одного и того же ремесла, безъ различія мнѣній и вѣрованій, объединяются между собою тѣсно, стремясь охватить всѣхъ производителей. И это вполнѣ естественно: чѣмъ больше они развиваются, тѣмъ яснѣе они видятъ, что та зависимость, которая существуетъ между ними и хозяевами, есть прежде всего зависимость экономическая, производственная. Они чувствуютъ—и не могутъ не чувствовать, ибо каждый шагъ повседневной борьбы наглядно доказываетъ это, — что для нихъ прежде всего необходимо экономическое орудіе, органъ, при посредствѣ котораго они могли бы вести экономическую борьбу, борьбу на почвѣ производственныхъ отношеній. Это сознаніе начинаетъ играть въ жизни рабочаго класса огромную роль,— оно — опредѣлившись — превращается въ классовое самосознаніе, руководящее классовой борьбой, оно же и порождаетъ самые профессіональные союзы, вызываетъ развитіе и объединеніе.

Но когда эти союзы уже существуютъ, ихъ политическая и соціальная эволюція зависитъ отъ многихъ и многихъ сложныхъ причинъ и главнымъ образомъ, конечно, отъ той политико-экономической конъюнктуры, въ которой совершается ихъ развитіе. Стало быть, отъ условій, въ которыхъ происходитъ развитіе профессіональныхъ союзовъ, зависитъ всецѣло ихъ общій характеръ и форма. Если взять Западъ, то, оставивъ въ сторонѣ нѣкоторыя мелочи, мы найдемъ, что тамъ эти союзы бываютъ двухъ типовъ: одни слишкомъ уже большое вниманіе удѣляютъ численности, количеству членовъ, не заботясь или почти не заботясь о качествѣ состава организаціи; ихъ цѣль — объединить наибольшее количество рабочихъ, учредить богатыя кассы взаимопомощи и страхованія. Они не помышляютъ о скоромъ, коренномъ измѣненіи современныхъ политическихъ и экономическихъ отношеній. Ихъ практическая цѣль — удовлетвореніе потребностей дня, ихъ догма — практичность; но благодаря тому, что ихъ дѣятельностью не руководятъ общіе принципы и „утопіи“, ими такъ третируемыя, ихъ практичность большей частью имѣетъ характеръ торгашески-оппортюнистической практичности. Практичность въ революціи — великое дѣло, но есть практичность и практичность, *c'est il y a fagot et fagot*. Есть практичность сознательно революціонная, которая хочетъ, чтобы за каждымъ словомъ шло живое дѣло, для которой сказаніе „вначалѣ бе слово“, превращается въ непреклонный принципъ: „вначалѣ бе дѣло“; но есть также, какъ мы только что сказали, практичность мелочная, торгашеская, которая, если судить съ точки зрѣнія добытыхъ результатовъ, навряд ли можетъ быть признана лучшей. Практичность тогда хороша, когда она не является оппортюнизмомъ, ибо оппортюнистическая практичность, въ лучшемъ случаѣ, т. е. тогда когда ея практики искренни — что случается довольно рѣдко, — напоминаетъ прятаніе головы страусомъ, думающимъ такимъ образомъ избавиться отъ опасности. „Оппортюнисты пролетаріата, также съежившись и спрятавшись, надѣются проскользнуть сквозь петли правительственныхъ сѣтей, не будучи замѣчены господствующими классами“.

Неумѣніемъ отличать эти два вида практичности — практичность революціонную и практичность торгашески-оппортюнистическую — нужно объяснить большую часть грѣхопаденій союзовъ этого типа. За образецъ такихъ союзовъ мы можемъ взять англійскіе трэдъ-юніоны и большую часть нѣмецкихъ ремесленныхъ союзовъ, для которыхъ даже Бебель кажется слишкомъ крайнимъ, почти анархистомъ.

Второго типа рабочіе союзы не удѣляютъ такъ много вниманія учрежденію кассъ взаимопомощи и страхованія, не стремятся къ большимъ капиталамъ,— не въ капиталѣ они видятъ гарантію успѣха своей борьбы и не занимаются филантропіей. Ихъ дѣятельностью руководитъ соціалистическій идеалъ, и они сами представляютъ собою сознательно революціонныя организаціи. Въ движеніи, которое они не тормазятъ своимъ узкимъ практицизмомъ,

они играютъ роль авангарда, беря на себя починъ всякихъ соціальныхъ опытовъ, всякой борьбы съ ясно выраженнымъ классовымъ характеромъ. Типомъ такого рода организацій мы можемъ взять испанскіе и французскіе профессіональные союзы.

Организація перваго типа — англійскіе и нѣмецкіе профессіональные союзы — очень умѣренны и разсчетливы; ихъ миролюбіе растетъ по мѣрѣ того какъ они усиливаются, какъ въ смыслѣ денегъ которыми располагаетъ ихъ касса, такъ и въ смыслѣ численности своихъ членовъ. „Благородный рискъ" ихъ почти никогда не соблазняетъ; стачку слегка, *a la francaise*, они никогда не предпримутъ. Но если они объявятъ стачку, то лишь послѣ долгихъ обсужденій и вычисленій состоянія кассы — тогда стачка можетъ длиться безконечно долго и принимаетъ характеръ не рѣзкой борьбы, а скорѣе спорта... въ терпѣніи. Несмотря на это, случаи проигрыша стачки тамъ болѣе часты, чѣмъ во Франціи и въ Испаніи. Вспомнимъ хотя бы примѣръ, сдѣлавшійся классическимъ, огромной стачки механиковъ въ Англіи, которая длилась 6 мѣсяцевъ, стоила 27 милліоновъ франковъ и однако же была проиграна.

Французскіе и испанскіе профессіональные союзы въ денежномъ отношеніи очень слабы; ихъ ежегодный бюджетъ во Франціи не превышаетъ 40—50 тысячъ франковъ, а въ Испаніи и того меньше. Условіемъ борьбы — стачки — они не считаютъ деньги, и потому очень часто стачка начинается при совершенно пустой кассѣ; но за то французскіе и испанскіе профессіональные союзы болѣе живы, болѣе подвижны, въ большей степени поддаются увлеченію, энтузіазму. Ихъ стачки болѣе революціонны, онѣ скорѣе напоминаютъ бунты, и кромѣ того за послѣднее время всѣ болѣе или менѣе значительныя стачки проявляютъ значительную тенденцію къ расширенію. Солидарность рабочихъ, можетъ быть, пока все еще не достаточно крѣпкая, проявляется все чаще и чаще, и чѣмъ дальше тѣмъ больше дѣлается много обѣщающимъ факторомъ рабочей борьбы. Тутъ цѣнится не столько выраженіе солидарности въ смыслѣ поддержки деньгами, сколько выраженіе солидарности посредствомъ дѣла, посредствомъ борьбы за поднятое знамя. При этихъ условіяхъ, само собою ясно, лучше и быстрѣе развивается сознаніе общности интересовъ и чаще и чаще вспыхиваютъ стачки по солидарности (*Greve de solidarite*).

Если англійскіе и нѣмецкіе союзы слишкомъ практичны и всю свою энергію отдаютъ мелкой узко-профессіональной ежедневной борьбѣ, презирая общіе принципы и „утопіи", то Французскіе и Испанскіе синдикаты и въ ежедневной борьбѣ никогда не теряютъ изъ виду свой конечныя цѣли и всю свою дѣятельность направляютъ, согласно своимъ общимъ принципамъ, упорно преслѣдуя осуществленіе „утопій", выдвинутыхъ рабочей массой во Франціи въ 1848-мъ и 1871 годахъ, а въ Испаніи въ 1873 г. во время въ высшей степени важнаго и интереснаго движенія, столь недостойно оклеветаннаго Энгельсомъ. Если англійскіе и нѣмецкіе союзы считаютъ даже простую стачку нарушеніемъ „соціальнаго покоя" и боятся ея, то Французскіе и Испанскіе союзы, смотря на простую стачку, какъ на средство для мелкихъ улучшеній, готовятъ всеобщую, освободительную стачку, не ставя никакихъ границъ ея цѣли, — однимъ словомъ понимая ее, какъ прелюдію соціальной революціи.

Таковы въ общемъ два главныя теченія въ профессіональномъ движеніи на Западѣ, гдѣ рабочій болѣе опытенъ и болѣе зрѣлъ въ политическомъ отношеніи.

К. Оргеіани.

ДВА ОТКАЗА ВЪ ВЫДАЧѢ.

Общественное мнѣніе западной Европы начинаетъ понимать, въ какихъ злодѣевъ находится правительство Россіи, и доказательствомъ этого могутъ служить два пораженія, которыя потерпѣло это правительство, 9 и 12 февраля, въ видѣ двухъ отказовъ въ выдачѣ эмигрантовъ — изъ Швейцаріи и изъ Швеціи.

Въ Швеціи русскіе правители требовали выдачи Чернява, с.-ра, обвинявшагося какъ одинъ изъ участвовавшихъ въ ограбленіи казенныхъ денегъ въ Петербургѣ, въ Фонарномъ переулкѣ. Чернякъ сослался на то, что въ этотъ день его не было въ Петербургѣ, и въ подтвержденіе привелъ свидѣтельскія показанія. Тогда русскіе агенты стали обвинять его въ соучастіи; но онъ отрицалъ и это обвиненіе, на томъ основаніи, что принадлежитъ не къ максималистской фракціи с. р.-овъ.

Шведское правительство, — въ этотъ разъ, какъ и прежде по дѣламъ о выдачѣ бѣглецовъ изъ Финляндіи, — вело себя весьма некрасиво. Оно заарестовало Чернява административнымъ порядкомъ, и административнымъ же порядкомъ, втихомолку, рѣшило его выдать. Къ счастью, агитація, поднятая заграницей и въ самой Швеціи, вынудила шведскихъ министровъ пріостановить свое рѣшеніе, и тогда они поставили русскимъ пытальщикамъ нѣкоторыя условія; а именно, судить Черняка обыкновеннымъ судомъ гражданскимъ, и только по дѣлу объ ограбленіи. Если же по этому дѣлу онъ будетъ оправданъ судомъ, то сейчасъ же освободить его. Наглые агенты русскаго правительства не сообразили агитаціи, начинавшейся въ Швеціи, и потребовали выдачи безъ условій. Тогда шведское правительство освободило Черняка и поторопилось изгнать его изъ страны.

Запросъ радикала Брантинга въ Шведской палатѣ о выдачѣ Черняка состоялся, такимъ образомъ, 10 февраля, когда Чернякъ былъ уже освобожденъ. Но онъ интересенъ, такъ какъ бросаетъ свѣтъ на нѣкоторыя стороны этого дѣла (передаемъ по стенографическому отчету напечатанному въ Gotcborgs Tidning).

«Съ Россіею, говорилъ министръ юстиціи Петерсонъ, мы не имѣемъ никакого трактата о выдачѣ». Русскій „Правит. Вѣстникъ" напрасно, слѣдовательно, хвасталъ, что есть. Къ Россіи просто примѣняются отношенія, установленныя къ другимъ странамъ, имѣющимъ трактаты. „Выдачи ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть по политическимъ дѣламъ," говорилъ тотъ же министръ. Стало быть, просто изъ желанія угодить Россіи, Шведское правительство признало дѣло Черняка не политическимъ, и такая угодливость тѣмъ болѣе непростительна, что самъ же министръ, признавая, что на Черняка и на трехъ другихъ только падало подозрѣніе (forekom anledning att misstanka), и на этомъ основаніи требовалась выдача! И на этомъ основаніи услужливый министръ рѣшилъ выдать его, — только поставивши нѣкоторыя условія, которыхъ, къ счастью, русскіе жандармы не приняли, и такимъ образомъ упустили на время свою намѣченную жертву.

Поразительно то, что по сознанію министра вся процедура велась въ Швеціи чисто административнымъ путемъ, въ полиціи, и когда отъ него потребовали 4 февраля послать Черняку адвоката, то „вопросъ былъ уже рѣшенъ, и мы обсуждали уже отвѣтъ русскаго правительства"!!

Къ счастію была поднята сильная агитація, и, какъ намъ пишетъ редакторъ одной изъ главныхъ газетъ, эта агитація заставила шведское правительство образумиться. Больше всего, повидимому, задѣло гордыхъ шведовъ за живое второе письмо Брандеса — „крайне ядовитое", какъ выразился ихъ премьеръ, — гдѣ онъ прямо бросилъ шведамъ въ глаза гнусное пресмыкательство ихъ правительства передъ злодѣями, правящими Россіей.

Въ виду будущаго, мы продолжаемъ однако агитацію, и въ Швеціи теперь уже знаютъ о томъ, какъ наши петергофско-царскосельскіе правители пытаютъ своихъ враговъ.

Какъ извѣстно, дѣло Черняка кончилось ужасною трагедіею. Онъ сѣлъ въ Готенбургѣ на шведскій пароходъ, шедшій въ Антверпенъ, и когда пароходъ пришелъ въ этотъ городъ, Черняка и двухъ другихъ пассажировъ нашли мертвыми. Газетныя депеши говорятъ о какихъ то испареніяхъ, выдѣлявшихся изъ груза шведскихъ спичекъ; но общественное мнѣніе, выразителемъ котораго въ печати выступилъ Брантингъ, утверждаетъ, что Чернякъ былъ **отравленъ агентами русскаго правительства. Начато слѣд-**

ствіе, но пароходныя и желѣзнодорожныя компаніи умѣютъ хранить свои секреты, не хуже монастырей.

Вотъ дальнѣйшія свѣдѣнія по этому дѣлу:—

Брюссельскія газеты сообщаютъ, что эксперты положительно устранили гипотезу объ отравленіи Черняка, но полагаютъ, что смерть могла произойти отъ угара — отъ выдѣленія окиси углерода изъ нагрѣвающаго аппарата.

Съ другой стороны, братъ умершаго, д-ръ Илья Чернякъ, оповѣщаетъ въ Брюсселѣ слѣдующее:

„Теперь доказано, что вина смерти — не спички. Возможна также гипотеза отравы черезъ пищу, но другіе ѣли туже пищу и не пострадали... Эта гипотеза мало вѣроятна, особенно въ виду другихъ фактовъ необычайной важности.

«Каюты 1-го класса и каюта капитана выходятъ въ общую столовую, отъ которой отдѣляются не дверьми, а занавѣсками. Кромѣ того, надъ входами сдѣланы ажурные просвѣты, служащіе для проѣтриванія и не закрывающіеся.

„Установивши эти факты, что же найдено? что раастройство которому подверглись жертвы, проходило на воздухѣ; что кровь, взятая во вторникъ вечеромъ д-ромъ Дедекеномъ, была испорчена что два пассажира 2 класса вошли въ каюты 1 класса; что, увидавъ тамъ два трупа, они не подняли тревоги, но легли рядомъ съ мертвыми; что утромъ они открыли люки, чтобы провѣтрить воздухъ; что ночью они ходили по палубѣ, несмотря на ужаснѣйшую погоду.

„Неизвѣстные, заключаетъ д-ръ Чернякъ, помѣстили оболочку съ удушающими газами въ каюту моего брата: потомъ они избавились отъ нея, выбросивъ ее ночью за бортъ".

Въ день выѣзда Черняка, Брантингъ получилъ анонимное письмо, извѣщавшее что Чернякъ будетъ отравленъ на пароходѣ....

Другой отказъ, на который нарвались наши петергофскіе владыки, былъ еще серьезнѣе. Они потребовали выдачи трехъ грузинъ, которыхъ обвинили въ ограбленіи одного полковаго казначейства на Кавказѣ. Ихъ заарестовали въ Женевѣ, и дѣло разбиралось сперва предварительнымъ слѣдствіемъ, а потомъ Федеральнымъ Судомъ, засѣдавшимъ въ Лозаннѣ. Намъ пишутъ, что Швейцарское правительство не ставило вопроса о виновности (это дѣло русскаго правительства, говорило оно, разобрать, кто виновенъ, и кто нѣтъ), а разсматривало только м о т и в ы ограбленія. Оно предоставило суду рѣшить, какого былъ мотива: политическаго характера, или уголовнаго.

Для признанія политическаго характера нужны были доказательства слѣдующихъ положеній: 1) что обвиняемые въ ограбленіи были членами какой нибудь политической партіи; 2) что ограбленіе было совершено для р е в о л ю ц і о н н ы х ъ цѣлей, а не ради личныхъ нуждъ участниковъ, 3) что партія заключала въ своей программѣ такого рода дѣйствія, 4) что ограбленіе совершено было въ моментъ революціоннаго движенія, въ моментъ открытой борьбы народа съ правительствомъ. Все это было доказано, какъ свидѣтельскими показаніями, такъ, и особенно, путемъ доставленія суду программы и статутовъ «партіи соціалистовъ-федералистовъ» и «боевой организаціи», этой послѣдней, членами которой и были обвиняемые.

Большое значеніе имѣло то обстоятельство, что ограблены были казенныя деньги, а не частный какой нибудь капиталъ. Ограбленіе государственныхъ казенныхъ суммъ было однимъ изъ пунктовъ практической программы „боевой организаціи П. С. Ф.", какъ средство дезорганизаціи существующаго политическаго режима и борьбы съ правительствомъ.

Адвокатъ, защищавшій заарестованныхъ, обратился также къ извѣстному знатоку международнаго права, брюссельскому профессору Нису (Nys), и получилъ отъ него мотивированное мнѣніе, выражающее, что Грузія, по отношенію къ которой русское правительство не соблюдаетъ союзнаго трактата, находится въ возстаніи противъ этого правительства, и что актъ грузинъ — несомнѣнно политическій.

Всѣ эти перечисленные пункты послужили доказательствомъ политическаго характера преступленія, и всѣ одинадцать судей единогласно отказали въ выдачѣ подсудимыхъ.

Прибавимъ, что если въ данномъ случаѣ Швейцарія отказала въ выдачѣ, то съ другой стороны анархистовъ она арестуетъ и выдаетъ сосѣднимъ западнымъ державамъ, даже безъ всякаго суда, административнымъ порядкомъ.

Анархисты-Коммунисты стоятъ теперь въ глазахъ буржуазіи въ совершенно томъ же положеніи, въ какомъ стояли послѣ іюньскихъ дней 1848 года „Коммунисты-матеріалисты", т. е. та боевая партія, къ которой принадлежалъ Бланки.

ИЗЪ РОССІИ.

ВЫБОРЫ.

Все вниманіе поглащено выборами въ Думу. Все остальное отодвинулось на задній планъ. Всего депутатовъ въ Думѣ будетъ 524, и уже извѣстны результаты 491 выборовъ. Изъ нихъ: монархистовъ 28, правыхъ 47, октябристовъ 22. Умѣренныхъ 19, прогрессистовъ 25, народ. своб. [кадеты] 70, мирн. обн. 3. Лѣвѣе к.-д. 8, трудовики 29, с.-д. 41, с.-р. 9, христ. и нар. соц. 2, лѣвые 66, крайніе лѣвые 4. Національныя партіи: польскія 38, литов. 2, арм. 2, укр. 15

Такимъ образомъ получается: правыхъ 97 (было въ 1-й Думѣ 62), центра 116, т. е. значительно меньше, чѣмъ въ первой Думѣ, и лѣвыхъ 204, т. е. на 150 человѣкъ больше, чѣмъ прежде. Усилились правые и крайніе лѣвые; кадетскій центръ ослабѣлъ.

По другому подсчету [449 деп.] уже выбрано 134 с.-д., с.-р. и трудовиковъ.

Тѣ, которые считали русскаго мужика дикимъ звѣремъ, а выборную механику — верхомъ культурной премудрости, не могутъ надивиться тому, какъ умно вотируютъ крестьяне. Это доказываетъ только, какъ мало знаютъ русскій народъ эти господа, вершители его судебъ ... по нѣмецкимъ книжкамъ ... и какъ несравненно вѣрнѣе понимаютъ его тѣ, кого эти господа величаютъ утопистами. Русскіе крестьяне, живущіе мірскою жизнью, конечно, несравненно толковѣе, во всѣхъ общихъ дѣлахъ, и гораздо легче могутъ въ нихъ разобраться, чѣмъ нѣмецкіе, французскіе и англійскіе крестьяне, лишенные общинной жизни.

Если бы только наши господа, воображающіе себя образованными, предоставили крестьянамъ, самимъ выработать себѣ общинное, волостное и земское самоуправленіе, и самимъ распорядиться съ землею по своему, — въ русской жизни несомнѣнно произошли бы тогда глубокія перемѣны, которыя быстро подвинули бы Россію къ соціальному перевороту.

Но этого не будетъ.

На какихъ нибудь 50 — 60 крестьянъ и рабочихъ, въ Думѣ окажется 460, съ лишнимъ, г о с п о д ъ, которые и примутся всѣмъ крутить такъ, чтобы крестьянъ обезземелить, обратить ихъ въ нищету, въ батраковъ, „выварить ихъ въ фабричномъ котлѣ", какъ говорятъ соц.-демократы — это нѣдь, идеалъ всѣхъ буржуа ... И спрашивается: что же дѣлать крестьянамъ и рабочимъ въ этой буржуазной компаніи буржуазныхъ законодателей?

Если туда попали говоруны, — туда имъ и дорога. Но если туда попали люди, способные къ революціонной агитаціи въ деревняхъ и на фабрикахъ, мы искренно сожалѣемъ объ этомъ.

Правители Россіи, явные и тайные, собирались въ Царскомъ Селѣ, толковать объ результатахъ выборовъ, и рѣшили — упорствовать.

«Если Дума, говорятъ они, будетъ непослушная намъ — что жъ? распустимъ ее и измѣнимъ избирательный законъ». „При такомъ революціонномъ избирательномъ законѣ, другихъ результатовъ быть не могло", говорятъ ихъ подкупныя газеты. Надо измѣнить законъ.

На западно-европейскихъ биржахъ пронесся слухъ о покушеніи на жизнь Николая II го. Офиціальное телеграфное агентство конечно опровергаетъ этотъ слухъ.

Б е з р а б о т и ц а все увеличивается въ Петербургѣ. За послѣднюю недѣлю уволено съ работъ 1,156 человѣкъ и ждутъ увольненія еще 900 человѣкъ, да закрывается одинъ заводъ, на которомъ работало 200 человѣкъ.

Рабочіе борятся пока своими средствами, проявляя поразительную солидарность. На Путиловскомъ заводѣ они отчисляютъ 10 процентовъ со своихъ заработковъ въ пользу своихъ безработныхъ. На резиновой мануфактурѣ Амер.

Товарищества — тоже, но въ пользу безработныхъ вообще, и рѣшили работать по воскресеньямъ, тоже для безработныхъ.

Кромѣ того, избрана коммиссія, чтобы подать прошеніе Думѣ, какъ только она соберется.

Въ то время, какъ крестьянская Россія голодаетъ, губернаторы голодающихъ губерній разсылаютъ «строжайшія предписанія» земскимъ начальникамъ, «безотлагательно» стребовать подати, «съ примѣненіемъ къ неисправнымъ плательщикамъ установленныхъ мѣръ взысканія». Послѣднюю овцу, послѣдній зипунъ продаютъ въ тамбовской губерніи эти злодѣи у голодающихъ крестьянъ; а тѣхъ кто хочетъ уйти на заработки, не выпускаютъ изъ деревни, требуя сперва уплаты податей.

Еще-бы! земскіе учителя и фельдшерицы, тѣ могутъ, въ голодный годъ, не получать жалованья!.. Но тѣ господа, изъ тайнаго петергофскаго правительства, о которомъ мы говорили недавно, тѣ татарщиной, съ огнемъ и мечомъ пройдутъ по всей Россіи, лишь бы взыскать съ голодныхъ крестьянъ свои великокняжескіе оклады.

И сколько ихъ! Сколько ихъ! Счета нѣтъ... Кто только, какіе только проходимцы и авантюристки всѣхъ шерстей и всѣхъ кличекъ кормятся на счетъ голодныхъ русскихъ мужиковъ! Хоть разъ угоди какому нибудь, хоть самому плохонькому изъ великихъ князей, или ихъ холоповъ и холопокъ, — и на всю жизнь пойдетъ тебѣ пенсія, будутъ драть эту пенсію съ голоднаго русскаго мужика. Хоть издохни, да заплати!

Покровительствуемые реакціей фабриканты не теряютъ времени. Въ Царствѣ Польскомъ они быстро организуются въ союзы — противъ рабочихъ.

Въ Варшавѣ 44 строительныя фирмы уже составили такой союзъ чтобы бороться противъ рабочихъ и не допускать стачекъ.

Въ Лодзи фабриканты завели въ своемъ союзѣ черную доску, на которую записываютъ всѣхъ участвовавшихъ въ забастовкахъ. Всѣ фабриканты обязались не давать имъ ни какой работы.

Въ Одессѣ, «русскіе люди» все продолжаютъ пырять ножами, въ глухихъ мѣстахъ, интеллигентовъ и евреевъ. Гдѣ встрѣтятъ одинокихъ мущинъ, дѣвушекъ, начинаютъ избивать ихъ, а въ людныхъ мѣстахъ пыряютъ изподтишка ножомъ.

Генералъ-губернаторъ Каульбарсъ, мукденскій измѣнникъ (см. книгу Куропаткина), покровительствуетъ имъ, за что его и ласкаетъ Николай II, и дѣло кончилось международнымъ скандаломъ. Иностранные консулы послали коллективный протестъ.

Трое молодыхъ людей, старавшихся организовать вооруженную оборону, преданы военному суду. Другихъ просто убили. Особенно безчинствуютъ эти храбрецы надъ женщинами.

Куропаткинъ, въ своей книгѣ о Маньчжурской войнѣ, открыто обвиняетъ въ измѣнническомъ нежеланіи содѣйствовать общему успѣху сраженій и прямо-таки въ трусости, генераловъ Каульбарса (теперь въ Одессѣ), Меллера-Закомельскаго, Ренненкампфа и Бильдерлинга. Каульбарсу онъ прямо приписываетъ Мукденскій разгромъ. Послѣ Ляо-Яна, онъ просилъ убрать нѣсколькихъ генераловъ, особенно Бильдерлинга, но изъ Петербурга ему запретили трогать царскихъ любимцевъ.

Всѣ эти генералы, изъ придворной челяди, лично дорогіе сердцу Николая II-го, выступили послѣ войны въ роли «русскихъ людей» и усмирителей: въ Одессѣ, въ Сибири, въ Балтійскомъ Краѣ.

Сотни тысячъ людей погибли изъ за нихъ въ Маньчжуріи. И теперь этихъ генераловъ осыпаютъ нѣжными рескриптами.

Мы получили слѣдующее заявленіе изъ Москвы:

Въ началѣ ноября 1906 года, казненъ черезъ повѣшеніе Вильгельмъ Генриковичъ Мишке, членъ Московской Группы коммунистовъ-анархистовъ „Безвластіе".

Казненъ онъ по приговору военно-полевого суда по обвиненію въ убійствѣ, 3 октября, при задержаніи его въ поѣздѣ, жандарма Логачева. Одновременно съ нимъ арестованъ и казненъ соціалистъ-революціонеръ Михайловъ. На дняхъ комитетъ с.-р. выпустилъ „смертный приговоръ" главному кондуктору Глуходѣеву и Фалѣеву, способствовавшимъ полиціи при арестѣ.

Не желая отдаться въ руки полиціи, Мишке стрѣлялъ въ себя. Окровавленный, обезсиленный, онъ былъ взятъ полиціей. Его держали въ заключеніи и лѣчили, чтобы потомъ повѣсить.

Вѣчная память казненному, презрѣніе его палачамъ!!

Московская Группа Анархистовъ-Коммунистовъ.
Москва. Ноября 14 дня 1906 года.

ПРОВОКАТОРЪ МАРКУСЪ ЗАМШТЕИГМАНЪ.

Представители Женевскихъ группъ, Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ, Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, Бунда и Соціальдемократіи Польши и Литвы, разсмотрѣвъ въ утреннемъ и вечернемъ засѣданіяхъ 27 января 1907 г. въ Женевѣ добытыя слѣдствіемъ данныя о поведеніи Маркуса (Макса) Замштейгмана изъ г. Херсона-установили: 1) Маркусъ Замштейгманъ около двухъ съ по, ловиною мѣсяцевъ тому назадъ послалъ берискому русскому консулу письмо, въ которомъ предлагалъ свои услуги въ качествѣ «просто на просто шпіона или лучше сказать провокатора», при чемъ признавалъ, что „здѣсь" (т. е. заграницей) принесетъ „мало пользы" („хотя и можетъ теперь же выдать организацію одного небольшого городишки") но обѣщалъ, отправляясь въ концѣ марта въ Россію, слѣдовать тамъ „инструкціямъ" шпіоната, причемъ говорилъ, что у него тогда будутъ „связи", которыя онъ можетъ „получить здѣсь съ какой угодно партіей", въ заключеніе же обращаетъ вниманіе консула на то, что у него „найдутся другіе выходы", кромѣ избранныхъ имъ на этотъ разъ. — 2) Въ продолженіе значительнаго промежутка времени послѣ отправленія означеннаго письма, онъ, Замштейгманъ, дѣлалъ неоднократныя попытки проникнуть въ различныя революціонныя организаціи г. Женевы. — Но такъ какъ слѣдствіемъ не было добыто фактическаго матеріала, уличающаго Замштейгмана въ томъ, что онъ добился установленія связей съ русскимъ сыскомъ, а если добился, то успѣлъ ли принести вредъ отдѣльному революціонеру или какой либо революціонной группѣ или организаціи, то совѣщаніе рѣшило ограничиться сообщеніемъ результатовъ своего разслѣдованія всѣмъ революціоннымъ организаціямъ заграницей и въ Россіи, съ приложеніемъ портрета Замштейгмана и фотографическаго снимка съ его почерка, — какъ лица безусловно не допустимаго въ нелегальныя организаціи какой бы то ни было степени.

Заявленіе подписано представителями партіи: Рос.-Соц.-Дем. Раб. Партія, — Партія Соц. Рев., — Бундъ и Соц.-Дем. Польши и Литвы. И къ нему приложенъ портретъ Замштейгмана и литографированное воспроизведеніе части его вышеупомянутаго письма консулу.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

СИНДИКАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ИТАЛІИ.

Вплоть до послѣдняго времени синдикальное движеніе плохо развивалось въ Италіи. Когда, лѣтъ 15 тому назадъ, введена была всеобщая подача голосовъ, рабочее движеніе стало мало по малу попадать въ руки соціальдемократовъ. Жестокія преслѣдованія итальянскаго правительства противъ анархистовъ, къ которымъ примѣнялась въ очень широкихъ размѣрахъ административная ссылка на маленькія острова Адріатическаго моря, въ придачу къ каторгѣ и тюрьмѣ; а съ другой стороны, увлеченіе рабочихъ новыми политическими правами, которыя — такъ говорили имъ — дадутъ имъ возможность мирно, безъ потерь, завоевать все что можно отвоевать у буржуазіи; затѣмъ выборные успѣхи соціальдемократовъ въ Германіи, раздутые соціальдемократической прессою въ Италіи, и наконецъ переходъ нѣкоторыхъ видныхъ итальянскихъ анархистовъ, въ родѣ Андрея Коста, изъ лагеря революціи въ тихія воды соціальдемократической постепеновщины, — все это, вмѣстѣ взятое, содѣйствовало тому, что итальянскимъ рабочимъ движеніемъ на время овладѣли политики.

Правда, что синдикальное движеніе и организаціи рабочихъ по ремесламъ продолжали существовать болѣе или

менѣе тайно (какъ у Рыцарей Труда) среди рабочихъ нѣкоторыхъ частей Италіи, особенно въ промышленномъ городѣ Миланѣ. Имъ мы обязаны, между прочимъ, большою, чуть не всеобщею стачкою въ Миланѣ, которой соціальдемократы — особенно Турати и его товарищи, пріобрѣтшіе вліяніе среди желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, — помѣшали стать всеобщимъ возстаніемъ.

Не смотря на ихъ вмѣшательство противъ стачки, возстаніе народа въ Миланѣ продолжалось нѣсколько дней. Народъ дрался отчаянно. Но Король Гумбертъ приказалъ войскамъ дѣйствовать пушками, и возстаніе, къ которому не пристали жел. дороги, было усмирено. Анархистъ Бреши убившій Гумберта, прямо заявилъ на судѣ, что сдѣлалъ это именно за звѣрское вмѣшательство Гумберта въ Миланское возстаніе.

Тѣмъ же рабочимъ союзамъ мы обязаны возстаніями въ Сициліи, которыя одно время грозили довести дѣло до революціи на югѣ Италіи.

Со времени Миланскаго возстанія мало было слышно о рабочихъ союзахъ (fasci operaii) въ Италіи. Рабочія массы шли, повидимому за соціальдемократическими политиками, Турати, Ферри, Коста и т. д., и мало выказывали признаковъ жизни.

Но вотъ, за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ, началось новое движеніе Рабочихъ Союзовъ, съ цѣлью освобожденія ихъ отъ соц. дем. постепеновскаго предводительства. Инициативу этого движенія взяла Римская группа, предложившая основать Синдикалистскія группы въ каждомъ рабочемъ центрѣ, и движеніе стало быстро разростаться. Основана была, сперва, двухъ-недѣльная газета, потомъ недѣльная и, наконецъ, ежедневная, прекрасно составляемая большая газета L' Azione, (издаваемая въ Римѣ, подъ редакціей Энрико Леоне). Она сразу стала органомъ революціоннаго пробужденія рабочаго класса и рабочихъ союзовъ вообще, и служитъ прекраснымъ противовѣсомъ соц. дем. газетѣ Avanti, издаваемой въ Миланѣ членомъ парламента, Энрико Ферри.

Нечего и говорить, что въ Италіи, какъ вездѣ, это рабочее движеніе встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны соц. дем. партіи, и въ особенности ея вожаковъ. Но движеніе ростетъ, и на послѣднемъ съѣздѣ Миланской соціалистической федераціи (2 февраля), рабочіе союзы одержали свою первую побѣду. Исполнительная коммиссія этой федераціи надѣялась, при помощи подготовленнаго ею искусственнаго большинства, распустить синдикалистскую группу, составившуюся въ федераціи. Газета «Avanti» искусно подготовляла къ этому умы, стращая рабочихъ «опасностями синдикализма». Но маневръ не удался; большинство рабочихъ высказалось за синдикалистовъ, и соц. дем. вожаки должны были взять свой проектъ назадъ.

Вотъ какъ говоритъ объ этомъ инцидентѣ газета L' Azione. Передъ предыдущимъ конгрессомъ итальянской соціалистической партіи, сторонники рабочихъ союзовъ заявили прямо, что если, послѣ того, какъ они открыто выскажутъ свои взгляды и цѣли, соц. партія признаетъ ихъ несогласными съ ея программою, они составятъ свою особую рабочую организацію, — Рабочій Союзъ, «Fascio Operaio». Въ виду этой угрозы, Конгрессъ пошелъ на сдѣлку: онъ не сталъ исключать синдикалистовъ изъ партіи и, наоборотъ, расходясь, привѣтствовалъ синдикалистовъ, какъ «своихъ застрѣльщиковъ». Объ партіи остались, пока, вмѣстѣ.

Но профессіональные рабочіе союзы открыто заявляютъ, что они намѣрены на себя взять отнынѣ всѣ функціи классовой борьбы, оставляя соц. демократамъ одну только борьбу политическую, которая могла бы быть подспорьемъ экономической, классовой борьбѣ синдикатовъ.

«Цѣль синдикатовъ, говоритъ газета L' Azione v, защищать достояніе и самый духъ соціализма отъ всѣхъ подтасовокъ, демократическихъ и реформаціонныхъ; и тѣмъ самымъ организовать рабочее меньшинство, которое защищало бы наши принципы отъ поддѣлокъ, совершаемыхъ въ ущербъ имъ официальными руководителями Соціалистической партіи».

«Этого права никто не смѣетъ оспаривать у насъ; ни центральный комитетъ партіи, ни ея центральный органъ, ни идолопоклонники „единства“, во что бы то ни стало».

Опасность, пишетъ далѣе Леоне въ своей газетѣ, — не въ синдикализмѣ, «который возстаетъ противъ формы соц. партіи, а не противъ того, что еще сохранилось въ ней здороваго, и стремится, на мѣсто организаціи, пропитаной уже буржуазнымъ вліяніемъ, выработать новую профессіональную организацію, которая должна вести, неизбѣжно, къ соціализму» [не къ соц. демократизму, прибавимъ мы, а къ соціализму].

Такъ какъ одинъ изъ старыхъ уважаемыхъ революціонеровъ-соціалистовъ, Ладзари, тоже нападалъ на синдикалистовъ на миланскомъ конгрессѣ, то L' Azione даетъ ему слѣдующее объясненіе:

«Традиціонный революціонизмъ всегда опирается на то устарѣлое понятіе, что конечное рѣшеніе классовой борьбы будетъ найдено на почвѣ Государства; тогда какъ мы, возвращаясь къ духу Маркса, (вѣрнѣе было бы сказать: «къ духу Интернаціонала») говорившаго что всякая экономическая борьба есть вмѣстѣ съ тѣмъ борьба политическая, видимъ, что истинная пролетарская политика есть экономическая борьба профессіональныхъ союзовъ. Поэтому мы открыто заявляемъ, что если Синдикаты подготовятся къ тому, чтобы стать способными, соціалистически завѣдывать всѣмъ общественнымъ богатствомъ, то соціализмъ станетъ тогда дѣйствительностью; между тѣмъ какъ, если рабочіе положатъ свои надежды на овладѣніе государственной властью — постепенно, въ парламентѣ, или же внезапною революціею, — тогда они непзбѣжно дойдутъ до величайшаго разочарованія и до ужаснѣйшаго соціальнаго пораженія.

«Поэтому, наше ученіе резюмируется синтетически не въ стремленіи овладѣть — будь-то реформистскимъ или революціоннымъ способомъ, — государственною властью; а въ мысли о всеобщей стачкѣ рабочихъ, подготовленныхъ уже политически къ экспропріаціи капитализма, а экономически способныхъ уже управлять богатствами, которыя прямымъ дѣйствіемъ будутъ соціализированы ими, организуясь для этого по плану вольнаго производства и коллективнаго распредѣленія.

«Мы увѣрены, заканчиваетъ Леоне, что люди, глубоко любящіе соціализмъ, какъ его любитъ революціонеръ Ладзари, неизбѣжно поймутъ, рано или поздно, что единственное средство, чтобы соціализмъ опять сталъ самимъ собою, это — вернуться къ практикѣ и теоріи синдикализма».

Вотъ какъ понимаютъ революціонный синдикализмъ въ Италіи. Это пониманіе сходится, какъ видно, съ тѣмъ, которое выработалось за послѣдніе 10—15 лѣтъ во Франціи и несомнѣнно скоро распространится по всей Европѣ.

Синдикалистамъ предстоитъ, говорятъ итальянцы, внести новую жизнь въ рабочую партію и очистить ее отъ разслабляющихъ постепеновскихъ предразсудковъ, которые разсѣвались широкою рукою «реформистами», на время одержавшими верхъ. Синдикалисты должны снова поднять знамя «прямаго воздѣйствія», l'azione d. e ta, которое, не такъ давно еще такъ величественно подняла, было, сама рабочая масса, но которое теперь хотятъ запрятать куда-то «реформисты» (постепеновцы).

* * *

Поразительное подтвержденіе того же направленія далъ другой мѣстный съѣздъ—Тосканскій съѣздъ Соціалистической Молодежи, собравшійся тоже 2 февраля.

Съѣздъ, прежде всего, послалъ свой привѣтъ газетѣ L' Azione, которая «своею суровою критикою старается вернуть соц. партію къ истинной классовой борьбѣ, покинутой политиками, которые сдѣлали изъ партіи простую контору для выборовъ». Съѣздъ выражаетъ при этомъ желаніе «чтобы классъ пролетаріевъ, сознавши свои права, принялъ бы свою директиву, не увлекаясь фальшивыми призраками демократизма, которые выставляютъ ему политики, втирающіеся въ нашу партію».

Затѣмъ Съѣздъ, послѣ оживленныхъ преній, принялъ резолюцію, въ которой роль синдикатовъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

«Убѣжденные, что рабочій классъ только въ себѣ самомъ найдетъ силу для разрушенія истинныхъ причинъ своего экономическаго порабощенія и политическаго угнетенія, когда дойдетъ до сознанія и разовьетъ въ своей средѣ, практически, революціонную активность, путемъ борьбы профессіональныхъ союзовъ, которые создаются, какъ сила противуположная силѣ политическихъ учрежденій, служащихъ опорою буржуазному консерватизму;

«мы объявляемъ, что лишена всякой пользы та пролетарская работа, которая не стремится каждодневно, изо дня въ день разрушать подавляющую власть государства въ мірѣ

политическомъ, и противодѣйствовать ея вторженію въ область экономическую и ея вмѣшательству въ столкновенія между капиталистами и рабочими, — вырабатывая, вмѣсто этой власти, силу рабочихъ профессіональныхъ союзовъ, которые представляютъ истинную основу для построенія будущаго соціальнаго, равенственнаго строя;

«и рѣшаемъ дать своей работѣ характеръ рѣзко противумонархическій».

Эта резолюція принята большинствомъ 470 голосовъ поданныхъ за нее, 75 противъ, и 250 не принявшихъ участія въ голосованіи.

Затѣмъ федерація Тосканской соціалист. молодежи приняла очень смѣло выраженную резолюцію противъ военщины.

Эта резолюція прекрасно изложена, и мы жалѣемъ, что для сбереженія мѣста намъ приходится только упомянуть объ ней. (Полная резолюція дана въ газетѣ L' Azione, 4-го февраля 1907. Адресъ: L' Azione, Via Uffici del Vicario 21, Римъ). Въ ней изложено отношеніе пролетарія къ „отечеству"; выяснено что всѣ войны ведутся въ интересахъ буржуазіи, и рекомендуется вести, съ предоставленіемъ полной свободы отдѣльнымъ личностямъ и комитетамъ, постоянную, непрерывную пропаганду, въ казармахъ и вездѣ, противъ войска и противъ государственныхъ границъ, — съ цѣлью разрушенія военщины и распространенія антимилитаризма (противу-военнаго духа) во всѣхъ ремесленныхъ союзахъ и Камерахъ Труда, такъ какъ только этимъ путемъ можно достичь освобожденія пролетаріата.

Съ криками: «долой военщину, долой отечество»! Конгрессъ разошелся, сдѣлавъ такимъ образомъ новый, не лишенный значенія шагъ въ томъ направленіи которое вездѣ намѣчается въ Европѣ, т. е. отказы пролетаріата отъ губительной тактики соц. демократической буржуазной политики.

П. К.

P. S. Нужно ли прибавлять, что «истинные» соц. дем. уже возстали противъ этой агитаціи. Бриссолоти и Турати предостерегаютъ отъ нея, считая ее опасной, и указываютъ на нѣмецкіе выборы. Вдругъ, Боже упаси, и въ Италіи соц.-дем. тоже потеряютъ мѣста въ Парламентѣ!

ОСВОБОЖДЕНІЕ БЕРЕЗОВСКАГО.

Только теперь французское правительство, подличавшее все время до сихъ поръ передъ русскимъ царемъ, рѣшилось освободить одного мученика, поляка Березовскаго.

Въ 1865 году, Александръ II, утопивши въ крови польское возстаніе и отдавши Польшу и Западный Край на растерзаніе Муравьеву Вѣшателю и подобнымъ злодѣямъ, пріѣхалъ въ Парижъ, кланяться свѣтилу того времени, Наполеону III-му, и повидать славившуюся развратомъ своего двора въ Компьенѣ, знаменитую императрицу Евгенію.

Извѣстно, что въ Парижѣ, при Наполеонѣ III, все время существовала польская военная школа, гдѣ воспитывались на казенный счетъ молодые польскіе патріоты. Извѣстно также, что никогда Польша не начала бы въ 1863 году возстанія, если бы тогдашнее англійское министерство и Наполеонъ III не обѣщали полякамъ своего вооруженнаго вмѣшательства. Польша возстала, и Англія, конечно, какъ всегда, достигнувъ своей цѣли—ослабленія соперника—пальцемъ не шевельнула, чтобы помочь Польшѣ... Одинъ, Наполеонъ не посмѣлъ вступиться.

Когда Александръ II пріѣхалъ въ Парижъ, настроеніе въ радикальныхъ кругахъ было такъ враждебно противъ кроваваго усмирителя Польши, что когда Александръ пріѣхалъ осматривать новое зданіе Суда, и его встрѣтила тамъ группа адвокатовъ, одинъ изъ нихъ, Флоке, крикнулъ ему въ лицо: «Да здравствуетъ Польша, милостивый государь!» Эта фраза сдѣлала карьеру Флоке.

Молодой Полякъ, Березовскій, тотъ фразъ не произносилъ, а взобравшись на дерево — подобраться къ коляскѣ императоровъ нельзя было — стрѣлялъ въ проѣзжавшаго Александра II.

Его схватили и приговорили къ смерти, но въ угоду Евгеніи, галантный кавалеръ Александръ ходатайствовалъ передъ нею о „помилованіи" Березовскаго—не обагрять же кровью свой визитъ — и юношу сослали на вѣки вѣчные въ каторгу, въ Новую Каледонію.

Шли годы: Четверть вѣка, тридцать лѣтъ, безъ малаго полъ-вѣка прошли, „остепенившіеся" господа Флоке и ихъ компанія перебывали не разъ въ правительствѣ... но холопствующіе правители Франціи все не выпускали Березовскаго. Рошфоръ когда-то писалъ, напоминалъ объ немъ, но потомъ тоже помирился съ царскою Россіею, и никто кромѣ насъ, анархистовъ, не смѣлъ больше напоминать объ этомъ мученикѣ.

Извѣстно было что свои счеты съ жизнью онъ уже покончилъ: энергія угасла, и онъ впалъ понемногу въ тихое религіозное помѣшательство — но его все не выпускали. Только Клемансо рѣшился теперь это сдѣлать...

Но и власть республиканцевъ, управляющихъ Франціею, вся соткана изъ такихъ же преступленій.

Да, мстительны эти Романовы.

Безработные. — Въ Петербургѣ дѣлаются самими рабочими разныя попытки борьбы съ безработицею. На Семлниковскомъ заводѣ, они предпочли работать 4 дня въ недѣлю, чѣмъ увольнять часть рабочихъ на Путиловскомъ отказались отъ сверхъ-урочныхъ работъ, требуя предоставленія такихъ работъ безработнымъ товарищамъ. На большомъ собраніи 5 февраля рѣшено 1] написать въ деревни, чтобы въ Петербургъ не ѣхали, 2] «дѣлать сборы для обратнаго препровожденія тѣхъ изъ товарищей, которымъ въ деревняхъ не угрожаетъ голодная смерть», и 3] выбрать депутатовъ для пріисканія работъ безработнымъ.

Въ Петербургѣ же засѣдала смѣшанная коммисія изъ хозяевъ и рабочихъ, для нормировки рабочаго дня во всѣхъ магазинахъ и торговыхъ предпріятіяхъ вообще, гдѣ не продаютъ съѣстныхъ припасовъ. Представители отъ рабочихъ не настаивали на 8-ми часовомъ днѣ, но находили что больше 10 часовъ не слѣдуетъ и нѣтъ нужды работать. Хозяева купцы требовали 12-ти часоваго дня. Большинствомъ голосовъ, 14 противъ 4, рѣшено установить 10-ти часовой рабочій день, съ 9 ч. утра до 7 ч. вечера.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: Изъ Нанси черезъ М. Г. 110 фр. [80 въ пользу „Листковъ", 20 за литературу и 10 изъ Лилль, черезъ Ж.]

Изъ Нью-Іорка, черезъ Ф. Л., за литературу, 2 фунта.

Изъ Филадельфіи черезъ Н. Н., 5 долл. и 90 сент.—K. Wahrheit, Филад.: имя казеннаго Лошкарева мы взяли изъ газетъ, гдѣ только дано было это имя. Непремѣнно постараемся навести справки. Просимъ другихъ товарищей если знаютъ подробности о немъ, сообщить намъ.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шилингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A: WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.
Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.
E. Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kushniaroff, 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ

„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ.

№ 10. — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 15 МАРТА 1907 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Наконецъ собралась вторая Государственная Дума. Не смотря на всѣ усилія правительства повернуть выборы въ свою пользу, въ Думу выбрано — особенно крестьянами и рабочими — значительное количество „лѣвыхъ“ представителей. Въ ней, правда, немного болѣе „монархистовъ“, т. е. противниковъ конституціи (121), чѣмъ ихъ было въ первой Думѣ, и гораздо меньше среднихъ, т. е. кадетовъ (87) и сродныхъ имъ партій; но за то гораздо болѣе лѣвыхъ, такъ какъ однихъ соціалистовъ,— народныхъ соціалистовъ, соц.-демократовъ и соц.-революціонеровъ, выбрано болѣе 120-ти, и кромѣ того 24 трудовика.

Какъ характерную черту этихъ выборовъ, надо отмѣтить энтузіазмъ, съ которымъ крестьяне, рабочіе и даже мелкіе землевладѣльцы выбирали своихъ депутатовъ — преимущественно трудовиковъ и соціалистовъ разныхъ оттѣнковъ. Ихъ не только выбирали съ увлеченіемъ — тѣмъ большимъ, чѣмъ больше губернаторы старались противъ нихъ, — но и послѣ выборовъ имъ устраивали людные и трогательные народные проводы, на которые собиралось по 10,000 и болѣе человѣкъ, наказывая имъ добывать землю и волю для народа.

Это — среди бѣдныхъ. За то, среди богатыхъ къ Думѣ охладѣли. Даже „кадетовъ“ находили слишкомъ крайними и предпочитали голосовать за монархистовъ.

Что дастъ эта Дума для освободительнаго движенія? Можетъ-ли она помочь ему въ чемъ нибудь? Вотъ вопросы, которые задаютъ себѣ въ Россіи. И — странная вещь, — сейчасъ же послѣ этихъ вопросовъ всѣ спрашиваютъ себѣ: „Каковы, прежде всего, намѣренія относительно Думы въ придворныхъ сферахъ?“

Видно, иллюзіи прошлаго года испарились. Люди начинаютъ понимать (про себя, конечно: — избирателямъ этого не говорятъ), что сама по себѣ Дума — безсильное учрежденіе, и что въ своихъ отношеніяхъ къ ней правительство руководится болѣе или менѣе революціоннымъ настроеніемъ страны, — а отнюдь не оттѣнками политическихъ мнѣній выбранныхъ депутатовъ.

Намѣренія царскаго правительства уже опредѣлились. Ихъ высказало, прямо или косвенно, министерство Столыпина. Думѣ прямо сказано, что ее немедленно распустятъ, если 1) она будетъ добиваться отвѣтственнаго министерства, и 2) — самое главное — если она станетъ добиваться отчужденія частныхъ земель на пользу крестьянамъ.

Другими словами, правительство твердо стоитъ на двухъ пунктахъ: Дума — Парламентъ, а не Конвентъ: Законодательное Собраніе, но не Учредительное; а потому, основныхъ законовъ представительства она касаться не должна. А второй пунктъ тотъ, что „собственность священна“, и правительство предпочтетъ все рискнуть, лишь бы не позволить касаться собственности.

Какъ отнесутся наши Думцы къ первому пункту, объ отвѣтственномъ министерствѣ, мы не знаемъ. Возможно, что ознакомившись съ настоящею, а не казовою исторіею парламентскаго правленія вообще, они увидятъ, что во всякой странѣ, возможность дать странѣ парламентское правительство зависитъ не отъ конституціонныхъ формулъ объ отвѣтственности министровъ передъ королемъ, или передъ Палатою, а отъ готовности страны перейти въ нелегальную оппозицію, если министерство будетъ противиться общественному мнѣнію. А эта готовность является только тогда, когда народное представительство — Палата, Парламентъ, Дума — докажетъ народу, что ей дороги интересы народа, хотя бы только политическіе.

Изучая исторію Франціи, невольно поражаешься различіемъ, которое представляютъ, съ одной стороны Палаты избранныя въ 1848 и 1849 году, а съ другой стороны — Національное Собраніе 1789 года. Первыя были выбраны всеобщею подачею голосовъ, второе — двухъ-степенными выборами. Въ Палатѣ 1849 года было 180 демократовъ соціалистовъ, тогда какъ Палата 1789 года состояла изъ однихъ буржуа. Ни въ 1789, ни въ 1848 году не было отвѣтственнаго министерства, такъ какъ Король, въ 1789-92 году, самъ выбиралъ своихъ министровъ, и тоже дѣлалъ президентъ (принцъ Наполеонъ) въ 1848-51 году. А между тѣмъ, Національное Собраніе 1789 года имѣло за себя народъ, тогда какъ Палату 1849—51 года народъ вовсе не зналъ; и когда принцъ Наполеонъ разогналъ ее солдатами и провозгласилъ себя императоромъ, народъ не заступился за нее, какъ не заступился недавно напримѣръ, въ Венгріи, или за нашу первую Думу.

Въ чемъ же разница?

Я долго задавалъ себѣ этотъ вопросъ, и вотъ, по моему, отвѣтъ на него.

Во-первыхъ, въ 1789 году революція не прекращалась съ избраніемъ палаты. Напротивъ того, она только разросталась: комитеты выборщиковъ становились революціонными центрами, а сами депутаты — весьма вѣжливые передъ королемъ, — уговаривали своихъ выборщиковъ быть на готовѣ къ возстанію.

А во-вторыхъ, Палата 1789 года поняла суть своего призванія. Она мало ссорилась со дворомъ, *но за то*

организовала мѣстное самоуправленіе деревень и городовъ на широкихъ демократическихъ началахъ. Община, въ деревнѣ и въ городѣ, т. е. 36,000 общинъ, стали главною силою во Франціи и скоро стали центрами Пролетарской революціи 1793 года. Безъ этихъ Коммунъ, революція была бы невозможна. Законъ 18 декабря 1789 года о мѣстномъ самоуправленіи больше помогъ революціи, чѣмъ всѣ другіе декреты Національнаго Собранія.

Между тѣмъ, Палата 1848 года, когда въ нее внесли законъ объ организаціи независимаго деревенскаго и городскаго самоуправленія, наотрѣзъ отказалась отъ такихъ учрежденій и занялась законами о выборахъ, о Государственномъ Совѣтѣ и объ отвѣтственности министровъ и президента, — который, три года позже, расположивъ къ себѣ войска, разогналъ Палату и уничтожилъ всякую конституцію. Но — централизація была тогда божкомъ радикаловъ, и отъ нихъ, этотъ божокъ перешелъ теперь, по наслѣдству, къ соц.-демократамъ.

Поразительно, что крестьяне Казанской губерніи поняли задачу Думы именно такъ.

— „Землю", говорили они одному газетному корреспонденту, „наши депутаты не могутъ добыть. Ихъ разстрѣляютъ, если они захотятъ добывать. Это надо — на мѣстѣ. А вотъ — урядника и земскаго начальника, это надо чтобы они убрали! Хоть продохнуть бы дали."

Сломать, подрѣзать существующій, законодательный строй, на которомъ зиждется новое крѣпостное право въ деревняхъ, расчистить хоть сколько нибудь мѣсто для новыхъ построительныхъ попытокъ народа, — въ этомъ Дума могла бы, можетъ быть, хоть сколько нибудь помочь народу, — понятно, при параллельномъ дѣйствіи на мѣстѣ самихъ крестьянъ.

Но — сдѣлаетъ ли она это? Въ этомъ мы сильно сомнѣваемся. Даже лучшіе ея элементы — заядлые централисты; а голоса нѣсколькихъ десятковъ настоящихъ людей деревни будутъ заглушены государственниками.

Что же касается до втораго пункта, за который наши правители грозятся разогнать Думу, — т. е. до вопроса о собственности, — то тутъ все, всецѣло зависитъ *отъ степени революціоннаго настроенія въ странѣ.* Тутъ, Дума ничего не можетъ сдѣлать, — развѣ только пробудить въ народѣ нѣсколько надеждъ; да и то! Не говорятъ ли соц.-дем., что мужика надо обезземелить и обратить въ нищаго батрака, чтобы сперва завоевать свободу?! И не говорятъ ли всѣ „средніе", что собственность неприкосновенна?

Казанскіе крестьяне совершенно правы. Землю добыть *для народа* — Дума не можетъ. Это надо дѣлать на мѣстахъ. И успѣхъ экономическаго освобожденія народа будетъ зависѣть опять-таки всецѣло отъ того, насколько поддержится революціонное настроеніе массъ.

Если крестьяне перестанутъ уважать всякія права собственности помѣщиковъ, если они на все имущество помѣщиковъ, купцовъ-арендаторовъ и кулаковъ будутъ смотрѣть, какъ на награбленное добро; если они, всѣми средствами, какъ ирландцы, будутъ мѣшать вольнонаемному хозяйству, и если при этомъ будетъ продолжаться въ Россіи то состояніе всеобщаго броженія, которое длится, вотъ уже больше года, и противъ котораго военные суды оказались безсильны, — тогда можно будетъ добиться въ Россіи крупнаго измѣненія въ теперешней экономической жизни.

Но увѣрять, что Дума можетъ сыграть въ этой области революціонную роль — значитъ обманывать себя и другихъ. Кто идетъ въ Думу, тотъ отказывается отъ революціонныхъ способовъ дѣйствія и предоставляетъ ихъ другимъ.

П. Кропоткинъ.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

I.

Черезъ нѣсколько дней, 18-го марта, во всей западной Европѣ и Америкѣ, а также кое гдѣ въ Россіи, соберутся многолюдные митинги, на которыхъ рабочіе всевозможныхъ народностей будутъ вспоминать это возстаніе пролетаріевъ — эту попытку создать, въ революціонной столицѣ Европѣ ставшей вольнымъ, независимымъ городомъ, ту почву, на которой могла бы развиваться пролетарская, соціальная революція.

Тридцать-шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и мысль о Коммунѣ, независимой, вольной и начинающей у себя соціальную революцію, сдѣлала такіе громадные успѣхи, что будущая революція несомнѣнно начнется именно съ провозглашенія вольныхъ коммунъ.

Разскажемъ же вкратцѣ это замѣчательное движеніе.

Но чтобы вѣрно понять весь смыслъ Парижской Коммуны, надо вернуться назадъ — къ февральской революціи 1848-го года и къ состоянію умовъ во Франціи передъ войною и во время войны 1870—1871-го года. Все это теперь забыто, а молодому поколѣнію революціонеровъ преподносили столько извращенныхъ отчетовъ объ этихъ временахъ, что необходимо, хотя бы вкратцѣ разсказать выдающіяся черты событій, пережитыхъ Франціею за это время.

24-го февраля 1848, послѣ трехъ-дневнаго боя на барикадахъ, Парижскій народъ смелъ правительство „буржуазнаго" короля Луи-Филиппа и провозгласилъ республику.

Эту побѣду одержалъ народъ, рабочіе. Они покрыли весь городъ барикадами, которыя шагъ за шагомъ подступали изъ предмѣстій къ центру, ко дворцу. Они доставали оружіе, гибли подъ пулями. Буржуазная же національная гвардія помогла революціи только тѣмъ, что — тоже недовольная реакціонною политикою короля, она, не становясь на сторону революціи, тѣмъ не менѣе парализовала войска своимъ присутствіемъ на улицахъ, мѣшала имъ и отчасти прикрывала, такимъ образомъ, сражавшійся народъ.

Наконецъ, 24 февраля, барикады подступили къ самому дворцу. Король бѣжалъ. Народъ, ворвавшись въ Палату, распустилъ ее и объявилъ республику. Франція и вся Европа, кто съ радостью, а кто — скрѣпя сердце, признали это паденіе орлеанской монархіи.

Но парижская буржуазія не терялла голову въ переворотѣ. Она сейчасъ же выдвинула „Временное Правительство", изъ умѣренныхъ республиканцевъ, конечно буржуазныхъ, которые — она знала — не допустятъ до соціалистической ломки буржуазнаго строя. Впрочемъ, въ видѣ подачки народу, стоявшему съ оружіемъ въ рукахъ вокругъ Ратуши, въ правительство приняли умѣреннаго государственнаго соціалиста Луи Блана и его товарища, рабочаго Альбера. Но, конечно, изъ коммунистовъ (они тогда называли себя „коммунистами матеріалистами"), изъ которыхъ слагались тайныя общества Бланки, Барбеса и др., — которыя и дрались на бари-

кадахъ, — буржуазія никого не допустила до участія въ правительствѣ.

Рабочіе же, по тому ли что не въ силахъ были потребовать большаго въ ту минуту, такъ какъ буржуазная національная гвардія могла обратиться противъ нихъ, или же сами хорошенько не знали, какъ и съ чего начать соціальную революцію, — предоставили этому Временному Правительству утвердиться.

Притомъ, у нихъ должно было явиться и такое соображеніе. Разъ назначалось правительство *для всей Франціи*, — для всего французскаго народа, а не для одного Парижа, — надо было выбирать, не неизвѣстныхъ рабочихъ, а такихъ людей, которыхъ можетъ признать вся страна — по крайней мѣрѣ на время, пока не будетъ созвано Учредительное Собраніе.

Только этого и нужно было буржуазіи. Выпустивъ много красивыхъ прокламацій, Временное Правительство стало организовать правительственную силу. Вездѣ оно насажало своихъ губернаторовъ (префектовъ), вездѣ захватило полицію и суды, вездѣ организовало буржуазную милицію.

Луи Блана и Альбера, съ вѣрившими имъ рабочими, „демократами-соціалистами“, правительство изолировало во дворцѣ бывшей Верхней Палаты (Люксембургѣ), и тамъ они стали обсуждать — сперва проекты рабочихъ производительныхъ ассоціацій, которыя должны были быть основаны со ссудою отъ правительства (если будутъ деньги), а потомъ — проекты государственнаго капитализма, разработанные Видалемъ и Пеккеромъ въ видѣ обширной законодательной мѣры, — тѣ самые проекты, которые нынче зовутся „коллективизмомъ“ и выдаются за новѣйшее открытіе нѣмцами „научнаго соціализма“.

А буржуазія, тѣмъ временемъ, собирала войска вокругъ Парижа, организовала свою тайную полицію и подкупъ рабочихъ, сходилась съ попами. Учредительное Собраніе, выбранное всеобщею и тайною подачею голосовъ, оказалось вполнѣ буржуазнымъ и явно враждебнымъ рабочимъ. Въ тоже время, сторонники принца Людовика Наполеона вели свою пропаганду среди рабочаго населенія, указывая ему на враждебность республиканской буржуазіи къ соціализму и вселяя надежду, что „принцъ“, который написалъ книгу о пролетаріатѣ и принадлежалъ къ тайному обществу карбонаровъ, — лишь бы ему добраться до власти, облагодѣтельствуетъ рабочихъ. Эта проповѣдь имперіализма встрѣтила не мало сочувствія среди государственныхъ соціалистовъ Луи Блановскаго толка *).

Народъ Парижа, и особенно коммунисты-матеріалисты тайныхъ обществъ, поняли тогда, что революціи скоро положатъ конецъ, и попытались 15 мая свергнуть правительство и распустить Національное Собраніе. Но было уже поздно. Движеніе не удалось, и главныхъ двигателей — Бланки, Барбеса и другихъ — заперли въ тюрьму.

Мѣсяцемъ позже, буржуазія прямо вызвала парижскій народъ на возстаніе. У нея были теперь войска, собранныя вокругъ Парижа, и надежный генералъ, чтобы командовать ими, а рабочіе были доведены безработицею и голодовкою до отчаянія. Въ февралѣ они давали „три мѣсяца нищеты на службу республикѣ“, въ надеждѣ, что тѣмъ временемъ что нибудь будетъ сдѣлано для рабочихъ. Теперь, когда всякая надежда на буржуазную республику пропала, они возстали. Сперва въ ихъ рядахъ еще слышались крики „Да здравствуетъ Наполеонъ!“ Но со втораго дня возстанія они выкинули на барикадахъ красное знамя и ихъ крикъ сталъ: „Хлѣба или пуль! Работы или смерть! Да здравствуетъ соціальная республика!“

Бой былъ отчаянный, онъ длился нѣсколько дней, съ ожесточеніемъ. Но рабочіе были разбиты, и тутъ началась та страшная реакція, которая длилась съ тѣхъ поръ цѣлые двадцать лѣтъ.

Буржуазія свирѣпствовала во всю. Лучшихъ людей изъ парижскихъ рабочихъ перебили; плѣнныхъ разстрѣливали кучами; другихъ, тысячами увозили въ ссылку. А когда Парижъ обезсилили, тогда и сама республика скоро была задушена, утоплена въ крови, Наполеономъ III (1852). Провозглашена была имперія. Соціализмъ сталъ запретнымъ словомъ. Буржуазія подписывала большія суммы, чтобы пускать въ обращеніе противусоціалистическую литературу, а прежнюю литературу конфисковали и истребляли. Забвеніе легло на всю громадную работу, сдѣланную соціалистами во Франціи до 1848 года.

Мракъ наступилъ во всей Европѣ, когда, вслѣдъ за Франціею, революціонное броженіе было задушено въ Италіи, въ Австріи, въ Пруссіи, въ Венгріи. И длился этотъ мракъ вплоть до шестидесятыхъ годовъ.

Только тогда явились признаки пробужденія во Франціи, и въ 1866 мъ году, изъ соглашенія между парижскими и англійскими рабочими сложился Международный Союзъ Рабочихъ, или Интернаціоналъ, съ котораго и началось новое движеніе европейскаго пролетаріата.

Въ два три года Интернаціоналъ быстро развился и сталъ силою. Число рабочихъ, присылавшихъ своихъ депутатовъ на ежегодные конгрессы Интернаціонала, и ежегодно возраставшая смѣлость ихъ соціалистическихъ требованій нагоняли страхъ на буржуазію. Парижскіе, Ліонскіе и другіе рабочіе, какъ только почувствовали новое движеніе, стали быстро отвѣчать на призывъ. Лучшіе люди изъ рабочихъ пристали къ Интернаціоналу и выдержали изъ за него въ Парижѣ три процесса. Старые заговорщики республиканцы, не-рабочіе, вынуждены были тоже зашевелиться, и вскорѣ сила имперіи была подорвана. Парижъ зашевелился въ своихъ глубинахъ. Повсемѣстно собирались митинги, — о которыхъ забыли думать съ 1848 года — и на этихъ собраніяхъ соціализмъ и соціальный переворотъ стали главнымъ предметомъ обсужденія.

Наполеоновская имперія разваливалась подъ напоромъ молодыхъ силъ. Реакція пошла на уступки, призвала „либеральное министерство“, — но все это было никъ чему. Парижъ заволновался, и уже въ день похоронъ Виктора Нуара, предательски убитаго однимъ изъ князей Бонапартовъ, стало ясно, что дни Имперіи сочтены.

Тогда, въ іюлѣ 1870 года, вспыхнула франко-нѣмецкая война. Предлогъ войны, какъ всегда, былъ пустой; но оба правительства, наполеоновское и прусское, т. е. бисмарковское, оба увѣренныя въ побѣдѣ, вынудили, ускорили давно уже собиравшуюся войну. Пруссія, которая ввела у себя, первая въ Европѣ, всеобщую воинскую повинность, ограбила передъ этимъ Данію; затѣмъ, разбивши Австрію, она стала во главѣ Германскаго Союза. Теперь, война представлялась, для нея, въ случаѣ по-

*) Съ тѣхъ поръ, вѣра въ диктатора, который возметъ въ свои руки дѣло пролетаріевъ, не переставала искусно поддерживаться во Франціи, въ Англіи и въ Германіи и надѣлала много зла рабочему движенію.

бѣды, средствомъ утвердить свое преобладаніе въ Германіи. А потому, зная, какъ сравнительно слаба была Франція, которая держалась еще старой рекрутчины, а потому не могла выставить болѣе полу-милліона войска, — Бисмаркъ посовѣтовавшись съ Мольтке, сдѣлалъ войну неизбѣжной. Онъ хвастался этимъ впослѣдствіи. Въ ту минуту, когда всѣ недоразумѣнія уже улаживались, онъ поддѣлалъ одну телеграмму и измѣнилъ ее такъ, что война была объявлена черезъ нѣсколько часовъ. Бонапартисты же, съ своей стороны, тоже хотѣли войны; они были увѣрены, что побѣды Франціи утвердятъ на престолѣ наполеоновскую династію, и кричали: „Въ Берлинъ!“

Извѣстно, чѣмъ кончилась эта ужасная война. Послѣ отчаяннаго, трехъ-дневнаго сраженія при Гравелоттѣ, главная Французская армія была разбита; она отступала въ полномъ замѣшательствѣ передъ превосходившими ее силами нѣмцевъ и наконецъ, окруженная на бельгійской границѣ, 2 сентября сдалась, вмѣстѣ съ Наполеономъ. Такимъ образомъ пала имперія. 4 Сентября, въ Парижѣ была провозглашена республика,

Теперь, съ паденіемъ воинствующей Наполеоновской имперіи, война, казалось, должна была бы прекратиться. Такъ понимали дѣло рабочіе въ Интернаціоналѣ — даже въ самой Германіи, — и почти одновременно юрцы въ Швейцаріи и центральный комитетъ рабочей соціальдемократической партіи въ Брауншвейгѣ-Вольфенбюттелѣ выпустили манифесты, требовавшіе заключенія мира. Нѣмецкій манифестъ, за который члены комитета, Браке, Бонгорстъ, Ширъ, Кюнъ и Гралле смѣло пошли въ крѣпость, былъ особенно замѣчателенъ, такъ какъ требовалъ, чтобы съ паденіемъ Наполеона, миръ былъ немедленно заключенъ „безъ ущерба для французскаго народа“.

Нѣсколько дней спустя, генеральный совѣтъ Интернаціонала тоже выпустилъ подобное воззваніе; а 14 сентября, д-ръ Якоби и Гейбъ, оба изъ нѣмецкой соціальдемократической партіи, шли въ крѣпость за гласный протестъ на митингѣ противъ присоединенія Альзаса и Лотарингіи. Вскорѣ за ними послѣдовали, за тотъ же протестъ, Бебель и Либкнехтъ. Но нѣмецкое правительство стремилось именно отобрать у Франціи Альзасъ и Лотарингію; оно хотѣло взять столицу Франціи, наложить тяжелую контрибуцію, и нѣмецкія войска вскорѣ обложили Парижъ и начали осаду.

Тогда многимъ стало ясно, что Германія вела войну, вовсе не противъ Наполеоновскаго властолюбія, какъ говорилось вначалѣ, а противъ всего того, что представляла собою Франція въ Европѣ. Революціонерамъ стало ясно то, что такъ ярко излагалъ Бакунинъ въ „Письмахъ къ французу“, — т. е. что пораженіе Франціи будетъ пораженіемъ революціоннаго духа во всей Европѣ, — по крайней мѣрѣ на полъ-столѣтія. Гарибальди высадился въ Марсели, и къ нему начали собираться волонтеры всѣхъ національностей на защиту республики, а въ самой Франціи былъ сдѣланъ рядъ попытокъ, провозгласить Коммуны, составить федерацію вольныхъ Коммунъ, и, сражаясь противъ феодальной Германіи, вмѣстѣ съ тѣмъ поднимать народное возстаніе и начинать соціальную революцію.

Эти попытки и подготовили умы къ провозглашенію Коммуны въ Парижѣ.

15-го сентября, Бакунинъ былъ уже въ Ліонѣ, подготовляя возстаніе, и 28 сентября, пользуясь рабочею манифестаціею, движеніе началось. Рабочіе овладѣли Ратушею и объявили низложеніе всѣхъ властей; но движеніе не было поддержано массою рабочихъ, и буржуазія скоро возстановила „порядокъ“. Характеръ, который Интернаціоналисты хотѣли придать возстанію, былъ выраженъ въ прокламаціи, выпущенной ими за два дня до начала движенія; въ ней предлагалось народу провозгласить низложеніе всѣхъ государственныхъ властей и установить на ихъ мѣсто общинные Комитеты спасенія и федерацію такихъ комитетовъ; уничтожить суды и существующія подати, а равно всѣ взысканія по закладнымъ; новыя же подати взыскивать съ богатыхъ, сообразно потребностямъ революціи.

Вслѣдъ за Ліономъ, подобныя же движенія произошли въ Марсели (съ 31 октября по 3 ноября), въ Руанѣ, въ Брестѣ и наконецъ въ Парижѣ, тоже 31 октября, подъ руководствомъ Бланки. Вездѣ народъ волновался, и вездѣ являлась мысль, что только революціонная Коммуна могла бы спасти Францію отъ полнаго разгрома. Но вездѣ буржуазія, видя, что революція не ограничится однимъ политическимъ переворотомъ, а сразу приметъ оборотъ народный, соціальный, немедленно выступала съ энергіею и, поддерживаемая буржуазнымъ правительствомъ Гамбетты, засѣдавшимъ въ Турѣ, немедленно задавливала движеніе. Народъ же былъ безоруженъ и чувствовалъ свое безсиліе; притомъ въ народномъ умѣ не было центральной идеи, на которой могли бы сойтись люди, желавшіе соціальнаго переворота.

Тѣмъ не менѣе, мысль о Коммунѣ, которая подобно парижской Коммунѣ 1792 го года, взяла бы въ свои руки защиту территоріи и задачу соціально-революціонной ломки существующаго, — эта мысль росла во Франціи, и какъ только, по заключеніи мира, къ тому представилась возможность, Парижскій народъ, вооружившійся во время осады, провозгласилъ свою Коммуну.

Мысль Парижской Коммуны, ея характеръ и ея геройскую защиту мы разскажемъ въ слѣдующей статьѣ.

ИЗЪ РОССІИ.

ОТКРЫТІЕ ДУМЫ.

Въ день открытія Думы, 5 марта (20 февраля), громадныя толпы народа высыпали на улицы Петербурга, преимущественно въ окрестностяхъ Таврическаго Дворца, гдѣ засѣдаетъ Дума. Толпа состояла большею частью изъ учащейся молодежи, такъ какъ школы были закрыты, между тѣмъ какъ рабочіе, собиравшіеся отпраздновать открытіе Думы однодневною забастовкою, въ концѣ концовъ должны были отказаться отъ этого намѣренія, и ограничились тѣмъ, что утромъ, передъ тѣмъ какъ войти въ фабрику или въ заводъ, держали митинги у воротъ.

На нѣкоторыхъ фабрикахъ, хотя и рѣшили работать 20-го февраля, но заработокъ въ этотъ день рѣшено отдать на безработныхъ.

Впрочемъ, нѣкоторыя большія фабрики всетаки забастовали, и рабочихъ, оказывается, было много въ толпѣ.

Густая толпа, собравшаяся на улицахъ, ведущихъ къ Думѣ, провожала громкими криками восторга лѣвыхъ депутатовъ, особенно крестьянъ и рабочихъ. Какъ только узнавали ихъ имена, ихъ передавали другъ другу и устраивали овацін. Столыпина, конечно, освистали, равно какъ и большинство другихъ министровъ.

Крики „амнистія! Добывайте амнистію!“ не умолкали и густою волною перекатывались въ толпѣ. Въ толпѣ, вообще замѣчалось серьезное настроеніе, но не обходилось и безъ потѣхи. Безпрестанно взлетали красные шары, съ привязанными красными флагами.

Не обошлось и безъ безобразій, — конечно со стороны царскихъ слугъ. На Литейной составилась большая колонна манифестантовъ, направившаяся къ дому предварительнаго

заключенія, съ криками „амнистія". Но противъ нихъ вылетѣли, съ чиканьемъ и нагайками, конные жандармы и стали топтать толпу. Одной женщинѣ раскроили черепъ, одному ребенку лицо измочалили, одному мущинѣ раздавили ногу— придется отрѣзать.

Послѣ обѣда, въ 4 часа, начался митингъ въ университетѣ. Полиція разрѣшила его подъ строжайшимъ условіемъ, чтобы въ публикѣ никого не было, кромѣ студентовъ; но едва ли это было возможно соблюсти. Густѣйшіе толпы держались съ утра на Васильевск. островѣ около университета. Скоро не только актовый залъ, но и всѣ аудиторіи набились народомъ. По окончаніи всѣхъ китайскихъ церемоній въ Думѣ, въ университетъ пріѣхали нѣкоторые депутаты отъ крестьянъ, и были встрѣчены съ восторгомъ. Всѣ говорятъ объ единеніи партій, о трудности предстоящей задачи, о необходимости «построительнаго» законодательства. Но во всѣхъ рѣчахъ звучала нота недовѣрія... Прежней самоувѣренности нѣтъ и слѣда.

Народъ требуетъ амнистіи — не въ одномъ Петербургѣ, а во всей Россіи, вплоть до самой малой деревни. Вѣдь нѣтъ деревни, изъ которой не было бы выхвачено мало или много крестьянъ и свезено въ ссылку, во всѣ „болѣе или менѣе отдаленныя мѣста Россіи". Вездѣ требуютъ амнистіи.

Но Думѣ опредѣленно сказано, что „амнистія — прерогатива Императора", а потому всякая попытка провести з а к о н ъ объ амнистіи въ Думѣ будетъ сочтенъ за «нарушеніе Верховныхъ правъ» и можетъ повести къ закрытію Думы. Поэтому, во всѣхъ интервью, напечатанныхъ въ газетахъ, члены Думы — средніе и крайніе — въ одинъ голосъ говорятъ о необходимости «не забираться въ чужія владѣнія» — просить, но не законодательствовать.

Тоже самое — по всѣмъ другимъ вопросамъ. Министерство Столыпина заготовило проектъ закона „о правахъ личности." Проектъ напечатанъ вполнѣ и надо сказать правду: — чистый Habeas Corpus англичанъ! Никого-то нельзя арестовать безъ с у д е б н а г о рѣшенія объ арестѣ; а если кого заарестуютъ на мѣстѣ преступленія, то въ первые же 24 часа по арестѣ, онъ долженъ предстать передъ лицомъ «судьи праведнаго». Положимъ, мы знаемъ, что такое сіи «судьи праведные» въ Англіи. Но все-таки, по честности надо сказать, что, какъ ни какъ, все же лучше теперешнихъ русскихъ порядковъ, гдѣ людей продержали съ января 1906 года по сіе время безъ суда.

Но.. Корпусъ Жандармовъ и Государственная Тайная Полиція остаются во всей красотѣ. Тайное слѣдствіе не уничтожено, и положенія «усиленной» и «малой» охраны остаются во всей силѣ. И вотъ, въ тѣхъ же газетахъ, рядомъ съ Россійскимъ Habeas Corpus мы читаемъ, что Министерство (читай: Тайное правительство царкосельскаго дворца, въ согласіи съ главою черносотенцевъ, Дубровинымъ, и Союзомъ Дворянскихъ обществъ) рѣшило оставить въ силѣ всѣ законы введенные по какой-то 87 статьѣ.

Выходитъ, стало быть, что военные суды будутъ звѣрствовать по прежнему, и что единственная защита противъ нихъ остается попрежнему самосудъ, котораго прекращеніе изрекли, положимъ соціалисты демократы и соціалисты революціонеры, но котораго неизбѣжность признало само правительство, удерживая военные суды.

И такъ — во всемъ. Какой ни будетъ поднятъ въ Думѣ вопросъ — на все положенъ предѣлъ: „его же не прейдеши!" Община, надѣлы, голодъ — на все надо будетъ спрашивать: „Какъ начальство?" т. е. „какъ Дворянскій Союзъ? какъ великіе князья? какъ Дубровинъ и вся ихъ компанія?"

СОСТАВЪ ДУМЫ.

Составъ Думы теперь уже вполнѣ опредѣлился. Остается выбрать еще депутатовъ отъ сибирскихъ и средне-азіятскихъ областей; но такъ какъ ихъ всего 33, то эти выборы существенно не измѣнятъ опредѣлившагося уже состава. Различныя газеты даютъ различное распредѣленіе депутатовъ, но вотъ какъ опредѣляютъ его газеты наиболѣе сочувствующія оппозиціи:

Союзъ русскаго народа, монархисты, союзъ 17 октября и правые вообще 96, безпартійныхъ 19, группа умѣренныхъ 5; всего 120. Польскихъ націоналистовъ 45, мирнаго обновленія 3, прогрессистовъ 36, народной свободы (кадеты) 87; итого, центра 171. Группа лѣвыхъ 48, армянъ 3, народныхъ соціалистовъ (Пѣшехоновская группа) 6, трудовики 24, соц. дем. 64, соц. рев. 55; итого крайнихъ лѣвыхъ 200.

Мы говорили уже о томъ, какое вліяніе на распущеніе первой Думы имѣлъ Союзъ Дворянскихъ представителей, желавшій положить конецъ агитаціи для передачи земли въ руки народа. Теперь извѣстно, что этотъ элементъ реакціи, съ тѣхъ поръ, еще усилился. Крупные землевладѣльцы еще тѣснѣе сплотились около великихъ князей и другихъ вожаковъ реакціи, составившихъ тайное петергофское правительство. Среднее дворянство, черезъ свой Союзъ, оказываетъ имъ полную поддержку. И буржуазія, про которую намъ говорили, что она нужна чтобы завоевать политическую свободу — буржуазія дворянская, промышленная и купеческая, сплачивается также вокругъ реакціонныхъ силъ. Борьба становится все болѣе и болѣе борьбою бѣдноты — крестьянской и рабочей голытьбы — противъ богатыхъ.

Наше предвидѣніе справдалось. Соціалисты-революціонеры уже объявили въ русскихъ газетахъ, что на все то время, пока существуетъ Дума, они отказываются отъ всякихъ террористическихъ дѣйствій.

Мы думаемъ, что это заявленіе также заканчиваетъ ихъ существованіе, какъ партіи, какъ знаменитое письмо Исполнительнаго Комитета Александру III-му. Они возвращаются въ соціальдемократію.

Забастовка въ Лодзи на фабрикѣ Познанскаго, а слѣдовательно и локаутъ, прекратились. Рабочіе не могли даже добиться принятія назадъ на фабрику своихъ 96 товарищей, и должны были вернуться на работу, не ставя условій.

А между тѣмъ они геройски боролись нѣсколько мѣсяцевъ. Въ послѣднее время все болѣе и болѣе устанавливался трогательный обычай увозить дѣтей стачечниковъ въ другіе города, къ другимъ рабочимъ, бравшимъ дѣтей въ свои семьи.

Ничто не помогло. Вся полиція, вся тайная свора сыщиковъ, все начальство, всѣ „русскіе люди" были въ холопствѣ у Познанскаго, охраняя его и его агентовъ.

Смертныя казни не прекращаются. Въ день открытія Думы было казнено 3 человѣка въ Варшавѣ, 6 человѣкъ на другой день, и такъ — каждый день.

Ссылка продолжается по прежнему въ громадныхъ размѣрахъ. Каждую недѣлю увозятъ въ административную ссылку большія партіи. На прошлой недѣлѣ увезли 212 человѣкъ въ Туруханскій край [новая выдумка, тамъ смерть — вѣрнѣе] и въ Нарымскій Край.

Мы получили самыя трогательныя письма изъ тюремъ, особенно Московскихъ, гдѣ сидитъ всего свыше 1200 человѣкъ. Каждую недѣлю идутъ этапы въ ссылку. Товарищи дѣлаютъ все, чтобы снабжать уѣзжающихъ теплымъ платьемъ, валенками и бѣльемъ. Но нужда страшная.

Англійскій фондъ продолжаетъ высылать по немногу. Но это — капля въ морѣ.

Встрѣча, сдѣланная Думѣ населеніемъ Петербурга, описывается консервативными газетами, какъ «репетиція бунта, подготовляемаго въ столицѣ». Вооруженные блиндированные поѣзда, обыкновенно стоящіе на запасныхъ путяхъ вдалекѣ отъ вокзаловъ, были придвинуты 6 марта на ближніе пути въ самые вокзалы.

Новый избирательный законъ, ограничивающій права выборовъ, у ж е г о т о в ъ. Придворное правительство будетъ только ждать случая для роспуска Думы и примѣненія новаго закона, который лишаетъ большинство населенія всякихъ избирательныхъ правъ.

Судя по многимъ признакамъ, царско-сельскіе правители устраиваютъ, кромѣ предполагаемаго ими скандала въ Думѣ, рядъ п о г р о м о в ъ во многихъ городахъ Россіи. Крушеванъ, выбранный депутатомъ въ Кишиневѣ, — причемъ за него, говорятъ, голосовали нѣкоторые сіонисты, — выѣхалъ изъ Кишинева въ Петербургъ съ губернаторскими почестями, сопровождаемый большою охраною, подъ командою начальника кишиневскаго охраннаго отдѣленія.

Еще бы! На такихъ Крушеванов возлагаютъ теперь великія надежды въ Царскосельскихъ придворныхъ кругахъ.

Русское правительство принимаетъ новую тактику по отношенію къ профессіональнымъ р а б о ч и м ъ с о ю з а м ъ.

Оно, вѣроятно, замѣтило, что они грозятъ стать революціонною силою, и потому теперь мѣшаетъ ихъ образованію. Въ Екатеринославѣ оно отказало въ разрѣшеніи образовать союзы рабочихъ новороссійскаго завода, вознесенскаго рудника, никополь-маріупольскаго завода и булочниковъ Екатеринослава.

Въ Москвѣ, закрытъ союзъ печатнаго дѣла.

Въ Полтавѣ, за мирныя сельско-хозяйственныя стачки въ большихъ имѣніяхъ, крестьянъ приговорили къ суровымъ наказаніямъ, вплоть до 18 мѣсяцевъ арестантскихъ ротъ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Вообще, богатые куютъ желѣзо, пока оно горячо, и широко пользуются реакціею, чтобы затянуть петлю на шеѣ рабочихъ и крестьянъ.

Въ голодныхъ губерніяхъ они прямо бьютъ на то, чтобы голодомъ заставить крестьянъ, продавать за ничто свои земли всякимъ дворянскимъ и купеческимъ скупщикамъ.

Обезземелить крестьянъ — вотъ ихъ адскій планъ.

Необходимость внѣпартійныхъ рабочихъ союзовъ нигдѣ не доказывается такъ поразительно, какъ въ Лодзи. Въ этомъ большомъ промышленномъ центрѣ Царства Польскаго, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ идетъ отчаянная братоубійственная война между рабочими двухъ политическихъ партій: соціальдемократической и національной. Бываютъ времена, когда русскія газеты каждый день сообщаютъ объ одномъ или болѣе убійствахъ между рабочими, на партійной почвѣ. И это длится уже мѣсяцы. А въ ночь на 24 февраля, на Средней улицѣ происходила тожесточенная перестрѣлка между двумя боевыми дружинами рабочихъ.

Обмѣнялись онѣ болѣе чѣмъ сотнею залповъ и выстрѣловъ, и въ результатѣ оказалось двое убитыхъ, одинъ смертельно раненный и нѣсколько легко раненыхъ. „Подобныя партійныя стычки" прибавляетъ одна русская газета, „происходятъ почти ежедневно, и повидимому нѣтъ надежды на ихъ скорое прекращеніе."

Изъ за чего происходитъ эта братоубійственная междоусобная война между рабочихъ? Изъ за различнаго ихъ отношенія къ хозяевамъ? или къ вопросамъ труда? — Нѣтъ! — Ни малѣйшаго намека въ этомъ направленіи мы не встрѣчали. Убійства и перестрѣлки происходятъ на политической почвѣ. Это взаимная ненависть двухъ политическихъ партій, — борьба за будущую власть. Обѣ находятся подъ игомъ ненавидимаго ими полицейскаго русскаго правительства. Но обѣ хотятъ командовать, верховодить, обѣ уже учитываютъ власть въ будущемъ, — и онѣ бьютъ другъ друга.

Различныя церкви и религіозныя секты посѣяли въ человѣчествѣ больше вражды другъ къ другу, чѣмъ личные враждебные инстинкты. Такъ и съ политическими партіями. Намъ говорятъ, что онѣ соединяютъ людей. Да, но только для того, чтобы еще больше раздѣлить ихъ, и помѣшать имъ соединиться въ общей враждѣ бѣдныхъ къ богатымъ. Чтобы заставить бѣдныхъ бить другъ друга, раздѣлите ихъ на религіозныя секты и на политическія партіи. Успѣхъ богатыхъ будетъ обезпеченъ. И богатые это знаютъ, и играютъ на властолюбіи политикановъ.

Некрологъ.

Мы получили слѣдующее отъ одного изъ южно-русскихъ товарищей:

Моему другу Николаю Якобсону.

30 октября 1906, въ кіевской крѣпости былъ разстрѣлянъ анархистъ Николай Якобсонъ. Казнь его прошла неспокойно, п. ч. передъ смертью ему удалось своей рѣчью зажечь сердца нѣкоторыхъ солдатъ. Онъ былъ арестованъ 9 апрѣля прошлаго года на Подолѣ, послѣ оказаннаго имъ отчаяннаго сопротивленія; осужденъ былъ военнымъ судомъ 13 сентября и въ теченіе шести недѣль ждалъ смерти... Впрочемъ, не ждалъ! Николай Якобсонъ оставался вѣрнымъ себѣ и въ своей революціонной работѣ, и въ тюрьмѣ. Онъ не зналъ пощады къ врагамъ соціальной революціи на волѣ и не ждалъ ея для себя. Въ тюрьмѣ онъ ни на минуту не оставлялъ мысли о побѣгѣ, и если-бы не простая случайность, онъ ушелъ бы послѣ суда и своей мужественной рукой нанесъ-бы еще не одинъ ударъ защитникамъ капитала и власти! Слѣдствіе и судъ, въ свою очередь, только и могли убѣдиться въ его твердости и непоколебимой вѣрности своимъ принципамъ. Въ іюлѣ, слѣдователь, вызвавшій на допросъ Николая, высказалъ ему свое іезуитское сочувствіе:

— Какъ мнѣ васъ жаль, молодой человѣкъ! Изъ города*** получены самыя благопріятныя для васъ справки, а, между тѣмъ, ваше дѣло грозитъ вамъ военнымъ судомъ...

— Вы не смѣете меня жалѣть, — отвѣтилъ съ жаромъ Николай. Пожалѣйте себя и свою молодость: вы — нестарше меня и уже занимаетесь ремесломъ палача!

Мужественное поведеніе Николая на судѣ было сплошнымъ издѣвательствомъ надъ почтенными членами этого учрежденія. Предсѣдатель кіевскаго военно-окружнаго суда, старый, кровожадный циникъ Костенко, выживши изъ ума, жаловался близкой родственницѣ Николая, безъ его вѣдома просившей о смягченіи участи:

— Помилуйте, но это невозможно! Это было-бы оскорбленіемъ для всего суда. Онъ третировалъ насъ, какъ мальчишекъ. Онъ не хотѣлъ даже понять, что мы дѣйствуемъ по приказанію и что намъ тоже непріятно вносить смертные приговоры!

Разумѣется, послѣ такой аттестаціи даже кіевскій либералъ Сухомлиновъ, ведущій «ожесточенную» борьбу съ союзомъ русскаго народа, поспѣшилъ утвердить приговоръ.

Стройный, какъ тополь, жизнерадостный какъ стихія, полный мужества и буйнаго задора, сквозившаго въ его умныхъ, свѣтлыхъ глазахъ и безпорядочно-вившихся русыхъ кудряхъ, Николай погибъ въ самомъ расцвѣтѣ своихъ силъ, какъ жертвой ужасныхъ условій нашей работы. Необычайной прямотѣ и враждѣ къ уступкамъ и компромиссамъ, характеризовавшимъ каждый его поступокъ, безграничной отвагѣ и энтузіазму, переполнявшимъ все его существо, учиться нельзя! Всѣ эти качества, соединявшіяся въ Николаѣ, равно необходимы каждому анархисту, къ сожалѣнію, могутъ остаться только отдѣльными, индивидуальными свойствами каждаго изъ насъ. И я хорошо понимаю тѣхъ друзей, которые въ порывѣ отчаянія, вызванномъ его гибелью, говорятъ: «Другого Николая нѣтъ и долго еще не будетъ среди нашихъ товарищей!»

Пусть такъ! Но тѣ, въ сердцѣ которыхъ отчаяніе не побѣдило рѣшимости и жажды разрушительной работы, пусть помнятъ, что въ Николаѣ Якобсонѣ мы потеряли не только рѣзко-очерченную индивидуальность, высокую, богато одаренную натуру, но и идеальнаго работника, у котораго можно и нужно многому поучиться.

Николая никогда не влекло въ тѣ русскіе центры, гдѣ анархизмъ сумѣлъ уже завоевать себѣ право на существованіе и проникъ въ рабочую среду. Кіевъ и прилегающіе къ нему города, гдѣ анархизмъ съ такимъ трудомъ пробиваетъ себѣ дорогу, гдѣ нашимъ піонерамъ нужно имѣть много стойкости и терпѣнія, чтобы вести работу, привлекали его больше, чѣмъ Бѣлостокъ, Екатеринославъ, Одесса и др. Съ поразительнымъ хладнокровіемъ онъ относился къ многочисленнымъ неудачамъ, какимъ, то ужаснымъ проклятіемъ нависшимъ надъ кіевской группой, возстанавливалъ связи, вдохновлялъ всѣхъ скептиковъ личнымъ примѣромъ.

Въ области теоріи Николай не заявлялъ себя сторонникомъ опредѣленной фракціи русскаго анархизма. Не призывая къ механическому, насильственному объединенію всѣхъ анархистовъ, онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, врагомъ фракціонныхъ разногласій, отнявшихъ въ послѣднее время столько силъ у нашихъ товарищей. Николай думалъ, что анархизмъ, какъ опредѣленное теоретическое мировоззрѣніе, вырылъ такую глубокую и непроходимую пропасть между нами и соціалистами-государственниками, что бояться какого либо смѣшенія или „затушеванія" нѣтъ основаній; съ другой стороны, какъ самостоятельная вѣтвь революціоннаго рабочаго движенія, направленная къ насильственному разрушенію государства и капитала, анархизмъ въ своей западно-европейской и русской практикѣ выработалъ уже столько различныхъ, послѣдовательно вытекающихъ изъ его теоретическихъ предпосылокъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, своеобразныхъ и ему одному присущихъ методовъ борьбы, что въ выборѣ ихъ анархисту, не скованному централистической организаціей или партійной дисциплиной, остается руководствоваться только своей личной склонностью и темпераментомъ.

Таковы были идеи, вдохновлявшія Николая Якобсона на пропаганду объединенія анархизма. Какъ неутомимый практикъ, врагъ окаменѣвшей догмы и, вмѣстѣ, врагъ лишнихъ разглагольствованій, онъ ясно видѣлъ тотъ вредъ, который принесло нашему движенію излишнее дробленіе силъ. Передъ смертью, въ тюрьмѣ, онъ часто любилъ перечитывать пожелтѣвшее отъ времени нѣмецкое изданіе Штирнера. Его душа,

которой ближе были мрачные тоны ненависти и разрушенія, чѣмъ свѣтлыя краски любви и примиренія, сродилась съ воинственными призывами стараго индивидуалиста. Но, какъ анархистъ-коммунистъ, онъ мечталъ о проникновеніи идеи возмущенія въ широкія массы голодныхъ и одурманиваемыхъ, о зарожденіи могучаго и боеваго анархическаго движенія на Руси...

И всю свою молодую, прекрасную жизнь онъ отдалъ этому дѣлу. Уже изъ крѣпости, куда его перевезли наканунѣ казни, онъ написалъ матери, что не жалѣетъ объ этомъ и что другого исхода ему не нужно было.

Г.

АНАРХИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

«Вольный Рабочій, изданіе южно русской группы Анархистовъ-синдикалистовъ», № 1, 25 дек. 1906 г. 8 стр.

Отъ Редакціи. Программа синдикальнаго анархизма. — Очередной вопросъ (необходимость вызвать широкое массовое движеніе на почвѣ экономическихъ интересовъ работниковъ, городскихъ и сельскихъ, съ помощью крѣпко сплоченныхъ тайныхъ анархическихъ профессіональныхъ союзовъ). — Анархизмъ и легальность, — подписано Н—скій. — Крестьянинъ и рабочій. — Уставъ Всероссійскаго Союза Труда. — Изъ анархическаго движенія въ Одессѣ, Д. Н.

Ограничиваемся этою передачею содержанія. Нѣкоторые изъ поднятыхъ вопросовъ, мы постараемся разобрать, но не слѣдуя за издателемъ въ его полемикѣ.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ФРАНЦІЯ

СОЦІАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ.

Моя послѣднія статьи о еженедѣльномъ отдыхѣ приводятъ меня къ вопросу о соціальномъ законодательствѣ вообще. Я уже сказалъ въ этой статьѣ, что законъ объ еженедѣльномъ отдыхѣ былъ проведенъ только тогда, когда рабочіе, своимъ непосредственнымъ давленіемъ уже начали осуществлять это требованіе въ жизни. Затѣмъ, изъ всѣхъ многочисленныхъ рабочихъ требованій, требованіе еженедѣльнаго отдыха казалось наименѣе опаснымъ; оно касалось, кромѣ того, сравнительно немногихъ профессій. Правительство являлось въ роли благодѣтельнаго опекуна рабочихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ открывался предохранительный клапанъ и давался выходъ настроенію рабочихъ, подавленному въ маѣ 1906 года.

Я говорилъ также, что послѣ того какъ законъ былъ платонически провотированъ, правительство совершенно не заботилось о его проведеніи въ жизнь, особенно въ виду недовольства, вызваннаго имъ у хозяевъ, почувствовавшихъ свои интересы затронутыми. Рабочіе и служащіе сами настаивали на своемъ требованіи, пытаясь пользоваться закономъ, и они натолкнулись, не только на равнодушіе, но и на враждебное отношеніе властей.

Я упомянулъ также о рабочей демонстраціи 20 января и о томъ, какъ она блистательно показала враждебность властей ко всякому рабочему требованію, даже если это требованіе стало закономъ. Министръ труда Вивіани *), заявивъ предварительно о своемъ твердомъ намѣреніи провести законъ въ жизнь, поспѣшилъ затѣмъ, въ секретныхъ циркулярахъ „инспекторамъ труда", посовѣтовать имъ быть менѣе строгими и болѣе терпимыми. А всякій, кто мало-мальски знаетъ, что такое чиновникъ, легко пойметъ что никакой инспекторъ не пойдетъ изъ усердія противъ силы хозяевъ и совѣтовъ своего начальства.

Инспектора были созданы для наблюденія за исполненіемъ рабочихъ законовъ [законъ о трудѣ учениковъ, о женскомъ трудѣ, о правилахъ гигіены]. Не говоря уже о томъ, что всякому чиновнику въ высшей степени непріятно имѣть „исторіи" съ вліятельными людьми, даже добросовѣстное наблюденіе со стороны инспекторовъ совершенно невозможно. Еще до принятія закона о еженедѣльномъ отдыхѣ инспекторамъ едва хватало времени на осмотръ лишь очень немногихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній; теперь же, какой бы то ни было контроль сталъ для нихъ совершенно невозможенъ. При капиталистическомъ строѣ, при постоянной борьбѣ интересовъ, при нашей государственной системѣ всеобщей регламентаціи, для такого контроля нужно было бы, чтобы за каждымъ человѣкомъ стояло по жандарму.

Кромѣ того, подчиняются закону [по глупости или по невѣжеству] только наиболѣе слабые. Одинъ чиновникъ Министерства Труда, сотрудникъ «Bulletin de l'office du Travail» [оффиціальный «Бюллетень Трудового Бюро»], нѣкій Пикаръ, откровенно заявилъ въ лекціи, прочитанной въ одномъ изъ народныхъ университетовъ, что постановленія рабочаго законодательства могутъ быть приложены только случайно, по нечаянности, къ людямъ болѣе невѣжественнымъ, т. е. къ мелкимъ фабрикантамъ или лавочникамъ. Крупные же всегда обойдутъ законъ. Къ ихъ услугамъ всякая казуистика; они подаютъ и на апелляцію, и на кассацію и въ концѣ концовъ всегда выигрываютъ. Имъ способствуетъ множество всякого рода исключеній и оговорокъ, которыми кишатъ этого рода законы и которыми всегда можно воспользоваться при помощи судебнаго міра и при соучастіи всего чиновничества. Кромѣ того, помимо даже частыхъ амнистій, путемъ различнаго рода политическихъ вліяній легко снимаются всякаго рода штрафы и пріостанавливаются судебныя преслѣдованія. Еще ни разу знаменитый портной Пакенъ — протеже министра-соціалиста Мильрана, даже получившій отъ него орденъ — не подвергался ни малѣйшей непріятности за постоянныя нарушенія закона о женскомъ трудѣ.

Укажу еще на средство, употребляемое, для укрощенія рвенія какого нибудь наивнаго чиновника, крупными компаніями или трестами. Они ставятъ во главѣ своего юридическаго совѣта очень вліятельныхъ политическихъ персонажей, которымъ платятъ крупное жалованіе. Недавно по иниціативѣ союза врачей было возбуждено преслѣдованіе противъ одного общества страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, которое навлекало раненымъ рабочимъ врача, служащаго при Обществѣ, вопреки статьѣ 4-й закона 1898 года. Дѣло уже было въ рукахъ прокурора республики, но какъ только Общество предъявило ему списокъ лицъ, составляющихъ его юридическій совѣтъ [депутатовъ, сенаторовъ, бывшихъ министровъ], онъ тотчасъ же прекратилъ преслѣдованіе. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ губить свою служебную карьеру ради какого то союза врачей, а тѣмъ болѣе ради какихъ нибудь рабочихъ! А между тѣмъ, у насъ демократическая республика!

Когда вспомнишь, сколько усилій употребили нѣкоторые рабочіе союзы на добываніе законныхъ реформъ, и какъ всѣ эти усилія были потрачены совершенно напрасно, то поневолѣ придешь къ заключенію, что единственное средство, это — устраивать свои дѣла самимъ, помимо посредничества политикановъ и помимо всякихъ законовъ.

Агитація маляровъ противъ свинцовой краски — лучшій примѣръ безсилія тактики легальности. Въ теченіе цѣлыхъ годовъ они упорно боролись, доходили даже до уличныхъ демонстрацій, требуя чтобъ законъ запретилъ употребленіе углекислаго свинца, вызывающаго серьезныя заболѣванія вслѣдствіе свинцоваго отравленія. И вотъ, съ величайшимъ трудомъ, законъ былъ проведенъ въ Палатѣ. Но законы, принятые Палатою, иногда еще цѣлые годы путешествуютъ между Палатою и Сенатомъ; нѣкоторые не выдерживаютъ этихъ путешествій и въ концѣ концовъ улетучиваются и исчезаютъ. На этотъ разъ фабриканты, выдѣлывающіе ядовитую краску, нашли себѣ сообщника въ лицѣ докладчика: избравшая его коммиссія была противъ употребленія этой краски, но онъ продержалъ у себя докладъ больше полутора года и, наконецъ, выступилъ съ мнѣніемъ, противуположнымъ тому закону, который онъ долженъ былъ защищать. Теперь, подъ вліяніемъ агитаціи маляровъ, Сенатъ рѣшился, наконецъ, принять этотъ законъ, но съ такими измѣненіями, что его приходится вновь отправлять въ Палату, которая займется имъ впослѣдствіи... какъ можно позднѣе. А если даже Палатѣ это надоѣстъ и она, подъ давленіемъ внѣшней агитаціи, напримѣръ, рѣшится провести этотъ законъ, то и то никакого практическаго значенія это имѣть не будетъ. Хотя свинцовая краска и признана опасной, ея употребленіе запрещается пока только внутри домовъ, а не снаружи: лишь черезъ 3 года послѣ принятія закона это запрещеніе распространяется, и то со многими исключеніями, на работы внѣ домовъ. За исполненіемъ закона должны слѣдить инспектора, но они не имѣютъ права проникать въ жилыя помѣщенія иначе, какъ съ согласія ихъ обитателей. Кромѣ того, фабриканты получаютъ при введеніи закона крупное

*) Соціалистъ оттѣнка Мильрана.

ознагражденіе за убытки, — точно у нихъ настоящая монополія на общественное отравленіе! При такомъ текстѣ законопроекта рабочіе, понятно, не станутъ хлопотать о его принятіи Палатою, и будутъ относиться къ нему совершенно равнодушно.

Не проще ли было бы дѣйствовать п р я м о на хозяевъ, прибѣгая въ случаѣ надобности къ тактикѣ саботажа [т. е. порчи работы]? Достаточно мельчайшаго кусочка, одного кристала сѣрнистаго натрія, чтобы сдѣлать чернымъ цѣлое ведро углекислаго свинца и испортить громадное количество краски [превращеніемъ углекислаго свинца въ сѣрнистый свинецъ].

Въ результатѣ, мы можемъ заключить, что соціальные законы прилагаются только тамъ, гдѣ рабочіе способны сами заставить подчиняться имъ, т. е. тамъ, гдѣ они способны непосредственно застаить хозяевъ исполнить ихъ требованія помимо текста закона.

М. Пьерро.

БИБЛІОГРАФІЯ.

СОЧИНЕНІЯ М. А. БАКУНИНА.

Парижскій издатель Stock выпустилъ недавно, — конечно, на французскомъ языкѣ; на которомъ они были написаны, 2-й томъ сочиненій М. А. Бакунина („Oeuvres", tome II, Stock editeur, 63 et 455 pages; 3 fr. 50 c.) Первый томъ былъ изданъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подъ редакціей д-ра Неттлау. Теперь редакцію принялъ на себя личный другъ Бакунина, Жамсъ Гильомъ, черезъ руки котораго проходила большая часть бакунинскихъ рукописей, когда онѣ печатались въ Швейцаріи.

Изданіе ведется теперь со всею библіографическою тщательностью, за которую хорошо извѣстенъ Гильомъ, и которой вполнѣ заслуживаютъ сочиненія Бакунина. Это изданіе представляетъ, такимъ образомъ, драгоцѣнное пріобрѣтеніе для революціонной литературы вообще. Третій томъ уже подготовляется къ печати.

Выпущенный нынѣ томъ начинается біографическою замѣткою Гильома (63 стр.), которая появилась уже въ Россіи, въ изданіи «Былое», и для которой Гильомъ, кромѣ личнаго знакомства, воспользовался также объемистою біографіею изданною д-ромъ Nettlau на нѣмецкомъ языкѣ, для главныхъ библіотекъ и друзей, на гектографѣ, въ 3-хъ громадныхъ томахъ по 1000 стр. каждый. Мы очень рекомендуемъ эту біографію всѣмъ желающимъ знать истиннаго Бакунина, а не того, вымышленнаго ради партійныхъ цѣлей негодяя, какимъ его выставляли его враги изъ соціаль-демократическаго лагеря, Марксъ и Либкнехтъ, доходившіе до низкой клеветы, — повторяемой впрочемъ и до сихъ поръ ихъ вѣрными послѣдователями.

Въ первый томъ французскаго изданія вошли: 1) «Мотивированное предложеніе Центральному Комитету Лиги мира и свободы», (1867), или «Федерализмъ, Соціализмъ и Антитеологизмъ», раньше не появлявшіеся въ печати; 2) Десять писемъ, писанныхъ въ 1869 году въ Локльскую газету, «Progres», въ которыхъ Б. излагалъ сущность своего революціоннаго міросозерцанія, и 3) подъ заглавіемъ «Богъ и Государство», продолженіе извѣстной брошюры, носящей тоже заглавіе, т. е. еще одна часть большаго сочиненія, написаннаго Б. въ 1871 году, изданнаго по частямъ подъ разными заглавіями, и которые Гильомъ теперь возстановляетъ вполнѣ, по оригинальной французской рукописи, сохраненной по частямъ разными лицами.

Нынѣ вышедшій 2-й томъ содержитъ:

1) «Бернскіе медвѣди и Петербургскій медвѣдь: патріотическая жалоба пристыженнаго и доведеннаго до отчаянія Швейцарца» — брошюра въ 45 стр., написанная въ 1870 году по поводу выдачи Нечаева, но полная цѣнныхъ политическихъ и историческихъ соображеній.

2) «Письма французу о теперешнемъ кризисѣ, сентябрь 1870», брошюра, въ 43 стр., изданная въ Невшателѣ въ разгаръ франко-нѣмецкой войны; и 3) „Кнуто-Германская Имперія и Соціальная революція" книжка въ 119 стр. изданная въ 1871 году въ Швейцаріи.

Это — три лучшія произведенія Бакунина, написанныя въ пору полнаго развитія его анархическаго міросозерцанія, — притомъ въ моментъ, когда революціонная мысль напряженно работала во всей Европѣ. И исторически, и въ смыслѣ того, что можно назвать философіею современной исторіи, „Письма Французу" и „Кнуто-Германская Имперія"—такія произведенія, съ которымъ обязательно ознакомиться каждому, кто хочетъ понимать развитіе соціализма, да и Европейской мысли и жизни вообще, за послѣдніе 35 лѣтъ, со времени франко-прусской войны.

„Какъ только, говоритъ Гильомъ, пришли первыя извѣстія о нѣмецкихъ побѣдахъ [4 августа при Виссембургѣ, 6 августа при Вертѣ и Форбахѣ], Бакунинъ, который ясно предвидѣлъ все, что торжество Бисмарка и его политики представитъ нагубнаго для цивилизаціи и соціализма, всецѣло отдался мысли о соціальной революціи во Франціи, чтобы противоставить ее угрожающей диктатурѣ Бисмарка. Онъ тотчасъ же началъ излагать свои мысли и свой планъ революціи въ видѣ „Письма французу".

Только два класса, говорилъ онъ, способны совершить то движеніе, которое необходимо для спасенія Франціи — рабочіе и крестьяне. На правительство разсчитывать нелѣпо, революціонные комиссары Конвента опирались на толпу, только на черную толпу. Нужно, по этому, поднимать городскихъ рабочихъ [что онъ и попыталъ сдѣлать самъ въ Ліонскомъ возстаніи 14 сентября и затѣмъ въ Марсели] и крестьянъ; и онъ развиваетъ мысли о крестьянахъ и объ отношеніяхъ къ нимъ городскихъ рабочихъ, которыя—если бы онѣ хорошо были распространены въ Россіи, — избавили бы отъ насъ отъ похода противъ крестьянъ, отъ злобнаго отношенія къ крестьянамъ и отъ противодѣйствія агитаціи среди крестьянъ, которымъ отличались столько лѣтъ русскіе соціальдемократы. Летучіе отряды, составленные изъ смѣлыхъ революціонеровъ посланные по деревнямъ, чтобы поднимать крестьянъ, и провозглашенія Коммунъ во всѣхъ промышленныхъ городахъ — такъ понималъ Бакунинъ задачу революціонеровъ въ эту минуту, какъ начало соціальной революціи и какъ средство противъ нѣмецкаго завоеванія.

Кто знаетъ — быть можетъ недалеко время, когда и въ Россіи будутъ ставить на очередь туже самую тактику не одни анархисты.

П. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено, изъ Женевы, (черезъ Г.) за литературу 25 фр. Отъ группы студент.-анархистовъ, на Нарымскій край 30 мар. Изъ Цюриха, черезъ К. Т., за литературу 134 франка. Изъ Чикаго (черезъ Б. А.) въ пользу Листковъ 25 долларовъ. Изъ Нью-Іорка:— (черезъ Группу Анархія), за литер. 10 долл.: черезъ А. І. 10 долл.—Изъ Ливерпуля, черезъ М. С., 3 шилл.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шилингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E,
Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.
E. Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kushniaroff, 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ!

№ 11. — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 29 МАРТА 1907 г.

Лондонъ, 28 марта 1907.

Вездѣ, въ Россіи, съ волненіемъ ждали того дня, когда министръ Столыпинъ прочтетъ въ Думѣ свое заявленіе о политикѣ, которой намѣренъ держаться. — „Война или миръ?“ спрашивали себя всѣ тѣ, кому дорого дальнѣйшее развитіе Россіи, кто усталъ отъ казней и разгромовъ. И вотъ, 19-го (6) марта, министерское заявленіе было прочтено, — съ нѣкоторою торжественностью; его выслушали съ напряженнымъ вниманіемъ, — и у всѣхъ остались на душѣ все тѣже сомнѣнія, все тѣже вопросы.

Тонъ заявленія Столыпина былъ примирительный, даже интонація голоса, по временамъ была искренная, говоритъ одна изъ лондонскихъ газетъ; но довѣрія, ни къ себѣ, ни къ царскому правительству Столыпинъ не вселилъ.

Не то, чтобы онъ сказалъ слишкомъ мало.— „Трудно было бы сказать больше“ замѣчаетъ *Times*. — „Ни въ одной тронной рѣчи, ни въ одномъ конституціонномъ государствѣ, никогда не было выставлено самымъ либеральнымъ правительствомъ столько крупныхъ реформъ“, замѣчаетъ другая газета — и тотчасъ же спрашиваетъ: „Что сіе значитъ?“ Взаправду ли Столыпинъ хочетъ содѣйствія Думы для такого обширнаго законодательства? или же „онъ рѣшилъ дурачить Думу, и ради этого бросаетъ ей всю эту нестройную массу законодательныхъ проектовъ?“

Чего только нѣтъ въ этихъ законопроектахъ, испеченныхъ на скорую руку бюрократами, въ своихъ канцеляріяхъ! Бумага все терпитъ; всѣ неясности, всѣ противорѣчія!

Даже самыя реакціонныя газеты не могутъ надивиться развязности царскаго министра. — „Прошу содѣйствія Думы, говоритъ онъ, для законодательства — а самъ отказывается видѣть въ ней что нибудь другое, чѣмъ собраніе крамольниковъ; тричетверти членовъ онъ отказывается признать политическими партіями“.

Россію нужно обратить въ конституціонное государство, въ которомъ народъ пользуется законодательною властью, говоритъ онъ; а потому — „вотъ вамъ цѣлая куча законовъ, написанныхъ моими чиновниками. Дайте мнѣ денегъ, и я введу ихъ!“

И всѣ его проекты того-же типа.

Онъ обѣщаетъ, напримѣръ, внести законъ объ обезпеченіи личности. Никого нельзя будетъ арестовать безъ судьи.... Но это только, покуда не будутъ введены военные суды, или „не начнутся волненія“. Выходитъ то, что говорилъ Герценъ о правахъ дворянства: „избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія — пока не высѣкутъ“.

Обезпечивается свобода религіозныхъ вѣроисповѣданій; но обезпечивается также преобладаніе царскаго православія противъ раскольничьего.

„Крестьяне вездѣ жалуются на недостатокъ земли, но вы, господа думцы, не безпокойтесь. Это не вашего ума дѣла. Мы, чиновники, уже распорядились, говоритъ тотъ же министръ. Мы продаемъ имъ столько то великокняжескихъ земель (по дутымъ цѣнамъ) и разрушаемъ ихъ общину“. Вы думаете, можетъ быть, что Столыпинъ приглашаетъ Думу обсудить эту послѣднюю мѣру, которая ломаетъ весь исконный строй русской жизни? Ничуть не бывало! Чиновники рѣшили, царь написалъ „быть по сему“, и больше — никакихъ!

Необходимо обезпечить независимость мѣстнаго земскаго самоуправленія. Поэтому, Столыпинскіе чиновники уже рѣшили это дѣло. Все самоуправленіе будетъ построено на цензѣ, а въ административныхъ единицахъ реформа будетъ клониться къ централизаціи всей гражданской власти въ рукахъ губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ властей.

Чтобъ крестьяне не зазнавались, ихъ міръ уничтожатъ, и имъ дадутъ всесословную волость, и въ ней крупные землевладѣльцы и чиновники будутъ всѣмъ ворочать. Думѣ во все это нечего, впрочемъ, соваться. Губернскія коммисіи все это разберутъ безъ нея.

Права личности обезпечатъ, но три военныхъ и охранныхъ порядка останутся; административнымъ порядкомъ больше ссылать не будутъ—только по суду,— ради чего рѣшенія губернскихъ жандармскихъ управленій назовутъ „судебными“ рѣшеніями. Право арестовать, пытать, ссылать и вѣшать — все будетъ по суду... жандармовъ.

Земскихъ начальниковъ уничтожатъ, и позволятъ выбирать мировыхъ судей; но вмѣсто земскихъ начальниковъ назначатъ участковыхъ коммисаровъ съ еще болѣе широкими правами, вмѣшиваться безусловно во все.

Словомъ, весь строй русской жизни Столыпинскіе чиновнивки перелэмали, перестроили типъ да лящъ, по своему, по канцелярскому, — такъ же, какъ они, вонъ, потолки чинили въ Таврическомъ дворцѣ, а Дума — извольте утвердить и пожалуйте денежекъ на все это! И не на одно это, а на всѣ новыя царскія затѣи, въ томъ числѣ на желѣзную дорогу въ 2500 верстъ, по дебрямъ Амурскаго края, которыя *никогда* не будутъ густо заселены...

А въ заключеніе, послѣ преній, конституціоналистъ Столыпинъ прямо заявилъ, что Россія — еще не конституціонное государство, и *по этому* Думѣ нечего выражать ему ни довѣрія, ни порицанія; а потомъ, тутъ же, онъ выражаетъ сожалѣніе, что пришлось ввести военно-полевые суды. Другими словами: „Очень жалѣю, господа, что

сдѣлалъ мерзость; но хвалите, или порицайте — мнѣ дѣла нѣтъ. Вы докажете, можетъ быть, что моя мерзость оказалась даже безполезною мерзостью. Очень жаль! А впрочемъ — наплевать!“

Такова логика Николая II-го и его вѣрнаго слуги.

Нелѣпѣе и нахальнѣе этого Столыпинскаго заявленія, болѣе наглаго отношенія ко всему русскому народу, конечно, нельзя было бы даже вообразить. И отвѣтъ на это могъ бы быть одинъ: Презрительно охарактеризовать въ двухъ строкахъ все это іезуитское канцелярское произведеніе, которымъ такъ гордится Столыпинъ, и перейти къ чему нибудь другому. Такъ сдѣлалъ бы всякій рабочій конгрессъ, если бы какой нибудь канцеляристъ преподнесъ ему подобное произведеніе.

Вмѣсто того, Дума цѣлыхъ три часа ораторствовала по поводу этого сообщенія, „о томъ, о семъ, а пуще ни о чемъ.“ — Соціальдемократы, когда нужно было *дѣйствовать революціонно* и, устраняя Плеве и его компанію, обрѣзать когти у самодержавія, — набрасывались на соц. революціонеровъ, взявшихся за эту тяжелую обязанность; теперь же они нашли всѣхъ своихъ товарищей въ Думѣ недостаточно революціонными и сочли нужнымъ изливаться въ революціонныхъ *рѣчахъ* по поводу Столыпинскаго заявленія.

При этомъ с.-д. Церетели показалъ только, какъ мало онъ понимаетъ, что такое революція, и что такое Дума, когда повторялъ общее всѣмъ парламентскимъ революціонерамъ заблужденіе, — что Дума можетъ организовать массы, для революціи. *Ничего подобнаго Дума сдѣлать не можетъ.* Революція организуется, оставаясь въ народѣ, среди народа, а не изъ залъ Думы. Этого-то и не хотятъ признать идущіе въ Думу.

Еще два слова объ этомъ засѣданіи. Послѣ упорно носившихся слуховъ о предполагавшемся распущеніи Думы, — многихъ удивилъ примирительный тонъ Столыпина. Причина этого іезуитскаго поворота, сколько намъ извѣстно, слѣдующая:

Въ Парижѣ составился на дняхъ консорціумъ (союзъ) изъ банкировъ, съ Ротшильдомъ во главѣ. Озабочивалсь судьбою милліардовъ, уже данныхъ Россіи въ займы, французскіе банкиры объявили царскому правительству, что они не дадутъ ему новаго займа, если оно распуститъ Думу. Оттого — смягченіе тона Столыпинымъ.

Но банкирское оружіе — обоюдо-острое, и тотъ же банкирскій союзъ объявилъ, что если думцы не будутъ вести себя „благоразумно“ по отношенію къ правительству, то банкиры дадутъ заемъ правительству и безъ Думы.

Къ счастію, жизнь въ Россіи — не въ одной Думѣ. Со всѣхъ сторонъ до насъ доходятъ свѣдѣнія о новомъ пробужденіи среди рабочихъ. Разростается распространенное стачечное движеніе. Въ нѣсколькихъ промышленныхъ центрахъ ясно видѣнъ снова тотъ неспокойный духъ, который всегда замѣчается наканунѣ крупныхъ движеній, а въ деревняхъ нѣсомнѣнно снова растетъ бунтовской духъ.

Вотъ куда истинные революціонеры должны обратить свое вниманіе, свою бодрость, свою силу, свой революціонный огонь.

П. Кропоткинъ.

.....

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

II.

По мѣрѣ того, какъ центральное правительство оказывалось все болѣе и болѣе неспособнымъ остановить нѣмецкое нашествіе, въ главныхъ умственныхъ центрахъ Франціи все опредѣленнѣе росла мысль о независимыхъ революціонныхъ Коммунахъ. Вступивши въ федеральный союзъ, онѣ смогли бы организовать революціонный отпоръ *народа* нѣмецкому вторженію.

Болѣе всего эта мысль росла въ Парижѣ, во время трехъ-мѣсячной осады нѣмцами. Совершенная неспособность правительства, организовать защиту Парижа и его прямое нежеланіе воспользоваться силою народнаго творчества и героизма массъ, для защиты города и для отраженія нѣмцевъ, открыли глаза рабочимъ. Извѣстно, что была минута, когда кольцо нѣмецкихъ армій, окружавшее Парижъ, едва не было пробито вылазкою парижанъ, въ связи съ арміею, шедшею на помощь съ юга; но буржуазное начальство прямо-таки не хотѣло, чтобы послѣ пораженія армій, вооруженный народъ освободилъ Францію отъ вторженія. Оно боялось народа гораздо болѣе, чѣмъ нѣмцевъ, а тѣмъ болѣе — народа вооруженнаго и побѣдоноснаго. — „Тогда начнется снова 1793-й годъ“, говорили они.

Они предпочли, поэтому, просто морочить Парижанъ, забавлять ихъ и наконецъ сдать столицу нѣмцамъ, подъ предлогомъ голода, тогда какъ провизій имѣлось еще мѣсяца на два. Мецъ былъ сданъ измѣнникомъ Базеномъ; Парижъ — измѣнниками Жюль Фавромъ и Трошю.

Тогда миръ былъ заключенъ. Въ Бордо собралось Національное Собраніе — полное олицетвореніе страховъ сельской и городской буржуазіи за свои карманы — и его вражда къ патріотамъ, желавшимъ продолженія войны къ народу вообще, къ республикѣ, и въ особенности къ мятежному Парижу, не знала границъ. Собраніе освистало Гарибальди, оно проклинало даже Гамбетту, и съ минуты на минуты можно было ожидать, что Собраніе возстановитъ монархію — можетъ быть, даже жену Наполеона, Евгенію, съ ея сыномъ...

Но, за время осады, народъ Парижа, уже до войны проникавшійся идеями соціализма, многому научился изъ самой жизни. Когда нѣмцы окружили Парижъ своимъ желѣзнымъ кольцомъ, и ясно стало, что осада затянется, естественно было бы смотрѣть на весь городъ, какъ на большую семью: прекратить взносъ платы за квартиры (такъ какъ всѣ работы остановились), составить списки всѣхъ имѣвшихся запасовъ провизіи, и выдавать порціи всѣмъ одинаково, по потребностямъ — словомъ сдѣлать то, что лучше всего могло бы обезпечить защиту укрѣпленнаго города. Ничего этого буржуазія не допустила. Бѣднота голодала и дрогла отъ холода, рабочія дѣти мерли поголовно отъ холода и голода, и народъ понялъ тогда, что между имъ и буржуазіею — пропасть, которой ничѣмъ, даже въ такія минуты, не заполнишь.

Тогда мысль о революціонной Коммунѣ, подобной Коммунѣ 1792-го года, — которая уравняла бы бѣдныхъ и богатыхъ, стала все настойчивѣе опредѣляться въ умахъ парижанъ.

Во время осады, всѣ парижане были вооружены. Образована была національная гвардія, и парижане настояли на томъ, чтобы въ каждомъ батальонѣ всѣ офицеры были выборные. Такимъ образомъ, изъ командировъ батальоновъ составился особый Центральный Комитетъ, вполнѣ народнаго характера, въ которомъ преобладающимъ элементомъ были рабочіе — члены Интернаціонала и бланкисты.

Наконецъ, нѣкоторые рабочіе батальоны изъ послѣднихъ своихъ грошей заказали себѣ пушки и митральезы (теперь — пулеметы), которыя были такимъ образомъ собственностью самихъ батальоновъ. Эти пушки они не

сдавали теперь правительству [которое намѣривалось, между прочимъ, отдать ихъ нѣмцамъ], а увезли въ рабочій кварталъ, на вершину Монмартрскаго холма, гдѣ народъ окружилъ ихъ окопами и охранялъ день и ночь.

Буржуазное правительство было въ рукахъ Тьера, — одного изъ самыхъ подлыхъ министровъ Людовика-Филиппа въ сороковыхъ годахъ, типичнаго буржуа, злаго, народоненавистника, и притомъ чваннаго историка, мечтавшаго усмирить, укротить народъ по своему плану. Еще въ 1848-мъ году онъ составлялъ планъ усмиренія Парижа на долгіе годы, при помощи полнаго разгрома. А Народное Собраніе было, пожалуй, еще гнуснѣе Тьера. Оба сообща рѣшили, ни за что не возвращаться въ Парижъ, котораго они боялись, а засѣдать въ Версали. Парижъ переставалъ такимъ образомъ, быть столицею.

Но этого мало. Парижъ имъ надо было обезоружить, такъ какъ буржуазія не могла успокоиться пока парижскіе рабочіе оставались вооруженными. А чтобы обезоружить народъ, надо было начать съ пушекъ. И вотъ, въ ночь съ 17 на 18 марта, войска таинственно задвигались по Парижу, занимая главныя позиціи, важныя въ случаѣ уличной войны, а артиллеристы были посланы захватить потихоньку пушки.

Но народъ не дремалъ. На Монмартрѣ забили тревогу. Рабочіе батальоны стали быстро собираться, а съ рабочими шли ихъ жены и сестры; онѣ вмѣшивались въ ряды солдатъ, братались съ ними, дружески говоря имъ: „неужели вы насъ убивать хотите?" разстраивали ихъ отряды, — и дѣло кончалось тѣмъ, что солдаты переставали слушаться своихъ офицеровъ и поднимали ружья — вверхъ прикладами.

А тѣмъ временемъ, Варленъ (другъ бакунистовъ), со своимъ батальономъ, уже бѣжалъ къ Городской Ратушѣ, и за ними слѣдовали другіе рабочіе батальоны. Крикъ „Коммуна!" все опредѣленнѣе выяснялся среди нихъ.

Тьеръ поторопился вывести всѣ войска изъ Парижа, чтобы они открыто не перешли на сторону возстанія, и велѣлъ всѣмъ государственнымъ чиновникамъ оставить свои мѣста и выѣхать въ Версаль.

И вотъ, къ вечеру, безъ баррикадной борьбы, безъ пролитія крови, Парижъ оказался свободнымъ. Народъ только разстрѣлялъ двухъ генераловъ, Клемана и Тома, изъ которыхъ одинъ прославился еще въ іюнѣ 1848 года въ избіеніи рабочихъ. Въ Ратушѣ была провозглашена Коммуна, и Парижъ оказался, такимъ образомъ, распорядителемъ своихъ собственныхъ судебъ.

Сильно бились сердца у парижанъ въ эти весенніе дни 1871-го года. Всѣми чувствовалось, что начиналось что-то новое, зарождалось что-то еще небывалое въ исторіи. Даже буржуазія это чувствовала, „и когда мы съ братомъ выходили изъ нашей мансарды на улицу" — такъ говорилъ мнѣ Элизе Реклю — „даже буржуа изъ нашихъ знакомыхъ окружали насъ и говорили: Чтожъ, идемъ впередъ! Мы готовы! Говорите — что дѣлать!".

Въ былыя времена, какъ только совершалась революція въ столицѣ, Парижъ назначалъ временное правительство и разсылалъ предписанія по всей Франціи. Теперь, онъ самъ себя развѣнчивалъ. Онъ объявлялъ, что управлять Франціею онъ не претендуетъ. Но и не хочетъ также, чтобы Франція управляла имъ; онъ — независимая Община. Онъ вступитъ въ договоръ со всею Франціею, съ другими Общинами. Онъ будетъ съ радостью нести свою долю налоговъ, платежей, долговъ, контрибуціи, — сколько падетъ на него. Онъ охотно пойдетъ на защиту всей Франціи.

Но у себя дома, онъ — хозяинъ. Самъ Парижъ рѣшитъ для себя, какъ ему жить и распоряжаться въ своихъ стѣнахъ: какъ кормиться, что производить, какое политическое устройство себѣ дать, какъ учить своихъ дѣтей, какъ защищаться.

Дробить Францію на мелкія государства онъ не желаетъ. Напротивъ, — съ другими вольными Общинами онъ вступитъ въ тѣсную связь, и эта связь, прямая непосредственная, будетъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ та, которая существуетъ черезъ посредство Палаты и правительства, которыя, въ дѣйствительности, вовсе не представляютъ страны. Но Парижане хотятъ республики, и монархіи не примутъ, если остальные деревни или города захотятъ искать себѣ царя. Если этимъ деревнямъ нужны попы, освященные папою — то Парижу они вовсе не нужны, и онъ попамъ платить ничего не будетъ. Словомъ, во весь внутренній распорядокъ своей жизни онъ никому не дастъ вмѣшиваться.

Правда, парижане отлично понимали, что имѣя, съ одной стороны, противъ себя нѣмецкую армію, а съ другой — Версальскую, у молодой Коммуны мало было надежды побѣдить. Разгромъ былъ почти неизбѣженъ. Но сила событій могучѣе, чѣмъ разсужденія отдѣльныхъ личностей, и всѣ шли впередъ, понимая, что даже въ случаѣ пораженія, *новая идея* будетъ провозглашена, и эта новая идея не дастъ монархіи водвориться во Франціи.

А идея была — дѣйствительно новая. Парижская Община выдвинула впередъ НАРОДЪ, вмѣсто *Правительства*. Не вожаковъ, не политиковъ, а народъ. Первыя прокламаціи Коммуны были подписаны переплетчикомъ, минеромъ, поваромъ, — *рабочими* — и ни одного адвоката, ни одного депутата, ни одного журналиста, ни одного генерала!...*) Еще бы буржуазіи не отнестись къ ней съ ненавистью! И этотъ народъ, въ такую пору, когда все казалось такъ смутнымъ, сразу ставилъ цѣлую программу будущаго:

Независимая Община, въ которой могъ бы развиваться соціалистическій строй.

За послѣдніе годы въ Парижѣ много говорилось на народныхъ собраніяхъ о соціализмѣ. Необходимость соціальныхъ преобразованій хорошо понималась парижскими рабочими — самыми развитыми рабочими всего міра; но они понимали также, что необходимо найти *новую* политическую форму, въ которой соціализмъ могъ бы осуществляться, и искали ее.

Что эта форма не можетъ быть республика, хотя бы и съ палатою, выбранною всеобщею подачею голосовъ, — въ этомъ французы убѣдились горькимъ опытомъ въ 1848 — 1850 годахъ. Если нѣмцы увлекаются по сію пору Государственнымъ соціализмомъ и живутъ еще идеалами Лассаля, то въ Латинскихъ странахъ, и особенно во Франціи, такое увлеченіе уже отошло въ исторію. Во Франціи, и тѣмъ болѣе въ Парижѣ, рабочіе понимали, что вручить государству, въ придачу ко всѣмъ теперешнимъ его правамъ, завѣдываніе производствомъ и распредѣленіе того, что нужно людямъ для жизни, — это значило бы создать самую ужасную тиранію. Нужно было искать для соціальнаго строя новую форму политической жизни.

Парижъ указывалъ теперь эту форму. Это будетъ

*) На это указалъ уже Артюръ Арну, въ своей «Народной и парламентской исторіи Парижской Коммуны», въ 3 хъ томахъ. Ее давно слѣдовало перевести — а не плохенькую, излюбленную марксистами исторію Лиссагаре.

Вольная Община, независимая Коммуна, а не національный парламентъ. Не дожидаясь остальной Франціи, Коммуна должна начать у себя, въ своей болѣе тѣсной средѣ, необходимыя соціальныя преобразованія. Рабочіе союзы, какъ въ Интернаціоналѣ, должны стать ячейкою общественнаго производства. Ихъ федерація составитъ Общину, а изъ федераціи Общинъ сложится нація.

Къ несчастію, въ жизни, всякая новая идея должна считаться съ пережитками стараго, и консерватизмъ людей таковъ, что всякую, даже новую, нарождающуюся форму жизни они постараются сперва втиснуть въ старыя рамки. Такъ вышло и съ Коммуною.

Слѣдуя по проторенной дорожкѣ, Центральный Комитетъ, т. е. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, выбранныхъ батальонами національной гвардіи,—вынесенный переворотомъ 18-го марта ко власти,—сейчасъ же пригласилъ Парижанъ выбрать себѣ правительство. Вмѣсто того, чтобы обратиться къ рабочимъ массамъ, и постараться создать, при ихъ помощи, новаго рода администрацію для снабженія всѣхъ жителей города пищею и для реорганизаціи промышленной жизни Парижа, Центральный Комитетъ назначилъ самые обыкновенные городскіе выборы. Замѣчательно, что весь Парижъ, включая буржуазію, откликнулся на эти выборы,—до того всѣ были недовольны правительствомъ Тьера и Ко,—и 230.000 человѣкъ приняли въ нихъ участіе. Выбраны были лучшіе революціонеры всѣхъ оттѣнковъ, и 28 марта собрался „Совѣтъ Коммуны.“ Центральный Комитетъ сдалъ ему всю власть.

Это была первая, тяжелая ошибка Коммуны. Отнынѣ она имѣла свое правительство, и, какъ во всякомъ правительствѣ, въ ея Совѣтѣ оказалось гораздо болѣе защитниковъ старыхъ воззрѣній, чѣмъ поборниковъ новой идеи—гораздо болѣе „демократовъ“ стараго закала, хотя и „революціонеровъ“ въ смыслѣ готовности къ насильственнымъ мѣрамъ,—чѣмъ сторонниковъ Коммуны, разсматриваемой какъ ячейка соціальнаго переворота.

Такое пониманіе Коммуны еще не успѣло широко распространиться; и далеко не всѣ, особенно изъ такъ называемыхъ „интеллигентовъ“, такъ понимали ея назначеніе. Революціонеры изъ бланкистовъ и якобинцевъ какъ буржуа, такъ и рабочіе, въ одинаковой мѣрѣ, не придавали значенія новому принципу независимой общины и федерализма. Для нихъ, Коммуна была только средствомъ утвердить Якобинскую республику. Они жили воспоминаніями о Якобинцахъ въ Конвентѣ 1793 года,—толкуя самую революцію въ ложномъ свѣтѣ, придавномъ ей Луи Бланомъ, который молился на якобинцевъ и не замѣчалъ народа. Соціалистическія идеи Интернаціонала были имъ чужды,—тѣмъ болѣе его федералистскія стремленія.

А между тѣмъ эти якобинцы составляли большинство Совѣта Коммуны (около 60-ти членовъ), тогда какъ меньшинство, коммуналистовъ-соціалистовъ, составившееся преимущественно изъ членовъ Рабочаго Интернаціонала, насчитывало всего 22 человѣка. Притомъ, въ первой группѣ стояли, какъ разъ, тѣ, которые, подобно Феликсу Піа, или Делеклюзу, пріобрѣли бо́льшую извѣстность, какъ „революціонеры“, а во второй группы стояли именно „неизвѣстные“ изъ народа. Для Якобинцевъ, идея, Вольной Коммуны, какъ ячейки для соціальной перестройки народомъ, почти не существовала. Государство, а въ государствѣ диктатура—ихъ диктатура—было ихъ идеаломъ. И, къ сожалѣнію, многіе изъ молодыхъ всею душою отдались этому якобинству. Властвованье—заразительно: мы уже успѣли въ этомъ убѣдиться, даже въ нашей русской революціи.

Борьбу Коммуны съ Версальцами и ея отчаянную защиту мы разберемъ въ слѣдующемъ номерѣ.

П. Кропоткинъ.

ИЗЪ РОССІИ.

Шлиссельбургъ вновь наполняется политическими заключенными, приговоренными къ каторгѣ. Режимъ очень суровый: кандалы, обязательная работа, состоящая, за отсутствіемъ какихъ либо мастерскихъ, въ мытьѣ половъ и т. под., лишеніе книгъ, возможность писать только изрѣдка [2 раза въ мѣсяцъ]. Новымъ обитателямъ крѣпости приходится вновь завоевывать все то, чего цѣною такихъ страшныхъ жертвъ добились старые шлиссельбуржцы. Въ числѣ сидящихъ находятся между прочимъ осужденные по петербургскому процессу наши товарищи Марголинъ, Соколовъ, Сперанскій и Теръ Аганесовъ.

Въ Петербургѣ предвидится вскорѣ процессъ группы анархистовъ-коммунистовъ «Воля народа». Подсудимые Е. Я. Лихтенштейнъ [женщина], С. Б. Лихтенштейнъ и Л. М. Плаксина. Арестованы они были въ іюлѣ, въ квартирѣ Лихтенштейна [Васильевскій о-въ, 11 лин., д. 56—32]; при обыскѣ найдено оружіе и печать группы.

Интересно и больно читать кадетскія и, вообще, либеральныя газеты какъ злорадно торжествуютъ онѣ надъ соціалистами, надъ ихъ былой революціонностью, надъ ихъ былой самоувѣренностью! „Рѣчь“ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ успѣхи соц.-демократіи въ политической мудрости и, дѣйствительно, резолюціи и большевиковъ и меньшевиковъ, формулированныя въ виду предстоящаго партійнаго съѣзда, поражаютъ своею «минимальностью». Большевики собираются предлагать свои законопроэкты, а затѣмъ, когда они провалятся [что они, конечно, предвидятъ], дѣлать поправки къ законопроэктамъ кадетскимъ [очевидно, разницы между тѣми и другими по существу нѣтъ]. Меньшевики, съ своей стороны, ставятъ своею цѣлью «создать условія», при которыхъ Дума могла бы перейти за предѣлы, поставленные ей основными законами. А что это значитъ, какъ не то, что пока надо работать въ «предѣлахъ», т. е. избѣгать всего что можетъ раздражить правительство?

Интересно, какую программу выставляетъ, съ своей стороны, Плехановъ. Статья его «По поводу новой Думы» [въ „Русской Жизни“] указываетъ лозунгъ для дѣятельности соціальдемократіи. Отвѣтственное министерство — вотъ этотъ лозунгъ, начало и конецъ думской программы. Лозунгъ этотъ, говоритъ Плехановъ, годится во всякомъ случаѣ. Если „сила революціи еще не переросла силы сопротивленія государства“, то „рѣшительный бой еще не умѣстенъ“, и можно довольствоваться мечтаніями объ отвѣтственномъ министерствѣ, какъ „воспитательнымъ средствомъ“. Если же силы революціи переросли силы правительства, то и тогда лозунгъ пригодится. Въ общемъ, однако, все это приспособлено къ первой гипотезѣ: отвѣтственное министерство, несомнѣнно, не такая идея, которая могла бы вдохновить кого бы то ни было въ моментъ революціоннаго подъема.

«Свободный человѣкъ», газета Старцева, тоже какъ и «Рѣчь» торжествуетъ надъ революціонерами, потерявшими вѣру въ народъ или, какъ иронически выражается газета, въ силу «бабъ села Ногаткино». Теперь—время другое, съ удовольствіемъ пишетъ она, теперь всѣ взываютъ къ «осмотрительности» и «осторожности».

Никогда еще, можетъ быть, не было такъ ясно, какая пропасть существуетъ между двумя побѣдами—побѣдой избирательной и побѣдой нравственной.

Резолюцію о террорѣ съѣзда партіи с.-ровъ мы отмѣтили въ прошлый разъ. Но интересна разница эпохъ: въ то время, какъ пріостановленіе боевой дѣятельности народовольцевъ повело къ прекращенію такой дѣятельности вообще въ Россіи, теперешнее партійное рѣшеніе с.-ровъ будетъ имѣть значеніе только для судьбы самой партіи, а никакъ не всего революціоннаго движенія. Измѣнится ли общій характеръ борьбы? уменьшится ли замѣтнымъ образомъ число террористическихъ актовъ въ странѣ? Можно, не колеблясь, отвѣтить: нѣтъ. Терроръ, какъ говорится, „демократизировался“

теперь, сталъ результатомъ общаго революціоннаго настроенія, и питается не партійными рѣшеніями, а ожесточенной правительственной реакціей. Партіи вольны мѣнять свои программы, но ни одна изъ нихъ не въ силахъ теперь повернуть по своему русскую революцію.

Въ день, когда министръ Столыпинъ долженъ былъ читать свое „заявленіе" Думѣ, за нѣсколько часовъ до засѣданія, больше половины потолка обвалилась. Доски, прибитыя снизу къ балкамъ, и проложенная по нимъ штукатурка обвалились (тысячи три пудовъ) и засыпали кресла центра и лѣвой.

Такое предпочтеніе обвалившейся штукатурки къ „лѣвымъ" конечно возбудило по всей Россіи подозрѣнія. Всѣ вспомнили объ адскихъ машинахъ, подложенныхъ недавно въ трубы спальни Витте, ненавидимаго Союзомъ Русскихъ Людей, и по всей Россіи идутъ разговоры о попыткѣ перебить Думу.

Одно, что несомнѣнно, это то, что потолокъ въ залѣ Таврическаго Дворца, гдѣ засѣдала Дума, былъ настолько ненадеженъ, что могъ обвалиться даже отъ легкаго сотрясенія.

Уже въ 1902 году, во время австрійской выставки, происходившей въ томъ же Дворцѣ, русскіе техники и австрійскіе инженеры нашли опаснымъ даже подвѣшивать къ потолку электрическія лампы; ихъ повѣсили на колонны. Между тѣмъ, бюрократія ухлопала передъ открытіемъ Думы 960,000 руб. на ремонтъ Таврическаго Дворца, и теперь оказывается что „ремонтъ" (вентиляторы, ходы для тяги и т. п.) сдѣлалъ Таврическій Дворецъ еще опаснѣе, чѣмъ онъ былъ. Тоже, что съ нашими броненосцами. Между тѣмъ, за полтора милліона инженеры брались выстроить новое зданіе для Думы.

Вездѣ, во всемъ, тотъ же грабежъ. Народъ — плати, а царскіе приспѣшники пируютъ.

АНАРХИЗМЪ НА УРАЛѢ.

Впервые анархисты появились на Уралѣ еще въ 1904 году. Была образована въ Екатеринбургѣ небольшая группа, но она просуществовала недолго. Члены группы примкнули къ соціалистамъ-революціонерамъ. Какія были причины этому — въ точности не могу указать, — кажется товарищи пришли тогда къ тому заключенію, что анархизмъ въ Россіи преждевременъ.

Это явленіе замѣчалось тогда и въ другихъ городахъ Россіи — убѣжденные анархисты-коммунисты работали въ с.-р. кихъ группахъ. Вначалѣ образованію анархистскихъ группъ мѣшали вѣроятно чисто техническія затрудненія: — недостатокъ въ людяхъ, отсутствіе литературы, полнѣйшая разрозненность отдѣльныхъ работниковъ, отсутствіе денегъ.

Съ мая мѣсяца 1905 г. стали читаться въ Екатеринбургѣ рефераты объ анархизмѣ однимъ изъ нашихъ товарищей. Первые шаги были трудные шаги Революціонные работники имѣли самое превратное понятіе о нашемъ ученіи. Ложныя понятія часто болѣе живучи чѣмъ правильныя. Нашъ умъ въ значительно большей степени привыкъ къ синтезу, чѣмъ къ анализу. Мы часто хватаемся за обобщенія и дѣлаемъ ихъ даже тогда, когда у насъ для этого имѣется очень мало данныхъ. Что такое анархизмъ? Человѣку незнакомому съ его теоріей и практикой естественно было-бы отвѣтить: „не знаю". Но онъ съ самымъ убѣжденнымъ видомъ отвѣчаетъ вамъ, что анархисты воры и разбойники, что измѣреніе ихъ череповъ показало, что они всѣ сумасшедшіе, что они въ большинствѣ случаевъ — провокаторы и т д. Такую оцѣнку приходилось слышать отъ с.-демократовъ. С.-революціонеры были гораздо терпимѣе. Ихъ интересъ къ анархизму постепенно возрасталъ и впослѣдствіи многіе изъ нихъ перешли къ намъ.

Очень медленно и съ большимъ трудомъ создавалась у насъ организація. Въ сентябрѣ мы выпустили небольшую брошюру „Хлѣбъ и Воля". Впослѣдствіи нами были изданы написанные однимъ изъ членовъ группы брошюры: «Голодъ, Невѣжество, Страхъ»; «Свобода, Равенство, Братство». Были перепечатаны Рѣчь Анри, Моему брату крестьянину—Реклю, Порядокъ — Кропоткина.

Къ концу 1904 г. и въ первой половинѣ 1905 г. рабочее движеніе не носило здѣсь еще массового характера. Не было ещё крупныхъ стачекъ Но шла глухая подпольная работа и послѣдующія событія показали насколько она была важна. На заводахъ и фабрикахъ собирались кружки, лѣтомъ устраивались собранія въ лѣсу, часто очень многолюдныя. Въ этой подпольной работѣ мы по мѣрѣ силъ принимали участіе.

6-го мая прошлаго 1905 года въ городѣ началась массовая стачка. Застрѣльщиками были прикащики, но вскорѣ примкнули почти всѣ мѣстные рабочіе и придали стачкѣ болѣе упорный, настойчивый и смѣлый характеръ. Были конечно призваны солдаты, но «усмирять» ихъ не пришлось. Стачка была проиграна, только прикашикамъ удалось отвоевать уменьшеніе на одинъ часъ своего 12-ти часоваго рабочаго дня и добиться воскреснаго отдыха.

Начиная съ 17 октября въ нашемъ городѣ повторилось то что и во всей Россіи; 17-го освобождали политическихъ, 18-го было избіеніе, устроенное полиціей и хулиганами. Было двое убитыхъ [одинъ изъ убитыхъ, какъ потомъ узнали, былъ по какой то счастливой случайности провокаторъ] и много раненныхъ. Послѣ 18-го — затишье на нѣсколько дней. Стали формироваться боевыя дружины и подъ ихъ защитой происходили митинги.

Въ эти дни мы выпустили прокламацію ко всѣмъ рабочимъ, въ которой разъясняли, кѣмъ и въ чьихъ интересахъ устраиваются погромы, и призывали къ самозащитѣ.

Эти погромные кровавые дни, вѣсти изъ всей Россіи объ избіеніяхъ, грабежахъ и убійствахъ, совершаемыхъ темной массой при помощи полиціи — заставили насъ обо многомъ задуматься. Мы проповѣдовали раньше завоеваніе Хлѣба и Воли. Путь къ этому мы видѣли въ экспропріаціи; торжазъ — въ Государствѣ, которое только силѣ Революціи уступитъ Власть и Собственность. Теперь же намъ пришлось считаться съ несомнѣннымъ фактомъ, что значительная часть народа даетъ себя наусыкивать противъ своихъ-же братьевъ; что не такъ ужъ трудно было полиціи проповедовать погромы армянъ на Кавказѣ, евреевъ и интеллигентовъ по всей Россіи. Дорога къ соціальному равенству оказалась не такой прямой. Правящее меньшинство имѣетъ сильнаго союзника, и какъ это ни грустно, этотъ союзникъ — самъ эксплоатируемый народъ. Между нами находились такіе, которые говорили: «Пойдемъ къ нимъ. Сейчасъ они избиваютъ и жгутъ евреевъ. Они ошибаются. Поведемъ ихъ на дачи богачей, на ихъ дома и магазины». Но это были слова отчаянія. Было ясно, что пойти къ нимъ — значитъ погибнуть безъ малѣйшей пользы.

Экспропріація оказалась средствомъ, которымъ не всегда возможно пользоваться.

Подъ вліяніемъ событій у нѣкоторыхъ изъ насъ выработалось такое понятіе объ экспропріаціи которое совершенно исключаетъ возможность смѣшивать ее съ грабежомъ. *Экспропріація должна быть дѣломъ сознательныхъ массъ, создавшихъ предварительно прочныя организаціи.* Никогда способность къ организаціямъ не бываетъ такъ велика, какъ въ моментъ революціи. Это въ достаточной степени доказала наша Русская Революція. Поэтому, то условіе, что массы, прежде чѣмъ приступить къ экспропріаціи, должны предварительно организоваться — вполнѣ выполнимо, и не отдаляетъ, какъ могло-бы показаться на первый взглядъ, наступленіе соціальнаго переворота, но дѣлаетъ его болѣе вѣроятнымъ.

Въ образованіи боевыхъ дружинъ мы принимали самое дѣятельное участіе. Наша дружина была лучше всего вооружена и болѣе всѣхъ активна. Характерный фактъ. Либеральная буржуазія, которая изъ страха за свою жизнь и собственность давала деньги на оружіе всѣмъ революціоннымъ организаціямъ — говорила: «Только не анархистамъ: завтра-же они будутъ противъ насъ».

Наша боевая дружина вступила въ федеративныя сношенія съ дружиной с.-револ. Это было возможно и къ конфликтамъ не приводило, т. к. послѣдняя была автономна и отъ Комитета с.-ровъ не зависѣла. Было предположеніе объ объединеніи съ соц.-дем., но они поставили довольно странное условіе. Они требовали, чтобы с.-революціонеры отдѣлились отъ анархистовъ (также какъ и буржуа, с.-демократы кричали — «только не съ анархистами») и предоставили бы имъ, с.-демократамъ, «*начальство*» надъ объединенными дружинами. Наши товарищи с.-ры на это не пошли.

Главной задачей нашихъ дружинъ было защитить городъ отъ погрома, который вслѣдствіе пропаганды полиціи былъ въ любой моментъ возможенъ, и защищать митинги. Въ городѣ циркулировали слухи, что черносотенцы театръ подожгутъ, какъ это сдѣлали въ Томскѣ.

Однако къ активнымъ дѣйствіямъ черная сотня не переходила. Сама полиція стала сдерживать свои порывы и причина этому была, главнымъ образомъ, экспропріація 12-ти пудовъ динамита. Этотъ динамитъ былъ достаточной угрозой; полиціи не на шутку струсила. Ее стали отовсюду выгонять, изъ заводовъ и фабрикъ, съ рефератовъ и митинговъ. Обыски они боялись дѣлать. Были неувѣрены въ солдатахъ. «Благо-

надежныхъ» солдатъ не посылали: ихъ не было. Въ эти дни стало до наглядности яснымъ, какъ легко будетъ раздѣлаться возставшему и сознательному народу съ этой жалкой сворой трусливыхъ и слабыхъ рабовъ. Ихъ даже не понадобится перебить. У нихъ не будетъ смѣлости бойца, который защищаетъ себя до послѣдней капли крови. Такъ погибаютъ революціонеры; но не такъ кончаютъ наемники. Когда власть ускользнетъ изъ ихъ рукъ, они сдадутся и будутъ молить о пощадѣ. И народъ ограничится тѣмъ, что имъ скажетъ только: будьте вы прокляты.

Въ эти дни мы пользовались дѣйствительной неприкосновенностью личности, дѣйствительной свободой слова, собраній. Но эта свобода была не даръ правительства, не актъ мудраго законодательства, а результатъ силы. Четыре боевыя дружины, имѣющія въ своемъ распоряженіи достаточно оружія и 12 пудовъ динамита, на одной сторонѣ; дезорганизованная полиція, черная сотня и малонадежные солдаты на другой. Пока сохранялось это соотношеніе силъ — мы были свободны.

Въ эти дни началась забастовка на механическомъ заводѣ Ятесъ. Наша группа придерживалась того мнѣнія, что моментъ самый подходящій для организаціи всеобщей забастовки. Вмѣстѣ съ рабочими Ятеса мы снимали съ работы рабочихъ изъ другихъ фабрикъ. Были отправлены делегаты въ мастерскія. Въ одной изъ нихъ товарищъ анархистъ «во время работы» устроилъ митингъ. Всѣ [человѣкъ 80] единогласно рѣшили примкнуть къ забастовкѣ. Съ цѣлью пропаганды идеи всеобщей стачки мы выпустили прокламацію ко всѣмъ рабочимъ. Но всеобщая стачка не была въ интересахъ с.-д. Они противодѣйствовали намъ всѣми силами. Они на митингахъ не давали намъ слово, возбуждали противъ насъ рабочихъ, а сами занимали ихъ разговорами о всеобщемъ голосованіи, а не о всеобщей забастовкѣ.

Въ дни свободы въ нѣсколькихъ мѣстахъ Камышловскаго уѣзда работали анархисты-коммунисты, устраивали митинги, и привлекли къ себѣ общую симпатію, въ особенности со стороны крестьянъ.

Когда наступила реакція, полиція и шпіоны, знавшіе почти всѣхъ революціонеровъ въ лицо, приступили къ повальнымъ обыскамъ и арестамъ. Большинство революціонеровъ успѣло разъѣхаться, но нѣкоторые товарищи остались—впереди была работа и было жаль ее бросить, убѣжать отъ нея. 9-го января были арестованы Александръ Швецовъ, Федоръ Колокольниковъ и Петръ Довѣровъ. Нашли у нихъ оболочки для бомбъ и около фунта динамита. У квартиры была устроена облава и на слѣдующій день было арестовано еще восемь человѣкъ — между ними Григорій Порошинъ, Анатолій Околковъ и Борисъ Кетовъ.

Судъ «нелицепріятный и скорый» былъ только въ сентябрѣ 1906 года. Отъ защиты товарищи, назвавъ себя анархистами коммунистами, отказались.

Главное обвиненіе противъ нихъ, — экспропріація динамита съ Верхъ-Исетскаго Рудника — было основано исключительно на сходствѣ анализовъ найденнаго при обыскѣ и экспропріированнаго динамита. Но такія шаткія данныя не послужили препятствіемъ, къ тому чтобы нашихъ товарищей присудить къ каторгѣ. Петръ Кириллович Довѣровъ получилъ 6 лѣтъ каторги и вѣчное поселеніе, Колокольниковъ и Швецовъ по 4 года каторги и вѣчное поселеніе; всѣ остальные — 5 лѣтъ ссылки въ Сибирь.

Изъ получившихъ ссылку, одному удалось еще заслужить каторгу. Это тов. Григорій Порошинъ. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ былъ выпущенъ на поруки и сталъ подготовлять побѣгъ товарищей. Но случайно найденная записка Порошина раскрыла все. На судѣ Порошинъ держалъ себя смѣло и гордо. «Вы можете приговорить меня къ каторгѣ, къ висѣлицѣ, но мысль вы не въ состояніи убить. Вы — смерть, я жизнь», говорилъ онъ. Вся его рѣчь дышала удивительной вѣрой и бодростью. Онъ получилъ 6 лѣтъ каторги. 10 лѣтъ каторги получилъ еще одинъ товарищъ, Сергѣй фонъ Насакинъ, обвиняемый въ экспропріаціи 15000 руб. Насакинъ взялъ всю вину на себя, но это не помѣшало суду присудить къ 4-мъ годамъ каторги человѣка къ дѣлу совершенно непричастнаго [Милошевскаго]. Въ итогѣ тридцать лѣтъ каторги и долгіе годы ссылки. Но работа товарищей не пропала даромъ, она дала ростки. Сейчасъ на Уралѣ имѣется нѣсколько группъ анархистовъ-коммунистовъ.

Подробно о нихъ сообщу въ другомъ письмѣ.

5 февраля 1907. М.

P. S. Позволяю себѣ привести краткую характеристику товарищей каторжанъ.

Александръ Аркадьевичъ Швецовъ, ему 21 годъ; на видъ онъ гораздо старше. Съ свѣтлой кристальной душой, удивительно чуткій и мягкій, Аркадьичъ былъ душой всей группы. Онъ былъ раньше с.-революц., работалъ въ Вяткѣ и Екатеринбургѣ. Былъ арестованъ за пропаганду въ Сысертскомъ заводѣ, но послѣ «манифеста» былъ освобожденъ толпой, вмѣстѣ съ другими товарищами. Федоръ Тимофѣевичъ Колокольниковъ 23 лѣтъ. Это—сынъ земли. Какъ-то въ разговорѣ съ товарищами о томъ что бы сдѣлалъ каждый изъ насъ въ будущемъ обществѣ, Тимофеичъ сказалъ: «я буду землю пахать». Онъ любитъ землю. Любитъ всякую работу. Удивительно смѣлый, рѣшительный и хладнокровный. Тимофеичъ былъ всегда тамъ, гдѣ было больше опасности. Петръ Кирилловичъ Довѣровъ — рабочій, много разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Взятъ съ фальш. паспортомъ, судъ присудилъ ему на 2 года каторги больше чѣмъ другимъ товарищамъ, и въ этомъ видна ненависть сытаго буржуа къ человѣку безъ имени. Кириллычъ — практикъ. У него глубокая жажда къ знанію, и сейчасъ въ тюрьмѣ онъ изучаетъ геометрію и алгебру. Кириллычъ — обладаетъ тонкимъ юморомъ и въ его обществѣ какъ-то работалось живѣе и легче.

Мы получили слѣдующія резолюціи изъ Екатеринославa:

Резолюція многочисленныхъ митинговъ Екатеринославскихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и трубнаго завода:

Мы, рабочіе, собравшись на митингѣ, убѣдились заявленіемъ оратора, Анар.-Ком., что экспропріація на отдѣльныхъ представителей правительства и буржуазіи не есть средство къ конечной цѣли, а только средство для групповыхъ нуждъ, и что эти нападенія ничего общаго не имѣютъ съ массовой экспропріацией; затѣмъ мы находимъ что всѣ нападенія на рабочихъ мелкихъ собственниковъ и посылка писемъ съ требованіемъ денегъ именемъ Анархизма, не есть дѣло анархистовъ, ибо ими не признается такой способъ полученія денегъ, а это все совершается людьми ничего общаго не имѣющими съ Анархизмомъ, а только прикрывающимися ихъ именемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей; поэтому мы выносимъ порицаніе всѣмъ прикрывающимся именемъ Анар.-Ком. И рѣшили передать это широкой гласности.

28-го февраля.

Резолюція многочисленнаго митинга рабочихъ Екатеринославскаго Трубнаго завода.

Мы, рабочіе дневной смѣны и часть вечерной, протестуемъ противъ насилія Соц.-дем. и Соц.-Рев., которые посредствомъ обмана, безъ нашего согласія, остановили машины, и этимъ заставили насъ не работать въ день открытія государственной думы.

Мы же рабочіе, находимъ что дума, парламентъ и всякія якобы свободы, существующія при современномъ строѣ насилія, гнета и эксплуатаціи, не служатъ въ интересахъ рабочаго класса, а въ интересахъ нашихъ враговъ, буржуевъ. И находимъ, что только борясь насильственнымъ путемъ, соединившись подъ чернымъ знаменемъ Анархизма-Коммунизма, лишь тогда рабочіе въ силахъ будутъ себя освободить отъ всѣхъ цѣпей рабства и капитала.

22-го февраля.

Просимъ уважаемыхъ товарищей напечатать въ ближайшемъ номерѣ «Листковъ Хлѣбъ и Воля» первую и вторую резолюцію. Мы постараемся ихъ напечатать въ легальныхъ газетахъ.

Екатеринославская группа Анарх.-Ком.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

(По поводу реферата Д. С. Мережковскаго о насиліи).

Мнѣ хочется подѣлиться съ читателями Листковъ «Хлѣбъ и Воля» впечатлѣніемъ отъ реферата, прочитаннаго 6-го марта Д. С. Мережковскимъ на тему о насиліи. Интересно прослѣдить, какъ революціонная мысль, охватившая Россію въ наши дни, переломляется въ сознаніи одного изъ извѣстныхъ русскихъ современныхъ писателей, сочиненія котораго переведены и на многіе европейскіе языки.

Д. С. Мережковскій — авторъ трехъ историческихъ романовъ: «Юліанъ Отступникъ», «Воскресшіе боги» и «Петръ и Алексѣй» и въ то же время замѣчательный литературный критикъ, написавшій между прочимъ двухтомное изслѣдованіе о Толстомъ и Достоевскомъ. Отъ какой бы то ни было практической политической дѣятельности Мережковскій всегда былъ далекъ; поскольку же въ его лите-

ратурныхъ произведеніяхъ возможно было выудить какія либо чисто-политическія идеи, постольку его можно было отнести скорѣе всего къ сторонникамъ предержащихъ властей и господствующей церкви. Только въ самое послѣднее время сталъ замѣтенъ въ Мережковскомъ поворотъ къ критикѣ православія и проникновеніе освободительными идеями. Но революціи Мережковскій боялся; эту боязнь онъ выразилъ въ недавней книгѣ «Грядущій хамъ», въ которой выступающій, наконецъ, на первый планъ революціонный народъ представлялся ему грозной опасностью для культуры. Тѣмъ интереснѣе было для большой публики услышать мнѣніе о насиліи такого человѣка, который смотритъ на земныя дѣла революціи сквозь призму вѣчности. Свыше тысячи человѣкъ русской колоніи внимательно слушали рефератъ и слѣдили за послѣдовавшими за нимъ и продолжавшимися цѣлыхъ два вечера преніями, въ которыхъ приняли участіе представители всѣхъ русскихъ соціалистическихъ партій.

Тезисы реферата были слѣдующіе:

1) „Самодержавіе, какъ воплощеніе идеи о д н о г о. Самодержецъ — единственная, реально существующая, абсолютная личность, самымъ бытіемъ своимъ отрицающая личность в с ѣ х ъ.

2) Нравственная ложь этой идеи. Русская революція есть историческое выраженіе борьбы идеи о в с ѣ х ъ съ идеей о д н о г о. Всѣ должны побѣдить о д н о г о. Соглашеніе между этими двумя идеями невозможно. Конституціонная монархія есть иллюзія, съ которой никогда не примирится ни самодержавіе (о д и н ъ), ни революція (в с ѣ).

3) Переходъ отъ самодержавія къ демократіи, въ силу абсолютной противоположности обѣихъ идей, невозможенъ безъ революціоннаго насилія.

4) Антиномія [противорѣчіе] насилія: его эмпирическая необходимость и нравственная невозможность, его историческая правдивость и личная неправда.

5) Какъ относительное средство, насиліе находитъ и оправданіе относительное въ исторіи; но личность такимъ оправданіемъ удовлетвориться не можетъ, требуя оправданія абсолютнаго.

6) Нравственныя страданія людей, совершающихъ насиліе, свидѣтельствуютъ о нарушеніи абсолютной личной правды. Для всѣхъ, кто на сторонѣ революціи, необходимо соучастіе въ этихъ страданіяхъ: мы всѣ должны добровольно принять и нести нравственную отвѣтственность за революціонное насиліе.

7) Это соучастіе всѣхъ въ винѣ одного выноситъ тяжесть вины за предѣлы личности и ведетъ къ послѣднему религіозному искупленію и упраздненію насилія конечными цѣлями всемірно-историческаго процесса, гдѣ религіозная правда личности примиряется съ религіозной правдой исторіи".

Какъ видитъ читатель, центръ тяжести реферата сосредоточился на трехъ идеяхъ: самодержавія, революціоннаго насилія и религіознаго искупленія этого насилія. Если первыя двѣ идеи ясны изъ первыхъ шести пунктовъ, то третья совершенно теряетъ свой смыслъ въ длинной и запутанной ея формулировкѣ. Насколько первыя двѣ идеи выражены до грубости элементарно, настолько послѣдняя выражена темно и сбивчиво. Впрочемъ, надо отдать справедливость Мережковскому: его рефератъ былъ гораздо интереснѣе, чѣмъ объ этомъ можно судить по тезисамъ.

Вопросъ о насиліи былъ имъ разсмотрѣнъ не только съ точки зрѣнія революціонной практики, но и принципіально, не только какъ средство борьбы, но и какъ основа всей общественной жизни. Въ этой второй постановкѣ вопросъ получилъ форму вопроса о томъ, возможно ли существованіе общества безъ вмѣшательства насилія, примѣняемаго на практикѣ какою-либо властью; другими словами, возможенъ ли анархическій соціализмъ, т. е. общественное производство безъ принудительной власти правительства и капиталистовъ. Мережковскій обнаружилъ при этомъ глубокое пониманіе насильственнаго характера всякой власти, по какимъ бы многочленнымъ формуламъ она ни избиралась, и легко было видѣть, что всѣ его симпатіи на сторонѣ анархизма, а не государственнаго соціализма. Но Мережковскаго мучилъ вопросъ: а что, если въ анархической коммунѣ появится строптивый членъ въ родѣ выводимаго Достоевскимъ въ „Запискахъ изъ подполья" „джентльмена съ ретроградной и насмѣшливой физіономіей", который захочетъ наплевать на всю общественную гармонію и «по своей глупой волѣ пожить»? И вотъ тутъ-то Мережковскій притягиваетъ за волосы религію: если человѣчество не проникнется «новымъ религіознымъ сознаніемъ», то отъ подобныхъ «джентльменовъ» оно не застраховано и вмѣстѣ съ тѣмъ не застраховано отъ того, что ему не придется сажать этихъ „джентльменовъ" въ домъ умалишенныхъ, который не лучше современной тюрьмы. Только религія можетъ, по мнѣнію Мережковскаго, утвердить любовь между людьми до такой степени, чтобы появленіе упомянутыхъ „джентльменовъ" было невозможно.

Понятно, что возраженія оппонентовъ были направлены главнымъ образомъ на то, чтобы доказать что соціалистическое общество мыслимо и безъ того условія, чтобы всѣ люди прониклись «новымъ религіознымъ сознаніемъ», однимъ изъ носителей котораго является Мережковскій. Замѣчательно при этомъ то, что способъ доказательства наиболѣе дѣльныхъ ораторовъ — изъ партіи с.-д. Кричевскаго, и Кавкасіели изъ с.-р. — во многомъ совпалъ съ тѣмъ, чѣмъ по праву должны были бы пользоваться одни анархисты-коммунисты.

Кричевскій величаетъ себя марксистомъ, но онъ считаетъ парламенты буржуазнымъ болотомъ, высоко цѣнитъ синдикальныя организаціи и всегда подчеркиваетъ, что соціализмъ имѣетъ характеръ антигосударственный. Кавкасіели—молодой философъ, кантіанецъ, причислившій себя къ партіи с.-р., но столь же чуждый, повидимому, оппортунизма этой партіи, какъ и Кричевскій — оппортунизма своей партіи.

Оба оппонента напирали на то, что въ соціалистическомъ строѣ, гдѣ всѣ потребности человѣка будутъ ему обезпечены, гдѣ каждая личность получитъ возможность шире развить всѣ свои способности, не будетъ того противорѣчія между личностью и обществомъ, которое часто существуетъ теперь, порождая противообщественные инстинкты. Если уже и въ современномъ государственно-буржуазномъ строѣ, гдѣ надъ большинствомъ людей тяготѣетъ гнетъ власти и капитала, в о п р е к и этому гнету, существуетъ извѣстная общественная коллективная связь между людьми, обусловливающая возможность общежитія (ибо не жандармы и не полиція удерживаютъ людей отъ ежечасныхъ преступленій, а только присущіе большинству людей мирные инстинкты), то эта связь общественности въ соціалистическомъ строѣ должна дойти до того, чтобы случаи какого бы то ни было конфликта между членами общества на почвѣ общежитія спелась бы къ минимуму или даже совершенно прекратилась бы. Общественность, присущая каждому человѣку, проявляется въ языкѣ; Кантъ доказалъ, что она проявляется въ самой логикѣ и во всякомъ истинно-научномъ познаніи; цѣлый рядъ мыслителей доказалъ, что она проявляется въ нравственности и въ правовыхъ воззрѣніяхъобщества; почему же ей не проявиться и въ экономической организаціи на соціалистическихъ началахъ?

Что же касается религіи и утвержденія Мережковскаго, что „только въ религіозномъ синтезѣ люди разрѣшатъ страшное, эмпирически не разрѣшимое противорѣчіе между стремленіемъ каждого отдѣльнаго человѣка къ абсолютной свободѣ и стремленіемъ всего человѣчества къ высшему счастью", то и въ этомъ пунктѣ Мережковскій глубоко ошибается. Что значитъ прежде всего „религіозный синтезъ"? Если подъ нимъ разумѣть подновленное историческое христіанство, за которое ратуетъ Мережковскій въ своихъ сочиненіяхъ, то врядъ ли оно можетъ увлечь человѣчество въ большей степени, чѣмъ увлекало до сихъ поръ, и врядъ ли можно на него возлагать какія либо свѣтлыя надежды. Если же подъ религіей разумѣть отрѣшенную отъ всякихъ историческихъ предразсудковъ вѣру въ Высшій Разумъ, управляющій міромъ, то и въ такомъ случаѣ неясно, почему именно требуется проникновеніе этой религіей для того, чтобы совмѣщеніе интересовъ личности и общества стало возможнымъ. Вѣдь проблема соціализма и анархизма — чисто житейская; это — проблема соціально-политическаго устройства. Для этого устройства вопросъ о религіи, въ лучшемъ случаѣ, имѣетъ такое же внѣшнее значеніе, какъ и вопросъ объ искусствѣ или наукѣ. Для проведенія въ жизнь какой нибудь реформы социально-политическаго характера нѣтъ надобности ждать, пока народъ получитъ особое развитіе въ искусствахъ и въ знаніи послѣднихъ открытій науки. Если бы этого приходилось ждать, то не были бы возможны ни освобожденіе крестьянъ, ни всякая иная изъ реформъ или революцій, которыя имѣли мѣсто до сихъ поръ. Напротивъ, именно для того, чтобы въ народѣ могъ развиться вкусъ къ искусствамъ и наукѣ, требовалось предварительное освобожденіе.

То же самое можно сказать и о религіи, если ставить ее въ рядъ съ наукой и искусствомъ, какъ высшее проявленіе жизни духа. Не религія нужна для того, чтобы могли осуществиться революціонныя чаянія нашего времени, а эти чаянія должны предварительно осуществиться для того, чтобы самая религія стала доступной для народа.

Какъ видитъ читатель, нельзя сказать, что рефератъ Мережковскаго богатъ вѣрными идеями по существу тѣхъ вопросовъ, которыхъ онъ касался. Но между прочимъ имъ не разъ бывали высказываемы весьма цѣнныя мысли, пріобрѣтающія особый вѣсъ въ устахъ именно такого внѣпартійнаго и безпартійнаго человѣка, какимъ является Мережковскій. Изъ этихъ мыслей мы отмѣтимъ, по крайней мѣрѣ, одну: «крестьяне, разоряющіе имѣнія, одинаково слѣпо истребляющіе и скотъ и машины, и дорогія произведенія искусства, — это отнюдь не люди, превратившіеся въ звѣрей, но обратно: это звѣри на переходѣ своемъ въ людей. Въ нихъ человѣкъ не кончается, а начинается. Они встаютъ, а не падаютъ».*) Если вспомнить, что это говоритъ авторъ „Грядущаго хама", еще такъ недавно боявшійся революціоннаго выступленія народа, то придется признать, что для Мережковскаго политическіе уроки послѣднихъ мѣсяцевъ не прошли даромъ. Онъ понялъ, что даже въ безобразіяхъ революціи есть своя правда и своя красота, свидѣтельствующая о прогрессирующей человѣчности.

И. В.

*) Я позволю себѣ замѣтить, что и то и другое не вѣрно. Русскіе крестьяне не озвѣрѣли, даже въ самую ужасную пору крѣпостнаго права, когда крѣпостнаго запарывали на смерть подъ палками за ослушаніе барина, или за разбитую чашку изъ Дрезденскаго фарфора. Они всегда бунтовались, и ихъ бунты въ 1848—1860 годахъ вынудили правительство уничтожить рабство. Я живо помню страхъ помѣщиковъ передъ крестьянскими бунтами въ пятидесятыхъ годахъ.

П. К.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ФРАНЦІЯ

СТАЧКА ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ СТАНЦІЙ.

Въ пятницу, 8 марта, въ 5 час. вечера, Парижъ внезапно остался безъ электричества. Остановились повсюду электрическія машины; бульвары и главныя улицы оказались погруженными въ темноту, въ театрахъ пришлось отмѣнить представленія, газеты въ эту ночь почти не могли печататься [изъ за освѣщенія и изъ за машинъ] и на другой день или совсѣмъ не вышли, или вышли съ большимъ опозданіемъ. Какую тревогу внесло это внезапное отсутствіе электричества въ сложную и интенсивную жизнь огромнаго города— легко себѣ представить. Что же случилось? Оказалось, что рабочіе, которымъ надоѣло втеченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ вести безполезные переговоры, то съ электрической компаніей, то съ Муниципальнымъ Совѣтомъ, рѣшили, наконецъ, дѣйствовать своими средствами и забастовали. Подготовлена забастовка была тайно, и 1800 рабочихъ бросили работу какъ одинъ человѣкъ.

Клемансо поспѣшилъ закрыть въ тотъ же вечеръ Биржу Труда и заявить, что если стачка продолжится, онъ замѣнитъ рабочихъ солдатами. Стачкѣ однако не пришлось затянуться: Муниципальный Совѣтъ на другой же день пошелъ на уступки. Но за эти сутки буржуазія почувствовала, какъ никогда, рабочую силу и свое собственное безсиліе. «Парижъ», писали газеты, «былъ въ этотъ день въ рукахъ Пато» (секретарь синдиката электрическихъ рабочихъ). А большая буржуазная газета «Matin» напечатала рядъ интервью съ рабочими дѣятелями, подъ знаменательнымъ заглавіемъ: „Объявленіе войны. Побѣдители 9 марта указываютъ, какъ подготовляютъ всеобщую стачку. На пути къ соціальной революціи.

„Мы могли бы продолжить опытъ и далше", говорилъ Пато, объясняя почему рабочіе удовольствовались обѣщаніями уступокъ; но мы не хотѣли больше нарушать жизнь Парижа. Мы не испугались того, что насъ замѣнятъ солдатами, о нѣтъ! Если бы солдаты вошли къ намъ, это вызвало бы страшное кровавое столкновеніе... „Краснымъ" синдикатамъ ставятъ въ упрекъ ихъ антимилитаризмъ, а между тѣмъ само правительство вынуждаетъ ихъ къ этому, вводя солдатъ въ стачки, то для грубаго подавленія движенія, то для того, чтобы замѣнить солдатами рабочихъ. И то, что правительство не рѣшилось, или не успѣло сдѣлать въ этотъ разъ, оно, несомнѣнно, собирается сдѣлать въ другой. Подъ предлогомъ „общественной службы" оно предоставитъ солдатъ въ распоряженіе предпринимателей. А это значитъ лишить насъ права стачки, принадлежащаго намъ по закону. Тогда намъ придется прибѣгнуть къ «саботажу»..*) Электрическіе рабочіе — умные и знающіе, въ ихъ рукахъ страшныя орудія борьбы, и они рѣшили во что бы то ни стало помѣшать, чтобы ихъ право на стачку было сведено къ нулю, вмѣшательствомъ войска.

«Среди нашихъ товарищей, заявляетъ съ своей стороны Пассерье, помощникъ секретаря синдиката, нѣтъ любителей охотиться за депутатскими и муниципальными полномочіями. Оттого у насъ и существуетъ то взаимное довѣріе, которое позволяетъ намъ дѣйствовать, и дѣйствовать успѣшно. Силу нашего примѣра почувствуютъ всѣ организаціи. Онѣ исключатъ изъ своей среды разныхъ кандидатовъ, которые мошенничаютъ, измѣняютъ, обманываютъ народъ заодно съ политическими шарлатанами, и составляютъ причину всѣхъ нашихъ неудачъ и пораженій. Долой политикановъ!"

Но наиболѣе интересно въ смыслѣ общихъ выводовъ заявленіе Гриффюэля, секретаря Всеобщей Конфедераціи Труда. Мы приведемъ его почти цѣликомъ:

„Настоящій конфликтъ, говорилъ онъ, — рѣзительное и рѣзкое проявленіе преобладающей роли, которую играетъ въ нашемъ современномъ производствѣ трудъ. Стоило только наемнымъ рабочимъ, въ порывѣ солидарности, бросить заводы, какъ вся жизнь Парижа оказалось парализованной; буржуа долженъ былъ зажечь у себя въ домѣ коптящую лампу, магазины и общественныя учрежденія закрылись, газеты оказались въ невозможности преподнести беззаботной и пресыщенной публикѣ обычныя впечатлѣнія...

„Событія 1-го мая, крупныя и продолжительныя стачки истекшаго года, демонстраціи, происходящія повсюду — все это для буржуазіи примѣры и уроки. У однихъ — страхъ, у другихъ — вызванное этимъ страхомъ негодованіе показываютъ намъ, что консервативный, капиталистическій міръ отдаетъ себѣ, повидимому, отчетъ въ грозящей опасности. Страхъ легко замѣтить и въ рѣчахъ и въ поведеніи нашихъ правителей. И этотъ ростущій страхъ былъ бы еще сильнѣе если бы наши теперешніе господа знали все могущество рабочаго міра. Имущіе такъ привыкли считать себя необходимымъ факторомъ производства, что только примѣръ можетъ заставить ихъ считаться съ другимъ факторомъ—съ трудомъ".

Сознательный поступокъ электрическихъ рабочихъ позволяетъ надѣяться, говоритъ далѣе Гриффюэль, на то же самое со стороны газовыхъ рабочихъ, которые избавятся, наконецъ, отъ политикановъ, почтовыхъ служащихъ, рабовъ электрической подземной дороги, желѣзнодорожныхъ работниковъ и т. д. Разочаровавшись въ другихъ путяхъ, они возьмутся за стачку. Этотъ день настанетъ. „И въ этотъ день наши буржуа испытаютъ болѣе сильныя „волненія", чѣмъ то, что имъ пришлось испытать теперь".

Эти заявленія французскихъ рабочихъ дѣятелей еще и еще разъ показываютъ намъ, въ чемъ—будущее рабочаго движенія.

*) Порча матеріала или машинъ. Если не ошибаемся въ русскомъ языкѣ соотвѣтственнаго термина пока не выработалось.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шиллингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.
Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.
E. Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kushniaroff, 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ

„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ.

№ 12. — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 12 АПРѢЛЯ 1907 г.

Лондонъ, 12 апрѣля 1907.

Съ открытіемъ Думы, къ членамъ лѣвыхъ партій, со всѣхъ концовъ поступаютъ приговоры сельскихъ обществъ, въ которыхъ крестьяне просятъ добывать имъ земли и избавленія отъ чиновничьяго и помѣщичьяго гнета. Конечно, инищіатива большинства такихъ приговоровъ принадлежитъ интеллигентамъ — трудовикамъ, с.-рамъ и т. д., которые принимали участіе въ организаціи выборовъ: это видно уже по формулировкѣ. Но, кому бы ни принадлежалъ починъ, въ крестьянъ вселяется такимъ образомъ мысль, — совершенно ложная мысль, — что Дума *можетъ* что-то такое сдѣлать для надѣленія крестьянъ землею и облегченія ихъ положенія вообще. Между тѣмъ, если никакой парламентъ въ мірѣ и никакое правительство не можетъ рѣшить земельнаго вопроса — какъ онъ стоитъ теперь въ Россіи и другихъ европейскихъ странахъ, то тѣмъ менѣе способна это сдѣлать, дышащая на ладонъ русская Государственная Дума.

Ссылаться на примѣръ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ государствомъ, въ 1861 году, было бы не вѣрно. Это освобожденіе правительство могло совершить, потому что, давая крестьянамъ *личную* свободу, оно отнимало у нихъ *землю*, которая столько вѣкъ считалась ихнею, крестьянскою. „Голова — царская, спина — барская, а земля — наша“, говорили крѣпостные, и юридически оно такъ и было. Земля, находившаяся въ ихъ владѣніи не принадлежала барину. Давая же эту землю въ „надѣлѣ“ крестьянамъ и назначая за нее очень тяжелый выкупъ, положеніе 1861 года признавало эту землю *барскою*. Лично, крестьянинъ пріобрѣталъ свободу; но землю онъ терялъ, пока не выкупитъ ее, или, вѣрнѣе, часть ея, у своего барина.

Въ 1861-мъ году происходилъ *обмѣнъ*, выгодный для всѣхъ болѣе крупныхъ помѣщиковъ. Теперь же ничего подобнаго быть не можетъ. По закону 1861-го года, вся внѣ-надѣльная земля уже признана господскою, и отнять ее у господъ, хотя бы и назначая выкупъ, ни одно правительство въ мірѣ не рѣшится. *Это можетъ сдѣлать только революція*. Все, что правительство могло бы предложить теперь помѣщикамъ, это — выкупъ. Но въ томъ-то и дѣло, что въ рыночную стоимость земли входитъ, не только та цѣнность, которую она представляетъ въ данную минуту, но и та, которую она пріобрѣтетъ черезъ нѣсколько времени, съ размноженіемъ населенія и съ развитіемъ страны вообще. Съ 1861-го года населеніе въ средней и южной европейской Россіи удвоилось, и цѣнность земли (какъ всегда бываетъ) возросла уже не вдвое, а гораздо больше. Вотъ этотъ-то будущій ростъ, теперешніе землевладѣльцы вовсе не намѣрены уступать никому, и ни за что не уступятъ, если не почувствуютъ угрозы широко-развитаго крестьянскаго возстанія.

Замѣтимъ, что въ томъ же положеніи стоитъ земельный вопросъ, не въ одной Россіи, и нигдѣ въ Европѣ онъ не разрѣшится безъ *революціоннаго, угрожающаго давленія снизу*. Никакія конституціи тутъ ни при чемъ, такъ какъ въ Англіи, гдѣ цѣна на землю безумно поднялась за послѣднія 50 лѣтъ (въ радіусѣ 50 верстъ отъ Лондона она доходитъ отъ 3000 до 5000 руб. за акръ, т. е. отъ 7,500 до 12,500 руб. за десятину), владѣльцы земли ни за что не уступятъ добровольно своихъ правъ, даже за высокій выкупъ, такъ какъ они цѣнятъ, и будущій ростъ земельной цѣнности, и вліятельное общественное положеніе, которое занимаетъ человѣкъ, владѣлецъ земли.

Вотъ почему проэктъ земельнаго закона, вносимый въ Думу трудовиками, с.-рами и народными соціалистами, въ сущности ничего не говоритъ. Образовать, гдѣ-то, „фондъ“ изъ государственныхъ, удѣльныхъ и монастырскихъ земель, и въ этомъ обѣщать спасеніе обѣднѣвшему крестьянину — простой самообманъ. Такой „фондъ“ всегда существовалъ, между прочимъ, въ Сибири (личное землевладѣніе было очень стѣснено въ западной, и вовсе запрещено въ восточной Сибири), а также въ свободныхъ земляхъ на Уралѣ и на Кавказѣ, — что не помѣшало Средней Россіи дойти до обнищанія.

Земля нужна, по крайней мѣрѣ семидесяти милліонамъ крестьянъ, именно тамъ, гдѣ свободныхъ государственныхъ, удѣльныхъ и т. п. земель больше нѣтъ, и гдѣ поэтому крестьяне вынуждены снимать землю у помѣщиковъ и кулаковъ за безумныя цѣны. И вотъ, является вопросъ, какъ *заставить* этихъ помѣщиковъ разстаться со своими землями, и притомъ не налагать на крестьянъ и на страну вообще тяжелаго выкупа, который разорилъ бы крестьянъ еще больше?

Вотъ въ чемъ главный вопросъ теперь въ Россіи. Въ этомъ столкновеніи, между интересами помѣщиковъ и кулаковъ-землевладѣльцевъ, съ крестьянами, обливающими землю своимъ потомъ и кровью,—лежитъ вся сущность русской революціи. И если Дума дышетъ уже на ладонъ, то главная опасность, которой боятся собравшіеся вокругъ трона эксплуататоры, это—чтобъ крестьяне не увидѣли въ Думѣ поддержки своимъ экспропріаторскимъ намѣреніямъ и не начали взаправду отбирать землю и выкуривать помѣщиковъ „своими средствами“.

Нечего и говорить, что эти страхи, со стороны Думы, совершенно напрасны. *Революціонныхъ* рѣшеній на счетъ

земли,—такихъ, которыя могли бы *поднять* крестьянскія массы, — ни с.-ры, ни трудовики, ни кадеты, ни тѣмъ менѣе соц. демократы не предлагаютъ. Всѣ они слишкомъ пропитаны буржуазными взглядами нѣмецкой соціальдемократіи, чтобы сдѣлать что нибудь подобное. Тѣмъ болѣе, ничего подобнаго не приметъ Дума.

И опять, и снова, приходится повторить тоже, что мы не устаемъ повторять за послѣдніе тридцать лѣтъ. Если всѣ, имѣющіе революціонный темпераментъ, не бросятъ разъ навсегда метафизическія теоріи экономики, которыми ихъ усыпляли за эти тридцать лѣтъ, стараясь ихъ отвлечь отъ мысли крестьянскаго возстанія, и не возьмутся теперь же, дружно, за такую работу, которая можетъ дать крестьянамъ *надежду на успѣхъ* широко-развитого возстанія, ради завоеванія *принадлежащихъ крестьянамъ и насильно отнятыхъ у нихъ земель*, — тогда дѣло Русской Революціи, такъ прекрасно начатое лѣтомъ и осенью 1905 года, должно будетъ остановиться на долгіе годы въ мучительной безнадежности.

П. Кропоткинъ.

О РАБОЧИХЪ СОЮЗАХЪ

II.

Въ соціальдемократическомъ движеніи рабочіе союзы играютъ всегда второстепенную, зависимую роль, и это вполнѣ естественно. Для соціальдемократіи завоеваніе политической власти, или, какъ они торжественно выражаются, диктатура пролетаріата, есть та великая цѣль, къ которой должны быть направлены всѣ усилія партіи. Все міровоззрѣніе соціальдемократовъ, вся ихъ литература, начиная съ иногюральнаго манифеста Интернаціонала, писаннаго рукою Маркса, глубоко проникнута тѣмъ взглядомъ, что завоеваніе политической власти есть то предварительное условіе, которое обязательно должно предшествовать началу видоизмѣненія экономическихъ основъ современнаго строя. Стало быть, въ соціальдемократической системѣ завоеваніе политической власти и есть тотъ первый историческій шагъ, который откроетъ новую эпоху въ жизни народовъ. Шагъ этотъ знаменателенъ не столько самъ по себѣ, сколько тѣмъ, что осуществляетъ необходимое условіе для дальнѣйшихъ шаговъ. Нужно согласиться, что если представить себѣ дѣло, какъ его себѣ представляютъ соціальдемократы, то другого исхода и не можетъ быть; такъ что, если мы примемъ ихъ основную точку зрѣнія на общественные перевороты, то все ихъ поведеніе станетъ казаться вполнѣ разумнымъ и достойнымъ, вся ихъ политико-парламентская борьба — безупречнымъ логическимъ выводомъ изъ ихъ міровоззрѣнія, а ихъ диктатура такимъ же безупречнымъ логическимъ концомъ всей ихъ соціальной системы. Слѣдовательно, душою всей практической дѣятельности соціальдемократіи по силѣ вещей есть и всегда будетъ дѣятельность политико-парламентская, строго подчиненная одной неизмѣнно политической же цѣли — завоеванію политической власти, безъ которой для нихъ не мыслимо осуществленіе соціальнаго идеала партіи. Для нихъ, стало быть, политическая власть, и только политическая власть, и есть тотъ архимедовъ рычагъ, посредствомъ котораго они мечтаютъ перемѣстить ось всего дальнѣйшаго историческаго развитія.

Это нужно было установить, потому что отсюда именно они исходятъ, когда устанавливаютъ дѣленіе движенія, съ точки зрѣнія его цѣли, на нѣсколько послѣдовательныхъ періодовъ, что, кстати сказать, составляетъ весьма характерную черту соціальдемократическаго взгляда на общественные перевороты. На самомъ дѣлѣ, если завоеваніе политической власти должно быть практической цѣлью всѣхъ усилій партіи, ибо это завоеваніе и создастъ практическую возможность видоизмѣненія современныхъ экономическихъ отношеній, то вполнѣ естественно, что тамъ, гдѣ такъ называемыя политическія права существуютъ, борьба съ точки зрѣнія ея цѣли должна распадаться на два послѣдовательныхъ періода: а) завоеваніе политической власти, для осуществленія котораго понадобится цѣлый общественный переворотъ и б) начало, при посредствѣ завоеванной власти, видоизмѣненія основъ существующаго строя. Но тамъ, гдѣ упомянутыхъ политическихъ правъ еще нѣтъ, борьба съ точки зрѣнія ея цѣли будетъ распадаться, само собою разумѣется, не на два, а на три періода: а) завоеваніе политическихъ правъ, б) завоеваніе, пользуясь политическими правами, политической власти и в) начало, пользуясь завоеванной политической властью, коренного общественнаго переворота. Если эта система по своей умышленной сложности и напоминаетъ генеалогію рѣчи гоголевскаго Петрушки, то ей во всякомъ случаѣ нельзя отказать, ни въ нѣкоторой стройности, ни въ нѣкоторой логичности.

* * *

Послѣ всего сказаннаго ясно становится, почему соціальдемократическая партія считаетъ своей основной задачей созданіе политическихъ организацій и ихъ дѣятельность на демократической почвѣ, — въ такой именно дѣятельности партія видитъ свое назначеніе, свою высшую миссію; и дѣйствительно, что бы тамъ ни говорили, такая дѣятельность составляетъ сущность всей соціальдемократической тактики.

Какое же значеніе могутъ имѣть рабочіе союзы для соціальдемократовъ? Съ перваго же взгляда ясно видно, что въ ихъ системѣ рабочимъ союзамъ не удѣлено никакой первостепенной роли. Такія организаціи, какъ это видно изъ предыдущаго анализа ихъ системы, не будутъ играть никакой существенной роли, ни до революціи, ибо до революціи самое существенное это — борьба за политическую власть, ни во время революціи, ибо во время революціи центромъ дѣйствія будетъ завоеванная политическая власть, ни послѣ революціи, ибо созиданіе и укрѣпленіе новаго правопорядка будетъ дѣломъ той же политической власти. Благословенная диктатура все заполняетъ и все замѣщаетъ, она есть настоящее соціальдемократическое провидѣніе. Если Лапласу былъ совершенно не нуженъ богъ, чтобы построить свою систему, то соціальдемократамъ профессіональные союзы не нужны, чтобы совершить общественный переворотъ. Къ тому же рабочіе союзы, для нихъ, по своей сущности, вовсе не являются революціонными организаціями. Революція не входитъ и не должна входить въ сферу дѣятельности послѣднихъ; она должна остаться внѣ круга ихъ стремленій. Такимъ образомъ, профессіональные союзы освобождаются отъ всякихъ революціонныхъ обязанностей, они развѣнчиваются и приравниваются къ такимъ партійнымъ учрежденіямъ, которыя, чтобы доставить партіи большую возможность выполнять свою высшую революціонно-новаторскую миссію, берутъ на себя обязанность выполнять всѣ второстепенныя роли, производить всю черную, кухонную работу. Высшая политика, идейное руководство, литература, посредничество, представительство, все это — дѣло партіи: — рабочіе союзы должны заниматься мелкими дѣлами: политика торгашества, гроши, мелкіе интересы дня и профессіи, сборъ денегъ на пар-

тію и обязанность не смотрѣть дальше своего носа, — это все, что выпадаетъ въ царствѣ соціальдемократіи на долю профессіональныхъ союзовъ. Будущаго, или скорѣе задачъ будущаго, они не имѣютъ; ихъ роль, и роль жалкая, кончается съ настоящимъ. *)

* * *

За послѣднее время были случаи, когда крайніе соціальдемократы высказывались за болѣе рѣшительную, революціонную борьбу, но и они тутъ имѣли въ виду партію, а не профессіональные союзы. Для этихъ послѣднихъ организацій — экономическихъ по своей сущности — революціонная борьба запрещенный плодъ; да и не можетъ быть иначе, ибо всякая революціонная борьба, предпринятая ими, т. е. организаціями по преимуществу экономическими, будетъ борьбою экономически-революціонной, а эта послѣдняя очень опасна тѣмъ, что можетъ ввергнуть „въ бездну анархіи". Возьмемъ для примѣра всеобщую стачку. Правда наши соціальдемократы, съ ловкостью престидижитаторовъ, нигдѣ оффиціально объ этомъ не заявляя, говорятъ очень увѣренно, что они всегда стояли за всеобщую стачку, но мы вѣдь знаемъ, что все это сказки, сплетенныя для партійныхъ нуждъ; мы знаемъ, что лишь послѣ того, какъ послѣдніе 15 лѣтъ сдѣлали совершенно невозможнымъ непризнаніе идеи всеобщей стачки, они съ большимъ ущербомъ для своего партійнаго самолюбія наконецъ признали ее. Это было имъ очень и очень непріятно, ибо никто иной, какъ они, велъ впродолженіи 25 лѣтъ рѣзкую, до неприличія необузданную борьбу противъ всеобщей стачки, и кончили тѣмъ, что какъ будто признали ее; поступить иначе было невозможно: генералы рисковали остаться безъ арміи. Такъ или иначе, соціальдемократія признаніемъ всеобщей стачки, которая очень дорога профессіональнымъ союзамъ, сдѣлала какъ бы шагъ въ сторону большей революціонности. Такъ ли это? Посмотримъ.

Въ какой формѣ и для какой цѣли признали соціальдемократы всеобщую стачку? Всеобщую стачку, т. е. средство полнаго освобожденія рабочаго класса, эту основу и оправданіе всѣхъ рабочихъ мечтаній о соціальной революціи, они превратили въ дополненіе къ парламентаризму. По мнѣнію нѣмецкихъ соціальдемократовъ — они даютъ mot d'ordre всей международной соціальдемократіи — всеобщая стачка средство совершенно излишнее, пока ихъ право пользоваться всеобщимъ избирательнымъ правомъ на началахъ равенства съ другими общественными классами не ограничено; пока, короче говоря, соціальдемократія имѣетъ возможность вести парламентскую борьбу; но если коронованному безумцу придетъ въ голову стѣснить ихъ въ этомъ отношеніи, тогда — да здравствуетъ всеобщая стачка! Но эта стачка должна быть устроена такъ и окружена такими условіями, чтобы она не была *всеобщей* стачкой, а *массовой* политической забастовкой (politischer Massen-Streick). Вотъ къ чему сводится признаніе всеобщей стачки!... Соціальдемократія признала ее, но дала ей такую форму и цѣль, что она лишилась всякаго революціоннаго содержанія. Совершивъ такую метаморфозу идеи всеобщей стачки, этой „по истинѣ рабочей мысли", соціальдемократія доказала не то, что она сдѣлала шагъ въ сторону наибольшей революціонности, а лишь то, что ея теоретико-діалектическія способности пока еще не изсякли.

Въ замѣнѣ слова „классъ" словомъ „масса", въ выраженіи „политическая стачка массы" нужно видѣть не простую перестановку словъ, — тутъ одна система общественнаго переворота замѣнена другою. Французскіе, испанскіе, итальянскіе, южно-американскіе и другіе рабочіе говорятъ: „Всеобщая стачка рабочаго класса, т. е. возстаніе производителей на почвѣ производства, на почвѣ классовыхъ отношеній". Соціальдемократія говоритъ: „Массовая политическая стачка, т. е. болѣе или менѣе внушительная демонстрація съ политической цѣлью".

Ясно, изъ сказаннаго, что революціонный синдикализмъ смотритъ на всеобщую стачку, какъ на средство соціальнаго переворота, считая притомъ исходнымъ пунктомъ такого переворота полное крушеніе существующаго правопорядка, и поэтому онъ вполнѣ логиченъ, стремясь дать всеобщей стачкѣ характеръ гражданской войны — борьбы классовъ, имѣющей цѣлью разрушеніе существующаго правопорядка и установленіе на его развалинахъ такого строя, который былъ бы совершенно свободенъ отъ всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, обществомъ или государствомъ.

Для синдикалистовъ борьба должна быть борьбою классовъ, борьбою на почвѣ производительныхъ отношеній, но цѣль этой борьбы, даже для ближайшаго будущаго, не есть и не можетъ быть классовая. Борьба для нихъ должна быть классовою, даже строго классовою, съ точки зрѣнія ея формы и внѣшняго проявленія, а не съ точки зрѣнія ея цѣли. Въ соціальдемократической же системѣ „классовость" формъ и проявленій рабочаго движенія не такъ существенна, какъ „классовость" цѣли рабочаго движенія. Для нихъ даже ближайшая конечная цѣль — установленіе диктатуры — есть цѣль классовая, и лишь впослѣдствіи осуществленіе этой пролетарской классовой цѣли — диктатуры — создастъ условія, развитіе которыхъ медленнымъ эволюціоннымъ процессомъ устранитъ остатки классовыхъ инстинктовъ, стремленій и интересовъ и, наконецъ, создавъ поколѣніе свободныхъ и равныхъ людей, какъ выражается Энгельсъ, сдѣлаетъ ненужнымъ само классовое господство. Разница между этими двумя системами общественнаго переворота на столько очевидна, что на ней врядъ ли стоитъ подробнѣе останавливаться. Изъ этого различнаго пониманія хода общественныхъ переворотовъ вытекаетъ различное же отношеніе къ идеѣ всеобщей стачки. Для однихъ — синдикалистовъ — она есть средство общественнаго переворота, для другихъ соціальдемократовъ — она есть средство

*) Хотя это можетъ показаться парадоксомъ, но я смѣю утверждать, что именно такъ, чисто соціальдемократически, оцѣниваютъ синдикализмъ нѣкоторые изъ нашихъ товарищей антисиндикалистовъ. Вообще я долженъ сказать, что какъ товарищи антисиндикалисты, такъ и товарищи синдикалисты забываютъ, что для насъ синдикализмъ въ его настоящей формѣ не является идеальнымъ выраженіемъ рабочаго движенія. Анархизма ничѣмъ не замѣнишь. Синдикализмъ не есть анархизмъ, но онъ очень цѣненъ для насъ dans son devenir, такъ какъ въ смыслѣ рѣшенія рабочаго вопроса онъ уже сталъ почти анархическимъ и въ остальномъ съ желѣзной логикой идетъ къ анархизму. Изъ существующихъ формъ рабочаго движенія синдикализмъ представляется намъ наиболѣе цѣлесообразной и наиболѣе развитой формой рабочаго движенія и потому онъ больше, чѣмъ всякое другое движеніе, совпадаетъ съ анархизмомъ. Чѣмъ больше это развитіе съ точки зрѣнія цѣлесообразности и формы будетъ идти впередъ, тѣмъ больше это совпаденіе будетъ увеличиваться, пока наконецъ не перейдетъ въ полное тождество. Къ скорому осуществленію этого тождества должны быть направлены всѣ наши пропагандистскія усилія. Что касается возраженій, выставленныхъ противъ синдикализма нашими товарищами антисиндикалистами, то я опять смѣю утверждать, что всѣ ихъ грѣхопаденія объясняются, во первыхъ, тѣмъ, что они не свободны отъ интеллигентски-соціальдемократическаго взгляда на рабочіе союзы, а во вторыхъ тѣмъ, что они пока еще не уяснили себѣ значеніе, формы и размѣры рабочей самодѣятельности

вспомогательное, или скорѣе средство, служащее имъ для охраны средства общественнаго переворота: политическихъ правъ, ведущихъ къ захвату политической власти. Отсюда и враждебное отношеніе соціальдемократовъ къ „анархической всеобщей стачкѣ". Съ своей точки зрѣнія они вполнѣ правы, логичны, — соціальная всеобщая стачка, это палка въ колесѣ соціальдемократическаго движенія, ибо она совершенно разстраиваетъ ихъ систему общественнаго переворота. Какъ же имъ не злиться на анархистовъ! Соціальная всеобщая стачка, говоритъ Бернштейнъ, взгляды котораго о всеобщей стачкѣ преобладаютъ въ партіи, тѣмъ и опасна, что она неотвратимо ведетъ къ анархизму, живымъ примѣромъ чего является докторъ Фридебергъ.

Анализъ всеобщей стачки показываетъ, до какой степени противоположны стремленія рабочаго класса, организованнаго въ профессіональные союзы, въ органы классовой самодѣятельности, и соціальдемократіи, организованной въ политическую партію и стремящейся къ захвату власти, чтобы потомъ, пользуясь ею, видоизмѣнить экономическія отношенія. Профессіональные союзы, какъ мы уже указывали на это, въ своихъ организаціяхъ видятъ ту силу, которая дастъ имъ возможность захватить орудія производства и вообще всѣ общественныя богатства, прямо, собственной силой, безъ всякаго государственнаго посредничества.

* * *

Не менѣе противоположны стремленія соціальдемократовъ и синдикалистовъ въ вопросѣ объ устройствѣ „на второй день соціальной революціи".

Кто долженъ организовать производство? — „Государство", отвѣчаютъ соціальдемократы, и иного отвѣта они дать не могутъ, не измѣняя своей основной точкѣ зрѣнія на общественные перевороты. Для синдикалистовъ же дѣло обстоитъ иначе. Профессіональные союзы, объединяющіе въ себѣ всю производительную силу страны, дѣлаютъ совершенно излишнимъ организаторское руководство капиталиста и государства; они фактически уже теперь ведутъ производство. „Второй день соціальной революціи," освобождая волю производителя принесетъ ему и право вести хозяйство сообразно съ нуждами и потребностями общества, которое вслѣдствіе создавшагося послѣ революціи хода вещей, превратится въ союзъ союзовъ производителей или въ федерацію производительныхъ ассоціяцій. Такимъ образомъ, Биржи труда, конфедерація ремесленныхъ союзовъ, — вотъ тѣ органы, которые естественно должны взять на себя роль организаторовъ производства и потребленія. Такимъ путемъ ими совершенно избѣгается и государственное вмѣшательство, и печальная необходимость диктатуры въ переходномъ моментѣ.

Послѣ всего сказаннаго, смѣю надѣяться, совершенно ясно, почему въ схемѣ нашей дѣятельности эти группы производителей — синдикаты и ихъ союзы, разсматриваемые нами динамически, dans leur devenir, т. е. въ состояніи постояннаго движенія къ тому, чѣмъ они должны въ концѣ концовъ стать, а не статически, т. е. какъ нѣчто уже болѣе не видоизмѣняющееся, какъ нѣчто законченное — какъ это дѣлаютъ нѣкоторые антисиндикалисты — получаютъ громадное значеніе. Въ нашей схемѣ дѣятельности синдикализмъ играетъ такую же первенствующую роль, какую играетъ въ схемѣ соціальдемократической дѣятельности парламентаризмъ. Для насъ составъ, состояніе духа, направленіе и настроеніе синдикатовъ имѣетъ такое же значеніе, какое имѣетъ для соціальдемократіи составъ, состояніе духа, направленіе и настроеніе грядущаго соціалистическаго правительства.

Синдикализмъ, каковы бы ни были его недостатки — недостатки, которые, надѣемся, будущее устранитъ — тѣмъ и великъ, что онъ переноситъ центръ тяжести изъ правительства, государства и партіи, которыя имѣютъ претензію дѣйствовать, какъ организаціи, получившія полномочія отъ массы, въ самую народную массу; и если дѣятельность представителей интересовъ народа можно охарактеризовать формулой: все для народа посредствомъ насъ, т. е. посредствомъ партіи и государства, то синдикалистскую дѣятельность можно охарактеризовать такъ: все для народа, но такъ какъ онъ пересталъ или имѣетъ тенденцію перестать довѣрять уполномоченнымъ защиту своихъ интересовъ и самъ всей своей массой берется за свое дѣло, то все посредствомъ народа же.

* * *

Каково бы ни было наше мнѣніе о синдикализмѣ, одно для всѣхъ ясно: профессіональные союзы играютъ громадную роль въ дѣлѣ развитія современнаго рабочаго движенія, они являются наиболѣе прочными центрами рабочей жизни и они же сыграютъ громадную роль въ грядущемъ общественномъ переворотѣ, такъ какъ они создаютъ практическую возможность организаціи производства безъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, обществомъ или государствомъ, но это при условіи остаться вѣрными своему назначенію. Поэтому, послѣ всего выше сказаннаго, мы считаемъ себя вправѣ сказать, что если на то молодое профессіональное движеніе, которое намѣчается у насъ, соціальдемократическое вліяніе ляжетъ могильнымъ камнемъ и будетъ душить его своею окаменѣлостью, если дальнѣйшее его развитіе будетъ совершаться подъ этимъ пагубнымъ вліяніемъ, какъ въ Германіи, или если это развитіе будетъ происходить внѣ всякаго соціалистическаго вліянія, какъ это случилось въ Англіи, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оно обманетъ всѣ наши надежды, не сможетъ выполнить свою великую миссію, не произведетъ ту великую реформу въ рабочемъ движеніи, о которой мы уже говорили, и не сыграетъ значительную историческую роль, ни въ революціонномъ движеніи, ни въ самой революціи. Даже больше, если профессіональные союзы разовьются въ этомъ нежелательномъ направленіи — и можно предвидѣть, что темныя силы реакціи, которыхъ къ великому прискорбію нашему не удалось уничтожить нашей неудавшейся революціи, сдѣлаютъ все зависящее отъ нихъ, чтобы ориентировать развитіе рабочихъ союзовъ именно въ этомъ нежелательномъ направленіи — то они могутъ сдѣлаться даже опасной консервативной силой, по крайней мѣрѣ временно. Въ этомъ худшемъ случаѣ они могутъ сдѣлаться помѣхой для всякихъ смѣлыхъ попытокъ инціативнаго и сознательнаго меньшинства. Наконецъ, если бы даже и удалось сдѣлать что нибудь такому меньшинству, то сдѣланное имъ окажется мертворожденнымъ, потонетъ въ индиферентизмѣ или во враждѣ несознательной массы, и coup de main сознательнаго, смѣлаго и инціативнаго меньшинства останется красивымъ жестомъ, но и только, такъ какъ оно не будетъ опираться на тѣсно объединенныя силы производителей, т. е. не будетъ имѣть элементовъ, способныхъ создать „второй день революціи".

Можно, конечно, рѣшительному меньшинству, даже не опирающемуся на прочныя организаціи производителей, предпринять движеніе, но такое движеніе, даже при подходящемъ всеобщемъ революціонномъ броженіи, мо-

жетъ окончиться — и это въ лучшемъ случаѣ — только перемѣной формы правленія.

Соціальная же революція не можетъ быть предпринята безъ всякихъ элементовъ „второго дня революціи", а такъ какъ соціальная революція есть прежде всего переворотъ, видоизмѣняющій совершенно существующія производительныя отношенія, то она должна опираться на тѣсный союзъ производителей, способныхъ создать не только „первый", но и „второй день соціальной революціи", т. е. на организацію, способную взять въ свои руки производство и безъ всякого ущерба для нормальной общественной жизни продолжать его. И если развитіе профессіональныхъ союзовъ подвергнется выше указаннымъ вліяніямъ, они не достигнутъ своей цѣли и не выполнятъ своей исторической миссіи.

Но если наше молодое профессіональное движеніе, какъ въ Испаніи и Франціи, проникнется революціонно-творческимъ или, что тоже, анархическимъ духомъ и выберетъ путь активной самодѣятельности на почвѣ классовой борьбы; если оно сдѣлаетъ неизмѣннымъ объектомъ своихъ усилій коренной переворотъ всѣхъ устоевъ одряхлѣвшаго міра, и если оно дастъ предпочтеніе не обманчивому призраку всеобщей стачки — политической массовой забастовкѣ,—а соціальной революціонной стачкѣ съ ясно выраженнымъ характеромъ борьбы классовъ на почвѣ производства; если оно сейчасъ-же заинтересуется, какъ это дѣлаютъ синдикаты латинскихъ странъ, вопросомъ о томъ, какъ устроиться „на другой день соціальной революціи"; если оно твердо рѣшитъ, что рабочія организаціи, профессіональные союзы и союзы этихъ союзовъ, а не государство, должны взять въ свои руки дѣло организаціи производства и потребленія: если оно съ сегодняшняго же дня откажется отъ всякихъ посредниковъ и адвокатовъ, называй они себя даже соціальдемократами, и само возмется за руководство и веденіе своего дѣла, понявъ наконецъ все величіе, всю красоту и плодотворность творческой самодѣятельности; и если, наконецъ, порвавъ удушливыя сѣти оппортюнизма, оно поведетъ рѣшительную и непрерывную борьбу противъ всей современной политико-экономической системы, то безъ сомнѣнія оно сыграетъ громадную роль, какъ въ смыслѣ развитія современныхъ общественныхъ силъ, такъ и въ дѣлѣ полнаго обновленія обвѣтшалыхъ устоевъ всей современной жизни.

К. Оргеіани.

ИЗЪ РОССІИ.

Еще бы буржуазіи не стоять за теперешнее правительство! Въ Москвѣ была стачка типографщиковъ, и начальство всячески старалось усмирить стачечниковъ. Затѣмъ, „градоначальникъ", генералъ Рейнботъ, вызвалъ къ себѣ бюро Союза рабочихъ графическихъ искусствъ и заявилъ имъ, что „онъ не можетъ терпѣть скопленія безработныхъ въ Москвѣ"; а потому если забастовка не прекратится немедленно, онъ немедленно прибѣгнетъ къ высылкѣ забастовщиковъ изъ Москвы. Кромѣ того, если сатрапъ Рейнботъ убѣдится, что Союзъ былъ вдохновителемъ забастовки, онъ его закроетъ и не позволитъ возродиться ни подъ какимъ предлогомъ.

Впрочемъ, среди рабочихъ въ Москвѣ идутъ сильныя волненія. Возникаютъ и предвидятся новыя забастовки.

Съ Думою, царское правительство можетъ справиться. Но если въ Москвѣ и среди всего Московскаго промышленнаго района начнется всеобщее, серьезное рабочее волненіе; если начнется всероссійская забастовка противъ царскосельскихъ убійцъ и мучителей, и если снова начнутся повсемѣстныя крестьянскія волненія, которыя за послѣдній годъ сами «революціонеры» усмиряли усыпительными «Думскими» рѣчами, — тогда и царскому правительству не устоять, да и буржуазно-дворянской собственности придется понизить тонъ.

Столыпинъ циркулярно извѣстилъ губернаторовъ, что съ весною начнутся снова крестьянскія возстанія. Губернаторы должны, во что бы то ни стало, всѣми мѣрами и средствами остановить эти возстанія. Иначе, они будутъ лично отвѣтственны за нихъ. Стало быть рѣжь, бей, стрѣляй, жги мужиковъ, если съ голода начнутъ бунтовать,—такъ велѣлъ царь и его ближніе.

„Звѣрями станьте!" велитъ царь губернаторамъ.

Чтожь, не взыщите, господа, если на звѣрей пойдутъ звѣрскими средствами! Долгъ платежомъ красенъ.

Въ Алтаѣ, вслѣдствіе волненій противъ крестьянъ была выслана карательная экспедиція, составленная изъ вольнонаемныхъ казаковъ и вольнонаемныхъ солдатъ Барнаульскаго полка. Наемные убійцы жестоко расправились съ крестьянами села Завьялова и увезли 111 человѣкъ въ Барнаулъ. Газеты не говорятъ, въ какихъ имѣніяхъ произошли волненія, и кѣмъ были наняты солдаты и казаки для совершенія расправы и убійствъ? Не потому-ли что имѣнія были удѣльныя, т. е. царскія и великокняжескія?

Въ Одессѣ разбиралось 14 (27) марта въ военно-окружномъ судѣ дѣло семи анархистовъ, судившихся за храненіе взрывчатыхъ веществъ. Интересно, что прокуроръ Заливскій, требуя строгаго приговора для подсудимыхъ, основывался на томъ, что подсудимые очень молоды (!), а потому пусть побудутъ въ каторгѣ подольше: у нихъ будетъ тогда время пораздумать надъ своею преступностью. Судъ, повидимому, согласился съ такими убѣдительными доводами и приговорилъ всѣхъ въ каторгу, двоихъ на 12 лѣтъ, другихъ на болѣе короткіе сроки.

Русскія газеты извѣщаютъ, что 16 (29) марта въ Бѣлостокѣ арестовано 14 анархистовъ. Они сопротивлялись аресту, причемъ одинъ изъ нихъ убитъ и одинъ раненъ.

---

12 (25) марта изъ Акатуйской тюрьмы были переведены въ Алзачи, на еще худшія условія, «для усмиренія», политическіе Винокуровъ, Ганненко, Балаукъ, Сазоновъ, Бергманъ, Давыдовъ, Кинингъ, Латинъ, Магазинеръ, Ошко, Рыбниковъ, Смолинъ, Тасенко, Файферъ, Штильманъ. При пріемкѣ въ Алзачахъ они были сильно избиты прикладами, такъ что жизнь одного изъ нихъ въ опасности. «Издѣвательствамъ нѣтъ конца», говоритъ телеграмма.

.....

ХРОНИКА ТЮРЕМЪ И КАТОРГЪ.

Л. Гершковичъ въ Шлиссельбургѣ. — Немало огорченія принесло намъ извѣстіе о томъ, что Лазарь Гершковичъ переведенъ изъ смоленской каторжной тюрьмы въ Шлиссельбургскую крѣпость, какъ одинъ изъ руководителей «голой забастовки» и бунта въ этой тюрьмѣ. Два года тому назадъ въ Шлиссельбургѣ былъ казненъ младшій братъ Лазаря — еще почти мальчикъ, Х. Гершковичъ, за вооруженное сопротивленіе при арестѣ въ Петербургѣ. Лазарь Гершковичъ былъ арестованъ въ Одессѣ, зимою 1905 года. При обыскѣ у него была обнаружена хорошо-оборудованная лабораторія. По профессіи инженеръ-механикъ, Лазарь много работалъ надъ усовершенствованіемъ оболочекъ для бомбъ и предохранительныхъ крышекъ. Это былъ — «Кибальчичъ» одесской группы. Арестъ этой лаборатоpіи былъ не особенно удачнымъ для одесской полиціи; отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ во время обыска былъ убитъ помощн. нач. охр. отд. Агарковъ, убито и ранено человѣкъ 8 полицейскихъ. Въ іюнѣ 1906 г. въ одесскомъ военно-окружномъ судѣ разбирался «процессъ 17-ти» (одесской группы а.-к.), въ числѣ которыхъ былъ и Лазарь. На судѣ онъ произнесъ блестящую рѣчь, пытаясь взвалить на себя много чужой вины. Рѣчь эта была отмѣчена одесской печатью, увѣрявшей, что она «тронула даже судей». «Растроганные» судьи приговорили его къ 8 годамъ каторги.

Въ Акатуевской катор. тюрьмѣ, гдѣ находится нѣсколько десятковъ нашихъ товарищей [большинство — съ юга], недавно произведены звѣрскія избіенія. Количество пострадавшихъ пока невыяснено.

Изъ Нарымскаго края намъ сообщаютъ, что за послѣдніе два мѣсяца удалось бѣжать нѣсколькимъ нашимъ товарищамъ (Бруммеръ, Богуславскій, Безручко, Нечаевскій, Бурштейнъ), но огромное количество вновь прибывающихъ товарищей приводитъ въ отчаяніе. Правительство съ осо-

бенной яростью обрушивается на нарымцевъ. Въ то время, какъ въ Архангельской и Вологодской, ссыльные получаютъ по 8—9 руб., нарымцамъ ежемѣсячное пособіе уменьшено съ 3 р. 30 к. на 1 р. 80 к. Прибавьте къ этой выразительной цифрѣ пособія голодъ окружающихъ крестьянъ, отсутствіе всякихъ заработковъ и сильнѣйшія вьюги, буквально сваливающія съ ногъ,—и вы получите наиболѣе яркое представленіе о томъ, куда зашла наша „конституція".

Мы получили отчетъ Московскаго Комитета Междупартійнаго Краснаго Креста, съ 18 ноября 1906 по 18 января 1907. Онъ вышелъ такъ поздно, п. ч. раньше отпечатанный отчетъ былъ конфискованъ. Поступленій за эти два мѣсяца было 9300 руб. [изъ Англіи, черезъ г-жу Г., 1710 р.] Расходовъ, въ Бутырскую тюрьму, въ Таганку, въ участки, отъѣзжающимъ, каторжанамъ, а также въ Архангельскъ [100 р.], въ Нарымъ [700] и въ Вологду (300), набралось 9159 р. Въ кассѣ, слѣдовательно, всего 141 р.

Нужда, по прежнему, очень большая. Недостатокъ въ тепломъ платьѣ и бѣльѣ — ужасный.

АНАРХИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Проэктъ программы грузинской партіи Соціалистовъ-федералистовъ. — На дняхъ мы получили проэктъ программы грузинской партіи соціалистовъ-федералистовъ, написанный на грузинскомъ языкѣ. Проэктъ этотъ распадается на слѣдующія части:

1. Основные принципы и схема развитія современныхъ общественныхъ отношеній. 2. Борьба классовъ. 3. Капитализмъ. 4. Соціальная революція. 5. Коммунизмъ. 6. Государство. 7. Федерализмъ. 8. Наша тактика. 9. Практическія цѣли нашей повседневной борьбы.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ происхожденіе этого проэкта программы, который правильнѣе было бы назвать краткимъ изложеніемъ принциповъ анархизма:

Въ первой конференціи грузинскихъ революціонныхъ группъ, состоявшейся въ 1904 году въ Женевѣ, на которой было положено начало партіи соц. федералистовъ, самое дѣятельное участіе принимали анархисты: добрую половину протоколовъ конференціи занимали рѣчи и доклады анархистовъ. Доклады эти, отпечатанные и распространяемые въ Грузіи, оказали должное вліяніе на судьбу партіи соц. федералистовъ и въ ней съ самаго начала намѣтились два теченія: федералисты политическаго толка и федералисты соціалисты, очень близко стоящіе къ анархизму. Это послѣднее крыло партіи всегда имѣло симпатію и влеченіе къ анархизму. Съ пріѣздомъ въ Грузію товарища К. Оргеіани, который началъ работать среди федералистовъ, эта послѣдняя тенденція еще болѣе увеличилась. Оргеіани былъ приглашенъ на 2-ю конференцію партіи, которая должна была положить конецъ идейному раздвоенію партіи.

На этой послѣдней конференціи, имѣвшей мѣсто въ іюлѣ мѣсяцѣ 1906 года, два вышеназванныя теченія рѣзко столкнулись между собою: программа умѣренныхъ, которыхъ можно назвать демократами-федералистами, была отвергнута конференціей и огромное большинство присоединилось къ взглядамъ, выраженнымъ Оргеіани. Тутъ же на конференціи была избрана коммиссія, состоящая изъ 7-ми человѣкъ, (2 анархиста, 3 соц. федералиста-максималиста и 2 соц. федералиста минималиста), которой было поручено составить новую программу для представленія ея на 3-й съѣздъ. Коммиссія въ свою очередь, единогласно, поручила составленіе этой программы товарищу Оргеіани, что послѣднимъ и было сдѣлано. Большинствомъ голосовъ (5 противъ 2) коммиссія приняла эту программу, которая потомъ была отпечатана въ видѣ брошюры, заключающей въ себѣ 122 стр.

Въ настоящее время программа эта, или вѣрнѣе проэктъ программы, обсуждается въ партійной прессѣ и партійныхъ организаціяхъ. Какова бы ни была его дальнѣйшая судьба, будетъ ли онъ принятъ на 3-мъ съѣздѣ федералистовъ или нѣтъ, одно несомнѣнно — онъ будетъ имѣть большое значеніе въ смыслѣ распространенія нашихъ взглядовъ среди грузинскаго народа.

Мы получили прокламацію (на еврейскомъ языкѣ) минской группы ан.-ком. подъ заглавіемъ: „Выборная кампанія или революція" (янв. 1907 г.) Въ прокламаціи указывается на перемѣну тактики соціалистовъ въ Россіи и на соотвѣтственную эволюцію въ западно-европейскихъ странахъ.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

„ВЕСНА" ВЪ ГЕРМАНІИ.

Если судить о германскомъ рабочемъ движеніи исключительно по его органамъ печати и конгрессамъ, можно положительно отчаяться въ его судьбахъ. Нѣмецкій рабочій представляется какимъ-то покорнымъ существомъ, всецѣло повинующимся велѣніямъ своего депутата и отдающаго въ его руки всю свою судьбу. Но не такъ стоитъ дѣло въ дѣйствительности. Когда, два года тому назадъ д-ръ Фридбергъ, анархистъ, залѣзъ на собраніи въ Feenpalast, гдѣ было 3000 человѣкъ, что онъ не прольетъ ни единой слезы о парламентаризмѣ, который все болѣе и болѣе обнаруживаетъ свое безсиліе; что пролетаріатъ освободится не иначе какъ своими собственными усиліями, путемъ революціонной всеобщей стачки — такое заявленіе было встрѣчено съ восторгомъ, и была принята соотвѣтственная резолюція. «Localgewerkschaften» («мѣстные» рабочіе союзы) *)—организація, насчитывающая 16.000 членовъ (изъ которыхъ 11.000 въ Берлинѣ, остальные — въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи)— приняли взгляды Фридберга. Такъ называемые „свободные" или соціальдемократическіе союзы обыкновенно считаются въ Германіи реформаторскими; однако и изъ нихъ многіе приглашали Фридберга говорить на своихъ собраніяхъ. Тамъ не только внимательно прислушивались къ его рѣчамъ, но и проявляли къ его анархо-синдикалистскимъ идеямъ, большую симпатію. Анархическая печать выпускаетъ въ настоящее время въ Германіи еженедѣльно 10.000 экземпляровъ (ея изданія — еженедѣльныя). Рядомъ съ ними существуетъ, кромѣ того, органъ „мѣстныхъ" союзовъ — „Einigkeit" („Единеніе") издающейся приблизительно въ количествѣ 16.000 экземпляровъ. Всѣ эти газеты проповѣдуютъ «прямое воздѣйствіе», антимилитаризмъ и всеобщую стачку. Сознаніе своей силы и своей самостоятельности сильно возросло въ нѣмецкомъ рабочемъ мірѣ, сравнительно съ прежнимъ. Рабочіе относятся все болѣе и болѣе критически къ своимъ центральнымъ комитетамъ и центральнымъ секретарямъ. Ихъ вѣра въ значеніе парламентаризма значительно поколебалась. Правда, новому духу приходится бороться съ значительными препятствіями. Его враги — не только капитализмъ и буржуазное государство: онъ сталкивается еще съ цѣлой толпой тѣсно сплоченныхъ между собою секретарей рабочихъ организацій; объединенные между собою во всей Германіи, они представляютъ собою сильное и властолюбивое меньшинство, враждебное новому направленію. Это направленіе охватило пока лишь меньшинство членовъ нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ. Секретари и редакторы газетъ держатъ въ рукахъ почти всю прессу и всю компактную массу рабочихъ, еще проникнутыхъ старымъ духомъ; кромѣ того этимъ людямъ, помимо ихъ функцій въ организаціи, не приходится дѣлать никакой другой работы и они всецѣло располагаютъ своимъ временемъ: вотъ почему несвѣдущій наблюдатель можетъ подумать, что „весна" въ Германіи еще не настала, что заря еще не занялась. Но столкновенія рабочихъ съ правительственной силой въ Гамбургѣ, въ Бреславлѣ, въ Нюренбергѣ служатъ признакомъ того, что мало по малу и у нѣмецкаго рабочаго пробуждается сознаніе своего достоинства, что онъ начинаетъ терять уваженіе къ законности.

Въ массѣ, нѣмецкіе рабочіе союзы еще остаются пока реформистскими. Но въ средѣ „мѣстныхъ" союзовъ существуетъ сильная группа пропагандистовъ новыхъ идей, идей революціоннаго синдикализма. Соціальдемократическая партія вынуждена, впрочемъ, уже считаться съ этими людьми. Наперекоръ реформистскимъ союзамъ, принадлежащимъ къ партіи, на конгрессѣ въ Мангеймѣ партія не согласилась исключить немедленно революціонныхъ синдикалистовъ, т. е. анархо-синдикалистовъ, а дала имъ годичную отсрочку, съ тѣмъ, чтобы они за это время одумались.

Одинъ фактъ показываетъ ясно, какъ измѣнился духъ внутри самой партіи: сынъ стараго Либкнехта, бывшаго въ старомъ Интернаціоналѣ самымъ ярымъ врагомъ идей революціоннаго синдикализма, во многомъ заимствуетъ идеи у французскаго синдикализма. Недавно вышла его книга,

---

*) «Мѣстные» рабочіе союзы, получили свое названіе отъ своихъ федералистическихъ стремленій, которыя заставили ихъ отдѣлиться отъ сильно централизованныхъ нѣмецкихъ профессіональныхъ организацій. Оффиціально примыкая къ соціальдемократической партіи, «мѣстные» союзы тѣмъ не менѣе приняли программу анархо-соціалистовъ [тенденція Фридберга]. Прим. ред.

озаглавленная „Милитаризмъ и антимилитаризмъ", представляющая собою ничто иное, какъ достушное для соціальдемократовъ изложеніе анархо-соціалистическихъ идей на соціальдемократическомъ языкѣ. Черезъ часъ по ложкѣ, какъ того требуетъ больной организмъ нѣмецкихъ соціальдемократовъ, онъ преподноситъ своимъ товарищамъ родъ анархо-соціализма, нѣсколько смягченнаго и ослабленнаго бранью по адресу анархистовъ. Но что это дѣлается, и притомъ дѣлается членомъ Рейхстага, это уже — признакъ сильной перемѣны съ умахъ рабочаго міра Германіи. И когда „Leipziger Volks eitung" — органъ Меринга—заявляетъ на другой день послѣ выборовъ въ Рейхстагѣ, что парламентаризмъ не есть одинъ изъ принциповъ соціальдемократіи, это также несомнѣнно означаетъ, что въ психологіи нѣмецкаго рабочаго движенія происходитъ эволюція, которая есть ничто иное, какъ отказъ отъ главнаго принципа соціальдемократіи, въ томъ видѣ въ какомъ она была до сихъ поръ.

Мы твердо увѣрены въ томъ, что въ Германіи находятся въ наличности всѣ условія для того, чтобы идеи революціоннаго синдикализма, идеи анархо-соціализма, получили въ короткій срокъ сильное развитіе. Старая тактика не оправдала себя, самосознаніе массы возросло, а вмѣстѣ съ нимъ и сознаніе человѣческаго достоинства и рѣшимость не имѣть больше господина, и стремленіе къ автономіи, къ федерализму, къ захватному порядку, къ революціонной всеобщей стачкѣ. Нѣмецкіе товарищи обладаютъ въ высокой степени смѣлостью и силою сопротивленія. Скоро они утратятъ и послѣдніе слѣды казарменнаго духа. Черезъ два года такъ-называемые „свободные" соціальдемократическіе союзы станутъ революціонно-синдикалистскими.

Фрицъ Брупбахеръ.

Въ Германіи происходилъ недавно (31 марта и 1-го апр.) интересный конгрессъ—пятый конгрессъ германской анархической федераціи. Мы дадимъ о немъ отчетъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ; пока вотъ перечень обсуждавшихся вопросовъ: 1) Необходимость организаціи (докладчикъ Эртеръ, изъ Берлина); 2) Идея и тактика анархизма [докладчикъ д-ръ Фридбергъ, изъ Берлина]; 3) Антимилитарная пропаганда [докладчикъ Древесъ изъ Ганновера]; 4) Анархизмъ и Религія [докладчикъ Кеттенбахъ изъ Висбадена]; 5] Печать [докладчикъ Фраубозе, изъ Берлина]; 6] Амстердамскій конгрессъ.

Анархическая газета «Freie Arbeiter» вновь подверглась преслѣдованіямъ. № 8-й конфискованъ; онъ былъ посвященъ главнымъ образомъ антимилитарной пропагандѣ.

БОЛГАРІЯ.

Въ послѣдніе годы анархическое движеніе проникло и въ Болгарію. Были переведены на болгарскій языкъ нѣкоторыя, наиболѣе популярныя анархическія брошюры, стали основываться группы. Недавно появился и первый періодическій органъ—«Свободно Общество». Насколько можно судить по первому номеру, направленіе газеты совпадаетъ съ нашимъ; въ немъ, между прочимъ, переведенъ помѣщенный въ № 2 Листковъ „Хлѣбъ и Воля" докладъ П. Кропоткина «Наше отношеніе къ крестьянскимъ и рабочимъ союзамъ». Изъ оригинальныхъ статей одна — обще-теоретическаго содержанія («Какъ можно больше счастья и какъ можно больше свободы»), другая касается мѣстнаго вопроса — борьбы учительскаго союза съ правительствомъ. Къ сожалѣнію, въ настоящую минуту изданіе пріостановилось: правительственныя гоненія, послѣдовавшія за убійствомъ перваго министра Петкова, обрушились прежде всего на анархистовъ. Петровъ — убившій Петкова — не анархистъ, и самый актъ его, повидимому, скорѣе дѣло личной мести; но это не помѣшало полиціи арестовать всѣхъ извѣстныхъ ей анархистовъ. Типографія газеты закрыта, отвѣтственный редакторъ, Михаилъ Герджиковъ, арестованъ, а вмѣстѣ съ нимъ всѣ его знакомые и всѣ тѣ, у кого при обыскѣ случалось найти хотя бы одинъ экземпляръ «Свободнаго Общества». Пострадали и тѣ немногіе русскіе и польскіе студенты, которые оказались въ Софіи. Газеты, конечно, кричатъ объ обширномъ анархическомъ заговорѣ, о множествѣ бомбъ, о тайныхъ обществахъ и т. д. Повсюду ходятъ тучи шпіоновъ; къ Софіи стянуты войска со всѣхъ концовъ страны. Министры ѣздятъ по улицамъ, не иначе какъ въ сопровожденіи толпы шпіоновъ и конныхъ жандармовъ. Обыватели такъ запуганы, что боятся выходить изъ домовъ, изъ опасенія быть принятыми за анархистовъ и схваченными.

Болгарія окончательно становится «европейскимъ» государствомъ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АНАРХИЧЕСКИЙ КОНГРЕССЪ.

Мы уже говорили о предполагающемся международномъ анархическомъ съѣздѣ; въ № 8 нашей газеты было перепечатано воззваніе группы иниціаторовъ этого дѣла и было указано на рядъ возможныхъ вопросовъ, и возраженій. Анархическая печать и анархическія организаціи разныхъ странъ начали уже высказываться по этому поводу; выдвигаются, кромѣ того, и новыя соображенія, въ началѣ не предвидѣнныя. Интересныя статьи, принадлежащія тов. Дюпуа, находимъ мы въ французскомъ анархическомъ органѣ „Temps Nouveaux" *). Охарактеризовавъ эволюцію парламентскихъ соціалистическихъ партій, приведшую ихъ къ чистому реформаторству, и нарожденіе революціоннаго синдикализма, который вывелъ рабочее, профессіональное движеніе изъ узко-корпоративныхъ рамокъ и поставилъ его на истинно-соціалистическую точку зрѣнія, Дюпуа указываетъ на то, что рядомъ съ профессіональными союзами должны существовать и группы идейныя, партійныя; у нихъ есть своя задача и своя работа. Синдикаты, говоритъ онъ, поставили себѣ цѣль — соціальную революцію, и избрали путь къ ней — всеобщую стачку. Но это — только начало. Какая же организація труда замѣнитъ собою наемный трудъ? Каковъ будетъ порядокъ распредѣленія и потребленія? Организуется ли новое общество, какъ коллективистическое или какъ коммунистическое? Останется ли власть — правительство, судъ и т. д.? Всѣхъ этихъ вопросовъ синдикализмъ не разрѣшаетъ и — по мнѣнію Дюпуа — разрѣшить не можетъ. Кромѣ того, идейныя группы должны составлять авангардъ рабочаго движенія — не для того, чтобы руководить имъ, а для того чтобы служить ему своею пропагандою и агитаціею. Вотъ для созданія и развитія такихъ то организацій и можетъ имѣть значеніе международный конгрессъ. «Прежде же всего, заключаетъ тов. Дюпуа, онъ долженъ опредѣлить нѣкоторыя понятія, формулировать нѣкоторые принципы, разсѣять нѣкоторыя неясности, нѣкоторыя недоразумѣнія, отъ которыхъ страдаетъ анархизмъ».

Что касается изданнаго воззванія, то тов. Дюпуа критикуетъ его во многихъ пунктахъ, не столько по высказаннымъ идеямъ, сколько по формулировкѣ. Почему конгрессъ названъ «рабочимъ»? Соберутся въ Амстердамъ анархисты, какъ рабочіе, такъ и интеллигенты; кромѣ того, и разсматриваемые вопросы не будутъ спеціально рабочими. Можетъ быть организаторы хотѣли показать, что рѣчь будетъ идти объ анархизмѣ какъ рабочемъ движеніи, и что на съѣздѣ не будетъ мѣсто разнымъ диллетантамъ съ индивидуалистической подкладкой? Отлично, но это еще не дѣлаетъ самого конгресса «рабочимъ». Предоставимъ соціальдемократіи отождествлять себя, въ цѣляхъ привлеченія рабочихъ избирателей, съ рабочимъ классомъ и съ рабочимъ движеніемъ.

Въ Амстердамѣ соберутся, не делегаты опредѣленнаго класса, а борцы за опредѣленную идею, а это не одно и то же. Другое недоразумѣніе можетъ вызвать та фраза воззванія, гдѣ говорится, что на съѣздъ приглашаются не только анархическія группы и анархисты вообще, но и делегаты, или отдѣльные дѣятели рабочихъ синдикатовъ. Синдикатамъ, какъ цѣлымъ, не приходится идти ни въ Штутгартъ къ соціальдемократамъ, ни въ Амстердамъ, къ анархистамъ. Во Франціи, анархистамъ удалось вырвать синдикаты изъ рукъ соціальдемократіи и сдѣлать ихъ самостоятельными; не имъ теперь придавать имъ партійность въ обратную сторону. Можетъ быть въ Голландіи и въ Бельгіи вопросъ стоитъ иначе, но мы, французы, заключаетъ Дюпуа, будемъ отстаивать автономію и нейтральность рабочаго движенія.

Кромѣ того, организаторы, по мнѣнію Дюпуа, предрѣшаютъ вопросъ, когда говорятъ, что цѣль конгресса — созданіе международной организаціи: это еще подлежитъ обсужденію на самомъ конгрессѣ. Самъ Дюпуа лично не считаетъ, чтобы конгрессы могли создавать что нибудь практическое. Обмѣнъ идей, свѣденій, соображеній — вотъ все, что они могутъ дать; выводить заключенія и дѣйствовать — задача отдѣльныхъ организацій и лицъ.

---

*) 1 дек. 1906., 16 февр. 1907 г.

Въ той же газетѣ «Temps Nouveaux» *) мы находимъ статью тов. Фуссъ-Аморе. Фуссъ-Аморе принадлежитъ къ бельгійской организаціи, т. е. къ группѣ иниціаторовъ, и статья его написана отчасти для защиты ея плана и ея взглядовъ на предстоящій съѣздъ. Никто не думаетъ, отвѣчаетъ онъ на опасанія тов. Дюпуа, навязывать ту или иную организацію всѣмъ участникамъ конгресса, но почему бы делегатамъ тѣхъ странъ и мѣстностей, гдѣ существуютъ анархическія федераціи — какъ напр. въ Германіи, въ Богеміи, въ Бельгіи, въ Голландіи, въ романской Швейцаріи, въ Лондонѣ — не обсудить вопросъ и не попытаться установить между собою постоянную связь? Во всякомъ случаѣ, бельгійская федерація сдѣлаетъ въ этомъ отношеніи все возможное.

Что касается участія синдикатовъ, то вотъ какъ представляютъ себѣ его бельгійскіе товарищи: какъ организація, синдикатъ, не объявляющій себя анархическимъ не можетъ быть на съѣздѣ; такъ бельгійская конфедерація Труда, хотя и состоящая главнымъ образомъ изъ анархистовъ, не можетъ участвовать въ немъ, но ея отдѣльные дѣятели будутъ тамъ, индивидуально или отъ лица анархическихъ организацій.

Кромѣ вопроса объ организаціи, на обсужденіе предлагаютъ до сихъ поръ поставить еще два: 1] отношеніе между анархизмомъ и синдикальнымъ движеніемъ и 2] анархизмъ и религія. Первый несомнѣнно, — одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ для судьбы нашего движенія. Нужно только замѣтить, что обсужденіе его будетъ имѣть значеніе главнымъ образомъ для пропаганды: взгляды анархистовъ на этотъ вопросъ станутъ болѣе извѣстны въ широкой публикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ товарищескихъ дебатахъ; можетъ быть удастся анархистамъ-синдикалистамъ повліять на анти-синдикалистское меньшинство своихъ товарищей. На практикѣ же вопросъ можетъ считаться, собственно, рѣшеннымъ, и тов. Фуссъ-Аморе правъ, когда онъ говоритъ, что „нѣтъ такой страны, гдѣ анархисты не старались бы внести анархическій духъ въ дѣятельность синдикатовъ, разсматриваемыхъ, какъ существенные элементы революціоннаго движенія". — Второй вопросъ [анархизмъ и религія] представляетъ интересъ только для нѣкоторыхъ странъ; онъ предложенъ голландцами, которымъ приходится сталкиваться съ такъ называемыми „христіанскими анархистами".

Многое остается еще не выясненнымъ, и прежде всего: кто будетъ участвовать въ конгрессѣ? Бельгійскіе товарищи считаютъ, что нужно принимать всѣхъ анархистовъ, признающихъ организацію, лондонскіе товарищи съуживаютъ составъ конгресса и предлагаютъ ограничиться одними анархистами-синдикалистами. До сихъ поръ, однако, слишкомъ малое число группъ и товарищей высказалось по этому поводу, а это — существеннѣйшій вопросъ, разрѣшить который необходимо заранѣе во избѣжаніе всякихъ столкновеній и расколовъ на самихъ засѣданіяхъ.

Наши русскіе товарищи до сихъ поръ еще не высказали своего отношенія къ проэкту съѣзда. Каково бы ни было это отношеніе, намъ кажется, что желательно было бы во всякомъ случаѣ обсудить вопросъ и — приметъ ли или не приметъ та или другая группа участіе — вступить въ сношенія съ товарищами другихъ странъ. Не будемъ забывать, что мы — не только русскіе анархисты, но и члены международной анархической семьи и что мы должны откликаться такъ или иначе на все, что волнуетъ нашихъ западно-европейскихъ товарищей.

*) 9 марта.

БИБЛІОГРАФІЯ.

СОЧИНЕНІЯ М. А. БАКУНИНА.

(Окончаніе).

Воспроизведя «Письма Французу» въ томъ видѣ, въ какомъ они были изданы [съ сокращеніями] въ сентябрѣ 1870 года, Гильомъ воспроизводитъ также и полную рукопись Бакунина, какъ она сохранилась у него донынѣ. Затѣмъ, третья часть тома занята воспроизведеніемъ брошюры, «Кнуто-Германская Имперія и Соціальная Революція», изданной въ 1871 году.

Теперь оказывается, что эта книжка въ 119 стр. составляетъ часть обширнаго сочиненія, которое Бакунинъ началъ сперва въ видѣ письма, послѣ попытки возстанія въ Лионѣ, 28-го сентября 1870 года; впослѣдствіи онъ хотѣлъ сдѣлать изъ этого письма брошюру, и наконецъ, продолжая писать, увидалъ что оно разростается до цѣлой книги. «Кнуто-Германская Имперія и Соціальная революція», въ которую вошли первые 138 листовъ Бакунинской рукописи, должна была составить первый выпускъ. Но наступило возстаніе Коммуны, и печатаніе было оставлено.

Много лѣтъ спустя, Элизе Реклю и Кафьеро издали листы 149 — 247 той же рукописи, подъ заглавіемъ „Богъ и Государство", и Предисловіе ко 2-му выпуску, написанное въ 1871 году, подъ заглавіемъ „Парижская Коммуна и понятіе о Государствѣ".

Затѣмъ, Неттлау, разыскавши въ Женевѣ листки 286—340 той же рукописи, составлявшіе добавленіе къ листу 285-му, издалъ ихъ, тоже подъ заглавіемъ «Богъ и Государство», въ первомъ томѣ «Сочиненій» Бакунина въ изданіи Stock'a. Такимъ образомъ остаются неизданными только листы 248—285 и одно предисловіе, которые Гильомъ намѣренъ издать въ 3-мъ томѣ.

Начало книжки «Кнуто-Германская Имперія и Соціальная революція» трактуетъ о томъ же вопросѣ, что и «Письма Французу», т. е. о необходимости возстанія деревень и городовъ, чтобы выгнать нѣмецкія арміи изъ Франціи. Затѣмъ Бакунинъ разбираетъ, что представляетъ собою современная Германія.

Въ первой части, есть превосходныя страницы о буржуазіи и рабочихъ, о «дисциплинѣ», о ложныхъ надеждахъ, возлагаемыхъ на всеобщую подачу голосовъ [неизбѣжно ложныхъ при современномъ порабощеніи труда], о крестьянскомъ возстаніи, о принципѣ государственности, о буржуазныхъ революціонерахъ и ихъ безплодности, и т. д. Рядъ блестящихъ страницъ, изъ которыхъ мы рады были бы дать выдержки, и которыя обязательно прочесть всякому анархисту.

Тоже самое надо сказать и о страницахъ, посвященныхъ Германіи и ея развитію.

Теперь намъ остается только пожелать, чтобы издатель «Сочиненій» Бакунина въ Россіи воспользовался всѣмъ этимъ прекраснымъ трудомъ Гильома и далъ бы Россіи изданіе, вполнѣ достойное великаго революціонера. П. К.

РЕЗОЛЮЦІЯ

Собраніе А. К. 14 марта 1907 г. въ Женевѣ предстояло разобрать обвиненіе противъ товарища М. Сергѣева въ провокаціи. Но въ виду того, что, какъ выяснилось на собраніи, обвиненіе исходило отъ товарища, извѣстнаго, какъ человѣка мнительнаго, относительно котораго въ аналогичномъ случаѣ*) была уже вынесена резолюція, ставящая на видъ его легкомысліе, собраніе считаетъ лишнимъ заниматься этимъ дѣломъ.

*) См. Листки „Х. и В." №№ 4 и 7.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Случайно на дняхъ ко мнѣ попала брошюра: «Т. Ростовцевъ. Наша тактика. Главы I и II. Типографія Женевской организаціи А.-К. всѣхъ фракцій». Брошюру я не буду разбирать, — она не изъ такихъ, о которыхъ можно говорить серьезно. Я хочу только заявить, что никакой типографіи женевской организаціи А.-К. не существуетъ, въ чемъ я могъ убѣдиться лично на мѣстѣ. К. Оргеіани.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено за литературу., изъ Парижа, черезъ М. Г., 56 фр., 60 сант.; изъ Цюриха, черезъ К. Т., 43 франка. Просятъ того кто прислалъ 2 фр. 95 сант. черезъ Temps Nouveaux, изъ одного германскаго города, возобновить свой адресъ.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шилингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E

Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris

E. Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kushniaroff, 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ!

№ 13. — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 26 АПРѢЛЯ 1907 г.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ДУМѢ.

Чѣмъ болѣе Дума подвигается въ обсужденіи крупныхъ вопросовъ — а тѣмъ болѣе земельнаго, — тѣмъ яснѣе становится, что, какъ законодательное собраніе, она ничего не сможетъ сдѣлать существеннаго. Представляя собою, какъ и всякій парламентъ, по преимуществу старыя, до-революціонныя понятія, а не революцію, — буржуазію, а не народную бѣдноту, — Дума можетъ придти къ соглашенію и выразить въ формѣ законовъ, лишь самыя скромныя *полу-мѣры*, но отнюдь не тѣ мѣры, которыя могли бы усилить производительность русскаго народа, внести бодрость въ оголодавшія деревни и поднять весь темпъ народной жизни.

Пренія по земельному вопросу, конечно, интересны. Они выясняютъ взгляды разныхъ партій. Но дѣла они не подвигаютъ. Нѣкоторыя рѣчи, какъ напр. Евреинова (с.-р.) или Алексинскаго (с.-д.), если ихъ отпечатать въ видѣ народническихъ брошюръ, были бы очень хороши для пропаганды, — для выясненія взглядовъ на землю. Не столько, можетъ быть, для крестьянъ, которые отлично знаютъ, что господа ихъ обобрали, сколько для молодыхъ революціонеровъ, которые учились по соц.-дем. книжкамъ и вѣрили, что обнищаніе крестьянъ — „роковой экономическій процессъ“, вѣрнымъ путемъ ведущій къ соціализму.

Образовательное значеніе, въ смыслѣ уясненія прошлаго и критики настоящаго (но не выработки идеаловъ будущаго), Дума будетъ имѣть. Но законодательное ея значеніе, въ смыслѣ подготовки лучшаго будущаго, болѣе чѣмъ сомнительно. Скажемъ правду: оно невозможно.

До нѣкоторыхъ, самыхъ жгучихъ и настоятельныхъ вопросовъ русской жизни, Дума, въ своемъ двадцатомъ засѣданіи, такъ еще и не добиралась. Только вскользь, случайно, были они затронуты — напримѣръ, въ рѣчахъ польскихъ депутатовъ: Стецкаго объ автономіи частей Россійской имперіи и Жуковскаго о государственномъ капитализмѣ, разоряющемъ русскій народъ, или казака Караулова объ общинномъ самоуправленіи. А при обиліи рѣчей (каждая — по часу и болѣе!!), неизвѣстно, когда еще Думѣ удастся добраться до этихъ вопросовъ, — тѣмъ болѣе что каждую недѣлю наши бюрократы преподносятъ ей, въ видѣ законопроектовъ, по десятку и болѣе своихъ, свѣже-испеченныхъ ими — все, больше комомъ — блиновъ.

Конечно, главная работа будетъ происходить въ коммисіяхъ. Но такъ какъ и въ коммисіяхъ стоятъ другъ противъ друга тѣже направленія, то шансовъ на соглашеніе между ними очень мало.

По земельному вопросу, главныя направленія уже опредѣлились, хотя окончательныя программы партій еще не готовы. Всѣ признаютъ, что дальше оставаться на своихъ теперешнихъ надѣлахъ, крестьяне не могутъ. Раньше, чѣмъ переходить къ высшей обработкѣ, имъ необходимо больше земли. Но гдѣ и какъ ее взять?

Правые, а съ ними и правительство, стоятъ на томъ, что требуется только *облегчить покупку* земель крестьянамъ, въ одиночку и обществами. Но никакого принудительнаго отчужденія они не допускаютъ. Затѣмъ — непремѣнно уничтожить общину (это абсолютное требованіе всѣхъ крупныхъ эксплуататоровъ) и развить буржуазное землевладѣніе, съ обработкой земли батраками, какъ средство распространить интенсивное хозяйство. Того же мнѣнія держится громадное большинство помѣщиковъ, причемъ крупные (напр. Бобринскіе), пользуясь своимъ мѣстнымъ вліяніемъ, торопятся всучить свои земли крестьянскому банку, по 130 и до 220 руб. за десятину, для перепродажи крестьянамъ.

Противъ этого стоятъ всѣ лѣвыя, которыя требуютъ *отчужденія земель государствомъ*, — у монастырей, удѣловъ и помѣщиковъ, для прирѣзки крестьянамъ, при помощи земельныхъ коммисій, на мѣстахъ. При этомъ конституціонные демократы (кадеты) требуютъ, чтобы отчужденіе было сдѣлано *съ выкупомъ* — среднимъ числомъ, рублей по 80-и за десятину, причемъ государство возмется выплатить помѣщику 60 руб. (или же зачтетъ его долгъ дворянскому банку), а крестьяне выплатятъ остальные 20 рублей. Насчетъ общины, кадеты ничего, повидимому, не рѣшаютъ.

Съ другой стороны, соц.-дем. и соц.-рев. стоятъ за *отчужденіе безъ выкупа*. По плану соц.-дем. вся земля становится собственностью государства, которое и раздаетъ ее внаймы отдѣльнымъ лицамъ. Какъ и правые, они хотятъ уничтоженія общины и введенія хуторскаго хозяйства; но объ обезземеливаніи мужика и обращеніи его въ батраки, что-то нынче не слышно. Впрочемъ, такъ какъ соц.-дем. заранѣе увѣрены, что ихъ проектъ не будетъ принятъ, то чего собственно они хотятъ въ дѣйствительности — пока неизвѣстно.

Наконецъ, с.-ры тоже хотятъ отчужденія земли *безъ выкупа*. Но они предлагаютъ составить, только изъ отчужденныхъ земель, государственный земельный фондъ, изъ котораго выдавать надѣлы тѣмъ, кто самъ работаетъ на землѣ. Впрочемъ, все практическое рѣшеніе дѣла они желаютъ сейчасъ-же, ничего не предрѣшая въ Думѣ, передать земельнымъ комитетамъ, выбраннымъ всеобщею подачею голосовъ на мѣстахъ. Вопроса объ общинѣ они не предрѣшаютъ.

Такимъ образомъ, другъ противъ друга стоятъ три плана: вольная продажа земли, отчужденіе ея съ выкупомъ, отчужденіе безъ выкупа. Примирить эти три плана невозможно. И тѣмъ не менѣе Дума будетъ продолжать ихъ обсужденіе — быть можетъ, еще годъ, или два.

По одному земельному вопросу записано еще 80 членовъ, желающихъ говорить. Затѣмъ въ земельную коммисію выбрано девяносто человѣкъ!! Всѣ партіи и оттѣнки хотѣли быть въ ней представлены. И, какъ скромны ни будутъ эти 90 человѣкъ насчетъ разговоровъ, — на ихъ работу должны уйти мѣсяцы и мѣсяцы. Затѣмъ, ихъ работа будетъ внесена въ Думу, и опять начнется обсужденіе, какъ общихъ началъ, такъ и формулировки отдѣльныхъ статей закона. На все это потребуется, думаютъ русскія газеты, не менѣе нѣсколькихъ сессій.

Но если бы даже Дума, чудомъ, смастерила законъ въ два-три мѣсяца, на началахъ указанныхъ кадетами, — и тогда, какъ всякій новый законъ, онъ останется мертвою буквою, если на мѣстахъ не будетъ создана сейчасъ же цѣлая новая организація для проведенія его въ жизнь. Въ 1861 году такъ и было сдѣлано, для уничтоженія крѣпостнаго права; но теперь вся эта организація разбита въ дребезги, уничтожена. И чтобы законнымъ путемъ провести въ жизнь новыя земельныя отношенія, потребовалось бы *полное пересозданіе всего мѣстнаго самоуправленія на новыхъ началахъ*, — на что опять ушли бы цѣлые годы.

Выходитъ, слѣдовательно, что все, что можетъ сдѣлать Дума, это — начать ломку всего того самоуправнаго полицейскаго строя на которомъ зиждется теперь порабощеніе крестьянъ; эта ломка также неотложна, какъ и передача земли крестьянамъ, потому что послѣдняя, безъ первой, невозможна. Затѣмъ, что касается до земельнаго вопроса, — громко провозгласить новое начало: „Вся земля народу, — тѣмъ, кто воздѣлываетъ ее своими руками". Провозгласить принципъ, одухотворяющее страну начало, предоставивъ его выполненіе на мѣстѣ крестьянскому возстанію — это могла сдѣлать уже первая Дума, и сдѣлать съ успѣхомъ, такъ какъ реакція тогда еще не окрѣпла, какъ теперь. Если же Дума будетъ стремиться провести выработанный бюрократическій законъ, на это должны уйти годы, — и отъ принципа ничего не останется.

Смѣло начать ломку всей старой крѣпостной жизни Россіи, — непремѣнно по всѣмъ фронтамъ за-разъ, — городское устройство, крестьянское самоуправленіе, выборный судъ, военная повинность и т. д. и т. д. — и по каждому вопросу, всею Думою, кромѣ правыхъ, намѣтить, хотя въ общихъ чертахъ, основныя начала, на которыхъ могла бы создаться новая жизнь, — въ этомъ, и только въ этомъ, Дума могла бы, оказать, хоть какую нибудь услугу революціи.

Но именно этого она не сдѣлаетъ. Она сама слишкомъ пропитана бюрократическимъ началомъ, съ которымъ борятся изъ-за власти. Она сама слишкомъ буржуазна, и въ революцію она не вѣритъ.

Свое спасеніе — народъ найдетъ только въ себѣ самомъ.

П. Кропоткинъ.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

III.

Къ сожалѣнію, ни у рабочихъ, ни у сочувствовавшихъ имъ революціонеровъ изъ интеллигенціи, въ ту пору не было опредѣленнаго представленія о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, съ чего начать, чтобы идти къ рисовавшемуся передъ ними въ туманѣ идеалу соціальной республики. Интеллигенты жили традиціями якобинцевъ 1793-го года, а рабочій Интернаціоналъ едва начиналъ познавать себя и свои рабочія задачи.

Мысль о томъ, что рабочіе Парижа имѣютъ такое же право на всѣ дома въ столицѣ и на всѣ ея фабрики и заводы (нужные для дальнѣйшей жизни), какъ и буржуа, владѣющіе ими по закону, — эта мысль, которую и въ Интернаціоналѣ еще не рѣшались ставить открыто, была еще чужда рабочей массѣ.

Кромѣ того, присутствіе нѣмецкихъ армій вокругъ Парижа парализовало силу революціи. Всѣмъ было ясно, что если Коммуна выступитъ на путь соціальныхъ мѣръ, нѣмцы будутъ бомбардировать Парижъ и начнутъ его осаду, совмѣстно съ французскими арміями, которыя они съ этою цѣлью и выпустили изъ плѣна и привезли въ Версаль.

Война — дикая, жестокая со стороны Версальцевъ — началась уже черезъ двѣ недѣли послѣ провозглашенія Коммуны. 2-го апрѣля версальцы захватили врасплохъ одинъ пикетъ Коммуны и разстрѣляли его, а Галифе, наполеоновскій генералъ, теперь на службѣ у Тьера, хвастался этимъ въ своей прокламаціи. Ясно было, что война будетъ на жизнь или смерть.

Началась правильная осада Парижа версальцами, — съ траншеями и подступами, для постановки батарей. Парижъ окруженъ довольно прочными стѣнами, съ бастіонами и рвами, и кромѣ того, — цѣпью фортовъ, которые были теперь въ рукахъ Коммуны, за исключеніемъ одного, чуть ли не главнаго, Монъ Валерьена. Сюда, по оплошности нѣкоего Люлье и американскаго „генерала", Клюзерэ, назначеннаго военнымъ „министромъ", не было введено гарнизона отъ Коммуны, а удовольствовались обѣщаніемъ коменданта, оставаться нейтральнымъ *). Обѣщаніе это, конечно, было нарушено. Когда, 3-го апрѣля часть парижанъ, возмущенныхъ поведеніемъ Галифе, рѣшила идти походомъ на Версаль и двинулась двумя колоннами — одна на Кламаръ, а другая мимо Монъ-Валерьена (полагаясь на его нейтралитетъ), комендантъ этого форта внезапно открылъ смертоносный огонь по второй колоннѣ, вслѣдствіе чего произошла, конечно, паника, которою Версальцы едва не воспользовались, чтобы ворваться въ Парижъ **).

Разъ началась война съ Версалемъ, военная защита Парижа неизбѣжно поглотила все вниманіе. Но якобинцы и бланкисты, составлявшіе большинство правительства въ Коммунѣ, не поняли одного: что успѣхъ всякой войны зависитъ, прежде всего, отъ численности арміи („богъ войны всегда на сторонѣ крупныхъ батальоновъ", говорилъ Наполеонъ), и что въ революціонной войнѣ численность арміи прямо зависитъ отъ того, насколько революціонно начавшееся движеніе. Чтобы защищать Парижъ надо было поднять все его рабочее населеніе; а поднять, его можно было только, показавши рабочимъ, — фактами обыденной жизни, — что для нихъ начинается новый строй общества, новая эра, эра *соціальной революціи*.

Между тѣмъ, въ то время, какъ во всякой рабочей семьѣ стоялъ вопросъ, — чѣмъ заплатить за квартиру, и гдѣ на завтра достать хлѣба? — ничего не было сдѣлано,

*) Безтолковое поведеніе Клюзерэ въЛіонѣ, при объявленіи Бакунинымъ Коммуны въ Ліонѣ, а потомъ въ Марсели, могло бы впрочемъ открыть глаза. Лично онъ былъ очень храбръ, но народной войны не понималъ.

**) Въ этомъ дѣлѣ былъ убитъ Бержере, „генералъ Коммуны, и взятъ въ плѣнъ Элизе Реклю, бывшій въ рядахъ, въ своемъ батальонѣ.

чтобы показать рабочему, что *въ Коммунѣ, для человѣка, готоваго работать, такихъ вопросовъ уже не можетъ быть*. Необходимости это сдѣлать, большинство членовъ Коммуны не понимало. — „Черезъ Коммуну мы пойдемъ къ соціализму“, говорили они; тогда какъ только соціалистическими мѣрами можно было вдохновить рабочую массу на защиту Коммуны.

Самая идея, создать *въ революціонной Коммунѣ — правительство*, была ложная и пагубная идея. Только оставаясь въ тѣсной, ежечасной связи съ народомъ, могли эти революціонеры стать на высоту своего положенія. Вмѣсто того, они ушли отъ народа, заперлись отъ него, какъ самые обыкновенные бюрократы. Вмѣсто того, чтобы *вмѣстѣ съ народомъ, пользуясь народнымъ умомъ*, искать вмѣстѣ съ нимъ, — что дѣлать, они, отдѣлившись отъ него, съ первыхъ же дней брались, какъ всѣ правители всѣхъ временъ, „сдѣлать“ то-то, „рѣшить“ то-то, „излечить раны“, „возстановить промышленность и трудъ“, „двинуть впередъ всю жизнь общества“...

Погибнуть на барикадахъ, — это они могли, и дѣйствительно погибли, какъ герои. Но войти въ образъ мыслей рабочей массы, жить и думать съ нею, — это было свыше ихъ силъ. Народу — они были чужаки.

Со времени первой осады нѣмцами, большая часть парижской промышленности остановилась. Заработка не было, за квартиры платить было нечѣмъ, и у большинства рабочихъ накопились крупныя недоимки. И домовладѣлецъ, и рабочій пострадали отъ войны, но рабочій пострадалъ конечно гораздо больше хозяина, а потому, было бы простой справедливостью, признать, что платить за квартиры *ничего не слѣдуетъ*. Но этого Коммуна не сдѣлала. Она объявила, правда, что квартиранты могутъ не платить за послѣдніе девять мѣсяцевъ, по 1 апрѣля 1871. Но когда было указано, какія нужны дальнѣйшія мѣры, чтобы указъ пересталъ быть простою бумагою и перешелъ въ жизнь, — то ничего, для этого, не было сдѣлано *).

Но чѣмъ кормиться было рабочему? Чѣмъ кормиться семьѣ того, кто проводилъ недѣли за недѣлями въ бастіонахъ на стѣнахъ Парижа? — Имъ Коммуна назначила всего полтора франка въ день — шестьдесятъ коп҃ѣекъ! И это — въ осажденномъ городѣ, гдѣ цѣны на припасы снова поднялись до невозможности. И это — тогда, когда Коммуна имѣла въ своемъ распоряженіи Французскій Національный Банкъ, который она охраняла отъ грабежа, и изъ котораго ни одно правительство, раньше, не задумывалось черпать нужныя ему на расходы суммы. Вмѣсто того, Коммуна великодушно заняла у банка только восемь милліоновъ франковъ (меньше 3,000,000 руб.) сверхъ тѣхъ десяти милліоновъ, которые лежали въ банкѣ на счету у города Парижа.

Демократизмъ Коммуналистовъ былъ таковъ, что самое высокое жалованье, которое могъ получать кто нибудь въ Коммунѣ было опредѣлено ею въ 6000 франковъ въ годъ. Себѣ же они назначили всего по 15 фр. (6 руб.) въ день, т. е. жалованье хорошаго парижскаго рабочаго. И этой скромности, буржуа привыкшіе грабить государство имъ не простили до сихъ поръ. Но положеніе рабочаго, отъ этого, было не лучше. Развѣ его семья могла кормиться на полтора франка въ день! Нищета, по прежнему, была удѣломъ тѣхъ, кто проливалъ свою кровь ради свѣтлаго будущаго строя!... — „Rien de changé!“ (все по старому!) говорили жена и мать рабочаго, думавшія что Коммуна — это, наконецъ, революція для народа.... Только подъ самый конецъ, когда народъ сталъ брать дѣло въ свои руки, стали устраивать въ рабочихъ кварталахъ общественныя кухни. И тутъ — благотворительность, вмѣсто *права на жизнь*.

Тѣмъ временемъ, траншеи версальцевъ все ближе подступали къ главнымъ западнымъ воротамъ Парижа, а установленныя ими тяжелыя батареи бомбардировали укрѣпленія и западныя предмѣстья. Гранаты бороздили все время ихъ улицы и рѣшетили дома. Нѣкоторые форты пришлось сдать. Защита становилась все труднѣе и труднѣе.

Совѣтъ Коммуны смѣстилъ Клюзерэ, замѣнивъ его Росселемъ, а вскорѣ смѣнилъ и Росселя, замѣнивъ его старикомъ Делеклюзомъ, но батальоны, выходившіе на защиту стѣнъ, рѣдѣли съ каждымъ днемъ.

Наконецъ, 21-го мая, версальцы вступили въ Парижъ, и тутъ началось то страшное кровопролитіе и истребленіе рабочихъ, длившееся восемь дней, — которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ Кровавой Недѣли.

Быстро подвигаясь впередъ, версальскія арміи заняли высокіе кварталы западнаго Парижа, и Марсово Поле на лѣвомъ берегу. На другое утро ихъ гранаты обстрѣливали уже улицы Риволи и Сентъ-Онорэ и зажгли министерство финансовъ, а также много домовъ на лѣвомъ берегу. Рабочіе оставляли защиту внѣшнихъ частей города и, какъ въ 848-мъ году, шли защищать свои бѣдные кварталы на лѣвомъ берегу и въ Монмартрѣ. И тутъ, въ этихъ кварталахъ уже раньше обагренныхъ кровью рабочихъ, выростали герои, и десятки тысячи мущинъ, женщинъ и даже дѣтей воздвигали барикады и, какъ львы, дрались для ихъ защиты.

На правомъ берегу, въ барскомъ Парижѣ, версальцы продолжали наступать. Защитники Коммуны зажгли Тюильрійскій дворецъ — этотъ памятникъ всѣхъ гнусностей королевской власти и двухъ имперій, и рѣшили сосредоточить главную свою защиту на правомъ берегу, вокругъ Ратуши, окруженной громадными баррикадами, а на лѣвомъ — въ южной части города, въ старыхъ, узкихъ улицахъ стараго Парижа. Но въ среду утромъ, 24-го, они съ ужасомъ увидали, что Ратуша — этотъ центръ революціоннаго Парижа, гдѣ была сосредоточена также масса снарядовъ, внезапно запылала, также какъ и Префектура.... Оба зданія были подожжены агентами версальцевъ. Баррикады, окружавшіе Ратушу, пришлось покинуть.

Народъ теперь бралъ дѣло въ свои руки. — „Довольно галуновъ! мѣсто народу!“ писалъ старикъ Делеклюзъ — якобинецъ, но вѣрившій въ народъ якобинецъ — въ своей знаменитой предсмертной прокламаціи, и самъ вмѣшался въ темные ряды рабочихъ, чтобы пасть на защищаемой ими баррикадѣ.

Изступленіе овладѣвало версальскими войсками. Они получили приказъ разстрѣливать всѣхъ плѣнныхъ, и разстрѣливали со злобой, съ остервенѣніемъ... Рабочіе, съ своей стороны, рѣшили дорого продать барикады своихъ родныхъ кварталовъ — улицы Сентъ-Жакъ, площади Пантеона, на лѣвомъ берегу, и Монмартра на правомъ. Но версальцы не брали барикадъ приступомъ. Пробиваясь топорами и ломами изъ дома въ домъ, они обирались въ тылъ барикадамъ, и тогда разстрѣливали въ упоръ ихъ защитниковъ. Если рабочіе сдавались, — ихъ вели въ плѣнъ, и по дорогѣ Галифе и другіе генералы приказывали вывести 20, 30 человѣкъ — „берите сѣдобородыхъ: они знали 48-й годъ“ приказывалъ Галифе, — и

*) См. подробности объ этомъ у Лефранса.

ихъ разстрѣливали тутъ же, на улицѣ, оставляя на мѣстѣ кучи убитыхъ и раненыхъ.

У внѣшнихъ стѣнъ, плѣнныхъ ставили на край крѣпостнаго рва, у подошвы стѣны, и съ другаго берега рва въ нихъ стрѣляли митральезами, „кофейными мельницами“, какъ острили версальцы. Трупы валились, вмѣстѣ съ ранеными, во рвы. На площадяхъ, разстрѣлянныхъ сваливали въ ровъ и заливали известью. На слѣдующее утро виднѣлись руки, высунувшіяся въ ужасныхъ мученіяхъ изъ подъ извести. Надъ трупами женщинъ — а много рабочихъ женщинъ сражалось на барикадахъ — солдаты выдѣлывали невозможные ужасы.

„Разстрѣливайте ихъ — волковъ, волчицъ и волченятъ!“ вопили „представители народа“ въ версальской Палатѣ — и послѣ этой бойни Палата вотировала единогласно благодарность арміи....

Самые точные подсчеты, сдѣланные Клемансо, во время подробнаго слѣдствія, даютъ, по меньшей мѣрѣ, 35,000 человѣкъ убитыхъ за одну недѣлю — преимущественно разстрѣлянныхъ версальцами военно-плѣнныхъ.

А затѣмъ начались аресты и ссылка; — всѣ ужасы плѣна на плато Сатори, гдѣ въ плѣнныхъ стрѣляли въ упоръ, если кто нибудь изъ нихъ поднимался съ мокрой отъ дождей земли, — всѣ ужасы тюремъ и Новой Каледоніи. Около 100,000 парижскихъ рабочихъ было перебито или сослано послѣ пораженія Коммуны.

И, перебирая всѣ ужасы „Кровавой недѣли“, рабочіе выводили такое заключеніе: Положимъ, что вокругъ Парижа стояли нѣмцы, которые пришли бы на помощь буржуазіи — послали же они своихъ броненосцевъ разстрѣливать Картагенскую Коммуну! Но помимо этого, — стоило ли рабочимъ такъ бережно относиться къ буржуазной собственности? Если бы они, не слушая вожаковъ, смѣло, дерзко признали народною собственностью всѣ дома, фабрики, банки, магазины и всѣ богатства Парижа, и если бы эта первая *соціальная* революція тоже кончилась бы погромомъ, — месть буржуазіи могла ли быть болѣе свирѣпой?

Но память объ этихъ звѣрствахъ живетъ въ Парижѣ — во Франціи. Нигдѣ въ мірѣ вражда рабочаго противъ буржуа не залегла такъ глубоко въ сердца народа, какъ во Франціи, въ Парижѣ. Нигдѣ въ мірѣ рабочій такъ не извѣрился въ политическія революціи. Нигдѣ онъ не понимаетъ такъ хорошо, что въ слѣдующую революцію — *его чередъ выступить впередъ* самому, и самому наложить руку на богатства, имъ же созданныя.

И слѣдующая революція во Франціи, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія — начнется при крикѣ: „да здравствуетъ Коммуна!“ Но въ этотъ разъ — Коммуна народа, рабочая Коммуна, Коммуна, которая всѣмъ дастъ кровъ и пищу — Коммунистическая Коммуна освобожденнаго народа.

П. Кропоткинъ.

О НАСИЛІИ ВЪ РЕВОЛЮЦІИ.

Передъ нами — небольшая, но весьма любопытная брошюра Г. Плеханова («Сила и насиліе. Къ вопросу о революціонной тактикѣ», 16 стр.), посвященная критикѣ нашей тактики. По словамъ автора, впервые она была издана одновременно съ памфлетомъ «Socialisme et anarchisme», посвященнымъ разбору теорій Прудона, Кропоткина, Бакунина и др., «когда весь цивилизованный міръ возмущался поступками Анри и Равашоля». Въ предисловіи-же авторъ съ глубокимъ прискорбіемъ констатируетъ, что «анархизмъ, — который Желябовъ въ своей защитительной рѣчи такъ хорошо назвалъ ошибкой молодости нашего революціоннаго движенія, — опять начинаетъ распространяться въ нашемъ отечествѣ». Мы, съ своей стороны, можемъ только съ радостью отмѣтить, что за 12 лѣтъ, протекшихъ со дня перваго изданія этой брошюры, русскимъ соціальдемократамъ не только не удалось задушить анархическаго движенія въ Россіи, но даже оказалось не подъ силу выдвинуть противъ него какихъ-нибудь новыхъ, серьезныхъ соображеній.

В. Черновъ въ одной изъ своихъ полемическихъ статей остроумно замѣтилъ, что Плехановъ страдаетъ дурной привычкой — портить хорошія книги своими скверными предисловіями. Мы, конечно, нѣсколько расходимся съ В. Черновымъ въ опредѣленіи качествъ тѣхъ или иныхъ книжекъ, но мы думаемъ, что и его собственная брошюра мало выиграла отъ этого предисловія. Въ самомъ дѣлѣ, прочтите внимательно приведенную нами цитату, — и вы, несомнѣнно, вспомните что въ своей защитительной рѣчи Желябовъ сказалъ прямо-противоположное, что рѣчь эта Плехановымъ искажена до неузнаваемости. Объ анархизмѣ [въ современномъ смыслѣ] Желябовъ, вообще, не говорилъ на судѣ. Подъ „розовой юностью“ онъ подразумѣвалъ тотъ періодъ дѣятельности русскихъ народниковъ, когда они считали возможнымъ подготовить соціальную революцію одной мирной пропагандой, не прибѣгая къ насилію. Террористическую-же тактику „Народной Воли“ онъ объяснялъ именно тѣмъ, что этотъ періодъ юности прошелъ безвозвратно.

Переходя далѣе къ разбору анархическихъ методовъ борьбы, Плехановъ приходитъ къ слѣдующему курьезному заключенію: „Такъ какъ анархисты считаютъ революціонными средствами только незаконныя, то... всѣ незаконныя средства почитаются анархистами за самыя революціонныя“.

Гдѣ, въ какой анархической литературѣ Плехановъ вычиталъ восхваленіе насилія, *какъ такового*? Развѣ онъ не знаетъ, что анархисты считаютъ революціонными, т. е. приближающими наступленіе грознаго соціальнаго переворота только тѣ насильственные акты, которые освѣщены ихъ конечнымъ идеаломъ раскрѣпощенія личности отъ угнетающихъ ее власти и капитала и которые вытекаютъ послѣдовательно изъ ихъ теоріи непримиримой классовой борьбы? Неужели Плехановъ серьезно думаетъ, что анархисты готовы апплодировать возмутительному поступку чудовищнаго Солейана, изнасиловавшаго и убившаго двѣнадцатилѣтнюю Марту Эльбердингъ, только потому, что этотъ поступокъ и съ точки зрѣнія буржуазнаго законодательства, является *незаконнымъ и насильственнымъ*? Свои средства борьбы анархисты выбираютъ не по тому, осуждаются-ли они или одобряются буржуазными учрежденіями, а по тому, способны-ли они или нѣтъ подорвать устои этихъ учрежденій и внушить буржуазіи и власти уваженіе къ боевой готовности пролетаріата.

«Анархисты, *мечтающіе о насиліи ради насилія*», говоритъ дальше Плехановъ, «служатъ реакціи, потому что они совѣтуютъ пролетаріату отказаться отъ тѣхъ средствъ борьбы, которыя могли-бы улучшить его теперешнее положеніе».

Это — неправда. Стало уже трюизмомъ, что анархисты вовсе не являются врагами конкретныхъ завоеваній. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно было-бы поближе познакомиться съ исторіей анархизма въ Америкѣ, Испаніи и Швейцаріи. Но борьба, которую ведутъ анархисты за повседневныя улучшенія, не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ борьбой соцідем. за осуществленіе ихъ минимальной программы. Самодовлѣющая цѣна этихъ конкретныхъ улучшеній для насъ ничтожна; для насъ въ тысячу разъ важнѣе, *какимъ образомъ* эти улучшенія завоеваны? Революціонной, насильственной борьбѣ за повседневныя требованія мы придаемъ огромное воспитательное значеніе. Поэтому, и только поэтому, экономическій терроръ, какъ средство, подготовляющее къ великой соціальной революціи и пріучающее рабочихъ — огнемъ и желѣзомъ диктовать свою волю всѣмъ владѣющимъ и властвующимъ, является для насъ неизбѣжнымъ и могучимъ орудіемъ борьбы.

«Матеріальная сила», продолжаетъ Плехановъ, «всегда находилась на сторонѣ угнетаемыхъ. Если эти послѣдніе не прибѣгаютъ къ ней, какъ къ средству самоосвобожденія, то это лишь доказываетъ, что матеріальная сила, сама по себѣ, еще не есть революціонное орудіе, что при одной ея помощи невозможно осуществить дѣло революціи и что она вовсе не является необходимымъ условіемъ всякаго переворота».

Но, по нашему убѣжденію, рабочіе и были угнетаемы до сихъ поръ богачами и правителями именно потому, что

большая часть ихъ въ борьбѣ съ своими врагами отказывалась отъ насильственной тактики, не считая ее „необходимымъ условіемъ всякаго переворота". Одураченные солдаты, жандармы, полицейскіе, служители тюремъ и крѣпостей, фабричные надсмотрщики и палачи, — все это матеріальная сила, принадлежащая народу, скованному современнымъ государствомъ и съ успѣхомъ использованная имъ для увѣковѣченія капиталистической эксплуатаціи; мы считаемъ необходимымъ эту порабощенную силу направить противъ ея поработителей. Анархисты глубоко убѣждены въ томъ, что „непротивленіе злу насиліемъ" является главной причиной полнаго порабощенія рабочихъ на Западѣ. На совѣсти соціальдемократическихъ проповѣдниковъ „непротивленія" должно остаться то затемнѣніе классоваго сознанія рабочихъ Западной Европы, которое превратило ихъ въ стадо кроткихъ ягнятъ, приученныхъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Мы не хотимъ такого же порабощенія и ослѣпленія пролетаріата въ Россіи. Каждый призывъ къ непротивленію встрѣтитъ съ нашей стороны самый рѣшительный отпоръ. Въ противоположность господамъ „непротивленцамъ", анархисты-коммунисты, разсматривая весь историческій ходъ классовой борьбы, раздѣлившей буржуазное общество на два непримиримыхъ лагеря, пришли къ тому непоколебимому убѣжденію, что глубокій соціальный переворотъ можетъ быть осуществленъ только совокупностью напряженныхъ революціонныхъ усилій всѣхъ эксплуатируемыхъ и выброшенныхъ за бортъ современнаго общества. Путь, который приведетъ угнетенныхъ къ этому интегральному освобожденію, есть несомнѣнно путь революціоннаго насилія. Подъ объединенными ударами просвѣтившагося въ большомъ городѣ рабочаго, изголодавшагося крестьянина и озлобленнаго босяка падутъ послѣдніе устои власти и капитала, съ которыми такъ трудно разстаться ученымъ представителямъ государственнаго соціализма. Но революціонное насиліе, въ какой-бы формѣ оно ни проявлялось, освѣщенное яснымъ сознаніемъ конечной цѣли, г. Плеханову не слѣдовало-бы смѣшивать съ слѣпой матеріальной силой. Поклонники грубой и слѣпой матеріальной силы [какъ думаетъ Плехановъ], анархисты явились-бы горячими защитниками современнаго капиталистическаго и государственнаго строя, всецѣло покоящагося на насиліи, — въ чемъ не обвинитъ ихъ и Плехановъ.

Къ чему понадобились эти повторенія задовъ, — лучше всего поясняетъ авторъ въ предисловіи. Брошюра, осуждающая террористическую тактику, направляется имъ не противъ однихъ только анархистовъ, но и противъ такъ называемыхъ «большевиковъ», которыхъ весь ходъ русской революціи убѣдилъ въ невозможности отказаться отъ этой тактики. Н. Ленинъ, вдохновитель «большевиковъ», enfant terrible русской соціальдемократіи, по мнѣнію Плеханова, приноситъ не меньше вреда рабочему движенію, чѣмъ анархисты. Жизнь показала, какъ неосновательны были опасенія Плеханова и какъ непродолжителенъ былъ періодъ «бурныхъ стремленій» Ленина, одно время напоминавшій Sturm und Drang-periode молодыхъ берлинскихъ с. д. типа Ауэрбаха и др. Отказъ отъ „бойкота" Думы — лучшее свидѣтельство тому. Объединенные съ „меньшевиками" одной научной догмой, они не могли поступить иначе.

Въ рядахъ рабочей массы, „не отходя отъ нея на высоты правительственныхъ сферъ", по прежнему, остаются одни анархисты; ихъ лозунгъ, по прежнему, — немедленная соціальная революція; ихъ тактика — прямое, насильственное воздѣйствіе на капиталъ и государство.

Arminius.

ИЗЪ РОССІИ.

ПАРЛАМЕНТСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ.

Долгое время мечтавшіе о парламентскомъ режимѣ русскіе люди наконецъ добились чего-то болѣе или менѣе похожаго на законодательное собраніе и теперь усердно предаются всѣмъ тонкостямъ парламентской тактики. Въ первой Думѣ это не было такъ замѣтно: она была скорѣе постоянно-засѣдавшимъ публичнымъ собраніемъ, въ которомъ люди, впервые почувствовавшіе за собою право говорить, спѣшили высказать все, что у нихъ накопилось. Но теперь, при общемъ упадкѣ настроенія, при лозунгѣ пуще всего беречь Думу, что остается дѣлать депутатамъ? Особенно печально положеніе нашихъ соціалистовъ. Посланные избирателями для р е а л ь н о й работы, а не для демонстрацій, они пытаются дѣлать такую реальную работу, какъ будто бы для **нихъ не ясно уже давно, что никакихъ результатовъ это** принести не можетъ. Парализованные, кромѣ того, страхомъ невольно сыграть въ руку правительства и вызвать разгонъ Думы, они только и могутъ, что плыть по теченію, т. е. заниматься игрой въ парламентарныя бирюльки. Избираются коммиссіи и комитеты съ обстоятельнѣйшимъ раздѣленіемъ труда, происходятъ выборы во фракціонные совѣты, въ всевозможные бюро, посылаются заявленія отъ фракцій, не находящія себѣ никакого отклика въ странѣ, произносятся рѣчи, не имѣющія обыкновенно никакого другого значенія, какъ только показать, что такая то партія все таки выступила и сказала свое слово.... И какіе важные вопросы возникаютъ на этой почвѣ! Вотъ напр. когда происходило распредѣленіе мѣстъ, с.-д. непремѣнно хотѣли получить кресла лѣвѣе с.-ровъ. и изъ этого чуть не разыгрался серьезный конфликтъ. Исходя очевидно изъ того, что „мѣсто краситъ человѣка", с.-д. такимъ образомъ хотѣли окончательно доставить „пролетаріату" торжество надъ „мелкой буржуазіей".

Избирательная страсть отражается даже внѣ Думы. Вотъ теперь предстоитъ съѣздъ с.-д., и кампанія для избранія делегатовъ уже началась. Большевики и меньшевики излагаютъ свои „платформы"; выборы — двухстепенные, не хуже думскихъ [каждые 20 членовъ организаціи выбираютъ одного выборщика, такъ что въ результатѣ получается 1 делегатъ на 500 членовъ партіи].

Словомъ, люди забавляются какъ могутъ, думая очевидно, что лучшей работы нѣтъ....

ПОКРОВИТЕЛИ ДЕРЖИМОРДЫ.

Въ то время, какъ министръ юстиціи, Щегловитовъ, распѣваетъ въ Думѣ слащавые гимны россійскому судебному вѣдомству и россійской юстиціи, по всей Россіи идетъ самое отчаянное самоуправство со стороны всякаго начальства, и совершаются такія безобразія, какихъ небывало даже въ разгаръ реакціи при Александрѣ III-мъ или при Александрѣ II-мъ. И кто прикрываетъ всѣ эти безобразія? — Представители «Юстиціи», находящіеся подъ командою Щегловитаго, прокуроры, судебные слѣдователи члены Судебныхъ Палатъ! Они покрываютъ и поощряютъ всѣ творящіяся мерзости своимъ лицемѣрнымъ молчаніемъ.

Въ Ригѣ, Варшавѣ, Екатеринославѣ. Казани, чуть не вездѣ, пытаютъ заключенныхъ. Факты вполнѣ установлены, и иногда даже губернаторы (напр. въ Казани) вынуждены вступаться своею властью, чтобы положить конецъ истязаніямъ заключенныхъ. По всей Россіи, земскіе начальники и даже простые сельскіе урядники и сельскіе стражники творятъ такія безобразія надъ крестьянами, какихъ не смѣли продѣлывать самые отчаянные дантисты-становые и генералы Палкины, даже при Николаѣ I-мъ. Но блюстители закона, — прокуроры и судебные слѣдователи Николая II-го и его вѣрнаго лакея Щегловитаго — молчатъ и, какъ холопы въ лакейской, только перешептываются между собою, или втихомолку переглядываются. И виноваты въ этомъ, прежде всего, наши либералы, которые за послѣдніе сорокъ лѣтъ дѣлали, и дѣлаютъ по сію пору, какой-то культъ изъ судебнаго вѣдомства. Подъ предлогомъ охраненія Судебныхъ Уставовъ Александра II-го отъ своеволія жандармовъ Третьяго Отдѣленія, они лицемѣрно пѣли нашему судебному вѣдомству свои хвалебные гимны. А между тѣмъ, — кто же продалъ Судебные Уставы жандармамъ, какъ не сами эти господа судебнаго вѣдомства? Было ли что нибудь гнуснѣе, при обыскахъ и допросахъ уже въ семидесятые годы, — гнуснѣе прокуроровъ Шубиныхъ, Масловскихъ, а потомъ — Муравьевыхъ и ихъ присныхъ? Кто изъ насъ, сравнивая этихъ бритыхъ лакеевъ во фракахъ съ жандармскими офицерами, не думалъ того, что Александръ Кропоткинъ сказалъ при обыскѣ одному изъ этихъ лакеевъ: «И м ъ, жандармамъ, простительно; они — народъ невѣжественный, а вотъ вы, университетскій, в ы — истинный мерзавецъ!»

Но — какъ можно?! Онъ носилъ пуговицы съ Закономъ прибитымъ къ столбу.... Этимъ-то культомъ и воспользовался Щегловитовъ. А между тѣмъ, имъ — этимъ носителямъ золотыхъ пуговицъ съ Закономъ и Короной, прибытыми къ позорному столбу — этимъ членамъ Судебныхъ Палатъ, охраняющимъ свой „пирогъ", а не справедливость, — имъ обязана Россія, прежде всего, теперешнимъ развитіемъ полицейскаго насилія. О н и придаютъ личину законности всѣмъ ужасамъ расходившагося Держиморды. О н и покрываютъ пытальщиковъ, они трусливо прячутъ голову, когда узнаютъ о звѣрствахъ Лужеповскихъ.

И они смѣютъ слезливо распѣвать о какомъ то правосудіи **Бомба, браунингъ, вотъ кто теперь Министръ Юстиціи въ Россіи,**

Изъ Одессы, на ряду съ извѣстіями о большихъ потеряхъ въ нашихъ рядахъ, произведенныхъ военно-полевыми и иными расправами, мы получили слѣдующее письмо:

„Почва для нашей работы становится все болѣе благопріятной; симпатіи къ анархистамъ-коммунистамъ среди рабочей массы увеличиваются съ каждымъ днемъ. Здѣсь мы располагаемъ довольно сильной группой, хотя, надо сознаться, среди насъ мало опытныхъ пропагандистовъ. Рабочіе съ сильнымъ неудовольствіемъ говорятъ о тѣхъ, которые могли-бы восполнить этотъ пробѣлъ и сидятъ заграницей... Атмосфера теперь совершенно иная; чувствуется, что декорація мѣняется, и анархисты становятся „хозяевами положенія", какими еще 2—3 года тому назадъ здѣсь были с.-д. Имѣются у насъ очень серьезныя связи съ деревней. Отъ деревенской работы я—въ восторгѣ; мы встрѣтили тамъ много идеально чистыхъ натуръ, какихъ рѣдко встрѣтишь въ городѣ. Вчера снарядили новый отрядъ деревенскихъ агитаторовъ. Такія-же хорошія извѣстія могу вамъ сообщить и относительно недавно-сорганизовавшейся нашей группы въ Севастополѣ. Изъ М*** намъ прислали товарищи денегъ. Это показываетъ, что растетъ, не въ примѣръ прежнимъ временамъ, связь между отдѣльными анархическими группами".

Въ Минскѣ аресты среди анархистовъ. Обнаружена лабораторія взрывчатыхъ веществъ и прокламаціи, указывающія на группу а.-к.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Пробужденіе революціоннаго духа среди рабочихъ сказалось недавно въ мирной Швейцаріи крупнымъ стачечнымъ движеніемъ, вліяніе котораго на дальнѣйшее развитіе будетъ, несомнѣнно, громадно. Одна изъ самыхъ важныхъ отраслей промышленности Швейцаріи, это—производство шоколада. Фабрики Нестера и Колера во французской Швейцаріи получаютъ съ каждымъ годомъ все большіе и большіе доходы; ихъ акціи, вначалѣ стоившія 100 франковъ, теперь поднялись до 467-и, а получаемый акціонерами дивидендъ доходитъ до двадцати процентовъ. Между тѣмъ заработная плата—отъ 28 до 50 сантимовъ (11 до 20 коп.) въ часъ для мужчинъ, и отъ 16 до 38 сантимовъ (6 до 15 коп.) для женщинъ. Долгое время рабочіе терпѣли, но новый духъ протеста, повѣявшій съ возникновеніемъ въ Швейцаріи синдикалистскаго теченія, коснулся и ихъ. Стачка началась въ ваадтскомъ кантонѣ, въ мѣстечкѣ Орбэ, затѣмъ перешла на фабрику въ Бюссиньи и наконецъ въ болѣе крупный центръ, въ Вевэ. Здѣсь мѣстныя рабочія организаціи всѣхъ ремеслъ рѣшили поддержать стачечниковъ.

25 марта утромъ рабочіе собрались на площади и двинулись шествіемъ по разнымъ фабрикамъ и мастерскимъ; почти повсюду рабочіе тотчасъ же бросали работу и присоединялись къ товарищамъ. Не обошлось и безъ серьезнаго столкновенія съ жандармеріей: жандармы стрѣляли, и среди рабочихъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Кантональное правительство тотчасъ же устроило мобилизацію войскъ (въ Швейцаріи, какъ извѣстно, нѣтъ постоянной арміи, но это нисколько не мѣшаетъ милиціи играть совершенно ту же роль). Однако многіе изъ жителей отказались на этотъ разъ идти; газета „Voix du Peuple"—органъ рабочихъ организацій—говоритъ, что такихъ протестующихъ было около 600.

Извѣстіе о стачкѣ въ Вевэ сейчасъ же распространилось въ Женевѣ и Лозаннѣ. Тотчасъ же рабочія организаціи устроили собранія и постановили и въ этихъ двухъ городахъ объявить всеобщую стачку. Правительство испугалось и поспѣшило принять мѣры къ обузданію агитаціи. Народный Домъ въ Лозаннѣ былъ занятъ войсками, «коммунистическая типографія» основанная рабочими союзами и печатавшая «Voix du Peuple», подверглась обыску и была закрыта. Иностранцы высылались массами, причемъ итальянцевъ (составляющихъ въ Швейцаріи революціонный элементъ среди рабочихъ) отвозили на итальянскую границу и тамъ передавали въ руки итальянскимъ карабинерамъ, т. е. по-просту выдавали. (Это, впрочемъ, не новость: гостепріимная Швейцарія сплошь да рядомъ въ послѣдніе годы поступаетъ такимъ образомъ съ итальянскими анархистами). Двое русскихъ были высланы изъ Лозанны, причемъ ихъ хотѣли непремѣнно препроводить на нѣмецкую границу, гдѣ ихъ конечно, тотчасъ арестовали бы. Къ счастью, послѣ цѣлаго ряда переговоровъ, имъ удалось избавиться отъ этой перспективы.

Такъ продолжалось нѣсколько дней. Наконецъ, правительство нашло, что имѣть дѣло съ такой крупной стачкой болѣе тѣмъ непріятно и рѣшило вмѣшаться, на этотъ разъ въ смыслѣ умиротворенія. Хозяева пошли на переговоры; были сдѣланы уступки, самая важная изъ которыхъ, это—признаніе права на существованіе за рабочимъ союзомъ. Стачка кончилась. Вотъ какъ оцѣниваютъ наши швейцарскіе товарищи ея значеніе. «Она была не совсѣмъ такою, какъ намъ было бы желательно, пишетъ Бертони въ газетѣ «Revell», но она тѣмъ не менѣе указываетъ на дѣйствительный шагъ впередъ въ идеяхъ и способахъ дѣйствія швейцарскаго пролетаріата. Шесть-семь лѣтъ тому назадъ никто, даже изъ среди анархистовъ, не рѣшился бы призывать къ подобному движенію, которое рабочіе союзы даже отказались бы въ то время обсуждать. Итакъ наша пропаганда, какъ ни ограничена она была, прошла не даромъ». А органъ рабочихъ организацій «Voix du Peuple» говоритъ: „То, что произошло въ романской Швейцаріи, сдѣлало больше для воспитанія пролетаріата, чѣмъ цѣлые годы устной и письменной пропаганды".

ГЕРМАНІЯ.

Съѣздъ нѣмецкихъ анархистовъ.

(Der freie Arbeiter, № 15 за 1907 г.)

Союзомъ нѣмецкихъ анархистовъ рѣшено было устроить въ Оффенбахѣ на Майнѣ съѣздъ. Но нѣмецкая полиція не разрѣшила, въ силу существующихъ въ Германіи противъ анархистовъ спеціальныхъ законовъ.

Послѣдовательно они побывали въ Франкфуртѣ на М., Мюльгеймѣ и Мангеймѣ, но вездѣ встрѣчали силу того же закона. Лишь послѣ долгаго странствованія, товарищамъ удалось отдѣлаться отъ него, перебравшись черезъ Неккаръ и вели свои собесѣдованія на лонѣ природы. Собралось сорокъ-два делегата отъ слѣдующихъ городовъ: Мангейма, Людвигсгафена, Штуттгарта, Гейльброна, Оффенбаха, Франкфурта на Майнѣ, Майнца, Висбадена, Эльберфельда, Бремергавена, Гамбурга, Берлина и др. Были и товарищи-иностранцы. Порядокъ дня былъ данъ въ прошломъ номерѣ (№ 12) Листокъ „Хл. и В." Замѣтимъ кстати, что однимъ изъ главныхъ пунктовъ, по которому Германское правительство запретило имъ собраться—былъ пунктъ третій: Антимилитарная пропаганда.

Первое мѣсто занималъ вопросъ объ анархической организаціи. Всѣ признавали ея необходимость для дѣла агитаціи и, тѣмъ самымъ, и для дѣла распространенія анархической идеи въ народѣ. Вопросъ сводился лишь къ тому, соотвѣтствуетъ ли Союзъ подобной анархической организаціи или его необходимо преобразовать. Все болѣе и болѣе выяснялась необходимость внести въ Союзъ начала федеративной организаціи. Въ каждомъ городѣ, куда проникъ анархизмъ, организуется одна или нѣсколько группъ для анархической агитаціи въ данномъ городѣ. Группы извѣстнаго района, или промышленнаго округа, объединяются, какъ группы нѣмецкой анархической федераціи, на которой лежитъ веденіе агитаціи въ данномъ промышленномъ округѣ. Нѣмецкая Федерація выбираетъ комиссію изъ шести членовъ. Эта комиссія засѣдаетъ въ Берлинѣ. Она ведетъ агитаціонное дѣло во всей Германіи, входитъ въ сношенія съ иностранными анархическими организаціями, выпускаетъ агитаціонные летучіе листки, для подготовленія агитаціонныхъ собраній. Всѣ группы доставляютъ въ распоряженіе коммиссіи средства и обязательные взносы, изъ которыхъ три-четверти переходитъ въ групповыя кассы, и четверть—въ кассу федераціи.

Наступилъ вечеръ; продолжать собраніе было невозможно, но такъ какъ оно уже не носило характера съѣзда и потому подъ дѣйствіе мангеймскаго закона не подходило, то товарищи, найдя помѣщеніе, продолжали свои собесѣдованія по насущнымъ вопросамъ анархизма.

ИТАЛІЯ.

Организаціонное движеніе среди анархистовъ отразилось и на Италію. Вотъ что сообщаетъ относительно этого издающійся въ Женевѣ на двухъ языкахъ (французскомъ и

итальянскомъ) анархическая газета «Revell» («Risveglio»). 25 марта въ Римѣ собрались нѣкоторые товарищи, принадлежащіе къ мѣстной соціалистическо-анархической федераціи, для обсужденія проэкта обще-итальянскаго анархическаго съѣзда. Единогласно рѣшено было созвать его въ іюнѣ, въ Римѣ, причемъ, чтобы избѣжать споровъ о томъ, нуженъ ли съѣздъ—споровъ, которые заняли бы большую часть времени, рѣшили обратиться съ приглашеніемъ только къ тѣмъ, кто считаетъ предпріятіе полезнымъ.

Много споровъ было о томъ, приглашать ли на конгрессъ только анархистовъ-сторонниковъ рабочихъ организацій (синдикалистовъ) и организаціи вообще, или же широко открыть доступъ всѣмъ теченіямъ анархизма. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ. Часто, говорилось между прочимъ въ его пользу, разногласія кажутся очень существенными именно вслѣдствіе взаимнаго отдаленія; когда же товарищи встрѣтятся и поговорятъ другъ съ другомъ, многія предубѣжденія падутъ, и согласіе установится само собою. (Мысль вѣрная и во многомъ приложимая къ нашимъ русскимъ междуфракціоннымъ разногласіямъ).

Итакъ, въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ въ Италіи съѣздъ анархистовъ, если, конечно, правительство, по примѣру германскаго, не помѣшаетъ ему разгономъ и арестами.

ФРАНЦІЯ

На конгрессѣ независимой соціалистической партіи, который происходилъ недавно въ Лионѣ, политики-соціалисты наконецъ рѣшились высказаться откровенно, и они приняли, почти единогласно, за исключеніемъ двухъ голосовъ, слѣдующую резолюцію:

„Конгрессъ порицаетъ методъ прямого воздѣйствія [action directe], рекомендуемый анархистами (les libertaires), который не можетъ дать никакихъ другихъ результатовъ, какъ только вызвать реакцію".

Тутъ, по крайней мѣрѣ, прямо, нагло, выражено, въ какой лжи политики-соціалдемократы хотятъ увѣрить рабочихъ, утверждая что прямымъ воздѣйствіемъ ничего не добиться, и какими трусливыми соображеніями они руководствуются. Это показываетъ также, насколько этимъ господамъ дороги «частичныя побѣды», добываемыя рабочими. Какъ только рабочіе стали прибѣгать къ способу, который дѣйствительно началъ давать имъ частичныя улучшенія, они немедленно отшатнулись отъ него, и тѣмъ доказали, что не намъ, анархистамъ, а имъ вовсе нѣтъ нужды до полученія рабочими частичныхъ улучшеній. Имъ нужно только дѣлать видъ, что они защищаютъ немедленные интересы рабочихъ; оставаясь буржуазными либералами, они такимъ образомъ пользуются голосами рабочихъ, чтобы попасть въ Палату, куда иначе не попали бы. Затѣмъ резолюція продолжаетъ:

«Что касается до всеобщей стачки, то различныя попытки, сдѣланныя за послѣдніе годы, выказали несомнѣнныя опасности, ею представляемыя для рабочаго класса; поэтому Конгрессъ порицаетъ, какъ одинаково опасныя, прямое воздѣйствіе и всеобщую стачку. Онъ полагаетъ, что французскій пролетаріатъ имѣетъ въ политическомъ дѣйствіи и въ корпоративномъ дѣйствіи, вмѣстѣ скомбинированныхъ, самый прямой и самый вѣрный путь къ освобожденію».

Мы чрезвычайно рады этому рѣшенію. Оно откроетъ глаза французскимъ рабочимъ на этихъ, яко бы защитниковъ классовой борьбы, и развяжетъ имъ руки для независимой, рабочей агитаціи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

«Противъ теченія» [общественно-сатир. и литературно-критическій журналъ подъ ред. Е. Лозинскаго, Петербургъ, 20 февр. 1907, № 1].

Прочитавъ внимательно первыя 4 статьи этого любопытнаго журнала, мы такъ и не усвоили-бы себѣ основъ міросозерцанія ихъ авторовъ, если-бъ не набрели на отдѣлъ критики и библіографіи, косвеннымъ путемъ выяснившій намъ ихъ революціонно-соціалистическое credo. Въ самомъ дѣлѣ, изъ передовицы намъ удалось только усвоить отрицательное отношеніе редакціи къ политическимъ лозунгамъ современныхъ русскихъ соціалистовъ. Въ русской революціи рабочія массы, какъ и всегда, «играютъ роль слѣпого орудія въ рукахъ хитрыхъ и сладкорѣчивыхъ политикановъ». Изъ мимоходомъ брошенной фразы мы узнаемъ, что къ «хитрымъ политиканамъ» редакція причисляетъ и... анархистовъ [на стр. 4: «всѣ такъ-называемыя «идеалы» и программы этой революціи, не исключая соціалистическихъ и анархистскихъ, даже при самомъ полномъ своемъ осуществленіи, ничего, кромѣ укрѣпленія и усовершенствованія классоваго строя рабства и эксплуатаціи, не принесутъ, принести не могутъ»].

Ясно, что послѣ такой огульной критики и смѣшенія въ одну кучу соціалистическихъ и анархистскихъ программъ, мы вправѣ ожидать отъ автора какихъ-нибудь новыхъ положительныхъ лозунговъ, новой, болѣе осмысленной и честной программы, чѣмъ тѣ, которыя, по его мнѣнію [„всѣ безъ исключенія"] являются сѣтями, разставленными рабочему классу. Но, къ великому нашему удивленію, ни новыхъ лозунговъ вообще, ни критики анархической программы, въ частности, мы на всемъ протяженіи журнала не встрѣтили. Напротивъ, ни проповѣдь революціонно-экономической борьбы, ни критика парламентаризма ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ призывовъ, которые вы встрѣтите на страницахъ любой анархической газеты. Наиболѣе интересно и живо написанныя статейки К—люка («Documents humains»), вскрывающіе сущность современнаго парламента и развратъ, вносимый имъ въ рабочую среду, изобилуютъ позаимствованіями и выписками изъ анархической литературы („Общины" 1878 г., „Хлѣба и Воли").

Нѣсколько ближе, какъ я уже сказалъ, насъ знакомитъ съ соціалистическимъ credo авторовъ отдѣлъ библіографіи, посвященный разбору книги А. Вольскаго «Умственный рабочій» (часть I). О тожествѣ взглядовъ Е. Л. и Вольскаго на анархизмъ мы узнаемъ опять таки изъ брошенной мимоходомъ фразы: такъ, обвиняя Кульчицкаго и Базарова въ легкомысленномъ и ошибочномъ причисленіи Вольскаго къ анархистамъ, г. Л. говоритъ: «Вольскій анархистъ! тотъ самый Вольскій, который на протяженіи немногихъ страницъ далъ намъ лучшую, уничтожающую критику анархизма!» (стр. 14). Мы полагаемъ, что г. Е. Л. напрасно бросаетъ упреки такимъ добросовѣстнымъ публицистамъ, какъ Кульчицкій. Если произошло такое досадное смѣшеніе, то винить въ немъ можно меньше всего Кульчицкаго, и причину его надо искать въ недостаткахъ самой критики Вольскаго. Эта „уничтожающая" критика, какъ извѣстно, сводится къ тому, что, полемизируя съ отдѣльными цитатами, выхваченными изъ различныхъ статей и брошюръ, Вольскій вывелъ за скобки... всю практическую дѣятельность анархистовъ, въ то-же время не предложивъ пролетаріату никакихъ новыхъ методовъ борьбы, кромѣ тѣхъ, которыя давно практикуются анархистами на Западѣ. Получилось такое странное положеніе, при которомъ всеобщая стачка и революціонно-экономическая борьба очень хороши, покуда ихъ проповѣдуютъ на бумагѣ Вольскій и Лозинскій, и—никуда не годятся, какъ только анархисты осуществляютъ ихъ гдѣ-нибудь на дѣлѣ, во Франціи, Италіи или Испаніи. Г. Е. Л. самъ цитируетъ образецъ такой «уничтожающей» критики анархической программы: „Какъ бы ни сложились развивающіяся нынѣ въ Россіи событія, рабочее дѣло требуетъ сосредоточенія всей революціонной силы масъ на ростѣ экономическихъ требованій и расширеніи стачечнаго движенія, на освобожденіи этой борьбы отъ разставленныхъ противъ нея соціалистическихъ сѣтей, которыя успѣшнѣе, чѣмъ либеральные и демократическіе проповѣдники, опутываютъ умъ рабочихъ баснями о народоправленіи и свободахъ демократическихъ государствъ". Не нужно страдать особеннымъ легкомысліемъ, чтобы смѣшать такую «критику» анархизма съ... самимъ анархизмомъ.

Но у г. Е. Л. есть еще одна точка соприкосновенія съ Вольскимъ—отношеніе къ интеллигенціи, какъ къ самостоятельному общественному классу, враждебному „ручнымъ рабочимъ". Все—безъ различія—образованное общество, въ томъ числѣ и соціалистическая интеллигенція, представляетъ наибольшую опасность для освобожденія пролетаріата. Отождествивъ взгляды всѣхъ теоретиковъ соціализма и... анархизма съ взглядами К. Каутскаго, Вольскій и Е. Л. приходятъ къ тому убѣжденію, что интеллигенція подчинитъ сущность и размахъ грядущей соціальной революціи своимъ классовымъ интересамъ, что «современный соціализмъ (читай: и анархизмъ) не можетъ и не хочетъ упразднить вѣковаго грабежа и неволи».

Впрочемъ, по мнѣнію г. Е. Л., самымъ крупнымъ недостаткомъ сочиненія г. Вольскаго является полное отсутствіе научнаго обоснованія самостоятельнаго классоваго характера интеллигенціи». Изъ полемики г. Е. Лозинскаго съ г. Ивановымъ-Разумникомъ мы узнаемъ, что такое научное обоснованіе дано Л—скимъ въ его книгѣ: «Что-же такое, наконецъ, интеллигенція?» Такимъ образомъ, вопросъ о лицемѣрно-реакціонной роли интеллигенціи въ революціонномъ движе-

нiи рабочаго класса попалъ на страницы интеллигентской печати и усиленно дебатируется самими интеллигентами. Мы боимся, что теперь г.г. Вольскій, Лозинскій и ихъ единомышленники попали въ тотъ заколдованный кругъ, отъ котораго анархисты ихъ давно предостерегали. О томъ, что пролетаріатъ все дѣло освобожденія долженъ взять въ свои руки, не было никогда двухъ мнѣній среди анархистовъ. Съ другой стороны, г.г. Вольскій и Лозинскій не спорятъ съ нами также о томъ, что отдѣльные интеллигенты могутъ искренно и честно служить дѣлу соціальной революціи. Излагая свои взгляды литературнымъ языкомъ, пересыпаннымъ научными терминами, перенося споръ въ публицистику, мало доступную рабочему классу, г.г. В. и Л., несомнѣнно, расчитываютъ своей пропагандой привлечь къ себѣ побольше сторонниковъ изъ рядовъ интеллигенціи. Что будетъ, если пропаганда окажется успѣшной и за ними пойдутъ не одиночки, а сотни и тысячи интеллигентовъ, пока примыкающихъ къ соціалистамъ или анархистамъ? Вѣдь, тогда каждый рабочій, скептически относящійся къ интеллигенціи, сможетъ сказать имъ, что и ихъ ученіе стало „чудовищной ловушкой для обездоленныхъ и вѣчно-одурачиваемыхъ рабочихъ массъ"!

Какъ-бы то ни было, отъ перваго номера мы ждали большаго, — и мы вправѣ были ждать болѣе детальнаго выясненія міросозерцанія и положительныхъ стремленій Е. Лозинскаго и его товарищей. „Плыть противъ теченія — такова наша основная задача", говорятъ они. Но — куда? Къ какимъ берегамъ?

Плыть противъ теченія «въ то время, когда вокругъ насъ совершается оргія революціонно-классоваго (sic!) обмана» — эта задача безусловно требуетъ много мужества, но не одного только мужества. Въ періодъ развертывающейся передъ нами соціальной революціи, когда пытливый умъ рабочаго ищетъ новыхъ, конкретныхъ путей къ своему освобожденію, можно-ли итти къ массѣ съ одной критикой чужихъ лозунговъ, не давая отъ себя ничего положительнаго?

Г.

«Партійныя извѣстія», № 6, 8 марта 1907 г. Изд. Центр. Комитета партіи соц.-революціонеровъ.

Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ Л. Х. и В. мы поговоримъ подробнѣе объ этомъ любопытномъ органѣ, дающемъ матеріалъ для выясненія современной физіономіи партіи соц.-революціонеровъ и взаимоотношенія между ея центральнымъ учрежденіемъ, Центральнымъ Комитетомъ, и мѣстными партійными работниками. Пока же остановимся на № 6, содержащимъ на первомъ мѣстѣ «извѣщеніе о второмъ (экстренномъ) съѣздѣ партіи», состоявшемся въ февралѣ текущаго года.

Передъ партіей, много говорившей о соціализмѣ и проявившей не мало революціонности, открылось новое поприще дѣятельности — участіе въ «парламентѣ», въ рамкахъ самодержавнаго строя, и непосредственно — предвыборная агитація. Положеніе, занятое оффиціальными представителями партіи въ этомъ вопросѣ — „въ вопросѣ общей тактики партіи въ связи съ Думой", явившемся „центральнымъ пунктомъ всѣхъ работъ съѣзда и по важности и по количеству посвященному ему времени" — явствуетъ изъ резолюціи, принятой 67-ю голосами, противъ одного.

Парламентаризмъ — хорошій пробный камень для всякой политической партіи, и одного призрака его оказалось достаточнымъ для партіи С.-ровъ, чтобы заявленія ея сдѣлались возможно болѣе неопредѣленными и уклончивыми, подготовляющими почву для всей той массы компромиссовъ, на которые обречены всѣ парламентаріи.

Наряду съ общими, ни къ чему не обязывающими фразами прежняго революціоннаго типа, появляются очень неопредѣленные намеки на новые практическіе выводы изъ нихъ. И сквозь эту новую призму старыя понятія пріобрѣтаютъ неожиданную окраску, подвергаются оригинальному толкованію.

Сквозь всѣ хитросплетенія резолюціи съѣзда вполнѣ опредѣленно звучитъ, давно предвидѣнный анти-парламентаристами „отбой назадъ".

Предвыборная агитація возводится въ рангъ «напряженія революціонной [курс. мой] энергіи рабочихъ массъ», „выступленіе въ Думѣ революціонно-соціалистическихъ [тоже] силъ"—въ „дальнѣйшее углубленіе и развитіе народнаго революціоннаго движенія".

Внѣдумская дѣятельность партіи подчиняется всецѣло думской практикѣ ея депутатовъ, и болѣе чѣмъ скромное поведеніе послѣднихъ имѣетъ, пока-что, своимъ результатомъ «въ видѣ временной мѣры», подчиненіе «непосредственному контролю и руководству Ц. К. всѣхъ центральныхъ и мѣстныхъ террористическихъ актовъ». И это называется — быть далекими „отъ угашенія проявленій народнаго революціоннаго духа!".

Что касается задачъ тактики с-ровъ въ Думѣ — то изложеніе ихъ полно противорѣчій и положеній, уничтожаемыхъ оговорками изъ области партійной фразеологіи. И на практикѣ, при выборѣ между сутью этихъ положеній и сопутствующими ими украшеніями стиля, конечно послѣднія легко отпадутъ.

Открещиваясь отъ компромиссовъ [точно уже самое вступленіе въ Думу и принесеніе присяги — не компромиссъ], резолюція проводитъ очень прозрачно идею „блоковъ", [т. е. союзовъ съ другими буржуазными партіями], ради того, чтобы избѣжать „дискредитированія въ глазахъ трудящихся классовъ самой идеи народнаго представительства". Мы надѣемся, что блоки не помогутъ и „работа" „народныхъ представителей" скоро откроетъ глаза всѣмъ, кто возлагаетъ на нее какія либо надежды.

Не менѣе противорѣчатъ общимъ высказаннымъ намѣреніямъ соображенія о характерѣ дѣятельности с-ровъ въ Думѣ. Но исчерпать всю эту массу противорѣчій, объясняющуюся желаніемъ совмѣстить несовмѣстимое — остаться въ глазахъ народа соціалистами и революціонерами, подготовляя отступленіе въ ряды политикановъ чистѣйшей воды, — подкрѣпить наши слова обширными цитатами, намъ не позволяетъ мѣсто.

Само собой разумѣется, что все сказанное не распространяется на тѣхъ, кто является истинной силой партіи, — на ея периферію, а лишь на ея „представителей", берущихъ на себя задачу выражать мнѣніе всей массы ея работниковъ и бюрократическимъ путемъ навязать имъ свое. Даже по „Парт. Изв." можно судить, что послѣднее обстоятельство врядъ ли удастся, и бумажныя инструкціи не опасны, не только для народа, но даже и для той его части, которая находится «въ сферѣ вліянія» с-ровъ.

Въ другихъ резолюціяхъ съѣзда [о согласованіи дѣйствій всѣхъ соц. и револ. силъ страны въ моментъ всеобщаго открытаго выступленія; объ экспропріаціяхъ, объ отношеніяхъ къ Вс. Кр. Союзу и Вс. Ж. Д. С. и наконецъ къ національнымъ соц.-рев. партіямъ и участіи С. Р. въ Штутгартскомъ конгрессѣ] красной нитью проходитъ все тотъ же бюрократизмъ. Всѣ онѣ въ общемъ достаточно уклончивы. В. З.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено за литературу, изъ Бостона, черезъ М. Л., 16 шиллинговъ; изъ Капштата, черезъ Ш., 5 шиллинговъ, изъ Cincinnati, 3 шил. и 1 п., изъ Лидзъ, черезъ В. Г. 9 ш.

Вышла изъ печати брошюра:

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И АНАРХІЯ

Сборникъ статей, подъ редакціей Петра Кропоткина.

Цѣна: 3 пенса; 40 сантимовъ; 10 сентовъ.

Такъ какъ первыхъ нумеровъ Листковъ „Х. и В." осталось уже очень мало для продажи, то мы издали подъ этимъ заглавіемъ доклады Вѣтрова, Забрежнева, Изидина, Корнъ и Кропоткина, о Революціи, политической и экономической; о нашемъ отношеніи къ крестьянскимъ и рабочимъ союзамъ, о террорѣ, объ организаціи, о нашемъ отношеніи къ существующимъ политическимъ партіямъ и о всеобщей стачкѣ, напечатанные въ первыхъ семи нумерахъ.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шиллингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.

Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.

E Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kushniaroff, 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ!

№. 14 — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 10 МАЯ 1907 г.

РИЖСКІЕ ЛЕЙБЪ-ПАЛАЧИ.

— „Ну, что вы, господа, все преувеличиваете! Велика бѣда, что побили кого-нибудь въ тюрьмѣ, — а вы, сейчасъ уже и пытки! Все это революціонныя сплетни!“ — Такъ говорятъ намъ разные „благоразумные“ пріятели на Западѣ и наши всероссійскіе „благонамѣренные“.

Мы не знаемъ, что они скажутъ теперь въ оправданіе правителей Россіи; но засѣданія Думы 10 (23) и 13 (26) апрѣля, посвященныя пыткамъ, практикующимся, вотъ уже болѣе года, въ Ригѣ, показали одно: голая дѣйствительность — ужаснѣе всего того, что разсказывалось среди революціонеровъ.

Мы надѣемся, что докладъ Думской коммиссіи объ этихъ пыткахъ, — правдивость котораго не сталъ оспаривать даже товарищъ министра внутр. дѣлъ, А. Макаровъ, — будетъ широко распространенъ по всей Россіи. Но тоже самое слѣдовало бы сдѣлать и въ Англіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ, во Франціи и т. д.: пусть вездѣ, весь міръ знаетъ, какими средствами всероссійскіе мерзавцы держатся во власти — къ чему прибѣгаютъ эти преемники хивинскихъ хановъ, чтобы еще, хоть нѣсколько времени продержаться на верхахъ, и ограбить русскій народъ, на пользу своимъ сынкамъ-наслѣдникамъ.

Товарищъ министра даже не посмѣлъ отрицать ужасныхъ фактовъ, изложенныхъ Думскою коммисіею. — „Изъ доклада директора департамента — сказалъ онъ, — выяснилось, что по отношенію къ рижскому сыскному отдѣленію *слѣдуетъ считать установленнымъ, что въ этомъ мѣстѣ были допускаемы дѣйствительно насилія и побои надъ задержанными лицами*“. Но вслѣдъ за этимъ полупризнаніемъ онъ сталъ оправдывать своихъ сыщиковъ „дикостью нравовъ“, существующею въ Россіи, опасностями, которымъ подвергается полиція при арестахъ, такъ какъ арестуемые отстрѣливаются, нападеніями на полицію, и кончилъ тѣмъ — что оправдалъ пытки. „Озлобленіе, которое они“ (дикіе полицейскіе чины) „вымѣщали на задержанныхъ при первоначальномъ допросѣ, я могу — говорилъ Макаровъ — до извѣстной степени объяснить гнѣвомъ и злобою, вызывавшимися предшествующими столкновеніями съ этими преступными элементами“.

Выходитъ, стало быть, что полицейскіе пытали и истязали заключенныхъ сгоряча, — „въ запальчивости и раздраженіи“....

И все это — чистѣйшая и подлѣйшая ложь.

Истязали заключенныхъ, не при первоначальномъ допросѣ, **не въ минуту ареста, не въ запальчивости и раздраженіи!**

Ихъ пытали систематически, съ прохладцей, дни и недѣли спустя послѣ ареста.

Ихъ пытали, не по дикости полицейскихъ, а по приказу свыше, для чего посылались въ Ригу, въ Варшаву, какъ мы уже видѣли раньше, особые уполномоченные пытальщики.

Ихъ пытали, наконецъ, не самовольно, а потому, что императоръ Николай II, вводя военно-полевые суды, собственноручно приказывалъ имъ — казнить безпощадно, много казнить, и грозилъ въ противномъ случаѣ царскою немилостью. — Надо-же было, выполняя императорскій приказъ, добывать хоть какія-нибудь подобія обвиненій, чтобы казнить много, много народа и кровью упрочить пошатнувшійся тронъ!... Для того и пытали, даже дѣвушекъ, даже дѣтей, даже старыхъ родителей.

Изъ Царскаго Села, изъ Петергофа требовали казней. Оттуда, а не изъ рижской дикости нравовъ вышли пытки, совершаемыя теперь по всей Россіи.

Послѣ Макарова говорилъ товарищъ министра юстиціи, — товарищъ того самаго Щегловитова, который на дняхъ, съ крокодиловыми слезами въ голосѣ, говорилъ о русской юстиціи. — Что могъ сказать по поводу тюремныхъ пытокъ юристъ, — „хранитель идеи Права, Законности, Справедливости?“.

Онъ могъ сказать одно: „— Господа! Нѣтъ поступка гнуснѣе, не можетъ быть беззаконія болѣе преступнаго, чѣмъ то, что творилось въ Ригѣ. Идея всякаго государства, его основа, его оправданіе — это то, что оно не допускаетъ личной расправы, личной мести между гражданами, — тѣмъ менѣе со стороны своихъ чиновниковъ. Чиновникъ государства не можетъ знать личной мести: онъ знаетъ только законъ, законное возмездіе. А потому, г. Макаровъ, упомянувши о мести полицейскихъ, съ государственной точки зрѣнія сказалъ большую несообразность. Государство не мститъ. Затѣмъ, господа, русское правительство, которое за одинъ годъ *казнило* свыше 1000 человѣкъ и сослало въ Сибирь 30,000, достаточно сильно вооружено, чтобы не прибѣгать втихомолку къ пыткамъ и къ тайному убійству. Прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, значило бы разрушать самую идею Государства, Права, Законности. Если же, паче чаянія, и этой обширнѣйшей власти, предоставленной правительству, ему было бы мало, оно должно было, либо вовсе отказаться отъ власти, либо *провести законъ*, установляющій пытку, какъ было при Людовикѣ XV-мъ и Маріи Терезіи. А потому всякій государственный чиновникъ, самовольно позволившій себѣ истязанія надъ заключенными, съ цѣлью вымогательства признаній, въ мѣстахъ, гдѣ введены во-

енно-полевые суды, — долженъ быть преданъ полевому суду и разстрѣлянъ въ 24 часа".

Вотъ что долженъ былъ сказать юристъ. Но на кафедру взошла какая-то старая, должно-быть остзейская креатура министерства юстиціи — имя ему М. Ф. Люце, а чинъ — товарищъ министра; и тамъ, гдѣ могло, гдѣ должно было вырваться, даже у министерскаго чиновника, — хоть одно честное словечко порицанія той грязи, до которой опустилось русское правительство, — Дума услыхала только — оправданія звѣрствъ рижскихъ палачей.

Изъ этого начала можно уже предвидѣть, чѣмъ кончится „запросъ", занявшій уже два засѣданія въ Думѣ.

Нѣкоторые изъ лейбъ-палачей Николая II-го — ошельмованы, въ томъ числѣ Меллеръ-Закомельскій, лейбъ-палачъ назначенный въ Балтійскій Край. Но, ничего!! Николай II пошлетъ имъ всѣмъ „сердечную благодарность"; онъ повыситъ ихъ въ чинахъ — и, посовѣтовавшись съ истинно русскими остзейцами, назначитъ — новыхъ.... флигель-палачей.

П. Кропоткинъ.

О РАБОЧИХЪ СОЮЗАХЪ

III.

Значеніе профессіональныхъ союзовъ съ нашей точки зрѣнія велико; это мы старались показать, опредѣляя мѣсто, которое они занимаютъ въ схемѣ нашей дѣятельности. Но эти рабочіе союзы важны для насъ не только тѣмъ, что въ будущемъ они должны сдѣлаться организаторами производства и потребленія, и не только тѣмъ, что въ настоящемъ они играютъ роль органовъ самозащиты рабочаго класса. Нѣтъ, ихъ значеніе этимъ не ограничивается. Ихъ не меньшее значеніе заключается еще въ томъ, что они являются рабочей средой, свободной средой (milieu libre), въ которой зарождается психологически новый міръ, создаются психологическія условія новой жизни. Это можетъ не имѣть никакого значенія для тѣхъ, которые выставили „объективизмъ" въ видѣ какой то абстрактной, внѣ или надъ-исторической силы, превративъ его въ какую то самодовлѣющую метафизическую сущность, не считающуюся съ жизнью, а творящую ее и управляющую ею; однимъ словомъ для тѣхъ, которые изъ этого „объективизма" сдѣлали нѣчто въ родѣ „мірового духа" Гегеля, по крайней мѣрѣ, по формѣ своей исторической дѣятельности. Для насъ же это крайне важно, такъ какъ мы понимаемъ ходъ вещей и событій синтетически, зная, что вся гармоническая сложность мірового процесса, или путанной сѣти историческихъ событій, въ концѣ концовъ руководится не однимъ какимъ нибудь факторомъ, состоитъ не изъ одной и однородной силы, а изъ такой же сложности безконечно малыхъ и разнородныхъ, комбинирующихся на тысячи ладовъ и образующихъ въ конечномъ синтезѣ равновѣсіе или неравновѣсіе громадныхъ силъ, движущихъ исторію.

Съ этой точки зрѣнія всякое продолжительно вліяющее условіе — это и есть факторъ, возведенный въ божество нашими псевдо-объективистами, — всякая энергія, всякое преломленіе энергіи, даже незначительное, получаетъ громадную важность. Для философіи исторіи, исторической мелочи нѣтъ и не можетъ быть, ибо всякая мелочь есть, по крайней мѣрѣ, безконечно малая величина и какъ таковая, не есть уже quantité negligeable, такъ какъ, комбинируясь съ безконечно же малыми, видоизмѣняя ихъ характеръ и направленіе, превращаясь въ сумму безконечно малыхъ, комбинирующихся съ суммами безконечно малыхъ же, превращается наконецъ въ колоссальныя силы, комбинація и разложеніе, притяженіе и отталкиваніе которыхъ и рисуетъ узорчатыя линіи исторіи. Индивидъ въ міровомъ процессѣ есть это безконечно малое, которое въ своемъ синтетическомъ devenir стремится превратиться въ одну изъ силъ, двигающихъ исторію.

Тоже самое можно сказать и объ его духовныхъ проявленіяхъ: его мнѣніе и убѣжденіе, его идея и стремленіе, страданіе и радость, печаль и утѣшеніе, все это — тѣ же безконечно малыя, которыя, комбинируясь съ такими же безконечно малыми, даютъ въ своемъ синтезѣ воспитаніе, душевное состояніе, идеологію массы, создаютъ — смотря потому каковы общія условія — отупѣніе индивида и массы, или общій подъемъ духа, напряженную работу мысли и чувства, разрыхляетъ почву для героической и творческой работы, какъ для индивида, такъ и для массы.

Эта идейная работа синдикатовъ — не меньшая изъ ихъ заслугъ; она создаетъ элементы той полной жизни, къ которой такъ упорно начинаютъ стремиться рабочіе. Стало быть, для насъ ни та среда, въ которой создается эта идейно-творческая сила будущаго, ни тѣсная связь съ тою средою не есть и не можетъ быть мелочью. Къ сожалѣнію, это очень часто упускали изъ вида фетишисты „объективизма", полагаясь въ дѣлѣ осуществленія принциповъ соціализма исключительно на „объективный ходъ вещей", что — тамъ, конечно, гдѣ они имѣли преобладающее вліяніе — влекло за собою весьма печальные результаты. Условія, опредѣляющія линію историческаго развитія, конечно, — то, съ чѣмъ мы должны считаться прежде всего, ибо изъ ихъ анализа, и только изъ ихъ анализа, можно умозаключить къ будущему съ большей или меньшей вѣроятностью и установить въ главныхъ чертахъ основы цѣлесообразной дѣятельности. Кто этого не знаетъ и кто станетъ отрицать объективизмъ, опредѣленный въ этомъ духѣ? Но наши „объективисты", въ своемъ рвеніи отрицать „роль личности въ исторіи" доходятъ до фактическаго отрицанія творческой роли народныхъ массъ въ исторіи, *) и благодаря черезъ чуръ усердному ковырянію въ мозгу, съ цѣлью сказать что нибудь такое, чего никто не говорилъ и никто не скажетъ, думая сдѣлать такимъ путемъ общеобязательнымъ признаніе оригинальности ихъ системы, забыли, что анализъ условій, опредѣляющихъ ходъ вещей и событій, есть и научная и логическая потребность, отъ которой мы не отказываемся и не можемъ отказаться, не отказываясь отъ самой мысли; тогда какъ признаніе ихъ „объективнаго хода вещей" — этого слѣдствія, по ихъ системѣ, единаго всеопредѣляющаго префактора, есть такая наука, которая заставляетъ отказаться отъ всякой науки.

Анализъ условій, опредѣляющихъ ходъ вещей и событій, и ихъ объективный ходъ вещей — двѣ совершенно различныя вещи. Ихъ объективизмъ только претендуетъ быть полнымъ, научнымъ и логичнымъ объективизмомъ, на самомъ же дѣлѣ онъ не полонъ, урѣзанъ и искуственъ, такъ какъ онъ выводится изъ анализа только одного изъ вліяющихъ условій, которое предварительно превращено въ какую то фаталистическую надъисторическую силу. Это — все что хотите: религіозный, догматическій, метафизическій пріемъ мышленія, но это не суммировка вліянія продолжительно вліяющихъ условій, опредѣляющихъ ходъ вещей и событій. Что же удивительнаго, что они совершенно упускаютъ изъ виду весьма

*) „Хлѣбъ и Воля" № 24. 1905 года

существенныя данныя, въ своемъ неразумномъ стремленіи найти, среди силъ, создающихъ нестойкое равновѣсіе *современной* общественности, одну силу, которой можно было бы приписать не временное установленіе этого временнаго равновѣсія, а его созданіе и развитіе. Та же самая узость не даетъ имъ возможности замѣтить слѣдующія вещи:

Во 1-хъ, если капиталистическій режимъ, т. е. режимъ противорѣчія и борьбы интересовъ, развивается при условіяхъ, которыя приведутъ его къ гибели и паденію, — если, слѣдовательно, паденіе капитализма является дѣломъ времени, то оно является также дѣломъ нашей живой энергіи, такъ какъ въ послѣднемъ счетѣ это паденіе совершится и можетъ совершиться только черезъ посредство этой живой энергіи. „Лѣнтяи не создаютъ исторію: они пассивно терпятъ ее" *). Не слѣдуетъ, стало быть, забывать, что среди условій, ведущихъ къ гибели капиталистическій строй, есть живая энергія — сознательная дѣятельность индивида, группы, массы. Какъ ни гнать прочь отъ себя проклятую „природу человѣка" — которую вовсе не слѣдуетъ понимать абстрактно, въ видѣ самодовлѣющей метафизической сущности, а какъ нѣчто производное — безъ нея дѣло не обходится. Это вполнѣ естественно, ибо, вѣдь ясно, что „человѣческая природа" и есть тотъ сложный аппаратъ, въ которомъ перерабатываются въ волю измѣненія, происходящія въ окружающей космо-соціальной средѣ; въ индивидѣ, слѣдовательно, „нужно искать и ту силу, которая въ окружающей средѣ перерабатывается въ волевыя проявленія" **).

Во 2-хъ, — и это вытекаетъ изъ предыдущаго положенія — индивидъ является участникомъ того же объективнаго процесса; онъ самъ, своею дѣятельностью, одно изъ колецъ непрерывной цѣпи объективныхъ условій, и поэтому, его самаго и его дѣятельность нельзя выбросить за бортъ объективныхъ условій, не разорвавъ эту цѣпь. Индивидъ и индивидуальная дѣятельность есть именно та часть объективныхъ условій, которая проявляетъ ихъ и дѣлаетъ предметомъ познанія и, слѣдовательно, воздѣйствія.

Въ 3-хъ, если въ эволюціи природы, также какъ въ явленіяхъ природы, нѣтъ никакой цѣлестремительности, то общественныя учрежденія являются проявленіями цѣлестремительной дѣятельности индивида и массы. Если бы это было не такъ, весь нашъ разговоръ о классахъ, классовыхъ учрежденіяхъ, классовыхъ стремленіяхъ и интересахъ былъ бы пустымъ швыряніемъ словами, лишенныхъ всякаго содержанія. Но къ счастью это не такъ. Цѣлестремительный характеръ общественныхъ учрежденій является однимъ изъ наиболѣе крупныхъ аргументовъ классовой борьбы; онъ же является высшимъ оправданіемъ и мотивомъ революціонно-насильственной борьбы; въ немъ, въ этомъ цѣлестремительномъ характерѣ общественныхъ учрежденій заключается аргументъ, показывающій объективную необходимость насилія, проявляемаго индивидами и массами одной категоріи, способными къ цѣлестремительной работѣ, противъ учрежденій, являющихся проявленіемъ такой же цѣлестремительной работы индивидовъ и массъ, но только другой категоріи.

Упущеніе изъ виду всѣхъ этихъ положеній, въ высшей степени существенныхъ для уясненія себѣ значенія самодѣятельности рабочаго класса, въ эволюціи и направленіи современныхъ общественныхъ силъ, ставитъ передъ нашими „объективистами" такую задачу, которую можно разрѣшить только методомъ барона Мюнхгаузена: вытащить себя самаго за волосы изъ трясины. Но захотятъ ли они сдѣлать это? Къ трясинѣ то они, кажется, очень привыкли.

Вспомнимъ хоть такой фактъ. Англія есть классическая страна капитализма; классовая диференціяція и классовыя противорѣчія достигли въ ней въ высшей степени напряженнаго состоянія; для всего этого тамъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, существуютъ объективныя данныя. Казалось бы эта полная наличность объективныхъ данныхъ для рѣзкой классовой борьбы должна была бы порождать такую же рѣзкую классовую борьбу, доводя до максимума боевую способность мѣстнаго пролетаріата. Однакожъ мы ничего подобнаго тамъ не видимъ: при полной полнотѣ объективныхъ данныхъ классовой борьбы, субъективная полнота этой борьбы не замѣчается, и англійскій пролетаріатъ очень часто, съ точки зрѣнія классового самосознанія, даетъ печальныя зрѣлища, *) такъ что его классо-боевая способность ниже такой же способности пролетаріата латинскихъ странъ, гдѣ капитализмъ, хотя сильно развитъ, но меньше чѣмъ въ Англіи. Что сіе значитъ? Это значитъ, что въ дѣлѣ образованія психологической возможности сознательной, ясно выраженной классовой борьбы, отнюдь не достаточно таяніе „объективнаго хода вещей"; отнюдь не достаточно существованіе однихъ только объективныхъ условій классовой борьбы, — нужна еще живая работа той живой энергіи, о которой мы говорили выше. Существованіе объективныхъ данныхъ есть одно изъ условій, а не все условіе классовой борьбы и мы видѣли, что это одно условіе можетъ существовать, а классовая борьба всетаки не будетъ проявляться соотвѣтствующимъ образомъ.

Дѣло въ томъ, что между объективнымъ и субъективнымъ, между бытіемъ и мышленіемъ, въ настоящемъ тождества нѣтъ; бытіе и мышленіе тождественны лишь въ тенденціи, лишь въ ихъ постоянномъ стремленіи къ тому, чѣмъ они должны стать въ концѣ концовъ (dans leur devenir). Присмотрѣвшись внимательнѣе къ жизни народовъ, легко замѣтить, что различные общественные классы разно относятся къ готовящимся переворотамъ, не только потому, что разны ихъ интересы, а потому еще, что они разно сознаютъ необходимость или безполезность того или иного переворота. Если взять Россію, мы увидимъ, что буржуазія, интеллигенція давно уже созрѣли для политическаго переворота; часть рабочихъ, ослѣпленная темными силами, совсѣмъ не видитъ необходимости ни этого ни другого какого нибудь переворота; часть переросла его въ томъ смыслѣ, что переворотъ, къ которому онъ стремится гораздо шире и глубже переворота являющагося цѣлью буржуазіи и буржуазной интеллигенціи, и понимаетъ его синтетически, т. е. стремится сдѣлать его политическимъ и экономическимъ въ одно и тоже время; тогда какъ пониманіе готовящагося переворота крестьянствомъ не отличается указаннымъ синтетизмомъ: взоры мужика прикованы къ землѣ. Все это показываетъ отсутствіе того же субъективнаго фактора классовой борьбы. „Объективныя" условія борьбы классовъ можно считать существующими со времени распаденія первобытной коммуны; однакожъ мы знаемъ, что имъ не всегда

*) См. Анархія, ея философія ея идеалъ. П. Кропоткина.
**) См. предисловіе къ L'homme et la terre E. Reclus.

*) Достаточно указать на отношеніе англійскихъ тредъюніоновъ къ національному вопросу, къ бурской войнѣ, къ королевской власти, къ принципу частной собственности и пр. и пр.

соотвѣтствована классовая борьба въ дѣйствительномъ смыслѣ слова. Классовая борьба, въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово употребляется въ настоящее время должна состоять изъ двухъ элементовъ:

а) Существованіе условія, мотивирующаго существованіе самаго класса: имущественная дифференціяція, дополненная опредѣленными производительными отношеніями. Это — элементъ объективный классовой борьбы.

б) Сознаніе самимъ классомъ существующихъ объективныхъ условій, противорѣчія интересовъ и умѣніе отличать другъ отъ друга эти интересы, умѣніе выдѣлять себя изъ прочихъ общественныхъ классовъ, — отыскивать корни основныхъ противорѣчій и стремиться къ ихъ уничтоженію. Это — классовое самосознаніе — элементъ субъективный борьбы классовъ. Намъ могутъ замѣтить, что классовое самосознаніе признается всѣми необходимымъ элементомъ борьбы классовъ. Да мы знаемъ, что о классовомъ самосознаніи всѣ говорятъ, говорятъ очень много, слишкомъ много, но мы знаемъ также, что для всѣхъ политико-парламентскихъ партій это классовое самосознаніе сводится къ выбору Петра или Павла въ депутаты и въ слѣдованіи безсловесной и безправной толпою за партійнымъ правленіемъ, состоящимъ изъ пары хитроумныхъ интеллигентовъ. Для насъ же классовое самознаніе въ выше опредѣленномъ смыслѣ сводится не къ безсмысленному выбору Петра и Павла въ депутаты, что не являтся показателемъ самосознанія, а къ способности самостоятельно дѣйствовать, „быть зрѣлымъ политически", а „быть зрѣлымъ политически" это не значитъ обладать спеціальнымъ призваніемъ управлять государственными дѣлами, умѣть отправлять какую нибудь общественную должность; это не значитъ также засвидѣтельствовать преданность городу [cite]. Все это дѣло таланта и спеціальности. Не это даетъ гражданину, часто молчаливому, умѣренному, находящемуся внѣ всякой службы, то что мы подразумѣваемъ здѣсь подъ политической зрѣлостью. Обладать политической зрѣлостью это значитъ: чувствовать себя членомъ извѣстнаго коллектива, вывести изъ него вытекающую идею и преслѣдовать ея осуществленіе. Тотъ, кто выполняетъ эти три условія, тотъ и зрѣлъ политически" *). Точнѣе эти условія, по словамъ того же Прудона, опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

а) „Пріобрѣлъ ли рабочій классъ самосознаніе съ точки зрѣнія своихъ отношеній къ обществу и государству? Отличаетъ ли онъ себя въ качествѣ коллективнаго существа, моральнаго и свободнаго отъ буржуазнаго класса? Отличаетъ ли онъ свои интересы отъ интересовъ буржуазіи и хочетъ ли онъ не смѣшиваться больше съ нею?

б) Обладаетъ ли онъ какою нибудь идеею, т. е. имѣетъ ли онъ понятіе о своемъ собственномъ составѣ? Знаетъ ли онъ законы, условія и формулы своего собственнаго существованія, предвидитъ ли онъ ихъ назначеніе и конецъ? Понимаетъ ли онъ себя, въ своихъ отношеніяхъ къ государству, къ націи и ко всемірному порядку?

в) Способенъ ли рабочій классъ вывести изъ этой идеи практическія заключенія для организаціи общества, практическія заключенія, которыя были бы заключеніями характерными для него и можетъ ли онъ, если власть**) попадетъ къ нему, вслѣдствіе паденія и отступленія буржуазіи, создать новый политическій порядокъ" *).

Если рабочій классъ можетъ отвѣтить утвердительно на всѣ эти вопросы, то онъ „зрѣлъ политически", онъ обладаетъ классовымъ сознаніемъ.

Мы выше указали, что нѣтъ параллелизма между объективными условіями борьбы классовъ и такъ опредѣленнымъ ихъ субъективнымъ проявленіемъ. И вотъ къ осуществленію этого параллелизма и идутъ профессіональные союзы—въ этомъ, повторяемъ еще разъ, ихъ великая задача. Ихъ живая работа, инціатива, пропаганда, агитація, ихъ побѣды и пораженія, ихъ борьба, постоянная, сегодня и завтра, борьба изъ за мелочей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба изъ за великихъ задачъ будущаго, которымъ, какъ взрывчатымъ веществомъ оболочка бомбы, начинается настоящее, и создаютъ ту *идею-силу*, которая поведетъ рабочую массу на завоеваніе новаго міра.

Не ясно ли теперь, почему мы считаемъ столь многозначущей живую работу среди растущей массы рабочихъ, объединенныхъ въ синдикаты и такую же живую, тѣсную связь съ ними?

К. Оргеіани.

*) См. P. J. Proudhon. De la capacité politique des classes ouvrières. p. 41—42.

*) Тутъ рѣчь идетъ не о государственной или диктаторской власти. Извѣстно, что Прудонъ былъ противникомъ и той и другой. К. О.

*) Установленіе новаго политическаго порядка, для Прудона, не признававшаго революціи 1789—93 гг. и 48 г. революціями, потому что онѣ радикально не измѣнили существующихъ экономическихъ отношеній, не значитъ простая перемѣна формы правленія. К. О.

ИЗЪ РОССІИ.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ.

Повсюду замѣчается оживленіе рабочаго профессіональнаго движенія, и можетъ быть именно оттуда придетъ тотъ новый подъемъ, который выведетъ страну изъ ея теперешняго подавленнаго состоянія. На хозяйскіе локауты [локаутъ въ Лодзи, локаутъ въ Москвѣ, локаутъ на Брянскомъ заводѣ] рабочіе отвѣчаютъ въ свою очередь рядомъ стачекъ. Обѣ стороны организуются. Предпринимательскіе союзы существуютъ теперь у насъ почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности, но такъ какъ русская жизнь еще не научила нашихъ капиталистовъ изыскивать средства борьбы, то они обращаются за совѣтами и указаніемъ къ своимъ германскимъ собратіямъ. Въ одномъ изъ номеровъ „Народнаго Хозяйства" сообщалось недавно, что по свѣденіямъ нѣмецкаго журнала «Soziale Praxis», объединенные нѣмецкіе промышленники очень часто получаютъ запросы изъ-за границы; особенно же обращаются къ ихъ помощи русскіе фабриканты и заводчики. «Главный комитетъ германскихъ работодательскихъ союзовъ» сносится постоянно съ Россіей, особенно съ Петербургомъ, Москвой и Ригой; по его указаніямъ и на основаніи посланнаго имъ матеріала тамъ основаны были предпринимательскіе союзы.

Система локаутовъ точно также возникла у насъ по образцу германской. Вообще, въ дѣлѣ подавленія революціи и русское правительство, и русскіе капиталисты находятъ себѣ въ Германіи дѣятельную поддержку; сосѣдняя имперія, очевидно, является для нихъ образцомъ. Одного только не желали бы мы: это—чтобы наше молодое рабочее движеніе, въ свою очередь, взяло себѣ за образецъ нѣмецкіе профессіональные рабочіе союзы, съ ихъ солидными кассами и упорнымъ консерватизмомъ.

Теперешнее стачечное движеніе непосредственно послѣдовало за лодзинскимъ и московскимъ локаутами. Удачное движеніе московскихъ печатниковъ подняло духъ рабочихъ, и теперь въ Москвѣ замѣчается сильное броженіе и рядъ отдѣльныхъ стачекъ. Полиція принимаетъ энергичныя мѣры противъ рабочихъ союзовъ (рабочихъ по обработкѣ металовъ, колбасниковъ, кондитеровъ и т. д.)

Въ Петербургѣ былъ за послѣднее время рядъ забастовокъ: забастовка красильщиковъ, движеніе среди булочниковъ, затѣмъ забастовки на ткацкихъ фабрикахъ — послѣднія въ видѣ протеста противъ избіенія совершенно мирныхъ рабочихъ на ткацкой фабрикѣ Чешера. Рабочіе фабрики Чешера отказались платить больничный налогъ, — налогъ очень вы-

сокій и притомъ нисколько не обезпечивающій для рабочихъ возможность, въ случаѣ болѣзни, найти себѣ мѣсто въ больницѣ. Была вызвана конная и пѣшая полиція, началось избіеніе на фабричномъ дворѣ. Въ результатѣ — около 100 раненыхъ рабочихъ, среди нихъ — беременныя женщины, жизнь которыхъ теперь въ опасности. — Въ тотъ же день — 10 апрѣля — были многочисленные аресты въ типографіяхъ, гдѣ рабочіе распространяли номера профессіональнаго бюллетеня. Аресты эти производились по доносу хозяевъ. Отвѣтомъ была забастовка всѣхъ этихъ типографій. Аресты идутъ и среди дѣятелей всѣхъ другихъ рабочихъ союзовъ.

Въ другихъ городахъ — повсюду недовольство среди рабочихъ. Въ Баку — грандіозная забастовка каспійскихъ моряковъ, на Уралѣ — частичныя забастовки горнопромышленныхъ рабочихъ. Въ Варшавѣ—волненія на газовыхъ заводахъ, вслѣдствіе сокращенія состава рабочихъ, увеличившаго общее число безработныхъ, и безъ того доходящее до 10.000 человѣкъ. Въ Екатеринославѣ закрывается Брянскій заводъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что жизнь членовъ заводской администраціи подвергается постоянной опасности въ виду террористическихъ актовъ рабочихъ. Екатеринославъ, вообще — мѣсто ожесточенной рабочей борьбы. Не проходитъ дня, чтобы тамъ не было со стороны рабочихъ покушенія на какого нибудь заводскаго мастера или инженера, на шпіона или на полицейскаго. Интересно отношеніе къ этой борьбѣ соціалъ-демократіи: подъ ея вліяніемъ часть рабочихъ отправила делегацію для совѣщанія съ соціалъдемократической фракціей Думы, и приняла резолюцію, выражающую несогласіе съ „анархической борьбой отдѣльныхъ лицъ, вредящей рабочему люду". Этой борьбѣ противупоставляются «массовыя» средства, «массовыя» организаціи, какъ будто бы постоянно повторяющіеся террористическіе акты рабочихъ не проявленія «массового» настроенія! Но такова уже повсюду соціалъдемократія: ея первое побужденіе въ такихъ случаяхъ всегда — отмежеваться отъ крайнихъ революціонеровъ.

Въ Думѣ соціалъдемократической фракціей будетъ сдѣланъ по поводу екатеринославскихъ событій и Брянскаго локаута запросъ; этому запросу будетъ приданъ невинный видъ запроса о безработныхъ.

Повсемѣстное пробужденіе рабочаго движенія вызываетъ, понятно, опасенія правительства. Оно предвидитъ новый стачечный взрывъ, можетъ быть новую желѣзно-дорожную забастовку, и принимаетъ мѣры. На всѣхъ узловыхъ станціяхъ мобилизированы карательные поѣзда, вездѣ усиливается военная и полицейская охрана желѣзныхъ дорогъ, привозятся и испытываются пулеметы.

Рядомъ со стачечнымъ движеніемъ идетъ движеніе организаціонное. Возникаютъ повсюду новые профессіональные союзы, происходятъ мѣстные и областные съѣзды. Недавно закончилась первая всероссійская конференція союзовъ рабочихъ печатнаго дѣла. Обсуждавшіеся вопросы были: вопросы организаціонные, вопросъ о тарифахъ (уравненіе заработной платы въ разныхъ мѣстностяхъ и установленіе минимума ея), о стачкахъ, о партійности или безпартійности союзовъ [конференція высказалась въ смыслѣ безпартійности]. Два интересныхъ пункта были, кромѣ того, третейскіе суды между рабочими и хозяевами и тарифныя соглашенія. Конференція отвергла всякія примирительныя камеры и суды, носящіе обязательный для обѣихъ сторонъ характеръ, и приняла только принципъ посредничества необязательнаго. Къ сожалѣнію, она не проявила такой же непримиримости въ вопросѣ о тарифныхъ соглашеніяхъ. Объявивъ, что они не противорѣчатъ въ принципѣ классовой борьбѣ, она открыла путь къ цѣлому ряду компромиссовъ. Правда, пока, тарифныя соглашенія допускаются срокомъ не больше чѣмъ на годъ, но и это слишкомъ рисковано; кромѣ того самое стремленіе предотвратить на цѣлый годъ, въ такое время какъ теперь, стачки изъ-за заработной платы, указываетъ на настроеніе далеко на боевое. Вообще, тарифныя соглашенія — методъ, практикуемый въ Западной Европѣ наиболѣе отсталыми рабочими союзами, особенно нѣмецкими. Въ странахъ съ рабочимъ движеніемъ революціоннымъ, такъ-называемые коллективные договоры совершенно не пользуются популярностью.

ПЫТКИ ВЪ РИГѢ.

Пытки и истязанія, совершавшіяся въ Ригѣ и вообще въ Балтійскомъ краѣ, были предметомъ запроса въ Думѣ. Запросъ разбирался сперва особою коммиссіею, которая и изложила факты въ длинномъ, обстоятельномъ докладѣ. Хотя все это извѣстно уже по русскимъ газетамъ, но такъ какъ массы нашихъ читателей въ зап. Европѣ и Америкѣ никогда не видятъ русскихъ газетъ, то мы считаемъ нужнымъ, хотя вкратцѣ изложить факты, обнаруженные Думскимъ докладомъ.

Пытки и истязанія начались въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ только начали свои дѣйствія карательные отряды. Особеннаго расцвѣта онѣ тогда достигли въ Ригѣ, въ сыскномъ отдѣленіи, подъ начальствомъ нѣкоего Кошко. Но въ концѣ декабря 1905 г. была уже организована цѣлая коммиссія, куда вошли пом. нач. сыскнаго отд. Швабе, пом. пристава Александровскій, Грегусъ, Сабецкій и друг. полицейскіе и сыщики. Этой коммиссіи было поручено прокуроромъ производить «слѣдствія», а губернаторомъ, для этой же цѣли — по заявленіямъ самой же коммиссіи — было предоставлено ей право „убивать политическихъ безъ суда и слѣдствія". Всѣ пытки дѣлались, такимъ образомъ, съ вѣдома, и разрѣшенія, прокурор. надзора, жандармскаго полковника, и высшихъ административныхъ властей края».

Просимъ замѣтить, что мы приводимъ здѣсь подлинныя слова Думской коммиссіи. Ни одинъ министръ не оспаривалъ ихъ точности.

Вотъ примѣры того, что дѣлали эти звѣри: — 18-тилѣтняго Лапса, отъ котораго не могли добиться признанія, повалили на полъ, одинъ изъ палачей вскочилъ ногами на грудь его и прыгалъ на ней до тѣхъ поръ, пока грудная клѣтка и ребра не были проломлены. Послѣ этого, Лапсъ, до самаго разстрѣла, не могъ ничего принимать, кромѣ воды. Страздыня били по икрамъ, до тѣхъ поръ, пока мясо не стало отваливаться отъ костей. Карлсона изкромсали резиновыми палками и т. д. Каждый допросъ продолжался по нѣсколько часовъ, до тѣхъ поръ, пока обвиняемый не подписывалъ признанія во всѣхъ взводимыхъ на него преступленіяхъ. „Такимъ образомъ Лапса, Пазгле, Карлсона, Страздыня, Грундмана избивали и пытали Грегусъ, Александровскій, Сабецкій и Давусъ".

„Послѣ такихъ истязаній — говоритъ Думскій докладъ, — тѣ обвиняемые, на кот. слѣды пытокъ были слишкомъ ясно видны, отводились ночью за Гризенбергскую заставу, около центр. тюрьмы, и разстрѣливались", подъ тѣмъ предлогомъ, что они будто-бы пытались бѣжать. „Такъ въ ночь съ 17 на 18 янв. 1906 г. тамъ были разстрѣляны, яко бы за попытку бѣжать, Лапса съ поломанной грудной клѣткой, Страздынь съ изувѣченными ногами, Петръ Азденъ, трупъ котораго найденъ потомъ съ раздробленными костями, съ отсѣченной еще до разстрѣла ногой и нанесенными острымъ орудіемъ безчисленными ранами. 18 января убитъ тамъ же штыкомъ Брѣдисъ, 20 янв. Иванъ Аболтинъ, 26 янв. еще двое, 29 іюня одинъ." Другихъ предавали суду и разстрѣливали, на основаніи „чистосердечныхъ признаній".

«Арестованный 2 февр. 1906 г. Эйхгольцъ былъ подвергнутъ самымъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ. Его пытали четыре ночи», и въ истязаніяхъ принималъ также участіе приставъ. Грасманъ. Такимъ же истязаніямъ подвергли рабочихъ Ю. Шенберга и Ив. Озолина (ар. 6 фев. 1905)

Франца Вейнберга [ар. 17 фев. 1906] повалили на ножки опрокинутаго стула, и четверо его били проволочной нагайкой. Когда онъ лишался чувствъ, отливали холодною водою и начинали снова.

14 марта 1906 арестованы были въ квартирѣ Эрнстъ Бирзнѣкъ, Янъ Ретекомъ и Ансъ Отрупъ. Найдено оружіе и литература. Прокуроръ переслалъ ихъ въ сыскное отдѣленіе, гдѣ «8 дней ихъ подвергали самымъ изысканнымъ пыткамъ, подъ руководствомъ Грегуса, Михѣева и Ткачева [полиц. надз]..... рвали ногти, вырывали волосы, били по половымъ органамъ, ломали кости». Отъ Зирака, ар. 3 апрѣля, у котораго нашли с.-д. газету «Борьба», требовали указать, гдѣ типографія. По его указаніямъ, сдѣланнымъ подъ пыткой, арестовали трехъ другихъ. Всѣхъ четверыхъ жестоко пытали по ночамъ въ 3-мъ Московскомъ полиц. участкѣ.

Такія же пытки шли во 2-мъ участкѣ Моск. части города Риги (руководилъ приставъ Афанасьевъ), во 2-мъ уч. Петерб. части (прист. Кукасъ), во 2-мъ уч. Митав. части (прист. Мейеръ), гдѣ 20 апр. 1906 пытали родителей разыскиваемаго В. Прѣде, — Яна и Лѣне Прѣде.

Во время сессіи 1-й Думы пытки ослабли, но послѣ разгона Думы возобновились еще съ большею жестокостью, — особенно послѣ назначенія генералъ-губер

наторомъ Меллера-Закомельскаго, который — прибавимъ — заслужилъ благодарность Николая II-го за свои жестокости въ Сибири.

16-тилѣтняго мальчика, Эд. Зиотыня, за передачу одного экземпляра выборгскаго воззванія Думцевъ, черезъ 12 дней послѣ ареста пытали проволочною нагайкою, обшитой кожею, которую палачи любовно называли «Марьей Ивановной». „Били по головѣ, били по рукамъ, по спинѣ, по половымъ органамъ, пока наконецъ все тѣло не превратилось въ одну зіяющую рану. Отъ Зиотыня требовали указанія виднаго соц.-дем. комитета".

Учитель Ризга, ар. 18 марта 1906, послѣ пяти-мѣсячнаго сидѣнья въ центр. тюрьмѣ, былъ препровожденъ въ сыскное отдѣленіе для допроса. Ему давали 4 раза по 40 ударовъ резиновыми палками. Надѣли петлю на шею, грозя повѣсить, и опять истязали. Отъ него требовали признанія въ убійствѣ одного пристава въ Могил. губ. На другой день случайно обнаружилось, что онъ не могъ участвовать въ этомъ убійствѣ, и его увезли обратно въ тюрьму. Но въ сентябрѣ опять его привезли и 5 ночей сряду пытали, требуя признанія въ соучастіи въ ограбленіи Моск. банка. На 6-й день Ризга подписалъ заранѣе написанный Грегусомъ протоколъ признанія, гдѣ значилось что онъ самъ и его братъ участвовали въ томъ же ограбленіи. Между тѣмъ его братъ, еще раньше этого факта уѣхалъ въ Америку. Въ концѣ концовъ, военный судъ оправдалъ Ризгу!

Въ августѣ пытали Яна Кепина. Особымъ звѣрствомъ отличался Грегусъ.

10 октября были арестованы, по подозрѣнію въ грабежѣ, Озоль, Янъ Гайлитъ и Луесъ. Ихъ подвергли въ сыскномъ отдѣленіи самымъ звѣрскимъ истязаніямъ: били, ломали кости, рвали ногти, изувѣчили, пока, наконецъ, не добились требуемаго признанія. 13 окт., на основаніи этихъ «признаній», они были разстрѣляны по приговору военно-полеваго суда.

Келле-Пелле, ар. 29 ноября 1906, жестоко пытали, требуя признанія въ убійствѣ. Онъ не подписалъ такого признанія, и на военномъ судѣ разсказалъ о пыткахъ. Тогда Грегусъ и Михѣевъ, «въ отместку, подвергли его снова звѣрскимъ испытаніямъ, грозя отвести его куда нибудь въ деревню, или на Гризенбергъ, и «при попыткѣ бѣжать» разстрѣлять». Его и отправили въ какую-то деревушку, нѣтъ съ Янсономъ; но простая случайность спасла имъ жизнь.

Юра Бископъ до того былъ изувѣченъ палачами, что не могъ ни стоять, ни ходить; «на отхожее мѣсто его водили товарищи, а къ пыткамъ наверхъ носили на рукахъ сыщики», говоритъ докладъ Думской Комиссіи. «Но и въ этомъ состояніи продолжали его истязать, и вплоть до своей смерти онъ мочился кровью». Тоже было съ Томсономъ.

30 ноября 1906, въ Ригѣ арестовано было 15 челов. Къ нимъ присоединенъ былъ арестованный мѣсяцемъ раньше Фердинандъ Грюнингъ. «Послѣдній, — говоритъ Думскій отчетъ — при арестѣ, былъ подвергнутъ въ сыскномъ отдѣленіи до того безчеловѣчнымъ пыткамъ, что 22-хъ-лѣтній здоровый юноша превратился въ лысаго, изувѣченнаго старика»... Арестованныхъ избивали нагайками, топтали ногами, ломали кости, рвали волосы и ногти, тушили папиросы и сигары о тѣло, сдавливали половые органы, а къ Грюнингу, какъ самому упорному, примѣняли еще спеціальную пытку. Его повалили, привязали къ скамейкѣ, положили поперекъ него доску и двое полицейскихъ качались на ней, ломая у Грюнинга спиной хребетъ. На основаніи полученныхъ такимъ путемъ признаній и оговора десять человѣкъ были разстрѣляны 8 декабря. Грюнингъ, вмѣстѣ съ Сникеромъ, былъ приговоренъ къ 15 лѣтней каторгѣ. Дабы скрыть слѣды звѣрскихъ истязаній, Грюнингъ и Сникеръ были отправлены въ Кокенгузенъ, для разстрѣла „при попыткѣ бѣжать", что и было сдѣлано 27 декабря 1906 г.

Осенью 1906 г. заарестовали 8 человѣкъ, въ томъ числѣ 14-ти лѣтняго Иванова. Изъ нихъ, Бекмана и Осита «пытали при звукахъ шарманки, а полицейскіе чины въ это время пьянствовали». Бекманъ, послѣ жестокихъ истязаній, сознался въ томъ, чего отъ него требовали. Его разстрѣляли 19 января 1907.

Отъ рабочаго Осита требовали сознанія, что онъ учитель Лѣпинъ. Его пытали ужасно. Все тѣло его покрылось зіяющими гнойными ранами. Только черезъ два мѣсяца, когда онъ гнилъ за-живо въ бѣльѣ, которое два мѣсяца не мѣняли, къ нему допустили фельдшера. Четыре мѣсяца послѣ пытокъ, раны были еще въ кулакъ.

Дреймань, [ар. сент. 1906] послѣ первой пытки былъ покрытъ ранами. 24 сент. его пытали вторично. «Зіяющія раны Дреймана посыпали солью и стали тереть ихъ. Мученія были до того ужасны, говоритъ отчетъ Думы, что онъ предпочелъ смерть и подписалъ протоколъ». 25 сент. его разстрѣляли.

И тамъ орудовали, въ ожиданіи царской благодарности по всему Балтійскому краю.

На станціи Огеръ, пытками руководилъ нѣкто Іонинъ, пом. уѣзд. нач.; крестьянина Заренко Іонинъ пыталъ цѣлую недѣлю, собственноручно рвалъ ему.... Не добившись «признаній», его разстрѣляли безъ суда и слѣдствія.

12 дек. 1906 въ Ригѣ была арестована женщина (имени она просятъ не называть). Ее отправили пытать Іонину. Пытали 3 дня, ужасно. Іонинъ былъ прямо звѣрь, наслаждавшійся пытками, ругаясь надъ своими жертвами. Женщинъ онъ терзалъ нагайками и вырывалъ куски мяса щипцами. Этотъ злодѣй пыталъ даже 8-ми лѣтнюю дѣвочку Анну Пурынь, требуя чтобы она указала гдѣ ея отецъ...

Недалѣе какъ въ прошломъ февралѣ, младшій пом. гольдингенскаго уѣзднаго начальника Вольфманъ пыталъ крестьянина Кристъ Сальминъ. Его били палками по пяткамъ, «жгли пятки горящей свѣчей», набивали, наконецъ, скрутили желѣзной цѣпью ноги и повѣсили его на стѣнѣ ногами вверхъ, и въ такомъ положеніи стали вновь избивать.

Тутъ ужъ и урядники начали пытать. Всѣ захотѣли попасть въ царскіе палачи. Такъ, урядникъ Сергѣевъ и стражникъ Крищокъ отъ себя пытали учителя Лоренца.

Вотъ главные факты, занесенные Думскою Комиссіею въ запросъ правительству.

Вотъ какъ вѣрные слуги исполняли желаніе своего мягкосердечнаго царя-батюшки, приказавшаго военнымъ судамъ казнить безпощадно. Чтобы разстрѣлять, военному суду нужно признаніе, или безспорныя улики. Царь велѣлъ разстрѣливать. Нужны были улики, ихъ и добывали пытками. Постарались, нечего сказать, царскіе слуги, и благодарность заслужили.

Скоро полнятся, надѣемся, рескрипты всѣмъ этимъ палачамъ, съ благодарностью за вѣрность престолу и отечеству, т. е. за вѣрность всѣмъ высокопоставленнымъ ворамъ и грабителямъ.

АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Наше движеніе понесло за послѣднее время большія потери: провалъ въ Минскѣ, провалъ въ Екатеринославѣ, аресты въ Полтавѣ, Кременчугѣ, Константиноградѣ. Въ Минскѣ взята типографія и лабораторія взрывчатыхъ веществъ. Насколько намъ извѣстно, при обыскѣ было вооруженное сопротивленіе; двое нашихъ товарищей убито. Изъ арестованныхъ, газеты называютъ Ковецкаго и Бентковскаго. Болѣе подробныхъ свѣдѣній мы пока не имѣемъ. Въ Екатеринославѣ взята типографія; арестовано трое [женщины].

Въ Ригѣ будутъ скоро судиться военнымъ судомъ по дѣлу о прошлогодней забастовкѣ (обвиняются также въ принадлежности къ группѣ а.-к.): Королевъ, Рогулинъ [солдаты саперной роты]. Звайгане, Крейцбергъ и двѣ женщины — Звайгзне и Китонъ.

Въ Одессѣ убившіе начальника тюрьмы оказались анархистами. Одинъ изъ нихъ — Ярошевскій — убилъ себя при преслѣдованіи; другой — Драгомировъ (совсѣмъ молодой рабочій) казненъ 14 апрѣля по приговору военно-полеваго суда.

Въ Петербургѣ предвидится скоро процессъ анархистовъ, попавшихся благодаря искусной провокаціи. Нѣкій Эгановъ, какъ оказалось впослѣдствіи агентъ охраннаго отдѣленія, былъ присланъ въ Петербургъ изъ Севастополя со спеціальной цѣлью выслѣживанія анархистовъ [Эгановъ сидѣлъ раньше въ тюрьмѣ съ нѣкоторыми анархистами и успѣлъ пріобрѣсти кое-какія знакомства]. При его помощи былъ устроенъ въ Петербургѣ кружокъ, главнымъ образомъ изъ студентовъ университета, который предпринялъ цѣлый рядъ революціонныхъ актовъ. Въ сентябрѣ всѣ они были арестованы (больше 20 человѣкъ, изъ которыхъ мы знаемъ, изъ газетъ, фамиліи Ильина, Гамбаева, Лудникова, Крылова, Васильева).

Въ Москвѣ произошло съ мѣсяцъ тому назадъ вооруженное нападеніе на постъ городовыхъ. Арестованные — студенты Чеботаревскій, Новицкій, Безрадецкій и бывшій почтово-телеграфный служащій, бѣжавшій изъ ссылки, Овсянниковъ — заявили себя анархистами. Всѣ они были осуждены военно-полевымъ судомъ и казнены.

АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ОДЕССѢ.

Послѣ сравнительнаго затишья, вызваннаго неимовѣрно-тяжкими потерями [казни Покотилова, Тарле, Меца, Брунштейна, Шерешевской и др., арестовъ Гершковича, Бейлина, Эрделевскаго, массы административныхъ ссылокъ и проч.], анархическое движеніе въ Одессѣ возродилось съ новой силой. Свѣдѣнія, полученныя нами въ послѣднее время, окончательно убѣждаютъ насъ въ томъ, что движеніе въ этомъ городѣ стало „неистребимымъ“, несмотря на всю свирѣпость преслѣдованій, испытываемыхъ одесскими анархистами. На общемъ фонѣ бездѣятельности и инертности запуганныхъ реакціей „соціалистовъ“ ярко выдѣлились за послѣднее время — убійство начальника одесской тюрьмы и обостреніе революціонно-экономической борьбы въ цехѣ сапожниковъ и заготовщикомъ. Уже въ одномъ изъ нашихъ очерковъ одесскаго движенія («Свѣтлой памяти И. Покотилова», № 7 Лист. Х. и В.*) намъ приходилось указывать на то, что анархистамъ приходится въ Одессѣ взваливать на свои плечи неимовѣрно — тяжелую работу; въ самомъ дѣлѣ, на ряду съ анархистами въ Одессѣ работаютъ с.-д. и с.-р., насчитывающіе... на бумагѣ чуть-ли не десятки тысячъ сторонниковъ, но на дѣлѣ не проявляющіе себя никакимъ активнымъ выступленіемъ.

Тюремная трагедія въ Одессѣ имѣетъ свою исторію. Звѣрства въ тюрьмѣ начались прошлой весной съ переводомъ „либеральнаго“ начальника Бердич. тюрьмы — Парфенова. На первыя-же репрессіи анархисты отвѣтили сопротивленіемъ. Между прочимъ, избиты и посажены были въ карцеръ анархисты П. Пославскій, П. Непомнящій и [нынѣ казненный] Брунштейнъ „за дерзость и неповиновеніе“. Это издѣвательство не только не вызвало въ с. д. и с. р. естественнаго чувства солидарности къ анархистамъ, но, напротивъ вызвало постановленіе большинства политическихъ заключенныхъ... не присоединяться къ протесту анархистовъ, выдѣлить анархистовъ въ особую „группу меньшинства“ и заявить начальству, что „большинство“ не считаетъ себя отвѣтственнымъ за протесты „меньшинства“ (т. е., анархистовъ). Когда среди анархистовъ стали поговаривать о томъ, что должно быть предпринято противъ тюремнаго начальства „что-нибудь за стѣнами тюрьмы“, „большинство“ отнеслось къ этому, какъ... къ провокаціи. Какъ показали дальнѣйшія событія, отъ этой „провокаціи“ не поздоровилось новому начальнику одесской тюрьмы, Ивану Шафоруку, смѣнившему Парфенова. 11-го апрѣля онъ былъ убитъ двумя анархистами-коммунистами, литейщикомъ Ярошевскимъ и рабочимъ слесарныхъ мастерскихъ при Добровольномъ флотѣ — Драгомировымъ. При преслѣдованіи оба анархиста оказали геройское сопротивленіе, — ими было выпущено въ преслѣдователей до 50 выстрѣловъ и брошена бомба [неразорвавшаяся, п. ч. упала на рыхлую землю]. Раненаго Ярошевскаго настигли уже очень далеко отъ мѣста покушенія; когда преслѣдователи приблизились къ нему на разстояніе 5—6 шаговъ и у него уже не было никакой возможности сопротивляться, Ярошевскій покончилъ самоубійствомъ, выстрѣливъ себѣ въ ротъ. Послѣ этого, всѣ полицейскіе ищейки, при помощи нѣсколькихъ уличныхъ зѣвакъ, продолжали преслѣдовать Драгомирова, котораго имъ удалось арестовать на улицѣ. На допросѣ онъ заявилъ, что онъ — анархистъ-коммунистъ и убилъ начальника тюрьмы за истязанія заключенныхъ. Отъ дальнѣйшихъ показаній отказался. По приговору военно-полевого суда Михаилъ Драгомировъ, 19 лѣтъ, юноша съ красивымъ, симпатичнымъ лицомъ, повѣшенъ. Его товарищъ — Ярошевскій, покончившій съ собой, въ октябрьскіе дни, участвуя въ самообороне, былъ раненъ въ руку. Въ прошломъ году Я. былъ административно высланъ изъ Одессы; между прочими вещами у него при обыскѣ была найдена медаль на лицевой сторонѣ которой былъ выбитъ портретъ Покотилова, убившаго директора „южно-рус. о-ва печ. дѣла“.

Пропаганда въ цехѣ сапожниковъ и заготовщиковъ ведется одесскими анархистами уже третій годъ; рабочіе заготовщики сумѣли раньше другихъ отвоевать 8-ми часовый рабочій день и сравнительно — сносныя условія существованія. По постановленіямъ синдиката заготовщиковъ, хозяева за ругань или грубое обращеніе съ рабочими подвергались штрафамъ въ 25—50 руб., которые исправно выплачивались ими, изъ боязни мести. Во многихъ забастовкахъ (напримѣръ, въ маѣ прошлаго года) заготовщики шли впереди другихъ цеховъ. Съ усиленіемъ реакціи хозяева попытались отнять у рабочихъ привилегіи, добытыя долгою и упорною борьбой. Но... врядъ-ли имъ это удастся. „Особенно рьянымъ“ хозяиномъ оказался владѣлецъ большой мастерской и магазина обуви — Воловельскій. Чтобы сломить упорство рабочихъ, онъ прибѣгъ къ „локауту“, но черезъ нѣсколько дней послѣ закрытія мастерской В—скимъ было получено письмо слѣдующаго содержанія: «Уволенные рабочіе и Южно-русская группа анархистовъ-коммунистовъ требуютъ открытія вашей мастерской втеченіе трехдневнаго срока. Въ противномъ случаѣ, вы подвергнетесь смерти, а мастерская — разрушенію. P. S. Послѣ трехдневнаго срока вывѣсить объявленіе въ вашемъ окнѣ — «требуются подмастерья въ мастерскую. Принять 6, плюсъ 3, плюсъ 3, т. е. 12 человѣкъ».

Въ условленный срокъ вывѣшено было Воловельскимъ объявленіе, удовлетворявшее только нѣкоторыя требованія рабочихъ. Черезъ два дня, выстрѣломъ изъ револьвера былъ раненъ въ своемъ магазинѣ Воловельскій. Въ связи съ этимъ покушеніемъ произведены обширные аресты: арестовано 7 рабочихъ мастерской Воловельскаго, 9 рабочихъ фабрики Стотланда, у которыхъ найдена 7-ми фунтовая бомба, нѣсколько рабочихъ заведенія Харьковскаго, гдѣ захвачены бумаги, и др.

Г.

Партія Соц.-Революціонеровъ.

„Партійныя Извѣстія“ №№ 1—5. Изд. Центральнаго Комитета партіи соц.-революціонеровъ.

„Партійныя Извѣстія“ свидѣтельствуютъ о томъ, что партія соц.-революціонеровъ подверглась участи, общей всѣмъ, «политическимъ» — и, въ силу этого, неизбѣжно, политиканствующимъ партіямъ.

Подъ вліяніемъ «политическихъ соображеній», ей приходится многое перечеркивать въ своихъ былыхъ обѣщаніяхъ, призывахъ и даже дѣйствіяхъ. И „Партія С.-ровъ“ какъ таковая, въ лицѣ своихъ оффиціальныхъ руководителей и истолкователей, вступаетъ въ конфликтъ съ тѣмъ представленіемъ о ней, которое создалось въ головахъ многихъ приверженцевъ ея. Выставленные ея руководителями, въ періодъ формированія партіи, въ цѣляхъ привлеченія наибольшаго числа сторонниковъ, лозунги и обѣщанія, далеко выходящіе за предѣлы сущности всякой политической партіи, оружіе обоюдоострое. И теперь эти руководители оказываются въ положеніи волшебника, который не въ силахъ совладать съ вызванными имъ духами.

Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, безнаказанно пользоваться извѣстными пріемами слова и дѣла, съ задней мыслью ограничить ихъ размахъ, когда придетъ для того надлежащее время.

Далеко не всѣ, привлеченные къ партіи опредѣленными идеями, склонны такъ пропитаться узкопартійными интересами и безграничной вѣрой въ авторитетъ ея руководителей, чтобы безпрекословно слѣдовать за ними во всѣхъ ихъ вольныхъ или невольныхъ эволюціяхъ, въ виду болѣе или менѣе соблазнительныхъ перспективъ. Далеко не всѣ согласны, преданность *дѣлу* замѣстить преданностью партіи. Отсюда неизбѣжные расколы въ такихъ партіяхъ, недовольство центрами со стороны элементовъ, принявшихъ за основное то, что было лишь реторическимъ украшеніемъ, и — разрывъ ихъ съ партіей.

Отсюда же усиленное стремленіе „партійныхъ людей“ усилить партійную дисциплину, ввести наибольшее подчиненіе центрамъ, внушить наибольшее почтеніе къ ихъ авторитету; стремленіе совмѣстить несовмѣстимое, затушевать очевидныя противорѣчія между словомъ и желаннымъ дѣломъ.

О такомъ конфликтѣ соціалистовъ-революціонеровъ съ оффиціальными эсъ-эрами говорятъ «Партійныя Извѣстія».

И руководящія статьи, и всевозможные уставы, протоколы и т. п. все больше и больше пропитываются духомъ бюрократизма. Самый стиль ихъ становится чисто канцелярскимъ. „Высшая инстанція“, „аппеляція“, «правомочность», «директивы», «законодательный починъ» — такими и подобными словами пестрятъ страницы органа. И это не только словесныя упражненія. Та же канцелярщина проводится въ жизнь партіи, въ самое пониманіе революціи и соціализма.

Характерно стремленіе обезпечить выполненіе «директивъ» центра и проведеніе ихъ на съѣздахъ различныхъ «инстанцій», вплоть до партійнаго съѣзда. На второмъ партійномъ съѣздѣ, напримѣръ, при половинномъ составѣ мѣстныхъ представителей, въ числѣ 115-и человѣкъ, съ 68-ю рѣшающими и 47-ю совѣщательными голосами, мы находимъ: 3 голоса центральнаго комитета; представителя партіи въ

Международ. Соціалист. бюро; 5 членовъ организаціоннаго Бюро съѣзда (образованнаго ц. к.; см. № 1) «нѣсколько членовъ ц. к., уполномоченныхъ ц. к. и др.» Если не физическое, то моральное давленіе обезпечено. „Отдать подъ контроль и руководство ц. к.“ „поручить ц. к.“, — таковъ неизбѣжный припѣвъ всѣхъ постановленій и резолюцій съѣзда; ц. к. — органъ все предвидящій, во все вмѣшивающійся, всѣмъ распоряжающійся, все санкціонирующій, все контролирующій, все подавляющій. Но несмотря на всѣ старанія ц. к. соблюсти „единство“ въ партіи, путемъ подчиненія всѣхъ членовъ ея его «директивамъ», находятся цѣлыя организаціи, не только не солидарныя съ его взглядами, но придерживающіяся взглядовъ, прямо противоположныхъ. И трудно ожидать, чтобы эти элементы (цѣлыя организаціи и даже областные съѣзды), «считающіе тактику оппортунизма и компромиссовъ вредной, самоубійственной для П. С. Р.», высказывающіеся вполнѣ опредѣленно за бойкотъ Думы, отрицательно относящіеся къ Думѣ и трудовой группѣ, удовлетворились предложеніемъ: смотрѣть на выборы, какъ на «рѣшительный моментъ революціонной борьбы съ самодержавіемъ», внести «весь свой революціонный пылъ и энтузіазмъ» въ избирательную кампанію, «забыть такъ недавно раздѣлявшія насъ разногласія насчетъ бойкота или участія въ выборахъ» (все это мы цитируемъ дословно). Трудно, чтобы они удовлетворились, слыша на свои заявленія о «неудовлетворенности партіей въ виду ея тактическихъ директивъ, въ видѣ прямолинейныхъ приказовъ сверху, въ виду ощущенія оторванности заурядныхъ работниковъ отъ комитетовъ, периферіи отъ центра», — рекомендаціей «самодѣятельности», въ смыслѣ... иниціативы бумажныхъ сношеній, ради полученія приказовъ и санкціи. И въ отвѣтъ на такіе совѣты ц. к., въ № 3-мъ, по адресу Пензяковъ, черниговскій комитетъ протестуетъ противъ генеральскаго поведенія центровъ и противъ такихъ совѣтовъ, подтверждая въ еще большемъ объемѣ жалобы Пензы.

Шестой очередной съѣздъ сѣвер.-западн. обл. постановляетъ, что партійный съѣздъ долженъ отразить настроенія и взгляды — не верховъ партіи с.-р., а организованныхъ ею массъ. А «верхи» полагаютъ необходимыми двухъ и трехъ-степенные выборы въ отвѣтственные члены, для массовыхъ членовъ партіи.

По не менѣе важному вопросу — аграрнаго террора и вообще экономической борьбы — также цѣлый рядъ противорѣчій между мѣстными работниками и центрами. Съ одной стороны, центры стараются убѣдить, что единственное спасеніе въ политической борьбѣ, что слѣдуетъ отрицательно отнестись къ аграрному террору и сомнѣваются въ цѣлесообразности метода открытыхъ правонарушеній, и «вѣрныя» области «считаютъ неотложной задачей» направить всѣ усилія на пріостановку аграрнаго террора. Въ цѣляхъ же сохраненія настроенія крестьянскихъ массъ... и использованія въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ накопившейся энергіи массъ.... находитъ цѣлесообразнымъ развитіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ политическаго террора!... [здѣсь, впрочемъ, тоже отступленія отъ намѣреній центра. См. № 2, резолюціи 3-го южно-рус. обл. съѣзда]. Съ другой стороны, такія организаціи, которыя, какъ напр. 3-й съѣздъ активныхъ работниковъ центр. обл., признаютъ допустимымъ, какъ одно изъ средствъ революціонной борьбы, имѣющей цѣлью полное уничтоженіе частнаго землевладѣнія, уничтоженіе помѣщичьихъ хозяйствъ и имущества, или, какъ Харьк. губ. съѣздъ, стоитъ за террористическіе акты и партизанскія дѣйствія.

По вопросу объ «экспропріаціи» постановленіе партійнаго съѣзда не придется по душѣ тѣмъ организаціямъ, которыя, какъ напр. Владимірскій губернскій съѣздъ, находятъ необходимымъ ввести въ тактику партіи С.-Р., какъ одно изъ средствъ партизанской борьбы, не только экспропріацію казенныхъ имуществъ, но и тѣхъ частныхъ, которыя непосредственно служатъ орудіемъ борьбы съ революціей», или какъ часть Сѣверно-Кавказской организаціи П. С. Р. стоитъ за частныя экспропріаціи, „какъ сопряженныя съ меньшимъ рискомъ“. За такую ересь имъ грозитъ исключеніе изъ партіи. Согласно резол. Совѣта партіи — ц. к. санкціонируетъ только „экспропріаціи“ сомнительныхъ имуществъ [когда есть сомнѣніе — казенное оно или частное); то же самое съ вопросомъ о пассивномъ сопротивленіи.

Позиція ц. к. въ вопросѣ объ „экспропріаціяхъ“, впрочемъ, врядъ ли убѣдительна для членовъ партіи. Почему, ограбленіе крупнаго капиталиста преступно, а ограбленіе сидѣльца кабака, отвѣтственнаго за эти деньги, или казенныхъ суммъ, потерю которыхъ, конечно, правительство не преминетъ переложить на плечи все того же многострадальнаго плательщика, допустимо? ц. к. хранитъ молчаніе о своихъ «политическихъ соображеніяхъ» на этотъ счетъ.

Но еще болѣе существенно различіе пониманія цѣли и характера революціонныхъ дѣйствій — съ одной стороны членовъ партіи, прельщенныхъ ея соціалистическими фразами, съ другой — руководителей партіи, знающихъ слишкомъ хорошо, *куда они* идутъ и хотятъ вести за собой.

Съ цѣлью затушевать это противорѣчіе и подготовить открытый переходъ въ совершенно другую плоскость дѣятельности, сохраняется еще отчасти прежняя «беллетристика», и дѣлается осторожная замѣна содержанія вполнѣ опредѣленныхъ терминовъ и оборотовъ рѣчи. Но это плохо удается. Противорѣчія слишкомъ бросаются въ глаза и выходъ изъ рядовъ П. С. Р. всѣхъ революціонно и соціалистически настроенныхъ элементовъ — вопросъ времени.

Не имѣя возможности въ бѣглой замѣткѣ исчерпать весь богатый матеріалъ, представляемый П. И-ми объ эволюціи оффиціальной части П. С. Р. мы отмѣтимъ еще лишь статью въ № 5 „Къ вопросу о боевой подготовкѣ“, какъ образчикъ противорѣчій, обусловленныхъ переходнымъ моментомъ.

В. З.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

БОГЕМІЯ

Намъ пишутъ изъ Праги:

Теперь мы ведемъ большую анти-парламентарную и анархическую пропаганду, такъ какъ открылась избирательная кампанія. Что касается до синдикальнаго движенія, то мы основали, три года тому назадъ, «Чешскую федерацію всѣхъ ремеслъ», которая должна объединить всѣ синдикаты. Существуетъ уже федерація углекоповъ, имѣющая 4000 членовъ, и дѣлаются приготовленія, чтобы основать федерацію прядильно-ткацкихъ рабочихъ. Кромѣ того, имѣются повсемѣстно группы состоящія изъ рабочихъ всѣхъ ремеслъ, которыя еще не довольно многочисленны, чтобы основать отдѣльныя федераціи. Работать въ синдикатахъ соц.-демократовъ невозможно, такъ какъ они изгоняютъ всѣхъ, кто не исповѣдуетъ ихъ символъ вѣры. Мы всѣ полны надеждъ, что многаго достигнемъ на этомъ пути.

По случаю 1-го мая мы выпускаемъ особый листокъ «Первое мая анархистовъ».

Извѣстный чешскій анархическій органъ, «Nova Omladina», заслужившій широкую извѣстность за свою смѣлую пропаганду, вынужденъ былъ перемѣнить названіе. Онъ теперь называется «Komuna».

Мы вынуждены отложить большую часть нашей Загр. Хроники до слѣд. номера, который думаемъ выпустить въ 12 страницъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено за литературу: — изъ Ливерпуля черезъ М. С. 3 шил. и 6 пенс.; изъ Нанси, черезъ М. Г., 14 фр.; изъ St. Louis, черезъ Л., 8 дол.; изъ Нью-Іорка, черезъ Латышск. гр., 5 долл., изъ Монтреала, черезъ Щ., 2 дол., изъ Нью-Іорка черезъ Isaaks, 7 дол., изъ Филадельфіи, черезъ Н. Н. 7 дол., изъ Виннипега, черезъ П. 4 дол. (2-05 отъ подписчиковъ и 1-95 за продажу). Въ пользу Листковъ «Х. и В.» получено: — Изъ Филадельфіи, черезъ Н. Н. 25 дол. Отъ Виннипегскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ (черезъ П.) 15 дол.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля“ [1 шилингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.
Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.
E. Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею, — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kuchnieroff, 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ.

№. 15 — ГОДЪ ПЕРВЫЙ — 24 МАЯ 1907 г.

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕДЪ БУРЕЙ.

Жестоко ошибаются тѣ, кто думаетъ, что въ Россіи уже началось „успокоеніе“, и потому стараются, такъ или иначе, поладить со старымъ порядкомъ. Такъ могутъ думать тѣ, кто находится въ близкомъ соприкосновеніи съ Думою и живетъ ея искуственною жизнью; такъ можетъ казаться поверхностному обозрѣвателю Россіи. Но мы никому не совѣтуемъ увлекаться такими иллюзіями. Если ближе присмотрѣться къ дѣйствительности, мы видимъ, напротивъ, что вся русская жизнь до того взволнована, до того встревожена въ самыхъ своихъ глубинахъ, до того полна безчисленныхъ, повседневныхъ, острыхъ столкновеній, — повсюду и во всѣхъ слояхъ, — что успокоиться въ теперешней неопредѣленности, застынуть среди столькихъ возбужденныхъ надеждъ, изъ которыхъ ни одна еще не осуществилась, сжиться со всѣми этими столкновеніями, не видя нигдѣ никакого выхода – Россія не можетъ. На это неспособенъ былъ бы ни одинъ народъ, покуда въ немъ есть жизнь, а тѣмъ болѣе русскій народъ, послѣ своего недавняго, внезапнаго пробужденія.

Въ Россіи, какъ и во всемъ мірѣ, повторяется то, что можно назвать закономъ развитія. Если правящіе страною классы вовремя не признали назрѣвшую въ странѣ перемѣну, если они довели дѣло, своимъ упорствомъ, до серьезнаго кровопролитія, — тогда начавшаяся борьба не прекратится, пока возставшею стороною не будетъ одержана, цѣною крови, рѣшительная побѣда. И, замѣтьте, побѣда, въ Россіи, должна быть одержана двойная: политическая и экономическая. Жить болѣе русскому народу въ прежней нищетѣ нельзя, какъ нельзя болѣе жить въ прежнемъ порабощеніи. Оттого наши крестьяне и рабочіе такъ же опредѣленно и ясно заявили свои права на хлѣбъ и волю, какъ и интеллигенты заявили свои права на политическую свободу. И тѣ и другіе беззавѣтно жертвовали собою, и тѣ и другіе не щадили своей крови. И слишкомъ много ея уже пролито было въ возстававшихъ деревняхъ, на площадяхъ Петербурга, въ Москвѣ — на Прѣснѣ, да и по всей Россіи за эти два года, чтобы жизнь могла снова войти въ старое русло: чтобы крестьянинъ вернулся опять къ тому же рабству передъ урядникомъ, къ той же безмолвной голодной смерти, къ той же тихой покорности передъ судьбою, къ тому же безнадежному стону...

Новая, молодая и сильная Россія народилась за эти два года, и въ старый закутъ — ее больше не загнать. Борьба будетъ продолжаться. Она можетъ затихнуть на минуту — такъ бываетъ во всѣхъ войнахъ; но дни рѣшительныхъ битвъ еще впереди.

Да и можетъ ли быть иначе?!

Вотъ уже десять лѣтъ, подрядъ, голодъ коситъ свои жертвы по всей Россіи. И съ каждымъ годомъ, все труднѣе и труднѣе оказывается прокормить голодные милліоны. Съ каждымъ годомъ, и государственная, и дворянско-земская машина дѣйствуютъ все хуже да хуже. Свою полную неспособность, не только избѣжать голода, устранить его причины, но даже своевременно доставить населенію хлѣбъ и сѣмяна, когда голодъ начался, — открыто, гласно признало недавно само министерство передъ Думскою Комиссіею. Повальный грабежъ и повальная неспособность. — „Правда-ли что у васъ, на такой то станціи, 23 дня пролежалъ хлѣбъ, среди умирающихъ съ голоду деревень, и вы платили по 1600 рублей въ день за „простой“ вагоновъ, и не разгружали ихъ, а тѣмъ временемъ, кругомъ, крестьяне мерли съ голода?“ — „Да правда“, отвѣчаютъ чиновники. „Недохватка!“ „Правда ли, что доставленныя вами туда-то сѣмена, четыре милліона пудовъ, и пришли поздно, и оказались никуда негодными?“ — „Да правда! Недохватка случилась!“ — „Правда-ли, что вы у голодныхъ крестьянъ, которыхъ казна кормитъ, снимаете послѣднюю солому съ крышъ за недоимки?“ — „Да правда: забыли распорядиться!“ — ‹Правда-ли, что вотъ тутъ, вотъ тамъ, — вездѣ — у васъ въ бюджетѣ просто грабежъ шелъ, когда вы платили столько-то несуществующимъ лицамъ, столько-то по ошибкѣ, столько-то по протекціи?› — ‹Да правда. Не доглядѣли!›

И такъ идетъ по всей Россіи, отъ Петербурга до Камчатки, по всѣмъ линіямъ, во всемъ,—и всѣмъ становится ясно, какъ божій день, что ничего-то, они, глупенькіе и подленькіе, даже дѣлать то не умѣли, а только совались вездѣ со своими глупыми головами—‹мы, молъ, спасители!› — да карманы набивали.

И вотъ, когда все это такъ ясно обнаруживается, — оказывается еще, что вся эта орда чиновниковъ до того расходилась за послѣднее время, что ничего подобнаго не бывало со временъ Миниховскаго лихолѣтья и Екатерины. Вся Россія знаетъ нынче, какъ повсемѣстно самовольничаютъ всѣ, на комъ только мундиръ надѣтъ со свѣтлыми пуговицами. Вѣдь дошло до того, что въ цѣлой половинѣ Россіи губернское начальство во всякое время можетъ натравить своихъ полицейскихъ на избіеніе обывателей; что всякій военный губернаторъ можетъ ссылать, пытать, разстрѣливать кого ему вздумается, и сколько ему вздумается; что всякій жандармъ, всякій полицейскій, всякій сельскій урядникъ и даже наемный стражникъ нынче присвоили себѣ губернаторскія права, — болѣе того: право жизни, смерти и чести надъ обывателями.

И всякій знаетъ въ Россіи, что все это дѣлается по волѣ свыше; что приказы на погромы идутъ изъ Царскаго Села, — если не отъ самаго Николая II-го самолично, то отъ самыхъ близкихъ ему лицъ: отъ имъ-же самимъ назначеннаго тайнаго правительства Треповыхъ и Компаніи. Всякій видитъ во очію, какъ одного приказа изъ Петербурга достаточно было, передъ Пасхой, чтобы не случилось ни одного изъ заготовленныхъ уже погромовъ, и какъ наоборотъ жандармскіе эмиссары, когда имъ велѣно дѣйствовать, вызываютъ самыя свирѣпыя проявленія звѣрства. Всѣ знаютъ также, что звѣрства совершенныя Мелеромъ-Закомельскимъ, Орловымъ, Риманомъ, Миномъ и т. д. заслужили «сердечную» благодарность Николая II-го; всѣ видятъ, какъ явно, какъ смѣло организаторы избіеній пользуются именемъ Царя, какъ ихъ представителей принимаютъ въ Царскомъ Селѣ....

Вѣдь все это знается въ Россіи, а въ тѣхъ деревняхъ и глухихъ углахъ, куда газеты не доходятъ, все это передается въ видѣ слуховъ, еще сильнѣе выставляющихъ народу преступность *всѣхъ* стоящихъ у власти. Въ народѣ — своя молва идетъ, и злоба противъ *всѣхъ* дворянъ, мѣшающихъ добру, противъ *всѣхъ* большихъ чиновниковъ, ростетъ и ростетъ, и широко разливается по самымъ глухимъ поселкамъ.

Народъ — не звѣрь. Проливать кровь — ему тяжело. Оттого, какъ только созвали вторую Думу, какъ только въ народѣ прошла молва, что въ нее попало столько крестьянъ и рабочихъ, — крестьянскія волненія, «снимапія» городовыхъ и рабочіе бунты притихли на время. Но «успокоенія» тутъ нѣтъ и слѣда. Отдѣльные люди изъ рабочихъ и крестьянъ теперь поберегаютъ себя. Но за то, теперь, глухая злоба ростетъ въ массахъ народа, въ городахъ и деревняхъ. Злоба бѣдныхъ противъ богатыхъ. Запомните это: Всѣхъ бѣдныхъ противъ всѣхъ богатыхъ.

И эта злоба накопляется. Стихійная борьба накипаетъ въ сердцахъ.

Разразится ли она внезапно? Потребуетъ ли она еще годъ или два, прежде чѣмъ загрохочетъ буря—предсказывать этого нельзя. Но одно несомнѣнно. Или весь внутренній ежедневный строй русской жизни измѣнится сообразно назрѣвающимъ въ умахъ началамъ, и народъ, т. е. масса народа, завоюетъ себѣ и хлѣбъ, и волю, — или же стихійная борьба разразится съ силою, какой не видалъ еще ни 1648-й, ни 1793-й годъ.

Какое же тутъ можетъ быть «успокоеніе?» Это—затишье передъ бурей, ожиданіе передъ большою стихійною борьбою.

П. Кропоткинъ.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ СИНДИКАЛИЗМЪ И СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ.

Мы переживаемъ теперь крайне интересный моментъ въ исторіи развитія рабочаго движенія и соціалистической мысли. Соціалистическія партіи, превратившіяся въ партіи исключительно парламентскія и на цѣлый рядъ лѣтъ застывшія въ полномъ довольствѣ собою и полномъ отрицаніи всякой критики, не замѣтили, какъ совершенно независимо отъ нихъ выросло и развилось новое движеніе — то движеніе, которое стало теперь повсюду извѣстно подъ именемъ революціоннаго синдикализма.

Вначалѣ соціальдемократія отнеслась къ нему презрительно, враждебно: она узнала въ немъ близкаго родственника анархизма и перенесла на него всю свою ненависть къ послѣднему. Противъ него не щадили ни насмѣшекъ, ни клеветы, ни интригъ. Но революціонный синдикализмъ быстро росъ и становился силой, и вражда къ нему отзывалась гибельно не на немъ, а на самихъ соціалистическихъ партіяхъ: все дальше и дальше уходила отъ нихъ рабочая масса, и все непримиримѣе по отношенію къ нимъ становилось синдикалистское движеніе. Скоро стало ясно, что такъ называемыя „рабочія партіи" живутъ совершенно внѣ рабочихъ, а рабочее движеніе идетъ своимъ, не только независимымъ, но и враждебнымъ имъ путемъ. И вотъ, въ настоящее время передъ партіями стоитъ дилемма: или окончательно отказаться отъ претензіи воплощать въ себѣ духъ и интересы рабочаго класса, или приспособиться къ новому теченію.

Наиболѣе умные и дальновидные дѣятели соціальдемократіи поняли это, и теперь мы присутствуемъ, при полной и удивительной перемѣнѣ фронта: въ странахъ, гдѣ революціонный синдикализмъ силенъ, образуется внутри соціальдемократическихъ партій лѣвое оппозиціонное крыло, у котораго вражда къ синдикальному движенію уступаетъ мѣсто отношенію, которое нельзя назвать никакъ иначе, какъ, „заигрываніемъ". Во Франціи, соціальдемократъ Лагарделль вдругъ „открываетъ" синдикальное движеніе и въ своемъ журналѣ „Mouvement socialiste" превозноситъ его какъ „новую" форму соціализма, противуположенную соціализму парламентскому. Въ Германіи революціонный синдикализмъ рабочихъ организацій — явленіе еще совсѣмъ новое: „локалистскіе" союзы численно еще очень слабы и потому не внушаютъ опасеній, ни крайне отсталой общей массѣ профессіональныхъ союзовъ, ни соціальдемократической партіи. Но наиболѣе проницательные члены послѣдней — изъ крайнихъ лѣвыхъ — уже заглядываютъ въ будущее и идутъ ему навстрѣчу: таковъ напр. Робертъ Михельсъ, не щадящій въ своихъ статьяхъ злой критики по адресу своихъ товарищей и привѣтствующій въ лицѣ синдикализма возрожденіе истинно-соціалистическихъ идей. Въ Италіи, въ соціалистической партіи образуется, подъ названіемъ „синдикалистовъ", рѣзко обозначенное лѣвое крыло (Лабріола, Данунціо и др.). И нѣтъ сомнѣнія, что скоро мы будемъ присутствовать при подобномъ же явленіи и въ Россіи. Синдикализмомъ начинаютъ заинтересовываться, и, пожалуй, недалекъ готъ моментъ, когда онъ „войдетъ въ моду". Представители соціальдемократіи дѣлаютъ ему очевидныя уступки.

Все это — ничто иное, какъ попытки обновить соціальдемократію, внести въ нее исчезнувшую революціонную и соціалистическую идею, но притомъ сдѣлать это такъ, чтобы оно не показалось капитуляціей передъ идеями анархизма (близость котораго съ современнымъ революціоннымъ синдикализмомъ бросается въ глаза). Мало того: главная цѣль этихъ попытокъ — вырвать рабочее движеніе изъ рукъ анархистовъ. Аргументъ: „если мы не сдѣлаемъ того-то и того-то (напр. не заявимъ о своихъ симпатіяхъ къ идеѣ всеобщей стачки, не будемъ протестовать противъ увлеченія парламентаризмомъ и т. д.), то рабочіе уйдутъ къ анархистамъ" — сдѣлался въ послѣдніе годы очень вѣскимъ аргументомъ въ соціальдемократической средѣ. Даже въ Россіи, гдѣ еще собственно нѣтъ настоящаго рабочаго синдикалистскаго движенія, мы видимъ то же самое. Уже теперь Хрусталевъ, призывая соціальдемократовъ къ болѣе тѣсному общенію съ рабочей массой, грозитъ имъ вліяніемъ „анархосиндикалистовъ". *)

*) См. статью въ «Народной Газетѣ». Цитируемъ по «Товарищу», № 239.

Во Франціи, въ Италіи и въ другихъ странахъ, гдѣ преобладаніе анархо-синдикалистовъ – уже совершившійся фактъ, теоретики соціальдемократіи прибѣгаютъ въ своихъ попыткахъ примиренія съ революціоннымъ синдикализмомъ къ другому, удобному и много разъ испытанному, средству: заявляютъ что истинный провозвѣстникъ синдикализма — Марксъ, а истинные синдикалисты — его послѣдователи. Сходство, а во многомъ и полное тождество синдикалистскихъ идей съ анархическими затушевывается, но зато тщательно подчеркивается въ марксистской литературѣ все то, что содержитъ хоть слабый, хоть отдаленный намекъ на современный синдикализмъ. Такъ, извѣстная фраза Коммунистическаго Манифеста, о томъ, что развитіе крупной промышленности, объединяя рабочихъ, подкапывается подъ самыя основы буржуазнаго строя, превращается въ глазахъ новообращенныхъ синдикалистовъ изъ соціальдемократическаго лагеря въ „тѣсную и неразрывную связь, которая соединяетъ синдикализмъ съ Коммунистическимъ Манифестомъ", — а слѣдовательно и съ современной соціальдемократіей. За неимѣніемъ лучшаго, конечно приходится довольствоваться малымъ!

Какъ бы то ни было, однако, это положеніе, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую опасность. Новое направленіе въ соціальдемократіи безспорно стремится къ одному только: это — преподнести рабочимъ все тѣ же идеи подъ новымъ, популярнымъ, флагомъ синдикализма и тѣмъ повернуть живое революціонное теченіе въ старое русло соціальдемократической программы. Вотъ почему революціонному синдикализму слѣдуетъ остерегаться дружественнаго отношенія соціальдемократіи, гораздо больше чѣмъ ея вражды.

* *

Въ одной изъ слѣдующихъ статей мы займемся вопросомъ о происхожденіи и исторической преемственности современныхъ синдикалистскихъ идей; теперь мы имѣемъ въ виду только ихъ отношеніе къ современнымъ соціалистическимъ теченіямъ. Идеалъ и программа соціальдемократіи всѣмъ извѣстны: коллективистское централизованное государство, сосредоточивающее въ своихъ рукахъ всю экономическую жизнь; завоеваніе политической власти, какъ путь къ достиженію его и какъ цѣль соціалистическаго движенія; парламентская дѣятельность, какъ необходимая принадлежность соціалистической программы — все это идеи, въ сферѣ которыхъ мы долго почти исключительно вращались, и которыя, въ глазахъ многихъ, слились даже съ самымъ понятіемъ соціализма.

Сопоставимъ же эти положенія съ руководящими положеніями революціоннаго синдикализма, и мы увидимъ, что здѣсь — два противуположныхъ полюса соціалистической мысли.

Цѣль рабочаго движенія здѣсь — установленіе такого общественнаго строя, въ которомъ владѣніе орудіями труда переходитъ къ рабочимъ, организованнымъ въ производительныя группы, свободно федерирующіяся между собою. Эти экономическія организаціи должны замѣнить собою всякую организацію политическую, т. е. государственную.

Современные рабочіе союзы — ничто иное, какъ зародыши этихъ будущихъ группъ. Путь къ достиженію этой цѣли — непосредственная экономическая революція, экспропріація производимыя самими рабочими организаціями, помимо всякаго участія политической власти. Началомъ и могучимъ орудіемъ этой революціи должна послужить всеобщая стачка.

Въ настоящей, повседневной борьбѣ съ буржуазіей — захватный порядокъ и всѣ средства непосредственной рабочей борьбы: стачки, бойкотъ, саботажъ. Дѣятельность парламентская, избирательная въ этой программѣ не существуетъ: она не возбуждаетъ никакихъ надеждъ, никакого интереса. — „Вы говорите, что о насъ сегодня дѣлаютъ запросъ въ Палатѣ?" спрашиваютъ, послѣ забастовки электрическихъ станцій въ Парижѣ, синдикальные дѣятели у явившагося къ нимъ журналиста. — „Что-жъ, пускай, намъ все равно: мы не просимъ ихъ о себѣ хлопотать". Прибавимъ къ этому, что въ организаціонномъ отношеніи революціонный синдикализмъ держится федералистическихъ принциповъ; что дисциплина въ немъ не цѣнится; культъ большинства не существуетъ. Наконецъ, отсутствіе уваженія къ закону и легальности и самый рѣзкій антимилитаризмъ дополняютъ общую физіономію движенія.

Не нужно долго думать надъ этими понятіями, чтобы увидать и рѣшить категорически, къ какому направленію въ соціализмѣ это теченіе примыкаетъ. Это — тѣ самыя идеи, которыя всегда, съ самаго Интернаціонала, проповѣдовалъ анархизмъ. Еще Бакунинъ, въ своей статьѣ „Политика Интернаціонала" *) обрисовалъ желательную ему политику такими чертами, что современное синдикальное движеніе кажется буквальнымъ осуществленіемъ этой программы. Затѣмъ, вся послѣдующая анархическая пропаганда въ Западной Европѣ, вся литература — газеты „Le Revolté" и „La Revolte" (мы беремъ наиболѣе сильныя и типичныя), „Рѣчи Бунтовщика" „Завоеваніе Хлѣба" П. А. Кропоткина, цѣлая масса брошюрной литературы; вся практическая дѣятельность анархистовъ въ рабочей средѣ — что это, какъ не проведеніе тѣхъ же самыхъ принциповъ? Разница только въ томъ, что въ анархизмъ входитъ еще и рядъ философскихъ, этическихъ, историческихъ и другихъ взглядовъ, тогда какъ синдикализмъ есть движеніе чисто практическое. Но съ этими практическими взглядами совмѣстима только *одна* теорія, и это — теорія анархическая. Только она можетъ служить обобщеніемъ этой практики и путеводной нитью для нея.

Это доказывается хотя бы тѣмъ, что когда „синдикалистамъ" изъ соціальдемократическаго лагеря приходится обосновывать свое міросозерцаніе, они говорятъ языкомъ анархистовъ. — „Идеалъ рабочаго міра, пишетъ напр. Лабріола **) это — экономическое общество, организованное исключительно для производства и въ которомъ исчезла всякая іерархія...., т. е. общество безъ государства, безъ тюремъ, безъ войска, безъ законовъ". „Соціальная революція ....должна осуществить автономное управленіе производствомъ ассоціаціями рабочаго класса" (тамъ же). „Пользоваться государствомъ и его органами для произведенія соціальнаго переворота", говоритъ Лагарделль ***), это — такая же фантастическая мысль какъ фурьеристскія химеры". И такихъ цитатъ можно было бы привести множество изъ писателей этого лагеря, какъ по вопросамъ тактическимъ, такъ и въ области отвлеченныхъ теоретическихъ идей. „Синдикалисты" соціальдемократы высказываютъ относительно философско-историческихъ взглядовъ марксизма мнѣнія довольно-таки еретическія. Фатализмъ, къ которому

*) Газета „Egalite", 1869 г. Русскій переводъ вышелъ отдѣльной брошюрой въ изданіи «Свободы» (Москва, 1906).

**) Статья «Отъ парламентаризма къ синдикализму» въ Mouvement Socialiste, дек. 1906 г.

***) Статья: „Mannheim, Rome, Amiens", въ Mouvement Socialiste, ноябрь, 1906.

въ крайнихъ выводахъ приводитъ точка зрѣнія экономическаго матеріализма, и самая теорія послѣдовательныхъ стадій развитія кажутся имъ глубоко-реакціонными. Въ той же статьѣ Лабріола („Отъ парламентаризма къ синдикализму") мы находимъ ѣдкую характеристику того, къ чему приводитъ соціалистовъ теорія „органическаго хода вещей". Въ ней находитъ себѣ оправданіе весь оппортюнизмъ, вся трусость мысли соціальдемократіи. „Такимъ образомъ возникаютъ всевозможные виды практическаго, положительнаго, благонамѣреннаго соціализма", пишетъ онъ, и съ ироніей напоминаетъ, по поводу претензіи такого соціализма на терминъ „научнаго" о существующемъ въ Италіи журналѣ подъ названіемъ „Журналъ научной полиціи"! Но затѣмъ нашъ авторъ вспоминаетъ о томъ, что онъ все-таки — членъ партіи, и старается на мѣсто ложнаго экономическаго матеріализма поставить настоящій. Этотъ послѣдній, наоборотъ, говоритъ онъ, — доктрина революціонная: она предполагаетъ, что „исторія — продуктъ сознательной воли человѣка". „Основной принципъ историческаго матеріализма, это — что люди творцы своей собственной исторіи" (тамъ же). И вотъ, охарактеризовавъ такимъ образомъ доктрину Марксизма, нашъ „синдикалистъ" уже безъ труда заключаетъ, что философско-историческіе взгляды синдикалистовъ происходятъ прямымъ путемъ отъ Маркса.

Стройной соціологической или исторической системы синдикализмъ, конечно, не выработалъ; это никогда и не было его задачей. Тѣмъ не менѣе мы находимъ въ синдикалистской пропагандѣ двѣ довольно ясно просвѣчивающія идеи: это — отрицаніе фатальности историческихъ законовъ, и революціонная роль меньшинства. Первый вопросъ явился имъ въ видѣ вопроса о Лассалевскомъ „желѣзномъ законѣ" заработной платы, и они отвѣтили на него такъ: „Этотъ законъ былъ бы, можетъ быть, таковымъ, если бы не существовало рабочаго движенія, но оно существуетъ, а потому окажетъ свое давленіе и помѣшаетъ закону оправдаться на дѣлѣ. Наше активное вмѣшательство измѣнитъ фатальный ходъ вещей." И эта точка зрѣнія вполнѣ подходитъ къ общему тону революціоннаго синдикализма: главная его черта, это — гордая увѣренность въ своихъ силахъ, въ *рабочихъ* силахъ. Стоитъ послушать любого синдикалиста-агитатора, прочитать любую газетную статью этого направленія, чтобы почувствовать присутствіе этой рабочей гордости. И идея всеобщей стачки, присущая революціонному рабочему міру, не мало служитъ къ поддержанію этой увѣренности въ своихъ силахъ.

Революціонная роль меньшинства — вторая, болѣе разработанная, историко-философская идея синдикалистовъ.

Эта идея встрѣчается во всѣхъ программныхъ, такъ сказать, произведеніяхъ синдикализма и обусловливаетъ самый характеръ его, какъ движенія *революціоннаго*, не желающаго приспособляться къ общей массѣ всегда болѣе инертнаго большинства.

Мы увѣрены, что всякій анархистъ, прочитавши эти строки, скажетъ: «да вѣдь это — наши идеи!» И это дѣйствительно такъ, не только теоретически, но и фактически. Революціонную роль меньшинства, не диктаторскою, а меньшинства авангарда революціи, развивала всегда анархическая литература. Начиная съ «Рѣчей Бунтовщика» *), ее можно найти во всѣхъ анархическихъ произведеніяхъ, гдѣ только затрогивались эти вопросы, и теперь, въ изложеніи синдикалистовъ, мы встрѣчаемся не только съ тою же идеею, но съ тѣмъ же обоснованіемъ, съ такою же формулировкою ея.

Что касается вопроса о роли личности въ исторіи, то хотя спеціально анархизмъ его до сихъ поръ не разработывалъ, и своей историко-философской системы, въ стройномъ и законченномъ видѣ по крайней мѣрѣ, не выдвинулъ, но симпатіи всѣхъ анархическихъ теоретиковъ были всегда на сторонѣ защитниковъ «активнаго прогресса». И когда современный синдикализмъ, въ свою очередь, примыкаетъ къ этого рода теченію мысли, то отвѣтъ на вопросъ: съ чѣмъ встрѣчаемся мы здѣсь, съ анархизмомъ или съ соціальдемократіей? становится совершенно яснымъ. **) Очень ужъ далеко отъ этого провозглашенія роли личности до безличной доктрины историческаго матеріализма!

Но этого мало. Для всякаго, кто слѣдилъ за внутреннимъ развитіемъ рабочаго движенія, напр. французскаго, ясна не только логическая, но и фактическая преемственность этихъ идей: отрицаніе историческаго фатализма и идея революціоннаго меньшинства были внесены въ рабочее движеніе главнымъ образомъ, вступившими въ него анархистами. Въ первые годы мы находимъ эти идеи главнымъ образомъ въ произведеніяхъ нашихъ пропагандистовъ; **) теперь онѣ стали достояніемъ всѣхъ сторонниковъ революціоннаго синдикализма. Движеніе представило для этихъ взглядовъ вполнѣ подходящую почву: его практикѣ могла отвѣчать только эта теорія. Иначе говоря, переходя въ теоретическую область, революціонный синдикализмъ принимаетъ взгляды анархизма, и иныхъ принять не можетъ.

М. Изидинъ.

*) Глава „Революціонное меньшинство".

**) Особенно въ статьяхъ и брошюрахъ Пуже.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

(По поводу книжки Е. Лозинскаго: «Что же такое, наконецъ, интеллигенція»? Спб. 1907).

Весьма многимъ изъ тѣхъ, кто вращается въ соціалистическихъ или анархическихъ кругахъ, все чаще и чаще въ послѣдніе годы приходится наталкиваться на враждебное отношеніе къ интеллигентамъ. Въ силу того факта, что интеллигенты большею частью принадлежатъ къ выходцамъ изъ буржуазіи, ихъ смѣшиваютъ съ этою послѣднею и видятъ въ нихъ ч у ж о й для занятыхъ ручнымъ трудомъ пролетаріевъ элементъ. При этомъ, смягчающимъ обстоятельствомъ въ пользу интеллигентовъ нисколько не служитъ тотъ фактъ, что и они, интеллигенты, часто не имѣютъ никакихъ средствъ къ существованію, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть добыты ихъ личнымъ у м с т в е н н ы м ъ трудомъ, т. е. что они такіе же пролетаріи, какъ и рабочіе, занятые р у ч н ы м ъ трудомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, существуетъ рѣзкій контрастъ между р а б о ч и м ъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и пролетаріемъ интеллигентомъ, который зарабатываетъ средства къ жизни умственнымъ трудомъ по преимуществу. Въ общемъ, трудъ умственнаго рабочаго является привиллегированнымъ въ сравненіи съ трудомъ представителя физическаго труда. Привиллегированность выражается, какъ въ болѣе пріятной обстановкѣ, меньшемъ рабочемъ днѣ, такъ и въ болѣе выгодной оплатѣ труда. Интеллигентный пролетарій одѣтъ чисто, руки у него тонкія; его и по виду сразу отличишь отъ пролетарія-рабочаго. И если даже есть отрасли интеллигентнаго труда, оплачиваемаго ниже нѣкоторыхъ видовъ физическаго труда, то все же за интеллигентомъ-рабочимъ остается то преимущество, что его личность менѣе подавляется, благодаря благопріятнымъ условіямъ его работы, чѣмъ личность ручного работника.

Въ частности, противъ интеллигентовъ-революціонеровъ окружающіе ихъ рабочіе часто выражаютъ недовольство

*) Въ западно-европейской литературѣ не существуютъ — или по крайней мѣрѣ не оказываютъ никакого вліянія — другія философскія направленія соціализма, какъ напр. наша субъективная соціологическая школа.

потому, что интеллигенты стремятся всѣмъ верховодить, занимаютъ положеніе генераловъ отъ революціи и смотрятъ на рабочую массу какъ на революціонное мясо.

Въ средѣ революціонеровъ-интеллигентовъ господствуетъ атмосфера идей, споровъ и духовныхъ интересовъ, которые простымъ рабочимъ часто непонятны и глубоко противны. Когда простой рабочій идетъ въ революцію, онъ ясно сознаетъ, что революція ему нужна потому, что ему необходимо избавиться отъ эксплуатаціи хозяевъ и произвола предержащихъ властей, стоящихъ за одно съ его хозяевами. Интеллигентъ же примѣшиваетъ къ этому важному, реально-жизненному дѣлу цѣлую кучу отвлеченностей: глубокомысленныя теоріи историческаго матеріализма, сложныя статистическія вычисленія, ученыя экономическія разсужденія и т. п. Для пониманія всей этой премудрости требуется знакомство съ цѣлою массою толстыхъ книгъ. Простому рабочему эти книги недоступны, и онъ, кромѣ того, инстинктомъ чувствуетъ, что если бы онъ и могъ уйти въ эти книги, то онѣ отвлекутъ его отъ живого дѣла революціи. Отсюда — новый поводъ для враждебнаго отношенія къ интеллигенціи.

Мотивы враждебнаго отношенія рабочихъ къ интеллигенціи тѣмъ болѣе понятны, если вспомнить, что интеллигенція въ общемъ и цѣломъ находится на службѣ у капиталистовъ и у правительства; только рѣдкіе геніи науки или искусства не служили орудіемъ въ рукахъ господствующихъ классовъ для угнетенія рабочихъ массъ.

Въ виду всего вышесказаннаго, никого не могло бы удивить появленіе книжки, въ которой рабочимъ рекомендуется быть на сторожѣ противъ интеллигенціи, не во всемъ на нее полагаться и относиться съ осторожностью, даже къ тѣмъ ея представителямъ, которые отдаютъ всѣ свои силы дѣлу революціи.

Но въ книжкѣ Евг. Лозинскаго, заглавіе которой мы привели выше, вопросъ ставится не въ такомъ видѣ, а совершенно оригинально: интеллигенція выставляется какъ абсолютно коварный врагъ ручныхъ рабочихъ, — врагъ, только и думающій о томъ, чтобы одурачить пролетаріатъ, живущій физическимъ трудомъ. По мнѣнію Е. Лозинскаго, интеллигенты — не люди, отличающіеся умственнымъ развитіемъ и образованіемъ и встрѣчающіеся среди ручныхъ рабочихъ такъ же, какъ и среди капиталистовъ или землевладѣльцевъ, а они — особый классъ въ экономическомъ и соціологическомъ значеніи этого слова, и противъ нихъ-то главнымъ образомъ должна направиться современная пролетарская революція, иначе никакая соціальная революція ручнымъ рабочимъ не поможетъ.

«Никогда еще, — утверждаетъ Е. Лозинскій, пролетаріатъ не имѣлъ болѣе ученаго, болѣе опаснаго врага, чѣмъ этотъ новый подымающійся господскій классъ, увѣренно и методично подготовляющій свое классовое господство» [стр. 222]. «Интеллигенція есть классъ, такъ какъ природа ея отвѣчаетъ тѣмъ тремъ общностямъ, которыя положены нами въ основу классоваго расчлененія общества. У нея есть свой особый источникъ дохода, свои особые интересы и свое антагонистическое отношеніе ко всѣмъ остальнымъ классамъ». (стр. 183). «Въ гонорарѣ умственнаго работника заключаются три необходимыхъ элемента: 1) средняя заработная плата средняго физическаго рабочаго данной страны, 2) погашеніе капитала, истраченнаго на долгіе годы образованія и практической выучки и 3) тотъ или иной процентъ на истраченный капиталъ» [стр. 179]. Весь современный соціализмъ, и анархическій коммунизмъ въ томъ числѣ, представляются Е. Лозинскому только «новой, небывало еще искусной ловушкой для пролетаріата» [стр. 191]. Себя же лично, хотя онъ и интеллигентъ, Е. Лозинскій считаетъ не «опаснымъ врагомъ», а скорѣе спасителемъ рабочаго класса, такъ какъ надѣется, что благодаря его книжкѣ „интеллигенція — распознана, маска съ нея сорвана, и никакими софизмами, никакой діалектикой не возстановить ей болѣе своей прежней репутаціи“ [стр. 259].

Дѣйствительно, Е. Лозинскій немало поработалъ для того, чтобы спасти современныхъ рабовъ ручного труда отъ представителей интеллигентныхъ профессій, даже занимающихся соціализмомъ. На сравнительно небольшомъ пространствѣ [книжка содержитъ хотя 259 страницъ, но шрифтъ очень разгонистый, форматъ книжки небольшой, и ее можно прочитать въ одинъ присѣстъ, особенно благодаря живости слога, только по цѣнѣ-то книжка — 1 рубль — для настоящихъ пролетаріевъ, пожалуй, недоступна] авторъ резюмируетъ все, что писалось объ интеллигенціи въ нѣмецкой, французской и русской литературѣ всѣхъ соціалистическихъ оттѣнковъ, даетъ вполнѣ вѣрную критику марксистскаго ученія о классахъ, мимоходомъ уличаетъ въ буржуазномъ оптимизмѣ анархистовъ-коммунистовъ на томъ основаніи, что въ брошюрѣ Кропоткина „Современная наука и анархизмъ“ и въ книгѣ „Хлѣбъ и воля“ говорится, что «конституціонное правленіе было шагомъ впередъ», — словомъ даетъ много интереснаго, хотя и неодинаково убѣдительнаго матеріала. Особенно интересенъ разсказъ о томъ, какъ на Франкфуртскомъ партейтагѣ 1894 г. Бебель заявилъ, что понизить размѣръ содержанія редактора соціалистической газеты до 3000 марокъ (1500 рублей) невозможно. «Наши умственные работники — доказывалъ Бебель — вышли изъ буржуазныхъ слоевъ общества; если мы хотимъ удержать ихъ при себѣ, то разница между тѣмъ, что они получаютъ отъ буржуазныхъ газетъ, и тѣмъ, что имъ даемъ мы, не должна быть слишкомъ большой, такъ какъ въ противномъ случаѣ они будутъ впредь оставаться въ буржуазныхъ редакціяхъ» (стр. 14). Дѣйствительно, на грустныя мысли могутъ навести высокіе оклады редакторовъ соціалистическихъ газетъ, особенно при Бебелевской мотивировкѣ.

Но за всѣмъ этимъ интереснымъ матеріаломъ книжка Е. Лозинскаго является болѣе пасквилемъ на идеалъ соціальной революціи, чѣмъ научной критикой социологическаго содержанія понятія интеллигенціи и идеала передовой ея части — рабочаго соціализма. Правильно указавъ, въ какомъ «хаотическомъ, сумбурномъ и рудиментарномъ состояніи находится еще и понынѣ теорія общественныхъ классовъ», онъ въ свою очередь устанавливаетъ сумбурное дѣленіе общества на классы по источникамъ дохода, по общности основныхъ экономическихъ интересовъ и по противуположности ко всѣмъ остальнымъ основнымъ экономически-антагонистическимъ группамъ. У Е. Лозинскаго получается 5 классовъ: землевладѣльцы, капиталисты, мелкіе собственники, интеллигенція и ручные рабочіе. Какъ онъ ни относится критически къ марксистской теоріи классовъ, онъ видимо находится еще вполнѣ подъ ея вліяніемъ, что сказывается и въ томъ обстоятельствѣ, что въ гонорарѣ интеллигента онъ отдѣльно учитываетъ долю за долгіе годы ученія, каковой учетъ дѣлаютъ и марксисты при сравненіи квалифицированнаго и простого труда. Все это пятичленное дѣленіе какъ бы нарочно придумано затѣмъ, чтобы выставить, какъ отдѣльный классъ, интеллигенцію. Е. Лозинскому кажется, что если онъ ручныхъ рабочихъ поставитъ на совершенно особомъ планѣ, строго отдѣливъ ихъ отъ интеллигентовъ, то возможность освобожденія пролетаріата отъ давящаго его теперь ига станетъ реальнѣе. Чѣмъ-то неискреннимъ вѣетъ отъ тѣхъ мѣстъ книжки, гдѣ авторъ указываетъ на эксплуататорскій характеръ соціализма. Е. Лозинскій, конечно, знаетъ, что есть соціалисты, представляющіе себѣ соціалистическій строй не по рецепту рабочихъ чековъ и коллективистскихъ указокъ «свыше»; онъ знаетъ, что неавторитарные соціалисты, мыслящіе будущее общество въ видѣ хозяйства автономныхъ синдикатовъ и ихъ союзовъ, не могутъ удѣлять особаго мѣста интеллигентамъ, какъ «вожакамъ» и все же онъ старается на идею соціальной революціи по ея существу набросить тѣнь недовѣрія рабочихъ. Если еще можно себѣ представить главенство интеллигенціи при коллективизмѣ, гдѣ все направляется изъ одного центра, гдѣ всѣ вознаграждаются «по заслугамъ», и гдѣ для оцѣнки этихъ заслугъ существуетъ штатъ интеллигентовъ-оцѣнщиковъ, то ужъ никакъ нельзя отыскать спеціальнаго амплуа для интеллигентовъ при анархическомъ коммунизмѣ, гдѣ нѣтъ центральныхъ комитетовъ гдѣ всякій производитъ и потребляетъ сколько хочетъ и гдѣ не существуетъ никакой принудительной власти. Въ качествѣ бывшаго с.-ра вспомнилъ бы Е. Лозинскій хотя бы 3 и 4 главы книги Лаврова «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ», вспомнилъ бы «Вольный дискуссіонный листокъ», и усовѣстился бы за ту безпринципную [потому что она лишена положительнаго идеала] критику соціальной революціи, которою расхолаживаетъ и такъ еще недостаточно готовый къ борьбѣ рабочій классъ и направляетъ его вниманіе на мнимыхъ враговъ — интеллигенцію — вмѣсто дѣйствительныхъ — государства и капитала. Чувствуется что-то реакціонное въ подобной критикѣ и въ подобной подмѣнѣ объективовъ борьбы рабочаго класса. Точно такъ самодержавіе, чтобы отвлечь отъ революціи, натравляетъ массы на „жидовъ“.

У Е. Лозинскаго куда-то затерялись бывшіе ему нечуждыми въ недавнемъ прошломъ положительные, хотя и

не такіе, какъ у насъ, идеалы. Если бы у него остался хотя бы слѣдъ положительнаго идеала, то съ его высоты онъ сумѣлъ бы отнестись, какъ слѣдуетъ, и къ интеллигенціи, при всѣхъ ея недостаткахъ, которыхъ мы нисколько не отрицаемъ. Но онъ не забылъ бы, что и ручные рабочіе, при данныхъ историческихъ условіяхъ, тоже не могутъ быть надѣлены одними добродѣтелями, и не старался бы натравлять ихъ на интеллигентовъ. Е. Лозинскій знаетъ, конечно, не хуже меня, что при данныхъ условіяхъ, современный ручной рабочій стоитъ не больше, чѣмъ интеллигентъ. Для всякаго искренняго радѣтеля за лучшее будущее человѣчества вопросъ не въ томъ, чтобы возбудить ненависть и недовѣріе одной группы людей къ другой, а въ томъ, чтобы ратовать за такой идеалъ, при осуществленіи котораго всякая ненависть, по крайней мѣрѣ на экономической почвѣ, будетъ излишней. Этотъ идеалъ является культурной задачей всѣхъ тѣхъ, кто до него дорось. Еслу бы кто-нибудь захотѣлъ слѣдовать безпринципному методу Е. Лозинскаго въ его критикѣ интеллигенціи, въ примѣненіи къ ручнымъ рабочимъ, то онъ могъ бы, пользуясь фактомъ существованія „желтыхъ" и штрейкбрехеровъ, съ такою же основательностью доказывать, что и они — особый классъ (судя по источнику дохода, особымъ интересамъ и антагонистическому отношенію ко всѣмъ остальнымъ классамъ). А обобщивши фактъ существованія „желтыхъ" и штрейкбрехеровъ, съ успѣхомъ могъ бы доказывать, что именно ручные рабочіе — враги лучшаго будущаго.

Повторяю: книжка Е. Лозинскаго — пасквиль на интеллигенцію, именно потому пасквиль, что она безпринципна, лишена положительныхъ идеаловъ. Этотъ пасквиль читается съ интересомъ, потому что авторъ его — человѣкъ, у котораго, въ виду его прошлаго, много пониманія по части вопросовъ соціализма и разныхъ его теченій, большая начитанность и умѣніе бойко писать. Но ничего научнаго въ этой книжкѣ нѣтъ, кромѣ критики, да и то не по результатамъ, а развѣ только по пріемамъ. Положительнымъ научнымъ содержаніемъ должно считаться, повидимому, установленіе соціологическаго понятія класса, но мы уже видѣли, что оно произвольно и сумбурно, какъ и марксистское. Зато въ книжкѣ много элементовъ, могущихъ совершенно смутить читателя, не имѣющаго твердыхъ чисто-соціалистическихъ, анархо-коммунистическихъ устроевъ. Для того же, кто ясно сознаетъ, что идея соціальной революціи не выдумка интеллигентовъ, а вынощенная всѣмъ передовымъ человѣчествомъ правда исторіи, — правда, долженствующая освободить насъ отъ эксплуатаціи монополистовъ капитала и произвола властей предержащихъ, — для того, кто понимаетъ, что соціальная революція есть задача, осуществленіе которой возможно только при все большемъ и большемъ возрастаніи числа тѣхъ, кто понимаетъ эту задачу и готовъ пожертвовать собою для нея, — для всѣхъ тѣхъ, при свѣтѣ идеала соціальной революціи, не можетъ быть дѣленія на козлищъ и овецъ, на пролетаріатъ физическій и умственный.

Интеллигенція (если только не примѣнять произвольно это названіе къ однимъ владѣющимъ и богатымъ и не отказываться примѣнить его къ рабочимъ, подобнымъ Этьевану или Анри) есть понятіе не экономическое и не соціологическое, а чисто психологическое. Но въ свѣтѣ чистаго соціалистическаго идеала [т. е. анархо-коммунистическаго] различается интеллигентъ и интеллигентъ, интеллигентъ-радѣтель за произволъ и эксплуатацію и интеллигентъ-радѣтель за послѣднюю соціальную революцію, какъ различается рабочій «желтый» отъ рабочаго — синдикалиста-анархиста.

Въ анархо-коммунистическомъ строѣ, можно надѣяться, не переведутся геніи и таланты въ области наукъ и искусствъ. Напротивъ, только въ этомъ строѣ ихъ будетъ много и они будутъ украшеніемъ человѣчества. Но самый строй жизни, по крайней мѣрѣ въ экономической его части, будетъ таковъ, что эти геніи и таланты стать поработителями и эксплуататорами большинства не смогутъ, по той простой причинѣ, что у нихъ не найдется добровольныхъ рабовъ, а насильно сдѣлать другихъ рабами они не смогутъ. Вліяніе геніевъ и талантовъ на массы ограничится только духовной сферой. „Властители думъ" и „властители чувствъ", въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ, не переведутся никогда, и хорошо, что они не переведутся, хорошо, что человѣчество никогда не перестанетъ шествовать по пути къ идеалу истины, добра и красоты. Если пониманіе геніевъ и талантовъ и сочувствіе имъ, проникновеніе ихъ идеалами можно называть интеллигентностью, то пусть же все человѣчество станетъ интеллигентіей! Въ этомъ, несомнѣнно, его высшее культурное назначеніе, причина, по которой стоитъ жить вообще и бороться за осуществленіе анархическаго коммунизма путемъ соціальной революціи въ частности.

И. Вѣтровъ.

ИЗЪ РОССІИ.

ЗАГОВОРЪ ПРОТИВЪ НИКОЛАЯ II.

Извѣстный петербургскій корреспондентъ лондонской газеты Daily Telegraph нѣсколько разъ возвращался, за послѣдніе дни, къ заговору противъ царя, открытому, по его словамъ, въ Парскомъ Селѣ. Другія лондонскія газеты [Morning Post и др.] отрицаютъ это извѣстіе и говорятъ, что все дѣло въ томъ, что одинъ солдатъ, Финнъ, бывающій въ карауллѣ въ царско-сельскомъ дворцѣ, донесъ по начальству, что его подкупали убить Николая II-го. Когда у него былъ сдѣланъ обыскъ, то у него нашли, будто бы, значительную сумму денегъ. Такъ какъ послѣдній слухъ крайне не вѣроятенъ и могъ быть пущенъ [даже все дѣло могло быть подстроено], чтобы скрыть первое, то мы передаемъ свѣдѣнія, сообщаемые корреспондентомъ Daily Telegraph'а, — тѣмъ болѣе, что хотя онъ и пылаетъ теперь ненавистью противъ русской революціи, онъ все таки никогда не передавалъ сенсаціонныхъ выдумокъ.

Всего, пишетъ корреспондентъ D. Tel., было арестовано 80 человѣкъ, заговорщиковъ и симпатизирующихъ имъ. Изъ нихъ 34 уже наняли, было, квартиры и жили въ Парскомъ Селѣ. Ихъ намѣреніе было, въ извѣстную минуту явиться передъ царско-сельскимъ дворцомъ, вооруженные маленькими бомбами, съ апельсинъ, и револьверами, и силою пробиться въ дворецъ, беззавѣтно жертвуя собою и убивая всѣхъ на пути, чтобы добраться до Николая II-го и убить его. Такъ какъ Николай II живетъ въ маломъ дворцѣ, выстроенномъ Екатериною и окруженномъ только желѣзною рѣшеткою, то выполнить это намѣреніе — говоритъ корр. D. Tel — было бы нетрудно, если беззавѣтно жертвовать своею жизнью.

Въ послѣднюю минуту заговорщики, однако, — все по словамъ того же корреспондента, — приняли еще одного изъ казаковъ Императорскаго Конвоя, который долженъ былъ повидимому, помочь имъ внутри дворца, но казакъ выдалъ ихъ. Корреспондентъ D. Tel. даже называетъ имена. Заговорщики, говоритъ онъ, собирались на квартирѣ у одного чиновника, служившаго долгіе годы подъ начальствомъ товарища министра, Крыжановскаго, который заявилъ, что «знаетъ его многіе годы и считалъ его самымъ вѣрноподданнымъ человѣкомъ».

Прибавимъ еще, что въ Петербургѣ на дняхъ сдѣлано было много обысковъ и арестовъ, которые и повели, вѣроятно, къ открытію 3 [16] мая на станціи Каусала Финляндской желѣзной дороги, близъ Петербурга, лабораторіи бомбъ и готовыхъ бомбъ.

Послѣднія телеграммы подтверждаютъ вышеприведенное. 6 (19) мая объ этомъ былъ запросъ въ Думѣ, и Столыпинъ, съ театральными подвываніями, подтвердилъ, что дѣйствительно открытъ заговоръ. Полиція знала о немъ еще съ февраля, но сдѣлала аресты всего три недѣли тому назадъ. Дума, т. е. кадеты и правые — соціалисты не входили въ залу засѣданія — послала царю телеграмму соболѣзнованія. Тоже сдѣлалъ и Государственный Совѣтъ, пропѣвши при этомъ похоронными старческими голосами „Боже, царя храни".

Такъ какъ наканунѣ былъ сдѣланъ у соц. дем. депутата Озоля обыскъ, то объ этомъ тоже былъ запросъ, и министръ юстиціи воспользовался этимъ, чтобы повторить обычное обвиненіе соціалистовъ въ томъ, что они — поборники легальности въ Думѣ, — сами ведутъ заговоръ противъ правительства. Онъ прямо указывалъ при этомъ на военный заговоръ.

Реакція торжествуетъ, такъ какъ видитъ въ этомъ обвиненіи одного члена Думы предлогъ къ распущенію всей ненавистной имъ Думы.

19-го апрѣля уничтожены военно-полевые суды. За шесть мѣсяцевъ своей дѣятельности палачи въ офицерскихъ мундирахъ осудили на смерть и убили 1.144 чел. Къ вѣчной каторгѣ приговорено 79 чел., къ срочной 250 чел., въ общей сложности на 927 лѣтъ каторги.

По мѣсяцамъ смертные приговоры распредѣляются такимъ образомъ:

Сентябрь 1906 — 12; октябрь — 203; ноябрь — 255; декабрь — 261; январь 1907 — 141; февраль — 39; мартъ — 11, апрѣль — 4.

Мотивы осужденія на смерть, формулированные этими «судами», таковы: 42 за военныя возстанія; 459 за террористическіе акты и вооруженное сопротивленіе; 92 за участіе въ боевыхъ организаціяхъ; 84 за аграрный терроръ; 382 за вооруж. нападеніе въ цѣляхъ экспропріаціи; 51 за общеуголовныя преступленія и 34 — мотивы неизвѣстны.

Больше всего жертвъ приходится на Балтійскія провинціи (326), затѣмъ слѣдуетъ Польша (212), Кавказъ (195), Екатеринославская губ. (103), Москва [24], Петербургъ [20], и Сибирь (86).

И это, не считая убійствъ, совершенныхъ во время „подавленія возстаній" карательными экспедиціями, и военно-окружными судами, продолжающими свою дѣятельность и теперь и недавно еще доказавшими свою полную готовность восполнить пробѣлъ, открывающійся съ отмѣной военно полевыхъ судовъ. Мы говоримъ объ убійствѣ Ильинскаго, поразившаго Игнатьева и приговореннаго однимъ составомъ военнаго суда къ 11 лѣтней каторгѣ, по приказу свыше приговоръ этотъ будетъ покорно замѣненъ другимъ составомъ суда смертнымъ приговоромъ.

И они еще осмѣливаются жаловаться на «жестокость революціонеровъ»!

УРЯДНИКИ КАПИТАЛИСТОВЪ.

Въ то время, какъ наши соціальдемократы, а также и соціалисты-революціонеры толкуютъ о томъ, что **теперь** рабочимъ не слѣдуетъ думать о революціи противъ капиталистовъ промышленности, — время, молъ, еще не пришло: надо помогать буржуазіи справиться съ самодержавіемъ, — въ это время, всѣ темныя черносотенныя силы, собравшіяся въ такъ-называемомъ „Союзѣ русскаго народа" отлично понимаютъ истинное положеніе дѣлъ. Они знаютъ, что самодержавіе-то и есть истинная защита самой безграничной эксплуатаціи народа буржуями; что полное обѣдненіе крестьянства, грабежъ естественныхъ богатствъ страны, полная беззащитность рабочаго отъ капиталистической эксплуатаціи — т. е., какъ разъ условія, необходимыя для „капиталистическаго накопленія," — именно и создаются и поддерживаются, лучше всего, при самомъ безпардонномъ самодержавіи правящихъ классовъ. Они отлично понимаютъ, что имъ, для самого ужаснаго и самого нахальнаго выжиманія соковъ изъ народа, нужна именно защита царскихъ чиновниковъ, ибо иначе народъ начнетъ возставать и положитъ, хоть какой нибудь предѣлъ теперешней безшабашной эксплуатаціи.

Они это знаютъ — и дѣйствуютъ соотвѣтственно. „Самодержавіе — и буржуазная эксплуатація!" стало ихъ лозунгомъ. Въ Одессѣ, за послѣдній мѣсяцъ, черносотенные союзники нападали, **вовсе уже не на бунтующихъ студентовъ**, а прямо на **портовыхъ рабочихъ**, — хотя бы они были исконные русскіе, эксплуатируемые всякими греками, нѣмцами и другими «чужеземцами». Они жестоко избивали и избивали **рабочихъ**, если только рабочіе, хотя бы простою стачкою, протестовали противъ эксплуатаціи.

Защитники самодержавія явно стали **кнутомъ международныхъ промышленныхъ эксплуататоровъ** — какъ передъ тѣмъ они свирѣпствовали въ роли кнута нѣмецкихъ буржуевъ-бароновъ. А въ Баку «истинно русскіе эксплуататоры» изъ Царскаго Села прямо послали лейбъ-палача Таубе, усмирять стачку.

Когда-же, наконецъ, русская интеллигенція перестанетъ молиться на нѣмецкія книжки и вѣрить въ ихъ азбучныя теоріи, измышленныя для того, чтобы оправдать противуреволюціонную тактику нѣмецкой соціальдемократіи, безсильной передъ Бисмаркомъ? Когда же, наконецъ, русская интеллигенція научится смотрѣть русской жизни прямо въ глаза — помимо теорій, навѣянныхъ бисмарковскимъ кнутомъ? Когда? — Тогда, должно быть, когда они уже прозѣваютъ революцію, и народъ съ презрѣніемъ отвернется отъ нихъ, какъ онъ уже отворачивается отъ ихъ собратій въ западной Европѣ. — Нѣчто подобное, кажется, уже начинается.

ЗЕМСКІЙ ЗАГОВОРЪ.

Куда ни взглянуть въ русской жизни, вездѣ видно объединеніе, подъ знаменемъ самаго бѣшенаго самодержавія, всякихъ эксплуататоровъ народнаго труда. Мы сейчасъ видѣли, что въ Одессѣ ведется открытая борьба за самодержавіе — и, кстати, за право эксплуатаціи русскаго народа всякими иностранными фабрикантами и купцами — и ведется она союзомъ русскаго народа*, подъ знаменами, присланными изъ Царскаго Села, — при помощи резиновыхъ палокъ, и револьверовъ, заготовленныхъ, должно быть, жандармскими управленіями. Но рядомъ съ явною агитаціею этихъ союзниковъ, ведется другая, еще болѣе опасная. Реакціонныя земства ведутъ сильную агитацію чтобы въ свои руки взять всю реформу мѣстнаго самоуправленія. Для этой цѣли они хотятъ созвать въ Москвѣ съѣздъ, и цѣль съѣзда — выяснить, какъ бы такъ сдѣлать, чтобы самоуправленіе въ губерніяхъ и уѣздахъ не попало въ руки крестьянъ, а перешло бы всецѣло въ руки помѣщиковъ.

При Александрѣ III-мъ, какъ извѣстно, помѣщиками было оказано на царя сильное давленіе въ этомъ же направленіи, и онъ, вполнѣ подготовленный къ этому въ обществѣ кн. Мещерскаго, Аксаковыхъ и ихъ компаніи, усилилъ тогда помѣщичій элементъ въ земствахъ, а крестьянъ отдалъ во власть земскихъ начальниковъ, изъ дворянъ, — съ тѣмъ чтобы они зорко охраняли помѣщичью эксплуатацію, гоняли крестьянъ за дешево на работу у помѣщиковъ и нещадно пороли крестьянъ по жалобамъ господъ помѣщиковъ, давно обратившихся, какъ извѣстно, изъ «феодаловъ» въ самыхъ обыкновенныхъ буржуевъ, готовыхъ снять съ крестьянина послѣднюю рубашку.

Теперь, земскихъ начальниковъ приходится уничтожить, — иначе крестьяне станутъ ихъ «снимать», совмѣстъ съ усадьбами, «явочнымъ порядкомъ». Власть въ деревнѣ, которою помѣщики всего міра такъ дорожатъ, — именно ради снимания рубашки съ крестьянина — уплываетъ изъ ихъ барскихъ и купеческихъ рукъ, и вотъ земства составляютъ теперь заговоръ, чтобы удержать ее и усилить среди теперешнихъ волненій.

Пунктъ, очевидно, — весьма опасный. Большая или меньшая доля личной свободы въ странѣ и свобода дальнѣйшаго ея развитія зависятъ, **отнюдь не отъ конституціи страны и законовъ опредѣляющихъ ея парламентскія учрежденія, а, прежде всего — отъ доли независимости, которою пользуется каждая деревня въ своемъ самоуправленіи.** Если Соед. Штаты, сосѣдняя съ ними Канада и Швейцарія пользуются нѣкоторою свободою развитія, то это обусловливается, не ихъ конституціями — въ Соединенныхъ Штатахъ, напримѣръ, министерство назначается самолично Президентомъ и отвѣтственно передъ нимъ — свобода обусловливается большимъ просторомъ мѣстнаго самоуправленія въ каждомъ городкѣ и каждой деревнѣ. Тоже было и во Франціи во время ея большой революціи. Революція была бы просто невозможна, если бы, какъ сельскія общины такъ и города, съ самаго начала не завоевали себѣ большой мѣстной свободы самоуправленія, которую Палата и вынуждена была признать и утвердить закономъ, уже въ декабрѣ 1789-го года.

Между тѣмъ, наши революціонеры, до сихъ поръ, ничего не сдѣлали въ этомъ направленіи. Имъ, повидимому, и въ голову не приходитъ мысль о необходимости широкаго простора въ жизни городовъ и деревень. Въ душѣ, они — централисты. Дума, партійныя интриги въ Думѣ, — борьба за **государственную** власть въ министерствахъ — только объ этомъ они читали въ своихъ книжкахъ, только это они и знаютъ. Но мѣстные земскіе люди опытнѣе ихъ: они знаютъ всю цѣну **мѣстной** власти, и тутъ втихомолку совершается цѣлый заговоръ чтобы эту власть удержать въ рукахъ помѣщиковъ, — хотя бы и цѣною охраны самодержавія.

Защита самодержавія и буржуазная эксплуатація опять идутъ объ руку — въ данномъ случаѣ противъ крестьянъ.

ПО ПОВОДУ ПРОФЕССІОНАЛЬНАГО СЪѢЗДА. *).

Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ, какъ извѣстно, всероссійскій съѣздъ профессіональныхъ союзовъ. Все что касается нашего рабочаго движенія, а особенно фактъ такой важности какъ общій съѣздъ, представляетъ громадный интересъ, особенно въ настоящій моментъ, когда опредѣляется можетъ быть на долгіе годы форма и характеръ этого движенія. Намъ крайне важно поэтому опредѣлить наше отношеніе, какъ къ различнымъ проявленіямъ русскаго профессіональнаго движенія, такъ и къ его задачамъ вообще.

*) Вопросъ объ отношеніи анархистовъ къ профессіональному рабочему движенію такъ важенъ, что наши читатели вѣроятно не посѣтуютъ на насъ, что мы въ трехъ мѣстахъ въ этомъ номерѣ возвращаемся къ тому же вопросу. Мы не откладываемъ печатанія этой замѣтки, до другаго номера, въ надеждѣ, что она можетъ вызвать во время отвѣты изъ самой Россіи. Ред.

Прежде всего, необходимо установить одинъ самый существенный пунктъ: нашъ взглядъ на профессіональное движеніе вообще коренныммъ образомъ отличается отъ взгляда всѣхъ другихъ нашихъ партій. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ въ нашей соціалистической средѣ три теченія въ этомъ отношеніи: или теченіе стремящееся расширить задачи рабочихъ союзовъ въ сторону чисто политической борьбы за демократическій режимъ | см., напримѣръ, статью въ № 4 «Партійныхъ извѣстій» с.-ровъ о III-мъ съѣздѣ ж.-д. союза |; или направленіе, ставящее профессіональное движеніе въ подчиненное положеніе къ политическому, партійному, и отводящее на его долю исключительно борьбу за чисто-корпоративныя мелкія требованія | направленіе большевиковъ, которые являются въ этомъ отношеніи наиболѣе вѣрными послѣдователями западно европейской соціальдемократіи |, или, наконецъ, теченіе придающее профессіональнымъ союзамъ очень существенное значеніе, но безъ расширенія ихъ задачъ за предѣлы узко-экономическіе. Здѣсь — въ программѣ меньшевиковъ — революціонная дѣятельность, открытая борьба, боевыя выступленія считаются опасными для медленнаго поступательнаго хода пролетарскаго движенія. Профессіональные союзы выдвигаются на первый планъ именно какъ нѣчто противупоставляемое прямой революціонной борьбѣ, которая замѣняется въ этой программѣ своего рода экономическимъ культурничествомъ. По отношеніи къ рабочимъ союзамъ, это — не синдикализмъ, а трэдъ-юніонизмъ.

Этимъ тремъ направленіямъ мы должны противупоставить свое, совершенно иное, исходящее изъ совсѣмъ другого взгляда на задачи будущей революціи. Профессіональное рабочее движеніе для насъ крайне важно, но важно не столько какъ повседневная борьба за частичныя улучшенія | хотя эта борьба и имѣетъ большое воспитательное значеніе |, сколько потому, что въ *ея* проникновеніи соціалистическими и революціонными идеями мы видимъ залогъ успѣха будущей революціи. Революція соціальная — а мы имѣемъ въ виду именно ее и съ точки зрѣнія ея интересовъ только и можемъ разсматривать совершающееся — должна быть, и будетъ, произведена рабочими массами, сами же союзы рабочихъ должны сыграть при этомъ роль ячеекъ будущихъ производительныхъ группъ обновленнаго экономическаго строя. Задачи, которыя мы ставили передъ профессіональнымъ движеніемъ, такимъ образомъ, настолько громадны, что далеко выходятъ за предѣлы тѣхъ политическихъ цѣлей, которыя рѣшались ставить передъ ними до сихъ поръ даже наиболѣе широко смотрящіе революціонеры. Всеобщая стачка, переходящая въ экспропріацію фабрикъ и заводовъ, — вотъ цѣль, къ которой съ нашей точки зрѣнія должно стремиться это движеніе и которая далеко опережаетъ всѣ выставлявшіяся до сихъ поръ программы политическихъ стачекъ и вооруженныхъ возстаній.

Показать, что профессіональные союзы должны сейчасъ же, при самомъ своемъ основаніи, при первыхъ попыткахъ своей организаціи взять въ свои руки дѣло соціализма и рабочей революціи, не предоставляя его никакимъ партіямъ — таково должно быть главное содержаніе нашей пропаганды. Для этого мы и должны стараться проникнуть въ среду рабочихъ союзовъ. Крайне важно, чтобы пропаганда эта велась не извнѣ, не людьми рабочимъ организаціямъ неизвѣстными и чуждыми, а дѣятелями этихъ самыхъ рабочихъ организацій. Нужно, чтобы анархисты стали такими дѣятелями, чтобы они внушили къ себѣ довѣріе, своей работой внутри рабочихъ союзовъ, а не только общей пропагандой внѣ ихъ, въ публикѣ вообще.

Недолгая традиція нашихъ профессіональныхъ организацій выработала до сихъ поръ особую форму сотрудничества между ними и партіями: участіе на съѣздахъ представителей партій съ совѣщательнымъ голосомъ. На предстоящемъ съѣздѣ будетъ тоже самое, причемъ участіе партій на предыдущемъ съѣздѣ не бывшихъ, рѣшается самимъ съѣздомъ. Нашимъ товарищамъ необходимо теперь же выяснить свое отношеніе къ вопросу о томъ, — стремиться имъ или нѣтъ получить право такого участія? Въ прошломъ году вопросъ объ участіи или неучастіи въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ вызвалъ въ средѣ нашихъ группъ рядъ разногласій, между прочимъ противники этого участія ставили на видъ руководящую роль Совѣта, роль, которую анархисту—противнику всякихъ диктатуръ — играть не приходится. Въ данномъ случаѣ этого рода возраженій выставлено быть не можетъ, но могутъ быть другія. Было бы крайне важно если бы наши группы обсудили этотъ вопросъ серьезно и пришли къ чему-нибудь по возможности скорѣе: противодѣйствіе нашему участію въ съѣздѣ со стороны соціальдемократіи будетъ такъ сильно, что для борьбы съ нимъ нужно время. А между тѣмъ до съѣзда осталось меньше 3-хъ мѣсяцевъ.

Наше мнѣніе по этому вопросу можно приблизительно выразить такъ. Вообще говоря, желательно, чтобы рабочее движеніе обходилось безъ формальнаго участія внѣ стоящихъ организацій: въ самой рабочей средѣ есть партійные люди, которые ведутъ свою пропаганду; кромѣ того, существуетъ обще-партійная литература и обще-партійная пропаганда, этого должно быть достаточно. Въ Западной Европѣ наиболѣе передовыя профессіональныя движенія уже вполнѣ въ этомъ отношеніи достигли самостоятельности | напр. во Франціи |. Такъ, вѣроятно, будетъ со временъ и у насъ. Но пока, разъ формальное участіе партіи на съѣздахъ является необходимымъ условіемъ ихъ вліянія, мы должны стремиться къ тому, чтобы не лишиться этой возможности и не быть поставленными въ спеціально невыгодное положеніе. Намъ кажется, поэтому, что нашимъ товарищамъ слѣдуетъ употребить всѣ свои усилія чтобы имѣть на съѣздѣ своихъ представителей: это откроетъ имъ дорогу къ широкому вліянію въ рабочей средѣ.

М. И.

ВѢСТЬ ИЗЪ СИБИРИ.

Изъ одной изъ сибирскихъ каторжныхъ тюремъ получилось отъ одного нашего товарища письмо, изъ котораго мы приводимъ нѣкоторыя выдержки. Это — первое письмо, которое товарищу удалось отправить со времени его ареста.

«Послѣ 3-хъ недѣльнаго предварительнаго заключенія мы предстали передъ грозный военный трибуналъ. Послѣ 2-хъ дневнаго засѣданія мнѣ и тремъ товарищамъ вынесли смертный приговоръ, а младшаго брата приговорили по малолѣтству къ 12-ти годамъ заключенія въ тюрьмѣ. Этотъ суровый приговоръ, къ которому мы были подготовлены съ самаго начала, не произвелъ однако на насъ «должнаго» впечатлѣнія и мы бодро и смѣло ожидали смерти. Надѣяться на снисхожденіе нечего было: передъ нами былъ примѣръ К., котораго разстрѣляли черезъ три дня послѣ нашего ареста. Черезъ четыре дня однако мы были изумлены извѣстіемъ, что казнь намъ замѣнена каторгой, мнѣ 20-ти лѣтней, а другимъ товарищамъ — 10-ти лѣтней. Нельзя сказать, чтобы это было намъ непріятно: какъ бы то ни было, пріятно было сознавать, что ты еще не покончилъ всѣ счеты съ жизнью, что будешь еще жить, бороться и страдать. — Наше пребываніе въ *N*... послѣ этого не долго продолжалось. Черезъ мѣсяцъ послѣ суда насъ, переодѣтыхъ уже въ арестантскую одежду и закованныхъ въ ножные кандалы, отправили въ Москву. По дорогѣ мы остановились въ городѣ.... гдѣ намъ оказали весьма радушный пріемъ. Въ Московской же центральной пересыльной тюрьмѣ, гдѣ я пробылъ два съ пол. мѣсяца, намъ жилось совсѣмъ не плохо. Въ первый же день нашего прибытія туда, мы расковались и были приняты въ коммуну находившихся тамъ политич. каторжанъ. Послѣднихъ было чел. 50, разныхъ партій и убѣжденій. Были также матросы, солдаты и аграрники-крестьяне. Жизнь здѣсь гораздо свободнѣе чѣмъ въ *N*—ской губернской тюрьмѣ: можно носить свое бѣлье, даже носить собственную верхнюю одежду, имѣть деньги на рукахъ и получать на нихъ выписку... Тюрьма состоитъ изъ четырехъ корпусовъ, каждый корпусъ имѣетъ 3 этажа. Верхніе этажи всѣхъ 4-хъ корпусовъ заняты каторжанами, а другіе этажи — разными другими заключенными. Однихъ каторжанъ тамъ всегда бывало около 1000 чел. Понятно, что при такомъ многочисленномъ и разнообразномъ населеніи тюрьма представляетъ собою настоящій вертепъ, въ которомъ шумъ, гамъ, крики и возня непрерывны. Послѣ вечерней повѣрки арестанты загоняются въ камеры... Тогда только шумъ утихаетъ, но все таки если прислушаться издали, то кажется, что здѣсь громадный пчелиный улей... Жизнь въ Москвѣ проходила какъ въ чаду и я не успѣлъ оглянуться, какъ насъ уже отправили изъ Москвы... Ѣхали и по сушѣ и по водѣ... Часть пути | 250 верстъ | мы прошли пѣшкомъ»....

«Недавно у насъ была голодовка, возникшая вслѣдствіе запрещенія переписки. Администрація прибѣгла къ мѣрамъ запугиванія: отняли всѣ вещи, кромѣ коекъ и подушекъ, даже матрацы забрали. Эти репрессіи на насъ однако не повліяли и мы стойко продолжали держаться. Администрація очень скоро образумилась и въ этотъ же самый день губер-

наторъ прислалъ къ намъ делегата для переговоровъ, которые однако ни къ чему не привели. На 6-й день голодовки администрація сдалась во всѣхъ позиціяхъ: были удовлетворены наши требованія переписки и возвращены всѣ вещи. Положеніе наше въ тюрьмѣ стало лучше».

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ФРАНЦІЯ.

Клемансо и синдикальное движеніе.

Первое мая было отмѣчено въ этомъ году во Франціи синдикалистской агитаціей въ средѣ служащихъ на государственной службѣ и рядомъ стачекъ рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ и продажѣ пищевыхъ продуктовъ.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ, даже, пожалуй, нѣсколько лѣтъ тому назадъ началось синдикальное движеніе среди учителей. Распространеніе соціалистическихъ идей съ одной стороны и протестъ противъ фаворитизма и всякаго рода притѣсненій — съ другой, привели къ тому, что значительная часть учителей вышли изъ своихъ полу-оффиціальныхъ ассоціацій, организованныхъ раньше подъ названіемъ «Дружескихъ» (Les Amicales), ассоціацій, въ которыхъ вопросы обсуждались подъ покровительствомъ и руководствомъ начальства, и рѣшило устроить такія организаціи, въ которыхъ бы учителя были у себя дома, гдѣ бы они могли вырабатывать свои требованія и протестовать противъ разнаго рода несправедливостей, которыя имъ приходится терпѣть со стороны, какъ своего непосредственнаго начальства, такъ и властей вообще. Движеніе это особенно развивалось въ либеральное время — въ эпоху министерства Комба. Министерство Рувье попробовало бороться съ нимъ и встрѣтило нѣкоторое сопротивленіе; тогда, по соглашенію съ Палатой, слишкомъ опасный вопросъ былъ отложенъ до того времени, когда пройдутъ выборы: учителя могли быть удобными избирательными орудіями, и вооружить ихъ противъ себя было рискованно.

Когда ко власти пришли Клемансо и Бріанъ, а затѣмъ и Вивіани, можно было думать, что дѣло учителей — а съ ними и остальныхъ служащихъ — выиграно. Въ правительствѣ оказались теперь тѣ самые люди, которые раньше защищали интересы низшихъ государственныхъ служащихъ, поддерживали и, пожалуй, даже расширяли ихъ требованія. Надежды эти оживили синдикальное движеніе среди учителей и другихъ служащихъ; правда со стороны новаго правительства, были высказаны нѣкоторыя оговорки, но всѣ считали ихъ чисто платоническими.

Между тѣмъ забастовка почтальоновъ оказалась подавленной съ большой строгостью. Общественное мнѣніе возложило всю отвѣтственность за это на министра Барту, бывшаго мелиниста; остальное правительство не винили, потому что узаконеніе ассоціацій государственныхъ служащихъ было имъ же обѣщано. Но вотъ, въ январѣ 1907 года, публика познакомилась, наконецъ, съ правительственнымъ проэктомъ: это было усиленіе строгостей раньше существовавшаго закона. У служащихъ отнимались всѣ, понемногу пріобрѣтенныя ими, вольности, вольности, которыми они уже пользовались давно.

Проэктъ вызвалъ общій протестъ. Учительскіе синдикаты, собравшись на съѣздъ въ Нантѣ, постановили въ принципѣ рѣшеніе присоединиться къ Всеобщей Конфедераціи Труда. Другіе служащіе также подняли агитацію противъ новаго проэкта, съ цѣлью заставить правительство отказаться отъ него.

Правительство стало грозить преслѣдованіями. Отвѣтомъ было знаменитое открытое письмо къ Клемансо — прокламація, расклеенная во всѣхъ крупныхъ городахъ Франціи — гдѣ ассоціяціи государственныхъ служащихъ протестовали противъ фаворитизма и тиранніи государства, требовали права вступать въ Биржи Труда и напоминали Клемансо тѣ рѣзкія фразы, которыя онъ самъ произносилъ когда-то противъ государственнаго деспотизма.

Это было каплей переполнившей чашу. Подписавшіе афишу были преданы административному суду, каждый въ своей спеціальной отрасли. Въ упрекъ имъ ставилось присоединеніе къ Всеобщей Конфедераціи Труда [что было невѣрно, такъ какъ это присоединеніе еще не состоялось]; правительство заявляло, что не можетъ признать за своими служащими, ни права на стачку, ни права вести антипатріотическую пропаганду. Имъ ставили также въ упрекъ нарушеніе дисциплины, состоявшее въ томъ, что они святотатственно возстали противъ проэкта закона. Главнымъ же ихъ преступленіемъ было оскорбленіе величества: нападеніе на Клемансо, на того самаго Клемансо, который когда то съ такимъ жаромъ возставалъ противъ правительственнаго произвола, а теперь, прійдя ко власти, не можетъ переносить ни малѣйшей оппозиціи.

Всѣ привлеченные къ суду служащіе—главнымъ образомъ почтовые—были осуждены, за исключеніемъ одного учителя единственнаго, подвергшагося преслѣдованію, который былъ оправданъ педагогическимъ судомъ, нужно сказать, что часть членовъ этого суда выбирается самими учителями. Несмотря на это оправданіе, учитель Негръ былъ, какъ и другіе его товарищи, удаленъ со службы.

Въ то время какъ волненіе, вызванное этимъ дѣломъ въ средѣ служащихъ и даже самихъ депутатовъ, все росло, и протесты, особенно со стороны учителей и почтовыхъ служащихъ, раздавались по всей странѣ и вносили такимъ образомъ въ общее движеніе новыя требованія, въ мірѣ рабочихъ также началась агитація.

Повсюду рабочіе выражали свои симпатіи служащимъ; Всеобщая Конфедерація Труда рѣшила принять синдикатъ учителей въ число своихъ организацій. Но помимо этихъ выраженій симпатіи, газетныхъ статей, рѣчей на митингахъ, — общей агитаціи, въ виду перваго мая, въ этомъ году ведено не было. Извѣстное волненіе было создано еще раньше банкротствомъ закона о еженедѣльномъ отдыхѣ. Въ одной изъ предыдущихъ статей я говорилъ объ этомъ вопросѣ; съ тѣхъ поръ произошли нѣкоторыя перемѣны. Не смотря на крайнюю снисходительность закона, на безчисленныя исключенія въ немъ, на полное равнодушіе правительства къ его примѣненію на дѣлѣ, радикальное большинство Палаты депутатовъ все таки нашло его слишкомъ рѣшительнымъ и стало уничтожать свое собственное дѣтище: оно потребовало отъ правительства, чтобы оно отказалось отъ всякихъ практическихъ мѣръ для поддержанія закона. Палата показала, такимъ образомъ, рабочимъ, что законы существуютъ вовсе не для того, чтобы господствующіе классы ихъ исполняли.

Нѣкоторыя категоріи рабочихъ не могли уже быть затронуты этой фактической отмѣной закона: такъ, служащіе въ парикмахерскихъ, напримѣръ, еще раньше съумѣли отвоевать непосредственно у своихъ хозяевъ еженедѣльный отдыхъ. Но оно было очень чувствительно для такихъ профессій какъ булочники, какъ служащіе въ кафе и ресторанахъ, повара. И вотъ бюро федераціи булочниковъ нашло, что моментъ—это было въ половинѣ апрѣля—благопріятенъ для того, чтобы декретировать въ своей корпораціи забастовку. Этому движенію суждено было однако лишь лишній разъ показать, что забастовка, какъ и возстаніе, не можетъ декретироваться сверху, на опредѣленный день, даже если распоряженіе исходитъ отъ секретаря федераціи синдикатовъ. Забастовка, правда, началась, но это была забастовка частичная, безъ широкаго размаха, протянувшаяся три недѣли и закончившаяся неудачей. Единственнымъ результатомъ ея было то, что она показала недобросовѣстность хозяевъ булочныхъ, которые отказывались дать воскресный отдыхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ не хватитъ рабочихъ, а теперь съ величайшею легкостью находили кѣмъ замѣнить бастующихъ.

Дней черезъ десять послѣ булочниковъ, но совершенно независимо отъ нихъ, забастовали служащіе въ кафе и ресторанахъ. Движеніе сначала пошло удивительно хорошо и дружно, тѣмъ болѣе удивительно, что эта среда была до сихъ поръ мало затронута пропагандой. Служащіе требовали еженедѣльнаго отдыха, права носить усы, и уничтоженія такъ называемой платы за расходы. Послѣднее заключается вотъ въ чемъ: Прислуга въ кафе и ресторанахъ живетъ исключительно тѣмъ, что публика даетъ на чай, и не только не получаетъ жалованія, но сама платитъ каждый день опредѣленную сумму хозяину; ей приходится еще кромѣ того платить за всю посуду, которую разобьютъ она сама или посѣтители кафе, а также платить изъ своего кармана другимъ служащимъ, получающимъ опредѣленное жалованіе; кромѣ того, они должны поставлять бумагу, спички и т. д. Хозяева уступили въ вопросѣ объ усахъ и отмѣнили часть расходовъ, но отказались заключить съ синдикатомъ коллективный договоръ. Бюро синдиката упорно продолжало настаивать на этомъ послѣднемъ требованіи, — требованіи не важномъ и представляющемъ, кромѣ того, ту опасность, что оно можетъ повести къ установленію обязательнаго по-

средничества т. е. къ устраненію стачекъ. Забастовка затягивалась, служащіе устали и, въ концѣ концовъ, приступили къ работѣ, одержавъ лишь частичную побѣду, — въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ даже совершенно фиктивную

Повара, забастовавшіе еще позже, наканунѣ 1-го мая, требовали еженедѣльнаго отдыха, сносной пищи, возможности обѣдать сидя и т. д. Ихъ стачка еще продолжается. Выгода ихъ положенія заключается въ томъ, что ихъ нельзя замѣнимъ кѣмъ попало, такъ какъ въ этомъ ремеслѣ требуется довольно продолжительное обученіе.

Въ общемъ, движеніе это — еще продолжающееся — интересно было въ томъ отношеніи, что оно коснулось профессій до сихъ поръ не затронутыхъ пропагандой. Но въ немъ не было единства.

Въ настоящую минуту у насъ свирѣпствуетъ правительственная реакція. Наше полу радикальное, полу-соціалистическое министерство деспотичнѣе и реакціоннѣе министерствъ Мелина и даже Дюпюи. Изгнаніе со службы безъ гласнаго разбирательства, аресты рабочихъ дѣятелей, безастѣнчивое примѣненіе «подлыхъ» законовъ*), — все это характерныя проявленія политики буржуазной защиты своихъ интересовъ. Многіе радикалы желали бы уничтоженія Всеобщей Конфедераціи Труда. Къ счастью, для всѣхъ этихъ великолѣпныхъ проэктовъ время прошло: репрессіи ведутъ только къ тому, что толкаютъ синдикальное движеніе къ сторону революціи. Клемансо ведетъ безсознательно самую лучшую антигосударственную пропаганду.

М. Пьерро.

Анархистъ Яковъ Лау, стрѣлявшій 1-го мая въ Парижѣ, въ полицію и войска, былъ, какъ извѣстно, избитъ до полусмерти. Буржуазныя газеты незамедлили приписать это чести возмущенной толпы, учинившей самосудъ. Больно было думать что хотя бы толпа во Франціи могла быть такой слѣпой, чтобы ввиду дѣятельности республиканской арміи, направленной противъ нея же, взяла бы на себя роль защитника ея. Къ счастью, болѣе безпристрастный свидѣтель — фотографическіе снимки, категорически опровергаютъ эту клевету буржуазной прессы на французовъ. На снимкахъ Illustration ясно видно, что въ числѣ избивавшихъ не было ни одного штатскаго. Эта заслуга принадлежитъ исключительно полицейскимъ.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ Штатахъ Колорадо и Айдахо шла ожесточенная борьба между Западною федерацією рабочихъ рудокоповъ и синдикатомъ хозяевъ. Какъ водится въ Америкѣ, хозяева нанимали противъ союза рабочихъ свою вооруженную полицію, доставлявшуюся имъ прежде нѣкимъ Пинкертономъ, которая, во всякой стачкѣ жестоко избивала и перестрѣливали забастовщиковъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ во время одной большой стачки — сколько помнится, въ Питтсбургѣ — озлобившіеся рабочіе жестоко перестрѣляли пинкертоновцевъ, а остальныхъ изъ нихъ, убѣжавшихъ на баржу, стоявшую середь рѣки сожгли, зажегши баржу, — ремесло этихъ злодѣевъ стало опаснымъ. Тогда хозяева стали прибѣгать къ тайнымъ убійствамъ рабочихъ. Вооружая однихъ рабочихъ противъ другихъ и въ особенности вызывая озлобленіе рабочихъ, принадлежавшихъ къ Союзу, противъ «чорныхъ» | штрайкбрехеровъ | , которыхъ хозяева ставили на работы во время стачекъ и охраняли своею полиціею, хозяевамъ удавалось вызывать междоусобную войну между рабочими.

Но этого имъ было мало. Такъ какъ Колорадскіе рудокопы — народъ смѣлый, и стачки среди нихъ рѣдко обходились безъ того чтобы стачечники не портили хозяйскія машины, или не поджигали чего нибудь, а въ Союзѣ | тайномъ, рядомъ съ явнымъ | никто, конечно, изъ рабочихъ ничего не выдавалъ,—то хозяевамъ болѣе всего требовалось разрушить Союзъ рудокоповъ. А для этого имъ мало было вызывать полицію и стрѣлять рабочихъ. Хозяева это дѣлали не разъ, но Союзъ продолжалъ существовать непоколебимый: надо было вооружить все общественное мнѣніе Соед. Штатовъ противъ Союза, добиться казни главныхъ организаторовъ, и сдѣлать дальнѣйшее существованіе Союза невозможнымъ.

И вотъ хозяева, при помощи своей наемной, частной тайной полиціи, устраивали самыя звѣрскія убійства и взрывы, и сваливали ихъ на Союзъ.

Мы часто ужасались, читая въ газетахъ, что Союзъ рудокоповъ совершилъ такія-то убійства, такіе-то взрывы и т.п., противъ другихъ такихъ же рабочихъ; но теперь оказывается, что всѣ эти звѣрскія убійства и взрывы совершались людьми, которыхъ нанимали хозяева, и которымъ была обезпечена со стороны начальства и полиціи штатовъ Колорадо и Айдахо полнѣйшая безопасность.

Такъ, федерація рудокоповъ теперь положительно доказываетъ на основаніи положительныхъ данныхъ, что ужасный взрывъ на платформѣ Индэпендэнсъ, о которомъ такъ много писалось въ газетахъ, и попытка совершить крушеніе пассажирскаго поѣзда на жел. дор. изъ Флоренсъ въ Крипль-Крикъ, въ 1903 году, въ которой хозяева обвиняли Западную Федерацію рудокоповъ, **были совершены людьми, нанятыми хозяевами.** Машинистъ былъ въ заговорѣ и остановилъ поѣздъ, какъ разъ передъ тѣмъ мѣстомъ гдѣ были развинчены рельсы.

Теперь передъ судъ привлекли Хейвуда и Мойера, президента и секретаря этой федераціи, обвиняемыхъ въ убійствѣ губернатора штата Айдахо — Штейненберга, и въ дѣло вступился — конечно за хозяевъ — самъ Розевельтъ, хлыщъ, извѣстный своею ненавистью къ рабочимъ соціалистамъ.

Трудно представить себѣ что нибудь гнуснѣе этого дѣла, такъ какъ Совѣтъ Присяжныхъ (grand Jury: родъ выборной Судебной Палаты) штата Айдахо раскрылъ на дняхъ цѣлый рядъ мошенничествъ этого губернатора Штейненберга, который, вмѣстѣ со сворою адвокатовъ и другихъ чиновниковъ, участвовалъ не хуже нашего Крыжановскаго, въ колоссальномъ грабежѣ общественныхъ земель. Что же касается до Розевельта, то онъ, оказывается, пустился въ подлоги, онъ отрицалъ свое вмѣшательство къ дѣло Мойера и Хейвуда, когда оно судилось въ первой инстанціи, а теперь напечатано его собственное письмо, доказывающее, что онъ лгалъ: нагло вступался, чтобы оказать давленіе на судей.

Вообще, преслѣдованіе Западной федераціи рудокоповъ подняло страшную агитацію въ рабочемъ мірѣ Соед Штатовъ. Евгеній Дэбзъ (онъ очень извѣстенъ со времени похода безработныхъ, которыхъ онъ повелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ зап. Штатовъ на Вашингтонъ), Дэбзъ ведетъ теперь смѣлую, рѣзкую кампанію противъ Розевельта въ чрезвычайно распространенной соціалистической (не соціальдемократической) газетѣ «Appeal to Reason», которой расходится до 300,000 экземпляровъ среди рабочихъ.

Вообще,во всемъ рабочемъ движеніи Соед. Штатовъ произошло за послѣдніе шесть мѣсяцевъ сильное оживленіе, и такъ какъ рабочіе Сѣв. Америки не дали соц. демократамъ овладѣть своимъ движеніемъ и обезсилить его политиканствомъ, надо думать что снова наступаетъ эра грандіозныхъ забастовокъ, которыя мы пережили въ Сѣв. Америкѣ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ.

АНАРХИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Мы только что получили № 5 „Буревѣстника". Мы поговоримъ о немъ въ слѣд. номерѣ. А пока — вотъ его содержаніе: Затишье. — Конгрессъ страха | партейтагъ нѣм. соц.-дем. въ Мангеймѣ | . — Наши задачи. — Отвѣтъ Виктору Чернову. — Своимъ бывшимъ учителямъ, А. Матюшенко. — Печать. — Заграничная Хроника: факты и мысли, А. Н. — Изъ Россіи: Памяти 16-и товарищей, разстрѣлянныхъ въ Варшавѣ. — Къ процессу 5-и товарищей въ Одессѣ. — Рѣчь Моисея Меца | „Бориса" | передъ судомъ.—Памяти Василія Доценки | „Николая" | .—Корреспонденціи изъ Россіи. — Къ товарищамъ | отъ ред. | .

Изъ Заграничной Хроники заимствуемъ слѣдующее мѣсто, которое серьезно рекомендуемъ вниманію тѣхъ, кто еще смѣшиваетъ „соціализмъ" съ „соціальдемократіей".

Рѣчь идетъ о программѣ, съ которою нѣмецкая соц.-дем. шла на послѣдніе выборы:

„Соц. демократія борется противъ личнаго правительства и защищаетъ находящіяся въ опасности народныя права; она борется противъ чрезмѣрнаго увеличенія флота; противъ колоніальной политики, раззоряющей народъ и противъ колоніальныхъ преступленій, оскорбляющихъ національную честь. Она борется противъ эксплуатаціи народа посредствомъ высокихъ пошлинъ и закрытія границъ; противъ чрезмѣрныхъ цѣнъ на мясо и хлѣбъ... Она борется противъ **проэкта исправительныхъ домовъ; противъ новаго закона о**

*) «Lois scelérates» — спеціальные законы, направленные **противъ анархистовъ. Прим. ред.**

синдикатахъ, который свяжетъ ихъ по рукамъ и ногамъ и раззоритъ рабочія организаціи. Она борется за освобожденіе рабочаго большинства отъ ига господствующаго класса, за политическую и соціальную свободу всѣхъ членовъ народа, она борется за право и свободу".

Эта программа привела въ восхищеніи Жореса, который писалъ о ней, что она „составлена съ такою политическою отчетливостью, что соціалисты другихъ странъ могутъ только радоваться"

„Соціалисты?... спрашиваетъ „Буревѣстникъ"—едвали; соц.-демократы — да; но соц.-демократіи всѣхъ странъ вообще, и Германіи въ особенности, уже давнымъ давно ничего общаго съ соціализмомъ не имѣютъ. Въ соц.-демократіи, демократія убила соціализмъ, и электоральные интересы гг. депутатовъ отодвинули интересы рабочихъ массъ, т. е. уничтоженіе собственности и экспропріацію буржуазіи въ пользу рабочихъ и крестьянъ. И это понятно. Соціализмъ, какъ отрицаніе основъ соврем. общества, какъ отрицаніе частнаго владѣнія на землю и всѣ орудія труда, какъ стремленіе къ экспропріаціи господствующаго класса, соціализмъ по своей сущности революціоненъ и не можетъ быть инымъ. Соціализмъ, какъ революціонная цѣль, не можетъ быть достигнутъ нереволюціонными средствами. „Наша цѣль революціонна, но не тактика" — есть лишь хитрая выдумка буржуазнаго ума, или гнусная спекуляція, разсчитанная на невѣжество рабочаго люда. Тактика и цѣль находятся въ прямой, нераздѣльной и тѣсной связи. Тактика и цѣль взаимно опредѣляются, взаимно пополняются. Тактика одушевляетъ цѣль, это „жизнь" цѣли, это идея будущаго, стремящаяся принять конкретныя формы теперь-же Соціализмъ покамѣстъ не есть фактъ, онъ является стремленіемъ, идеей, идеаломъ, выросшимъ на почвѣ современныхъ соціальныхъ отношеній. Соціализмъ, какъ цѣль, какъ идея, отрицаетъ эти отношенія, и соціалистическая тактика не можетъ быть другой, какъ суммою средствъ, отрицающихъ эти-же самыя отношенія. Соціализмъ, какъ цѣль, есть отрицаніе эксплуатаціи и рабства, и соціалист. тактика не можетъ быть иной, какъ проявленіемъ свободной энергіи, революціон. смѣлости, братской солидарности, теперь-же, соціализмъ, какъ идея экономическаго равенства на почвѣ общности владѣнія землей и всѣми орудіями труда, не можетъ имѣть другой тактики, какъ тактики, соотвѣтствующей непосредственно идеѣ и проявляющей ее теперь-же. Соціализмъ, какъ революціонная цѣль, не можетъ осуществиться безъ революціи и революція невозможна безъ революціонеровъ... Соціализмъ, какъ революціонная цѣль, невозможенъ безъ постояннаго и все болѣе и болѣе частаго фактическаго проявленія этихъ идей.—Броженіе идей, революціонные факты — массовые и личные — освѣжающіе, укореняющіе, реализирующіе эти идеи, такова соціалист. тактика, соотвѣтствующая цѣли соціализма, цѣль же эта уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, экспропріація имущаго, господствующаго класса въ пользу и для общаго блага рабочихъ и крестьянъ.

„Ни, какъ немедленная цѣль, ни какъ тактика, соціализмъ ничего общаго съ соц.-демократіей не имѣетъ".

БИБЛІОГРАФІЯ.

Гюберъ Лагарделль, „Революціонный синдикализмъ". I. Интеллигенція и синдикализмъ. II. Всеобщая конфедерація труда.

Изд. «Шиповникъ». СПБ. 1906. Стр. 127. ц. 40 к.

Гюберъ Лагарделль является, на ряду съ Сорелемъ, Бертомъ, Арт. Лабріола и Данунціо, представителемъ своеобразнаго трактованія революціоннаго синдикализма. Въ революціонномъ синдикализмѣ всѣ они видятъ «новое направленіе соціализма», совершенно независимое отъ какихъ бы то ни было идейныхъ вліяній. Разрывъ его съ соціалистами-государственниками они объясняютъ исключительно тѣмъ, что соціальдемократія скомпрометтировала себя междуфракціонными дрязгами и поведеніемъ въ парламентѣ, обнаружившемъ ея чисто-демократическій характеръ—неизбѣжный результатъ участія въ парламентѣ. За то, эмансипировавшись отъ вліянія с.-д. и обратившись къ преслѣдованію своихъ рабочихъ нуждъ, своими рабочими средствами, революціонные синдикалисты стали гораздо ближе къ истинному марксизму чѣмъ «пресловутая научность современныхъ с.-д.». Рев. синдикаты какъ нельзя лучше соотвѣтствуютъ истинному марксизму.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что правовѣрные марксисты открываютъ въ синдикальномъ движеніи такія пріятныя для нихъ вещи; что члены соціалистическихъ парламентскихъ партій (Лаг., Лабріола) видятъ въ безгосударственныхъ тенденціяхъ синдикализма, не проявленіе антипарламентаризма, а лишь «внѣпарламентности» и, ограничивая парламентскую дѣятельность соціалистовъ регистраціей соціалистическихъ завоеваній пролетаріата, видятъ въ нихъ, тѣмъ не менѣе, необходимыхъ борцовъ за демократію, хотя и въ этой области, для завоеваній и удержанія пріобрѣтеній не обойтись безъ прямого дѣйствія (action directe) рабочаго класса. Неудивительно, что марксисты и соціалисты-государственники игнорируютъ вліяніе и стараются затушевать значеніе для современнаго синдикализма анархическихъ идей и анархическихъ дѣятелей. Нѣтъ, наконецъ, ничего удивительнаго и въ томъ, что люди, симпатизирующіе марксизму, видятъ въ представителяхъ такого истолкованія движенія единственныхъ признанныхъ теоретиковъ революц. синдикализма и признаютъ за ними монополію на правильное пониманіе его.

Насъ не удивляетъ это неожиданное преклоненіе передъ самодѣятельностью рабочаго класса со стороны вчерашнихъ правовѣрныхъ соціальдемократовъ, ихъ настаиваніе на этой самостоятельности творчества рабочихъ, объединенныхъ въ современные синдикаты во Франціи, — разъ этой цѣной можно уклониться отъ признанія того, что идеи, воодушевляющія революціонный синдикализмъ суть тѣ самыя идеи, которыя проповѣдуютъ еще со времени Интернаціонала столь ненавистные имъ анархисты. „Теоретики рев. синдикализма" избѣгаютъ употреблять даже слово «анархистъ». Когда приходится упомянуть о такихъ дѣятеляхъ, какъ Пеллутье или Пуже, которыхъ замолчать невозможно, они превращаются, подъ перомъ «теоретиковъ», изъ анархистовъ — просто въ синдикалистовъ; относительно другихъ прибѣгаютъ къ «фигурѣ умолчанія» или къ спасительнымъ литерамъ «и т. д.» (см. напр. стр. 68 названной книги) *).

Мы не стали бы, конечно, настаивать на пріоритетѣ анархизма относительно идей, обусловливающихъ революціонность современныхъ синдикалистовъ и на пріоритетѣ анархистовъ въ дѣлѣ развитія ихъ. Не въ кличкѣ суть, а въ характерѣ движенія. Тѣмъ болѣе, что анархисты никогда не претендовали на созданіе теорій кабинетнымъ путемъ и на навязываніе ихъ массамъ. Напротивъ, самыя идеи анархизма родились въ массахъ, и творческую свободную самодѣятельность массъ анархисты-коммунисты ставятъ выше всего. (См. напр. брош. Кропоткина «Совр. наука и анархизмъ», да и по всей анархической литературѣ разсыпаны эти мысли). Результаты именно этой самодѣятельности, и тенденціи ея, подмѣченныя теоретиками анархизма, подкрѣпленные и обоснованные современными пріобрѣтеніями точныхъ наукъ, сведенные во едино, но не догматизированные, и представляютъ собою анархическое міровоззрѣніе. Формулированное такимъ образомъ, оно въ свою очередь вызываетъ дальнѣйшую работу мысли массъ, уясняетъ и освѣщаетъ практическіе вопросы и вліяетъ на опредѣленное рѣшеніе ихъ.

То обстоятельство, что практики, проникнутые общими интересами всѣхъ трудящихся, самостоятельно приходятъ къ выводамъ, аналогичнымъ съ выводами анархизма, могло бы насъ только радовать, ибо служитъ лишнимъ доказательствомъ правильности нашихъ воззрѣній, ихъ соотвѣтствія дѣйствительнымъ интересамъ массъ. Но, когда такое признаніе самостоятельности выработанныхъ синдикированными рабочими извѣстныхъ идей дѣлается съ предвзятой цѣлью, лишь для того, чтобы, вырвавъ данныя формы движенія изъ ихъ логической связи съ тѣмъ, что служило имъ предпосылкой и что обусловливаетъ опредѣленное направленіе эволюціи въ будущемъ, — выдать ихъ за проявленіе того, съ чѣмъ онѣ не имѣютъ ничего общаго, — мы считаемъ нужнымъ отмѣтить правильный генезисъ революціонныхъ идей, одушевляющихъ синдикированный пролетаріатъ. Мы не можемъ не указать на вліяніе великихъ завѣтовъ антигосударственной вѣтви Интернаціонала [однимъ изъ наиболѣе яркихъ выразителей которыхъ былъ М. Бакунинъ] и многихъ нашихъ товарищей, способствовавшихъ разработкѣ этихъ идей и проведенію ихъ въ жизнь.

*) Пріемъ это конечно не новый и примѣровъ его можно много найти въ отечественной литературѣ. Между прочимъ въ русск. перев. «Исторія биржъ Труда» Пеллутье, пер. С. Львова „Libertaires" — анархисты переведено „свободомыслящіе" стр. 129.

Не имѣя возможности, по самому характеру этой замѣтки, давать здѣсь очеркъ работы анархистовъ въ этомъ направленіи, мы укажемъ лишь, что Кропоткинъ еще въ Revolté, а потомъ въ La Revolte 1887 — 1897 годовъ, постоянно велъ кампанію, въ этомъ направленіи.

Даже самые методы революціонной борьбы синдикатовъ связаны съ именами анархистовъ. Такъ, первыми проповѣдниками всеобщей стачки въ синдикатахъ были т.т. Пеллутье и Тортелье (вопросъ былъ внесенъ на рѣшеніе съѣздовъ Турскаго и Марсельскаго 1892 г., а затѣмъ Цюрихскаго 93 года и позже), а самый терминъ «action directe» былъ пущенъ въ ходъ Пуже. Еще въ 94—95 годахъ Пеллутье писалъ въ „Temps Nouveaux" о работѣ в е д у щ е й с я анархистами въ синдикатахъ. И благодаря этой работѣ, благодаря настойчивой и неустанной пропагандѣ анархизма были приняты синдикатами методы борьбы, казавшіеся раньше такими страшными, — всеобщая революціонная стачка и action directe, а въ послѣднее время и антимилитаризмъ. Мы далеки, конечно, отъ мысли отождествлять современный революціонный синдикализмъ съ анархизмомъ, но источники его основныхъ положеній указываютъ то направленіе, въ которомъ онъ развивается. Вотъ почему мы и остановились на этомъ вопросѣ.

Во второй статьѣ названнаго сборника Лагарделль излагаетъ вкратцѣ исторію Всеобщей Конфедераціи Труда со всѣми вышеуказанными особенностями, присущими теоретикамъ его типа. Изъ заключительнаго обзора мы узнаемъ, что «концепція [рев. синд.] объясняется французской средой»; «три фазиса французскаго синдикальнаго движенія (узко-корпоративный, соціалистическій и революціонно-экономическій) соотвѣтствуютъ тремъ періодамъ развитія соціалистической партіи и эволюціи демократической среды». Единственно отрицательные результаты третьяго періода привели къ созданію положительныхъ сторонъ французскаго синдикализма! „Синдикальное движеніе во Франціи не есть движеніе п р о т и в о п а р л а м е н т с к о е, какимъ его хотѣли представить, но в н ѣ п а р л а м е н т с к о е. Цѣль его заключается въ томъ, чтобы не просить ни у кого помощи и самостоятельно итти по пути къ своему идеалу. Но во Франціи цѣль эта еще не достигнута. В о т ъ п о ч е м у синдикалисты в о с п о л ь з о в а л и с ь б ы услугами партіи [соціалистовъ парламентскихъ. В. З.], е с л и б ы она удовлетворилась скромной ролью докладчика рабочихъ требованій" [курсивъ этой фразы мой. В. З.]. Но это, по словамъ самого автора, невозможно именно въ силу того, что она парламентская. П о э т о м у движеніе не антипарламентское, но лишь в н ѣ п а р л а м е н т с к о е. Неправда ли, какъ это характерно?

Статья первая сборника — „Интеллигенція и синдикализмъ" не представляетъ изъ себя ничего, ни самостоятельнаго, ни новаго. Это варіація и комментаріи нѣкоторыхъ мыслей Энгельса и Каутскаго — Каутскаго особенно — объ интеллигенціи, пріобрѣтающихъ извѣстную пикантность подъ перомъ чистокровныхъ интеллигентовъ (въ томъ смыслѣ, какъ они сами опредѣляютъ эту общественную категорію). Три первыя главы сплошь заняты этимъ. Глава IV рисуетъ картинку нравовъ „соціалистовъ", гл. V посвящена критикѣ парламентаризма [здѣсь проводится мысль, что синдикальное движеніе родилось изъ разочарованія пролетаріата, съ одной стороны—въ интеллигенціи, съ другой—въ парламентаризмѣ]. Выводъ тотъ, что для соціальныхъ цѣлей рабочихъ не нужны интеллигенты. Что же могутъ дѣлать соціалисты [интеллигенты]? Этому вопросу посвящены двѣ послѣднія главы, гдѣ, рисуя современный характеръ соціалистической партіи [о которомъ любопытно узнать много горькихъ истинъ отъ члена ея], авторъ, ссылаясь на Маркса, рисуетъ такую программу дѣятельности соціалистовъ: Интеллигенты способнѣе къ умственной работѣ, чѣмъ рабочіе-интеллигенты. Они должны разрабатывать теоріи, элементы которой поставляются пролетаріатомъ. «Они даютъ ему (пролетаріату) понятіе объ его собственной силѣ, объ условіяхъ борьбы, объ общихъ тенденціяхъ, о б ъ е г о о с н о в н ы х ъ н а д е ж д а х ъ. (курс. мой). Они отдѣляютъ второстепенное отъ главнаго, исключаютъ частности и удерживаютъ общее. Они отыскиваютъ, однимъ словомъ, наиболѣе понятную формулу требованій, которыя с а м и с о б о ю н а в я з ы в а ю т с я р а б о ч е м у к л а с с у (курс. мой) являясь результатомъ экономической эволюціи; они отбрасываютъ, напротивъ, тѣ изъ нихъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ историческимъ движеніемъ или противны соціалистической цѣли». Впрочемъ дальнѣйшія комментаріи очень сильно обусловливаютъ выполнимость и этой роли интеллигентами-соціалистами-государственниками, а о нужности ея да судятъ пролетаріи. Вл. З.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Нѣсколько человѣкъ изъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ, проживающихъ въ Парижѣ, основали изъ себя группу, имѣющую цѣлью помочь нуждающимся товарищамъ и способствованіе ихъ отъѣзду въ Россію. Группа эта состоитъ изъ членовъ-основателей и новыхъ членовъ, принимаемыхъ по единогласному рѣшенію всѣхъ присутствующихъ на каждомъ собраніи членовъ.

Отчетъ о дѣятельности группы будетъ печататься разъ въ мѣсяцъ на страницахъ Листковъ „Х. и В."

Лицъ, сочувствующихъ цѣлямъ группы, просятъ адресовать ей денежныя пожертвованія по адресу: «Temps Nouveaux, 4, rue Broca Paris.

Въ нѣкоторыхъ Лондонскихъ, а оттуда и въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ, въ Россіи, появилось извѣстіе, что я, будто бы принимаю живѣйшее участіе въ Лондонскомъ съѣздѣ русскихъ соц.-дем. — Едва ли нужно говорить, что абсолютно никакого участія, ни въ русскомъ соц.-дем., ни въ какихъ либо другихъ соц.-дем. съѣздахъ я не принималъ и не принимаю.

П. Кропоткинъ.

Съ 14-мъ номеромъ, «Листки Х. и В.» вступили во второе свое полугодіе. Напоминаемъ объ этомъ нашимъ подписчикамъ и просимъ ихъ возобновить подписку. Всего лучше — выслать полтора шиллинга, или 1 фр. 85 с. на нашъ Лондонскій адресъ.

Вышли изъ печати брошюры:

1) РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И АНАРХІЯ

Сборникъ статей, подъ редакціей Петра Кропоткина.

Цѣна: 3 пенса; 40 сантимовъ; 10 сентовъ.

Такъ какъ первыхъ нумеровъ Листковъ „Х. и В." осталось уже очень мало для продажи, то мы издали подъ этимъ заглавіемъ доклады Вѣтрова, Забрежнева, Изидина, Корнъ и Кропоткина, о Революціи, политической и экономической; о нашемъ отношеніи къ крестьянскимъ и рабочимъ союзамъ, о террорѣ, объ организаціи, о нашемъ отношеніи къ существующимъ политическимъ партіямъ и о всеобщей стачкѣ, напечатанные въ первыхъ семи нумерахъ.

2) ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

П. Кропоткина

(Статьи напечатанныя въ „Л. Х. и В.", съ дополненіями.)

Цѣна: 2 пенса; 25 сантимовъ; 5 сентовъ.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шиллингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. WESS, 64, Capworth Street. Leyton, London. E.
Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.
E. Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ

№. 16 — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 7 ІЮНЯ 1907 г.

ОПЯТЬ О ЛЕЙБЪ-ПАЛАЧАХЪ.

Трудно представить себѣ что нибудь болѣе жалкое, чѣмъ засѣданіе Думы 17 (30) іюня, на которомъ говорилось о пыткахъ въ Рижской тюрьмѣ.

Началось, было, недурно. Въ засѣданіи, неопровержимыми фактами было доказано, что ничего „преувеличеннаго“ въ докладѣ Думской коммисіи (см. № 14 „Л. Х. и В.“) не было. Арестованныхъ по подозрѣнію или доносу — женщинъ и мущинъ — подвергали самымъ звѣрскимъ пыткамъ, чтобы вымучить у нихъ подтвержденія взводимыхъ на нихъ обвиненій; и на основаніи этихъ вымученныхъ „показаній“, подписанныхъ истекавшими кровью жертвами, ихъ отдавали на разстрѣлъ военнымъ судамъ. Если же пытаемые выдерживали муки и все таки не подписывали составленныхъ противъ нихъ полиціею показаній, ихъ посылали подъ конвоемъ въ ближайшую деревенскую тюрьму, и по дорогѣ пристрѣливали, подъ предлогомъ „попытки въ побѣгу“. Малѣйшее неосторожное движеніе — и пули сыпались въ арестанта. Былъ даже случай объявленія въ мѣстной полицейской газетѣ, что такіе-то *застрѣлены* конвойными за попытку къ побѣгу, *раньше* чѣмъ совершено было заранѣе условленное убійство.

Оказалось также, что пытки совершались по требованію свыше. Извѣстно, что великій князь Владиміръ Александровичъ и другіе великіе князья хвастались тѣмъ, что они изучили Французскую революцію, и знаютъ теперь, какъ справиться съ революціею въ Россіи.—„Пусть мнѣ дадутъ власть, и я наставлю висѣлицъ отъ Петербурга до Одессы“, хвасталъ Владиміръ. — „Пусть только намъ позволятъ, и мы расправимся съ революціонерами почище, чѣмъ расправлялся Галифэ и военные суды послѣ Коммуны. Казнить полъ-милліона: все притихнетъ!“ твердили младшіе великіе князья.

И вотъ имъ „позволили“. Позволили, и даже приказали. Николай II собственноручно приказалъ военнымъ судамъ, казнить безпощадно. Но полевой военный судъ, вообще, долженъ произносить смертный приговоръ только тогда, когда есть *прямыя* доказательства факта, или же имѣется *признаніе* подсудимаго. Въ судебное разбирательство онъ не вдается. А такъ какъ противъ громаднѣйшаго большинства арестованныхъ не было никакихъ *фактовъ*, а Царскій рескриптъ требовалъ много казней, то въ Ригу, въ Варшаву, и т. д. стали посылать спеціальныхъ коммисаровъ, чтобы пытать арестованныхъ; подъ пыткою заставляли ихъ подписывать заранѣе написанныя полицейскими „признанія“ въ вымышленныхъ злодѣяніяхъ, и тѣмъ давали военно-полевымъ судамъ нужный „документъ“.

„Эти звѣрства“, говорится въ англійскихъ телеграммахъ, „не были отдѣльными случаями, совершенными сгоряча: они были результатомъ систематически прилагавшейся политики по отношенію къ подозрѣваемымъ. Въ Ригѣ, напримѣръ, утверждается (Думою), существовала полицейская коммисія для вымучиванія признаній угрозами и пытками, и спеціальные представители министерства юстиціи принимали участіе въ этихъ злодѣяніяхъ“.

Столыпинъ даже и не попытался *опровергнуть* фактами эти доказанныя Думою обвиненія: онъ ограничился словами; вслѣдствіе чего, какъ выражаются англійскіе корреспонденты, представители русскаго народа, включая извѣстныхъ юристовъ, — люди всѣхъ партій, всѣхъ религій и всѣхъ національностей — вынесли противъ царскаго правительства вердиктъ: „Виновны“, и теперь никто не посмѣетъ, даже за-границею, обѣлять этихъ правителей. Они заклеймили себя передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

И чтоже? Казалось-бы что послѣ всего этого, для людей государственнаго строя мысли, логическій выводъ могъ быть одинъ: Дума должна была объявить:

„Такъ какъ доказано, и всею Думою единогласно признано доказаннымъ, и самимъ правительствомъ не отрицается, — что «признанія», служившія военнымъ судамъ, какъ основанія для ихъ приговоровъ, добывались незаконными средствами, т. е. угрозами и пыткою;

„такъ какъ, далѣе, невозможно теперь установить какія признанія были добыты безъ пытки, а которыя пыткою и угрозами пытокъ, —

„поэтому всѣ приговоры военныхъ судовъ должны быть признаны недѣйствительными. Всѣ приговоренные военными судами къ тюрьмѣ и каторгѣ должны быть немедленно выпущены на волю“.

Это — общее правило всякаго судопроизводства. Если въ предварительномъ или судебномъ слѣдствіи произошла ошибка, и допущены незаконныя средства вымогательства, то весь приговоръ уничтожается подобающею властью, — безъ разбора, чья вина была доказана, чья нѣтъ.

Такъ было сдѣлано, между прочимъ, недавно, въ совершенно аналогичномъ случаѣ въ Испаніи. Когда въ Барселонѣ было арестованс около 100 рабочихъ, когда ихъ пытали въ Монжюйхѣ, и нѣсколькихъ разстрѣляли, а 18 человѣкъ сослали на каторгу на основаніи показаній, добытыхъ подъ пытками;

когда, затѣмъ, угрозы посылавшіяся каждодневно королевѣ-матери, что ея сына убьютъ, если пытки не прекратятся, а затѣмъ и убійство премьеръ-министра,

Кановаса, анархистомъ Анджіолилло, заставили правительство разсмотрѣть это дѣло, —

тогда немедленно 18 *анархистовъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, были выпущены королевскою властью безусловно, — безъ разбора, кто изъ нихъ былъ виноватъ, кто — нѣтъ.*

Точно также были выпущены, годъ спустя, *всѣ* приговоренные по дѣламъ о крестьянскомъ аграрномъ терроръ въ Андалузіи (Mano Negra), когда открылось, что для открытія крестьянъ-террористовъ, въ этихъ дѣлахъ орудовали провокаторы правительства.

Такъ поступили въ странѣ инквизиціи — Испаніи.

Поэтому, — постановить, что Дума считаетъ необходимымъ, *немедленно* выпустить *всѣхъ*, приговоренныхъ военными судами и надѣется, что царское правительство сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы заслужить прощеніе отъ семей 1144-хъ казненныхъ военно-полевыми судами, —

сдѣлать такое заявленіе, было бы *наименьшее*, что могла сдѣлать Русская Дума, если бы она дѣйствительно дорожила основными началами всякой цивилизаціи и хоть сколько нибудь цѣнила свое собственное достоинство.

Но ничего этого Дума не сдѣлала. Столыпинъ ограничился заявленіемъ, что 42 мелкихъ сыщиковъ и полицейскихъ отдадутъ подъ судъ — успѣли они надуматься, наконецъ, за годъ!... Вѣдь уже годъ идетъ рѣчь объ этихъ пыткахъ!... И послѣ этого Дума пустилась въ безконечныя разсужденія о назначеніи Думской коммисіи для разслѣдованія (с.-д., внесшіе это предложеніе, конечно, знали, что Дума принять его не можетъ, какъ «не-конституціонное»). Затѣмъ, слѣдуя за правыми, Дума принялась разсуждать — полезенъ или вреденъ терроръ вообще.... Много говорили — и все безъ толку — на любомъ рабочемъ собраніи, безъ всякаго «президіума», больше было бы толка въ диспутахъ.

При вотировкѣ различныхъ предложеній, произошелъ полнѣйшій разбродъ. Ни одна резолюція не собрала нужнаго количества голосовъ, и наконецъ, произошло нѣчто совсѣмъ нелѣпое. Вышло, что по смыслу закона, все дѣло отдается на усмотрѣніе.... Николая II-го!...

На усмотрѣніе того, кто главный виновникъ пытокъ!.... Не доставало только попросить его, чтобы пытали „полегче"!....

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ.

Ниже мы помѣщаемъ письмо о сіонизмѣ, въ которомъ поднятъ вопросъ о національностяхъ и національныхъ стремленіяхъ. Насъ спрашиваютъ въ этомъ письмѣ, какъ относимся мы къ сіонизму и къ національнымъ стремленіямъ вообще. Конечно, мы могли бы просто сослаться на основныя начала анархизма, которыя требуютъ полной свободы для всѣхъ, безъ различія расы, исповѣданій и національностей, не признаютъ ни за какою національностью права угнетать другую, и стремятся при этомъ къ уничтоженію государства, а слѣдовательно, и всякаго государственнаго угнетенія. Но такъ какъ національные вопросы постоянно выдвигаются жизнью, и будутъ выдвигаться пока существуютъ государства, то я постараюсь отвѣтить на поставленные мнѣ вопросы. Замѣчу только, что полнаго согласія между анархистами по этому предмету не существуетъ, а потому, высказывая свое мнѣніе, я долженъ оговорить, что многіе товарищи, особенно во Франціи, смотрятъ на національные вопросы, какъ на вопросы устарѣлые, которыми анархистамъ нечего заниматься, разъ па нихъ отвѣчаетъ наша общая программа.

Точка зрѣнія соціальдемократовъ, какъ извѣстно, та, что въ современномъ обществѣ есть только два класса — эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, — и что поэтому всѣ національныя различія должны исчезнуть передъ этимъ классовымъ дѣленіемъ. А такъ какъ соціальдемократическая теорія выработалась преимущественно въ Германіи, гдѣ объединеніе страны и уничтоженіе мелкихъ государствъ, изъ которыхъ прежде слагалась Германія, составляло идеалъ радикаловъ-демократовъ, а впослѣдствіи и соц.-демократовъ, то здѣсь создалось прямо-таки враждебное отношеніе къ національнымъ вопросамъ вообще.

Съ другой стороны, среди анархистовъ, преимущественно французскихъ, подъ вліяніемъ сильной противувоенной агитаціи, которую имъ пришлось вести, — тоже сложилось представленіе, что рабочему, „у котораго нѣтъ родины", нечего заботиться о сохраненіи своей національности. Даже если бы Германія пошла войною на завоеваніе Франціи, говорятъ многіе, — то рабочимъ нечего защищать свою территорію. Они должны безусловно отказаться отъ всякаго участія въ войнѣ. Если бъ даже нѣмцы покорили Францію, то французская національность не погибнетъ. А если бы она погибла, то, стало-быть, жалѣть ее нечего.

Эта крайняя точка зрѣнія вполнѣ объясняется тѣмъ, что Франція пережила съ 1871-го года. Когда знаешь, какой милитаризмъ, т. е. военщина, какое поклоненіе арміи и всего военнаго развились во Франціи со времени нѣмецкаго нашествія; какіе негодяи держались въ правительствѣ, подъ предлогомъ „патріотизма", какъ близка была Франція, — вотъ уже два или три раза, — къ тому, чтобы „патріоты", очертя голову, начали войну съ Германіею, въ которой Франція потерпѣла бы, пожалуй, новое пораженіе, — когда все это пережито, то понимаешь вполнѣ, откуда взялось такое воззрѣніе.

Наконецъ, есть еще третье теченіе, тоже говорящее противъ прежняго націонализма. Это — теченіе Международнаго Союза рабочихъ, Интернаціонала. Внѣ тѣсной международной связи, для рабочихъ, очевидно нѣтъ спасенія. Капиталъ сталъ международнымъ; и его защитники — короли и парламенты, — хотя и грызутся между собою, но тѣмъ не менѣе — противъ рабочихъ стоятъ за одно. Если между рабочими всего міра устанавливаются связи и взаимныя симпатіи, то и между буржуазіями всего міра установилась связь для борьбы противъ рабочихъ; и эта связь, хотя не оформлена, но *несравненно глубже и дѣйствительнѣе, чѣмъ это подозрѣваютъ рабочіе*. Адамъ Смитъ писалъ, что гдѣ бы ни сошлись два или три англійскихъ фабриканта — хоть за стаканомъ пива, — они всегда сговариваются противъ рабочихъ. Теперь тоже самое слѣдуетъ сказать о буржуазіи всего міра. Гдѣ бы ни сошлись буржуа разныхъ странъ, они говорятъ между собою о мѣрахъ борьбы противъ рабочихъ. Тоже дѣлаютъ и государственные люди: тоже дѣлаютъ и полиціи всего міра.

Естественно, поэтому, что для рабочихъ, національный вопросъ отходитъ въ сторону. Что имъ нужно, сейчасъ, это — объединяться между собою, безъ различія національностей, противъ общаго международнаго врага — международной буржуазіи.

Но все это — вѣрно только для рабочихъ свободныхъ, не угнетаемыхъ національностей. Для рабочихъ же угнетенныхъ національностей, какъ справедливо замѣчено въ

помѣщенномъ нами письмѣ, является вопросъ, — какъ создать ту среду, въ которой могла бы правильно идти пропаганда международныхъ симпатій и развиваться идея вольныхъ коммунъ?

Вся исторія девятнадцатаго вѣка дѣйствительно показываетъ намъ, что покуда нація борется противъ чужеземныхъ угнетателей, она не выступаетъ на путь *соціальной* революціи. Соціальное движеніе, противъ своихъ собственныхъ эксплуататоровъ, начинается въ ней только тогда, когда она свергнетъ чужеземное иго. Италія служитъ тому поразительнымъ примѣромъ. Но тоже самое мы видимъ и въ Балканскихъ земляхъ, въ составныхъ частяхъ Австріи, въ Польшѣ, въ Финляндіи... Соціальная борьба, борьба противъ „своихъ“ эксплуататоровъ начинается только тогда, когда вниманіе народа не вполнѣ отвлекается борьбою съ чужеземцемъ: когда рабочій и крестьянинъ перестаютъ видѣть въ фабрикантѣ и помѣщикѣ союзниковъ въ борьбѣ противъ иностраннаго гнета.

Въ силу сказаннаго, плодотворная борьба противъ соціальной эксплуатаціи начинается только тогда, когда данный народъ чувствуетъ, что его народность можетъ свободно развивать, на данной территоріи, всѣ тѣ умственныя, нравственныя и творческія качества, изъ которыхъ слагается всякая національность. Часто повторяемое французское изрѣченіе, „у бѣднаго нѣтъ родины“, вовсе не значитъ, что бѣдному безразлично гдѣ-бы ни жить и среди какихъ-бы людей ни жить. Вовсе нѣтъ. Оно только значитъ, что *богатые лишили его родины*, которую, однако, ему хочется имѣть — можетъ быть, даже гораздо больше, чѣмъ богатому. До того хочется, что въ то время, какъ богатый вездѣ, куда бы онъ ни поѣхалъ, находитъ международную свою среду: оперу богатыхъ, ихъ карточные столы и ихъ „общество“, — бѣднякъ несетъ съ собою свою пѣсню, свою культуру, свои обычаи и пытается сложить свою, любимую имъ родину, въ Канадѣ, въ Америкѣ, въ Южной Африкѣ, въ Сибири,—куда бы онъ ни переселился.

Авторъ печатаемаго ниже письма совершенно правъ, когда говоритъ что пролетарій стремится завоевать эту родину, и я прибавлю даже, что чѣмъ онъ ближе къ этому завоеванію, тѣмъ бодрѣе онъ борется за свое экономическое освобожденіе. Рабочіе парижане стекаются въ столицу изо всей Франціи: но Парижъ — такой городъ, что поживши въ немъ Французъ (кромѣ, развѣ южанина) скоро роднится съ нимъ и любитъ его, какъ свою родину. И когда умный парижскій рабочій борется на своихъ барикадахъ за свободу, имъ движетъ не одна только міровая идея свободы, равенства и братства. Онъ хочетъ также стать вольнымъ обладателемъ *своего* роднаго города. „Еще усиліе, и Парижъ будетъ нашъ“, думаетъ онъ, защищая Коммуну.

Все это, замѣтимъ, нисколько не противорѣчитъ самому высокому развитію международнаго духа. Напротивъ того, истинный международный союзъ возможенъ будетъ только при наиболѣе полномъ развитіи каждой отдѣльной народности. Свобода всѣхъ и гармонія въ обществѣ возможны только при условіи полнаго, вольнаго развитія каждой отдѣльной личности. Союзная федерація возможна только при полнѣйшей свободѣ развитія каждой республики и каждой Коммуны (такъ только и сложилась, напр., Швейцарская федерація). Точно также полное свободное развитіе каждой народности только и можетъ дать прочный международный Союзъ, — тогда какъ подавленіе однихъ народностей другими только и можетъ привести къ войнѣ.

Однимъ словомъ, полнѣйшее развитіе каждой народности — необходимое, по нашему мнѣнію, условіе, какъ для богатства жизни человѣчества и расцвѣта прогрессивнаго развитія вообще, такъ и для торжества анархическаго коммунизма.

Но изъ этого вовсе не вытекаетъ, чтобы сіонисты, приглашающіе евреевъ переселяться въ Палестину, и тамъ создать еврейское государство, были правы. Напротивъ того, противъ такого плана есть множество нѣскихъ возраженій.

Начать съ географическихъ причинъ. Если населеніе покинуло долину Іордана, то произошло это прежде всего, въ силу физическихъ причинъ. Вся эта часть Азіи находится въ періодѣ высыханія. Тѣмъ болѣе — внутреннія бассейны, не имѣющіе стока къ морю, какъ бассейны рѣкъ Сыра и Аму, рѣки Тарима и Іордана *).

Конечно, умные люди вездѣ найдутъ средство жить. Но селиться въ Палестинѣ значитъ создавать себѣ заранѣе тяжелыя условія борьбы съ природою. Заранѣе осложнять и безъ того трудную задачу всякой колонизаціи.

Затѣмъ, если группа людей хочетъ создать на новомъ мѣстѣ *свою* территорію, то единственное для этого средство, это — воздѣлывать занятую ею землю трудомъ своихъ рукъ. Земледѣліе — основа всякаго прочнаго укрѣпленія за собою данной области. Но, увы, столѣтія городской жизни и скитанія изъ мѣста въ мѣсто, безъ укрѣпленія на землѣ, сдѣлали изъ евреевъ городскихъ жителей, а не земледѣльцевъ. Изъ этого не слѣдуетъ конечно, что евреи къ земледѣлію неспособны: но имъ сходнѣе болѣе легкіе виды земледѣлія (такъ называемое интенсивное земледѣліе и садоводство). А въ такомъ случаѣ, не имѣетъ смысла идти въ такую страну, гдѣ ничего нельзя воздѣлывать безъ искуственнаго орошенія, — тѣмъ болѣе народу, который не развилъ въ себѣ, подобно мусульманамъ, *національнаго искусства орошенія* (въ Туркестанѣ, у мусульманъ, любимая игра дѣтей — „въ орошеніе“, какъ у европейскихъ христіанскихъ дѣтей — „въ солдаты“).

Надо идти туда, гдѣ земледѣліе легче, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы въ еврейскомъ народѣ были обширные элементы для земледѣльческой колонизаціи (небольшія группы для этого недостаточны), то это давно было бы уже сдѣлано. Французы создали Канаду, Англичане — Соед. Штаты, Испанцы — Аргентину, Голландцы — Южную Африку, Нѣмцы селятся въ южной Бразиліи и т. д.; даже Меннониты и Духоборы создали свои меннонитскія и духоборческія общины, все такъ же — путемъ земледѣльческой колонизаціи. Нѣтъ, слѣдовательно, сомнѣнія, что евреи вообще вовсе не стремятся засѣсть земледѣльцами на землѣ. Они предпочитаютъ работу ремесленную, промышленную, въ городахъ: къ тому ихъ привела ихъ исторія.

Но если страсть къ своей землѣ и привязанность къ земледѣльческому труду не влекутъ евреевъ, — то что же можетъ послужить приманкою для нихъ въ какой бы то ни было особой территоріи, а особенно въ Палестинѣ? — Остается одно: религія. Подобно тому, какъ духоборы переселились въ Канаду, въ надеждѣ основать тамъ

*) Нѣсколько десятковъ тысячелѣтій мы жили на счетъ влажности, запасенной въ громадныхъ озерахъ, оставшихся послѣ ледниковаго періода. Теперь они высыхаютъ съ поразительною быстротою, и отъ этого погибли цѣлыя цивилизаціи въ Средней Азіи.

духоборческое царство, со своею религіею и со своею теократіею (духовною властью), — такъ точно главнымъ двигателемъ переселенія въ Палестину можетъ быть только религія.

Но на этомъ основаніи, въ двадцатомъ вѣкѣ, ничего не построишь. Во всякой религіи есть элементъ вѣры, а нашъ вѣкъ, науки и знанія, подрываетъ всякую вѣру въ недоказанное, а тѣмъ болѣе вѣру въ преданія, которыхъ происхожденіе мы начинаемъ понимать и знать. Притомъ всякая религія неизбѣжно, роковымъ образомъ, ведетъ къ теократіи, т. е. къ владычеству тѣхъ, кого считаютъ лучшими выразителями воли божіей. Буржуазные государственники, съ этимъ пожалуй могли бы ужиться. Но соціалисты, а тѣмъ болѣе анархисты такое поклоненіе отвергаютъ безусловно. А потому, съ теократіею и повиновеніемъ религіозному преданію они никогда не помирятся.

Уже вслѣдствіе этого, эмиграція въ Палестину, избранную по тому, что она представляетъ колыбель царства Израилева, не можетъ быть удачна. Старое, пережитое и отжитое нельзя воскресить въ исторіи. Новые вѣка ставятъ новыя задачи.

Ни одинъ народъ не долженъ, конечно, пренебрегать своею народностью. Развивая свой языкъ, свою культуру, свои особенности творчества и мышленія, всякая народность, какъ бы мала она ни была, вноситъ свой, цѣнный элементъ въ общую сумму развитія человѣчества. Я знаю нѣкоторыя особенности свойственныя еврейскому мышленію, творчеству, юмору и грусти, музыкѣ и комедіи; я знаю ихъ и цѣню ихъ; я радуюсь, когда вижу ихъ *народное* проявленіе въ искусствѣ, и считаю жаргонъ — языкомъ, который стоитъ разрабатывать, точно также, какъ стоитъ разрабатывать, напр. нѣкоторыя нарѣчія западныхъ языковъ.

Но создать искуственно національность, переселеніемъ и удаленіемъ въ пустыню — невозможно. Такъ — создаются религіи, не національности. Переселеніе же въ Палестину, куда можетъ влечь только религія, можетъ послужить — не на пользу человѣческому прогрессу, а только для искусственнаго возрожденія того, что уже отжило свой вѣкъ, и возрождено быть не можетъ.

Съ другой стороны, еврейскіе революціонеры, которые борятся въ Россіи за освобожденіе своей и другихъ угнетенныхъ народностей, дѣлаютъ несравненно больше на пользу человѣчества вообще, и въ частности — для своей народности, чѣмъ тѣ, которые удаляются въ Палестину. Западный Край Россіи — вовсе не чужое мѣсто для евреевъ. Ихъ предки, заселившіе эту область двѣсти лѣтъ тому назадъ и содѣйствовавшіе ея развитію, имѣютъ такое же право считать эту область своею родиною, какъ и всѣ другіе ея обитатели. И здѣсь, — тѣмъ болѣе если они возьмутъ съ боя, завоюютъ своими усиліями свободу національнаго развитія, — они создадутъ такую почву для дальнѣйшаго развитія своей народности, вдохновленной идеалами будущаго, сильной своею побѣдою — какой они не найдутъ на дальнемъ востокѣ, подъ сѣнью ветхихъ идеаловъ далекаго прошлаго.

П. Кропоткинъ.

СИНДИКАЛИЗМЪ ВО ФРАНЦІИ.

Л. Козловскій. Очерки синдикализма во Франціи.—Книгоизд. „Своб. Мысль". Москва, 1907. Стр. XII, XIII и 106. ц. 65 к.

Революціонный синдикализмъ во Франціи авторъ неоднократно называетъ «новымъ направленіемъ въ соціализмѣ» и, какъ видно изъ изложенія, новымъ не только въ хронологическомъ смыслѣ, но и по содержанію. Причины этого заблужденія автора, въ общемъ довольно добросовѣстно относящагося къ своей задачѣ — «дать отвѣтъ своей работой, какъ понимаетъ французскій пролетаріатъ проблему освобожденія рабочаго класса», дѣлаются понятными изъ признанія самого автора: „Въ истолкованіи синдикализма я слѣдовалъ за работами его французскихъ теоретиковъ, Ж. Сореля, Эд. Берта и Г. Лагарделля". Хотя очерки его «не являются компиляціей этихъ статей», — въ нихъ внесены личныя наблюденія и впечатлѣнія автора, но... «статьи Сореля, Берта и Лагарделля дали мнѣ руководящую нить для того, чтобы разобраться въ синдикальномъ движеніи».

Если прибавить къ этому личное незнакомство автора съ движеніемъ, вызваннымъ Интернаціоналомъ, и невозможность вслѣдствіе этого, замѣтить преемственность и аналогію современнаго революціоннаго синдикализма съ идеями безгосударственной вѣтви Интернаціонала — главнымъ образомъ Юрской и Испанской федераціи, — а также и очень поверхностное знакомство его съ анархизмомъ, то становится вполнѣ понятнымъ, почему всѣ типическія особенности поименованныхъ имъ теоретиковъ нашли мѣсто въ его очеркахъ. Сходство проявляется даже въ мелочахъ. Въ первыхъ пяти главахъ авторъ дѣлаетъ обзоръ синдикальнаго движенія и критикуетъ взгляды соціальдемократіи, противопоставляя имъ синдикалистскія воззрѣнія; и на всемъ протяженіи этихъ пяти главъ, даже говоря о всеобщей стачкѣ, онъ тщательно избѣгаетъ употреблять слово „анархистъ". Пелутье, Пуже и др. анархисты оказываются просто «поклонниками Биржъ Труда»; Домела Ньювенгюисъ, цитатами изъ котораго для критики соц. демократіи авторъ обильно пользуется, именуется имъ просто «голландскимъ соціалистомъ» *) и т. д. За то глава VI (стр. 81—92) посвящена «Синдикализму и Анархизму».

Авторъ обѣщаетъ въ ней «имѣть ввиду современный коммунистическій анархизмъ, представленный въ литературѣ Кропоткинымъ, Э. Реклю, Ж. Гравомъ, Себ. Форомъ и др.», но, кромѣ трехъ цитатъ изъ «Умирающаго общ. и анархіи» Грава, мы другихъ ссылокъ на анархическую литературу въ ней не встрѣчаемъ. Если этой книжкой исчерпывается знакомство автора съ анархизмомъ, пополненное статьей В. Базарова (маркеистъ) «Анархическій коммунизмъ и маркензмъ», да критикой Зомбарта и Плеханова, и на основаніи такого только знакомства онъ рѣшается «точно разграничить чистый анархизмъ и чистый синдикализмъ» [курсивъ автора], то этимъ достаточно объясняется вся обидчивость, неопредѣленность и неправильность этого «разграниченія». Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, опровергать эту главу строчку за строчкой — для чего пришлось бы перепечатать ее цѣликомъ, мы ограничимся основными положеніями автора.

Пять главныхъ пунктовъ расхожденія анархизма и синдикализма выставляетъ авторъ.

Пунктъ первый — внѣклассовый характеръ анархизма.

«Анархическія теоріи основаны не на классовыхъ требованіяхъ пролетаріата, а на отвлеченныхъ принципахъ свободы, равенства, справедливости. Анархисты выступаютъ отъ имени всего угнетеннаго человѣчества и склонны упрекать соціальдемократовъ въ классовой узости. Синдикализмъ же... проникнутъ еще больше классовымъ духомъ, чѣмъ соціальдемократія. Синдикализмъ, это — стремленіе къ такому строю жизни, который удовлетворилъ бы его классовыя потребности» (стр. 82, курс. мой. В. З.)

Нѣсколько болѣе глубокое знакомство съ анархизмомъ и... съ синдикализмомъ сдѣлало бы невозможнымъ подобное утвержденіе.

Поскольку рѣчь идетъ объ анализѣ конструкціи современнаго общества и оцѣнки его элементовъ съ точки зрѣнія борьбы, — анархисты не менѣе рѣдко, чѣмъ соціальдемократы, подчеркивали классовой составъ общества и классовый характеръ этой борьбы **). Но здѣсь и кончается согласіе по этому вопросу между соціальдемократами и анархистами. Вслѣдствіе политической точки зрѣнія соціальдемократіи, понятіе «рабочій классъ» скоро стало равнозначущимъ

*) Конечно, Домела — соціалистъ уже по одному тому, что онъ анархистъ-коммунистъ, но соціалистъ, слѣдовательно, антиавторитарный и одно названіе его соціалистомъ такъ же мало характеризуетъ его, какъ напр. названіе Бебеля или Либкнехта 70 годовъ демократами вмѣсто соц.-дем. Объ этомъ г. К. могъ бы узнать изъ цитируемо имъ книги.

**) Достаточно вспомнить произведенія Бакунина, напр.

понятію четвертаго сословія [съ легкой руки еще Лассаля], а «классовая борьба» свелась къ стремленію этого четвертаго сословія къ господству, къ диктатурѣ, къ борьбѣ за власть, совершенно такой же, какую вело въ свое время третье сословіе — буржуазія. Понятіе „четвертое сословіе" гораздо уже понятія „рабочій классъ" и въ экономическомъ отношеніи. Это — слой болѣе или менѣе обезпеченныхъ рабочихъ, съ пренебреженіемъ относящихся къ „пятому сословію" — чернорабочимъ, безработнымъ, Lumpenproletariat'у [такъ часто обмѣнивающимся своими мѣстами], къ „буржуазному" крестьянству. Во избѣжаніе этого-то смѣшенія понятій, многіе наши товарищи неохотно употребляютъ выраженія «рабочій классъ», «классовая борьба» и предпочитаютъ замѣнять ихъ другими, совершенно опредѣленно показывающими, что мы, анархисты, выше всего ставимъ освобожденіе рабочаго отъ экономическаго рабства и признаемъ гажѣе всего — прямую революціонную борьбу труда съ капиталомъ, всякаго эксплуатируемаго труда со всякимъ капиталомъ. Мы говоримъ поэтому: борьба рабочаго (всѣхъ рабочихъ) противъ капитала, уничтоженіе всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, уничтоженіе всякаго капитализма (въ томъ числѣ и государственнаго).

Посмотримъ теперь, къ какому пониманію рабочаго класса и классовой борьбы пролетаріата ближе синдикалисты — къ соціальдемократическому или анархическому?

То обстоятельство, что Всеоб. Конфед. Труда объединяетъ синдикаты, не только фабрично-заводскихъ рабочихъ, что въ нее входятъ и торговопромышленные служащіе, и рыбаки (въ томъ числѣ и имѣющіе собственныя орудія производства; какъ напр. рыболовныя снасти), педагоги, наконецъ... собственники земельныхъ участковъ (виноградники до 1 гектара другія культуры — до 10 гектаровъ), даетъ недвусмысленный отвѣтъ на это. (См. Отчетъ пятого конгресса Биржъ Труда 1897 г. въ Тулузѣ).

Второй пунктъ расхожденія анархизма съ синдикализмомъ авторъ основываетъ на томъ, что «Лагарделль, котораго нельзя заподозрить въ незнаніи [курсивъ мой] Марксизма, привѣтствуетъ въ синдикализмѣ «возрожденіе марксизма», и на подобномъ же заявленіи другого марксиста Данунціо. Не останавливаясь „на вопросѣ, насколько тактика синдикализма является чистымъ марксизмомъ", авторъ считаетъ, что «несомнѣнно (курс. мой) ее нельзя считать анархистской». Такъ какъ „къ пропагандѣ (курсивъ подлинника) сводится вся практическая дѣятельность анархистовъ", *) такъ какъ „тактика эта находится въ логической связи съ основной идеей анархизма, которая учитъ, что общественный строй покоится на сознаніи [курс. подл.] людей: тряхнуть этимъ сознаніемъ и рухнетъ царство насилія и неправды" **) и такъ какъ по тактикѣ лучше всего судить объ идеологіи, а тактика синдикализма, какъ мы видѣли изъ признанія марксистовъ—марксистская, то анархизмъ и синдикализмъ не имѣютъ ничего общаго.

Въ силу этого автору «понятна та ненависть, съ какой анархисты относятся къ Марксу: историческая философія Маркса ограничиваетъ волю человѣка объективными условіями; она устанавливаетъ закономѣрность въ развитіи человѣчества, она провозглашаетъ необходимость послѣдовательныхъ стадій въ этомъ развитіи»... «послѣдовательный анархистъ долженъ отрицать всякую философію исторіи, потому что всякая философія исторіи является попыткой осмыслить исторію, т. е. то, что въ глазахъ анархиста является сплошной безсмыслицей». (стр. 84) «Нѣтъ никакихъ объективныхъ условій, которыя мѣшали бы осуществленію сейчасъ же анархическаго идеала, иронизируетъ г. Козловскій на стр. 83; нѣтъ никакихъ стадій въ развитіи человѣчества: воля человѣка это все». Слѣдуетъ цитата изъ Грава [Ум. общ. и Ан. стр. 157, строки 28—31] у которой, какъ и у первой, отброшены заключительныя фразы, обусловливающія высказанное положеніе.

Придти къ инымъ выводамъ, чѣмъ марксизмъ, изучая дѣйствительность индуктивнодедуктивнымъ методомъ, еще не значитъ отрицать закономѣрность и философію исторіи. Мы рекомендовали бы г. Козловскому познакомиться съ соч. Э. Реклю (между проч. „Эволюція и революція"), Кропоткина, Мечникова [Цивилизація и великія историческія рѣки, съ пред. Э. Реклю къ франц. изд.] Что касается «объективныхъ условій», то въ «Завоеваніи хлѣба» и „Взиледѣліи" П. Кропоткинымъ прекрасно доказана объективная возможность теперь же осуществить анархическое производство и распредѣленіе.

Дальнѣйшимъ выводомъ изъ вышесказаннаго является слѣдующая мысль: „существенно, что анархисты не придаютъ значенія организаціонной работѣ, тогда какъ организація пролетаріата составляетъ главную задачу синдикализма». Отошлемъ г. Козловскаго къ «Организаціи Интернаціонала» Бакунина и къ нашей рецензіи на книжку Лагарделля (№ 15 „Л. Х. и В.") и замѣтимъ только что, если г. К организаціей считаетъ лишь только организацію, кот. построена на іерархическомъ принципѣ, то онъ долженъ отрицать наличность организаціи и у синдикалистовъ.

Третій пунктъ заключается въ томъ, что синдикалисты, занимаясь, въ противоположность, по мнѣнію автора, анархистамъ, организаціонной, созидательной работой, дѣлаютъ различіе между формами государства. Ссылаясь въ подтвержденіе на главу „о парламентаризмѣ и классовой борьбѣ", въ кот., замѣтимъ, объ анархистахъ нѣтъ ни полслова, авторъ хочетъ „лишь еще разъ обратить вниманіе на то, что синдикализмъ является внѣпарламентскимъ теченіемъ, а не антипарламентскимъ, какъ анархизмъ. Уже одного этого различія было бы достаточно, чтобы не смѣшивать обаэти направленія". [курсивъ посл. фразы мой]. Мы ограничились бы ссылкой на нашу рецензію о книжкѣ Лагарделля, (№ 15 Л. Х. и В.) если бы къ этой фразѣ не имѣлось бы слѣдующее примѣчаніе: „Что внѣпарламентскій характеръ синдикализма не есть тонкость, придуманная Лагарделлемъ, какъ это склонны нѣкоторые думать, это видно изъ резолюціи послѣдняго Амьенскаго конгресса („съѣздъ подчеркиваетъ [курс. мой В. З.] полную свободу для синдикалистовъ [въ подл. «синдикированнаго», В. З.] принимать внѣ синдикатовъ участіе въ тѣхъ формахъ борьбы, которыя соотвѣтствуютъ ихъ философскимъ и политическимъ взглядамъ....) и изъ фактовъ движенія: синдикалисты не отказываются (курсивъ мой В. З.) пользоваться законами, кот. вотируетъ парламентъ (зак. о воскр. отдыхѣ)". Послѣдній аргументъ чрезвычайно убѣдителенъ!

Беремъ резолюцію Амьенскаго конгресса и находимъ, что тамъ сказано не подчеркиваетъ, а лишь affirme (объявляетъ, утверждаетъ) и кончается цитированный абзацъ такъ: «ограничиваясь взамѣнъ того требованіемъ отъ него, не вводить (не проводить) въ синдикатъ (курсивъ мой В. З.) взглядовъ, исповѣдуемыхъ имъ внѣ синдиката». Эта же резолюція подтверждаетъ (confirme) § 2 устава: «Вс. Конф. Гр. группируетъ всѣхъ сознательныхъ рабочихъ внѣ всякой политической школы, для борьбы за уничтоженіе салариата и патроната». Кромѣ того, въ ней же совершенно недвусмысленно заявляется, что синдикализмъ „подготовляетъ полное освобожденіе, которое можетъ быть осуществимо лишь [курс. мой В. З.] путемъ экспропріаціи капиталистовъ" и проповѣдуется, какъ средство, всеобщая стачка и т. д.

Эта резолюція даетъ отвѣтъ и на четвертую претензію г. Козловскаго, что сходство синдикалистовъ съ анархистами въ отсутствіи программы minimum основано лишь на томъ, что у синдикалистовъ „нѣтъ вообще программы", что они „ставятъ себѣ лишь (к. м. В. З.) осуществимыя задачи какъ напр. 8 часовой рабочій день, опять таки въ противоположность анархистамъ. Стоитъ ли говорить, что упоминая въ главѣ о «всеобщей стачкѣ» о борьбѣ американскихъ рабочихъ въ 1886 г. за 8 ч. раб. день, г. Козловскій конечно не упомянулъ ни словомъ объ участіи въ ней и расплатѣ за нее анархистовъ („Чикагскіе мученики")?

Пятый пунктъ — „И анархистамъ и соц.-дем. процессъ созданія новаго общественнаго строя рисуется въ видѣ механическаго процесса — захвата или разрушенія власти; въ глазахъ же синдикалистовъ процессъ этотъ является органическимъ, это пересозданіе экономическихъ т. е. самыхъ важныхъ органовъ общественнаго организма" и притомъ путемъ революціи. Посовѣтуемъ автору прочесть хотя бы „Завоеваніе Хлѣба" Кропоткина.

„Организація" и „Политика Интернаціонала" и др. См. между прочимъ стр. 23—24 и др. Oeuvres v. I. Federalisme, soc. et antitheoglogisme, многія статьи журнала „Хлѣбъ и Воля" (легальн. изданіе: сборникъ „Хлѣбъ и Воля". Священный огонь. СПБ. 1906). Да и самая идея всеобщей стачки не могла бы существовать при отсутствіи классовой точки зрѣнія.

*) Ссылка на Грава — Ум. общ. и анархія, стр. 181, строчки 11—14 сверху и стр. 133 строчки 19—23 сверху.

**) Защиту этой мысли авторъ ищетъ у... марксиста Базарова.

Дальше идетъ сплошная беллетристика: вліяніе анархизма на синдикализмъ сказалось л и ш ь (курс. мой В. З.) въ томъ смыслѣ, что пролетаріатъ бралъ у анархизма формулы для выраженія своихъ стремленій. Не слѣдуетъ, п о э т о м у (курс. мой) придавать слишкомъ большого значенія тому факту, что въ синдикалистской популярной литературѣ часто встрѣчается анархическая фразеологія" и т. д.

Затѣмъ идетъ критика индивидуальнаго анархизма, на основаніи.... брошюры г. Борового, и разсужденія на тему, о томъ что «с у щ е с т в о в а н і е а н а р х и с т с к и х ъ т е н д е н ц і й [значитъ онѣ есть таки? В. З.] и анархистскихъ элементовъ въ синдикалистскомъ движеніи» объясняется случайнымъ совпаденіемъ антимилитаристскихъ взглядовъ у анархистовъ и синдикалистовъ. Это мостъ, соединяющій два направленія. На этомъ мы и покончимъ съ брошюрой г. Козловскаго. И такъ замѣтка наша непомѣрно разлась. Выскажемъ только одно соображеніе, — нельзя ли отчасти видѣть объясненіе такого «осторожнаго» отношенія г. Козловскаго къ анархизму въ неоднократно выражаемыхъ имъ опасеніяхъ — какъ бы въ Россіи пролетаріатъ, увлекшись синдикализмомъ, не пренебрегъ своей ближайшей задачей — свержеміемъ самодержавія? Вл. З.

ИЗЪ РОССІИ.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ВОЛНЕНІЯ.

Нѣтъ ничего болѣе труднаго, какъ судить теперь о положеніи дѣлъ въ деревнѣ и приходить къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ выводамъ. Много есть причинъ, которыя должны были повліять — и повліяли — на крестьянъ въ смыслѣ ослабленія революціоннаго настроенія. Съ одной стороны, правительственныя репрессіи вырвали изъ крестьянской среды лучшихъ пропагандистовъ и агитаторовъ, проявившихъ себя во время движенія приговоромъ и обоихъ избирательныхъ періодовъ. Съ другой — вѣра въ Думу, хотя уже и поколебленная до извѣстной степени, удерживаетъ отъ самостоятельныхъ революціонныхъ попытокъ и заставляетъ ждать, ждать и ждать.... Революціонныя же партіи, мечтая о болѣе стройномъ, объединенномъ и организованномъ выступленіи въ будущемъ, пока удерживаютъ отъ частичныхъ вспышекъ и бунтовъ и такимъ образомъ гасятъ первые огни революціоннаго пожара Что послужитъ поводомъ къ новому подъему — подъему неизбѣжному — предсказать трудно; если бы вѣра въ Думу была вѣра дѣйствительная, а не половинчатая, то такимъ поводомъ могъ бы быть ея роспускъ; но мы видѣли, какъ холодно отнеслось крестьянство къ разгону первой Думы. Если бы, съ другой стороны, эта вѣра совсѣмъ отсутствовала, то крестьяне, несомнѣнно, дѣлали бы попытки добиться земли своими средствами. Такъ, какъ дѣло стоитъ — положеніе въ высшей степени неопредѣленное; но это — моментъ переходный, который долго продолжаться не можетъ.

Все чаще и чаще проникаютъ за послѣднее время въ газеты извѣстія о крестьянскихъ волненіяхъ. Изъ Поволжья сообщаютъ, что тамъ разростается и аграрное движеніе среди крестьянъ и, одновременно съ этимъ, стачечное движеніе среди сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Въ Самарской губ., въ Бузулукскомъ уѣздѣ было серьезное столкновеніе съ войсками; восемь человѣкъ крестьянъ ранено казаками. — Въ Воронежской губ. аресты по аграрнымъ дѣламъ становятся все многочисленнѣе; общее настроеніе крестьянъ озлобленное. На нихъ повліяли, между прочимъ, строгіе приговоры по недавно происходившимъ аграрнымъ процессамъ, повліяли такъ, что, по выраженію „Воронежскаго слова": «Дорого, должно быть, далъ бы хозяинъ (помѣщикъ), чтобы суровые приговоры заключали въ себѣ не только „правду", но и „милость"». Во всѣхъ деревняхъ [корреспондентъ пишетъ изъ острогожскаго уѣзда] стоятъ казаки. «Нѣкоторые служащіе рискуютъ выходить на свѣтъ Божій только подъ конвоемъ казаковъ... Служащіе получаютъ массу угрожающихъ писемъ.. Кстати — администрація, какъ извѣстно, въ полное противорѣчіе съ закономъ и своимъ собственнымъ распоряженіямъ, отобрала „охотничьи" ружья у населенія и раздала ихъ казакамъ для охоты».

Въ Тульской губ., въ разныхъ уѣздахъ, волненія среди крестьянъ, поджоги крупныхъ экономій и т. д. Казаки посланы и туда.

Въ Симбирской губ. свирѣпствуетъ карательная экспедиція изъ стражниковъ; поводомъ послужили порубки удѣльнаго лѣса. Арестовъ множество, не только вслѣдствіе аграрныхъ безпорядковъ разнаго рода, но и за устройство крестьянами съѣздовъ и за составленіе приговоровъ въ Думу.

Въ Кіевской губ. — аграрныя волненія и забастовки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Въ Полтавской, поджоги идутъ съ самаго начала весны. Интересно здѣсь поведеніе земства. Какъ истинный защитникъ и выразитель интересовъ крупныхъ помѣщиковъ, оно поспѣшило назначить премію за выдачу лицъ, виновныхъ въ поджогахъ — и вотъ начались всевозможные доносы и аресты. Доносчики нашлись среди крестьянъ, и даже больше того: среди бывшихъ членовъ крестьянскаго союза [доносъ о поджогѣ въ селѣ Оробьяхъ, лубенскаго уѣзда]. Теперь земство всячески поощряетъ этихъ раскаявшихся, выдачею соотвѣтственныхъ премій и обѣщаніями на будущее время.

Въ Минской губ. забастовка сельско-хозяйственныхъ рабочихъ окончилась трагически. Въ экономіи помѣщика Янишевскаго крестьяне потребовали повышенія заработной платы. Были вызваны стражники, которые сейчасъ же стали стрѣлять въ толпу; двое крестьянъ убито,—и нѣсколько — ранено.

Е к а т е р и н о с л а в ъ. В о о р у ж е н н о е с о п р о т и в л е н і е. — Газеты разсказываютъ о настоящей осадѣ, которую пришлось предпринять полиціи для поимки одного анархиста 2 мая, вечеромъ, сыщики собирались арестовать его на улицѣ; онъ сталъ отстрѣливаться и, наконецъ, скрылся въ домѣ Троицкой, на чердакѣ. Проникнуть туда оказалось невозможно: нашъ товарищъ энергично отстрѣливался, убилъ двоихъ городовыхъ, ранилъ одного полицейскаго надзирателя. Была мобилизована вся полиція, пѣшая и конная; были призваны казаки, окружившіе весь кварталъ, со всѣми сосѣдними улицами. Перестрѣлка шла съ 8 час. вечера до 12 час. ночи; затѣмъ полиціймейстеръ велѣлъ сдѣлать перерывъ, до утра. Въ 4 часа пальба возобновилась и продолжалась до 1 часа, осажденный не сдавался. Тогда пожарнымъ велѣно было обложить чердакъ дома соломой, облить керосиномъ и поджечь. Когда огонь вспыхнулъ, войска произвели еще три залпа, внутри раздались два выстрѣла и затѣмъ все стихло. Взломали крышу и нашли на чердакѣ осажденнаго, съ раной въ високъ: послѣднюю пулю онъ пустилъ въ себя. Онъ былъ еще живъ и на предложеніе сдаться отвѣтилъ: „Анархисты не сдаются". Всего онъ сдѣлалъ 300 выстрѣловъ.

По поводу соціальдемократическаго съѣзда

Съѣздъ соціальдемократической партіи въ Лондонѣ пока еще не опубликовалъ своихъ рѣшеній, а потому говорить о его результатахъ пока не приходится. Но помимо ихъ, помимо того, останется ли побѣда за большевиками или за меньшевиками, для насъ интересна самая постановка вопроса, еще разъ подчеркивающая давно уже высказываемую нами мысль, что русскими партіями р е в о л ю ц і я понимается только въ смыслѣ революціи п о л и т и ч е с к о й. Или революція — и тогда она только политическая, или экономическое движеніе — и тогда оно чисто-реформаторское Первое — точка зрѣнія большевиковъ; они дѣйствительно, составляютъ лѣвое крыло партіи, но только въ вопросѣ о политическомъ движеніи: здѣсь они стремятся развить революціонное движеніе, здѣсь они — непримиримы (т. е. относительно непримиримы, конечно) въ отношеніи къ кадетамъ и другимъ либераламъ, здѣсь они стоятъ за всякую революціонную попытку, за вооруженное возстаніе, за все то, о чемъ меньшевики съ презрѣніемъ отзываются какъ о «бланкизмѣ». Но рабочее движеніе для нихъ не существуетъ: «экономика» сама по себѣ кажется имъ умѣренной «par definition». У меньшевиковъ перевѣсъ дается умѣренной „экономикѣ"; они даже склонны считать революцію [политическую, конечно] законченной, и конституціонныя свободы — пріобрѣтенными. Отсюда — ихъ склонность ко всевозможнымъ компромиссамъ и блокамъ.

Такъ еще и еще разъ ложно ставится у насъ вопросъ о политикѣ и экономикѣ. Революціонная политика, или мирная экономика — внѣ этого не существуетъ какъ будто бы никакого выхода. Вотъ что значитъ постепенная замѣна, въ программахъ соціальдемократіи, соціализма соціальными реформами! Соціальныя реформы, конечно — дѣло мирное по существу, и вотъ, давно отвыкнувшая отъ мысли о соціальной революціи соціальдемократія не можетъ себѣ представить рабочаго движенія иначе, какъ въ формѣ организаціонной и избирательной дѣятельности для достиженія соціальныхъ реформъ. Оттого то у насъ такъ мало соціализма въ нашихъ соціалистическихъ партіяхъ.

АНАРХИЗМЪ И СІОНИЗМЪ.

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ).

Въ виду предстоящаго конгресса анархистовъ-коммунистовъ обращаюсь къ вамъ съ просьбой отвѣтить мнѣ на нѣкоторые теоретически-практическіе вопросы, касающіеся извѣстнаго направленія въ анархизмѣ, — именно національнаго. Обращаюсь къ вамъ какъ сіонистъ-анархистъ-коммунистъ.

По моему всякій идеалъ, охватывающій извѣстную группу людей, связанныхъ какими бы то ни было общими интересами, всякій общественный идеалъ, являющійся результатомъ извѣстныхъ реальныхъ условій, долженъ содержать въ себѣ отрицаніе существующаго порядка вещей, а во вторыхъ утвержденіе, т. е. новыя условія. Притомъ, разумѣется, если этотъ идеалъ является революціоннымъ по отношенію къ настоящему, а не реформаторскимъ, онъ долженъ дать какой бы то ни было реальный нѣльный отвѣтъ на всѣ стороны общественной и индивидуальной жизни, а не на одну какую нибудь. Приступлю конкретно. Идеалъ анархизма-коммунизма уничтожая и разрушая существующій порядокъ во всѣхъ его проявленіяхъ — даетъ намъ, такъ сказать, антитезу для всякаго явленія | вмѣсто экономическаго порабощенія класса классовъ — передача орудій производства и продукты въ руки свободныхъ коммунъ; вмѣсто государства — вольный федеративный союзъ и т. д. |. Одно общественное явленіе, довольно грандіозное, и очень часто революціонное, не нашло еще себѣ отвѣта въ литературѣ анархизма | но не въ самомъ идеалѣ, по моему |. Именно національный моментъ. Если же вопросъ этотъ, когда нибудь и затрагивался, то весьма слабо, поверхностно и половинчато. Вездѣ разбирали національный вопросъ абсолютно: національный моментъ у буржуазіи угнетающей націи, у буржуазіи угнетенной націи, у пролетаріата угнетающей и угнетенной націи, — все смѣшивали въ одну кучу, не замѣчая что между національными проявленіями всѣхъ этихъ классовъ лежитъ большая пропасть. Вѣрно, что національный вопросъ для буржуазіи угнетающей націи состоитъ въ захватѣ чужого рынка, и что она пользуется для этого разными средствами, и „культурными", и матеріальными; вѣрно и то, что національный вопросъ для буржуазіи угнетенной выражается въ защитѣ своего рынка | но не только въ этомъ |. Но что же съ пролетаріатомъ угнетенной націи? Развѣ передовому рабочему этой угнетенной націи безразлично, порабощена ли его нація или нѣтъ, только потому что «свой эксплуататоръ не лучше чужого»?. — | такъ вы выражаетесь въ вашей послѣдней статьѣ объ историческихъ задачахъ современнаго момента |.

Опытъ, въ еврейской жизни, показалъ мнѣ обратное. Пролетарій угнетенной націи не можетъ развиваться свободно [даже постольку, поскольку это возможно въ рамкахъ капиталистическаго строя]: его родной языкъ | онъ другого не знаетъ |, его культура во всѣхъ ея проявленіяхъ | литература, поэзія, театръ и т. д. | стѣснена буржуазіею угнетающей націи; производительныя силы данной угнетенной націи стѣснены, и классовая борьба угнетенной націи ограничена. Слѣдовательно путь пролетаріата угнетенной націи къ идеалу анархизма-коммунизма ненормаленъ, стѣсненъ.

И такъ, для нормальнаго развитія всѣхъ своихъ силъ, которое возможно только при революціонномъ преобразованіи общества въ сѣть свободныхъ коммунъ, для уничтоженія власти во всѣхъ ея проявленіяхъ, пролетаріатъ угнетенной націи живо заинтересованъ въ освобожденіи своей націи, ибо отъ этого зависитъ нормальная его борьба, нормальное его развитіе.

Въ вашей вышеупомянутой статьѣ вы это упомянули, но развѣ это все? Развѣ достаточно уничтожить только всѣ формы національнаго гнета? Это только одна часть работы пролетаріата — отрицательная.

Для нормально развивающейся націи такой вопросъ не существуетъ, и существовать не долженъ. Но такъ-ли это предстоитъ у націи угнетенной? Разумѣется, что нѣтъ. Угнетенные классы угнетенной націи борятся, во первыхъ, для уничтоженія всѣхъ формъ національнаго угнетенія, а во вторыхъ для созиданія | еще въ рамкахъ капиталистическаго строя | условій нормальнаго, культурнаго и экономическаго развитія и для нормальной классовой борьбы пролетаріата угнетенной націи за свой пролетарскій идеалъ,—анархизмъ-коммунизмъ. Анархизмъ предполагаетъ: нормальное, свободное развитіе индивидуума въ нѣдрахъ извѣстнаго общества. — «Анархизмъ стремится къ поддержанію и расширенію того драгоцѣннаго ядра привычекъ общественности, безъ которыхъ не можетъ существовать никакое человѣческое общество». И такъ, требуется свободное развитіе общества, общественныхъ привычекъ. По моему, послѣднія могутъ и должны быть только національными | если взять ихъ не въ абстракціи, а реально |, то-есть, приспособленными къ внѣшнимъ и внутреннимъ условіямъ, съ которыхъ данному общественному организму приходится бороться. Внѣшнія условія, я думаю, — климатическія, географическія, расположеніе и т. д., а внутреннія — историческія, культурныя цѣнности и т. д., которыя вырабатывались данною націею въ теченіе многихъ вѣковъ. Внѣшнія и внутреннія условія окрашиваютъ данныя общественныя привычки, данные обще-человѣческіе идеалы, въ національную форму. И поэтому, всякое движеніе | напр. соціализмъ | выливается въ національныя формы, приспособленныя къ даннымъ національнымъ условіямъ | внѣшнимъ и внутреннимъ |. Исходя изъ этой точки зрѣнія, я думаю: для того, чтобы пролетаріатъ, революціонизируя ту общественную атмосферу, въ которой онъ живетъ и ведетъ классовую борьбу, могъ нормально привести общество къ строю свободныхъ коммунъ, ему нужны условія нормальной національной жизни. Національное богатство | матеріальныя богатства | должны нормально развиваться, чтобы въ концѣ концовъ пролетаріатъ могъ превратить его | это національное богатство | изъ частной собственности въ общественную, передавъ его въ руки коммунъ. Совокупность національныхъ благъ—естественныхъ | земля, берега, лѣса и т. д. |, матеріальныхъ | орудія производства и потребленіе | и культурныхъ | развитіе языка, національной философіи, литературы, поэзіи, искусства и т. д. |, совокупность всего этого я называю родиной | вмѣстѣ съ сознаніемъ этого у данной группы |.

Въ капиталистическомъ обществѣ, хозяиномъ этой родины — этихъ національныхъ богатствъ — является буржуазія. Пролетаріатъ лишенъ этой родины, по своею массовою борьбою онъ стремится завоевать себѣ эту родину, — раздѣлить ее нормально между всѣми ея членами | по коммунамъ |.

Еврейская нація изолируется изъ мѣстныхъ условій; благодаря существующей національной конкуренціи, общественному бойкоту, антисемитизму, еврейскій рабочій классъ не можетъ нормально развиваться; онъ стѣсненъ, ограниченъ во всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ проявленіяхъ общественной жизни; онъ сконцентрированъ въ отсталыхъ отрасляхъ производства | въ самодержавной Россіи, въ Англіи, въ Америкѣ и вездѣ, вездѣ |. Его классовая борьба ограничена. Еврейская нація не можетъ, благодаря этому, нормально шествовать по пути анархизма. Для того, чтобы еврейская нація могла свободно развиться по пути къ анархизму, ей нужны условія | внѣшнія и внутреннія | національной жизни. Это въ существующихъ государствъ не возможно. Еврей повсюду меньшинство, разсѣяны, разбросаны по всѣму свѣту бѣлу. И въ экономической и въ культурной жизни имъ приходится приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ. Еврейская крупная буржуазія, ассимилируясь, это сдѣлала. Но еврейскій пролетаріатъ и вся еврейская масса этого не можетъ и не хочетъ дѣлать.

У нея обнаруживаются тенденціи, создать условія нормальнаго развитія еврейскихъ производительныхъ силъ | матеріальныхъ и культурныхъ |.

Она считаетъ это возможнымъ, только при концентраціи еврейскихъ массъ на своей родинѣ, въ Палестинѣ. Реализація этого идеала производится, и объективными условіями | грандіозная эмиграція еврейская — неизбѣжный результатъ концентрированія еврейскихъ рабочихъ въ отрасляхъ труда | и субъективнымъ — сознательнымъ стремленіемъ создать новыя условія національной жизни. Еврейская иммиграція встрѣчаетъ уже теперь организованныя и неорганизованныя препятствія въ крупно-капиталистическихъ странахъ | Англія, Америка |, и она поэтому устремляется въ другія, не развитыя страны — Палестину.

Процессъ концентраціи еврейскихъ элементовъ въ Палестинѣ уже начался. Въ Палестинѣ развивается трудъ и капиталъ. Начинается классовая борьба. Въ Палестинѣ уже существуетъ еврейская соціалдемократическая рабочая партія. Я — анархистъ-коммунистъ сіонистъ. | Такія группы уже существуютъ въ Россіи и Америкѣ |. Мы стремимся въ Палестинѣ развить идеалъ анархизма, препятствовать всякимъ политическимъ тенденціямъ обнаруживающимся еврейскою рабочею партіею.

Наша задача — создать вольныя коммуны, — для свободнаго, всесторонняго, нормальнаго развитія индивидуума въ еврейской націи, въ Палестинѣ. Разумѣется, мы признаемъ анархизмъ идеаломъ интернаціональнымъ, будемъ его вездѣ развивать и агитировать, ради его; но какъ члены угнетенной націи евреевъ—болѣе приспособленные къ еврейской атмосферѣ, какъ сыны ея, мы будемъ тамъ работать во имя всего человѣчества, во имя уничтоженія, вездѣ и повсюду, всякой эксплуатаціи и власти, въ какой бы формѣ онѣ ни проявлялись.

Теперь обращаюсь къ вамъ, не можете ли вы мнѣ отвѣтить письмомъ изложивъ ваше мнѣніе объ этомъ теченіи въ анархизмѣ; по моему оно вполнѣ диктуется принципами анархизма. И сможемъ ли мы [частно] участвовать на конгрессѣ какъ анархисты-коммунисты? Я увѣренъ, что товарищи помогутъ намъ въ этой трудной борьбѣ и будемъ бороться рука объ руку за полное уничтоженіе всякаго угнетенія: національнаго, классоваго, полового и т. д., за полное освобожденіе угнетенныхъ.

Ярблумъ.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ВЕНГРІЯ.

Какъ и въ другихъ странахъ, соціалистическое движеніе въ Венгріи начинаетъ просыпаться отъ долгаго сна, въ который погрузило его соціальдемократическое вліяніе. Недавно вышелъ первый номеръ газеты подъ заглавіемъ «Соціальная Революція»; газета издается на венгерскомъ языкѣ, но одна статья написана на эсперанто, и вотъ по этой-то статьѣ мы и судимъ о направленіи новаго органа *). Въ ней говорится о томъ, что до сихъ поръ рабочимъ движеніемъ руководила соціальдемократія, всѣ усилія свои направлявшая на достиженіе всеобщаго избирательнаго права и нѣкоторыхъ рабочихъ законовъ. Новый органъ ставитъ своей задачей показать рабочимъ, что они должны завоевывать и свободу и благосостояніе сами, и что это возможно лишь при полномъ уничтоженіи государства и наемнаго труда. Средствами борьбы онъ считаетъ всеобщую стачку, антимилитарную агитацію, захватный порядокъ. Однимъ словомъ, газета примыкаетъ къ нашимъ идеямъ.

Въ этомъ первомъ номерѣ мы находимъ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія объ аграрномъ движеніи въ Венгріи. Какъ извѣстно, Венгрія — страна земледѣльческая, и стачки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ имѣютъ въ ней большое значеніе. Въ этомъ году они рѣшили не работать больше за ту ничтожную плату, которую получали до сихъ поръ; забастовка проводится такъ солидарно, что помѣщикамъ не остается ничего другого, какъ выписывать рабочихъ изъ Галиціи, Польши, Россіи, Румыніи, Сербіи, Италіи и даже... Китая. Газета обращается къ товарищамъ всѣхъ странъ съ просьбой распространить какъ можно шире вѣсть объ этой забастовкѣ, особенно въ этихъ странахъ, чтобы предотвратить появленіе штрейкбрехеровъ.

ПОДГОТОВЛЕНІЕ АМСТЕРДАМСКАГО КОНГРЕССА.

Пропаганда въ пользу идеи международнаго съѣзда, которую ведутъ въ особенности наши бельгійскіе и голландскіе товарищи, приводитъ, пока, во всякомъ случаѣ, къ интересному обмѣну мыслей между анархическими группами. Въ 3 мъ № издающагося въ Бельгіи «Бюллетеня» мы находимъ письмо отъ редакціи португальской газеты «Terra Livre», издающейся въ Бразиліи. Авторы этого письма считаютъ проэктъ организаціи анархическаго Интернаціонала (проэктъ, выдвигаемый бельгійцами) слишкомъ искуственнымъ и предлагаютъ объединеніе лишь для конкретнаго, опредѣленнаго дѣла. Однимъ изъ самыхъ насущныхъ дѣлъ этого рода они считаютъ созданіе международнаго анархическаго органа, посвященнаго исключительно ознакомленію товарищей съ положеніемъ движенія и пропаганды въ разныхъ странахъ, съ существующими анархическими группами, съ текущей литературой и т. д. Редактированіе такого органа «Terra Livre» предлагаетъ поручить двумъ товарищамъ, особенно компетентнымъ въ смыслѣ исторіи и литературы движенія: М. Нетлау и Дж. Гильому.

*) Заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ „Temps Nouveaux", № 3, годъ 13-й.

Въ другой статьѣ, итальянская группа «La Gioventu Libertaria» [«анархическая молодежь»] сообщаетъ, что итальянскіе анархисты примутъ участіе въ съѣздѣ. Попутно, авторы высказываютъ нѣсколько интересныхъ мыслей по поводу индивидуализма, его непослѣдовательности и фантастичности; изъ ихъ статьи ясно видно, что въ Италіи, какъ и повсюду, собственно индивидуалистическаго анархизма, какъ теченія, не существуетъ: есть только отдѣльныя личности, остающіеся за бортомъ общаго движенія коммунистическаго анархизма. Интересно, что въ Италіи анархисты не допустили соціальдемократію монополизировать слово „соціализмъ" и называются обыкновенно соціалистами анархистами. Этимъ избѣгается много ошибокъ, а для нашихъ товарищей сберегается много силъ, идущихъ иначе на то, чтобы объяснять невѣжественнымъ или недобросовѣстнымъ противникамъ, что соціализмъ и анархизмъ — не противуположны.

Въ слѣдующемъ № бельгійскаго «Бюллетеня» будетъ напечатанъ отчетъ о происходившемъ недавно конгрессѣ голландской анархической федераціи. Мы поговоримъ о немъ въ слѣдующій разъ.

Въ послѣднюю минуту мы получаемъ Хронику многочисленныхъ арестовъ, сдѣланныхъ въ Россіи. Получаемъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно для этого номера. Войдетъ въ слѣдующій.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено за литературу: — Отъ группы „Свобода", Cleveland, черезъ Р. 2 дол.; отъ группы Арбайтеръ-Фрайндъ, Buenos-Ayres, черезъ К., 3 дол. Изъ Бостона, чер. М. Л. 15 шил.; изъ Glasgow, черезъ Ф. 1 шил.; изъ Льежа, чер. Ш. 50 фр.

Получено въ пользу Листковъ Х. и В. отъ Кливлендской группы «Свобода», 8 дол.; отъ группы Арбайтеръ-Фрайндъ, Buenos-Ayres, черезъ К., 3 д. Изъ Виннипега [чер. Т. Д. Ф.] 9 дол. 50 сент. (8. 75 для голодающихъ въ Россіи и остальные на подписку).

Получено: — Изъ Парижа, за продажу литературы, черезъ М. Г. 52 фр. 85. Изъ Россіи [за вычетомъ слѣдуемаго за франц. литер.] 16 фр. 05 с. Изъ Бразиліи, черезъ „Temps Nouveaux" 15 фр., и опять 25 фр.

Вышли изъ печати брошюры:

1) РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И АНАРХИЗМЪ

Сборникъ статей, подъ редакціей Петра Кропоткина.

Цѣна: 3 пенса; 40 сантимовъ; 10 сентовъ.

Такъ какъ первыхъ нумеровъ Листковъ „Х. и В." осталось уже очень мало для продажи, то мы издали подъ этимъ заглавіемъ доклады Вѣтрова, Забрежнева, Иаидина, Корнъ и Кропоткина, о Революціи, политической и экономической; о нашемъ отношеніи къ крестьянскимъ и рабочимъ союзамъ, о террорѣ, объ организаціи, о нашемъ отношеніи къ существующимъ политическимъ партіямъ и о всеобщей стачкѣ, напечатанные въ первыхъ семи нумерахъ.

2) ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

П. Кропоткина.

(Статьи напечатанныя въ „Л. Х. и В.", съ дополненіями.)

Цѣна: 2 пенса; 25 сантимовъ; 5 сентовъ.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шилингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.

Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.

E. Held. 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kushniaroff, 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ

„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ.

№. 17 — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 21 ІЮНЯ 1907 г.

Лондонъ, 20 іюня 1907.

Реакція ликуетъ. Она нашла предлогъ распустить Думу — притомъ такъ, чтобы увѣрить крестьянъ, что ихъ депутаты не сумѣли „поберечь Думу“, а сами сдѣлали ея роспускъ неизбѣжнымъ, пустившись въ тайные заговоры.

Вотъ уже недѣли двѣ, какъ упорно говорилось въ Петербургѣ, что Петергофское тайное правительство рѣшило распустить Думу, измѣнить избирательный законъ такъ, чтобы усилить вліяніе дворянъ и купцовъ на выборы, и раньше чѣмъ соберется новая, кущая Дума, — начать по всей Россіи массовые аресты.

Такіе слухи, какъ и слѣдовало ожидать, вызвали въ Европѣ всеобщее страшное паденіе всѣхъ русскихъ процентныхъ бумагъ. Четырехъ процентный заемъ упалъ до 71 руб. (за сто), и въ конфиденціальномъ докладѣ Николаю, министръ финансовъ заявилъ (11 іюня), что обошлись эти слухи Россіи, въ первую же недѣлю, во сто милліоновъ рублей чистой потери.

Но деньги, теряемыя Россіею, платитъ не царь и не великіе князья; а потому — какое имъ дѣло: лишь бы имъ еще поцарствовать и покутить на мужичій счетъ!

Дума, изволите видѣть, не довольно почтительна къ нимъ. Дума вселяетъ въ крестьянъ надежду на полученіе назадъ земли разграбленной у нихъ, — и этого уже достаточно. Николай II, вкупѣ съ великими князьями и всякими погромщиками, рѣшилъ разогнать Думу.

И вотъ, 14 іюня, Столыпинъ потребовалъ отъ Думы, чтобы она издала приказъ объ отдачѣ подъ судъ всей соціальдемократической партіи — 55 человѣкъ — и объ немедленномъ арестѣ 16-и изъ нихъ, въ томъ числѣ Озоля, Алексинскаго, Джапаридзе и Церетелли.

Предлогъ — очень простой. При обыскѣ въ квартирѣ соц.-дем. депутата Озоля нашли росписку какой-то владивостокской с.-д. группы въ полученіи 3500 экземпляровъ какого-то воззванія къ солдатамъ, и нашли просьбу какой то военной организаціи, обращенную къ соц.-дем. центральному комитету — дать концертъ въ ихъ пользу!....

И все это сдѣлано такъ нагло, что преслѣдуютъ не тѣхъ, кто просилъ дать концертъ, а всю соц.-дем. партію въ Палатѣ, которая никакихъ концертовъ не давала!...

Ясно, что если преслѣдуютъ огуломъ 55 человѣкъ, то никакихъ опредѣленныхъ данныхъ для преслѣдованія нѣтъ; а очень просто, Николай II, котораго всѣ личныя склонности лежатъ къ Пуришкевичу и всякимъ погромщикамъ, вообразилъ, что въ черносотенномъ „Союзѣ“ онъ нашелъ нужную силу для борьбы со всѣмъ русскимъ народомъ и, подобно Наполеону III-му, рѣшился произвести свой государственный переворотъ.

Опасную игру затѣяли вы Николай Александровичъ! Если до сихъ поръ, Русская революція отдѣляла Николая II-го отъ генерала Мина, отъ Трепова, отъ прокурора Павлова и т. под., — то только потому, что въ Россіи держалась вѣра, что Николай II не за одно съ великими князьями, которые готовы залить Россію кровью, лишь бы грабить ее по-прежнему: что онъ уступаетъ имъ по слабости характера, но въ душѣ — не съ ними.

Но за послѣдній мѣсяцъ Николай II все сдѣлалъ, чтобы подорвать эту добродушную вѣру. Онъ *доказалъ*, что его личныя симпатіи лежатъ именно къ великимъ князьямъ, которые хотятъ крови; что если онъ, по временамъ, и говоритъ другое, то это — лишь минутная слабость, или же военная хитрость, и что ему всякое проявленіе свободы въ Россіи, всякій подъемъ забитой націи — также ненавистны, какъ они были ненавистны Людовику XVI-му и Карлу I-му.

Маски, стало быть, сброшены въ Петергофѣ. Петергофскіе правители являются тѣмъ, что они есть, и гласно говорятъ народу: — „Прочь иллюзіи на нашъ счетъ! Мы правили до сихъ поръ топоромъ и веревкою, — такими мы и останемся!“

— „Завтра будетъ пифъ-пафъ!“ шутилъ съ дамами великій князь Владиміръ, въ одномъ петербургскомъ салонѣ, наканунѣ бойни, устроенной имъ противъ Гапоновской манифестаціи рабочихъ.

Чтожъ, господа, пусть будетъ по вашему!

Дума предлагала вамъ вѣтвь мира. Вы ея не хотите; вы хотите „пифъ-пафъ!“

Прекрасно. Русская революція приметъ вашъ вызовъ.

Государственный переворотъ совершился. Въ воскресенье, 16-го, Дума была распущена царскимъ манифестомъ. Новые выборы объявлены на 1-ое (14) сентября, но уже по новому избирательному закону, который вноситъ въ выборы сословный элементъ и урѣзываетъ представительство Польши и Кавказа.

При этомъ, Николай II объявляетъ громогласно свои самодержавныя права — не соблюдать основные законы Имперіи и измѣнять ихъ согласно своему *личному* произволу.

Что крови прольется въ Россіи изъ-за этой, измѣнически подготовленной выходки Николая II-го — страшно подумать.

Манифестъ Николая, вѣроломно подготовлявшійся въ то самое время, какъ царь заигрывалъ съ предсѣдателемъ Думы — прямой призывъ Россіи, ни въ чемъ болѣе не вѣрить царю изъ Романовыхъ.

Это — прямой призывъ къ гражданской войнѣ; это — призывъ окраинъ, особенно Польши и Кавказа, къ отдѣленію оружіемъ отъ изолгавшихся правителей Россіи.

Пугачовщина, новое Польское возстаніе, и рѣки крови, вотъ неизбѣжныя послѣдствія царскаго манифеста — если только власть останется въ рукахъ теперешнихъ вѣроломныхъ правителей.

П. Кропоткинъ.

О РАБОЧИХЪ СОЮЗАХЪ

IV.

(Окончаніе).

Анархисты никогда не смотрѣли на рабочую массу, какъ на партійное орудіе или пушечное мясо. Повсюду, гдѣ они это могли и поскольку могли, довольствуясь ролью помощниковъ, инціаторокъ, они стремились лишь къ тому, чтобы рабочая масса окрѣпла организаціонно и идейно, перестала нуждаться въ посторонней протекціи и шла своей дорогой къ ею же самою сознанной цѣли. И теперь не въ нашихъ видахъ стремиться быть впереди рабочей массы или отставать отъ нея; какъ всюду, такъ и въ нашемъ молодомъ профессіональномъ движеніи, мы должны стремиться не къ тому, чтобы завоевать или подчинить себѣ это движеніе, а лишь къ тому, чтобы объединить нашу энергію и дѣятельную силу съ энергіею и дѣятельною силою массы, развивать, расширять и ту и другую.

Фактъ, что даже тамъ гдѣ наше вліяніе было безусловно преобладающимъ, мы не старались пріобрѣсти гегемонію надъ рабочимъ классомъ, объясняется очень просто: намъ это не нужно. Мы видимъ силу не въ управленіи рабочей массой. Наша сила заключается въ томъ, что повсюду самостоятельно дѣйствующій рабочій классъ, дошедшій до извѣстной ступени развитія, естественно идетъ къ анархизму, какъ это случилось во Франціи и въ другихъ странахъ, гдѣ развился и окрѣпъ революціонный синдикализмъ. Поэтому мы не чувствуемъ необходимости навязывать искуственно рабочему классу свою программу. Наша основная задача въ этомъ отношеніи заключается лишь въ томъ, чтобы помочь рабочей массѣ освободиться изъ подъ вліянія политическихъ партій, развить въ ней любовь къ самостоятельности и вызвать въ ней способность сильнаго проявленія бунтовскаго духа, духа возмущенія и возстанія противъ всѣхъ формъ рабства; помочь ей сдѣлаться исключительнымъ хозяиномъ и руководителемъ всего своего дѣла. Вотъ что намъ нужно сдѣлать, и когда это будетъ сдѣлано, тогда анархизмъ, если, конечно это подготовлено предшествующею пропагандой, само собою придетъ и займетъ свое мѣсто, ибо онъ есть идеологія рабочаго класса, достигшаго именно этой ступени развитія.

Не надо забывать, что не политико-парламентскія партіи, большей частью попусту и безжалостно расточающія энергію рабочей массы, а корпоративныя организаціи, изъ всѣхъ видовъ организаціи лучше осуществляющія экономію силъ, сумѣютъ, не только обновить современное общество, но еще создать условія, въ которыхъ развитіе его пойдетъ по наименѣе искривленной линіи прогресса самымъ усиленнымъ темпомъ. Съ этой точки зрѣнія даже простое отдѣленіе организованной рабочей массы отъ политическихъ партій, если, конечно, это отдѣленіе диктуется не боязнью передъ революціоннымъ дѣйствіемъ, а сознаніемъ необходимости все большей и большей революціонной и самостоятельной дѣятельности самаго рабочаго класса, имѣетъ громадное значеніе. Съ спеціально анархистской точки зрѣнія, это отдѣленіе имѣетъ еще то значеніе, что съ момента отдѣленія, организованная рабочая масса дѣлается доступною и для нашей пропаганды, тогда какъ профессіональные союзы, пока они находятся въ рукахъ политическихъ партій, остаются закрыты для нашей пропаганды и на насъ самихъ смотрятъ, какъ на чужихъ людей, стоящихъ внѣ рабочаго класса.

* * *

Къ сожалѣнію еще не совсѣмъ исчезла вѣра въ спасителя, стоящаго внѣ рабочаго класса — въ трибуна, цезаря и партію, и этимъ объясняется недовѣрчивое отношеніе многихъ къ самостоятельному, своими средствами дѣйствующему, профессіональному движенію. Не говоря о людяхъ якобинскаго воспитанія, я укажу на то, что даже среди нашихъ товарищей встрѣчаются такіе, которые, видя, что синдикаты сразу не опрокидываютъ весь существующій строй, объявляютъ рабочую массу не дозрѣвшею до такой великой роли, и спасаются въ группахъ изъ чистыхъ анархистовъ, которыя, по ихъ словамъ, усилившись, укрѣпившись, вооружившись, должны создать свободу рабочаго класса. Нисколько не отрицая громаднаго принципіальнаго, пропагандистскаго и инціаторскаго значенія за группами, я считаю однакожъ возможнымъ утверждать, что если съ точки зрѣнія распространенія анархическихъ принциповъ въ чистомъ видѣ, созданія литературы и примѣровъ единичнаго проявленія бунтовскаго духа, группы имѣютъ громадное значеніе, то въ смыслѣ творчества настоящаго общественнаго движенія, имѣющаго крупное историческое зняченіе и въ смыслѣ творчества новыхъ формъ жизни, группы — почти ничто, а масса — все. Съ этой точки зрѣнія, мы — крайніе народники. Мы вѣримъ въ дѣятельность массы, въ ея творческую способность, мы убѣждены, что только сила рабочей *массы* доставитъ нами возлюбленному идеалу полное торжество и укрѣпитъ на прочной гранитной почвѣ храмъ свободы.

Всѣ классы изжиты жизнью, во всѣхъ классахъ изсякла энергія: они дали все, что могли дать и больше ничего не обѣщаютъ, ни настоящему, ни будущему; они потеряли ту жизненность, которая даетъ силу историческаго творчества; *) рабочій же классъ живетъ, живетъ новымъ, стремленіемъ къ новому; въ немъ большой, пока не тронутый запасъ творческой силы, въ его сознаніи уже вырабатывается со всѣми мелочами новый строй, новая жизнь. Къ нему мы идемъ, на немъ покоятся всѣ наши лучшія надежды, отъ него мы взяли свое міровоззрѣніе, ему мы должны вернуть его, обогащенное новымъ знаніемъ и опытомъ, борьбою и трудомъ, горькими пораженіями и сладкими побѣдами.

Стремленіе рабочаго движенія, достигшаго извѣстной силы и сознанія, не можетъ не быть нашимъ стремленіемъ, а наше стремленіе не можетъ не быть его стремленіемъ, ибо вся наша теорія есть ничто иное, какъ обоснованное, научно оправданное выраженіе вѣчныхъ стремленій рабочей массы, — этой творческой части человѣчества, къ свободѣ и равенству.

Но единство, существующее между анархизмомъ и стремленіями рабочей массы, бываетъ очень часто со стороны этой послѣдней безсознательнымъ, инстинктивнымъ или интуитивнымъ. Чтобы это единство было сознательнымъ, желаннымъ съ обѣихъ сторонъ, намъ нужно дѣй-

*) Ср. «Рѣчи бунтовщика», П. Кропоткина, глава: Современное положеніе.

ствовать, — намъ нужно быть со всѣми нашими стремленіями, со всѣмъ нашимъ идеаломъ и міровозрѣніемъ, съ рабочею массою, — не только во время революціонныхъ бурь, но и до нихъ. Да, до нихъ также нужно жить ея жизнью, сродниться съ нею, создать въ ней убѣжденіе, что у насъ одна печаль и одна радость, чтобы тогда, когда вспыхнетъ буря, мы не оказались незнакомцами, неизвѣстными пришельцами для рабочей массы.

Ошибочно, думается намъ, предполагать, что во время самой революціонной бури нѣсколькими агитаціонными рѣчами можно будетъ увлечь массу за собою. Никогда, насколько намъ извѣстно, партіи и направленія, совершенно неизвѣстныя рабочей массѣ до революціи, не оказывали серьезнаго вліянія на ходъ ея движенія во время самой революціи. Если вы хотите, чтобы масса шла съ вами вмѣстѣ, постарайтесь, чтобы она знала и довѣряла вамъ уже до революціи, — тогда она будетъ съ вами, повѣритъ вамъ и во время самой революціи.

* * *

Не станемъ скрывать, что постоянное пребываніе въ синдикатахъ, постоянное участіе во *всей* ихъ жизни, во *всей* ихъ дѣятельности вынуждаетъ насъ на нѣкоторые компромиссы; но эти компромиссы ничтожны по сравненію съ тѣми, отъ которыхъ сама масса можетъ отказаться подъ вліяніемъ нашей пропаганды. Компромиссы эти, если не принять въ разсчетъ слабость нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, не могутъ коснуться самаго существа нашего міровозрѣнія. Къ тому же мы вовсе не стоимъ за то, чтобы все наше міровозрѣніе, все наше существо запереть, какъ въ желѣзныхъ тискахъ, въ синдикаты, чтобы оттуда никогда не выходить. Во первыхъ, синдикаты не такъ поглощаютъ своего члена, чтобы онъ былъ принужденъ порвать со всѣмъ остальнымъ міромъ; а во вторыхъ, принципіальную свѣжость и стойкость можно черпать изъ принципіальныхъ идейныхъ группъ, въ которыя можно входить одновременно съ синдикатами безъ всякаго ущерба для дѣла.

Правда и то, что повседневная борьба синдикатовъ за сохраненіе завоеванныхъ позицій, маленькія мѣстныя стачки съ чисто мѣстными профессіональными цѣлями, борьба за гроши и за прочія незначительныя улучшенія не безъ основанія покажутся мелочью всѣмъ тѣмъ, кто усталъ жить въ ужасной, нечеловѣческой атмосферѣ гнета, нищеты, взаимной вражды и униженія, созданной капитализмомъ, и кто жаждетъ выйти изъ этихъ ужасныхъ условій сразу, не откладывая этого въ долгій ящикъ, — все равно какія бы для этого ни потребовались жертвы. Спасительное святое настроеніе! Но, къ сожалѣнію, оно безплодно, пока остается достояніемъ одиночекъ. Такіе люди, больше чѣмъ другіе, должны вступать въ синдикаты: во первыхъ, для того чтобы сообщить это настроеніе всей массѣ; во вторыхъ, для того, чтобы подгонять впередъ тѣ же синдикаты, слишкомъ еще склонные долго останавливаться на мелочахъ, постояннымъ напоминаніемъ главной цѣли, основной исторической миссіи, которая заключается не въ починкахъ одряхлѣвшаго стараго міра, а въ завоеваніи цѣлаго новаго міра, обновленіемъ всей современной жизни, всего современнаго общества.

* * *

Въ движеніи, предпринятомъ профессіональными союзами, кроется, какъ это легко можно видѣть изъ всего вышесказаннаго, сильный протестъ противъ государственнаго капитализма, противъ усиленія государственной власти и противъ оппортюнистическаго практицизма, внесеннаго въ соціалистическое движеніе главнымъ образомъ столь хваленой соціальдемократіей.

Что касается усиленія и безъ того сильно гнетущей жизнь своею окаменѣлостью, государственной власти, то къ нему, отчасти сознательно, отчасти безсознательно, дѣйствительно идутъ коллективисты съ ихъ страшной экономической централизаціей. Рабочіе, — хотя до сихъ поръ, главнымъ образомъ, инстинктивно — всегда чувствовали, какую громадную опасность представляетъ для нихъ, и для всего общественнаго прогресса вообще, усиленіе государственной власти; и поскольку они чувствовали эту грядущую опасность, постольку они стремились уменьшить, раздробить, свести на ничто страшную и существенно реакціонную силу, представляемую государствомъ. Для всѣхъ тѣхъ, кто является представителемъ пролетаріата, не въ силу пріобрѣтенной надъ нимъ диктаторской власти, а въ силу того единства стремленій, о которомъ мы говорили выше, очень важно отмѣтить этотъ протестъ, и всѣ усилія приложить къ тому, чтобы онъ принялъ опредѣленную форму и рѣзкій характеръ.

Протестъ противъ оппортюнистическаго практицизма, кроющійся въ этомъ движеніи, не менѣе важенъ. Рабочіе чувствуютъ, что эпоха полу-мѣръ и половинчатыхъ минимальныхъ программъ прошла, — рабочій классъ переросъ все это. Теперь, какъ у насъ, такъ и вообще во всѣхъ капиталистическихъ странахъ Европы и Америки, борьба на экономической почвѣ становится столь обостренной, что даже принципіальные защитники капитализма не рѣшаются замалчивать ее и ея классовой характеръ. Каждый классъ выступаетъ опредѣленно за свои жизненныя требованія, — нѣкоторые изъ нихъ борятся за сохраненіе уже имѣющихся привилегій, нѣкоторые — за пріобрѣтеніе новыхъ правъ и привилегій, но каждый непремѣнно борется *за свои* права. Что долженъ дѣлать пролетаріатъ? Должна ли его программа отличаться прежнею неопредѣленностью? Долженъ ли онъ по старому стоять на двухъ точкахъ зрѣнія въ одно и тоже время, или ограничиться одною пролетарскою точкою зрѣнія? Долженъ ли онъ стараться, чтобы его программа была пріемлема всею демократіею, или упорно стремиться къ *своей* цѣли? Если, конечно, все, что говорилось и говорится о классахъ, о классовыхъ задачахъ и интересахъ не ложь и лицемѣріе, нужно согласиться, что въ этой общей свалкѣ за права и интересы рабочая масса должна вмѣшаться со *своею* опредѣленною программою, дѣйствуя въ качествѣ вполнѣ независимой общественной силы, неустанно гнуть свою линію, осуществлять свою завѣтную мечту — свою свободу. Это — задача *рабочей массы*; *она* должна служить ея осуществленію.

Все это настолько ясно и элементарно, что какъ-то совѣстно такъ долго останавливаться на этомъ; но дѣло въ томъ, что въ послѣднее время, какъ у насъ, такъ и въ Европѣ вообще, завелась цѣлая категорія „соціалистовъ“, которая, подъ видомъ практичности, совѣтуетъ рабочей массѣ оставить въ сторонѣ, въ виду ихъ несвоевременности, всѣ „утопіи“, и заняться *въ предѣлахъ возможности* осуществленіемъ возможныхъ реформъ. Но эти *возможныя* улучшенія никогда не имѣютъ своей цѣлью установленіе возможной свободы, ни установленіе еще болѣе возможной обезпеченной человѣческой жизни для всѣхъ, посредствомъ опять-таки вполнѣ возможнаго устраненія постыдной и повсемѣстной голодовки; а наоборотъ онѣ имѣютъ въ виду починку режима, осужденнаго разумомъ и нравственностью, т. е. нѣчто совершенно невозможное.

Общественными переворотами лучше и больше пользуется лишь тотъ классъ, который ясно сознаетъ свою цѣль и ясно видитъ путь, ведущій къ этой цѣли. Пора, давно пора и пролетаріату освоиться съ этой истиной и, если онъ хочетъ избѣгнуть старыхъ роковыхъ ошибокъ, онъ долженъ покончить и со старой неопредѣленностью и расплывчатостью, выставить ясно и опредѣленно *свою* программу, идти къ ней упорно *своей* дорогой, какъ это сдѣлала буржуазія Великой Французской Революціи, и не слагать оружія въ жестокой борьбѣ, пока не будетъ доставлено полное, окончательное торжество *его* идеалу равенства и свободы.

Но чтобы служить этому идеалу, рабочему классу сперва надо освободиться отъ непрошенныхъ диктаторовъ; нужно самому овладѣть своимъ движеніемъ и пользоваться имъ исключительно въ своихъ цѣляхъ. Классу, мечтающему объ обновленіи общества, нужно привыкнуть къ самостоятельной, смѣлой жизни; нужно ему перестать искать покровителей, освободителей. Силу, способную создать его свободу, энергію движенія, основаннаго на его дѣйствительно классовой самостоятельности, а также политическую зрѣлость для созданія новыхъ общественныхъ формъ онъ только тогда пріобрѣтетъ, когда окончательно выйдетъ изъ чужого опекунства, когда онъ не будетъ нуждаться въ томъ, чтобы его водили, когда онъ встанетъ на свои ноги, посмотритъ своими глазами на дѣйствительность и когда, наконецъ, переставъ путаться въ различныя партіи, дробясь на мелкія части, онъ оснуетъ одну общую и нераздѣльную партію труда.

Партія труда, стремящаяся расшириться до границъ самаго рабочаго класса, пришедшаго къ сознанію своихъ правъ и своей силы, стремящаяся также безъ всякихъ посредниковъ, прямою революціонною борьбою сломить царство капитала и государства, чтобы своимъ собственнымъ освобожденіемъ освободить все человѣчество, — вотъ великая практическая цѣль, поставленная себѣ революціоннымъ синдикализмомъ, цѣль которая была и остается цѣлью современнаго анархизма.

К. Оргеіани.

ИЗЪ РОССІИ.

(Одинъ изъ нашихъ товарищей, втеченіи двухъ лѣтъ активно работавшій въ Россіи среди анархическихъ группъ, сообщаетъ намъ свои наблюденія надъ нашимъ движеніемъ. Затронутые имъ вопросы навѣрное найдутъ откликъ у всѣхъ нашихъ пропагандистовъ и агитаторовъ).

Однимъ изъ самыхъ первыхъ и насущныхъ вопросовъ является у насъ теперь отношеніе къ чисто-рабочему движенію, къ профессіональнымъ организаціямъ. Большинство нашихъ товарищей относится къ нимъ отрицательно: они боятся, что масса привыкнетъ къ дѣятельности въ легальныхъ рамкахъ, что эта легализація убьетъ революціонный духъ и поведетъ къ вырожденію движенія. Примѣръ Западной Европы показываетъ, говорятъ они, что собственно-революціоннаго движенія, проявляющагося въ революціонныхъ актахъ, тамъ не существуетъ, несмотря на развитіе синдикализма. Кромѣ того, характеръ русскихъ профессіональныхъ союзовъ таковъ, что не можетъ внушать нашимъ товарищамъ симпатіи. Они революціонны только по внѣшности, только потому, что имъ приходится бороться съ современнымъ правительствомъ. Но они еще не имѣли случая разочароваться въ парламентаризмѣ, а потому по существу очень умѣрены. Союзы эти — двухъ типовъ: или партійные, основанные и поддерживаемые с.-д. или с.-р.'ами, или совершенно трэдъ-юніонистскіе, гапоновскаго характера. Поэтому наши группы относятся къ нимъ отрицательно — и къ тѣмъ и къ другимъ. На югѣ преобладаетъ первый типъ союзовъ, основанныхъ, главнымъ образомъ, с.-д. [Одесса, Екатеринославъ, Донецкій бассейнъ, Ростовъ-на-Дону]; на сѣверѣ (Сормово, районы владимірскій, костромской, московскій, отчасти петербургскій) — второй, и только въ послѣдній годъ партіи (особенно с.-д.) стали проникать туда. Въ союзы послѣдняго, чисто-корпоративнаго типа, для насъ проникнуть легче, потому что тамъ — почва еще нетронутая, первобытная, и у рабочихъ нѣтъ никакихъ спеціальныхъ партійныхъ предубѣжденій. Въ Москвѣ, напр., въ 1906 году товарищамъ удалось завести связи въ нѣкоторыхъ союзахъ (главнымъ образомъ въ союзѣ по обработкѣ металловъ) и на нѣкоторыхъ большихъ заводахъ. На одномъ изъ такихъ заводовъ, (болѣе точно не считаемъ возможнымъ указывать) на районной сходкѣ союза модельщиковъ, для выработки заявленія отъ сходки былъ приглашенъ одинъ изъ нашихъ агитаторовъ; наши же товарищи были выбраны и делегатами отъ модельщиковъ на общее собраніе, на которомъ долженъ былъ объединиться весь цехъ металлурговъ. Предубѣжденія противъ насъ не было; рабочіе обнаруживали большой интересъ къ революціонному синдикализму, къ рабочимъ организаціямъ за-границей. Внутри каждаго изъ большихъ профессіональныхъ союзовъ (металлурговъ, печатниковъ) были небольшія группы анархистовъ. Преобладали синдикалисты, черезнаменцевъ не было, или, во всякомъ случаѣ, ихъ вліяніе было незамѣтно. Вопросъ о безмотивномъ террорѣ не поднимался на сѣверѣ и не былъ предметомъ разногласій. Антибуржуазные акты, экономическій терроръ и проч. были, и масса встрѣчала ихъ очень сочувственно. Типъ рабочаго-анархиста сѣвера менѣе бунтарскій, чѣмъ на югѣ; существуетъ наклонность къ умозрѣнію, интересъ къ теоретическимъ вопросамъ, популярна идея всеобщей стачки. Въ общемъ, настроеніе, менѣе боевое, не только среди анархистовъ, но и среди всѣхъ другихъ партій: соціализмъ носитъ здѣсь не только идейный, но даже какой-то культурническій характеръ. Такъ было особенно въ первую половину 1906 года; впослѣдствіи, благодаря репрессіямъ и обострившейся борьбѣ съ фабрикантами, настроеніе стало болѣе революціоннымъ.

Въ общемъ, на сѣверѣ [въ Москвѣ и въ Сормовѣ] у анархистовъ силъ было очень мало, и потому крупной роли они пока играть не могли. Практическими революціонными актами они себя не заявили; пришлось держаться одной только идейной пропаганды. Главное содержаніе ея было — критика парламентаризма, политическихъ свободъ, европейскаго конституціонализма и проч. Цѣлью нашей было — создать антипарламентарно-настроенную массу. Мы старались показать, что не существуетъ рѣзкой границы между Россіей и Западомъ, что между русскимъ абсолютизмомъ и какой-нибудь демократической республикой Франціи существуетъ цѣлый рядъ переходовъ [Германія, Австрія и т. д.]. Съ этой точки зрѣнія мы отказались принимать участіе въ манифестаціяхъ въ пользу Думы, т. е. точнѣе послѣ ея разгона. Рабочіе хорошо понимали насъ и сами говорили: «Все время насъ приглашали бойкотировать Думу, и мы бойкотировали; зачѣмъ же теперь защищать ее противъ разгона?» Въ общемъ, эти манифестаціи потерпѣли фіаско.

Когда у насъ ставился вопросъ объ отношеніи нашемъ къ активнымъ выступленіямъ политическаго характера, то мы дѣлили эти выступленія на двѣ категоріи: одни движенія происходятъ подъ давленіемъ широкихъ массъ, хотя бы даже партіи и занимались подготовленіемъ ихъ [московское вооруженное возстаніе, антипогромныя движенія], въ такихъ движеніяхъ мы будемъ принимать участіе и будемъ стараться увлечь ихъ дальше. Другія — происходятъ подъ прямымъ руководствомъ комитетовъ; ихъ мы будемъ бойкотировать и будемъ объяснять свой бойкотъ [напр. по поводу разгона Думы, а гораздо раньше торжествующія манифестаціи по случаю манифеста 17 октября]. Это — манифестаціи искусственныя, въ интересахъ чисто-политиканскихъ.

Наша пропаганда имѣла всегда успѣхъ и быстро завоевывала симпатіи слушателей, пока рѣчь шла о критикѣ, объ отрицательной сторонѣ. Очень легко прививалась и рабочимъ и крестьянамъ идея о вредѣ всякой власти, какова бы она ни была, и о нищетѣ парламентаризма. На этой-то отрицательной пропагандѣ и сосредоточивались всѣ усилія нашихъ пропагандистовъ и агитаторовъ. Но какъ только дѣло доходило до положительной части, сказывалось отсутствіе конкретной программы. Въ рабочей средѣ мы проповѣдывали революціонизированіе имѣющихся движеній—стачекъ, вообще рабочей борьбы, и показывали, что посредствомъ захватнаго порядка достигнуть можно большаго и скорѣе. Это было легко. Точно также нетрудно было нарисовать картину анархическаго общества, будущее въ нашемъ изображеніи

становилось рабочимъ легко понятнымъ. Но какъ практически придти къ нему? Что дѣлать, когда разрушатся капиталъ и государство? Когда и какъ произойдетъ переходъ къ будущему? Что дѣлать сейчасъ? Ничего конкретнаго мы дать не могли, хотя и старались использовать въ этомъ отношеніи идею всеобщей стачки. Наша литература не приспособлена для спеціально русской пропаганды и для русскихъ условій, а потому оказывается для рабочихъ слишкомъ отвлеченной. Слѣдовало бы имѣть краткое, схематическое изложеніе анархизма, непремѣнно въ мелкихъ брошюрахъ, а не въ книгѣ, такъ чтобы каждая брошюра давала полный и исчерпывающій отвѣтъ на тотъ или другой вопросъ. Кромѣ того, необходимо имѣть такую литературу, гдѣ бы излагались факты движеній за-граничныхъ, спеціально — движеній анархическихъ или создавшихся подъ вліяніемъ анархическихъ идей. Насъ, напримѣръ, спрашиваютъ: Гдѣ попытки анархическихъ возстаній? Гдѣ попытки организаціи коммунистическаго производства и коммунистическаго распредѣленія? Какъ организуютъ анархисты рабочихъ и крестьянъ? Что дѣлаютъ они или создаваемыя имъ организаціи? Намъ нужно имѣть литературу, которая знакомила бы насъ: съ синдикализмомъ Франціи, съ рабочимъ и анархическимъ движеніемъ Испаніи, съ крестьянскими движеніями и союзами этихъ странъ.

Существуетъ и еще рядъ вопросовъ, которые необходимо разработать. Во-первыхъ — экономическая сторона анархизма: какова наша политическая экономія? наша теорія стоимости? какъ мы думаемъ организовать производство? Каково будетъ отношеніе между разными отраслями? Что дѣлать въ направленіи захвата фабрикъ сейчасъ?

Укажу еще смѣшеніе понятій „коммуны" и „коммунизма": „коммунизмъ" кажется чѣмъ то непремѣнно территоріальнымъ и нѣкоторые товарищи опасаются въ будущемъ обществѣ гнета этой территоріальной коммуны. Есть такіе, которые называютъ себя «анархистами-коллективистами»: это въ ихъ понятіи означаетъ, что основной единицей общества будетъ не территоріальная единица, а производительная ассоціація. Федераціи будутъ устанавливаться не между коммунами, а между такими ассоціаціями. Въ общемъ, это будутъ — внѣ территоріальные союзы производителей, съ которымъ будутъ связаны территоріальные союзы потребителей. Въ числѣ анархистовъ этого послѣдняго оттѣнка мы находимъ нѣкоторыхъ видныхъ дѣятелей рабочихъ союзовъ. Болѣе ясное толкованіе того, что такое «коммунизмъ» избавило бы отъ этого смѣшенія понятій.

Отмѣчу еще одно: рабочіе теперь сильно увлекаются синдикализмомъ, а наши товарищи, по большей части, — антисиндикалисты. Поэтому рабочіе отвлекаются отъ анархизма въ сторону какой-нибудь русской формы «латарделлизма».

Д. Н.

Мы спросили недавно одного изъ крупныхъ англійскихъ покупщиковъ процентныхъ бумагъ [investor'овъ] . —спеціалиста въ этомъ дѣлѣ, — что онъ думаетъ о русскихъ процентныхъ бумагахъ.—«Пропащія», отвѣтилъ онъ. «Всѣ убѣждены, что благодаря нежеланію вашего царя и его клики пойти на уступки, Россіи должна пройти черезъ долгій такой періодъ, когда всѣ ваши бумаги и займы никакой биржевой цѣнности имѣть не будутъ, и страна будетъ въ лоскъ разорена». —Это ваше мнѣніе?—«Нѣтъ, всѣ крупные заимодатели такъ думаютъ».

Вышеприведенное мнѣніе уже успѣло подтвердиться. Въ субботу вечеромъ, всѣ русскіе займы упали на Парижской биржѣ еще на 2 процента. Потеря, за одинъ день, 30 милліоновъ рублей.

ХРОНИКА АНАРХИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

Тирасполь. (Херс. губ.) — Полиція арестовала трехъ анархистовъ-коммунистовъ, подозрѣваемыхъ въ попыткѣ напасть на почтово-телеграфную контору. При нихъ найдено оружіе. Арестованъ еще анархистъ Теплицкій—обвиняемый въ организаціи нападенія на типографію, гдѣ онъ „захватнымъ порядкомъ" отпечаталъ листокъ анархистовъ-коммунистовъ. У него найдены номера «Бунтаря» и Листковъ „Хлѣбъ и Воля".

Одесса. — Мѣстный военный судъ разбиралъ дѣло анар.-коммунистовъ. Многіе осуждены на каторгу. Пока намъ извѣстенъ только приговоръ Эрделевскому—15 лѣтъ каторги.

Газеты сообщаютъ объ арестахъ анар.-ком. — въ Кіевѣ, Москвѣ, Петербургѣ и Житомірѣ (Волынь). Житомірскіе анархисты оказали вооруженное сопротивленіе — ранены чины полиціи. Одинъ товарищъ убитъ; одинъ бѣжалъ, отстрѣливаясь.

Съ Волыни намъ сообщаютъ еще о слѣдующихъ анар.-ком., арестованныхъ и отбывавшихъ наказанія въ 1906 — 1907 году, въ Луцкой центральной тюрьмѣ:

Арестованные 1906 года по дѣлу Житомірской группы «анарх.-коммунистовъ»: Корецкій, Левъ Римскій, Александръ Фальцъ и др. 5 человѣкъ сосланы на 4 года Туруханскаго края въ Восточной Сибири.

26 Августа, въ Луцкѣ-же арестованъ былъ бѣжавшій изъ Москвы, по дѣлу анархической лабораторіи, бывшій волонтеръ въ Маньчжуріи, — Н. И. Бѣловъ. Его взяли за городомъ, при попыткѣ ѣхать контрабандой въ Австрію. Сидѣлъ до Рождества въ тюрьмѣ, оттуда увезенъ жандармами въ Московскую Бутырскую тюрьму.

18 Декабря, въ Луцкѣ-же арестованы по подозрѣнію въ принадлежности къ анар.-ком. и попыткѣ ѣхать въ Австрію контрабандой нелегальные: И. С. Шуткевичъ, Г. К. Якобсонъ и быв. эмигрантъ Н. И. Музиль. При нихъ найдены «Браунингъ» и чужіе паспорты.

И. Шуткевичъ, какъ бѣжавшій изъ Архангельской губ., куда онъ былъ высланъ на 4 года, обратно водворенъ этапомъ; Германъ Якобсонъ — по установкѣ личности, преданъ суду по 977 ст. и высланъ на родину, на четвертомъ мѣсяцѣ заключенія, также и Н. Музиль, освоб. на пятомъ мѣсяцѣ. Какъ намъ передаютъ, — всѣ эти четыре аресты въ Луцкѣ произошли благодаря провокаціи.

Луцкая центральная тюрьма славилась недавно своимъ суровымъ режимомъ. Въ ней избивали заключенныхъ, кормили ихъ отвратительною пищею, подвергая систематической травлѣ. Вдохновителемъ этихъ безобразій былъ начальникъ тюрьмы, П. Желтовскій. За все это ему отомстили. Днемъ, у зданія окружнаго суда, въ Желтовскаго стрѣляли и онъ сильно раненъ двумя пулями; также сопровождаемый его надзиратель. Арестованъ тутъ же социал.-революціонеръ Борисъ Бронштейнъ, жестоко избитъ и по слухамъ будетъ преданъ военно-окружному суду въ Дубно.

Это покушеніе вызвало бурную радость всѣхъ заключенныхъ, какъ политическихъ, такъ и уголовныхъ. Всѣ корпуса тюрьмы, при появленіи арестованнаго Бронштейна, огласились крикомъ „Ура"!

Изъ арестованныхъ въ Кіевѣ анархистовъ-коммунистовъ газеты упоминаютъ только фамилію студента Пашинка.

Въ ближайшемъ будущемъ ожидается рядъ процессовъ анарх.-коммунистовъ въ Москвѣ, Кіевѣ, С.-Петербургѣ, Екатеринославѣ — о которыхъ мы сообщимъ своевременно.

Одесса. — Въ связи съ арестами въ г. Тирасполѣ (Хер. г.) анархистовъ, у которыхъ найдено оружіе и литература, мѣстный полиціймейстеръ розыскиваетъ Паулину Ярошевскую, подозрѣваемую въ вооруженномъ нападеніи анархистовъ въ Тирасполѣ.

Въ тюремной больницѣ скончался анархистъ-коммунистъ Моисей Эрделевскій — осужденный за вооруженное сопротивленіе — къ 15 годамъ каторги. Онъ близкій родственникъ разстрѣляннаго анархиста Ев. Тарло.

Екатеринославъ. — Рабочій-анархистъ, оказавшій при арестѣ геройское вооруженное сопротивленіе, жертвой котораго были чины полиціи — о чемъ сообщилось въ № 16 Л. „Х. и В.", — оказался членомъ Екатер. группы А.-К., извѣстнымъ среди товарищей подъ кличкой «Ваньки» Амурскаго.

На дняхъ военно-окружный судъ приговорилъ (за вооруженное нападеніе и попытку бѣжать, отстрѣливаясь)—лицъ, подозрѣваемыхъ въ принадлежности къ анархистамъ, именуемыхъ Михайловымъ и Драновой (несовершеннолѣтняя)—къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ еще не выполненъ! Но товарищи могутъ быть казнены. Порукой тому новая «эра висѣлицъ»—открывая царскимъ правительствомъ въ Варшавѣ. Телеграфъ принесъ уже сообщеніе о 6-ти казняхъ. Теперь очередь за Екатеринославомъ!

За послѣднее время, въ разныхъ мѣстахъ совершенъ рядъ удачныхъ побѣговъ товарищей изъ тюремъ и другихъ мѣстъ заключенія. Пока, мы имѣемъ свѣденія о побѣгахъ слѣдующихъ анархистовъ: Ольги Таратуты, [осужденной къ смертной казни, съ замѣной 18 лѣтъ каторги по Либм. дѣлу] изъ Одесской тюрьмы. Изъ Сибири: Овсей Таратута («Саша») осужденный Виленской Судебной Палатой къ вѣчному посе-

ленію; сидѣлъ года полтора въ Петропавловской крѣпости; Густавъ Эрделевскій (родственникъ умершаго) и Борисовъ-«Черный» — каторжанинъ, осужденный за вооруженное сопротивленіе въ Одессѣ. Далѣе еще получились свѣденія, но подробностей еще не знаемъ, о побѣгѣ Архипа Кравца осужд. на 15 лѣтъ каторги, и «Греченка», еще не осужденнаго террориста. Оба были членами одесской группы.

Изъ Московской пересыльной тюрьмы сообщаютъ о новыхъ репрессіяхъ, примѣняемыхъ администраціей къ каторжанамъ анархистамъ. Начальникъ тюрьмы вывѣсилъ объявленіе въ которомъ угрожаетъ каторжанамъ „примѣненіемъ тѣлесныхъ наказаній за нарушеніе тюремной дисциплины". Смѣлая революціонерка Фрумкина стрѣляла въ начальника; ее предали военно-окр. суду. При обыскѣ въ тюрьмѣ, у каторжанки-анархистки Е. Эрделевской найденъ револьверъ.

Въ ближайшемъ будущемъ ожидаются военно-окруж. суды по дѣламъ анархистовъ въ Рязани, Симферополѣ и другихъ городахъ.

Въ Луцкѣ (Вол. губ.) произведены аресты и обыски. Это — по предписанію изъ Кіева. Полиція, по слухамъ, подозрѣвала, что въ Луцкѣ находится бѣжавшая анархистка Ольга Таратута. Всѣ эти аресты, имѣвшіе мѣсто въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Волыни [Житомірѣ и Луцкѣ] — ставятъ въ связи съ одной общей провокаціей. Подробности опубликуемъ — при первомъ удобномъ случаѣ.

Будемъ очень благодарны, если товарищи постоянно будутъ присылать всѣ свѣденія объ арестахъ, осужденіяхъ, побѣгахъ, казняхъ, случаяхъ вооруженныхъ сопротивленій среди анархистовъ-коммунистовъ, а также списки каторжанъ, и ссыльныхъ Сибири.

Рига. — Осужденные на каторгу анархисты-коммунисты высылаются этапомъ въ Сибирь: Крейцбургъ и Тирумнекъ на 8 лѣтъ, Королевъ и Рагулинъ на 12, и Бенсіонъ Шоцъ на 14 лѣтъ. Все время они содержатся въ тюрьмѣ въ самыхъ отвратительныхъ условіяхъ.

Екатеринославъ. — Здѣсь, 14 мая, произведены массовые обыски и аресты. Полиція ведетъ охоту на «анархистовъ». По подозрѣнію арестовано двѣ дѣвушки и 10 мужчинъ.

С.-Петербургъ. — Арестованный въ Новой Деревнѣ анархистъ Сергѣй Булакъ содержится въ Петропавловской крѣпости; остальные анарх.-ком. увезены въ Шлиссельбургъ.

Въ Екатеринославѣ 26 мая, въ рабочемъ поселкѣ Амуръ, между анар.-ком. и полиціей возникла перестрѣлка. Раненъ околодочный надзиратель; два анархиста убито, двое арестованы съ бомбами.

Въ Финляндіи, въ Тавастгусской губ., арестованъ членъ террористической организаціи анархистовъ, Сендалъ. При немъ, говорятъ, захвачено 22,000 марокъ.

Въ Брянскѣ, Орл. губ., произведены аресты. Полиція разыскиваетъ членовъ группы а.-к., „Братство", работающей на одномъ изъ заводовъ. Одинъ а.-к. отстрѣливался и опасно ранилъ полицейскаго офицера. Его увезли въ Орлов. тюрьму, будетъ преданъ военно-окружному суду.

Въ Москвѣ, среди многочисленныхъ арестовъ, мѣстныхъ и пріѣзжихъ анархистовъ, называютъ одного недавно бѣжавшаго изъ Сибири. Его узнали, говорятъ, по карточкѣ. Ихъ узнали сормовскіе шпіоны, и вмѣстѣ съ полиціей, хотѣли схватить ихъ. Началась перестрѣлка. Спиридоновъ, раненый въ ногу, былъ арестованъ, рядомъ съ нимъ палъ убитымъ его товарищъ, Филиппъ Рогожниковъ | рабочій, родомъ изъ Вятской губ., тоже бывшій соц.-дем., сидѣвшій въ Нижегор. тюрьмѣ и ставшій тамъ анархистомъ. Онъ бѣжалъ и жилъ нелегально | .

Л. Спиридоновъ все время велъ себя крайне вызывающе. Онъ отказался слушать свой приговоръ, отказался отъ «услугъ» попа, самъ подошелъ къ висѣлицѣ и надѣлъ на себя петлю....

Образъ этого смѣлаго, энергичнаго и преданнаго юноши сохранится въ памяти рабочихъ.

Намъ сообщаютъ подробности о казни анархиста-коммуниста Леонида Спиридонова, рабочаго изъ Сормово, повѣшеннаго въ Нижнемъ-Новгородѣ, еще въ январѣ 1907 года, по приговору военно-окружнаго суда.

Это былъ энергичный, смѣлый юноша, работавшій раньше съ соц.-демократами. Въ тюрьмѣ уже онъ познакомился съ анархизмомъ, черезъ нашихъ товарищей, сидѣвшихъ одновременно. За недостаткомъ уликъ, его освободили.

Выйдя изъ тюрьмы, Спиридоновъ организовалъ группу, которая и проявила себя въ рядѣ дѣйствій. Ей приписываютъ, между прочимъ, расправу съ извѣстнымъ извергомъ Кемаевымъ, который, завѣдуя въ Сормовѣ сыскною полиціею, жестоко избивалъ арестуемыхъ рабочихъ и пыталъ ихъ. До него уже раньше добирались с-ры, и въ «декабрьскіе дни» революціи онъ едва не погибъ отъ брошенной въ него бомбы. Онъ былъ раненъ въ руку револьвернымъ выстрѣломъ. Но ловкій сыщикъ продолжалъ усердствовать.

Его убили рабочіе на Сормовской жел. дор., по которой онъ ѣхалъ, переодѣтый, и эта месть вызвала тогда всеобщее ликованіе среди Сормовскихъ рабочихъ.

Спиридоновъ, послѣ этого, жилъ, скрываясь въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ былъ схваченъ на вокзалѣ. 2-го ноября, онъ съ нѣсколькими товарищами, былъ на главномъ вокзалѣ.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ФРАНЦІЯ.

Преслѣдованія рабочихъ организацій завершаются теперь рядомъ процессовъ. Наиболѣе громкій изъ нихъ, не столько по существу дѣла, сколько потому, что онъ касается дѣятелей очень извѣстныхъ и, кромѣ того, происходилъ въ Парижѣ, это — процессъ Буска и Леви [Буска — булочникъ, секретарь Федераціи пищевыхъ продуктовъ; Леви — кассиръ Всеобщей Конфедераціи Труда]. И тотъ и другой обвинялись въ произнесеніи рѣчей, въ которыхъ они призывали, по выраженію статьи закона, «къ воровству, грабежу, убійству и поджогу», т. е., въ данномъ случаѣ, къ дѣйствію «захватнымъ порядкомъ» (action directe) и «саботажу». *) Созданъ былъ этотъ процессъ самымъ произвольнымъ образомъ: основой для обвиненія послужили донесенія шпіоновъ, прокравшихся въ закрытое синдикальное собраніе; шпіоны слушали, конечно, усердно, но понимали мало, да кромѣ того и успѣли забыть: записывать они ничего не могли, чтобы не обратить на себя вниманія.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія юридической, улики противъ обвиняемыхъ не было никакихъ, но это былъ удобный случай устроить процессъ противъ главнаго врага современной французской буржуазіи — Всеобщей Конфедераціи Труда — и засудить двухъ видныхъ ея дѣятелей. — «Эти люди, говорилъ прокуроръ, объявили войну тому обществу, представителями котораго вы являетесь **). Сегодня они говорятъ — завтра будутъ дѣйствовать». Вся обвинительная рѣчь была такова: направлена не столько противъ Буска и Леви, сколько противъ самого рабочаго движенія. Такъ поняли ее и присяжные и вынесли соотвѣтственный приговоръ — обвинительный. Судъ приговорилъ обоихъ подсудимыхъ къ двухъ-годичному тюремному заключенію.

Интересно, что та самая пропаганда, за которую пострадали теперь Буска и Леви, велась и ими самими, и другими синдикалистами уже давно, печатно и устно, иногда на митингахъ,— гораздо болѣе многочисленныхъ, — и во время движеній болѣе обширныхъ, чѣмъ первомайская агитація этого года. Но правительство очевидно надѣялось парализовать это движеніе запрещеніемъ [времена Мильерана]; теперь же карты открыты, и положеніе ясно. Началась открытая борьба, и вся та пропаганда, которая раньше считалась дозволенной, теперь становится худшимъ изъ преступленій.

Въ своихъ рѣчахъ, Буска и Леви напомнили, между прочимъ, о томъ, какъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время дѣла Дрейфуса, теперешніе правители Франціи, бывшіе тогда на роляхъ революціонеровъ, заискивали передъ рабочими организаціями: рабочіе были тогда имъ нужны, какъ сила, которая одна только могла, въ случаѣ надобности, охранить ихъ отъ реакціоннаго государственнаго переворота. Прибавимъ отъ себя, что то же самое было и съ анархистами: повсюду, гдѣ нужно было сражаться съ бандами націона-

*) Саботажъ значитъ: «за худую плату — худая работа»; а если хозяинъ воюетъ противъ рабочихъ, то начинается порча рабочими матеріяла и машинъ. Англійскіе и въ особенности американскіе рабочіе союзы широко практикуютъ этотъ способъ борьбы, и онъ оказывается очень дѣйствительнымъ. Во время одной стачки въ Гринвичѣ, лѣтъ 10 тому назадъ, всѣ машины, очень дорогія, были испорчены трепеломъ, пущеннымъ вмѣстѣ со смазочнымъ масломъ (послѣ неудавшейся стачки). Машины были испорчены, и громадный морской заказъ былъ весь забракованъ.

**) По самому способу вербовки, присяжными во Франціи всегда оказываются лавочники и хозяева разныхъ промышленныхъ предпріятій.

листовъ и антисемитовъ, они были первыми; къ нимъ видные дрейфузары изъ буржуазіи — руководители движенія — прямо обращались съ вопросомъ: „какими силами вы располагаете для защиты? какое у васъ оружіе?" и т. д. Теперь, когда опасность монархическаго coup d'état окончательно миновала, — «внезапно полѣвѣвшіе» въ тѣ времена оппортюнисты и радикалы вернулись къ своему естественному положенію. Клемансо, Бріанъ и Пикаръ — у власти, и былыя обѣщанія, уничтожить спеціальные законы противъ анархистовъ, упразднить военные суды и проч., забыты давно. Пикаръ — военный министръ, — защищаетъ военные суды; Клемансо, радикалъ-соціалистъ, на каждомъ шагу привлекаетъ къ суду революціонеровъ, на основаніи исключительныхъ законовъ; Бріанъ, написавшій въ свое время смѣлую брошюру о всеобщей стачкѣ, преслѣдуетъ синдикаты государственныхъ служащихъ. Въ этомъ—одно изъ преимуществъ демократической республики: нигдѣ такъ ясно не видна эта перемѣна точки зрѣнія людей, смотря по тому, — по сію или по ту сторону баррикады находится человѣкъ.

12-го іюня начался другой рабочій процессъ — въ Нантѣ, въ Бретани. Опять обвиняются два видныхъ дѣятеля Всеобщей Конфедераціи Труда — Маркъ и Ивто (Yvetot). Ивто особенно извѣстенъ: онъ — секретарь Федераціи Биржъ Труда и видный ораторъ. По убѣжденіямъ онъ — анархистъ, ведущій въ особенности антимилитарную пропаганду, за которую онъ судился уже не мало разъ, чуть ли не во всѣхъ судахъ Франціи. Теперь, его и Марка обвиняютъ въ томъ, что, явившись въ Нантъ въ качествѣ делегатовъ отъ Конфедераціи для поддержанія стачки въ докахъ, они говорили тамъ зажигательныя рѣчи, опять-таки съ призывами къ «воровству, грабежу, убійству и поджогу». Ивто, кромѣ того, обвиняютъ еще и въ антимилитарной пропагандѣ. Всѣ эти обвиненія построены, какъ и въ парижскомъ процессѣ, на шпіонскихъ показаніяхъ, какъ и всегда нелѣпыхъ; въ данномъ случаѣ, нантскіе шпіоны были настолько недогадливы, что приписали одному изъ подсудимыхъ (Ивто) рядъ злокрадныхъ фразъ, въ которыхъ встрѣчаются разныя мѣстныя, чисто бретонскія, выраженія, которыхъ Ивто, въ качествѣ настоящаго парижанина, даже не знаетъ. Но все это, конечно, не имѣетъ никакого значенія, и нантскіе присяжные окажутся, навѣрное, не хуже парижскихъ, на высотѣ своей задачи: избавить буржуазію отъ двухъ видныхъ синдикалистскихъ дѣятелей. Правительство все еще думаетъ, что все зло происходитъ отъ «подстрекателей», и что не будь въ Конфедераціи кучки анархистовъ, все шло бы отлично.

Ивто они приговорили къ 4 годамъ тюрьмы, а Марка на 1 годъ.

ГОЛЛАНДІЯ.

Недавно состоялся въ Гарлемѣ третій съѣздъ голландской Федераціи свободныхъ коммунистовъ, т. е. анархистовъ. Главнымъ предметомъ занятій съѣзда была на этотъ разъ выработка программы будущаго амстердамскаго конгресса (мы говоримъ объ этомъ отдѣльно); затѣмъ были прочитаны доклады о финансовомъ и организаціонномъ положеніи Федераціи, обсуждались вопросы о новыхъ изданіяхъ (прокламаціяхъ, брошюрахъ). Рѣшено расширить издававшійся до сихъ поръ органъ и сдѣлать его еженедѣльнымъ. Кромѣ того, этому органу — который будетъ носить названіе „De vrije Communist" (Свободный Коммунистъ) рѣшено придать болѣе боевой характеръ. Остальныхъ вопросовъ мы не отмѣчаемъ, потому что они имѣютъ слишкомъ мѣстный и спеціальный интересъ.

АМСТЕРДАМСКІЙ КОНГРЕССЪ.

Конгрессъ соберется въ концѣ августа, отъ 26 го до 31-го. Товарищи, занимающіеся организаціей его, выработали для удобства обсужденія вопросовъ слѣдующій планъ: въ виду того, что докладовъ по поставленнымъ вопросамъ будетъ много и читать ихъ всѣ на засѣданіяхъ окажется невозможнымъ, предлагается избрать по каждому изъ вопросовъ двухъ товарищей, которые изучатъ доклады и познакомятъ съ ними вкратцѣ остальныхъ вначалѣ каждаго засѣданія съѣзда. Пока вопросы распредѣляются такъ [по порядку обсужденія ихъ]:

1. Анархизмъ и синдикализмъ. Докладчики: Монаттъ (Парижъ) и Тернеръ (Лондонъ).

2. Всеобщая стачка и политическая стачка. Докладчики: Фридбергъ [Берлинъ] и Малатеста [Италія].

3. Анархизмъ и организація. Докладчики: Тонаръ (Бельгія) и Дюпуа [Парижъ].

4. Антимилитаризмъ какъ тактика анархизма. Докладчики: Мармандъ [Парижъ] и Рамусъ [Лондонъ].

5. Производительныя ассоціаціи и анархизмъ. Докладчики: Ландауеръ [Германія], ванъ Эденъ (Голландія), Шапелье [Бельгія], Самсонъ [Голландія].

6. Русская революція. Русскимъ группамъ предлагается назначить докладчика.

7. Алкоголизмъ и анархизмъ. Докладчикъ: ванъ-Ресъ [Голландія].

8. Современная литература и анархизмъ. Докладчикъ: Рамусъ.

Два засѣданія [28-го и 30 го утромъ] будутъ засѣданіями частнаго характера, т. е. на нихъ приглашаются присутствовать только тѣ товарищи, которые согласны съ проэктомъ основанія Анархическаго Интернаціонала. *) Въ этихъ засѣданіяхъ будутъ обсуждаться слѣдующіе вопросы:

1. Организація Анархическаго Интернаціонала [Предложеніе Анархическо-Коммунистической организаціи Бельгіи].

2. Составленіе принципіальной анархо-коммунистической деклараціи. [Предложеніе Анархической Федераціи Германіи].

3. Созданіе Международнаго Бюллетеня, органа для доставленія свѣденій о движеніи [Предложеніе португальской газеты „Terra Livre"].

Программа эта была выработана на съѣздѣ голландскихъ анархистовъ [мы беремъ ее изъ № 4 бельгійскаго „Бюллетеня анархическаго Интернаціонала"]; но само собою разумѣется, что съѣздъ можетъ ее совершенно измѣнить.

Русскіе товарищи до сихъ поръ ничѣмъ не проявили своего отношенія къ конгрессу — ни положительнаго, ни отрицательнаго. Не говоря уже о томъ, что въ числѣ поставленныхъ вопросовъ имѣется вопросъ чему учитъ международныхъ революціонеровъ русская революція? — нашимъ товарищамъ, вообще, не слѣдовало бы упускать случая ближе ознакомиться съ заграничнымъ движеніемъ и завязать съ нимъ болѣе прочныя связи. Можетъ быть и опытъ страны, гдѣ анархическое движеніе возникло раньше нашего, могъ бы насъ кое-чему научить и предотвратить кое-какія ошибки.

ЯПОНІЯ.

Намъ пишутъ изъ Японіи, что прямымъ результатомъ ужитыхъ условій созданныхъ въ Японіи послѣ послѣдней войны, началось быстрое развитіе въ странѣ революціоннаго соціализма. Напрасно министръ Макино старался помѣшать этому развитію, онъ былъ безсиленъ. Тактика японскихъ соціалистовъ становится все болѣе и болѣе революціонною, и на послѣднемъ конгрессѣ партіи, въ Токіо, въ прошломъ февралѣ, партія почти отказалась отъ политической агитаціи и приняла, подобно французскимъ синдикалистамъ, прямое дѣйствіе [action directe].

Со времени этого конгресса, партія запрещена въ Японіи, и мы перестали получать ея органъ.

За то новая газета, The Revolution, издаваемая въ Oakland, California, на японскомъ языкѣ [литогр.] съ двумя стран. по англійски, въ которой участвуютъ Кіши Канеко и нашъ товарищъ Котоку, ведетъ вполнѣ революціонную линію, въ особенности она очень удачно проповѣдуетъ революціонную рабочую агитацію.

БИБЛІОГРАФІЯ.

„Извѣстія". Общественно-политическая и литературная газета. № 1. Воскресенье 29 апр. 1907 г. Ред.-Изд. П. С. Ширскій (эс.-эръ; членъ Гос. Думы) 8. стр.—32 столбца.

Съуженіе горизонта, ограниченіе круга интересовъ эсъ-эровъ, отдавшихся парламентской дѣятельности, прекрасно характеризуется тѣмъ матеріаломъ, которымъ заполненъ ихъ легальный партійный органъ. Они не съумѣли сдѣлать изъ него лучшаго употребленія, какъ превратить его въ

*) Такъ какъ самый вопросъ объ основаніи анархическаго Интернаціонала оказывается еще крайне спорнымъ, то такое предрѣшеніе его, предлагаемое голландскими товарищами, едва-ли будетъ допущено конгрессомъ, который несомнѣнно захочетъ самъ выслушать доводы за и противъ, раньше чѣмъ высказываться въ ту или другую сторону.

П. Кр.

арену полемики — и довольно своеобразной — съ кадетами.

И изъ легальныхъ и изъ нелегальныхъ органовъ эсъ-эровъ явствуетъ, что съ вступленіемъ ихъ на парламентскую почву, между ними и кадетами по существу нѣтъ никакой разницы, какъ это вполнѣ правильно отмѣчено кадетской «Рѣчью».

Ясно, что при такихъ условіяхъ «полемика» ихъ не можетъ не свестись къ словесному отграниченію себя отъ кадетовъ при помощи брани и негодующаго пафоса.

Напрасно, поэтому, парламентствующіе эсъ-эры стараются уничтожить кадетовъ слѣдующими грозными выпадами: кадеты «беззаботные дѣльцы на рынкѣ революціи, игравшіе раньше на повышеніе, играющіе теперь на пониженіе»; «жулры на аренѣ исторіи, у которыхъ умъ достаточно гибокъ, чтобы находить подобающее объясненіе каждому новому повороту ихъ не менѣе гибкой совѣсти» — не безъ тайной мысли, подобно нѣкоему евангельскому мужу: «благодарю тебя, господи, что ты создалъ меня не такимъ». Гибкость ума и совѣсти въ большей или меньшей степени — непремѣнная принадлежность всякаго парламентарія, что, увы, доказали уже своей недолговременной практикой и другія партіи, бывшія не такъ давно революціонными. Богъ Парламентаризмъ, это безпощадный Молохъ пожирающій убѣжденія и совѣсть тѣхъ своихъ поклонниковъ, которые обладали ими.

Это начинаютъ сознавать уже и русскіе рабочіе, прислушивающіеся къ урокамъ жизни.

Газета нашла возможнымъ удѣлить немножко мѣста [около трехъ столбцовъ] «жизни рабочихъ». Подъ такой рубрикой помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія о «союзѣ рабочихъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ». Союзъ этотъ, обнимая пока небольшую часть рабочихъ текстильной промышленности, намѣтилъ уже правильный путь своего дальнѣйшаго развитія, что выяснилось на конференціи, состоявшейся въ февралѣ текущаго года.

Конференціею, между прочимъ, постановлено приступить къ усиленной организаціи рабочихъ въ профессіональные союзы и вести широкую агитацію за всеобщую областную забастовку; принята резолюція о привлеченіи женщинъ въ профессіональный союзъ (единогласно); постановлено праздновать 1-е мая, руководящимъ органомъ признано областное бюро.

Въ общемъ, какъ видно, движеніе выливается въ интернаціональныя формы синдикализма. Это еще болѣе бросается въ глаза, если принять во вниманіе стремленіе освободиться отъ партійнаго гнета. Правда, на конференціи съ этимъ вопросомъ вышла нѣкоторая заминка — хотя вопросъ о партійной нейтральности и былъ поставленъ въ порядокъ дня, но былъ обойденъ, а подъ давленіемъ одного делегата изъ с-дековъ, высказавшагося за необходимость войти въ соглашеніе съ соц.-дем. партіей (это — послѣ оффиціальнаго оповѣщенія партіи о нейтральности союзовъ), было постановлено, что «объявленіе и способы осуществленія всеобщей областной забастовки въ текстильной промышленности района должны быть сдѣланы по соглашенію съ соціалистическими партіями». Но и въ Лодзинскомъ союзѣ, организованномъ Бундомъ, отмѣчается, какъ одна изъ причинъ неудачъ борьбы за послѣднее время — отсутствіе единой нейтральной профессіональной организаціи. Редакція же петербургскаго районнаго союзнаго органа извѣщаетъ: «для борьбы между партіями въ союзѣ нѣтъ и не можетъ быть мѣста. Его боевыя дѣйствія одинаково объединяютъ всѣхъ рабочихъ текстильной промышленности — и темныхъ и сознательныхъ, и большевиковъ и меньшевиковъ, и с—ровъ и народн. соціалистовъ и всѣхъ, кому дорого рабочее дѣло». Можно надѣяться, что скоро текстильный союзъ, а за нимъ и другіе русскіе профессіональные союзы придутъ къ сознанію необходимости бороться за рабочее дѣло своими рабочими средствами, примутъ методъ „прямого воздѣйствія" и сольются въ одну великую международную семью обездоленныхъ, на почвѣ борьбы за полное освобожденіе отъ гнета капитала и государства.

Цифровыя данныя о союзѣ, поскольку ихъ можно уловить изъ статьи таковы:

Москва — около 3100 чел., Кострома — 1827 (февр. 1907. Въ іюлѣ 1906 было 324). Тверь — 150, Кинешма — 600; Петербургъ — около 700 человѣкъ.

Имѣется въ газетѣ еще хроника деревни, но новыхъ данныхъ въ ней нѣтъ. Голодъ, суровый сборъ податей, «бунты», расправа, снова «аграрныя волненія» и снова усмиренія и т. д. въ цѣломъ ряду губерній,— но все это извѣстно и изъ другихъ источниковъ.

Вл. З.

Мы получили слѣдующее постановленіе товарищей анархистовъ-коммунистовъ въ Парижѣ:

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ виду все чаще повторяющихся обвиненій Толстымъ-Ростовцевымъ товарищей въ провокаціи и въ виду того, что это деморализующе вліетъ на анархическую работу и ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ, собраніе увѣдомляетъ товарищей въ Россіи и заграницей, что обвиненіямъ въ провокаціи выставляемымъ Толстымъ-Ростовцевымъ безусловно нельзя вѣрить, и что никакія организаціонныя отношенія съ Толстымъ-Ростовцевымъ въ силу этого невозможны.

Собраніе 19-ти товарищей анарх.-коммунистовъ разныхъ фракцій.

30-го мая Парижъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено изъ Виннипега, чер. М. Ф., въ пользу Листковъ, 1 дол.

Убѣдительно просимъ всѣхъ нашихъ подписчиковъ, если они находятъ газету интересной, — возобновить подписку безъ промедленія. Лѣтомъ, всѣ поступленія всегда уменьшаются, и это чувствуется на нашей газетѣ.

Вышли изъ печати брошюры:

1) РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И АНАРХИЗМЪ

Сборникъ статей, подъ редакціей Петра Кропоткина.

Цѣна: 3 пенса; 40 сантимовъ; 10 сентовъ.

Такъ какъ первыхъ нумеровъ Листковъ „Х. и В." осталось уже очень мало для продажи, то мы издали подъ этимъ заглавіемъ доклады Вѣтрова, Забрежнева, Изидина, Корнъ и Кропоткина, о Революціи, политической и экономической; о нашемъ отношеніи къ крестьянскимъ и рабочимъ союзамъ, о террорѣ, объ организаціи, о нашемъ отношеніи къ существующимъ политическимъ партіямъ и о всеобщей стачкѣ, напечатанные въ первыхъ семи нумерахъ.

2) ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

П. Кропоткина.

(Статьи напечатанныя въ „Л. Х. и В.", съ дополненіями.)

Цѣна: 2 пенса; 25 сантимовъ; 5 сентовъ.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шиллингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.
Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.
E. Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O: Kushniaroff, 163, Jubilee Street, Mile End, London, E.

ЛИСТКИ
„ХЛѢБЪ и ВОЛЯ.“

ОРГАНЪ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ

№. 18 — ГОДЪ ПЕРВЫЙ 5 ІЮЛЯ 1907 г.

ДОВОЛЬНО ИЛЛЮЗІЙ!

Съ роспускомъ второй Государственной Думы закончился первый періодъ Русской революціи. Періодъ иллюзій.

Начались эти иллюзіи съ того дня, какъ Николай II, приведенный въ ужасъ всеобщею стачкою въ октябрѣ 1905-го года, подписалъ манифестъ, которымъ обѣщался созвать народныхъ представителей и править Россіею при ихъ помощи.

У всѣхъ свѣжо еще въ памяти, при какихъ условіяхъ были вырваны эти уступки. Вся промышленная, торговая и административная жизнь Россіи внезапно была остановлена всеобщею забастовкою. Не революціонеры, не политическія партіи вызвали и организовали это грандіозное проявленіе народной воли. Оно началось въ Москвѣ и быстро расплылось по всей Россіи въ силу одного изъ тѣхъ великихъ, стихійныхъ, народныхъ движеній, которыя иногда охватываютъ милліоны людей, заставляютъ ихъ дѣйствовать въ одномъ направленіи съ поразительнымъ единодушіемъ, и тѣмъ самымъ совершаютъ чудеса.

Фабрики и заводы замолкли, желѣзныя дороги остановились, пищевые запасы лежали грудами на станціяхъ и не доходили до городовъ, гдѣ голодали массы бѣднаго народа. Мракъ и мертвая тишина на улицахъ наводили ужасъ на правителей, остававшихся безъ всякихъ извѣстій изъ внутренней Россіи, такъ какъ почта и телеграфъ тоже бездѣйствовали.

Только страхъ за себя и своихъ заставилъ тогда Николая II-го согласиться на представленія Витте и созвать Думу. Только страхъ передъ трехъ-сотъ-тысячною толпою, наводнившею улицы Петербурга и готовою штурмовать тюрьмы, заставилъ его, черезъ три дня, согласиться на амнистію.

Казалось бы, никакой вѣры не слѣдовало давать вырваннымъ такимъ образомъ, слабымъ началамъ конституціонныхъ свободъ. Опытъ исторіи доказалъ, особенно въ 1848 году, что октроированныя, т. е. дарованныя свыше конституціи ничего не стоятъ, если народъ сейчасъ-же, какою нибудь существенною побѣдою, купленною цѣною крови, не обратитъ уступокъ бумажныхъ въ уступки дѣйствительныя, и не расширитъ самъ свои права, *начавши самовольно перестройку* жизни на началахъ мѣстной независимости.

Уступившіе изъ страха властители даютъ въ такихъ случаяхъ улечься народному пылу и ликованію, подготовляютъ вѣрныя имъ войска, составляютъ списки агитаторовъ, которыхъ нужно будетъ арестовать, или просто истребить, и черезъ годъ или черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, берутъ назадъ свои обѣщанія и разстрѣливаютъ народъ, вымещая на немъ пережитой страхъ и униженія.

Но Россія столько натерпѣлась за послѣдніе полъ-вѣка, и голода, и всякихъ звѣрствъ, и бахвальства со стороны своихъ представителей, а русская интеллигенція такъ изстрадалась за эти годы кровавой, неравной борьбы, — что первыя уступки вѣроломнаго Романова были приняты за чистую правду. Россія ликовала и праздновала новую эру свободы.

Мы говорили уже въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ, какъ злой и вѣроломный Николай II, со своими родственниками, въ тоже самое время, въ тотъ самый день, какъ подписывалъ октябрьскій манифестъ и утверждалъ либеральную программу министерства, назначалъ въ Петергофѣ тайное правительство Трепова, чтобы парализовать эти самыя реформы; какъ въ тѣ же самые дни ликованій, когда народъ съ вѣрою относился къ царю, жандармское управленіе, по волѣ назначеннаго царемъ тайнаго правительства, спѣшно печатало прокламаціи, призывая къ избіенію интеллигентовъ и евреевъ, и посылало своихъ агентовъ, организовать погромы и разгромы; и какъ эти агенты поднимали громилъ, жгли интеллигентовъ въ Твери и Томскѣ, разстрѣливали ликующія на улицахъ толпы народа, съ ихъ женами и дѣтьми; и какъ, наконецъ, Треповъ — правая рука царя — приказывалъ „патроновъ не жалѣть“ при разстрѣливаніи народныхъ демонстрацій.

Большинство догадывалось, откуда шла эти погромы: Но тутъ опять случилось съ нашими радикалами то, что случалось уже раньше. Они такъ плохо знали, что творилось въ правящихъ кружкахъ (и такъ же плохо знаютъ до сихъ поръ),что объ вѣроломной политикѣ Николая II достовѣрно начали узнавать только семь или восемь мѣсяцевъ спустя, изъ доклада Урусова въ первой Думѣ. Да и тогда, по россійскому добродушію, продолжали говорить, что виноватъ не царь, а его совѣтники. Онъ, молъ, слишкомъ мягокъ, чтобы быть хитрымъ; тогда какъ на дѣлѣ — и въ этомъ начинаютъ теперь убѣждаться — онъ слишкомъ злой человѣкъ — именно злой — чтобы не быть вѣроломнымъ.

Тѣмъ временемъ, когда тайное Петергофское правительство разсылало своихъ агентовъ устраивать погромы и разстрѣлы, и напускало на крестьянъ орды казаковъ, озвѣрѣвшихъ на полицейской службѣ, наши радикалы и соціалисты мечтали уже о „парламентѣ“, складывались въ парламентскія партіи, съ ихъ неизбѣжными интригами и партійною рознью, и воображали себя уже обладателями

всего конституціоннаго обихода, который вѣками слагался въ Англіи.

Только окраины Россіи поняли, что слѣдовало тутъ же, сейчасъ, пользуясь дезорганизаціею правительства, взятаго въ расплохъ, поднимать возстаніе и, не дожидаясь ничего отъ ублюдочной „самодержавной конституціи", ломать мѣстныя учрежденія, которыми держится власть теперешняго правительства на всемъ пространствѣ россійской имперіи. Возстали въ этомъ смыслѣ только Латыши, Гурія, съ Запад. Грузіею, да Восточно-Сибирская желѣзная дорога, причемъ Гурійцы и Латыши показали, какъ слѣдовало-бы дѣйствовать народному возстанію: они сейчасъ же начали организовать на мѣстахъ, въ деревняхъ, свое новое революціонное самоуправленіе.

Къ сожалѣнію, эти возстанія на окраинахъ не нашли поддержки, ни со стороны своихъ ближайшихъ сосѣдей, ни, еще менѣе, со стороны центральной Россіи и Польши. Даже тамъ, гдѣ возставали деревни въ средней Россіи, — города ихъ не поддержали. Ничего не случилось подобнаго тому, что было въ іюлѣ 1789-го года когда городское населеніе восточной Франціи возставало, прогоняло свои старые, одряхлѣвшіе муниципалитеты и, дѣйствуя снизу вверхъ, начинало съ организаціи „отдѣловъ", перестраивало само все городское управленіе, не дожидаясь ни королевскихъ ни парламентскихъ законовъ. Даже попытка возстанія въ Москвѣ не встрѣтила достаточной поддержки въ массѣ народа и не сумѣла выставить лозунгомъ того, что дѣлало всѣ революціи — независимую, самоуправляющуюся городскую общину.

Годы вколачиванія въ головы русскихъ революціонеровъ нѣмецкихъ идеаловъ государственной централизаціи и партійной дисциплины, при безнадежной скудости партійныхъ идеаловъ, принесли свои плоды. Наши революціонныя партіи геройски шли въ народную борьбу, но революціонныхъ лозунговъ онѣ не сумѣли выставить. Если они и носились смутно у народа, то опредѣленно высказать ихъ было некому.

Отдѣльныя возстанія были задавлены. Поѣзда Семеновцевъ шли изъ Петербурга въ Москву, и ихъ пропускали, въ ожиданіи откуда-то какихъ-то „директивъ". Карательная экспедиція Меллера-Закомельскаго выѣхала изъ Челябинска и прошла безнаказанно до Читы, и не смотря на забастовку по линіи Сибирской дороги — ее пропускали!! Звѣроподобныя экспедиціи Орлова свирѣпствовали въ Балтійскомъ краѣ, но Латыши не нашли поддержки въ Западномъ Краѣ и Польшѣ. Гурію лоскомъ раззорили царскія орды, а тамъ гдѣ зашевелились русскіе крестьяне, казаки свирѣпствовали не лучше опричниковъ полоумнаго царя Ивана...

А тѣмъ временемъ, наивная, — глупо наивная вѣра въ Думу продолжала держаться. Не то, чтобы на нее смотрѣли, какъ на одну изъ помѣхъ своеволію опричниковъ, которая въ своей ограниченной сферѣ дѣйствія тоже могла бы способствовать нѣкоторому обузданію расходившихся Петергофцевъ..... Нѣтъ! На нее смотрѣли, какъ на будущій оплотъ законности, — почему? — „Потому что", твердили наши наивные интеллигенты, „самодержавіе не можетъ продержаться безъ займа, а иностранные банкиры не дадутъ денегъ взаймы, если Дума не утвердитъ займа". И говорили это въ то самое время, когда французское и даже англійское правительства обезпечивали новый заемъ, — конечно не безъ гарантій, — такъ какъ хотѣли вовлечь Россію въ затѣваемую ими войну противъ Германіи *).

Даже роспускъ первой Думы и военно-полевые суды не отрезвили нашихъ добродушныхъ политиковъ. Они все еще вѣрили въ волшебную силу Думы и въ возможность полученія черезъ нее конституціи. Самый характеръ занятій, какъ первой, такъ и второй Думы это доказываетъ.

Есть слова, — „крылатыя слова" — которыя облетаютъ весь міръ, одухотворяютъ людей, даютъ имъ рѣшимость идти на бой, на смерть. И если Дума не могла провести ни одного закона, который дѣйствительно измѣнилъ бы порядокъ русской жизни, — то можно было бы ждать, по крайней мѣрѣ, что она произнесетъ такія слова. Въ революціонную пору, когда все еще приходится ломать, и строить ничего еще нельзя, порывы энтузіазма бываютъ могучѣе всего остальнаго. Слова, лозунги, въ такихъ условіяхъ, сильнѣе всякаго провотированнаго „закончика" — такъ какъ закончикъ неизбѣжно будетъ компромиссомъ духа будущаго со старою гнилью.

Версальская Палата 1789-го года жила за одно съ Парижемъ. Они реагировали другъ на друга. И развѣ голытьба Парижа возстала бы 14-го іюля, если бы за три недѣли передъ тѣмъ Третье Сословіе Палаты не произнесло своей клятвы не расходиться, не измѣнивъ всего строя страны. Пускай, была театральность въ ихъ клятвѣ; пускай намъ извѣстно теперь, что не возстань Парижъ, они покорно разошлись бы, какъ наша Дума, — то были однако слова, которыя окрылили всю Францію, весь міръ. А когда Палата выработала, и провозгласила „Права Человѣка", то революціонное сотрясеніе новой эры пронеслось по всему міру.

Точно также мы знаемъ теперь, что французскій король не пропустилъ бы никакого закона объ отчужденіи, даже съ выкупомъ, помѣщичьихъ феодальныхъ правъ; знаемъ, что даже сама Палата (какъ наши кадеты) не захотѣла бы этого.... Но что за дѣло!... Палата все таки выпустила такой сильный призывный лозунгъ, какъ статья первая принципіальной резолюціи 4-го августа: „*Феодальныя права уничтожены*". Въ сущности это было только голословное заявленіе, но крестьяне, умышленно смѣшивая принципіальное заявленіе (резолюцію) съ закономъ, на дѣлѣ порѣшили, никакихъ феодальныхъ повинностей больше не платить.

Конечно, то были *слова*, но *такія* слова двигали революціи.

И наконецъ, были также не одни слова, такъ какъ, пользуясь растерянностью правительства, французскіе представители смѣло начали ломку старыхъ мѣстныхъ учрежденій и дали народу, вмѣсто земскихъ судей и старыхъ магистратовъ, общинные и городскіе муниципалитеты, которые и стали главною силою революціи.

„Иныя времена, иныя условія", скажутъ намъ. Безспорно такъ. Но и иллюзіи тоже помѣшали понять истинное положеніе дѣлъ въ Россіи. Наши депутаты и политики вообще до того вѣрили въ магическую силу самаго слова „представители народа", и до того они

*) Точно десять разъ банкротившаяся Турція не получала новыхъ и новыхъ займовъ, даже на новыя войны. Точно западные банкиры сами не стремятся довести, какъ можно больше государствъ до того-же положенія, что Греція и Египетъ, т. е. до того, что консорціумъ банкировъ беретъ въ обезпеченіе долговъ управленіе частью государственныхъ доходовъ, или же госуд. имуществъ; и точно Русскіе грабители поконфузятся отдать въ закладъ не початые еще запасы государственныхъ жел. дорогъ, рудниковъ, водочной монополіи и т. д.!...

недоцѣнивали силу стараго порядка, что никто не вдумался въ вопросъ — „чѣмъ же такимъ должна быть русская революція?"

Впрочемъ, ошибались не одни тѣ, кто вѣрилъ въ магическую силу Думы. Ошибались и наши товарищи, анархисты, когда думали, что довольно будетъ геройскихъ актовъ небольшой кучки людей, чтобы разрушить вѣками выстроившуюся крѣпость стараго порядка. Тысячи такихъ геройскихъ актовъ были совершены, тысячи героевъ погибли, но старый порядокъ продолжаетъ существовать и давитъ все молодое и живое....

Да, пора иллюзій завершилась. Первый штурмъ отбитъ — и надо готовить второй, но уже понимая всю силу стараго порядка и готовя для нападенія болѣе широкую основу, чѣмъ прежде. Безъ вмѣшательства народной массы не можетъ быть революціи, и нужно всѣ силы теперь направить на то, чтобы въ бой вступила эта масса, которая одна въ силахъ парализовать арміи стараго міра и разрушить его твердыни.

Нужно вездѣ, по всей Россіи, въ каждой ея части и по всей ея поверхности начать эту работу. Довольно иллюзій, довольно надеждъ на Думу, или на горсточку героевъ-искупителей. Нужно выступленіе народной массы, самой, непосредственно, для великой всеобщей ломки. А выступить можетъ эта масса, только во имя ея коренныхъ, прямыхъ, народныхъ нуждъ.

Земля — народу; фабрика, заводъ, желѣзная дорога, и прочее — рабочему; повсюду — вольная революціонная община, берущая въ свои руки веденіе народнаго хозяйства, и все это — совершаемое не гдѣ-то тамъ въ Петербургѣ чиновниками или думцами, а у себя, вездѣ, въ каждомъ городѣ и деревнѣ самимъ народомъ, — таковъ долженъ быть лозунгъ втораго, наступившаго теперь періода Русской революціи.

П. Кропоткинъ.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ СИНДИКАЛИЗМЪ И СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ.

II.

Современный революціонный синдикализмъ — явленіе новое только для людей настоящаго поколѣнія: наши отцы знали, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, грандіозное движеніе въ значительной степени проникнутое тѣмъ же духомъ — движеніе Интернаціонала, Международнаго Общества рабочихъ.

Эпоха Интернаціонала и его организація имѣютъ для исторіи соціализма рѣшающее значеніе: здѣсь соціалистическая идея сблизилась окончательно съ практическимъ, реальнымъ движеніемъ рабочихъ массъ и сдѣлалась *ихъ* идеей; здѣсь же возникли и оформились главныя, до сихъ поръ существующія, теченія соціалистической мысли. Въ немъ же, въ Интернаціоналѣ, проявился впервые и основной расколъ въ соціализмѣ: между соціалистами-государственниками и соціалистами анти-государственниками (анархистами), расколъ, который впослѣдствіи, по мѣрѣ разработки программъ и провѣрки ихъ на дѣлѣ, углублялся все дальше и дальше и привелъ къ такой непримиримой враждѣ, передъ которой, увы! часто блѣднѣетъ вражда къ непосредственному, общему врагу.

Тѣ взгляды, которые мы теперь называемъ революціонно-синдикалистскими, имѣютъ въ Интернаціоналѣ своимъ источникомъ то самое направленіе, отъ котораго ведетъ свое начало и анархизмъ въ точномъ смыслѣ слова. Мнѣ уже пришлось ссылаться на статью Бакунина, „Политика Интернаціонала", помѣщенную въ газетѣ „Egalité" въ 1869 году. „Буржуазные соціалисты", о которыхъ говоритъ Бакунинъ, — не марксисты Интернаціонала (которые въ то время еще не выдвинули съ полной ясностью теоріи завоеванія власти и участія въ парламентской дѣятельности), а буржуазные либералы Лиги Мира и Свободы. И однако, полемизируя съ ними, Бакунинъ дѣлаетъ имъ тѣ же возраженія, какія дѣлаемъ мы теперь нашей соціальдемократіи. „Это безошибочный признакъ, по которому рабочіе могутъ узнать фальшиваго соціалиста, соціалиста буржуазнаго: если, говоря имъ о революціи или о соціальномъ переворотѣ, онъ говоритъ имъ, что политическій переворотъ *долженъ предшествовать* перевороту экономическому.... пусть рабочіе повернутъ ему спину, потому что онъ или просто глупъ, или лицемѣрный эксплуататоръ" *). Истинный соціалистъ стремится къ одновременному осуществленію политическаго и экономическаго переворота; Интернаціоналъ, вѣрный основному пункту своихъ статутовъ о подчиненіи всякаго политическаго движенія экономическому, „придаетъ рабочей агитаціи всѣхъ странъ характеръ исключительно экономическій" (стр. 31). Средства этой агитаціи — *объединеніе рабочихъ массъ* и организація *кассъ сопротивленія* **). Борьбѣ рабочихъ противъ хозяевъ, на почвѣ чисто рабочихъ интересовъ, Бакунинъ придаетъ громадное значеніе. Положеніе рабочей массы таково, говоритъ онъ, что надѣяться развить и подготсвить ее къ революціи исключительно путемъ теоретической пропаганды — нельзя. „Имъ остается только одинъ путь, *путь практическаго освобожденія*. Какова же можетъ и должна быть эта практика? Существуетъ только одна: это — солидарная борьба рабочихъ противъ хозяевъ. *Это — рабочіе союзы, организація и федерація кассъ сопротивленія*" (стр. 19).

Это ли не современный намъ „революціонный синдикализмъ"?

Въ послѣдующіе годы различіе между двумя фракціями Интернаціонала, до тѣхъ поръ скрытое, стало явнымъ. Уже въ 1870 году, резолюціи обѣихъ частей расколовшейся — послѣ конгресса въ Шо-де-Фонѣ — романской федераціи, ясно обнаруживаютъ противуположность основныхъ точекъ зрѣнія. Резолюція большинства высказываетъ мысль о необходимости замѣны *политическаго* общества *экономическимъ*, о томъ, что всякое государство есть ничто иное какъ организованная буржуазная эксплуатація, и что всякое участіе рабочаго класса въ буржуазной правительственной политикѣ ведетъ только къ упроченію существующаго порядка вещей. Въ заключеніе говорится:

„Романскій конгрессъ приглашаетъ всѣ секціи Международнаго Общества рабочихъ отказаться отъ всякой дѣятельности, имѣющей цѣлью произвести соціальный переворотъ при помощи національныхъ политическихъ реформъ, и *заняться дѣломъ федеративной организаціи ремеслъ, такъ какъ это единственное средство обезпечить успѣхъ соціальной революціи*. Такая федерація создастъ истинное представительство труда: она должна быть совершенно независимой отъ всякой правительственной политики" ***).

Въ резолюціи меньшинства (по составу очень смѣшаннаго: въ него входили самые отсталые, буржуазные

*) Стр. 25—26, изд. «Свободы».

**) Такъ назывались въ то время рабочіе союзы.

***) Приведено у J. Guillaume'a, „L'Internationale, documents et souvenirs", t. II, p. 15.

элементы Интернаціонала, вмѣстѣ съ революціонерами марксистскаго оттѣнка, во главѣ съ Утинымъ) говорится, наоборотъ, о вредѣ воздержанія отъ выборовъ и предлагается активное вмѣшательство въ парламентскую политику, въ видѣ рабочихъ кандидатуръ.

Съ этого времени Интернаціоналъ очень рѣзко дѣлится на два теченія: съ одной стороны — завоеваніе политической власти путемъ проникновенія въ существующія государственныя учрежденія, парламенты и проч.; съ другой — организація рабочихъ *вн*ѣ государства и противъ него. Второе теченіе не отказывалось отъ политики въ *широкомъ* смыслѣ слова, какъ не отказываются отъ нея и теперь анархисты и синдикалисты; оно отрицаетъ только политику *парламентскую, буржуазную, легальную*).

Одновременно съ этимъ обнаружились и различія въ организаціонныхъ взглядахъ: первые были централистами, вторые — федералистами. И это было неизбѣжно: взгляды той или иной категоріи всегда находятся между собою въ логической связи.

Программа завоеванія или захвата власти, *политическаго* переворота сверху внизъ, идеалъ „народнаго государства“ (Volksstaat) — все это ведетъ къ централизаторскому понятію объ общественной и партійной организаціи. Наоборотъ, общественный идеалъ свободнаго союза независимыхъ производительныхъ группъ и связанная съ нимъ программа *экономической* революціи снизу вверхъ, требуютъ проведенія федералистическихъ взглядовъ и въ вопросы настоящей борьбы. Вотъ почему, не только анархисты, но и революціонные синдикалисты оказываются федералистами, какъ были ими представители того же направленія, — ихъ предшественники въ Интернаціоналѣ.

Періодъ ожесточенной борьбы обѣихъ фракцій — отъ 1870-го года до гаагскаго конгресса 1872 года, былъ періодомъ постепенной разработки и рѣзкаго противупоставленія обѣихъ программъ. Взгляды федералистовъ выражаются особенно рѣшительно, особенно увѣренно и энергично; ихъ идеи провозглашаются повсюду, на всѣхъ конгрессахъ, во всѣхъ странахъ (въ Швейцаріи, въ Испаніи, въ Италіи, въ Бельгіи). Въ „Бюллетенѣ Юрской Федераціи“ мы находимъ рядъ статей о безполезности рабочаго законодательства, о томъ пріемѣ борьбы, который мы называемъ теперь „захватнымъ порядкомъ“ (action directe), о трэдъ-юніонахъ англійскаго типа (которые „Бюллетень“ подвергаетъ строгой критикѣ) — словомъ обо всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые ставятся теперь, съ тѣми же — нашими — рѣшеніями.

Гаагскій конгрессъ былъ, какъ извѣстно, сигналомъ распаденія Интернаціонала и гибели централистской, марксистской его части. Федералистическій Интернаціоналъ — за которымъ стояли всѣ дѣйствительно живыя, а не на бумагѣ только существующія федераціи — оказался болѣе живучимъ: онъ существовалъ до 1878 года, дѣятельно работая, поддерживая связи между федераціями, собирая ежегодные конгрессы. Интересно, что на Женевскомъ конгрессѣ 1873 года былъ выдвинутъ вопросъ о всеобщей стачкѣ *). Правда, понятіе о ней было еще очень смутное: отъ того, что говорилось тогда, до точности и опредѣленности взглядовъ теперешней французской Всеобщей Конфедераціи Труда — еще очень далеко, но знаменательно уже то, что вопросъ былъ поставленъ, и поставленъ именно федералистическимъ Интернаціоналомъ. Выдвинутъ онъ былъ бельгійцами; имѣлась въ виду международная всеобщая стачка, точнѣе говоря — начатая повсюду для поддержки революціи, вспыхнувшей въ какой нибудь одной странѣ. Бельгійскій делегатъ Верайкенъ указывалъ на значеніе, которое имѣла бы подобная стачка для поддержки напр. Парижской Коммуны или Испанской революціи. Другіе делегаты говорили объ осуществимости одновременной забастовки во всѣхъ странахъ, о необходимости предварительнаго развитія рабочихъ союзовъ, о частичныхъ стачкахъ, и т. д. Въ общемъ, всеобщая стачка, представлялась еще тогда стачкой „со сложенными руками“; о ея непосредственномъ переходѣ въ всеобщую экспропріацію еще не было рѣчи. Къ какому нибудь опредѣленному заключенію дебаты не привели, и въ принятой резолюціи говорится только о необходимости развитія международныхъ профессіональныхъ рабочихъ организацій.

Очень ясный отвѣтъ по вопросу о роли этихъ организаціи далъ послѣдній конгрессъ федералистическаго Интернаціонала (въ Вервье, въ 1877 г.). Пока профессіональный союзъ, говорится въ этой резолюціи, ставитъ себѣ цѣлью исключительно временныя улучшенія, онъ не приведетъ къ окончательному освобожденію рабочихъ. „Онъ долженъ поставить своею цѣлью уничтоженіе наемничества, т. е. уничтоженіе класса хозяевъ, и овладѣніе орудіями труда путемъ экспропріаціи ихъ владѣльцевъ“.

Итакъ, основная точка зрѣнія современнаго синдикализма — какъ и основная точка зрѣнія анархизма — находитъ себѣ очень ясное выраженіе у федералистовъ Интернаціонала, у тѣхъ, кого называли „бакунистами“, у Юрской Федераціи; точно также какъ современная соціальдемократія связана съ марксистской, централистической вѣтвью ассоціаціи.

Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ постановку этихъ же вопросовъ въ анархическомъ движеніи въ періодъ, послѣдовавшій за Интернаціоналомъ.

М. Изидинъ.

*) Дебаты по этому вопросу происходили въ закрытомъ засѣданіи и до сихъ поръ не были опубликованы; отчетъ о нихъ имѣется только въ рукописномъ протоколѣ засѣданія.

ОТВѢТЪ ТОВАРИЩУ.

Въ теченіе этихъ послѣднихъ тридцати-пяти лѣтъ произошла въ соціализмѣ глубокая дифференціація между соціализмомъ и соціальдемократіей. Въ самомъ началѣ, въ 1872 году, въ моментъ распаденія Интернаціонала на двѣ части, различіе это еще не было замѣтно. Оно ускользало, — по крайней мѣрѣ, отъ тѣхъ, которые не знали о закулисной работѣ послѣдователей Маркса, стремившихся отнять у Интернаціонала характеръ рабочей организаціи, стоящей за непосредственную борьбу рабочаго противъ капиталиста, и сдѣлать изъ него орудіе политической парламентской борьбы.

Переворотъ, задуманный ими на Гаагскомъ Конгрессѣ въ 1872 году, удался лишь на половину; большинство федераціи Интернаціонала рѣшило остаться тѣмъ, чѣмъ онѣ были сначала, — т. е. обширными рабочими союзами для прямой борьбы съ капиталистами. Но, такъ какъ Франція была принуждена молчать, а Германія опьянялась своимъ пангерманскимъ Рейхстагомъ, и слѣдовательно увлекалась политикой, — то марксистская партія, враждебная идеѣ рабочаго Интернаціонала, ведущаго непосредственную экономическую борьбу, была принуждена начать двойную работу. Во 1-хъ она работала, чтобы ослабить революціонный духъ среди рабочихъ и убѣдить ихъ, что достигнуть своего освобожденія они могутъ безъ революціи, путемъ парламентаризма; что черезъ такое-то количество лѣтъ, вычислявшееся Энгельсомъ съ ариѳметическою точностью, соціальдемократы получатъ въ Парламентѣ большинство голосовъ и произведутъ желанный переворотъ; а во 2-хъ, и это — главное, названная партія стала создавать цѣлую систему, получившую названі

«Марксизма», или «Научнаго Соціализма» [въ противоположность соціализму Французскому 1848 года, который они назвали «Утопическимъ»]. Эта система состоитъ въ цѣломъ рядѣ голословныхъ утвержденій, — не доказанныхъ и не доказуемыхъ, — стремящихся, прежде всего, убѣдить рабочаго, что соціализмъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ не осуществимъ; что рабочему, ради собственнаго интереса, нужно поддерживать капиталистическую систему, — помочь послѣдней достигнуть своего полнаго развитія [которое, въ силу гегелевскаго «отрицанія», приведетъ къ соціализму] и, слѣдовательно, ограничиться лишь полученіемъ, отъ капиталистовъ нѣсколькихъ второстепенныхъ уступокъ, но такихъ, которыя не воспрепятствовали бы побѣдоносному развитію капитализма вообще, такъ какъ безъ этого не придетъ пора соціализма.

Эта двойная работа, которая въ сущности подтачивала всѣ ссновы соціализма подъ предлогомъ постановки его на «научныя» основанія, и была исполнена соціальдемократіей. Въ результатѣ получилось то, что теперь разногласіе между анархистами и соціальдемократами уже не есть только вопросъ о средствахъ, или же споръ о далекомъ идеалѣ. Получилось глубокое расхожденіе въ пониманіи самой сущности соціализма, извращеннаго соціальдемократами, какъ теоретически, такъ и практически — разногласіе, почти такое же глубокое, какъ между буржуазіей и соціалистами

Весь соціализмъ приходится теперь пересмотрѣть сызнова, чтобы очистить его отъ буржуазной подтасовки, внесенной въ него соціальдемократами.

Прибавлю къ этому, что тѣмъ временемъ, за эти 35 лѣтъ развитія соціальдемократическихъ ученій, враждебныхъ революціонной дѣятельности рабочихъ противъ капиталистовъ, — буржуазія воспользовалась данною ей передышкою. Съ одной стороны, она преобразовала всѣ орудія эксплуатаціи (машины и т. д.), такъ, что теперь каждый рабочій приноситъ всякому толковому буржуа гораздо больше, чѣмъ приносилъ тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, при 12 и и 14-и часовомъ рабочемъ днѣ. Съ другой стороны, (и это въ особенности удалось въ Англіи, а частью и въ Бельгіи), буржуазія усердно работала, чтобы сгладить «классовый» характеръ рабочей массы, разбивая ее, и дѣлая изъ нѣкоторой части рабочихъ маленькихъ буржуа, заинтересованныхъ въ эксплуатаціи другихъ, отсталыхъ въ промышленности націй, а также въ покорени и эксплуатаціи черныхъ и желтыхъ расъ и въ эксплуатаціи чернорабочихъ — рабочими, знающими какое нибудь ремесло. Такъ, во время войнъ, которыя англійскіе буржуа затѣяли ради присвоенія себѣ Египта, а потомъ и Трансвааля, рабочіе вполнѣ поддерживали буржуазію, считая эти завоеванія выгодными для своей промышленности. «Гдѣ британскій флагъ—тамъ британская торговля» повторили они за Чамберлэномъ. Точно также англійская рабочая масса, въ концѣ восмидесятыхъ годовъ, вдругъ перестала интересоваться Ирландскою автономіею, какъ только узнала, что аграрное движеніе въ Ирландіи сильно уменьшило стоимость барскихъ имѣній, заложенныхъ у англійскихъ компаній, страхующихъ жизнь; вслѣдствіе чего сразу понизились прибавочныя суммы выплачиваемыя страховыми обществами своимъ весьма многочисленнымъ рабочимъ клієнтамъ, въ придачу къ основной суммѣ застрахованія. Что же касается до обращенія лучше оплачиваемыхъ рабочихъ въ своего рода новую буржуазію четвертаго сословія, то это широко практикуется теперь всѣми способами: ссудами, лестью, даже подкупомъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ Бельгіи, буржуазія даже дѣлаетъ годовые взносы, чтобы помогать рабочимъ покупать дома и становиться собственниками. Тамъ же гдѣ введенъ государственный капитализмъ (Швейцарія, Италія) правительство усердно создаетъ это четвертое сословіе привиллегированныхъ рабочихъ. Легко понять, какъ все это повліяло на измѣненіе самыхъ условій соціалистической борьбы, и какъ необходимо, немедленно пересмотрѣть теперешнія полубуржуазныя ученія, выдаваемыя соціальдемократіею за соціализмъ.

П. К.

ЕЩЕ ОБЪ АНАРХИЗМѢ И СІОНИЗМѢ.

Въ отвѣтъ на нашу статью, „Анархизмъ и Сіонизмъ", мы получили отъ того-же корреспондента отвѣтную статью. Къ сожалѣнію, она слишкомъ длинна, чтобы быть помѣщенною цѣликомъ, а потому я приведу только ея главную сущность и отвѣчу на нее.

Послѣ нѣсколькихъ очень прочувствованныхъ теоретическихъ замѣчаній, Ярблюмъ отвѣчаетъ на мои возраженія. „Тов. Кропоткинъ, пишетъ онъ, выступаетъ противъ сіонизма по двумъ причинамъ: первая практическая — непригодность Палестины для колонизаціи, и вторая принципіальная — что сіонизмъ является идеаломъ религіознымъ, слѣдовательно идущимъ въ разрѣзъ съ идеей анархизма. Разберемся въ этихъ двухъ пунктахъ".

На первое, Ярблюмъ отвѣчаетъ ссылкою на проф. Варбурга и другихъ. По ихъ мнѣнію, четверть страны, т. е. около 7,500 квадр. килом., можетъ быть использована подъ садовыя культуры; и если въ Палестинѣ, лѣтомъ вовсе не выпадаетъ дождей въ долинахъ, и очень мало въ горахъ, за то выпадаютъ обильные зимніе дожди, такъ что годовое количество дождя выше, чѣмъ оно бываетъ въ средней Германіи.

Говоря это, Варбургъ повторяетъ то, что извѣстно всѣмъ географамъ. Да, въ береговой полосѣ выпадаютъ зимою обильные дожди, и въ Палестинѣ есть небольшія пространства, годныя для культуры, — особенно около Яффы, (гдѣ и основана яффская земледѣльческая школа и колонія). Пространства, впрочемъ, очень небольшія, такъ какъ 7500 кв. килом., т. е. 750,000 десятинъ, — это меньше половины Варшавской губерніи, меньше одной десятой части Ирландіи. Вся же страна высыхаетъ, и безъ очень большой затраты труда не можетъ быть обработана. Повторяю: есть несравненно лучшія мѣстности въ Южной Америкѣ, гдѣ евреи, если бы у нихъ была охота къ земледѣлію, давно могли бы создать многочисленныя колоніи, вовсе не затрачивая той массы труда, которая потребуется, чтобы завести земледѣліе въ Палестинѣ.

Другое возраженіе Ярблюма привожу цѣликомъ:

«Сіонизмъ — и религія!! пишетъ Ярблюмъ. Если бы тов. Кропоткинъ поближе познакомился съ сіонизмомъ въ той формѣ, какъ его понимаютъ еврейскій пролетаріатъ и передовые элементы еврейства, онъ бы видѣлъ что это парадоксъ смѣшивать эти два понятія. Если есть въ еврействѣ какое нибудь теченіе по существу, по своему содержанію враждебное религіи — то это сіонизмъ. Это и замѣтили религіозно настроенные элементы еврейства и въ большинствѣ случаевъ всякими средствами боролись противъ него. Не въ одномъ хасидскомъ и раввинскомъ домѣ праздновался день смерти доктора Герцля! Тов. Кропоткинъ смѣшиваетъ два понятія, два теченія въ еврействѣ, изъ которыхъ одно отрицаетъ другое: мессіанизмъ и сіонизмъ. Первое теченіе является чисто религіознымъ. Оно основывается на вѣрѣ въ томъ, что долженъ прійти Мессія и освободить «избранный» Богомъ народъ и черезъ бумажный мостъ поведетъ ихъ въ Палестину. Сіонизмъ же — теченіе революціонное, оно говоритъ еврейскимъ массамъ: твое освобожденіе есть дѣло твоихъ собственныхъ рукъ, а не Бога и Мессіи. Сіонизмъ подрываетъ всякій корень религіи, сіонизмъ является тѣмъ теченіемъ, которое ускоритъ процессъ уничтоженія всякой вѣры въ высшаго, всякой религіи. Многіе противники наши этого не поняли, но за то уже еврейскіе религіозные элементы сейчасъ почуяли инстинктивно въ сіонизмѣ своего непримиримаго врага».

Съ такимъ пониманіемъ сіонизма нельзя согласиться. Если сіонизмъ вызвалъ такіе горячіе споры, то именно потому, что въ немъ, сколько мнѣ извѣстно, встрѣтилось нѣсколько теченій; а именно: 1) религіозный сіонизмъ, — самый главный, — котораго основа лежитъ во всей религіи, молитвахъ и традиціяхъ еврейскаго народа; 2) культурный сіонизмъ, или «духовное палестинофильство», стремящееся сейчасъ же, не дожидаясь переселенія, поднять культуру еврейскаго народа; и, наконецъ, 3) «политическій сіонизмъ» Герцля. Объ немъ и говоритъ Ярблюмъ, но онъ вовсе не единственный въ дѣйствительности.

Для этого «сіонизма», по моему глубокому убѣжденію, нѣтъ другаго пути, какъ отказаться отъ мечты — по моему, несбыточной, — о переселеніи еврейскаго народа въ страну, которая и для вполнѣ земледѣльческаго или садоводческаго населенія представила бы гром[illegible]я трудности, въ придачу къ тягостямъ всякаго переселенія; и во 2) серьезно заняться двойною работою: работою экономическаго и политическаго освобожденія евреевъ и работою культурнаго развитія націи на началахъ народныхъ [какъ это дѣлаетъ Богемія, Малороссія, Грузія и т. д.]. Эту громадную работу, революціонную и культурную, приходится совершать на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ еврейскій народъ живетъ теперь, и которыя онъ имѣетъ такое же право считать своими, какъ и всѣ другіе обитатели тѣхъ же пространствъ.

Если „политическій сіонизмъ" задастся этою громадною работою, онъ перестанетъ быть, и сіонизмомъ, —

и палестинизмомъ. Онъ станетъ народничествомъ. И тогда, его народническая мысль станетъ могучимъ рычагомъ для развитія всего еврейскаго народа и его народности.

Для совершенія этой работы незачѣмъ удаляться въ пустыню. Въ пустыню уходятъ только тѣ, кто хочетъ создать новую религію, т. е. именно тотъ элементъ, который всегда разъединялъ людей: — всѣ религіи разъединяютъ людей. Тѣ же, которые чувствуютъ необходимость культурнаго объединенія еврейскаго народа со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, будутъ развивать сокровища своей народности въ борьбѣ за свободу и независимость, тамъ, гдѣ ихъ застала современная исторія.

П. К.

ИЗЪ РОССІИ.

РЕЗОЛЮЦІИ, ПРИНЯТЫЯ НА КОНФЕРЕНЦІИ УРАЛЬСКИХЪ ГРУППЪ АНАРХИСТОВЪ-КОММУНИСТОВЪ

1907-го года 27-го апрѣля. *)

О СИНДИКАЛИЗМѢ.

Въ виду необходимости реагировать на политическій и экономическій ходъ вещей въ Россіи, мы считаемъ Синдикаты организаціей для борьбы; — находимъ, что нужно не пренебрегать борьбой за мелкія улучшенія, тамъ гдѣ она является борьбой прямою, революціонною, указывая при томъ на недостаточность мелкихъ улучшеній вплоть до полнаго освобожденія.

Мы считаемъ нашей главной задачей организовать нелегальные интерпартійные союзы между рабочими, крестьянами солдатами и въ другихъ слояхъ населенія, на почвѣ элементарныхъ интересовъ этихъ слоевъ, стремясь при томъ, переходя отъ частнаго къ общему, привести синдикатъ къ пониманію необходимости полнаго освобожденія экономическаго, политическаго и моральнаго.

Мы считаемъ возможнымъ участвовать и въ существующихъ синдикатахъ, работать въ нихъ нелегально и стремясь побѣдить существующій въ нихъ опортунизмъ. Мы считаемъ нужнымъ, чтобы союзы были безпартійными, и всюду, гдѣ политическія партіи будутъ стремиться сдѣлать изъ союзовъ орудіе ихъ политической борьбы, будемъ раскрывать ложь этой тактики. Задачей всякаго синдиката должно являться полное политическое, экономическое и интелектуальное освобожденіе.

ОРГАНИЗАЦІЯ ГРУППЫ.

Мы признаемъ два типа организацій: Групповую и Синдикальную. Группа есть организація активныхъ работниковъ, объединенныхъ на почвѣ добровольнаго соглашенія, для проведенія въ жизнь анархическихъ идей. Синдикальная организація есть союзъ активныхъ работниковъ изъ различныхъ организованныхъ слоевъ населенія. Та или другая форма организаціи принимается сообразно съ мѣстными условіями. Мы считаемъ необходимымъ составить общую федерацію анархическихъ группъ. Организація сношеній между отдѣльными группами можетъ вестись путемъ корреспонденціи, общаго органа и совѣщанія делегатовъ отъ группъ.

ОРГАНЪ.

Федерація группъ издаетъ федеративный органъ для разбора тактическихъ и организаціонныхъ вопросовъ. Для веденія его считаемъ нужнымъ три коммиссіи: редакціонная, техническая и экспедиціонная. Задачи редакціонной коммиссіи: собираютъ матеріалъ (корреспонденціи), сами составляютъ статьи по тактическимъ и организаціоннымъ вопросамъ, исправляютъ матеріалъ орфографически, грамматически и литературно, сокращая статьи по соглашенію съ авторомъ. Каждая группа посылаетъ делегата въ редакціонную коммиссію. Задачи технической коммиссіи: корректура и печатаніе. Задачи экспедиціонной коммиссіи — транспортъ.

Временно предоставляется одной изъ группъ издавать между-групповый органъ „Солидарность".

Мы получили эти резолюціи и печатаемъ тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ общій организаціонный интересъ.

Теперь извѣстно, что сигѣшный разгонъ Думы былъ произведенъ въ силу особаго приказа Николая II-го.

На послѣднемъ пріемѣ Столыпина въ Петергофѣ, онъ сказалъ министру: „Давно пора разогнать эту шайку соціалистовъ. Примите энергичныя мѣры — иначе будетъ слишкомъ поздно".

Намъ пишутъ изъ Бердичева. — Нѣсколько недѣль тому назадъ наши товарищи собрались и рѣшили вновь, послѣ долгаго перерыва, приступить къ работѣ. Товарищамъ были доставлены новыя связи съ рабочими сахарнаго завода и др. фабрикъ; съ ремесленниками у насъ постоянно имѣлись хорошія большія связи, и такимъ образомъ мы надѣялись сдѣлать большіе успѣхи. Но тутъ вышло другое. По чьей-то провокаціи жандармы узнали обо всемъ, и 6-го мая ночью Житомірскіе, Кіевскіе и Бердичевскіе жандармы, во главѣ съ полиціей, ворвались въ наши квартиры. Многіе товарищи во время обысковъ скрылись; только на одной квартирѣ былъ задержанъ одинъ нашъ товарищъ. Во время ареста онъ бросился къ Браунингу, для того чтобы дать отпоръ, но это ему не удалось, ибо онъ былъ схваченъ солдатами и обезоруженъ. Житомірскій и Кіевскій жандармскіе полковники заявили ему, что они заранѣе знали, что у него есть Браунингъ, и какъ онъ думаетъ ихъ встрѣтить, а потому они взломали дверь и себя обезпечили. Обыскъ продолжался 2 часа, ничего не было найдено, кромѣ Браунинга съ 50-ю патронами. Часа въ четыре, подъ сильнымъ конвоемъ солдатъ и городовыхъ товарищъ былъ отправленъ въ участокъ. Туда явились Кіевскій и Житомірскій полковники и заявили товарищу, что онъ имъ извѣстенъ, какъ популярный анархистъ и какъ организаторъ боевыхъ дружинъ, что онъ членъ редакціи „Бунтаря" и что документъ найденный при немъ — подложный.

Въ 6 часовъ утра того-же дня тов. отправили въ тюрьму. 8-го мая онъ былъ вызванъ въ контору; тамъ было очень много шпіоновъ, со слѣдователемъ въ главѣ, и предъявили ему рядъ новыхъ обвиненій, о которыхъ онъ знать не знаетъ.

Уходя изъ конторы въ камеру, товарищъ рѣшилъ во что бы то ни стало бѣжать, и имъ былъ сдѣланъ рядъ попытокъ къ побѣгу, но всѣ неудачныя. Въ субботу онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, на завтра, т. е. 13-го мая, бѣжать. Былъ организованъ планъ побѣга, и все было приготовлено. Въ воскресенье 13-го въ 3 часа дня, товарищъ, вмѣстѣ съ семью уголов. арест. бѣжали.

Сейчасъ послѣ ухода тюремная администрація узнала о побѣгѣ и началась погоня, но тутъ была брошена петарда, которая взорвалась и остановила преслѣдовавшихъ на время, потомъ была брошена бомба, которая не взорвалась.

Бѣжать пришлось черезъ огороды, черезъ заборы, а ихъ было до тридцати, пока очутились вблизи Житомірской, [возлѣ центра города], тутъ уже подоспѣла новая погоня и товарища чуть городовые не схватили, но онъ успѣлъ скрыться.

Теперь товарищъ внѣ опасности.

Что касается работы, то связи съ рабочими у насъ имѣются, и еслибъ къ намъ пріѣхалъ организаторъ и агитаторъ, то возможно было бы много успѣть, ибо почти всѣ рабочіе которые находились въ Бундовскихъ профессіональныхъ союзахъ, вышли изъ нихъ и организовали свои, которые очень близки къ намъ.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

АНГЛІЯ.

Англія была до сихъ поръ самой неблагодарной страной для соціалистической пропаганды; англійская рабочая масса, замкнутая въ узкомъ трэдъ-юніонизмѣ, была самой консервативной, самой неподвижной изъ всѣхъ, съ какими приходилось сталкиваться революціонерамъ. Революціонное движеніе поддерживалось тамъ до сихъ поръ исключительно выходцами изъ другихъ странъ — итальянцами, евреями, одно время французами, одно время нѣмцами. Къ мѣстнымъ рабочимъ пропаганда прививалась болѣе чѣмъ туго, хотя отдѣльнымъ лицамъ, напр. нашему товарищу Джону Тернеру, и удавалось завоевать себѣ извѣстное вліяніе въ трэдъ-юніонистской средѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ основана была газета «Voice of Labour» [Голосъ Труда], о которой мы въ свое время говорили. Газета эта, въ которой работаютъ наши товарищи, — направленія революціонно-синдикалистскаго; ея цѣль — насажденіе революціонныхъ идей среди англійскихъ

рабочихъ. Въ самое послѣднее время возникла и первая рабочая организація этого направленія: «Промышленный союзъ сторонниковъ прямого воздѣйствія» *) (Industrial Union of Direct Actionists). Въ № 20 „Голоса Труда" мы находимъ воззваніе новаго союза „къ наемнымъ рабамъ всего міра", съ изложеніемъ его принциповъ и цѣлей. Оно начинается съ критики стараго трэдъ-юніонизма, какъ движенія уже отжившаго свой вѣкъ и теперь только способствующаго созданію своего рода рабочей аристократіи. Союзы по ремесламъ, трэдъ-юніоны, должны быть замѣнены союзами по отраслямъ промышленности, говорятъ авторы воззванія, и, очевидно, поэтому и называютъ свою организацію «Промышленнымъ» союзомъ.**) Въ борьбѣ съ эксплуатаціей, говорится дальше, ни чистый юніонизмъ, ни политическій соціализмъ не могутъ дать ничего. «Время паліативовъ прошло, настало время освобожденія. Заявляя о своей враждебности ко всему, что заставляетъ рабочихъ разсчитывать на существующее провидѣніе или довѣрять лицемѣрному разбою парламентовъ, Союзъ рѣшительно провозглашаетъ свои антимилитарныя цѣли и свое намѣреніе организовать рабочихъ на боевыхъ началахъ. Принимая тѣ паліативныя уступки, которыя захочетъ сдѣлать капитализмъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается спустить красное знамя революціи, до тѣхъ поръ пока не будетъ завоевана свобода міра».

Для рабочаго движенія другихъ странъ эти идеи и эти слова, можетъ быть, — не новость, но для Англіи они знаменуютъ собою начало совершенно неизвѣстнаго до сихъ поръ въ рабочемъ мірѣ теченія. Понемногу, усиліями главнымъ образомъ нашихъ товарищей, проникнутъ и туда идеи революціоннаго рабочаго соціализма, т. е., въ концѣ концовъ, — наши идеи.

АНАРХИЗМЪ И МЕЛКІЕ СЛАВЯНСКІЕ НАРОДЫ.

Какъ уже извѣстно, анархизмъ въ Романскихъ странахъ достаточно подвинулся впередъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ, подобно свѣжей и животворной струѣ, нахлынулъ въ синдикаты, которые до того времени, подобно Германскимъ, вели спокойную жизнь, ограничиваясь мелкими интересами. Въ послѣдніе годы анархизмъ усилился и въ Россіи. Но я не стану говорить о движеніи въ Россіи и въ Польшѣ. Я хочу подѣлиться тѣми свѣдѣніями, которыя я имѣю относительно анархическаго движенія среди мелкихъ славянскихъ народностей и о значеніи его для нихъ.

Наиболѣе сильное анархическое движеніе оказывается, безъ сомнѣнія, въ Богеміи. Соприкасаясь съ одной стороны съ Пруссіей, стремящейся къ пангерманизму, а съ другой стороны — какъ составная часть Австро-Венгріи, Богемія, въ теченіе долгихъ лѣтъ борется за политическую свою независимость; но достичь для нея эту цѣль почти невозможно. Ея освобожденіе должно создаться на гибели Австріи, которая никогда не допуститъ самостоятельности Богеміи, тогда какъ Венгрія сама стремится къ своей независимости. Поэтому-то и разбиваются политическія партіи въ Богеміи, тогда какъ анархизмъ находитъ живой источникъ для своего развитія.

Со своимъ широкимъ интернаціонализмомъ, онъ протягиваетъ руку невольному Австрійцу, Венгерцу, Словинцу, Хорвату и Чеху, приглашая ихъ къ борьбѣ противъ всякой власти, хотя бы и Чешской. Въ противномъ случаѣ, всегда останутся мелкія народности, которыя будутъ вздыхать о своемъ прошломъ и протестовать противъ тиранніи національностей болѣе сильныхъ.

Не смотря на строгіе законы, анархизмъ нашелъ въ Богеміи почву, какъ среди интеллигенціи, такъ и среди рабочихъ, въ особенности углекоповъ. Въ Богеміи издаются 4 чисто анархическихъ органа: „Нова Омладина", теперь „Комуна" — выходитъ 3 раза въ недѣлю и печатается въ количествѣ 10,000 экземпляровъ; „Праце" — 2 раза въ мѣсяцъ, въ 5-6000 экз.; „Безвлаги" — выходитъ 10 разъ въ годъ, по 3-4000 экз.; и „Матице Свобода" — 10 разъ въ годъ, въ количествѣ 1000-2000 экземпляровъ.

И такъ всякій мѣсяцъ анархическая печать распространяется въ количествѣ не менѣе 125,000 экз., что является не мало для страны, гдѣ всего имѣется 10 милліоновъ жителей.

Какъ я сказалъ уже, анархизмъ пробилъ себѣ путь въ рабочій классъ. Во всей сѣверной Богеміи, а въ особенности въ Духцовскомъ округѣ, съ его знаменитыми каменноугольными копями, всѣ почти рабочіе находятся подъ сильнымъ вліяніемъ анархизма. Изъ нихъ нѣсколько тысячъ входятъ въ кадры свободныхъ анархическихъ организацій, и теперь пытаются образовать общую федерацію всѣхъ рабочихъ въ Богеміи. На послѣднемъ, чисто анархич. конгрессѣ въ Прагѣ, явилось 160 делегатовъ отъ 8,000 человѣкъ. Таково приблизительно движеніе въ Богеміи.

Перейдемъ теперь къ Сербіи. Эта маленькая славянская держава, сосѣдка Австріи, имѣетъ бурное прошлое: заговоры, сверженіе и убійство своихъ владѣтелей; въ послѣднее же время тамъ произошли отреченіе Милана и убійство его сына Александра I.

Недовольствомъ народа тамъ всегда пользовались приверженцы двухъ враждующихъ династій, а положеніе народа вовсе не измѣнялось, не смотря на то царствовали-ли Карагеоргіевичи или Обреновичи. Шовинизмъ въ ней громаденъ, такъ же какъ и политиканство, но они не измѣнили сущности дѣла, хотя соц.-дем. партія и имѣетъ представителей въ скупщинѣ [парламентѣ].

Въ январѣ настоящаго года впервые начали говорить о людяхъ, которые не только не націоналисты, но отрицаютъ и парламентъ. Нечего говорить, что правительство нынѣшняго короля Петра I. уже перепугалось. Четыре мѣсяца тому назадъ началъ издаваться въ Бѣлградѣ анархическій органъ „Радничка Борба" [Рабочая борьба]. Онъ имѣетъ небольшой форматъ газеты и выходитъ по одному разу въ недѣлю. Онъ горячо пропагандируетъ общую стачку, какъ прелюдію соціальной революціи, и революціонный синдикатъ гдѣ рабочіе могутъ проникнуться анархическими идеалами. Объ анархическомъ движеніи, конечно, рано еще говорить, такъ какъ въ 4 мѣсяца едвали могло бы создаться нѣчто подобное; но не безъинтересно самое развитіе газеты „Радничка Борба", которое можетъ указать болѣе или менѣе, — нашло ли это движеніе подходящую почву.

Первый номеръ вышелъ въ такомъ маломъ количествѣ экземпляровъ, что смѣшно даже подумать: ихъ было напечатано всего 300. Второй номеръ также въ 300; когда я узналъ объ этомъ мнѣ стало грустно, я былъ увѣренъ, что газета перестанетъ издаваться. Но 3-й номеръ появился въ 400 экз; 4 й въ 600, 5-й, 6-й и 7-й — въ 700; 8-й, 9-й и 10-й номера были конфискованы, а теперь 17-й номеръ вышелъ въ 1000 экз. Сами-же редакторы, Пицваричъ и Милутинъ, были преданы суду, но оправданы.

Начало сдѣлано, и будущее покажетъ его результаты.

Сосѣдка Сербіи — Болгарія, въ которой анархизмъ, мы должны въ этомъ признаться, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, дѣлаетъ попытки къ развитію, но увы! безуспѣшно. Одни изъ анархистовъ погибли въ борьбѣ за освобожденіе Македоніи, другіе же, не находя сочувствія, зарылись въ будничные интересы. Но это усыпленіе съ нѣкотораго времени, а въ особенности съ появленіемъ анарх. газеты «Свободно Общество», исчезло, и мало по малу отдѣльныя личности стали группироваться около нея. О судьбѣ «Св. Об.» я говорить не буду, такъ какъ объ этомъ достаточно подробно было писано въ 12-мъ номерѣ Листковъ „Х. и В."

Вслѣдъ за изданіемъ закона, по которому лишь лицо съ высшимъ образованіемъ и платящее не менѣе 100 франковъ прямыхъ податей имѣетъ право на изданіе газеты съ политическимъ характеромъ, «Св. Об.» пріостановилось. Правительство моментально создало законъ, по которому анархисты будутъ судиться лишь военнымъ судомъ.

Начались митинги, стали писать резолюціи, требовать уничтоженія закона противъ анархистовъ; но ничего не измѣнилось, такъ какъ все ограничивалось словами.

«Св. Об.» пріостановилось, но не — движеніе. Въ короткое время появились переводы слѣдующихъ книгъ: «Біографія Э. Реклю» — Ж. Месниля; „Послѣ революціи" — Ж. Грава; „Идеалъ и Философія Анархизма" — П. Кропоткина; „Свободное Воспитаніе"—Д. Нювенхюйса и „Мученики Чикаго" — Иліашвили.

Но не только въ этихъ странахъ началось анархическое движеніе; оно имѣется также и въ сосѣднихъ неславянскихъ странахъ, которыя всегда играютъ извѣстную роль въ жизни Славянъ, какъ напр. въ Греціи. Оно достаточно распространено въ Румыніи, такъ что нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительство безъ всякаго стѣсненія съ жестокостью изгнало изъ предѣловъ королевства многихъ анархистовъ. Въ то время вся пресса была занята этимъ. Наконецъ, въ Венгріи, этомъ врагѣ Славянъ, насколько мнѣ извѣстно, выхо-

*) Т. е. — захватнаго порядка.

**) Въ сущности всѣ ремесленные союзы и безъ того къ этому стремятся. Ред.

дить анархическій органъ, «Соціальная Революція» подъ редакціей извѣстнаго пропагандиста Ервинъ Бачани.

Всѣ эти восточныя народности ненавидятъ другъ друга. Интересы Болгаріи, Сербіи, Греціи и отчасти Румыніи сталкиваются въ несчастной Македоніи, гдѣ три первыя образуютъ повстанскія банды и терроризуютъ населеніе: если оно болгарское — то за то, что оно не хочетъ быть Греческимъ или Сербскимъ, и на оборотъ: Банды эти убиваютъ болѣе развитыхъ людей за то, что они экзархисты, а не патріархисты, создаютъ сербомановъ, грекомановъ: однимъ словомъ, всѣ три правительства дѣйствуютъ такъ, подъ предлогомъ освобожденія Македоніи, чтобы завладѣть ею, если не вполнѣ, такъ хоть захвативши аппетитный кусокъ. Что касается до Австрійской имперіи, то тамъ Чехи, Хорваты, Босня-Герцеговинцы, Славаки, Галичане, — всѣ стремятся къ независимости, гдѣ свобода однихъ должна будетъ построиться на порабощеніи другихъ и разрушеніи Австро-Венгріи.

Гдѣ же тогда исходъ?

Единственное спасеніе отъ насильственнаго поглощенія однихъ другими, единственный исходъ изъ смертоноснаго для нихъ-же столкновенія — широкій интернаціонализмъ. Ихъ не спасутъ южно-славянскія конфедераціи и любвеобильныя конференціи при теперешнемъ строѣ. Нѣтъ, — ихъ можетъ спасти лишь широкій интернаціонализмъ и бездержавный коммунизмъ!

Не интернаціонализмъ Германской Соц.-Дем., не интернаціонализмъ Бебеля. Ихъ спасетъ лишь безпредѣльный, глубокій Интернаціоналъ, въ которомъ, какъ въ широкомъ морѣ соберутся слезы, страданія и надежды мелкихъ славянскихъ народностей, соберутся въ гиганскую войну горести и бѣды всѣхъ народовъ, и война эта, какъ девятый валъ, бросится на теперешній строй, а со дна этого моря возникнетъ, во всякомъ случаѣ міръ болѣе прекрасный.

Иначе, при борьбѣ другого рода, человѣчество никогда не будетъ жить, а всегда только прозябать!

К. Бездомный.

София.

БИБЛІОГРАФІЯ.

За Народъ! Газета Всероссійскаго Союза солдатъ и матросовъ. № 1. 2-го апр. 1907 г. Изданіе Центральнаго Комитета П. С.-Р.

Газета «За Народъ» представляетъ изъ себя образецъ наихудшаго типа «популярной» революціонной литературы. Центральному Комитету желательно склонить одѣтаго въ мундиръ пролетарія на сторону своей партіи. Этого онъ пытается достигнуть подмѣномъ «требованій трудового народа» партійными вожделѣніями (см. стр. 1, столбецъ 2 внизу), разъясненіемъ д о л г а матросовъ и солдатъ бороться за эти требованія и предписаніемъ опредѣленнаго способа борьбы: «гарнизонное собраніе [выборные отъ матроскихъ и солдатскихъ комитетовъ] съ помощью Всероссійскаго офицерскаго союза д о л ж н о (курсивъ мой) выработать планъ возстанія и руководить имъ поддерживая с т р о г у ю в о е н н у ю д и с ц и п л и н у (курс. мой)». «Гарнизонное собраніе объявляетъ возстаніе всего гарнизона, если Союзъ признаетъ такое возстаніе н е о б х о д и м ы м ъ в ъ о б щ е м ъ х о д ѣ р е в о л ю ц і о н н о й б о р ь б ы н а р о д а. [курс. мой]». На его же обязанности (и комитетовъ частей) лежитъ не допускать отдѣльныхъ выступленій частей гарнизона. Потомъ слѣдуетъ грубо-шутовской «раешникъ», довольно неумѣстный въ органѣ издаваемомъ социалистической партіей; статья съ вылазками противъ кадетовъ, численное преобладаніе коихъ въ составѣ первой Думы обусловило, по мнѣнію редакціи, отказъ воспользоваться помощью донцовъ, предложенной, по слухамъ, первой Думѣ на случай роспуска. Кадеты — люди «которые отлично умѣютъ г о в о р и т ь, но когда нужно д ѣ й с т в о в а т ь съ опасностью для жизни, — у нихъ поджилки дрожатъ. Людей рѣшительныхъ — трудовиковъ и соціалистовъ — было въ первой Думѣ мало».... Любопытно было бы видѣть д ѣ й с т в і я второй Думы, гдѣ ихъ не мало. Затѣмъ — рифмованныя [и, кстати сказать, довольно топорно] угрозы за стрѣльбу въ народъ, играющія на рабскомъ чувствѣ страха возмездія; нѣсколько общихъ фразъ «о соціализмѣ», корреспонденціи, хроники и, наконецъ, «словотолкователь», объясняющій слѣдующія необходимыя слова: „трибуна, программа, парламентъ, привиллегія, конференція, резолюція" франкъ и брошюра" [если остальныхъ хитрыхъ словъ, коихъ въ газетѣ не мало, не поймутъ — не бѣда] — таково содержаніе газеты. Напрасно наивный „служивый" сталъ бы искать въ ней отвѣта на волнующіе его общіе вопросы. Онъ не найдетъ здѣсь ни слова и о сущности милитаризма. И это вполнѣ понятно; общій взглядъ и отношеніе къ арміи у П.-К. таковъ же, что и у „властей предержащихъ", иного же и быть не можетъ у представителей теченія, мечтающаго на развалинахъ самодержавія укрѣпить новыя «незыблемыя основы», сохраненію которыхъ отнюдь не способствовало бы развитіе „вольнаго духа" въ арміи и знакомство ея съ антимилитаристскими идеями, такъ тѣсно, связанными съ антигосударственностью.

В. З.

Товарищи

Лѣтомъ, во всѣхъ нашихъ группахъ всегда чувствуется застой, и дѣло распространенія газетъ всегда замедляется. Съ другой стороны, состояніе моего здоровья требуетъ отдыха. Мы рѣшили поэтому пріостановить выходъ слѣдующаго номера нашей газеты до середины сентября. Мы просимъ однако товарищей, по прежнему присылать корреспонденціи, письма, взносы и т. д. по прежнему адресу. Если къ осени накопится много матеріяла и взносовъ, — тѣмъ лучше: мы выпустимъ двойные номера, а перерывомъ мы постараемся воспользоваться для изданія нѣкоторыхъ брошюръ.

П. Кропоткинъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено за литературу: Изъ Лидза, черезъ Г. 6 шил. Изъ Нью-Іорка черезъ J. A. 20 дол. Изъ Нанси черезъ Г. 10 фр. Изъ Парижа, черезъ И. В. 42 фр. 65 сант. Изъ Buenos Ayres, за брошюры, черезъ Русскую Группу, 5 дол.

Вышли изъ печати брошюры:

1) РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И АНАРХИЗМЪ

Сборникъ статей, подъ редакціей Петра Кропоткина.

Цѣна: 3 пенса; 40 сантимовъ; 10 сентовъ.

2) ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

П. Кропоткина.

(Статьи напечатанныя въ „Л. Х. и В.", съ дополненіями.)

Цѣна: 2 пенса; 25 сантимовъ; 5 сентовъ.

3) О РАБОЧИХЪ СОЮЗАХЪ.

К. Оргеіани.

(Статьи напечатанныя въ „Л. Х. и В.", съ дополненіями.)

цѣна: 2 пенса; 30 сантимовъ; 8 сентовъ.

Подписка на Листки „Хлѣбъ и Воля" [1 шиллингъ 6 пенсовъ. — 1 фр. 85 с., — 35 центовъ, за полгода] принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ: —

A. WESS, 64, Capworth Street, Leyton, London, E.

Temps Nouveaux, 4, rue Broca, Paris.

E. Held, 49 rue de Carouge, Geneve, Suisse.

Туда же просимъ адресоваться по всѣмъ вопросамъ администраціи и по заграничной перепискѣ. Желающихъ же присылать корреспонденціи изъ Россіи просимъ адресовать ихъ сперва къ своимъ знакомымъ за границею — для пересылки намъ по одному изъ выше-указанныхъ адресовъ.

Printed by O. Kushniaroff. 163. Jubilee Street. Mile End. London, E.